зала III 37.
шкафъ 8.
полка 3.
№ 1 1.
Проверено 1950

37. 8. 3. 1.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

ЮБИЛЕЙНОЕ (ШЕСТОЕ) ИЗДАНІЕ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

О

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКОМЪ,

Составленный профессоромъ С. Н. Булгаковымъ.

Съ тринадцатью приложеніями.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. Ѳ. Пантелѣева. Подольская, 34.
1906.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

ЮБИЛЕЙНОЕ (ШЕСТОЕ) ИЗДАНІЕ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

О

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКОМЪ,

Составленный профессоромъ С. Н. Булгаковымъ.

Съ тринадцатью приложеніями.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Л. Ф. Пантелѣева. Подольская, 34.
1906.

Гос. Публичная Б-ка

Глубокоуважаемая

Анна Григорьевна,

Приношу Вамъ мое усердное извиненіе въ томъ, что новое Ваше изданіе произведеній Ѳ. М. Достоевскаго должно появиться безъ обѣщаннаго мною критическаго очерка. Мнѣ понятны мысли и чувства, заставившія Васъ признать неудобною для напечатанія статью мою «*Пророкъ русской революціи*», которая была написана для этого изданія и въ назначенный срокъ представлена Вамъ (въ настоящее время она уже появилась отдѣльною книгою). Высказанные въ этой статьѣ взгляды на нѣкоторыя самыя завѣтныя вѣрованія Ѳ. М. Достоевскаго—самодержавіе, православіе, народность—такъ не совпадаютъ съ установившимся въ русскомъ общественномъ мнѣніи пониманіемъ произведеній этого писателя, что я тогда же согласился съ Вами, что, можетъ быть, подобной статьѣ не мѣсто въ классическомъ юбилейномъ изданіи. Но ни измѣнить этотъ взглядъ, ни даже высказать его въ болѣе умѣренной формѣ я не въ силахъ, хотя вполнѣ понимаю, что взглядъ мой можетъ показаться недостаточно объективнымъ.

Вы повѣрите, я надѣюсь, что мнѣ прискорбно не только нарушить данное обѣщаніе, но и не воспользоваться случаемъ принести посильную дань моей безграничной благодарности и благоговѣнія къ великому писателю. Еще разъ извиняюсь предъ Вами и прошу передать мои извиненія читателямъ.

Искренно преданный Вамъ

Д. Мережковскій.

15/28 Сентября 1906.
Парижъ.

ОЧЕРКЪ
О
Ѳ. М. ДОСТОЕВСКОМЪ.

Чрезъ четверть вѣка (1881—1906).

Подъ громы революціи, при багровомъ заревѣ всероссійскаго пожара, въ атмосферѣ, полной испареніями крови, приходится намъ править 25-лѣтнюю тризну по Ѳ. М. Достоевскомъ. Къ нашему времени можно примѣнить образъ изъ новозавѣтной пророческой книги, столь близкой духу Ѳ. М.: «И вышелъ другой конь рыжій; и сидящему на немъ дано было взять миръ съ земли и чтобы убивали другъ друга». Царство апокалиптическаго рыжаго коня и всадника его теперь наступило въ Россіи. Горитъ русская земля, огонь быстро уничтожаетъ долголѣтнія сооруженія и преображаетъ лицо ея. Пережитая четверть вѣка не есть обычные 25 лѣтъ жизни, въ которые съ медленностью геологическаго процесса нечувствительно откладываются историческіе осадки, скорѣе она (въ послѣдней своей части) уподобляется вулканическому изверженію, въ короткое время измѣняющему рельефъ. Изверженіе продолжается и далеко еще до его конца, но достаточно и совершившагося, чтобы считать эту эпоху временемъ исключительнаго удѣльнаго историческаго вѣса. Поэтому насъ отдѣляетъ отъ могилы Достоевскаго не четверть вѣка,— хотя и за это время успѣли вымереть большинство провожавшихъ его къ мѣсту вѣчнаго успокоенія и возрасти поколѣнія, не знавшія при жизни Достоевскаго (къ такому принадлежитъ и авторъ),— но цѣлая эпоха, и какъ Россію 1860 года отъ 1862 года отдѣляетъ не годъ, а историческая грань, такъ и конституціонную de jure и революціонную de facto Россію отъ самодержавной Россіи отдѣляетъ тоже огромное разстояніе. За это время преобразился не только политическій, но и духовный ликъ Россіи. Въ теченіи ка-

кихъ нибудь нѣсколькихъ мѣсяцевъ художникъ такого таланта какъ Чеховъ, становится изобразителемъ уже вчерашняго, минувшаго дня, а такіе современники Достоевскаго какъ Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ совсѣмъ отходятъ въ даль исторіи. Время есть лучшее испытаніе прочности какъ подлинныхъ такъ и фальшивыхъ цѣнностей, а теперешній огонь исторіи испытываетъ ихъ съ яростною силой. И, какъ это всегда бываетъ, то, что наиболѣе угождало и льстило вкусамъ современности, скорѣе и безповоротнѣе всего опускается на самое глубокое дно исторіи, и сохраняется только то, что̀ служитъ вѣчности, а не суетѣ, великимъ и отдаленнымъ, а не случайнымъ цѣлямъ, что̀, по слову Достоевскаго, «измѣряется не немедленной пользой, а стремитъ будущее людей, къ цѣлямъ вѣковѣчнымъ, къ радости абсолютной». И какъ для опредѣленія контура и высоты горной вершины нужно отойти отъ нея на разстояніе, которое для нея не страшно, а наоборотъ необходимо для перспективы, такъ на разстояніи выясняется и дѣйствительное величіе генія, разсмотрѣть которое мѣшаютъ мелочи современности. Достоевскій также не боится времени, напротивъ, все ярче и отчетливѣй онъ выступаетъ предъ нашимъ духовнымъ взоромъ во всемъ своемъ суровомъ и нѣсколько жесткомъ величіи, со всей угловатостью, пропастями, обвалами, даже трясинами, но и съ сіяніемъ розовой зари вѣчности на вершинѣ. За истекшую четверть вѣка русское общество, хотя далеко еще не научилось въ должной мѣрѣ цѣнить своего Достоевскаго, но все-же знаетъ его гораздо лучше и понимаетъ глубже нежели его современники. Израненное сердце и мучительный духъ его стали ближе нашей современности, многое уже пережившей, многое узнавшей, еще больше подозрѣвающей и приближающейся къ «послѣднему отчаянію»,—ближе, чѣмъ къ все-таки еще наивнымъ и въ ребяческой безмятежности самодовольнымъ и успокоеннымъ въ этомъ самодовольствѣ 60—70 годамъ. Складка трагизма жизни и исторіи прошла глубже, мы стали воспріимчивѣй къ страшной сторонѣ жизни съ ея трагической бездной, провалами, лишь прикрытыми зеленой травой, обманывающей только юный и неопытный взоръ. Волей-неволей, но мы серьезнѣй начинаемъ воспринимать жизнь и задумываться о ней, нежели предыдущія поколѣнія. Послѣ благочестиваго обожанія сначала Фогта и Молешотта, Бокля и Льюиса, Конта и Фейербаха, позднѣе Лассаля и Маркса мы познакомились съ трагическимъ образомъ Ницше, съ проповѣдью Толстого и философскими прозрѣніями Влад. Соловьева, прокатилась волна декаденства, «идеализма», пережитъ цѣлый рядъ новыхъ впечатлѣній. И теперь мы стали внимательнѣе прислушиваться, о чемъ такъ мучаются и такъ страстно и иногда темно говорятъ герои

Достоевскаго самыя задушевныя рѣчи, къ которымъ такъ удивительно глухи оставались его современники (посмотрите критики того времени, даже такихъ корифеевъ какъ Добролюбовъ, Михайловскій). Для нашего поколѣнія интересенъ уже *весь* Достоевскій, какъ онъ былъ въ дѣйствительности, а не какъ обкарнала его и отпрепарировала публицистическая критика, искавшая въ немъ лишь соціальнаго обличенія. Много-ли, мало-ли теперь людей, питающихся духомъ Достоевскаго или-же вполнѣ сознательно отъ него отталкивающихся, но подлинный Достоевскій нашимъ поколѣніемъ уже замѣченъ, мы знаемъ его во всю величину, и это есть во всякомъ случаѣ историческій фактъ, неоспоримое и неотъемлемое пріобрѣтеніе русскаго сознанія въ истекшую четверть вѣка, и съ констатированія этого несомнѣнно отраднаго факта мы и считаемъ умѣстнымъ начать этотъ очеркъ. Русское общество вступаетъ въ наслѣдство, отъ котораго такъ долго отказывалось, ибо всей цѣнности его не понимало, и теперь мы уже не разстанемся съ нимъ, тѣмъ болѣе, что развивающаяся жизнь даетъ все новыя подтвержденія необыкновенной, почти загадочной прозорливости Достоевскаго.

Въ настоящемъ очеркѣ *) я не предполагаю говорить о Достоевскомъ вообще какъ о художникѣ и мыслителѣ. Тема этого очерка, предназначеннаго служить введеніемъ къ юбилейному изданію его сочиненій, которое появляется въ самый развалъ революціи, опредѣляется сама собой. Въ эти великія историческія минуты къ намъ какъ-бы входитъ Достоевскій, какимъ мы его знаемъ, и невольно хочется мысленно пережить *съ нимъ* развертывающіяся предъ нами событія, отгадать его слово о нихъ, сдѣлать попытку раскрыть сомкнутыя смертью уста, со всей почтительностью, какую внушаетъ намъ наша любовь къ нему, но и со всей искренностью и правдивостью, къ которой эта любовь обязываетъ. Мы знаемъ, какъ трудна и отвѣтственна подобная задача, но, разъ взявшись за перо, чтобы писать здѣсь о Достоевскомъ, уже не считаемъ возможнымъ отъ нея уклониться. Мы хорошо понимаемъ, что подобная реконструкція есть, конечно, только намекъ, блѣдная схема, совершенно не вмѣщающая того могучаго роста духа Достоевскаго, который мы необходимо должны-бы предположить,—приходится брать его только такимъ, какимъ онъ былъ въ тотъ отдаленный и сравнительно глухой моментъ исторіи. Мы можемъ предположительно

---

*) Ср. наши другіе очерки о Достоевскомъ: „Иванъ Карамазовъ какъ философскій типъ“ (въ сборникѣ „Отъ марксизма къ идеализму“), „Васнецовъ, Достоевскій. Вл. Соловьевъ, Л. Толстой (Параллели)“ (въ сборникѣ „Литературное Дѣло“), „Вѣнецъ терновый“ („Свобода и культура“, № 1).

опредѣлять отношеніе его къ послѣднимъ историческимъ событіямъ, но не въ состояніи учесть того, что внесъ-бы въ это отношеніе его живой и развивающійся духъ, ставить и рѣшать вопросы въ его духѣ, но не въ его силѣ.

Чтобы опредѣлить отношеніе Достоевскаго какъ къ современной ему жизни, такъ и къ теперешнимъ событіямъ, необходимо твердо установить основы его міровоззрѣнія, его идеалы. Охарактеризовать ихъ можно однимъ только словомъ: Достоевскій былъ *христіанинъ*. Однако, кажется, не было еще въ исторіи понятія, которое было-бы столько перетолковываемо на разные лады, какъ это, и такое опредѣленіе требуетъ еще объясненія: въ чемъ именно выражалось христіанство Достоевскаго, какъ самъ онъ понималъ это послѣднее? Мы не можемъ, конечно, притязать проникнуть въ самые тайники его религіозной жизни, открытые одному Богу, но возможно опредѣлить, по крайней мѣрѣ, его религіозныя воззрѣнія, ея логическую, интеллектуалистическую сторону. Извѣстно, что во всѣ времена исторіи наибольшимъ религіознымъ соблазномъ для человѣчества является идолопоклонство и неразрывно связанное съ нимъ многобожіе. Богъ — одинъ, идоловъ-же можетъ быть множество и на небеси горѣ, и на земли низу и подъ землею, и поскольку идолы овладѣваютъ частью человѣческаго сердца, они отдѣляютъ ее отъ истиннаго Бога. Подобное частичное идолопоклонство, многобожіе существуетъ и въ современномъ христіанствѣ, поскольку оно ограничивается областью храмоваго благочестія, предоставляя всѣ остальныя сферы жизни мірскимъ стихіямъ, т. е. ложнымъ богамъ или идоламъ, ибо религіозная природа не терпитъ пустоты и этотъ религіозный horror vacui и приводитъ къ идолопоклонству. Въ теперешнемъ христіанствѣ идоламъ отдана вся такъ называемая свѣтская жизнь, ушедшая изъ-подъ вліянія христіанства,— государственность, общественность и культура*). Такое ограниченіе сферы вліянія христіанства принципіально является недопустимой уступкой языческому политеизму и нарушеніемъ заповѣди: «да не будутъ тебѣ бози иные развѣ Мене», отпаденіемъ отъ монотеизма. Достоевскій исповѣдовалъ вселенское и универсальное христіанство въ сознательной противоположности господствующему многобожію, и его постановка вопроса въ религіозной области была: все или ничего. Какъ никто онъ освѣтилъ всѣ ужасы религіознаго сомнѣнія, опускаясь въ самую глубокую пропасть религіознаго отчаянія, чрезъ все его творчество проходятъ мотивы сверлящаго, мучитель-

*) Ср. нашъ очеркъ „Церковь и культура“ въ сборникѣ „Вопросы религіи“, вып. I. Москва. 1906.

наго сомнѣнія и надтреснутости: есть-ли Богъ, можно-ли вѣрить въ Бога? И значеніе этихъ мукъ и этихъ вопросовъ возрастаетъ потому, что Достоевскій понималъ, что̀ именно значитъ вѣра, что̀ она даетъ и къ чему обязываетъ. Мученикъ религіозной идеи, «мученикъ Бога», онъ сталъ таковымъ именно въ силу своего пониманія, что только объ этомъ, въ концѣ концовъ, и нужно, и стоитъ мучиться. Въ черновыхъ наброскахъ къ *Бѣсамъ*, впервые печатающихся въ настоящемъ изданіи и принадлежащихъ, безспорно, къ числу драгоцѣнныхъ страницъ Достоевскаго (сцена посѣщенія Ставрогинымъ епископа Тихона по силѣ и важности равняется съ сильнѣйшими мѣстами «Братьевъ Карамазовыхъ» въ этомъ родѣ) есть нѣсколько разговоровъ Ставрогина (первоначальный образъ котораго задуманъ былъ богаче и сложнѣе, вообще нѣсколько иначе, чѣмъ онъ выполненъ въ романѣ) съ разными лицами, въ числѣ ихъ и съ славянофиломъ Шатовымъ. Онъ сосредоточивается около вопроса: вѣруетъ-ли кто нибудь и возможно-ли вѣровать.

„Дѣловые люди, считающіе эти вопросы пустыми и возможнымъ жить безъ нихъ, суть черни и букашки, трава въ огнѣ... дѣло въ настоятельномъ вопросѣ: можно-ли вѣровать бывъ цивилизованнымъ, т. е. европейцемъ? То есть вѣровать безусловно въ божественность Сына Божія Іисуса Христа (ибо вся вѣра только въ этомъ и состоитъ)... Вѣдь мы съ вами, Шатовъ, знаемъ... что Христосъ — человѣкъ не есть Спаситель и источникъ жизни, а одна наука никогда не восполнитъ всего человѣческаго идеала и что спокойствіе для человѣка, источникъ жизни и спасеніе отъ отчаянія всѣхъ людей и условіе sine qua non для бытія всего міра заключается въ трехъ словахъ: *слово плоть бысть и вѣра въ эти слова*. Рано-ли, поздно-ли, всѣ согласятся съ этимъ, а, стало быть, весь вопросъ опять таки въ томъ: можно-ли вѣровать во все то, во что Православіе велитъ вѣровать? Если же нѣтъ, то гораздо лучше, гуманнѣе — все сжечь и присоединиться къ Верховенскому“.

Или вѣра, или жечь—это безупречная постановка вопроса. Отвѣтить на этотъ вопросъ такъ или иначе своею душой, сердцемъ, жизнью есть дѣло каждаго, можетъ быть, первое и единственное, ни съ чѣмъ несравнимое жизненное дѣло, уйти же отъ этой альтернативы, по крайней мѣрѣ, при извѣстной степени религіозной зрячести тоже нельзя: или Богъ или хаосъ, уничтоженіе и самоуничтоженіе. Достоевскій не разъ останавливался на вопросѣ о самоубійствѣ по религіознымъ мотивамъ, на всей логической неизбѣжности такого самоубійства при невѣріи,—въ художественномъ образѣ эта мысль выражена въ образѣ религіознаго нигилиста-самоубійцы Кириллова (въ «*Бѣсахъ*»), полухудожественный характеръ имѣетъ также поразительный по силѣ и ясности мысли «*Приговора*» добровольнаго самоубійцы (въ «*Дневникѣ Писателя*»), «присуждающаго

къ уничтоженію природу вмѣстѣ съ собой, но за невозможностью истребить природу истребляющаго самого себя». Столь-же часто—и въ художественной и публицистической формѣ—останавливался Достоевскій на той-же идеѣ, но въ другомъ ея выраженіи, именно, что безъ религіозной вѣры въ личное безсмертіе «совсѣмъ немыслима, непонятна и совсѣмъ невозможна» любовь къ человѣчеству, даже наоборотъ, неизбѣжно зарождается ненависть къ нему въ результатѣ сознанія невыносимости его страданій и безсилія помочь ему.

„Самоубійство при потерѣ идеи безсмертія становится совершенною и неизбѣжною даже необходимостью для всякаго человѣка, чуть-чуть поднявшагося въ своемъ развитіи надъ скотами. Напротивъ, безсмертіе, обѣщая вѣчную жизнь, тѣмъ крѣпче связываетъ человѣка съ землей. Тутъ, казалось-бы, даже противорѣчіе: если жизни такъ много, т. е., кромѣ земной и безсмертная, то для чего-бы такъ дорожить земною-то жизнью? А выходитъ именно напротивъ, ибо только съ вѣрой въ свое безсмертіе человѣкъ постигаетъ всю разумную жизнь на землѣ. Безъ убѣжденія-же въ своемъ безсмертіи, связи человѣка съ землей порываются, становятся тоньше, гнилѣе, а потеря высшаго смысла жизни (ощущаемая хотя-бы лишь въ видѣ самой безсознательной тоски) несомнѣнно ведетъ за собой самоубійство“.

Муку невѣрія и загадку невѣрія Достоевскій сдѣлалъ вообще одной изъ центральныхъ темъ своего творчества, нѣтъ ни одного сколько-нибудь значительнаго его произведенія, начиная съ «*Преступленія и Наказанія*», гдѣ-бы прямо или косвенно не ставилась эта проблема, не подвергались художественному освѣщенію тѣ извращенія и опустошенія, которыя производитъ невѣріе въ человѣческой душѣ, подрывая самые корни жизни.

Достоевскій вѣровалъ не въ отвлеченный образъ Іисуса, стерилизованный Кантомъ и отпрепарированный новѣйшей критикой протестантизма, не въ еврейскаго раввина, учителя морали, но въ воплотившееся Слово, въ Бога, пришедшаго во плоти, и въ этой вѣрѣ видѣлъ всю сущность христіанства. Въ новыхъ отрывкахъ изъ «*Бѣсовъ*» Шатовъ говоритъ (и здѣсь устами Шатова, конечно, говоритъ и авторъ, чего, кстати, далеко нельзя сказать въ большинствѣ другихъ случаевъ), — отвѣчая на вопросъ, можно-ли

...не вѣруя въ Христа, какъ Бога, почитать Его какъ идеалъ совершенства и нравственной красоты?“ — „Не вѣруя въ тоже время, что слово „плоть бысть“, т. е., что идеалъ былъ во плоти, а, стало быть, не невозможенъ и достижимъ всему человѣчеству? Да развѣ человѣчество можетъ обойтись безъ этой утѣшительной мысли? Да Христосъ и приходилъ затѣмъ, чтобъ человѣчество узнало, что и его земная природа, духъ человѣческій, можетъ явиться дѣйствительно въ такомъ не-

бесномъ блескѣ, въ самомъ дѣлѣ и во плоти, а не то что въ одной только мечтѣ и въ идеалѣ, что это и естественно и возможно. Послѣдователи Христа, обоготворивши эту просіявшую плоть, засвидѣтельствовали въ жесточайшихъ мукахъ, какое счастье носить въ себѣ эту плоть, подражать совершенству этого образа и вѣровать въ него во плоти. Другіе, видя какое счастье даетъ эта плоть, чуть только человѣкъ начинаетъ пріобщаться ей и уподобляться на самомъ дѣлѣ ея красотѣ — дивились, поражались и кончалось тѣмъ, что сами желали вкусить это счастье и становились христіанами и уже радовались мукамъ Тутъ именно все дѣло, что слово въ самомъ дѣлѣ „плоть бысть". Въ этомъ вся вѣра и все утѣшеніе человѣчества, отъ котораго оно никогда не откажется"...

Изъ этого вѣрованія во Христа какъ воплощенное Слово вытекала и вся «программа» Достоевскаго, какъ растеніе изъ зерна вырастаетъ и его общественный идеалъ, котораго не нужно было искать или выдумывать, ибо онъ непреложно и навсегда данъ въ христіанствѣ. Идеалъ этотъ — *церковь*, соединеніе людей во Христѣ, подлинное исполненіе идеаловъ свободы, равенства и братства, которые ищутся теперь объязычившимся обществомъ внѣ христіанства. Но и современное христіанское общество съ своимъ многобожіемъ утеряло его, поскольку ограничиваетъ церковную жизнь лишь однимъ храмомъ и молитвой, оставляя внѣ церковной ограды культуру и общественность. Въ этомъ религіозномъ дуализмѣ заключается болѣзнь современнаго человѣчества, источникъ безсилія церкви и омертвѣнія культуры. Введеніе *всей* жизни человѣчества въ сферу жизни церковной, которое обѣщано намъ подъ новымъ небомъ и на новой землѣ, устроеніе ея сообразно высшему идеалу, открывшагося намъ во Христѣ, таковъ идеалъ, а вмѣстѣ и норма, данные намъ въ христіанствѣ и раскрывающіеся въ историческомъ развитіи какъ высшій синтезъ исторіи, ея предѣлъ. И для настоящей эпохи этимъ идеаломъ ставится прежде всего задача преодолѣнія теперешняго раскола между оскудѣвшей церковью и обезбоженной или-же объязычившеюся культурой. Христіанская культура, христіанская общественность, церковь въ явленіи силы и духа, должны еще осуществиться въ исторіи послѣ всѣхъ кривыхъ и ломаныхъ путей ея и всѣхъ ея отклоненій, хотя-бы количественно это былъ лишь уголокъ всего историческаго горизонта, но это и будетъ ея зрѣлый плодъ. И это обѣщано, и это придетъ, обнаружится предъ имѣющими очи, чтобы видѣть, потрясетъ души, зажжетъ сердца, засвѣтится новымъ, апокалиптическимъ, свѣтомъ. Теперь это едва лишь начинаетъ предчувствоваться во мракѣ религіозной ночи, «во тьмѣ и сѣни смертной», въ которую мы погружены, и однимъ изъ первыхъ прозрѣвшихъ, загорѣвшихся новымъ огнемъ и вдохновенно

выразившихъ чаянія будущаго былъ Ѳ. М. Достоевскій, пророческій вождь русскаго народа, а съ нимъ и человѣчества на пути къ Новому Іерусалиму.

Для столь раннихъ и неясныхъ предчувствій, естественно, у него не могло найтись систематическаго выраженія и законченной формулы, которая была-бы ложью по своей преждевременности. Кромѣ того, и по складу своему Достоевскій былъ менѣе всего систематическимъ мыслителемъ, придающимъ своей мысли строгую и законченную формулировку, для этого у него былъ слишкомъ горячій поэтическій и публицистическій темпераментъ, благодаря которому онъ хваталъ въ увлеченіи черезъ край, выражался сильнѣе чѣмъ слѣдовало, впадалъ въ противорѣчія,—все это слишкомъ извѣстно. Наконецъ, слѣдуетъ принять во вниманіе и исключительную трудность его историческаго положенія, создаваемую столь раннимъ выступленіемъ съ проповѣдью вселенскаго христіанства, когда кругомъ царилъ «научный» позитивизмъ и надо было примѣниться къ людямъ, какъ выразился Вл. Соловьевъ, забывшимъ катехизисъ и не читавшимъ Евангелія, почти вполнѣ объязычившимся. Такимъ людямъ приходилось давать молоко вмѣсто твердой пищи, и говорить иногда о «человѣчествѣ» тамъ, гдѣ точнѣе нужно было выразиться «церковь». Поэтому и систематизація отдѣльныхъ сужденій Достоевскаго въ цѣльное міровоззрѣніе есть задача трудная, имѣющая въ себѣ нѣчто искусственное и, въ извѣстной степени, насильственное, однако въ интересахъ приближенія Достоевскаго къ пониманію современнаго читателя сдѣлаемъ попытку такой систематизаціи.

Неясную, еще не вполнѣ народившуюся въ сознаніи и скорѣе только предчувствуемую идею гораздо легче опредѣлить чертами отрицательными, нежели положительными, указать, что она *не* есть, нежели, что она есть. И церковный идеалъ въ пониманіи Достоевскаго формулируется гораздо отчетливѣй въ его отрицательной, нежели положительной характеристикѣ. Достоевскій осуждалъ путь исторіи и цивилизаціи, поскольку онъ приводитъ къ отрицанію церкви и Христа и запечатлѣнъ, слѣдовательно, духомъ антихристіанскимъ. Двѣ духовныя силы такого характера особенно останавливали вниманіе Достоевскаго: католицизмъ и атеистическій, механическій соціализмъ, царство Великаго Инквизитора и «муравейникъ» съ девизомъ: chacun pour soi или-же fraternité, égalité, liberté ou... la mort. Въ томъ и въ другомъ онъ видѣлъ отрицаніе истинной, т. е. церковной общественности, обманъ сатанинскій, приводящій къ страшному разрушенію или гніенію заживо. Въ обоихъ одинаково попирается идеалъ *свободы*, внѣ котораго нѣтъ

нормальнаго общества, а возможенъ только муравейникъ и скотный дворъ или-же всеобщая тюрьма.

Вопросъ о природѣ католицизма постоянно занималъ Достоевскаго; онъ часто возвращался къ нему въ *Дневникѣ Писателя* и въ романахъ, съ наибольшей-же полнотой онъ выразилъ свое пониманіе католицизма въ «Легендѣ о Великомъ Инквизиторѣ» (поскольку самъ онъ считаетъ этотъ образъ соотвѣтствующимъ историческому католичеству въ самыхъ яркихъ его проявленіяхъ). Католичество, по мнѣнію Достоевскаго, «замутило образъ Христа», поставивъ вмѣсто Него папу, который вооружился мечемъ и возжелалъ земнаго царства, принялъ соблазнъ злаго духа. «Мы не съ Тобою, а съ нимъ», отъ лица католичества говоритъ Христу Великій Инквизиторъ. Покорность велѣніямъ непогрѣшимаго замѣстителя Христа на землѣ—плѣнъ совѣсти, покорность его мечу—плѣнъ власти, скрѣпляемый еще плѣномъ устроенія всеобщей сытости, таковы ужасные образы злобнаго, сатаническаго извращенія человѣка посредствомъ воздѣйствія на его слабости, таковъ пространный путь и широкія врата, ведущіе въ царство антихриста и противоположные крестному пути свободнаго подвига и братской любви, который указалъ намъ Христосъ. Достоевскій сорвалъ здѣсь маску съ антихриста, какъ позднѣе сдѣлалъ это и Влад. Соловьевъ, по существу дѣла сказавшій объ антихристѣ тоже что Достоевскій (съ той, конечно, разницей, что Соловьевъ былъ совершенно чуждъ тому отожествленію этого образа съ историческимъ католицизмомъ, какое имѣлъ въ виду, между прочимъ, Достоевскій). Оба они лишь не задолго передъ смертью взглянули прямо въ лицо чудовищу. Можетъ быть, есть такое, чего нельзя безнаказанно видѣть или что разъ увидавъ нельзя уже жить...

Достоевскій говорилъ о католичествѣ:

„на западѣ воистину нѣтъ уже христіанства и церкви, хотя и много еще есть христіанъ, да и никогда не исчезнутъ. Католичество воистину уже не христіанство и переходитъ въ идолопоклонство, а протестантизмъ исполинскими шагами переходитъ въ атеизмъ и въ зыбкое, текучее, измѣнчивое (а не вѣковѣчное) правоученіе". „Въ западной половинѣ государство одолѣло наконецъ церковь совершенно. Церковь уничтожилась и перевоплотилась уже въ государство".

А во вновь напечатанныхъ черновыхъ наброскахъ *Бѣсовъ* мы встрѣчаемъ (правда, отъ имени Ставрогина) лаконическую формулу: «католичество — антихристъ, блудница». Въ этомъ приговорѣ, осуждающемъ не какой либо опредѣленный историческій грѣхъ или заблужденіе, которыхъ не мало и на востокѣ (теперешній цезарепапизмъ въ русской помѣстной церкви!), но прямо утверждающемъ,

что этотъ грѣхъ и заблужденіе выѣли, уничтожили церковь, что тамъ нѣтъ уже церкви, содержится ужасающее насъ дерзновеніе историческаго вмѣненія, какъ-бы предвосхищается уже праведный судъ Божій. Достоевскій принялъ этотъ приговоръ на свою совѣсть (ибо это не случайная у него обмолвка, но выношенное убѣжденіе) и дастъ отвѣтъ объ этомъ предъ Престоломъ Божіимъ. Проявился-ли въ этомъ приговорѣ святой гнѣвъ и пламенная ревность пророка или-же, напротивъ, недостатокъ вѣрующей любви, но здѣсь переступлена граница дозволеннаго человѣку. Однако, если это и грѣхъ, то грѣхъ пророка. Ибо, дѣйствительно, не было для дѣла Христова болѣе ложнаго пути, чѣмъ тотъ путь свѣтскаго владычества, на который вступило папство, поддавшееся обольщенію лукаваго духа и наказанное уже за это исторіей. Это заблужденіе, до сихъ поръ поддерживаемое, даже прикрывается новымъ авторитетомъ папской непогрѣшимости (послѣ принятія Ватиканскаго догмата), и свѣтскія притязанія папства среди политиковъ возбуждаютъ заботы и тревоги, какъ еще въ 1877 году объ этомъ писалъ Достоевскій: «нѣтъ и не будетъ въ Европѣ такого затрудненія, къ которому-бы не примазался и съ которымъ не соединился-бы католическій вопросъ». Въ настоящую минуту вопросъ этотъ снова привлекаетъ къ себѣ вниманіе міра благодаря осложненіямъ, связаннымъ съ отдѣленіемъ церкви отъ государства во Франціи, не признаваемымъ папой, и новымъ надеждамъ папства на силы католицизма въ Германіи, съ которымъ оказался безсиленъ бороться даже и Бисмаркъ*).

Соціализмъ Достоевскій считалъ прямымъ порожденіемъ католицизма, созданіемъ его духа. Подъ «соціализмомъ» Достоевскій разумѣетъ обыкновенно идеалъ чисто механическаго устроенія общества, основанный на исключительной вѣрѣ во всемогущество учрежденій, которыя должны разграничить борющіеся интересы и создать совершенное общество. Эта вѣра, дѣйствительно, лежитъ въ основаніи различныхъ ученій атеистическаго, механическаго соціализма, совершенно вычеркивающаго человѣческую личность, апеллирующаго къ классовому и личному интересу, къ ненависти и зависти непмущихъ къ имущимъ. Достоевскій противопоставляетъ этому «православную церковь», какъ «нашъ русскій соціализмъ», подразумѣвая устройство общества на фундаментѣ этическомъ и религіозномъ. У Достоевскаго не встрѣчается и не можетъ встрѣтиться осужденія чисто экономическихъ стремленій соціализма къ демокра-

*) Ср. интересныя работы объ ультрамонтанской политикѣ бывшаго іезуита *Graf von Hoensbroech*. «Moderner Staat und römische Kirche». Berlin. 1906. Его-же. «Der Ultramontanismus». 2 Ausg. Berlin. 1898. Въ обоихъ сочиненіяхъ можно встрѣтить тѣ-же основныя мысли о католицизмѣ что и у Достоевскаго.

тизаціи народнаго хозяйства, но, говоря о соціализмѣ, онъ имѣетъ въ виду обычно этотъ его, такъ сказать, религіозный коэффиціентъ. Соціализмъ и католицизмъ объединяетъ въ его глазахъ общій обоимъ элементъ насильственности, отрицанія свободы. — Онъ писалъ о Франціи:

„Эта Франція, даже и потерявшая теперь *почти вся* всякую религію... развившая изъ идей 89 года свой особенный французскій соціализмъ, т. е. успокоеніе и устройство человѣческаго общества уже безъ Христа и внѣ Христа, какъ хотѣло да не сумѣло устроить его во Христѣ католичество,—эта самая Франція и въ революціонерахъ конвента, и въ атеистахъ своихъ, и въ соціалистахъ своихъ, и въ теперешнихъ коммунарахъ своихъ, — все еще есть и продолжаетъ быть націей католической вполнѣ и всецѣло, вся зараженная католическимъ духомъ и буквой его, провозглашающая устами самыхъ отъявленныхъ атеистовъ своихъ: liberté, égalité, fraternité — ou la mort, т. е. точь-въ-точь какъ бы провозгласилъ это самъ папа. Самый теперешній соціализмъ французскій... есть не что иное какъ лишь вѣрнѣйшее и неуклонное продолженіе католической идеи, самое полное и окончательное ея завершеніе, роковое ея послѣдствіе, выработавшееся вѣками. Ибо соціализмъ французскій есть не что иное какъ *насильственное* единеніе человѣка“.

Такова, по Достоевскому, самая точная генеалогія ученій о революціонномъ «захватѣ власти», о «диктатурѣ пролетаріата» и т. т. На всѣ эти мечтанія устроиться «внѣ Бога и внѣ Христа» онъ смотрѣлъ съ полной безнадежностью. Какъ-бы отвѣчая на новѣйшія ученія о «научномъ» соціализмѣ, мнящія установить «естественную необходимость» и «законъ развитія» общества, Достоевскій говоритъ:

„не имѣя инстинкта пчелы или муравья, безошибочно и точно созидающаго улей или муравейникъ, люди захотѣли создать нѣчто въ родѣ человѣческаго безошибочнаго муравейника. Они отвергли преисподнюю отъ Бога и откровеніемъ возвѣщенную человѣку единственную формулу спасенія его: „возлюби ближняго своего какъ самого себя“ и замѣнили ее практическими выводами въ родѣ „chacun pour soi et Dieu pour tous“ или научными аксіомами въ родѣ „борьбы за существованіе“. Не имѣя инстинкта животныхъ, по которому тѣ живутъ и устраиваютъ жизнь свою безошибочно, люди гордо возналѣялись на науку, забывъ, что для такого дѣла, какъ создать общество, наука еще все равно что въ пеленкахъ. Явились мечтанія. Будущая Вавилонская башня стала идеаломъ и, съ другой стороны, страхомъ всего человѣчества. Но за мечтателями явились вскорѣ уже другія ученія, простыя и понятныя всѣмъ, въ родѣ: „ограбить богатыхъ, залить міръ кровью, а тамъ *какъ-нибудь само собою все снова устроится*“. Наконецъ пошли дальше и этихъ учителей, явилось ученіе анархіи, за которою, еслибъ она могла осуществиться, навѣрно-бы начался періодъ антропофагіи, и люди при-

нуждены были-бы начинать опять все съ начала, какъ тысячъ за десять лѣтъ назадъ".

Распространенное суевѣріе о достаточности одной реформы учрежденій для спасенія человѣчества отъ зла въ немъ и раздора, не считающееся съ послѣдней и единственной реальностью—человѣческой душой, отравленной себялюбіемъ и самоутвержденіемъ, не требуетъ даже серьезной критики, но интересно лишь какъ симптомъ религіознаго ослѣпленія, постигающаго человѣка при отпаденіи отъ Бога. На эту тему есть у Достоевскаго одна фантазія, разсказъ всего на нѣсколько страницъ, принадлежащихъ къ самымъ геніальнымъ изъ всего имъ написаннаго и поражающихъ какимъ-то прямо сверхъестественнымъ ясновидѣніемъ. Это — «*Сонъ смѣшного человѣка*». Во снѣ этомъ герой попадаетъ въ рай на какой-то другой планетѣ. Здѣсь описывается жизнь безгрѣшныхъ людей, сохранившихъ первоначальную невинность, ихъ особое знаніе, высшаго, сверхнаучнаго типа, ихъ общеніе съ природой, съ растеніями, животными, ихъ всеобщую влюбленность во всѣхъ и во все. Естественно, что у нихъ царитъ полная гармонія отношеній безъ всякихъ учрежденій, райская анархія, если можно такъ выразиться. Но герой разсказа является атомомъ зла, попавшимъ на эту планету и онъ—развращаетъ ихъ, и постепенно у нихъ появляются наши пороки и наши несчастья, и наше безсиліе внѣшними мѣрами спастись отъ зла, коренящагося во внутренней природѣ человѣка, въ его порочномъ себялюбивомъ сердцѣ. Они утеряли прежнее «цѣльное» знаніе, которое давало имъ ихъ нормальное положеніе въ мірѣ и живая связь съ нимъ, и предъ ними открылся путь знанія опосредствованнаго, появилась наша наука. Когда изсякла любовь, появилась вѣра въ учрежденія.

„О, не знаю, не помню, но скоро, очень скоро, брызнула первая кровь: они удивились и ужаснулись, и стали расходиться и разъединяться. Явились союзы, но уже другъ противъ друга... Родилось понятіе о чести и въ каждомъ союзѣ поднялось свое знамя... Началась борьба за разъединеніе, за обособленіе, за личность, за мое и твое. Они стали говорить на разныхъ языкахъ... Когда они стали злы, то начали говорить о братствѣ и гуманности и поняли эти идеи. Когда они стали преступны, то изобрѣли справедливость и предписали себѣ цѣлые кодексы, чтобы сохранить ее, а для обезпеченія кодексовъ поставили гильотину... Каждый сталъ столь ревниво относиться къ своей личности, что изо всѣхъ силъ старался лишь унизить и умалить ее въ другихъ; и въ томъ свою жизнь полагалъ. Явилось рабство, явилось даже добровольное рабство; слабые подчинялись охотно сильнѣйшимъ съ тѣмъ только, чтобы тѣ помогали имъ давить еще слабѣйшихъ, чѣмъ они сами. Явились праведники, которые приходили къ этимъ людямъ

со слезами и говорили имъ объ ихъ гордости, о потерѣ мѣры и гармоніи, объ утратѣ ими стыда. Надъ ними смѣялись или побивали ихъ каменьями... Святая кровь лилась на порогахъ храмовъ. Зато стали появляться люди, которые начали придумывать: какъ-бы всѣмъ вновь такъ соединиться, чтобы каждому, не переставая любить себя больше всѣхъ, въ то же время не мѣшать никому другому, и жить такимъ образомъ всѣмъ вмѣстѣ, какъ-бы и въ согласномъ обществѣ. Цѣлыя войны поднялись изъ-за этой идеи. Всѣ воюющіе твердо вѣрили въ то же время, что наука, премудрость и чувство самосохраненія заставятъ, наконецъ, человѣка соединиться въ согласное и разумное общество, а потому пока, для ускоренія дѣла, „премудрые“ старались истребить поскорѣе всѣхъ „непремудрыхъ“ и не понимающихъ ихъ идею, чтобы они не мѣшали торжеству ея. Но чувство самосохраненія стало быстро ослабѣвать, явились гордецы и сладострастники, которые прямо потребовали всего или ничего. Для пріобрѣтенія всего прибѣгалось къ злодѣйству, а если оно не удавалось—къ самоубійству“...

Нельзя сильнѣе, глубже, а вмѣстѣ проще и короче показать всепроникаемость грѣха и тщету попытокъ побѣждать его одними механическими средствами, оставляя нетронутымъ человѣческое сердце, нежели это сдѣлано въ *«Сномъ смѣшного человѣка»*, этомъ chef-d'oeuvre'ѣ, скромно помѣщенномъ въ одномъ изъ выпусковъ «Дневника Писателя».

Достоевскій вскрывалъ не только всю тщету этихъ надеждъ, но и внутреннюю пустоту этихъ мечтаній. Въ шуточной формѣ говоря о проказахъ чертей по поводу модныхъ спиритическихъ сеансовъ, Достоевскій касается самымъ серьезнымъ образомъ современныхъ утопій (на манеръ малюемаго многими Zukunftstaat'a соціализма), онъ говоритъ, что черти слишкомъ умны, чтобы такъ промахнуться и устроить для человѣчества подобный Zukunftstaat (конечно, Достоевскій не употребляетъ этого современнаго термина), ибо вотъ что изъ этого вышло-бы:

„если-бы черти сразу показали свое могущество и задавили-бы человѣка своими открытіями“, „если-бы всѣ знанія такъ и свалились на человѣчество и, главное, совершенно даромъ, въ видѣ подарка „(какъ и достанутся они будущимъ поколѣніямъ, о которыхъ именно мечтаетъ соціализмъ).“ что-бы тогда сталось съ людьми? О, конечно, сперва всѣ-бы пришли въ восторгъ. Люди обнимали-бы другъ друга въ упоеніи... они вдругъ почувствовали-бы себя, такъ сказать, осыпанными счастьемъ, зарытыми въ матеріальныхъ благахъ; они, можетъ быть, ходили-бы или летали по воздуху, пролетали-бы чрезвычайныя пространства въ десять разъ скорѣй, чѣмъ теперь по желѣзной дорогѣ; извлекали-бы изъ земли баснословные урожаи, можетъ быть, создали бы химіей организмы, и говядины хватило-бы по три фунта на человѣка, какъ мечтаютъ наши русскіе соціалисты,—словомъ, ѣшь, пей и наслаждайся. „Вотъ, закричали-бы всѣ филантропы, теперь, когда человѣкъ обезпеченъ, теперь только онъ и проявитъ себя! Нѣтъ ужъ болѣе матеріальныхъ ли-

шеній, нѣтъ болѣе заѣдающей „среды“, бывшей причиной всѣхъ пороковъ, и теперь человѣкъ станетъ прекраснымъ и праведнымъ. Нѣтъ уже болѣе безпрерывнаго труда, чтобы какъ-нибудь прокормиться, и теперь всѣ займутся высшимъ, глубокими мыслями, всеобщими явленіями. Теперь, теперь только настала высшая жизнь!“ И какіе, можетъ, умные и хорошіе люди это закричали-бы въ одинъ голосъ и, можетъ быть, всѣхъ увлекли-бы за собой съ новинки, и завопили-бы, наконецъ, въ общемъ гимнѣ: „кто подобенъ звѣрю сему? Хвала ему, онъ сводитъ намъ огонь съ небеси!“ Но врядъ-ли и на одно поколѣніе людей хватило-бы этихъ восторговъ! Люди вдругъ увидѣли бы, что жизни уже болѣе нѣтъ у нихъ, нѣтъ свободы духа, нѣтъ воли и личности, что кто-то у нихъ укралъ все разомъ; что исчезъ человѣческій ликъ, и насталъ скотскій образъ раба, образъ скотины, съ той разницей, что скотина не знаетъ, что она скотина, а человѣкъ узналъ-бы, что онъ сталъ скотиной. И загнило-бы человѣчество; люди покрылись-бы язвами и стали кусать языки свои въ мукахъ, увидя, что жизнь у нихъ взята за хлѣбъ, за „камни, обращенные въ хлѣбы“. Поняли-бы люди, что нѣтъ счастья въ бездѣйствіи, что погаснетъ мысль непрудящаяся, что нельзя любить своего ближняго, не жертвуя отъ труда своего, что глупо жить на даровщинку и что *счастье не въ счастьи, а лишь въ его достиженіи*. Настанетъ скука и тоска: все сдѣлано и нечего болѣе дѣлать, все извѣстно, и нечего болѣе узнавать. Самоубійцы явятся толпами, а не такъ, какъ теперь по угламъ; люди будутъ сходиться массами, схватываясь за руки и истребляя себя всѣ вдругъ, тысячами, какимъ-нибудь новымъ способомъ, открытымъ имъ вмѣстѣ со всѣми открытіями. И тогда, можетъ быть, и возопіютъ остальные къ Богу: „Правъ Ты, Господи, не единымъ хлѣбомъ живъ человѣкъ!“ Тогда возстанутъ на чертей и бросятъ волхованіе... Нѣтъ, черти такой важной политической ошибки не сдѣлаютъ“.

Изъ двухъ всемірноисторическихъ соблазновъ или обольщеній злаго духа, католицизма и соціализма, Достоевскій считалъ первый серьезнѣе и прочнѣе и предвидѣлъ тотъ моментъ, когда послѣдній капитулируетъ предъ первымъ, а первый выйдетъ на встрѣчу послѣднему. Много разъ возвращался онъ къ изображенію того, какъ

„папа сумѣетъ выйти къ народу нѣнъ и босъ, нищъ и нагъ, съ арміей двадцати тысячъ борцовъ іезуитовъ, искусившихся въ уловленіи душъ человѣческихъ. Устоятъ-ли противъ этого войска Карлъ Марксъ и Бакунинъ?“ „Народу пашество скажетъ, что все, что проповѣдуютъ соціалисты, проповѣдовалъ и Христосъ. Оно исказитъ и продастъ имъ Христа еще разъ, какъ продавало столько разъ за земное владѣніе, отстаивая права инквизиціи, мучившей людей за свободу совѣсти во имя любящаго Христа,—Христа, дорожащаго лишь свободно пришедшимъ ученикомъ, а не купленнымъ и напуганнымъ.“

Вспомните также рѣчи Великаго Инквизитора о томъ, что «звѣрь», въ концѣ концовъ приползетъ и будетъ съ кровавыми слезами цѣловать руки его воинства. Исполненія этихъ предположеній Достоев-

скаго до сихъ поръ еще не видѣла исторія, хотя это не значитъ, конечно, что не можетъ увидать. Поворотъ-же sedes Apostolica въ сторону «демоса», несомнѣнно, уже обозначился (энциклика Льва XIII, современная германская партія центра). Но пока католическій клиръ все еще остается слишкомъ привилегированнымъ и недостаточно еще гоимъ, такъ что сливается въ своихъ стремленіяхъ не съ народомъ, а съ аристократически-монархической партіей реакціи, но союзъ этотъ непрочепъ и легко можетъ быть расторгнутъ событіями.

Въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что къ соціализму „Достоевскій относился поэтому мягче, нежели къ католицизму, въ которомъ онъ видѣлъ сознательную и вопіствующую ложь, между тѣмъ какъ первый впалъ въ односторонпюю вѣру во всемогущество учрежденій, отдѣленное отъ личнаго подвига, отъ „личнаго усовершенствованія". На эту тему произошелъ у Достоевскаго предсмертный споръ съ Градовскимъ, который хотѣлъ обособить одно отъ другого. „Достоевскій высказываетъ здѣсь свою общую руководящую точку зрѣнія по вопросу, „что такое общественный идеалъ».

„Конечно, суть его въ стремленіи людей отыскать себѣ формулу общественнаго устройства, по возможности безошибочную и всѣхъ удовлетворяющую. Но формулы этой люди не знаютъ, люди ищутъ ее всѣ шесть тысячъ лѣтъ своего историческаго періода и не могутъ найти. Муравей знаетъ формулу своего муравейника, пчела своего улья (хотя не знаютъ по-человѣчески, такъ знаютъ по своему, имъ больше не надо), но человѣкъ не знаетъ своей формулы. Откуда же, коли такъ, взяться идеалу гражданскаго устройства въ обществѣ человѣческомъ? А слѣдите исторически и тотчасъ увидите, изъ чего беретъ. Увидите, что онъ есть единственно продуктъ нравственнаго самосовершенствованія единицъ, съ него и начинается, и что было такъ спокопъ вѣка и пребудетъ во вѣки вѣковъ. При началѣ всякаго народа, всякой національности, идея нравственная всегда предшествовала національности, *ибо она же и создавала ее.* Исходила же эта нравственная идея всегда изъ идей мистическихъ, изъ убѣжденія, что человѣкъ вѣченъ, что онъ не простое земное животное, а связанъ съ другими мірами и съ вѣчностью. Эти убѣжденія формулировались всегда и вездѣ въ религію, въ исповѣданіе новой идеи, и всегда, какъ только начиналась новая религія, такъ тотчасъ же и создавалась гражданская новая національность... Въ какомъ характерѣ слагалась въ народѣ религія, въ такомъ характерѣ зарождались и формулировались и гражданскія формы этого народа. Стало быть, гражданскіе идеалы всегда прямо и органически связаны съ идеалами нравственными, а главное то, что несомнѣнно изъ нихъ только однихъ и выходятъ. *Сами же по себѣ* никогда не являются, ибо, являясь, имѣютъ лишь цѣлью утоленіе нравственнаго стремленія данной національности, какъ и поскольку это нравственное стремленіе сложилось. А, стало быть „самосовершенствованіе въ духѣ религіозномъ" въ

жизни народовъ есть основаніе всему, ибо самосовершенствованіе и есть *исполненіе полученной религіи*, а „гражданскіе идеалы“ сами, безъ этого стремленія къ самосовершенствованію, никогда не приходятъ да и зародиться не могутъ.“

Точка зрѣнія Достоевскаго, выраженная въ этихъ словахъ, одинаково удалена отъ двухъ противоположныхъ крайностей. Съ одной стороны, она содержитъ совершенно справедливый протестъ противъ того умерщвленія главнаго нерва живой общественности, которое совершается благодаря исключительной вѣрѣ въ мертвыя учрежденія, не вдохновляемой никакой высшей вѣрой въ человѣческую личность и апеллирующей лишь къ «спасенію животинокъ»; этому механичному и бездушному усовершенствованію учрежденій Достоевскій противополагаетъ живое и органичное моральнорелигіозное участіе въ общественности. Съ другой стороны, воззрѣніе Достоевскаго въ равной мѣрѣ противоположно и тому куцому религіозному индивидуализму, который признаетъ религіозное дѣланіе только въ себѣ и для себя и съ принципіальнымъ равнодушіемъ относится къ общественности, въ особенности къ «учрежденіямъ», какъ будто человѣческія учрежденія не суть въ тоже время человѣческіе костыли, лишь правильно повторяющіеся, но также предполагающіе извѣстное участіе человѣческой воли. Въ противоположность тому и другому воззрѣнію Достоевскій призывалъ къ религіозной общественности, къ органическому реформированію общества, слѣдовательно, одновременно какъ извнѣ такъ и изнутри (ибо противуестественно, чтобы внутренній ростъ не связывался неразрывно и съ внѣшнимъ). Идеалъ церковной общественности, составляющій, говоря языкомъ современныхъ политическихъ партій, программу-максимумъ Достоевскаго, шелъ дальше, нежели у самыхъ смѣлыхъ реформаторовъ, ибо предполагалъ преодолѣніе государства, всякаго вообще принужденія и устроеніе человѣческой жизни на началахъ положительной христіанской свободы. Вотъ какъ опредѣляетъ онъ задачи русскаго народа, которому, по Достоевскому, вѣрно, какъ хранителю православія, первоначальное осуществленіе этой программы-максимумъ. Говоря о русской церкви, онъ продолжаетъ такъ:

„Я не про зданія церковныя теперь говорю и не про причты, я про наинынѣшній русскій „соціализмъ“ говорю (и это обратно-противоположное церкви слово беру именно для разъясненія моей мысли, какъ ни показалось бы это страннымъ)—цѣль и исходъ котораго всенародная и вселенская Церковь, осуществленная на землѣ, поколику земля можетъ вмѣстить ее. Я говорю про неустанную жажду въ народѣ русскомъ, всегда въ немъ присущую, великаго, всеобщаго, всенароднаго, всебратскаго единенія во имя Христово. И если нѣтъ еще этого единенія, если не созиждилась еще Церковь вполнѣ, уже не въ молитвѣ одной, а на

дѣлѣ, то всетаки инстинктъ этой церкви и неустанная жажда ея, иной разъ даже почти безсознательная, въ сердцѣ многомилліоннаго народа нашего несомнѣнно присутствуетъ. Не въ коммунизмѣ, не въ механическихъ формахъ заключается соціализмъ русскаго народа: онъ вѣритъ, что спасется лишь въ концѣ концовъ *всесвѣтнымъ единеніемъ во имя Христово*. Вотъ нашъ русскій соціализмъ! Главная идея народа нашего и состоитъ въ „чаяніи имъ грядущей, зиждущейся въ немъ, судьбами Божьими, Церкви вселенской".

Таково-же и высшее чаяніе самого Достоевскаго, одинаково удаленное и отъ механическаго соціализма и отъ христіанскаго индивидуализма.

„Теперь общество христіанское (говоритъ въ „*Братьяхъ Карамазовыхъ*" о. Паисій) пока еще само не готово и стоитъ лишь на семи праведникахъ; но такъ какъ они не оскудѣваютъ, то и пребываетъ все же незыблемо, въ ожиданіи своего полнаго преображенія изъ общества, какъ союза почти еще языческаго, во единую вселенскую и владычествующую церковь. Сіе и будетъ, будетъ, въ концѣ вѣковъ, ибо лишь сему предназначено совершиться! И нечего смущать себя временами и сроками, ибо тайна временъ и сроковъ въ мудрости Божіей, въ предвидѣніи Его и любви Его. И что по разсчету человѣческому, можетъ быть, и весьма отдаленно, то по предопредѣленію Божьему, можетъ быть, стоитъ уже наканунѣ своего появленія, при дверяхъ".

Воздѣйствіе церкви, перерождающей людей изнутри, измѣняетъ и ихъ внѣшнюю жизнь, постепенно дѣлая грубыя средства государственнаго насилія, «мечъ», господство jus strictum, излишними и ненужными и приводя, такимъ образомъ, къ постепенному отмиранію государства и полному торжеству христіанской свободы. Историческія отношенія, существовавшія до сихъ поръ между церковью и государствомъ, схему христіанской философіи исторіи, Достоевскій излагаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Что такое и чѣмъ стремилась быть древняя Христіанская Церковь? Началась она сейчасъ же послѣ Христа, всего съ нѣсколькихъ человѣкъ, и тотчасъ, чуть не въ первые дни послѣ Христа, устремилась отыскивать свою „гражданскую формулу", всю основанную на нравственной надеждѣ утоленія духа по началамъ личнаго самосовершенствованія. Начались христіанскія общины—церкви, затѣмъ быстро начала созидаться новая, неслыханная дотолѣ національность — всебратская, всечеловѣческая, въ формѣ общей вселенской церкви. Но она была гонима, идеалъ созидался подъ землей, а надъ нимъ, поверхъ земли, тоже созидалось огромное зданіе, громадный муравейникъ — древняя Римская имперія... Но муравейникъ не заключился, онъ былъ подкопанъ Церковью. Произошло столкновеніе двухъ самыхъ противоположныхъ идеи, которыя только могли существовать на землѣ: человѣкобогъ встрѣтилъ Богочеловѣка, Аполлонъ Бельведерскій—Христа. Явился компромиссъ: Имперія приняла христіанство, а Церковь—римское право и государство. Ма-

лая часть Церкви ушла въ пустыню и стала продолжать прежнюю работу: явились опять христіанскія общины, потомъ монастыри—все только лишь пробы, даже до нашихъ дней. Оставшаяся же огромная часть Церкви раздѣлилась вослѣдствіи, какъ извѣстно, на двѣ половины. Въ Западной половинѣ Государство одолѣло, наконецъ, Церковь совершенно. Церковь уничтожилась и перевоплотилась уже окончательно въ Государство. Явилось папство — продолженіе древней Римской Имперіи въ новомъ воплощеніи. Въ Восточной же половинѣ Государство было покорено и разрушено мечомъ Магомета и остался лишь Христосъ, уже отдѣленный отъ Государства. А то Государство, которое приняло и вновь вознесло Христа, претерпѣло такія страшныя вѣковыя страданія отъ враговъ, отъ Татарщины, отъ неустроенства, отъ крѣпостнаго права, отъ Европы и европеизма, и столько ихъ до сихъ поръ выноситъ, что настоящей общественной формулы, въ смыслѣ духа любви и христіанскаго самоусовершенствованія еще въ немъ не выработалось".

Итакъ, «формулы» еще не найдено, и явленія торжества церкви въ силѣ и духѣ еще не было, но Достоевскій вѣритъ и ждетъ этого явленія, и вѣра эта находитъ торжественное исповѣданіе, хотя и отъ третьяго лица, устами о. Паисія въ «*Братьяхъ Карамазовыхъ*»:

„Государство обращается въ церковь, восходитъ до церкви и становится церковью на всей землѣ, что совершенно уже противоположно и ультрамонтанству и Риму... и есть лишь великое предназначеніе православія на землѣ".

Несомнѣнно, въ словахъ этихъ выражена самая завѣтная мысль и задушевная вѣра и самого Достоевскаго, дана формула его общественнаго идеала, идеалъ этотъ—церковь.

Осуществленіе этого идеала въ исторіи Достоевскій связывалъ съ религіознымъ предназначеніемъ русскаго народа, съ его всечеловѣческой душой и синтетическимъ складомъ. Національное призваніе опредѣляется идеаломъ народа, тѣмъ, въ чемъ онъ видитъ высшую правду и норму. А «идеалъ народа есть Христосъ»: «можетъ быть, единственная любовь народа русскаго есть Христосъ, и онъ любитъ образъ Его по своему, т. е. до страданій. Названіемъ-же православнаго, т. е. истинѣе всѣхъ исповѣдующаго Христа, онъ гордится болѣе всего—, и зоветъ себя крестьянами, т. е. христіанами.

„Не заключается-ли все, чего ищетъ онъ, въ православіи? Не въ православіи-ли одномъ сохранился божественный ликъ Христа въ чистотѣ? И, можетъ быть, главнѣйшее предызбранное назначеніе народа русскаго въ судьбахъ человѣчества и состоитъ лишь въ томъ, чтобы сохранить у себя этотъ божественный образъ Христа во всей чистотѣ, а когда придетъ время,—явить этотъ образъ міру, потерявшему пути свои".

Откуда-же открылся народу темному, невѣжественному, обремененному «смрадомъ» грѣха и носящему «звѣриный образъ» ликъ Христовъ? На это у Достоевскаго есть вполнѣ опредѣленный отвѣтъ: онъ открылся ему въ его великихъ и безмѣрныхъ историческихъ страданіяхъ, въ этой Голгофѣ его исторіи, въ крестномъ его пути, — а есть-ли иной путь, ведущій ко Христу, и не являются-ли его трагическія судьбы залогомъ его высшаго избранія, исключительнаго предназначенія. Народъ нашъ

„жаждой страданія, всегдашняго, неумолимаго, зараженъ всегда и во всемъ искони вѣковъ. Страдальческая струя проходитъ чрезъ всю его исторію, не отъ внѣшнихъ только несчастій или бѣдствій, а бьетъ ключемъ изъ самаго сердца народнаго“. „Великій народъ нашъ былъ взращенъ какъ звѣрь, претерпѣлъ мученія еще съ самаго начала своего, за всю тысячу лѣтъ, такія, какихъ ни одинъ народъ въ мірѣ не вытерпѣлъ-бы, разложился-бы и уничтожился, а нашъ только окрѣпъ и сплотился въ этихъ мученіяхъ“. „Знаетъ народъ Христа Бога своего, потому что во много вѣковъ перенесъ много страданій, и въ горѣ этомъ, всегда, съ начала и до нашихъ дней слыхивалъ о Богѣ Христѣ своемъ отъ святыхъ своихъ“. „Главная школа христіанства, которую прошелъ онъ, это вѣка безчисленныхъ и безконечныхъ страданій, имъ вынесенныхъ въ свою исторію, когда онъ, оставленный всѣми, работающій на всѣхъ и на вся, оставался лишь съ однимъ Христомъ Утѣшителемъ. Котораго тогда и принялъ въ свою душу на вѣки и Который зато спасъ отъ отчаянія его душу“.

Достоевскій любилъ приводить проникновенное стихотвореніе Тютчева, о «краѣ родномъ долготерпѣнья», который «въ рабскомъ видѣ Царь Небесный исходилъ благословляя». Эти-то страданія и воспитали въ народѣ то величіе духа, историческую самоотверженность и смиреніе на ряду съ универсализмомъ и всечеловѣчностью, и вмѣстѣ ту жажду правды, которую одинаково и народъ, и интеллигенція вносятъ всюду, и въ политику, и въ культурную дѣятельность, и даже повседневную жизнь. Болѣзнь нашего народа, по опредѣленію Достоевскаго, «жажда правды, но неутоленная», какъ и народъ, и молодежь наша «тоже страдаетъ исканіемъ правды и тоской по ней», и въ этомъ слѣдуетъ видѣть духовный нервъ и нашей революціи, и нашего соціализма, и религіознаго движенія.

Эта вѣра въ народъ, это ясновидѣніе любви, идущей изъ глубины глубинъ русской души и вскормленное тоскою каторги, пламенемъ молитвы, жгучимъ состраданіемъ, конечно, не можетъ подтверждаться логическими доказательствами, ибо, съ одной стороны, какія еще доказательства нужны для непосредственнаго чувства зрячаго, который *видитъ*, и можно-ли, съ другой, сдѣлать это оче-

видимъ для холоднаго и чуждаго разсудка. Чувство своеобразнаго національнаго мессіанизма, которымъ, какъ это настойчиво указывалъ Достоевскій, сопровождается вѣра въ народъ, подвержено постоянной опасности вырождаться въ націонализмъ, національный эгоизмъ (не всегда ея удавалось избѣжать и Достоевскому, какъ это съ достаточной энергіей указалъ уже Вл. Соловьевъ).

Для выясненія взглядовъ Достоевскаго слѣдуетъ остановиться еще на вопросѣ, какъ-же понималъ онъ «православіе», которое считалъ основною стихіей русскаго народа? Не будучи систематикомъ-богословомъ, онъ не давалъ ему строгаго опредѣленія, а, когда случалось ему это дѣлать, то это производилось всегда *по поводу* чего нибудь и должно быть понимаемо всегда въ связи съ этимъ поводомъ. Обыкновенно Достоевскій употреблялъ «православіе» какъ синонимъ истинной церкви Христовой, въ противоположность католицизму, въ которомъ «замутилея» образъ Христа и Онъ замѣненъ римскимъ папой, и протестантизму, воплощающему лишь протестъ противъ католицизма, это есть то искомое, которое еще не найдено или, по крайней мѣрѣ, вся истина котораго не раскрыта. Соединяя разныя опредѣленія, даваемыя Достоевскимъ, мы находимъ, что

„православіе хранитъ истинный Христовъ образъ“, оно „предназначено къ всеслуженію человѣчеству и это собственно и составляетъ настоящую сущность его... Кто хочетъ быть первымъ въ Царствіи Божіемъ, станъ всѣмъ слугой. Вотъ какъ я понимаю русское предназначеніе въ *его идеалѣ*“. „Это вовсе не какая-нибудь обрядность, вовсе не какой-нибудь fanatisme réligieux, а это именно есть прогрессъ человѣческій и всечеловѣченіе человѣческое, такъ именно понимаемое русскимъ народомъ, ведущимъ все отъ Христа, воплощающимъ все будущее свое во Христѣ и во Христовой истинѣ и не могущей представить себя безъ Христа“. Въ немъ „одно человѣколюбіе, одинъ Христовъ образъ.“

Наконецъ, православіе, какъ мы уже знаемъ, называется «нашимъ русскимъ соціализмомъ». Конечно, нельзя признать всѣ эти опредѣленія законченными и исчерпывающими, какъ, впрочемъ, и не можетъ быть удовлетворительнаго опредѣленія того, что находится еще въ процессѣ нарожденія и роста, но ясно, что, говоря о «православіи», Достоевскій говоритъ не о существующемъ уже какъ законченный фактъ, а какъ о долженствующемъ еще явиться, къ чему въ религіозномъ сознаніи народа имѣется одинъ ростокъ, одна возможность. Слѣдовательно, рѣчь идетъ о «православіи» не какъ объ *одномъ изъ трехъ* существующихъ вѣроисповѣданій, которое впало въ тяжелый грѣхъ фактическаго цезарепапизма и предало церковь кесарю, но о вселенскомъ христіанствѣ,

имѣющемъ примирить и объединить собою все и всѣхъ. Достоевскій и принципіально, и въ своей личной жизни не разрывалъ связи съ существующей церковью, хотя и не могъ видѣть въ ней полнаго и окончательнаго выявленія мистической ея сущности: его взоръ былъ вперенъ въ апокалиптическую даль, онъ жилъ предчувствіями грядущаго явленія церкви въ силѣ и славѣ. Поэтому, для тѣхъ, кто теперешнее и прошлое состояніе церкви считаетъ совершенно адэкватнымъ, окончательнымъ выраженіемъ ея мистической сущности, Достоевскій долженъ былъ казаться не «православнымъ», да и, дѣйствительно, въ этомъ смыслѣ онъ былъ не «православенъ», такъ-же точно какъ, напр., и Вл. Соловьевъ, ибо существующее православіе не вмѣщаетъ въ свое сознаніе грядущихъ судебъ церкви, раскрываемыхъ Апокалипсисомъ, да, кромѣ того, несетъ на себѣ тяжелыя историческія оковы, результатъ своей грѣховной близости съ самодержавіемъ. Лучшимъ экспертомъ для опредѣленія подлинности «православія» Достоевскаго въ историческомъ, специфическомъ смыслѣ является изъ современниковъ его, безспорно, Конст. Леонтьевъ, этотъ крупный мыслитель и убѣжденный сторонникъ византизма, глядѣвшій въ своихъ идеалахъ не впередъ, а назадъ. Леонтьевъ, вообще благосклонный къ Достоевскому за христіанское его направленіе, выступилъ противъ него за рѣчь о Пушкинѣ и подвергнулъ серьезному сомнѣнію подлинность его «православія»: «слишкомъ *розовый* оттѣнокъ, вносимый въ христіанство этой рѣчью Достоевскаго, есть новшество по отношенію къ Церкви, отъ человѣчества ничего особенно благотворнаго въ будущемъ нежидущей» *). Византійское православіе, въ лицѣ одного изъ сознательнѣйшихъ и преданнѣйшихъ своихъ представителей, отвергло подлинность «православія» Достоевскаго, которое вмѣщаетъ и высшій синтезъ европейской цивилизаціи, и новую общественность, и, конечно, отвергло, по своему, не безъ ос-

*) *К. Леонтьевъ.* Востокъ, Россія и Славянство, вып. II, 298. Леонтьевъ перечисляетъ здѣсь цѣлый рядъ признаковъ, заставляющихъ подвергнуть подозрѣнію подлинность „православія" Достоевскаго. Соня Мармеладова въ *Преступленіи и Наказаніи* читаетъ *только* Евангеліе, но „чтобы быть православнымъ, необходимо Евангеліе читать сквозь стекла *святоотеческаго ученія*, а иначе изъ самаго св. Писанія можно извлечь и скопчество, и молоканство, и лютеранство и другія лжеученія". Затѣмъ „эта дѣвушка молебновъ не служитъ, духовниковъ и монаховъ для совѣта не ищетъ, къ чудотворнымъ иконамъ и мощамъ не прикладывается"... Тоже и въ *Бѣсахъ* многіе говорятъ о Богѣ и о Христѣ „хорошо, краснорѣчиво, пламенно, съ большой искренностью, но все-таки не совсѣмъ православно, не свято-отечески, не по церковному". Больше доволенъ Леонтьевъ монахами въ *Братьяхъ Карамазовыхъ*, но и они говорятъ „совсѣмъ не то, что въ дѣйствительности говорятъ очень хорошіе монахи и у насъ, и на Аѳонской горѣ, и русскіе монахи, и греческіе, и болгарскіе. Правда, и тутъ какъ-то мало говорится о богослуженіи, о монастырскихъ послушаніяхъ, ни одной церковной службы, ни одного молебна" и т. д. (Тамъ-же стр. 295—8).

нованія, ибо онъ явнымъ образомъ его перерастетъ и въ немъ не вмѣщается, хотя вслѣдствіе этого самъ онъ и не удаляется въ еретическое обособленіе, исповѣдуя *единую*, слѣдовательно, всегда мистически сущую и себѣ равную, но непрерывно исторически развивающуюся церковь. Достоевскій (какъ и Соловьевъ) сознательно стоялъ и хотѣлъ стоять на почвѣ положительной церковности, расти въ церкви и вмѣстѣ съ церковью, его упованія однимъ концомъ прикрѣплялись къ землѣ въ опредѣленной ея точкѣ, а потому и самое сознаніе его иногда двоилось. Иногда онъ принималъ уже существующее православіе за грядущую церковь и въ такихъ случаяхъ несправедливо превозносилъ его предъ другими вѣроисповѣданіями (подобно многимъ славянофиламъ), но онъ и тогда не сливалъ и не отожествлялъ даже и теперешняго православія съ церковной администраціей, искусственно подбираемой изъ сторонниковъ правительства по мотивамъ въ значительной степени политическимъ и признавалъ, что „церковь въ параличѣ". Достоевскій говоритъ обыкновенно о церковныхъ низахъ, но не о церковныхъ верхахъ, о народѣ, но не о клирѣ, о старцахъ, но не о митрополитахъ, словомъ, о томъ, что составляетъ религіозное нутро народа.

Считая высшей нормой окончательное раствореніе государства въ церкви, Достоевскій, съ характеризующимъ его историческимъ реализмомъ, не отрицалъ временной и относительной необходимости государства, какъ божественнаго, по опредѣленію ап. Павла, установленія, спасающаго человѣка отъ звѣря въ человѣкѣ, а, слѣдовательно, и неизбѣжности эволюціи историческихъ его формъ. Отношеніе между церковью и государствомъ должно выражаться, съ одной стороны, въ ихъ внѣшней отдѣленности (въ противоположность католицизму, а, до извѣстной степени, и русскому цезаропапизму) и въ независимости церкви отъ государства *), а съ другой стороны, въ духовномъ вліяніи церкви на государство, посредствомъ усиленія котораго только и можетъ мыслиться превращеніе государства въ церковь. Достоевскій въ этомъ отношеніи приближается къ ученію Вл. Соловьева о *христіанской политикѣ*. Вмѣстѣ съ послѣднимъ, онъ осуждаетъ тотъ дуализмъ, благодаря которому христіанскія или точнѣе мнящія себя таковыми правительства во внѣшнихъ и внутреннихъ отношеніяхъ руководятся самымъ звѣринымъ эгоизмомъ. У Достоевскаго читаемъ о внѣшней политикѣ (и это, конечно, въ такой-же мѣрѣ можетъ быть отнесено и къ внутренней):

„что̀ въ томъ благосостояніи, которое достигается цѣною неправды и сдиранія кожъ? Что правда для человѣка, какъ лица, то пусть остается

*) Ср. мой этюдъ „Церковь и государство" въ сборникѣ „Вопросы религіи".

правдой и для всей націи. Да, конечно, можно проиграть временно обѣдиѣть на время, липиться рынковъ, уменьшить производство, возвысить дороговизну. Но пусть зато остается здоровъ организмъ націи— и нація несомиѣнно болѣе выиграетъ даже и матеріально... Нѣтъ, надо, чтобы и въ политическихъ организмахъ была признаваема та же правда, та самая Христова правда, какъ и для каждаго вѣрующаго. Хоть гдѣ-нибудь да должна же сохраняться эта правда, хоть какая-нибудь изъ націй да должна же свѣтить. Иначе, что же будетъ: все затемнится, замѣшается и потонетъ въ цинизмѣ".

Подъ впечатлѣніемъ русско-турецкой войны Достоевскій этой единственной націей считалъ Россію (что сказалъ-бы онъ теперь послѣ войны русско-японской, вызванной хищнической политикой Россіи въ Китаѣ). Какъ извѣстно, Достоевскій вообще часто и охотно бралъ на себя роль чисто политическаго публициста и при этомъ впадалъ въ увлеченія, даже соскальзывалъ съ высоты своихъ собственныхъ принциповъ, но иногда проявлялъ и большую проницательность.

Своимъ историзмомъ, признаніемъ государственности и ея развитія и вообще относительности средствъ и цѣлей Достоевскій, вмѣстѣ съ Соловьевымъ, отличается отъ отвлеченнаго морализма Толстого, для котораго не существуетъ ни исторіи, ни исторической необходимости и который проповѣдуетъ поэтому лишь рядъ недѣланій и воздержаній. Напротивъ, Достоевскій любилъ останавливаться на сложныхъ и запутанныхъ вопросахъ государственности. Извѣстно, наприм., какъ много вниманія посвящалъ онъ молодому суду присяжныхъ и вообще вопросамъ уголовной репрессіи, которую Толстой прямо отвергаетъ. Достоевскій, опять въ противоположность Толстому, не былъ принципіальнымъ противникомъ войны, отстаивая ея допустимость аргументами, весьма приближающимися къ тѣмъ, которые употреблялъ для защиты тѣхъ-же положеній и Вл. Соловьевъ. Онъ писалъ по поводу русско-турецкой войны слѣдующее:

„да, война, конечно, есть несчастье, но много тутъ и ошибки въ разсужденіяхъ этихъ, а, главное, довольно уже намъ буржуазныхъ правоученій! Подвигъ самопожертвованія кровью своей за все то, что мы почитаемъ святымъ, конечно, нравственнѣе всего буржуазнаго катехизиса. Подъемъ духа націи ради великодушной идеи есть толчокъ впередъ, а не озвѣреніе... Война изъ-за пріобрѣтенія богатствъ, изъ-за потребности ненасытной биржи... несетъ въ себѣ болѣзнь, а за нею смерть... На оборотъ: что святѣе и чище подвига такой войны, которую предпринимаетъ теперь Россія?"

Въ словахъ этихъ заранѣе осуждена русско-японская война изъ за обогащенія ничтожной кучки лицъ, не имѣющая даже намека на

«великодушную идею». Одна изъ завѣтныхъ политическихъ мыслей Достоевскаго, что «Константинополь рано или поздно долженъ быть нашъ». Достоевскій аргументировалъ это своеобразными соображеніями реальной политики, съ одной стороны, необходимостью этого въ интересахъ свободной федераціи славянскихъ народностей подъ главенствомъ, но не подъ властью Россіи (къ слову сказать, это почти Драгомановское рѣшеніе славянскаго вопроса), съ другой, желательностью объединенія всѣхъ православныхъ народностей въ одно политическое тѣло и устраненія повода къ церковнополитическимъ дрязгамъ и ссорамъ изъ-за Константинополя, имѣющимъ неизбѣжно возгорѣться по поводу обладанія имъ. Идея Достоевскаго относительно ликвидаціи дѣлъ «больного человѣка» совершенно чужда поэтому какъ шовинизма такъ и имперіализма и всецѣло продиктована соображеніями о задачахъ міровой политики Россіи, и, пока исторія еще не сказала своего слова, никто не можетъ утверждать, что неправъ былъ Достоевскій. Въ предсмертномъ своемъ *Дневникѣ* Достоевскій, можетъ быть, съ чрезмѣрной, уже болѣзненной нервностью писалъ о задачахъ русскаго вліянія въ Азіи, съ большой экономической проницательностью онъ тогда уже указывалъ необходимость проведенія сибирскихъ желѣзнодорожныхъ путей и понималъ всю неизбѣжность передвиженія историческаго центра тяжести въ сторону Азіи, замѣтно начавшагося теперь. То, что считалъ тогда полезнымъ для Россіи Достоевскій, было совершенно здраво и, конечно, не имѣло ничего общаго съ тѣмъ, какъ стали осуществлять русское вліяніе люди, обезславившіе тамъ русское имя и приведшіе Россію къ катастрофѣ.

Но кто вступаетъ въ область политики, вообще долженъ быть готовъ къ ошибкамъ. И Достоевскій въ своихъ политическихъ соображеніяхъ и предсказаніяхъ часто дѣлался жертвой своего темперамента и своеобразнаго своего идейнаго радикализма и дѣлалъ ошибки, которыя теперь, черезъ четверть вѣка, становятся очевидны. Въ особенности приходится это сказать по поводу Ахиллесовой пяты всего политическаго міровоззрѣнія Достоевскаго—его отношенія къ самодержавію. Какъ извѣстно, Достоевскій раздѣлялъ политическое заблужденіе нашихъ славянофиловъ, именно полагалъ, что свобода и благо русскаго народа гораздо вѣрнѣе обезпечиваются самодержавіемъ нежели парламентскимъ режимомъ. Это своеобразная приверженность самодержавію во имя демократизма поддерживалась, съ одной стороны, вѣрой въ творческія силы царской власти и самобытное политическое развитіе народа, съ другой, недовѣріемъ къ возможному въ Россіи парламентаризму, да и вообще нѣкоторымъ разочарованіемъ въ западномъ парламентаризмѣ. Въ послѣднемъ

выпускѣ „*Дневника*„ обсуждая вопросъ объ «увѣнчаніи зданія», т. е. о конституціи, Достоевскій выражаетъ глубокое сомнѣніе въ демократизмѣ будущаго русскаго парламента, въ который попадутъ одни только «бѣлые жилеты». Онъ говоритъ по этому поводу слѣдующее:

А что коль изъ бѣлыхъ жилетовъ выйдетъ лишь одна говорильня? А что коли колоссальнѣйшее большинство бѣлыхъ-то жилетовъ въ увѣнчанное зданіе и вовсе бы пускать не надо (на первый случай, конечно), если ужь такъ случится когда-нибудь, что оно будетъ увѣнчано? То-есть ихъ бы и можно пустить и должно, потому что все-жь они русскіе люди (а многіе такъ и люди хорошіе), еслибъ только они, со всей земли, захотѣли смиренно, въ одномъ общемъ великомъ дѣлѣ, свой совѣтъ сказать. Но вѣдь не захотятъ они свой совѣтъ вмѣстѣ съ земли сказать, возгордятся надъ нею... Вѣдь такому барину, такому бѣлоручкѣ, чтобъ соединиться съ землей, воняющей зипуномъ и лаптемъ,— чѣмъ надо поступиться, какими святѣйшими для него книжками и европейскими убѣжденіями? Не поступится онъ, ибо брезгливъ къ народу и высокомѣренъ къ землѣ русской уже невольно... Такъ вѣдь, выходя съ такимъ настроеніемъ, можно (и даже неминуемо) дойти опять до закрѣпощенія народнаго, зипуна-то и лапти, хотя не прежнимъ крѣпостнымъ путемъ, такъ интеллигентной опекой и ея политическими послѣдствіями,—

„А народъ опять скуемъ!“

Ну, и разумѣется кончать тѣмъ, что заведутъ для однихъ себя говорильню.“

Но въ томъ-же «*Дневникѣ*» Достоевскій развиваетъ мысль своеобразнаго земскаго собора, составленнаго сначала изъ простого народа, призываетъ власть «оказать довѣріе» народу: «позовите сѣрые зипуны и спросите ихъ самихъ объ ихъ нуждахъ, о томъ, чего имъ надо, и они скажутъ вамъ правду». «Я желалъ-бы только,—прибавляетъ Достоевскій, обращаясь какъ-бы къ потомству, и мы должны прислушаться къ этому слову,—чтобы поняли безпристрастно, что я лишь за народъ стою прежде всего, въ его душу, въ его великія силы, которыхъ никто еще не знаетъ во всемъ объемѣ и величіи ихъ, какъ въ святыню вѣрую и жажду лишь одного: да узрятъ ихъ всѣ». Отъ этого союза власти съ народомъ, основаннаго на довѣріи, подобно славянофиламъ, Достоевскій ждалъ наибольшаго торжества политической и гражданской свободы.

У насъ гражданская свобода можетъ водвориться самая полная, полнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ мірѣ, въ Европѣ или даже въ Сѣверной Америкѣ... Не письменнымъ листомъ утвердится, а созиждется лишь на дѣтской любви народа къ Царю, какъ къ отцу, ибо дѣтямъ можно многое такое позволить, что и немыслимо у другихъ, у договорныхъ наро-

довъ, дѣтямъ можно столь многое довѣрить и столь многое разрѣшить, какъ нигдѣ еще не бывало видано.

Мысль Достоевскаго здѣсь не оригинальна, это соединеніе демократическаго радикализма съ своеобразнымъ консерватизмомъ характеризуетъ міровоззрѣніе лучшихъ славянофиловъ. Вопросъ этотъ порѣшенъ жизнью, которая разбила славянофильскія иллюзіи. Для насъ важно установить, что здѣсь мы имѣемъ *чисто политическое* заблужденіе, касающееся области средствъ, но не цѣлей. Достоевскому иногда приписывается, кромѣ того, религіозные утвержденіе самодержавія, идея теократическаго царя, чего-то вродѣ свѣтскаго папы, онъ обвиняется тѣмъ самымъ, что самъ подалъ при этомъ чарамъ Великаго Инквизитора и того, чей онъ псевдонимъ. Обвиненіе это больно врѣзается въ сердце всякаго, кто любитъ Достоевскаго, и наша обязанность здѣсь со всей энергіей протестовать противъ этого незаслуженнаго обвиненія. Во всѣхъ сужденіяхъ Достоевскаго о самодержавіи нѣтъ ничего, что бы давало основаніе для этого обвиненія и заставляло видѣть въ нихъ, кромѣ политической ошибки, еще и религіозный соблазнъ. Напротивъ, принципіальное отношеніе между церковью и государствомъ съ разными его формами у Достоевскаго выяснено съ-такой ясностью, что возможность подобной аберраціи совершенно исключена. Достоевскій отстаивалъ самодержавіе какъ наиболѣе соотвѣтствующую народному политическому міровоззрѣнію и вмѣстѣ наиболѣе демократическую при данныхъ условіяхъ форму правленія, но и только всего. Боязнь, какъ-бы «бѣлые жилеты» не произвели насилія надъ народомъ, заставляетъ его особенно энергично останавливаться на этой особенности политическаго міровоззрѣнія народа. Доказывая необходимость «оказать довѣріе», онъ говоритъ:

„Царь для народа не внѣшняя сила, не сила какого-нибудь побѣдителя, а всенародная, всесоединяющая сила... воплощеніе его самого, всей его идеи, надеждъ и вѣрованій его. Надежды эти недавно еще столь колоссально осуществились,—такъ какъ же народу отречься отъ дальнѣйшихъ надеждъ? Какъ-же, напротивъ, не усилиться имъ, не утвердиться, ибо Царь послѣ крестьянской реформы не въ идеѣ только, не въ надеждѣ лишь, а на дѣлѣ сталъ ему отцомъ. Да вѣдь это отношеніе народа къ Царю, какъ къ отцу, и есть у насъ то настоящее, адамантовое основаніе, на которомъ всякая реформа у насъ можетъ зиждиться и созиждется. Если хотите, у насъ въ Россіи и нѣтъ никакой другой силы, зиждущей, сохраняющей и ведущей насъ, какъ эта органическая, живая связь народа съ Царемъ своимъ и изъ нея у насъ все и исходитъ“.

(Надо замѣтить здѣсь, что рѣчь идетъ въ контекстѣ именно

о политической жизни, такъ что къ политической области только и могутъ относиться всѣ эти сильныя сужденія).

„Мы уже потому не съ народомъ (продолжаетъ Достоевскій) и не можемъ понять его, что хоть и знаемъ и понимаемъ его отношенія къ Царю, но вмѣстить не можемъ въ себя во всей полнотѣ самаго главнаго и необходимаго пункта въ судьбахъ нашихъ: что отношеніе это русскаго народа къ Царю своему есть самый особливый пунктъ, отличающій народъ нашъ отъ всѣхъ другихъ народовъ Европы и всего міра: что это не временное только дѣло у насъ, не преходящее, не признакъ лишь дѣтства народнаго, напримѣръ, его роста и проч... но вѣковое, всегдашнее и никогда, по крайней мѣрѣ, еще долго, очень долго оно не измѣнится. Такъ какъ-же послѣ этого народъ нашъ не особливъ ото всѣхъ народовъ и не заключаетъ въ себѣ особой идеи? Не ясно ли, напротивъ, что народъ нашъ носитъ въ себѣ органическій зачатокъ идеи, отъ всего свѣта особливой. Идея-же эта заключаетъ въ себѣ такую великую у насъ силу, что конечно, повліяетъ на всю дальнѣйшую исторію нашу, а такъ какъ она совсѣмъ особливая и какъ ни у кого, то и исторія наша *не можетъ быть похожею на исторію другихъ европейскихъ народовъ*, тѣмъ болѣе ея рабской копіей."

(Отсюда и дѣлается, между прочимъ, выводъ, что у насъ утвердится самая полная гражданская свобода именно благодаря царской власти).

Мы привели in extenso самыя сильныя мѣста, написанныя Достоевскимъ въ пользу народосовѣщательнаго самодержавія. Какъ могъ убѣдиться читатель, самодержавію не придается здѣсь никакого религіознаго ореола, а указывается лишь историко-психологическіе его корни. Строго говоря, здѣсь просто констатируется фактъ, вся огромность котораго не могла ускользнуть отъ вниманія Достоевскаго, именно, что вѣра народа въ царя, которой мы (т. е. интеллигенція) и не можемъ вмѣстить — и которая «никогда или, по крайней мѣрѣ, долго, очень долго не измѣнится», есть дѣйствительно нѣчто «особливое», что̀ заслуживаетъ серьезнаго вниманія всѣхъ независимо отъ отношенія къ этой вѣрѣ, въ значительной степени живой еще и теперь, хотя и сильно уже расшатанной революціей. Удивительно, какимъ образомъ вообще могла сложиться такая вѣра. Вѣдь въ дѣйствительности почти всѣ историческіе цари, начиная съ Грознаго, дѣлали, казалось, все, чтобы устранить ея возможность, — если не считать освобожденія крестьянъ, которое съ грѣхомъ пополамъ можно еще положить на плюсъ самодержавію; оно было и остается историческимъ несчастьемъ, тяжелымъ крестомъ для русскаго народа, въ лучшемъ случаѣ «жезломъ желѣзнымъ», которымъ исторія предназначила, чтобы пасти русскій народъ, но можно-ли любить желѣзный жезлъ! И между тѣмъ, вопреки всему, несмотря на опри-

нину, на бироновщину, на весь вѣковой смрадъ и насилія петербургскаго періода, народъ взлелѣялъ въ душѣ своей удивительную и трогательную вѣру въ царя, какъ носителя не только власти, но и правды, представителя не только права силы, но и силы права, не восточнаго деспота, но отца, печущагося о дѣтяхъ своихъ. Какое идеальное пониманіе природы власти и ея задачъ выразилось въ этой наивной и чистой вѣрѣ! Какое глубокое и знаменательное предчувствіе грядущей теократіи въ торжествующей церкви, когда исправдится сила власти и меча и будетъ править «царь кроткій», Господь Іисусъ Христосъ! Ибо вѣра народа въ царя, если раскрыть ея потенціальное идейное содержаніе, включаетъ идею упраздненія государственной власти, отмѣны jus strictum, идею теократическаго безвластія, и правда этой вѣры, которая въ смутныхъ чаяніяхъ какимъ-то непостижимымъ способомъ зародилась въ душѣ народной, есть въ то же время высшій идеалъ исторіи, ея предѣльная точка, царство торжествующей церкви, въ которое вѣрилъ и о которомъ училъ и Достоевскій. Эту дѣтскую вѣру, святость невѣдѣнія, безбожно эксплуатировало въ свою пользу историческое самодержавіе, находя въ ней свою опору. И, конечно, минетъ пора дѣтства, рано или поздно народъ окончательно пробудится (и уже пробуждается) отъ своего сна и освободится отъ историческихъ иллюзій. Тогда онъ сумѣетъ устранить обманъ и самозванство, столь дорого ему стоившіе, и уже дѣловымъ образомъ, по-европейски, устроитъ свои дѣла, внѣ всякихъ обольщеній, при холодномъ, прозаическомъ свѣтѣ рабочаго будняго дня: онъ установитъ народное представительство по четыреххвостной или семихвостной формулѣ, которое будетъ вѣрно и честно блюсти интересы народа, беречь его кошелекъ, устранять тяжелыя послѣдствія самодержавія. Съ власти соскочитъ всякій мистическій налетъ, и ея организація станетъ ариѳметически яснымъ дѣломъ подсчета голосовъ, чуждымъ какого-бы то ни было высшаго обаянія, хотя и полнымъ трезвой дѣловой правды. Власть станетъ организованнымъ соотношеніемъ силъ или-же, въ упорядоченной формѣ, открытымъ правомъ силы. Конечно, и тогда будутъ раздаваться мотивы атеистической мистики власти, объектомъ имѣющей уже не царя, а народъ, будутъ слышаться рѣчи о державной власти народа, о захватѣ власти, о диктатурѣ пролетаріата, и эти своеобразныя формы ослѣпленія властью будутъ обольщать еще многихъ, но въ глубинѣ души, конечно, народъ не забудетъ легко и скоро старую вѣру, такъ жестоко разбитую дѣйствительностью. Можетъ быть, смутно и безсознательно будетъ жить въ его душѣ мечта о другомъ устроеніи общества, основанномъ не на механическомъ под-

счетъ голосовъ съ девизомъ: liberté, égalité, fraternité ou la mort, можетъ быть, эта тоска будетъ выражаться въ склонности къ эксцессамъ анархизма, отклоненіямъ отъ торныхъ путей, къ слѣпому бунту противъ безбожной, механической, ничѣмъ не помазанной и опирающейся лишь на силу власти. а на ряду съ этимъ въ склонности къ аскетическому удаленію отъ міра съ отказомъ отъ всякой общественности, пока не прояснится во всемірноисторическомъ сознаніи идеалъ торжествующей, побѣдившей государство церкви, пока не пойметъ нашъ народъ самъ себя и правду дѣтскихъ своихъ мечтаній. Считая, конечно, эту вѣру одной изъ основныхъ причинъ ужасныхъ историческихъ несчастій народа, ибо она есть самая прочная основа самодержавія, мы видимъ въ то же время въ самомъ фактѣ зарожденія такой вѣры отпечатокъ особеннаго теократическаго избранія, особой помазанности русскаго народа, и въ этомъ смыслѣ согласны съ Достоевскимъ въ томъ, что «идея эта повліяетъ на всю исторію нашу». Теперь стало ясно для всѣхъ, что намъ надо усвоить внѣшнія формы европейскаго парламентаризма, какъ мы усвоили банки и желѣзныя дороги, въ качествѣ необходимаго условія политическаго существованія, но психологія русскаго народа не дастъ надежды на выработку у насъ такихъ профессіональныхъ политиковъ, душу свою полагающихъ въ политической дѣятельности какъ на западѣ, и, конечно, не сюда-же, не на многохвостныя формулы, понесетъ тогда русскій народъ лучшій жаръ своей души, свою вѣковую религіозную истому.

Все изложенное дастъ совершенно достаточный матеріалъ для того, чтобы опредѣлить, въ какую позицію сталъ-бы Достоевскій по отношенію къ теперешнему освободительному движенію. Прежде всего, что касается вообще его отношенія къ свободѣ народной. то и самый вопросъ этотъ разъ навсегда долженъ быть упраздненъ, ибо имѣется совершенно опредѣленный на него отвѣтъ, а именно, что по своимъ идеаламъ Достоевскій былъ свободолюбивѣе нашихъ свободолюбцевъ и радикальнѣе нашихъ радикаловъ, парламентаризмъ-же для Россіи отвергалъ именно потому, что боялся, какъ-бы онъ не оказался средствомъ «сковать народъ», и самодержавіе защищалъ только потому, что видѣлъ въ немъ надежнѣйшее средство обезпечить свободу народную. Поэтому, вопросъ идетъ не о цѣляхъ, а о средствахъ, именно о томъ, не разочаровался-ли бы теперь Достоевскій въ самодержавіи, какъ гарантіи народной свободы. Для отвѣта на этотъ вопросъ нужно обратиться къ фактамъ и посмотрѣть, въ какой степени за эту четверть вѣка самодержавіе оправдало его надежды и осуществило имъ предуказанныя ему задачи. Достоевскій умеръ въ роковой, критическій

моментъ русской исторіи, когда предопредѣлялся курсъ внутренней и внѣшней политики на ближайшую четверть вѣка, совершался рѣшительный выборъ между реакціей и конституціей. Восторжествовала реакція, государственный курсъ выбранъ былъ въ полной противоположности 60-мъ годамъ, взятымъ подъ подозрѣніе. Того «довѣрія», къ которому умирая призывалъ власть Достоевскій, не только не было оказано, напротивъ, вся послѣдующая эпоха характеризуется недовѣріемъ и народобоязнью, возведенными въ систему управленія. Царь окончательно отдѣлился отъ народа бюрократическимъ «средостѣніемъ», и рѣчь объ отношеніяхъ отца къ дѣтямъ утеряла всякій смыслъ, гораздо точнѣе дѣйствительное положеніе вещей можетъ быть уподоблено отношенію между завоевателями и завоеваннымъ народомъ, ханскими баскаками и Русью. Россія вступила въ мрачную эпоху бюрократическаго деспотизма, отъ котораго въ ужасѣ отшатнулись-бы искреннія славянофилы, и естественно, что они совершенно вымираютъ и замѣняются уже черносотенными хулиганами, погромщиками, «истинно русскими» людьми.

Если-бы Достоевскій видѣлъ эту татарщину, облѣпившую тѣло народное, и ни за что не хотящую выпустить изъ когтей свою жертву, неужели онъ, который призывалъ къ освободительной войнѣ противъ турокъ, не сталъ-бы звать теперь къ крестовому походу для освобожденія родины отъ внутреннихъ нехристей, къ освобожденію мученика-народа, который онъ такъ любилъ, чтилъ, жалѣлъ, предъ крестной мукой котораго благоговѣйно преклонялся. Если-бы онъ видѣлъ, этотъ великій народолюбецъ, который боялся «бѣлыхъ жилетовъ», но не опасался «синихъ и зеленыхъ мундировъ», что только они сдѣлали съ этимъ народомъ, до чего они довели его своей антинародной экономической и финансовой политикой, безшабашнымъ капиталистическимъ грюндерствомъ, мотовствомъ и разными затѣями, навалившими двухмиллiардный бюджетъ на плеча нищаго народа, надѣвшими ему на шею петлю задолженности и дефицита, — голодовки десятковъ милліоновъ стали ежегоднымъ явленіемъ, всероссійское «дите» плачетъ безъ перерыва, и стоны несутся со всей земли. Если-бы видѣлъ Достоевскій, что Россія, преступно забывъ о дѣлѣ освобожденія христіанскихъ народностей отъ Турціи, предоставила ихъ тамъ своей участи, звѣрскому истребленію, а сама выступила въ роли международнаго хищника на Дальнемъ Востокѣ, куда вели ее жадность и безуміе бюрократическихъ Навуходоносоровъ, по своему понимавшихъ ту миссію въ Азіи, къ которой онъ звалъ Россію! Если-бы онъ видѣлъ невыразимую муку и горе народное, котораго стояла позорная и преступная русско-японская война, а затѣмъ всѣ дальнѣйшія гекатомбы внутри Рос-

сіи! Можетъ быть, ни у одного изъ нашихъ современниковъ не нашлось-бы такого громоваго слова противъ враговъ народа какъ именно у Достоевскаго, ибо кто-же мучительнѣе и горячѣе любилъ этотъ народъ, чье сердце было болѣе изранено и болѣе избольлось за этотъ народъ-великомученикъ. Богу угодно было освободить его отъ неносильной муки. Да, для насъ это не гипотеза, а нѣчто совершенно достовѣрное, что Достоевскій оказался-бы въ числѣ духовныхъ вождей русскаго народа въ борьбѣ его за освобожденіе отъ бюрократическаго вампира, отъ новаго татарскаго ига. Поэтому, если-бы опредѣлять отношеніе Достоевскаго къ революціи только въ этомъ пунктѣ,— въ отрицаніи бюрократіи, то вопросъ рѣшался-бы очень просто, вѣрнѣе, не было-бы вовсе никакого вопроса: жестокій историческій урокъ привелъ-бы, въ числѣ многихъ другихъ, и Достоевскаго къ тому убѣжденію, что вмѣстѣ съ прочими сторонами внѣшней культуры намъ надо у Европы заимствовать и конституцію. Однако, вопросъ объ отношеніи къ революціи этимъ далеко еще не разрѣшается, ибо сама революція представляетъ собой сложное явленіе, имѣющее не только политическія задачи, но и духовный обликъ.

Нельзя во всякомъ случаѣ оспаривать того факта, что Достоевскій, обнаруживавшій такую удивительную проницательность въ вопросахъ духовной жизни народа, теперешняго характера русской революціи, ея политической необходимости и, въ этомъ смыслѣ, ея всенародности не предвидѣлъ даже какъ возможности. Настолько ему застилала глаза идеализація самодержавія. Онъ представлялъ себѣ революцію только какъ плодъ своеволія и безпочвенности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, злоумышленіе противъ народа, желаніе его скрутить и опекать въ духѣ доктринъ европеизма. Достоевскій изъ всѣхъ бѣсовъ, вселившихся въ тѣло Россіи и его мучащихъ и сотрясающихъ, зналъ только нѣкоторыхъ, но не всѣхъ, имя которыхъ «легіонъ», т. е. множество. Въ своемъ романѣ «*Бѣсы*», написанномъ въ 1871 году, задолго до первыхъ раскатовъ революціонныхъ громовъ и даже раньше появленія первыхъ серьезныхъ ея симптомовъ, Достоевскій выразилъ свое пониманіе этого движенія какъ движенія существенно нигилистическаго, а вмѣстѣ и антинароднаго, безпочвеннаго. Въ романѣ молчаливо отрицается всякая, хотя-бы только частная, политическая, правда революціи. Поэтому, если разсматривать этотъ романъ какъ исчерпывающее ея изображеніе, оно является однобокимъ, пристрастнымъ, политически партійнымъ. Однако, хотя этотъ романъ не есть правда о революціи и не есть даже правда о революціонерахъ, именно потому, что не вся правда есть неправда, а въ немъ сказана, несомнѣнно, не вся правда, тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что сказанное въ немъ есть правда, хотя и частичная,

неполная, и, не колеблясь, причисляемъ «*Бѣсы*» къ числу крупнѣйшихъ твореній Достоевскаго. Романъ этотъ содержитъ изображеніе лишь одной стороны революціи, именно представляетъ анализъ вліянія въ ней всемірноисторической, точнѣе, міровой силы отрицанія, разрушенія, нигилизма, силы «бѣсовской». Какъ и въ рядѣ другихъ своихъ произведеній и здѣсь Достоевскій пристально присматривается къ этой силѣ, старается проникнуть въ ея наваожденія, опускается въ глубину ея глубинъ. Поскольку «*Бѣсы*» являются изслѣдованіемъ нигилистической стихіи въ революціи, постольку романъ этотъ отличается поразительнымъ ясновидѣніемъ, нисколько не менѣе чѣмъ и другія великія произведенія Достоевскаго, и, можно смѣло это сказать, многія уродливости теперешней русской революціи предсказаны въ «*Бѣсахъ*».

Является грандіознымъ и поразительнымъ фактомъ русской исторіи, что революціонное въ широкомъ смыслѣ слова движеніе, имѣющее задачей освобожденіе Россіи отъ бюрократическаго ига, духовнымъ питаніемъ имѣетъ импортированный къ намъ съ запада, но воспринятый у насъ съ особой, религіозной страстью *нигилизмъ* и, если не считать единичныхъ и маловліятельныхъ пока исключеній, то можно сказать, что русская революція по своему религіозно-философскому багажу нигилистична и антирелигіозна. Дмитрія Донского на бой съ татарами за русскую свободу благословлялъ прп. Сергій и далъ ему въ ратники двухъ своихъ иноковъ, теперешніе Донскіе уже не заходятъ за благословеніемъ въ христіанскую обитель (да, кстати сказать, и теперешніе монахи чаще всего даютъ свое благословеніе не Донскимъ, а современнымъ татарамъ). Религія русской революціи это атеистическій гуманизмъ, человѣкобожество, какъ противоположность Богочеловѣчества. Народники и народовольцы, «с. д.» и «с. р.», анархисты и (въ большинствѣ своемъ) «кадеты», всевозможныя политическія секты и фракціи, другъ друга побѣдающія въ своихъ раздорахъ, въ одномъ остаются согласны и даже не спорятъ, въ религіозно-философскомъ credo,—въ антирелигіозномъ нигилизмѣ. Въ своемъ сознаніи русская революція является не только внѣ-христіанской, но даже и анти-христіанской, какъ-бы ни была велика политическая правда революціи, но это ея религіозное питаніе, эта отрава нигилизма неизбѣжно должна проявлять свое ядовитое дѣйствіе, искажать духовный обликъ революціи, въ извѣстномъ смыслѣ ее деморализовать. То необычайное обиліе злобы, которое проявляется во взаимныхъ распряхъ политическихъ фракцій, та легкость въ перехожденіи границъ («все позволено»), которая стала такъ обычна, массовый терроръ, напоминающій спортъ, охоту за куропатками, вся эта энергія разрушенія, которая въ теперешнемъ анархическомъ

движеніи направляется уже на прямое грабительство и самоуничтоженіе, словомъ, многія хорошо знакомыя черты революціи находятся въ связи съ этимъ духовнымъ ея питаніемъ и, въ качествѣ неумолимаго идейнаго послѣдствія, вывода изъ посылокъ нигилизма, были предвидѣны въ «*Бѣсахъ*» Достоевскимъ. Эксцессы эти, которые мы не ставимъ, конечно, на счетъ идеѣ политическаго освобожденія Россіи, показываютъ, что именно въ духовномъ ея обиходѣ многое неладно.

Наша революція, не только великая, но даже величайшая по размѣрамъ и по ея объективному значенію въ исторіи, отличается въ то же время пока поразительной скудостью самостоятельнаго идейнаго содержанія, не имѣетъ своего новаго слова, какое имѣла, несомнѣнно, для своего времени великая французская революція. Русская революція вскормлена чувствами ненависти и мести, въ ней много энергіи разрушенія, но она не имѣетъ соотвѣтствующаго положительнаго идеала, ибо теперь уже не возможенъ тотъ энтузіазмъ къ идеѣ чисто политическаго освобожденія, какой за сто лѣтъ назадъ возможенъ былъ во Франціи, ибо за эти сто лѣтъ мы хорошо узнали изъ опыта всей Европы, что ни liberté, ни égalité, ни тѣмъ болѣе fraternité отъ конституціи мы не получимъ, и въ ней добиваемся просто лишь элементарныхъ условій гражданской жизни, какія давно имѣютъ наши сосѣди. Какъ далеко ни идти въ своихъ политическихъ мечтахъ, хотя до федералистической республики, все-таки это будетъ лишь прохожденіемъ задовъ, все это уже осуществлено не у тѣхъ, такъ у другихъ. Такимъ-же прохожденіемъ задовъ, переводомъ съ нѣмецкаго и французскаго на русскій является и нашъ соціализмъ, въ смыслѣ творчества это не наше слово и не наше знамя, да и вообще знамя уже довольно поношенное за цѣлый 19-ый вѣкъ; кромѣ того, слишкомъ ясно, что Россіи, съ недоразвитымъ еще капитализмомъ, трудно думать о немедленномъ соціализмѣ, и революція разсматривается въ большинствѣ случаевъ даже соціалистами какъ политическая или «буржуазная». Правда, въ «октябрьскіе» дни, какъ извѣстно, современные Верховенскіе и Шигалевы возвѣщали о томъ, что у насъ возможно уже начало соціальной революціи и что мы переваливаемъ прямо въ соціализмъ. Однако, это говорилось лишь въ революціонномъ опьяненіи, почти въ горячечномъ бреду, сказано и позабыто, и во всякомъ случаѣ не можетъ быть разсматриваемо какъ выраженіе души революціи. Лицо нашей революціи обращено пока назадъ, а не впередъ, взоръ ея вперенъ въ ненавистное лицо врага, закрывающее собой историческія дали.

Обращенная къ массамъ народнымъ, проповѣдь революціи ангелъ-

лируетъ по преимуществу къ тѣмъ-же чувствамъ накопившагося въками озлобленія и ненависти. Проповѣдь классовой борьбы, возведенная въ догматъ современнымъ соціализмомъ, разжиганіе классовыхъ интересовъ, мужицкой ненависти къ барину и проистекающія отсюда изступленныя формы аграрнаго движенія и анархизма, причемъ невозможно опредѣлить, гдѣ кончается соціальное движеніе и начинается погромъ, вотъ что несетъ пока революція въ народныя массы, таковъ ликъ ея, обращенный къ народу. Можетъ быть, политически все это даже и цѣлесообразно и планомѣрно, но, конечно, это поднимаетъ муть, а не проясняетъ народную душу, которая, измученная и скорбная, оказываетъ гораздо меньше противодѣйствія подобнымъ вліяніямъ, чѣмъ на это надѣялся Достоевскій, и грань между настроеніями народа и интеллигенціи постепенно исчезаетъ.

Въ связи съ указаннымъ характеромъ революціи стоитъ небывалое развитіе хулиганства и въ литературѣ, и въ жизни. Литературная волна хулиганства прокатилась на нашихъ глазахъ, оно не останавливалось ни предъ чѣмъ, оно требовало поклоненія себѣ, называя себя, впрочемъ, «пролетаріатъ», «народъ» и фактически изображая собой новаго барина, новое начальство. Завѣса на мгновеніе распахнулась, и показался подлинный образъ звѣря. Хулиганство было послѣднимъ словомъ человѣкобожества, раскрытіемъ его секрета. Я не буду подробно напоминать эти комическія впечатлѣнія послѣдняго года, но общей почвой, на которой все это выросло, былъ, несомнѣнно, тотъ нигилизмъ, который привлекалъ къ себѣ столь исключительное вниманіе Достоевскаго. И поскольку русская революція нигилистична, отрицаетъ святыни и всякія абсолютныя цѣнности, замѣняя ихъ вульгаризованнымъ человѣкобожествомъ въ крайней его формѣ духовнаго хулиганства, поскольку она несетъ въ себѣ стихію антихристову, постольку отъ нея неизбѣжно отталкиваются всѣ, кто это прозрѣлъ, и, какъ раньше отталкивался отъ нея, лишь предусматривая, къ чему ведетъ неумолимая логика нигилизма, Достоевскій, такъ онъ, конечно, оттолкнулся-бы и теперь, наблюдая свои предвидѣнія уже осуществившимися. *Этого* въ революціи онъ никогда и ни за что-бы не принялъ, и это на самомъ дѣлѣ въ ней непріемлемо. Мы намѣренно столь подробно излагали положительное міровоззрѣніе Достоевскаго, чтобы привести въ полную ясность, какая пропасть лежитъ между нимъ и нигилизмомъ, составляющимъ душу революціи.

Но, отрицая нигилизмъ революціи, Достоевскій отрицалъ или, вѣрнѣе, не зналъ и не предвидѣлъ ея политической и исторической правды. поэтому онъ имѣлъ для нея только темныя краски. Теперь онъ убѣдился-бы, что дѣйствительное расположеніе свѣта и тѣ-

ней совсѣмъ иное, и что тамъ, гдѣ онъ видѣлъ сплошную тьму, она пронизывается свѣтомъ, но именно на противоположной сторонѣ сгустилась непроглядная и безпросвѣтная тьма, это именно на той сторонѣ, гдѣ царствуетъ бюрократія подъ предлогомъ и подъ псевдонимомъ самодержавія. Онъ увидѣлъ-бы, что тамъ раскрылись врата ада, изъ пасти котораго въ Россію вселяются полчища демоновъ и несутъ Россіи ужасы междоусобной войны, всеобщаго озвѣрѣнія и взаимнаго самоистребленія. Онъ узналъ-бы, что это уже настоящая область господства сатаны, отца лжи и вражды, сѣющаго свои сѣмена, что тамъ нѣтъ никакой правды, а одна чернота, ложь и себялюбіе, и что съ ихъ дьявольскимъ нигилизмомъ не можетъ сравниться никакой революціонный, часто дѣтскій и простодушный нигилизмъ, плодъ молодости или временнаго недоразумѣнія (ибо въ рядахъ революціи Верховенскій идетъ объ руку съ Колей Красоткинымъ и его мальчиками). Бюрократическій нигилизмъ не знаетъ никакихъ цѣнностей, никакихъ святынь, даже никакихъ идоловъ, ради своего ненасытнаго властолюбія онъ не останавливается ни предъ чѣмъ: понадобился погромъ, — готовъ погромъ, нуженъ разстрѣлъ, готовъ разстрѣлъ, — провокація, тюрьма, ссылка, пытка, обманъ, рѣшительно, всѣ средства годны, всѣ хороши. Если революціонный нигилизмъ есть, въ сущности, прежде всего, идолоборство, въ которомъ не рѣдкость примѣры удивительнаго благочестія и обаятельной самоотверженности, то нигилизмъ бюрократическій есть самое подлинное безбожіе, служеніе духу чистаго небытія. Съ ханжествомъ и лицемѣріемъ, ему свойственными, бюрократизмъ является настоящимъ осквернителемъ святынь. Онъ стремится превратить оффиціальную русскую церковь въ аттрибутъ государственности и средство для поддержанія своего престижа, а церковные алтари въ черносотенныя каѳедры. Пользуясь своей властью, онъ искусственно проводитъ подборъ высшаго духовенства, изъ котораго образуется церковное правительство, говорящее отъ имени церкви подъ диктовку бюрократіи. Достоевскій хорошо понималъ, насколько повинно историческими грѣхами своими католичество въ современномъ атеизмѣ, но вѣдь и русскій цезаропапизмъ и поведеніе оффиціальныхъ представителей церкви не меньше повинны въ русскомъ нигилизмѣ, ибо сколькіе ушли изъ церкви, лишь будучи не въ силахъ помириться съ ложью внѣшняго ея положенія. Кто скажетъ, у сколькихъ изъ малыхъ сихъ исчезла вѣра послѣ посланія синода по поводу 9-го января! Оскудѣніе жизни церковной по грѣхамъ нашимъ есть истинная, самая глубокая и, пожалуй, даже единственная причина всѣхъ нашихъ несчастій, являющихся только симптомомъ и результатомъ этого основнаго бѣдствія.

Ненависть, непримиримость, отвращеніе къ злу есть необходимое выраженіе любви къ добру. Добро и зло борются въ мірѣ и, прилѣпляясь къ одному, тѣмъ самымъ мы отталкиваемся отъ другого. Бюрократическій нигилизмъ есть почти чистое воплощеніе зла, и бороться съ нимъ, отрицать его не только словомъ, но и дѣломъ, жизнью, значитъ бороться съ организованнымъ человѣконенавистничествомъ, значитъ отдавать свои силы, а, если нужно, и жизнь за страждущій и разоренный народъ, для брата своего, нуждающагося въ кровъ, пищѣ, одеждѣ. Это значитъ творить волю Спасителя, хотя и Его не вѣдая, быть въ единеніи съ Нимъ, не зная о томъ. И вотъ эта-то борьба и святитъ революцію, дѣлаетъ ее безсознательно христіанской, поднимаетъ ее на степень подвига и служенія любви, который, какъ мы это знаемъ, увѣнчивается мученичествомъ и великомученичествомъ, а мученическій вѣнецъ дается лишь тому, кто его достоинъ, кто является избранникомъ Божіимъ. Конечно, святость эта доступна нигилистической въ сознаніи своемъ революціи не въ томъ, что она утверждаетъ какъ положительную истину свою, но въ томъ, что̀ она отрицаетъ, вступая въ бой съ многоглавымъ чудовищемъ.

Такимъ образомъ, въ русской революціи поразительно перемѣшиваются черты Христа и антихриста, она дѣло Христово дѣлаетъ подъ знаменемъ антихристіанскимъ, она не въ силахъ понять самое себя, сдѣлаться религіозно-зрячей и остается въ этой своей обезсиливающей слѣпотѣ, благодаря которой постоянно попадаетъ на невѣрный путь и оказывается безпомощной предъ обольщеніями недремлющей силы зла. Столкновеніемъ этихъ двухъ духовныхъ силъ—бюрократическаго нигилизма, цѣпляющагося за историческія традиціи и народныя вѣрованія, и революціоннаго нигилизма, перемѣшаннаго съ безсознательнымъ христіанствомъ, и опредѣляется историческая трагедія русскаго народа и рѣшается его судьба: постигнетъ-ли его участь свиней гадаринскихъ или-же, исцѣлившись отъ неистовства бѣсовскаго и сознавъ свою болѣзнь, онъ склонится передъ крестомъ. Ибо изгонять бѣсовъ можно только силой Спасителя и креста Его, и только Онъ повелѣваетъ бурѣ: утихни, и волненію: перестань. И Россія, истекающая кровью, изнемогающая подъ напоромъ полчища демоновъ, погибающая отъ растущаго озвѣрѣнія и самоистребленія, можетъ быть спасена—и мистически, и исторически,—только Воздвиженіемъ Креста, силою истинной Церкви, теперь заслоненной мертвой маской цезаренизма, но живой и имѣющей явиться, когда придутъ времена и сроки. Мнѣ извѣстенъ такой случай. Когда, въ день полученія манифеста 17 октября, однимъ лицомъ было раскрыто Евангеліе съ нѣмымъ вопрошаніемъ о новыхъ судьбахъ

Россіи, то, къ смущенію его, открылись непонятныя тогда и столь противорѣчивныя непосредственному радостному и бодрому настроенію вопрошавшаго слова: *сей родъ изгоняется молитвой и постомъ*. Слова эти сдѣлались понятны уже въ ближайшіе дни, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше «развязывается» сатана, тѣмъ яснѣе становится, что для спасенія Россіи мало внѣшнихъ реформъ, мало «кадетскаго» министерства, «земли и воли» (хотя и нужно все это), но необходимо еще духовное обновленіе, религіозный подвигъ, «оздоровленіе корней», какъ выражался въ послѣднемъ *Дневникѣ* своемъ Достоевскій. Но для этого нужно, прежде всего, перерости нигилизмъ и подняться на высшую, религіозную, ступень сознанія, русское общество должно освободиться отъ того равнодушія къ вопросамъ о высшихъ, религіозныхъ цѣнностяхъ, въ которомъ оно погрязло. И всѣ знаменія говорятъ за то, что этому легкомыслію и равнодушію продержаться недолго, повязка религіозной слѣпоты истончается съ каждымъ днемъ. Слишкомъ крѣпнетъ революціонный инстинктъ, предъ раскрывающейся бездной переоцѣниваются всѣ цѣнности, зарождается историческое отчаяніе, подтачивается надежда на достиженіе успокоенія въ будущемъ «муравейникѣ». Слишкомъ уже дорого заплачено за этотъ муравейникъ, чтобы спокойно и довольно могли жить тамъ будущіе муравьи на почвѣ, глубоко пропитанной человѣческой кровью, да это-ли цѣль и цѣна всего переживаемаго безумія? Вниманіе насильственно обращается къ тайнамъ вѣчности и гроба, къ вопросамъ о смыслѣ будущаго муравейника и о цѣнности жизни безъ Бога и личнаго безсмертія. Въ такой моментъ, когда раскрывается религіозная правда революціи и подготовляется ея религіозное просвѣтлѣніе, когда разрыхляется почва для принятія сѣмянъ религіозной общественности, въ такой моментъ намъ особенно нуженъ и дорогъ голосъ ея великаго проповѣдника и ранняго глашатая — Ѳ. М. Достоевскаго, приближается его историческій часъ, и онъ приблизился къ намъ. Начинаетъ раскрываться смыслъ того, на чемъ сосредоточивались его завѣтныя думы, къ чему относилась его важнѣйшая проповѣдь. Въ шумѣ и гамѣ революціонной сумятицы, въ которой вырабатывается совершенно особое легкомысліе и вниманіе привыкаетъ останавливаться только на интересахъ минуты, моды, прихоти, долженъ опять раздаться и достигнуть покамѣсть хотя и немногихъ ушей голосъ духовныхъ вождей русскаго народа, и въ числѣ ихъ Ѳ. М. Достоевскаго. Мы сами можемъ погибнуть въ пустынѣ, не достигнувъ Обѣтованной земли, но мы должны сохранить тотъ ковчегъ, который былъ намъ врученъ. Революція, въ которой-бы мы потеряли и забыли духовныхъ вождей своихъ, за-

были-бы Достоевскаго или Вл. Соловьева, явилась-бы духовнымъ самоубійствомъ народа, какъ-бы ни были велики ея политическія завоеванія. Но мы вѣримъ, что не случится этого несчастья, вѣримъ въ русскій народъ и его великую душу, и вѣрѣ этой научилъ насъ нынѣ благоговѣйно поминаемый нами Ѳ. М. Достоевскій, который неложно пророкъ о немъ: «*сей народъ богоносецъ*», который учитъ насъ, къ чему мы должны стремиться за порогомъ революціи, и въ ея мукахъ помогаетъ намъ угадывать тайну грядущаго преображенія.

Сергій Булгаковъ.

Августъ 1906 г.

БѢДНЫЕ ЛЮДИ

РОМАНЪ

Охъ, ужъ эти мнѣ сказочники! Нѣтъ чтобы написать что нибудь полезное, пріятное, усладительное, а то всю подноготную въ землѣ вырываютъ!.. Вотъ ужъ запретилъ-бы имъ писать! Ну, на что это похоже: читаешь... невольно задумаешься, — а тамъ всякая дребедень и войдетъ въ голову; право-бы запретилъ имъ писать; такъ-таки просто вовсе-бы запретилъ.

Кн. В. Ѳ. Одоевскій.

Апрѣля 8.

Безцѣнная моя Варвара Алексѣевна!

Вчера я былъ счастливъ, чрезмѣрно счастливъ, до нельзя счастливъ! Вы хоть разъ въ жизни, упрямица, меня послушались. Вечеромъ, часовъ въ восемь, просыпаюсь (вы знаете, маточка, что я часочекъ-другой люблю поспать послѣ должности), свѣчку досталъ, приготовляю бумаги, чиню перо, вдругъ, невзначай, подымаю глаза,—право, у меня сердце вотъ такъ и запрыгало! Такъ вы таки поняли чего мнѣ хотѣлось, чего сердчишку моему хотѣлось! Вижу уголочекъ занавѣски у окна вашего загнутъ и прицѣпленъ къ горшку съ бальзаминомъ, точнехонько такъ какъ я вамъ тогда намекалъ; тутъ-же показалось мнѣ, что и личико ваше мелькнуло у окна, что и вы ко мнѣ изъ комнатки вашей смотрѣли, что и вы обо мнѣ думали. И какъ-же мнѣ досадно было, голубчикъ мой, что миловиднаго личика-то вашего я не могъ разглядѣть хорошенько! Было время, когда и мы свѣтло видѣли, маточка. Не радость старость, родная моя! Вотъ и теперь все какъ-то рябитъ въ глазахъ; чуть поработаешь вечеромъ, попишешь что нибудь, на утро и глаза раскраснѣются, и слезы текутъ, что даже совѣстно передъ чужими бываетъ. Однако-же, въ воображеніи моемъ такъ и засвѣтлѣла ваша улыбочка, ангельчикъ, ваша доброенькая, привѣтливая улыбочка; и на сердцѣ моемъ было точно такое ощущеніе, какъ тогда, какъ я поцаловалъ васъ, Варинька,— помните-ли, ангельчикъ? Знаете-ли, голубчикъ мой, мнѣ даже показалось, что вы тамъ мнѣ пальчикомъ погрозили? Такъ-ли, шалунья? Непремѣнно вы это все опишите подробнѣе въ вашемъ письмѣ.

Ну, а какова наша придумочка на счетъ занавѣски вашей, Варинька? Премило, не правда-ли? Сижу-ли за работой, ложусь-ли спать, просыпаюсь-ли, ужь знаю, что и вы тамъ обо мнѣ думаете, меня помните, да и сами-то здоровы и веселы. Опустите занавѣску—значитъ, прощайте, Макаръ Алексѣевичъ, спать пора! Подымете—значитъ, съ добрымъ утромъ, Макаръ Алексѣевичъ, каково-то вы спали, или: каково-то вы въ вашемъ здоровьи, Макаръ Алексѣевичъ? Что-же до меня касается, то я, слава Творцу, здорова и благополучна! Видите-ли, душечка моя, какъ это ловко придумано: и писемъ не нужно! Хитро, не правда-ли? А вѣдь придумочка-то моя! А что, каковъ я на эти дѣла, Варвара Алексѣевна?

Доложу я вамъ, маточка моя, Варвара Алексѣевна, что спалъ я сію ночь добрымъ порядкомъ, вопреки ожиданій, чѣмъ и весьма доволенъ; хотя на новыхъ квартирахъ, съ новоселья, и всегда какъ-то не спится; все что-то такъ, да не такъ! Всталъ я сегодня такимъ яснымъ соколомъ—любо-весело! Что это какое утро сегодня хорошее, маточка! У насъ растворили окошко; солнышко свѣтитъ, птички чирикаютъ, воздухъ дышетъ весенними ароматами, и вся природа оживляется—ну, и остальное тамъ все было тоже соотвѣтственное: все въ порядкѣ, по весеннему. Я даже и помечталъ сегодня довольно пріятно, и все объ васъ были мечтанія мои, Варинька. Сравнилъ я васъ съ птичкой небесной, на утѣху людямъ и для украшенія природы созданной. Тутъ-же подумалъ я, Варинька, что и мы, люди, живущіе въ заботѣ и треволненіи, должны тоже завидовать беззаботному и невинному счастію небесныхъ птицъ,—ну, и остальное все такое-же, сему-же подобное; то есть я все такія сравненія отдаленныя дѣлалъ. У меня тамъ книжка есть одна, Варинька, такъ въ ней тоже самое, все такое-же весьма подробно описано. Я къ тому пишу, что вѣдь разныя бываютъ мечтанія, маточка. А вотъ теперь весна, такъ и мысли все такія пріятныя, острыя, затѣйливыя, и мечтанія приходятъ нѣжныя; все въ розовомъ цвѣтѣ. Я къ тому и написалъ это все; а, впрочемъ, я это все взялъ изъ книжки. Тамъ сочинитель обнаруживаетъ такое-же желаніе въ стихахъ и пишетъ—

„Зачѣмъ я не птица, не хищная птица!“

Ну, и т. д. Тамъ и еще есть разныя мысли, да Богъ съ ними! А вотъ, куда это вы утромъ ходили сегодня, Варвара Алексѣевна? Я еще и въ должность не собрался, а вы, ужь подлинно какъ пташка весенняя, порхнули изъ комнаты и по двору прошли такая веселенькая. Какъ мнѣ-то было весело на васъ глядя! Ахъ, Варинька, Варинька!—Вы не грустите: слезами горю помочь нельзя; это я

знаю, маточка моя, это я на опытѣ знаю. Теперь-же вамъ такъ покойно, да и здоровьемъ вы немного поправились.—Ну, что ваша Ѳедора? Ахъ, какая-же она добрая женщина! Вы мнѣ, Варинька, напишите, какъ вы съ нею тамъ живете теперь, и всѣмъ-ли вы довольны? Ѳедора-то немного ворчлива: да вы на это не смотрите, Варинька. Богъ съ нею! Она такая добрая.

Я уже вамъ писалъ о здѣшней Терезѣ, —тоже и добрая, и вѣрная женщина. А ужь какъ я безпокоился объ нашихъ письмахъ! Какъ они передаваться-то будутъ? А вотъ какъ тутъ послалъ Господь на наше счастіе Терезу. Она женщина добрая, кроткая, безсловесная. Но наша хозяйка просто безжалостная. Затираетъ ее въ работу словно ветошку какую нибудь.

Ну, въ какую-же я трущобу попалъ, Варвара Алексѣевна! Ну, ужь квартира! Прежде вѣдь я жилъ такимъ глухаремъ, сами знаете:—смирно, тихо; у меня, бывало, муха летитъ, такъ и муху слышно. А здѣсь шумъ, крикъ, гвалтъ! Да вѣдь вы еще и не знаете, какъ это все здѣсь устроено. Вообразите, примѣрно, длинный коридоръ, совершенно темный и нечистый. По правую его руку будетъ глухая стѣна, а по лѣвую все двери, да двери, точно номера, все такъ въ рядъ простираются. Ну, вотъ и нанимаютъ эти номера, а въ нихъ по одной комнаткѣ въ каждомъ: живутъ въ одной и по двое, и по трое. Порядку не спрашивайте—Ноевъ ковчегъ! Впрочемъ, кажется, люди хорошіе, все такіе образованные, ученые. Чиновникъ одинъ есть (онъ гдѣ-то по литературной части), человѣкъ начитанный: и о Гомерѣ, и о Брамбеусѣ, и о разныхъ у нихъ тамъ сочинителяхъ говоритъ, обо всемъ говоритъ;—умный человѣкъ! Два офицера живутъ и все въ карты играютъ. Мичманъ живетъ; англичанинъ-учитель живетъ.—Постойте, я васъ потѣшу, маточка; опишу ихъ въ будущемъ письмѣ сатирически, то есть какъ они тамъ сами по себѣ, со всею подробностію. Хозяйка наша,—очень маленькая и нечистая старушонка, цѣлый день въ туфляхъ, да въ шлафрокѣ ходитъ, и цѣлый день все кричитъ на Терезу. Я живу въ кухнѣ, или гораздо правильнѣе будетъ сказать вотъ какъ: тутъ подлѣ кухни есть одна комната (а у насъ, нужно вамъ замѣтить, кухня чистая, свѣтлая, очень хорошая), комнатка небольшая, уголокъ такой скромный... то есть или еще лучше сказать, кухня большая въ три окна такъ у меня вдоль поперечной стѣны перегородка, такъ что и выходитъ какъ-бы еще комната, номеръ сверхштатный; все просторное, удобное, и окно есть, и все,—одинмъ словомъ, все удобное. Ну, вотъ это мой уголочекъ. Ну, такъ вы и не думайте, маточка, чтобы тутъ что нибудь такое иное и таинственный смыслъ какой былъ: что вотъ, дескать, кухня!—то есть

я, пожалуй, и въ самой этой комнатѣ за перегородкой живу, но это ничего; я себѣ ото всѣхъ особнякомъ, по маленьку живу, въ тихомолочку живу. Поставилъ я у себя кровать, столъ, комодъ, стульевъ парочку, образъ повѣсилъ. Правда, есть квартиры и лучше,—можетъ быть, есть и гораздо лучшія, да удобство-то главное; вѣдь это я все для удобства, и вы не думайте, что для другаго чего нибудь. Ваше окошко напротивъ, черезъ дворъ; и дворъ-то узенькій, васъ мимоходомъ увидишь—все веселѣе мнѣ, горемычному, да и дешевле. У насъ здѣсь самая послѣдняя комната, со столомъ, 35 руб. ассиги. стоитъ. Не по карману! А моя квартира стоитъ мнѣ семь руб. ассиг., да столъ пять цѣлковыхъ, вотъ 24 съ полтиною, а прежде ровно 30 платилъ, зато во многомъ себѣ отказывалъ; чай пивалъ не всегда, а теперь вотъ и на чай, и на сахаръ выгадалъ. Оно, знаете-ли, родная моя, чаю не пить какъ-то стыдно; здѣсь все народъ достаточный, такъ и стыдно. Ради чужихъ и пьешь его, Варинька, для вида, для тона; а по мнѣ все равно, я не прихотливъ. Положите такъ, для карманныхъ денегъ—все сколько нибудь требуется — ну, сапожишки какіе нибудь, платьишко—много-ль останется? Вотъ и все мое жалованье. Я-то не ропщу и доволенъ. Оно достаточно. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ достаточно; награжденія тоже бываютъ.—Ну, прощайте, мой ангельчикъ. Я тамъ купилъ парочку горшковъ съ бальзаминчикомъ, и гераньку—не дорого. А вы, можетъ быть, и резеду любите? Такъ и резеда есть, вы напишите; да знаете-ли, все какъ можно подробнѣе напишите. Вы, впрочемъ, не думайте чего нибудь и не сомнѣвайтесь, маточка, обо мнѣ, что я такую комнату нанялъ. Нѣтъ, это удобство заставило, и одно удобство соблазнило меня. Я вѣдь, маточка, деньги коплю, откладываю; у меня денежка водится. Вы не смотрите на то, что я такой тихонькой, что, кажется, муха меня крыломъ перешибетъ. Нѣтъ, маточка, я про себя не промахъ, и характера совершенно такого, какъ прилично твердой и безмятежной души человѣку. Прощайте, мой ангельчикъ! Расписался я вамъ чуть не на двухъ листахъ, а на службу давно пора. Цалую ваши пальчики, маточка, и пребываю

Вашимъ нижайшимъ слугою и вѣрнѣйшимъ другомъ,

Макаромъ Дѣвушкинымъ.

P. S. Объ одномъ прошу: отвѣчайте мнѣ, ангельчикъ мой, какъ можно подробнѣе. Я вамъ при семъ посылаю, Варинька, фунтикъ конфектъ; такъ вы ихъ скушайте на здоровье, да ради Бога обо мнѣ не заботьтесь и не будьте въ претензіи. Ну, такъ прощайте-же, маточка.

Апрѣля 8.

Милостивый Государь, Макаръ Алексѣевичъ!

Знаете-ли, что придется, наконецъ, совсѣмъ поссориться съ вами? Клянусь вамъ, добрый Макаръ Алексѣевичъ, что мнѣ даже тяжело принимать ваши подарки. Я знаю, чего они вамъ стоятъ, какихъ лишеній и отказовъ въ необходимѣйшемъ себѣ самому. Сколько разъ я вамъ говорила, что мнѣ не нужно ничего, совершенно ничего; что я не въ силахъ вамъ воздать и за тѣ благодѣянія, которыми вы доселѣ осыпали меня. И зачѣмъ мнѣ эти горшки? Ну, бальзаминчики еще ничего, а геранька зачѣмъ? Одно словечко стоитъ неосторожно сказать, какъ, напримѣръ, объ этой герани, ужь вы тотчасъ и купите; вѣдь вѣрно дорого? Что за прелесть на ней цвѣты! Пунсовые крестиками. Гдѣ это вы достали такую хорошенькую гераньку? Я ее по срединѣ окна поставила, на самомъ видномъ мѣстѣ; на полу-же поставлю скамейку, а на скамейку еще цвѣтовъ поставлю; вотъ только дайте мнѣ самой разбогатѣть! Ѳедора не нарадуется; у насъ теперь словно рай въ комнатѣ,—чисто, свѣтло! Ну, а конфекты зачѣмъ? И, право, я сейчасъ-же по письму угадала, что у васъ что нибудь да не такъ,—и рай, и весна, и благоуханія летаютъ, и птички чирикаютъ. Что это, я думаю, ужь нѣтъ-ли тутъ и стиховъ? Вѣдь, право, однихъ стиховъ и не достастъ въ письмѣ вашемъ, Макаръ Алексѣевичъ! И ощущенія нѣжныя, и мечтанія въ розовомъ цвѣтѣ — все здѣсь есть! Про занавѣску и не думала; она вѣрно сама зацѣпилась, когда я горшки переставляла; вотъ вамъ!

Ахъ, Макаръ Алексѣевичъ! Что̀ вы тамъ ни говорите, какъ ни разсчитывайте свои доходы, чтобъ обмануть меня, чтобы показать, что они всѣ силошь идутъ на васъ одного, но отъ меня не утаите и не скроете ничего. Ясно, что вы необходимаго лишаетесь изъ-за меня. Что это вамъ вздумалось, напримѣръ, такую квартиру нанять? Вѣдь васъ безпокоятъ, тревожатъ: вамъ тѣсно, неудобно. Вы любите уединеніе, а тутъ и чего-чего нѣтъ около васъ! А вы-бы могли гораздо лучше жить, судя по жалованью вашему. Ѳедора говоритъ, что вы прежде и не въ примѣръ лучше теперешняго жили. Неужели-же вы такъ всю свою жизнь прожили, въ одиночествѣ, въ лишеніяхъ, безъ радости, безъ дружескаго привѣтливаго слова, у чужихъ людей углы нанимая? Ахъ, добрый другъ, какъ мнѣ жаль васъ! Щадите хоть здоровье свое, Макаръ Алексѣевичъ! Вы говорите, что у васъ глаза слабѣютъ, такъ не пишите при свѣ-

чахъ; зачѣмъ писать? Ваша ревность къ службѣ и безъ того, вѣроятно, извѣстна начальникамъ вашимъ.

Еще разъ умоляю васъ, не тратьте на меня столько денегъ. Знаю, что вы меня любите, да сами-то вы не богаты... Сегодня я тоже весело встала. Мнѣ было такъ хорошо; Ѳедора давно уже работала, да и мнѣ работу достала. Я такъ обрадовалась; сходила только шелку купить, да и принялась за работу. Цѣлое утро мнѣ было такъ легко на душѣ, я такъ была весела! А теперь опять все черныя мысли, грустно; все сердце изныло.

Ахъ, что-то будетъ со мною, какова-то будетъ моя судьба! Тяжело то, что я въ такой неизвѣстности, что я не имѣю будущности, что я и предугадывать не могу о томъ, что со мной статется. Назадъ и посмотрѣть страшно. Тамъ все такое горе, что сердце пополамъ рвется при одномъ воспоминаніи. Вѣкъ буду я плакаться на злыхъ людей, меня погубившихъ!

Смеркается. Пора за работу. Я вамъ о многомъ хотѣла-бы написать, да некогда, къ сроку работа. Нужно спѣшить. Конечно, письма хорошее дѣло; все не такъ скучно. А зачѣмъ вы сами къ намъ никогда не зайдете? Отчего это, Макаръ Алексѣевичъ? Вѣдь теперь вамъ близко, да и время иногда у васъ выгадывается свободное. Зайдите, пожалуйста! Я видѣла вашу Терезу. Она, кажется, такая больная; жалко было ее; я ей дала 20 копѣекъ. Да! Чуть было не забыла: непремѣнно напишите все, какъ можно подробнѣе, о вашемъ житьѣ-бытьѣ. Что за люди такіе кругомъ васъ, и ладно-ли вы съ ними живете? Мнѣ очень хочется все это знать. Смотрите-же, непремѣнно напишите! Сегодня ужъ я нарочно уголь загну. Ложитесь пораньше; вчера я до полночи у васъ огонь видѣла. Ну, прощайте. Сегодня и тоска, и скучно, и грустно! Знать ужъ день такой! Прощайте.

Ваша

Варвара Доброселова.

Апрѣля 8.

Милостивая государыня, Варвара Алексѣевна!

Да, маточка, да, родная моя, знать, ужъ денекъ такой на мою долю горемычную выдался! Да, подшутили вы надо мной, старикомъ, Варвара Алексѣевна! Виночемъ, самъ виноватъ, кругомъ виноватъ! Не пускаться-бы на старости лѣтъ съ ключкомъ волосъ въ амуры, да въ эки-

воки... И еще скажу, маточка: чудень иногда человѣкъ, очень чудень. И, святые вы мои! о чемъ заговоритъ, занесетъ подъ-часъ. А что̀ выходитъ-то, что̀ слѣдуетъ-то изъ этого? Да ровно ничего не слѣдуетъ, а выходитъ такая дрянь, что убереги меня, Господи! Я, маточка, я не сержусь, а такъ досадно только очень вспоминать обо всемъ, досадно, что я вамъ написалъ такъ фигурно и глупо. И въ должность-то я пошелъ сегодня такимъ гоголемъ-щеголемъ; сіяніе такое было на сердцѣ. На душѣ ни съ того, ни съ сего такой праздникъ былъ; весело было! За бумаги принялся рачительно — да что̀ вышло-то потомъ изъ этого! Ужь потомъ только какъ осмотрѣлся, такъ все стало по прежнему — и сѣренько, и темненько. Все тѣ-же чернильныя пятна, все тѣ-же столы и бумаги, да и я все такой-же; такъ какимъ былъ, совершенно такимъ-же и остался,— такъ чего-же тутъ было на Негасѣ-то ѣздить? Да изъ чего это вышло-то все? Что солнышко проглянуло, да небо полазоревѣло! Отъ этого что-ли? Да и что за ароматы такіе, когда на нашемъ дворѣ подъ окнами и чему-чему не случается быть! Знать, это мнѣ все съ дуру такъ показалось. А вѣдь случается-же иногда заблудиться такъ человѣку въ собственныхъ чувствахъ своихъ, да занести околесную. Это ни отъ чего иного происходитъ, какъ отъ излишней, глупой горячности сердца. Домой-то я не пришелъ, а приплелся; ни съ съ того ни сего голова у меня разболѣлась; ужь это, знать, все одно къ одному. (Въ спину что-ли надуло мнѣ). Я весь-то обрадовался дуракъ-дуракомъ, да въ холодной шинели пошелъ. И въ чувствахъ-то вы моихъ ошиблись, родная моя! Изліяніе-то ихъ совершенно въ другую сторону принялъ. Отеческая пріязнь одушевляла меня, единственная чистая отеческая пріязнь, Варвара Алексѣевна; ибо я занимаю у васъ мѣсто отца роднаго, по горькому сиротству вашему; говорю это отъ души, отъ чистаго сердца, по родственному. Ужь какъ-бы тамъ ни было, а я вамъ хоть дальній родной, хотя по пословицѣ и седьмая вода на кисель, а все-таки родственникъ, и теперь ближайшій родственникъ и покровитель; ибо тамъ, гдѣ вы ближе всего имѣли право искать покровительства и защиты, нашли вы предательство и обиду. А на счетъ стишковъ скажу я вамъ, маточка, что не прилично мнѣ на старости лѣтъ въ составленіи стиховъ упражняться. Стихи вздоръ! За стишки и въ школахъ теперь ребятишекъ сѣкутъ... вотъ оно что, родная моя.

Что это вы пишете мнѣ, Варвара Алексѣевна, про удобства, про покой и про разныя разности? Маточка моя, я не брезгливъ и не требователенъ, никогда лучше теперешняго не жилъ: такъ чего-же на старости-то лѣтъ привередничать? Я сытъ, одѣтъ, обутъ;

да и куда намъ затѣи затѣвать! — Не графскаго рода!—Родитель мой былъ не изъ дворянскаго званія, и со всей-то семьей своей былъ бѣднѣе меня по доходу. Я не нѣженка! Впрочемъ, если на правду пошло, то на старой квартирѣ моей все было не въ примѣръ лучше: попривольнѣе было, маточка. Конечно, и теперешняя моя квартира хороша, даже въ нѣкоторомъ отношеніи веселѣе и, если хотите, разнообразнѣе: я противъ этого ничего не говорю, да все старой жаль. Мы, старые, то есть, пожилые люди, къ старымъ вещамъ, какъ къ родному чему, привыкаемъ. Квартирка-то была, знаете, маленькая такая; стѣны были... ну, да что говорить!—стѣны были какъ и всѣ стѣны, не въ нихъ и дѣло, а вотъ воспоминанія-то обо всемъ моемъ прежнемъ на меня тоску нагоняютъ... Странное дѣло—тяжело, а воспоминанія какъ будто пріятныя. Даже что̀ дурно было, на что̀ подъ-часъ и досадовалъ, и то въ воспоминаніяхъ какъ-то очищается отъ дурнаго и предстаетъ воображенію моему въ привлекательномъ видѣ. Тихо жили мы, Варинька; я да хозяйка моя, старушка, покойница. Вотъ и старушку-то мою съ грустнымъ чувствомъ припоминаю теперь! Хорошая была она женщина и не дорого брала за квартиру. Она, бывало, все вязала изъ лоскутковъ разныхъ одѣяла на аршинныхъ спицахъ; только этимъ и занималась. Огонь-то мы съ нею вмѣстѣ держали, такъ за однимъ столомъ и работали. Внучка у ней Маша была—ребенкомъ еще помню ее—лѣтъ тринадцати будетъ теперь дѣвочка. Такая шалунья была, веселенькая, все насъ смѣшила; вотъ мы втроемъ такъ и жили. Бывало, въ длинный зимній вечеръ присядемъ къ круглому столу, выпьемъ чайку, а потомъ и за дѣло примемся. А старушка, чтобъ Машѣ не скучно было, да чтобъ не шалила шалунья, сказки, бывало, начнетъ сказывать. И какія сказки-то были! Не то что дитя, и толковый и умный человѣкъ заслушается. Чего! Самъ я, бывало, закурю себѣ трубочку, да такъ заслушаюсь, что и про дѣло забуду. А дитя-то, шалунья-то наша, призадумается; подопретъ ручонкой розовую щечку, ротикъ свой раскроетъ хорошенькій, и чуть страшная сказка, такъ жмется-жмется къ старушкѣ. А намъ-то любо было смотрѣть на нее; и не увидишь какъ свѣчка нагоритъ, не слышишь, какъ на дворѣ подъ-часъ и вьюга злится, и мятель мететъ.—Хорошо было намъ жить, Варинька; и вотъ такъ-то мы чуть-ли не двадцать лѣтъ вмѣстѣ прожили.—Да что я тутъ заболтался! Вамъ, можетъ быть, такая матерія не нравится, да и мнѣ вспоминать не такъ-то легко,—особливо теперь: время сумерки. Тереза съ чѣмъ-то возится, у меня болитъ голова, да и спина немного болитъ, да и мысли-то такія чудныя, какъ будто и онѣ тоже болятъ; грустно мнѣ сегодня, Варинька! — Что-же это вы пишете,

родная моя? Какъ-же я къ вамъ приду? Голубчикъ мой, что люди-то скажутъ? Вѣдь вотъ черезъ дворъ перейдти нужно будетъ, наши замѣтятъ, разспрашивать станутъ, — толки пойдутъ, сплетни пойдутъ, дѣлу дадутъ другой смыслъ. Нѣтъ, ангельчикъ мой, я ужь васъ лучше завтра у всенощной увижу; это будетъ благоразумнѣе и для обоихъ насъ безвреднѣе. Да не взыщите на мнѣ, маточка, за то, что я вамъ такое письмо написалъ; какъ перечелъ, такъ и вижу, что все такое безсвязное. Я, Варинька, старый, неученый человѣкъ; съ молоду не выучился, а теперь и въ умъ ничего не пойдетъ, коли снова учиться начинать. Сознаюсь, маточка, не мастеръ описывать и знаю, безъ чужаго инаго указанія и пересмѣиванія, что если захочу что нибудь написать позатѣйливѣе, такъ вздору нагорожу. — Видѣлъ васъ у окна сегодня, видѣлъ какъ вы стору опустили. Прощайте, прощайте, храни васъ Господь! Прощайте, Варвара Алексѣевна.

Вашъ безкорыстный другъ

Макаръ Дѣвушкинъ.

P. S. Я, родная моя, сатиры-то ни объ комъ не пишу теперь. Старъ я сталъ, матушка, Варвара Алексѣевна, чтобъ по пусту зубы скалить! И надо мной засмѣются, по русской пословицѣ: — кто, дескать, другому яму роетъ, такъ тотъ... и самъ туда-же.

Апрѣля 9.

Милостивый Государь, Макаръ Алексѣевичъ!

Ну, какъ вамъ не стыдно, другъ мой и благодѣтель, Макаръ Алексѣевичъ, такъ закручиниться и закапризничать. Неужели вы обидѣлись! Ахъ, я часто бываю неосторожна, но не думала, что вы слова мои примете за колкую шутку. Будьте увѣрены, что я никогда не осмѣлюсь шутить надъ вашими годами и надъ вашимъ характеромъ. Случилось-же это все по моей вѣтренности, а болѣе потому, что ужасно скучно, а отъ скуки и за что не возьмешься? Я-же полагала, что вы сами въ своемъ письмѣ хотѣли посмѣяться. Мнѣ ужасно грустно стало, когда я увидѣла, что вы недовольны мною. Нѣтъ, добрый другъ мой и благодѣтель, вы ошибаетесь, если будете подозрѣвать меня въ нечувствительности и неблагодарности. Я умѣю оцѣнить въ моемъ сердцѣ все, что вы для меня сдѣлали, защитивъ меня отъ злыхъ людей, отъ ихъ гоненія и ненависти.

Я вѣчно буду за васъ Бога молить, и если моя молитва доходна къ Богу и небо внемлетъ ей, то вы будете счастливы.

Я сегодня чувствую себя очень нездоровою. Во мнѣ жаръ и ознобъ попеременно. Ѳедора за меня очень безпокоится. Вы напрасно стыдитесь ходить къ намъ, Макаръ Алексѣевичъ. Какое другимъ дѣло! Вы съ нами знакомы, и дѣло съ концомъ!.. Прощайте, Макаръ Алексѣевичъ. Болѣе писать теперь не о чемъ, да и не могу: ужасно нездоровится. Прошу васъ еще разъ не сердиться на меня и быть увѣрену въ томъ всегдашнемъ почтеніи и въ той привязанности,

съ каковыми честь имѣю пребыть напреданнѣйшею
и покорнѣйшею услужницей вашей
Варварой Доброселовой.

Апрѣля 12.

Милостивая Государыня, Варвара Алексѣевна!

Ахъ, маточка моя, что это съ вами! Вѣдь вотъ каждый-то разъ вы меня такъ пугаете. Пишу вамъ въ каждомъ письмѣ, чтобъ вы береглись, чтобъ вы кутались, чтобъ не выходили въ дурную погоду, осторожность во всемъ наблюдали-бы,—а вы, ангельчикъ мой, меня и не слушаетесь. Ахъ, голубчикъ мой, ну, словно вы дитя какое нибудь! Вѣдь вы слабенькія, какъ соломенка слабенькія, это я знаю. Чуть вѣтерочекъ какой, такъ ужь вы и хвораете. Такъ остерегаться нужно, самой о себѣ стараться, опасности избѣгать, и друзей своихъ въ горе и въ унынiе не вводить.

Изъявляете желанiе, маточка, въ подробности узнать о моемъ житьѣ-бытьѣ и обо всемъ меня окружающемъ. Съ радостью спѣшу исполнить ваше желанiе, родная моя. Начну съ начала, маточка: больше порядку будетъ. Во первыхъ, въ домѣ у насъ на чистомъ входѣ лѣстницы весьма посредственныя; особливо парадная—чистая, свѣтлая, широкая, все чугунь да красное дерево. Зато ужь про черную и не спрашивайте: винтовая, сырая, грязная, ступеньки поломаны, и стѣны такiя жирныя, что рука прилипаетъ, когда на нихъ опрасньея. На каждой площадкѣ стоятъ сундуки, стулья и шкафы поломанные, вѣтошки развѣшаны, окна повыбиты; лоханки стоятъ со всякою нечистью, съ грязью, съ соромъ, съ яичною скорлупою да съ рыбьими пузырями; запахъ дурной... однимъ словомъ, нехорошо.

Я уже описывалъ вамъ расположеніе комнатъ; оно,—нечего сказать,—удобно, это правда, но какъ-то въ нихъ душно, то есть не то чтобы оно пахло дурно, а такъ, если можно выразиться, немного гнилой, остро-услащенный запахъ какой-то. На первый разъ впечатлѣніе невыгодное, но это все ничего; стоитъ только минуты двѣ побыть у насъ, такъ и пройдетъ и не почувствуешь, какъ все пройдетъ, потому что и самъ какъ-то дурно пропахнешь, и платье пропахнетъ, и руки пропахнутъ, и все пропахнетъ,—ну, и привыкнешь. У насъ чижики такъ и мрутъ. Мичманъ ужъ пятаго покупаетъ,—не живутъ въ нашемъ воздухѣ да и только. Кухня у насъ большая, обширная, свѣтлая. Правда, по утрамъ чадно немного, когда рыбу или говядину жарятъ, да и льютъ и намочатъ вездѣ, зато ужъ вечеромъ рай. Въ кухнѣ у насъ на веревкахъ всегда бѣлье виситъ старое; а такъ какъ моя комната недалеко, то есть почти примыкаетъ къ кухнѣ, то запахъ отъ бѣлья меня безпокоитъ немного; но ничего: поживешь и попривыкнешь.

Съ самаго ранняго утра, Варинька, у насъ возня начинается. встаютъ, ходятъ, стучатъ,—это поднимаются всѣ, кому надо, кто въ службѣ или такъ, самъ по себѣ; всѣ пить чай начинаютъ. Самовары у насъ хозяйскіе, большею частію, мало ихъ, ну такъ мы всѣ очередь держимъ; а кто попадетъ не въ очередь со своимъ чайникомъ, такъ сейчасъ тому голову вымоютъ. Вотъ я было попалъ въ первый разъ, да... впрочемъ, что-же писать! Тутъ-то я со всѣми и познакомился. Съ мичманомъ съ первымъ познакомился; откровенный такой, все мнѣ разсказалъ: про батюшку, про матушку, про сестрицу, что̀ за тульскимъ засѣдателемъ, и про городъ Кронштадтъ. Обѣщалъ мнѣ во всемъ покровительствовать, и тутъ-же меня къ себѣ на чай пригласилъ. Отыскалъ я его въ той самой комнатѣ, гдѣ у насъ обыкновенно въ карты играютъ. Тамъ мнѣ дали чаю и непремѣнно хотѣли, чтобъ я въ азартную игру съ ними игралъ. Смѣялись-ли они, нѣтъ-ли надо мною, не знаю; только сами они всю ночь напролетъ проиграли, и когда я вошелъ, такъ тоже играли. Мѣлъ, карты, дымъ такой ходилъ по всей комнатѣ, что глаза ѣло. Играть я не сталъ, и мнѣ сейчасъ замѣтили, что я про философію говорю. Потомъ ужъ никто со мною и не говорилъ все время: да я, по правдѣ, радъ былъ тому. Не пойду къ нимъ теперь: азартъ у нихъ, чистый азартъ! Вотъ у чиновника по литературной части бываютъ также собранія по вечерамъ. Ну, у того хорошо, скромно, невинно и деликатно; все на тонкой ногѣ.

Ну, Варинька, замѣчу вамъ еще мимоходомъ, что пренадкая женщина наша хозяйка, къ тому-же сущая вѣдьма. Вы видѣли Терезу. Ну, что̀ она такое на самомъ-то дѣлѣ? Худая, какъ общи-

пашный, чахлый цыпленокъ. Въ домѣ и людей-то всего двое: Тереза да Фальдони, хозяйскій слуга. Я не знаю, можетъ быть, у него есть и другое какое имя, только онъ и на это откликается; всѣ его такъ зовутъ. Онъ рыжій, чухна какая-то, кривой, куносый, грубіянъ: все съ Терезой бранится, чуть не дерутся. Вообще сказать, жить мнѣ здѣсь не такъ чтобы совсѣмъ было хорошо... Чтобъ этакъ всѣмъ разомъ ночью заснуть и успокоиться — этого никогда не бываетъ. Ужь вѣчно гдѣ нибудь сидятъ да играютъ, а иногда и такое дѣлается, что зазорно разсказывать. Теперь ужь я всетаки пообвыкъ, а вотъ удивляюсь, какъ въ такомъ содомѣ семейные люди уживаются. Цѣлая семья бѣдняковъ какихъ-то у нашей хозяйки комнату нанимаетъ, только не рядомъ съ другими номерами, а по другую сторону, въ углу, отдѣльно. Люди смирные! Объ нихъ никто ничего и не слышитъ. Живутъ они въ одной комнаткѣ, огородясь въ ней перегородкою. Онъ какой-то чиновникъ безъ мѣста, изъ службы лѣтъ семь тому исключенный за что-то. Фамилія его Горшковъ; такой сѣденькій, маленькій; ходитъ въ такомъ засаленномъ, въ такомъ истертомъ платьѣ, что больно смотрѣть; куда хуже моего! Жалкій, хилый такой (встрѣчаемся мы съ нимъ иногда въ корридорѣ); колѣнки у него дрожатъ, руки дрожатъ, голова дрожитъ, ужь отъ болѣзни что-ли какой, Богъ его знаетъ; робкій, боится всѣхъ, ходитъ стороночкой; ужь я застѣнчивъ подъ-часъ, а этотъ еще хуже. Семейства у него—жена и трое дѣтей. Старшій, мальчикъ, весь въ отца, тоже такой чахлый. Жена была когда-то собою весьма недурна, и теперь замѣтно: ходитъ, бѣдная, въ такомъ жалкомъ отрепьи. Они, я слышалъ, задолжали хозяйкѣ; она съ ними что-то не слишкомъ ласкова. Слышалъ тоже, что у самого-то Горшкова непріятности есть какія-то, по которымъ онъ и мѣста лишился... процессъ не процессъ, подъ судомъ не подъ судомъ, подъ слѣдствіемъ какимъ-то, что-ли ужь, истинно не могу вамъ сказать. Бѣдны-то они бѣдны—Господи, Богъ мой! Всегда у нихъ въ комнатѣ тихо и смирно, словно и не живетъ никто. Даже дѣтей не слышно. И не бываетъ этого, чтобы когда нибудь поръзвились, поиграли дѣти, а ужь это худой знакъ. Какъ-то мнѣ разъ, вечеромъ, случилось мимо ихъ дверей пройдти; на ту пору въ домѣ стало что-то не по обычному тихо: слышу всхлипываніе, потомъ шепотъ, опять всхлипываніе, точно какъ будто плачутъ, да такъ тихо, такъ жалко, что у меня все сердце надорвалось, и потомъ всю ночь мысль объ этихъ бѣдныхъ меня не покидала, такъ что и заснуть не удалось хорошенько.

Ну, прощайте, дружочекъ безцѣнный мой, Варинька! Описалъ я вамъ все, какъ умѣлъ. Сегодня я весь день все только объ васъ и ду-

маю. У меня за васъ, родная моя, все сердце изныло. Вѣдь вотъ, душечка моя, я вотъ знаю, что у васъ теплаго салона нѣтъ. Ужь эти мнѣ петербургскія весны, вѣтры, да дождички со снѣжкомъ,— ужь это смерть моя, Варинька! Такое благорастворенiе воздуховъ, что убереги меня, Господи! Не взыщите, душечка, на писанiи; слогу нѣтъ, Варинька, слогу нѣтъ никакого. Хоть-бы какой нибудь былъ! Ишшу, что̀ на умъ взбредетъ, такъ, чтобы васъ только поразвеселить чѣмъ нибудь. Вѣдь вотъ, если-бъ я учился какъ нибудь, дѣло другое; а то вѣдь какъ я учился? Даже и не на мѣдныя деньги.

Вашъ всегдашнiй и вѣрный другъ

Макаръ Дѣвушкинъ.

Апрѣля 25.

Милостивый Государь, Макаръ Алексѣевичъ!

Сегодня двоюродную сестру мою Сашу встрѣтила! Ужасъ! И она погибнетъ, бѣдная! Услышала я тоже со стороны, что Анна Ѳедоровна все обо мнѣ вывѣдываетъ. Она, кажется, никогда не перестанетъ меня преслѣдовать. Она говоритъ, что хочетъ *простить меня*, забыть все прошедшее, и что непремѣнно сама навѣститъ меня. Говоритъ, что вы мнѣ вовсе не родственникъ, что она ближе мнѣ родственница, что въ семейныя отношенiя наши вы не имѣете никакого права входить, и что мнѣ стыдно и неприлично жить вашей милостыней и на вашемъ содержанiи... говоритъ, что я забыла ея хлѣбъ-соль, что она меня съ матушкой, можетъ быть, отъ голодной смерти избавила, что она насъ поила-кормила, и слишкомъ два съ половиной года на насъ убыточилась, что она намъ сверхъ всего этого долгъ простила. И матушку-то она пощадить не хотѣла! А если-бы знала бѣдная матушка, что̀ они со мною сдѣлали! Богъ видитъ!.. Анна Ѳедоровна говоритъ, что я по глупости моей своего счастiя удержать не умѣла, что она сама меня на счастiе наводила, что она ни въ чемъ остальномъ не виновата, и что я сама за честь свою не умѣла, а, можетъ быть, и не хотѣла вступиться. А кто-же тутъ виноватъ, Боже великiй! Она говоритъ, что господинъ Быковъ правъ совершенно, и что не на всякой-же жениться, которая... да что писать! Жестоко слышать такую неправду, Макаръ Алексѣевичъ! Я не знаю, что̀ со мной теперь дѣлается. Я дрожу, плачу, рыдаю; это письмо я вамъ два часа писала. Я ду-

мала, что она, по крайней мѣрѣ, сознать свою вину предо мною; а она вотъ какъ теперь!—Ради Бога, не тревожьтесь, другъ мой, единственный доброжелатель мой! Ѳедора все преувеличиваетъ: я не больна. Я только простудилась немного вчера, когда ходила на Волково къ матушкѣ панихиду служить. Зачѣмъ вы не пошли вмѣстѣ со мною:—я васъ такъ просила. Ахъ, бѣдная, бѣдная моя матушка, если-бъ ты встала изъ гроба, если-бъ ты знала, если-бъ ты видѣла, что̀ они со мною сдѣлали!..

В. Д.

Мая 20.

Голубчикъ мой, Варинька!

Посылаю вамъ винограду немного, душечка; для выздоравливающей это, говорятъ, хорошо, да и докторъ рекомендуетъ для утоленія жажды, такъ только единственно для жажды. Вамъ розанчиковъ намедни захотѣлось, маточка: такъ вотъ я вамъ ихъ теперь посылаю. Есть-ли у васъ аппетитъ, душечка? — вотъ что̀ главное. Впрочемъ, слава Богу, что все прошло и кончилось, и что несчастія наши тоже совершенно оканчиваются. Воздадимъ благодареніе Небу! А что до книжекъ касается, то достать покамѣстъ нигдѣ не могу. Есть тутъ, говорятъ, хорошая книжка одна, и весьма высокимъ слогомъ написанная; говорятъ, что хороша, я самъ не читалъ, а здѣсь очень хвалятъ. Я просилъ ее для себя; обѣщались препроводить. Только будете-ли вы-то читать? Вы у меня на этотъ счетъ привередница; трудно угодить на вашъ вкусъ, ужь я васъ знаю, голубчикъ вы мой; вамъ вѣрно все стихотворство надобно, воздыханій, амуровъ,—ну, и стиховъ достану, всего достану: тамъ есть тетрадка одна переписанная.

Я-то живу хорошо. Вы, маточка, обо мнѣ не безпокойтесь, пожалуйста. А что̀ Ѳедора вамъ насказала на меня, такъ все это вздоръ; вы ей скажите, что она налгала, непремѣнно скажите ей, сплетницѣ!.. Я новаго вицъ-мундира совсѣмъ не продавалъ. Да и зачѣмъ, сами разсудите, зачѣмъ продавать? Вотъ, говорятъ, мнѣ сорокъ рублей серебромъ награжденія выходитъ, такъ зачѣмъ-же продавать? Вы, маточка, не безпокойтесь; —она мнительна, Ѳедора-то, она мнительна. Заживемъ мы, голубчикъ мой! Только вы-то, ангельчикъ, выздоравливайте, ради Бога, выздоравливайте, не огорчите старика. Кто это говоритъ вамъ, что я похудѣлъ? Клевета,

Михаилъ Андреевичъ Достоевскій, отецъ Ѳ. М. Достоевскаго.

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ.

опять клевета! Здоровехонекъ и растолстѣлъ такъ, что самому становится совѣстно, сытъ и доволенъ по горло: вотъ только-бы вы-то выздоравливали! Ну, прощайте, мой ангельчикъ: цалую всѣ ваши пальчики и пребываю

вашимъ вѣчнымъ, неизмѣннымъ другомъ
Макаромъ Дѣвушкинымъ.

P. S. Ахъ, душенька моя, что это вы опять въ самомъ дѣлѣ стали писать?... О чемъ вы блажите-то! Да какъ-же мнѣ ходить къ вамъ такъ часто, маточка, какъ? Я васъ спрашиваю. Развѣ темнотою ночною пользуясь; да вотъ теперь и ночей-то почти не бываетъ: время такое. Я и то, маточка моя, ангельчикъ, васъ почти совсѣмъ не покидалъ во все время болѣзни вашей, во время безпамятства-то вашего; но и тутъ я и самъ ужь не знаю, какъ я всѣ эти дѣла обдѣлывалъ; да и то потомъ пересталъ ходить, ибо любопытствовать и разспрашивать начали. Здѣсь ужь и безъ того сплетня запелась какая-то. Я на Терезу надѣюсь: она не болтлива: но все-же, сами разсудите вы, маточка, каково это будетъ, когда они все узнаютъ про насъ? Что-то они подумаютъ и что они скажутъ тогда?—Такъ вотъ вы скрѣпите сердечко, маточка, да пережидите до выздоровленія; а мы потомъ ужь такъ, гдѣ нибудь рандеву дадимъ.

Іюня 1.

Любезнѣйшій Макаръ Алексѣевичъ!

Мнѣ такъ хочется сдѣлать вамъ что нибудь угодное и пріятное за всѣ ваши хлопоты и старанія обо мнѣ, за всю вашу любовь ко мнѣ, что я рѣшилась, наконецъ, на скуку порыться въ моемъ комодѣ и отыскать мою тетрадь, которую теперь и посылаю вамъ. Я начала ее еще въ счастливое время жизни моей. Вы часто съ любопытствомъ разспрашивали о моемъ прежнемъ житьѣ-бытьѣ, о матушкѣ, о Покровскомъ, о моемъ пребываніи у Анны Ѳедоровны и, наконецъ, о недавнихъ несчастіяхъ моихъ, и такъ петербурженно желали прочесть эту тетрадь, гдѣ мнѣ вздумалось, Богъ знаетъ для чего, отмѣтить кое-какія мгновенія изъ моей жизни, что я не сомнѣваюсь принести вамъ большое удовольствіе моею посылкою. Мнѣ-же какъ-то грустно было перечитывать это. Мнѣ кажется, что я уже вдвое постарѣла съ тѣхъ поръ какъ написала въ этихъ запискахъ послѣднюю строчку. Все это писано въ раз-

ные сроки. Прощайте, Макаръ Алексѣевичъ! Мнѣ ужасно скучно теперь и меня часто мучитъ безсонница. Прескучное выздоровленіе!

В. Д.

I.

Мнѣ было только четырнадцать лѣтъ, когда умеръ батюшка. Дѣтство мое было самымъ счастливымъ временемъ моей жизни. Началось оно не здѣсь, но далеко отсюда, въ провинціи, въ глуши. Батюшка былъ управителемъ огромнаго имѣнія князя П—го, въ Т—й губерніи. Мы жили въ одной изъ деревень князя, и жили тихо, неслышно, счастливо... Я была такая рѣзвая маленькая; только и дѣлаю, бывало, что бѣгаю по полямъ, по рощамъ, по саду, а обо мнѣ никто и не заботился. Батюшка безпрерывно былъ занятъ дѣлами, матушка занималась хозяйствомъ; меня ничему не учили, а я тому и рада была. Бывало, съ самаго ранняго утра убѣгу или на прудъ, или въ рощу, или на сѣнокосъ, или къ жнецамъ — и нужды нѣтъ, что солнце печетъ, что забѣжишь сама не знаешь куда отъ селенья, исцарапаешься объ кусты, разорвешь свое платье:— дома послѣ бранятъ, а мнѣ и ничего.

И мнѣ кажется, я-бы такъ была счастлива, если-бъ пришлось хоть всю жизнь мою не выѣзжать изъ деревни и жить на одномъ мѣстѣ. А, между тѣмъ, я еще дитею принуждена была оставить родныя мѣста. Мнѣ было еще только двѣнадцать лѣтъ, когда мы въ Петербургъ переѣхали. Ахъ, какъ я грустно помню наши печальные сборы! Какъ я плакала, когда прощалась со всѣмъ, что̀ такъ было мило мнѣ. Я помню, что я бросилась на шею батюшкѣ и со слезами умоляла остаться хоть немножко въ деревнѣ. Батюшка закричалъ на меня, матушка плакала; говорила, что надобно, что дѣла этого требовали. Старый князь П—й умеръ. Наслѣдники отказали батюшкѣ отъ должности. У батюшки были кой-какія деньги въ оборотахъ въ рукахъ частныхъ лицъ въ Петербургѣ. Надѣясь поправить свои обстоятельства, онъ почелъ необходимымъ свое личное здѣсь присутствіе Все это я узнала послѣ отъ матушки. Мы здѣсь поселились на Петербургской сторонѣ и прожили на одномъ мѣстѣ до самой кончины батюшки.

Какъ тяжело было мнѣ привыкать къ новой жизни! Мы въѣхали въ Петербургъ осенью. Когда мы оставляли деревню, день былъ такой свѣтлый, теплый, яркій; сельскія работы кончались; на гумнахъ уже громоздились огромныя скирды хлѣба и толпились крикливыя стаи птицъ; все было такъ ясно и весело; а здѣсь, при въѣздѣ нашемъ въ городъ, дождь, гнилая осенняя изморозь, непогода, сля-

коть и толпа новыхъ, незнакомыхъ лицъ, негостепріимныхъ, недовольныхъ, сердитыхъ! Кое-какъ мы устроились. Помню, всѣ такъ суетились у насъ, все хлопотали, обзаводились новымъ хозяйствомъ. Батюшки все не было дома, у матушки не было покойной минуты — меня позабыли совсѣмъ. Грустно мнѣ было вставать по утру, послѣ первой ночи на нашемъ новосельи. Окна наши выходили на какой-то желтый заборъ. На улицѣ постоянно была грязь. Прохожіе были рѣдки, и всѣ они такъ плотно кутались, всѣмъ такъ было холодно.

А дома у насъ по цѣлымъ днямъ была страшная тоска и скука. Родныхъ и близкихъ знакомыхъ у насъ почти не было. Съ Анной Ѳедоровной батюшка былъ въ ссорѣ. (Онъ былъ ей что-то долженъ). Ходили къ намъ довольно часто люди по дѣламъ. Обыкновенно спорили, шумѣли, кричали. Послѣ каждаго посѣщенія, батюшка дѣлался такимъ недовольнымъ, сердитымъ; по цѣлымъ часамъ ходитъ, бывало, изъ угла въ уголъ, нахмурясь, и ни съ кѣмъ слова не вымолвитъ. Матушка не смѣла тогда и заговорить съ нимъ и молчала. Я садилась куда нибудь въ уголокъ за книжку—смирно, тихо, пошевелиться, бывало, не смѣю.

Три мѣсяца спустя по пріѣздѣ нашемъ въ Петербургъ, меня отдали въ пансіонъ. Вотъ грустно-то мнѣ было сначала въ чужихъ людяхъ! Все такъ сухо, непривѣтливо было;—гувернантки такія крикуньи, дѣвицы такія насмѣшницы, а я такая дикарка. Строго, взыскательно! Часы на все положенные, общій столъ, скучные учителя—все это меня сначала истерзало, измучило. Я тамъ и спать не могла. Плачу, бывало, цѣлую ночь, длинную, скучную, холодную ночь. Бывало, по вечерамъ всѣ повторяютъ или учатъ уроки: я сижу себѣ за разговорами или вокабулами, пошевельнуться не смѣю, а сама все думаю про домашній нашъ уголъ, про батюшку, про матушку, про мою старушку-няню, про нянины сказки... ахъ, какъ сгрустнется! Объ самой пустой вещицѣ въ домѣ, и о той съ удовольствіемъ вспоминаешь. Думаешь-думаешь: вотъ какъ-бы хорошо теперь было дома! Сидѣла-бы я въ маленькой комнаткѣ нашей, у самовара, вмѣстѣ съ нашими; было-бы такъ тепло, хорошо, знакомо. Какъ-бы, думаешь, обняла теперь матушку, крѣпко-крѣпко, горячо-горячо! — Думаешь-думаешь, да и заплачешь тихонько съ тоски, давя въ груди слезы, и пойдутъ на умъ вокабулы. Къ завтраму урока не выучишь: всю ночь снятся учитель, мадамъ, дѣвицы: всю ночь во снѣ уроки твердишь, а на другой день ничего не знаешь. Поставятъ на колѣни, дадутъ одно кушанье. Я была такая невеселая, скучная. Сначала всѣ дѣвицы надо мной смѣялись, дразнили меня, сбивали, когда я говорила уроки, щипали, когда мы въ рядахъ шли къ обѣду или къ чаю, жаловались на меня ни за что

ни про что гувернантѣ. Зато какой рай, когда няня придетъ, бывало, за мной въ субботу вечеромъ. Такъ и обниму, бывало, мою старушку въ изступленіи радости. Она меня одѣнетъ, укутаетъ, дорогою не поспѣваетъ за мной, а я ей все болтаю, болтаю, разсказываю. Домой приду веселая, радостная, крѣпко обниму нашихъ, какъ будто послѣ десятилѣтней разлуки. Начнутся толки, разговоры, разсказы; со всѣми здороваешься, смѣешься, хохочешь, бѣгаешь, прыгаешь. Съ батюшкой начнутся разговоры серіозные, о наукахъ, о нашихъ учителяхъ, о французскомъ языкѣ, о грамматикѣ Ломонда— и всѣ мы такъ веселы, такъ довольны. Мнѣ и теперь весело вспоминать объ этихъ минутахъ. Я всѣми силами старалась учиться и угождать батюшкѣ. Я видѣла, что онъ послѣднее на меня отдавалъ, а самъ бился Богъ знаетъ какъ. Съ каждымъ днемъ онъ становился все мрачнѣе, недовольнѣе, сердитѣе: характеръ его совсѣмъ испортился: дѣла не удавались, долговъ было пропасть. Матушка, бывало, и плакать боялась, слово сказать боялась, чтобы не разсердить батюшку; сдѣлалась больная такая: все худѣла, худѣла и стала дурно кашлять. Я, бывало, приду изъ пансіона — все такія грустныя лица: матушка потихоньку плачетъ, батюшка сердится. Начнутся упреки, укоры. Батюшка начнетъ говорить, что я ему не доставляю никакихъ радостей, никакихъ утѣшеній; что они изъ-за меня послѣдняго лишаются, а я до сихъ поръ не говорю по французски: однимъ словомъ, всѣ неудачи, всѣ несчастія, все, все вымѣщалось на мнѣ и на матушкѣ. А какъ можно было мучить бѣдную матушку? Глядя на нее, сердце разрывалось, бывало; щеки ея ввалились, глаза вяли, въ лицѣ былъ такой чахоточный цвѣтъ. Мнѣ доставалось больше всѣхъ. Начиналось всегда изъ пустяковъ, а потомъ ужь Богъ знаетъ до чего доходило: часто я даже не понимала о чемъ идетъ дѣло. Чего не причиталось!.. И французскій языкъ, и что я больная дура, и что содержательница нашего пансіона нерадивая, глупая женщина; что она объ нашей нравственности не заботится; что батюшка службы себѣ до сихъ поръ не можетъ найдти, и что грамматика Ломонда скверная грамматика, а Ваньскаго гораздо лучше; что на меня денегъ много бросили попустому; что я, видно, безчувственная, каменная—однимъ словомъ, я, бѣдная, изъ всѣхъ силъ билась, твердя разговоры и вокабулы, а во всемъ была виновата, за все отвѣчала! И это совсѣмъ не оттого, чтобы батюшка не любилъ меня: во мнѣ и матушкѣ онъ души не слышалъ. Но ужь это такъ, характеръ былъ такой.

Заботы, огорченія, неудачи измучили бѣднаго батюшку до крайности: онъ сталъ недовѣрчивъ, желченъ; часто былъ близокъ къ

отчаянію, началъ пренебрегать своимъ здоровьемъ, простудился, и вдругъ заболѣлъ, страдалъ недолго и скончался такъ внезапно, такъ скоропостижно, что мы всѣ нѣсколько дней были внѣ себя отъ удара. Матушка была въ какомъ-то оцѣпенѣніи; я даже боялась за ея разсудокъ. Только что скончался батюшка, кредиторы явились къ намъ какъ изъ земли, нахлынули гурьбою. Все, что у насъ ни было, мы отдали. Нашъ домикъ на Петербургской сторонѣ, который батюшка купилъ полгода спустя послѣ переселенія нашего въ Петербургъ, былъ такъ-же проданъ. Не знаю, какъ уладили остальное, но сами мы остались безъ крова, безъ пристанища, безъ пропитанія. Матушка страдала изнурительною болѣзнію, прокормить мы себя не могли, жить было нечѣмъ, впереди была гибель. Мнѣ тогда только минуло четырнадцать лѣтъ. Вотъ тутъ-то насъ и посѣтила Анна Ѳедоровна. Она все говоритъ, что она какая-то помѣщица и намъ доводится какою-то родней. Матушка тоже говорила, что она намъ родня, только очень дальняя. При жизни батюшки, она къ намъ никогда не ходила. Явилась она со слезами на глазахъ, говорила, что принимаетъ въ насъ большое участіе; соболѣзновала о нашей потерѣ, о нашемъ бѣдственномъ положеніи, прибавила, что батюшка былъ самъ виноватъ: что онъ не по силамъ жилъ, далеко забирался, и что ужь слишкомъ на свои силы надѣялся. Обнаружила желаніе сойдтись съ нами короче, предложила забыть обоюдныя непріятности; а когда матушка объявила, что никогда не чувствовала къ ней непріязни, то она прослезилась, повела матушку въ церковь и заказала панихиду по голубчикѣ (такъ она выразилась о батюшкѣ). Послѣ этого она торжественно помирилась съ матушкой.

Послѣ долгихъ вступленій и предувѣдомленій, Анна Ѳедоровна, изобразивъ въ яркихъ краскахъ наше бѣдственное положеніе, сиротство, безнадежность, безпомощность, пригласила насъ, какъ она сама выразилась, у ней пріютиться. Матушка благодарила, но долго не рѣшалась: но такъ какъ дѣлать было нечего, и иначе распоряжиться никакъ нельзя, то и объявила, наконецъ, Аннѣ Ѳедоровнѣ, что ея предложеніе мы принимаемъ съ благодарностью. Какъ теперь помню утро, въ которое мы перебирались съ Петербургской стороны на Васильевскій островъ. Утро было осеннее, ясное, сухое, морозное. Матушка плакала: мнѣ было ужасно грустно; грудь у меня разрывалась, душу томило отъ какой-то неизъяснимой, страшной тоски... Тяжкое было время. . . . . .
. . . . . .

II.

Сначала, покамѣсть еще мы, то есть я и матушка, не обжились на нашемъ новосельи, намъ обѣимъ было какъ-то жутко, дико у Анны Ѳедоровны. Анна Ѳедоровна жила въ собственномъ домѣ, въ шестой линіи. Въ домѣ всего было пять чистыхъ комнатъ. Въ трехъ изъ нихъ жила Анна Ѳедоровна и двоюродная сестра моя, Саша, которая у ней воспитывалась, ребенокъ, сиротка, безъ отца и матери. Потомъ, въ одной комнатѣ жили мы, и, наконецъ, въ послѣдней комнатѣ, рядомъ съ нами, помѣщался одинъ бѣдный студентъ Покровскій, жилецъ у Анны Ѳедоровны. Анна Ѳедоровна жила очень хорошо, богаче, чѣмъ-бы можно было предполагать; но состояніе ея было загадочно, такъ-же какъ и ея занятія. Она всегда суетилась, всегда была озабочена, выѣзжала и выходила по нѣскольку разъ въ день; но что̀ она дѣлала, о чемъ заботилась, и для чего заботилась, этого я никакъ не могла угадать. Знакомство у ней было большое и разнообразное. Къ ней все, бывало, гости ѣздили, и все Богъ знаетъ какіе люди, всегда по какимъ-то дѣламъ и на минутку. Матушка всегда уводила меня въ нашу комнату, бывало, только что зазвенитъ колокольчикъ. Анна Ѳедоровна ужасно сердилась за это на матушку и безпрерывно твердила, что ужь мы слишкомъ горды, что не по силамъ горды, что было-бы еще чѣмъ гордиться, и по цѣлымъ часамъ не умолкала. Я не понимала тогда этихъ упрековъ въ гордости; точно такъ-же я только теперь узнала, или, по крайней мѣрѣ, предугадываю, почему матушка не рѣшалась жить у Анны Ѳедоровны. Злая женщина была Анна Ѳедоровна; она безпрерывно насъ мучила. До сихъ поръ для меня тайна, зачѣмъ именно она пригласила насъ къ себѣ? Сначала она была съ нами довольно ласкова,— а потомъ ужь и выказала свой настоящій характеръ вполнѣ, какъ увидала, что мы совершенно безпомощны и что намъ идти некуда. Впослѣдствіи, со мной она сдѣлалась весьма ласкова, даже какъ-то грубо ласкова, до лести, но сначала и я терпѣла за-одно съ матушкой. Поминутно попрекала она насъ; только и дѣлала, что твердила о своихъ благодѣяніяхъ. Постороннимъ людямъ рекомендовала насъ, какъ своихъ бѣдныхъ родственницъ, вдовицу и сироту безпомощныхъ, которыхъ она изъ милости, ради любви христіанской, у себя пріютила. За столомъ каждый кусокъ, который мы брали, слѣдила глазами, а если мы не ѣли, такъ опять начиналась исторія: дескать, мы гнушаемся; не взыщите, чѣмъ богата тѣмъ и рада; было-ли-бы еще у насъ самихъ лучше. Батюшку поминутно бранила; говорила, что лучше другихъ хотѣлъ быть, да

худо и вышло: дескать, жену съ дочерью пустилъ по міру, и что не нашлось-бы родственницы благодѣтельной, христіанской души сострадательной, такъ еще Богъ знаетъ, пришлось-бы, можетъ быть, среди улицы съ голоду сгинуть. Чего-чего она ни говорила! Не такъ горько, какъ отвратительно было ее слушать. Матушка поминутно плакала; здоровье ея становилось день ото дня хуже, она видимо чахла, а, между тѣмъ, мы съ нею работали съ утра до ночи, доставали заказную работу, шили, что̀ очень не нравилось Аннѣ Ѳедоровнѣ; она поминутно говорила, что у нея не модный магазинъ въ домѣ. Но нужно было одѣваться: нужно было на непредвидимые расходы откладывать; нужно было непремѣнно свои деньги имѣть. Мы на всякій случай копили, надѣялись, что можно будетъ со временемъ переѣхать куда нибудь. Но матушка послѣднее здоровье свое потеряла на работѣ: она слабѣла съ каждымъ днемъ. Болѣзнь, какъ червь, видимо подтачивала жизнь ея и близила къ гробу. Я все видѣла, все чувствовала, все выстрадала: все это было на глазахъ моихъ!

Дни проходили за днями и каждый день былъ похожъ на предъидущій. Мы жили тихо, какъ будто и не въ городѣ. Анна Ѳедоровна мало по малу утихала, но мѣрѣ того, какъ сама стала вполнѣ сознавать свое владычество. Ей, впрочемъ, никогда и никто не думалъ прекословить. Въ нашей комнатѣ мы были отдѣлены отъ ея половины корридоромъ, а рядомъ съ нами, какъ я уже упомянала, жилъ Покровскій. Онъ училъ Сашу французскому и нѣмецкому языкамъ, исторіи, географіи—всѣмъ наукамъ, какъ говорила Анна Ѳедоровна, и за то получалъ отъ нея квартиру и столъ; Саша была препонятливая дѣвочка, хотя рѣзвая и шалунья: ей было тогда лѣтъ тринадцать. Анна Ѳедоровна замѣтила матушкѣ, что не дурно-бы было, если-бы и я стала учиться, за тѣмъ, что въ наше время меня не доучили. Матушка съ радостію согласилась, и я цѣлый годъ училась у Покровскаго вмѣстѣ съ Сашей.

Покровскій былъ бѣдный, очень бѣдный молодой человѣкъ; здоровье его не позволяло ему ходить постоянно учиться, и его такъ, по привычкѣ только, звали у насъ студентомъ. Жилъ онъ скромно, смирно, тихо, такъ что и не слышно бывало его изъ нашей комнаты. Съ виду онъ былъ такой странный; такъ неловко ходилъ, такъ неловко раскланивался, такъ чудно говорилъ, что я сначала на него безъ смѣху и смотрѣть не могла. Саша безпрерывно надъ нимъ проказничала, особенно, когда онъ намъ уроки давалъ. А онъ вдобавокъ былъ раздражительнаго характера, безпрестанно сердился, за каждую малость изъ себя выходилъ, кричалъ на насъ, жаловался на насъ и часто, не докончивъ урока, разсерженный ухо-

дилъ въ свою комнату. У себя-же онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ за книгами. У него было много книгъ, и все такія дорогія, рѣдкія книги. Онъ кое-гдѣ еще училъ, получалъ кое-какую плату, такъ что чуть, бывало, у него заведутся деньги, такъ онъ тотчасъ идетъ себѣ книгъ покупать.

Со временемъ я узнала его лучше, короче. Онъ былъ добрѣйшій, достойнѣйшій человѣкъ, наилучшій изъ всѣхъ, которыхъ мнѣ встрѣчать удавалось. Матушка его весьма уважала. Потомъ онъ и для меня былъ лучшимъ изъ друзей,—разумѣется, послѣ матушки.

Сначала я, такая большая дѣвушка, шалила за-одно съ Сашей, и мы, бывало, по цѣлымъ часамъ ломаемъ головы, какъ-бы раздразнить и вывесть его изъ терпѣнія. Онъ ужасно смѣшно сердился, а намъ это было чрезвычайно забавно. (Мнѣ даже и вспоминать это стыдно). Разъ мы раздразнили его чѣмъ-то чуть не до слезъ, и я слышала ясно какъ онъ прошепталъ: «Злыя дѣти». Я вдругъ смутилась; мнѣ стало и стыдно, и горько, и жалко его. Я помню, что я покраснѣла до ушей и чуть не со слезами на глазахъ стала просить его успокоиться и не обижаться нашими глупыми шалостями, но онъ закрылъ книгу, не докончилъ намъ урока и ушелъ въ свою комнату. Я цѣлый день надрывалась отъ раскаянія. Мысль о томъ, что мы, дѣти, своими жестокостями довели его до слезъ, была для меня нестерпима. Мы, стало быть, ждали его слезъ. Намъ, стало быть, ихъ хотѣлось; стало быть, мы успѣли его изъ послѣдняго терпѣнія вывесть; стало быть, мы пасльно заставили его, несчастнаго, бѣднаго, о своемъ лютомъ жребіи вспомнить! Я всю ночь не спала отъ досады, отъ грусти, отъ раскаянія. Говорятъ, что раскаяніе облегчаетъ душу — напротивъ. Не знаю, какъ примѣшалось къ моему горю и самолюбіе. Мнѣ не хотѣлось, чтобы онъ считалъ меня за ребенка. Мнѣ тогда было уже пятнадцать лѣтъ.

Съ этого дня я начала мучить воображеніе мое, создавая тысячи плановъ, какимъ-бы образомъ вдругъ заставить Покровскаго измѣнить свое мнѣніе обо мнѣ. Но я была подъ-часъ робка и застѣнчива; въ настоящемъ положеніи моемъ, я ни на что не могла рѣшиться и ограничивалась одними мечтаніями (и Богъ знаетъ какими мечтаніями!). Я перестала только проказничать вмѣстѣ съ Сашей; онъ пересталъ на насъ сердиться; но для самолюбія моего этого было мало.

Теперь скажу нѣсколько словъ объ одномъ самомъ странномъ, самомъ любопытномъ и самомъ жалкомъ человѣкѣ изъ всѣхъ, которыхъ когда либо мнѣ случалось встрѣчать. Потому говорю о немъ теперь, именно въ этомъ мѣстѣ моихъ записокъ, что до самой этой

эпохи я почти не обращала на него никакого вниманія.—такъ все касавшееся Покровскаго стало для меня вдругъ занимательно!

У насъ въ домѣ являлся иногда старичокъ, замѣчательный, дурно одѣтый, маленькій, сѣденькій, мѣшковатый, неловкій, однимъ словомъ, странный до-нельзя. Съ перваго взгляда на него можно было подумать, что онъ какъ будто чего-то стыдится, какъ будто ему себя самого совѣстно. Оттого онъ все какъ-то ежился, какъ-то кривлялся; такія ухватки, ужимки были у него, что можно было почти не ошибаясь заключить, что онъ не въ своемъ умѣ. Придетъ, бывало, къ намъ, да и стоитъ въ сѣняхъ у стеклянныхъ дверей, и въ домъ войдти не смѣетъ. Кто изъ насъ мимо пройдетъ — я или Саша, или изъ слугъ, кого онъ зналъ подобрѣе къ нему — то онъ сейчасъ машетъ, манитъ къ себѣ, дѣлаетъ разные знаки, и развѣ только когда кивнешь ему головою и позовешь его—условный знакъ, что въ домѣ нѣтъ никого постороннаго и что ему можно войдти, когда ему угодно—только тогда старикъ тихонько отворялъ дверь, радостно улыбался, потиралъ руки отъ удовольствія и на цыпочкахъ прямо отправлялся въ комнату Покровскаго. Это былъ его отецъ.

Потомъ я узнала подробно всю исторію этого бѣднаго старика. Онъ когда-то гдѣ-то служилъ, былъ безъ малѣйшихъ способностей, и занималъ самое послѣднее, самое незначительное мѣсто на службѣ. Когда умерла первая его жена (мать студента Покровскаго), то онъ вздумалъ жениться во второй разъ, и женился на мѣщанкѣ. При новой женѣ, въ домѣ все пошло вверхъ дномъ; никому житья отъ нея не стало; она всѣхъ къ рукамъ прибрала. Студентъ Покровскій былъ тогда еще ребенкомъ, лѣтъ десяти. Мачиха его возненавидѣла. Но маленькому Покровскому благопріятствовала судьба. Помѣщикъ Быковъ, знавшій чиновника Покровскаго и бывшій нѣкогда его благодѣтелемъ, принялъ ребенка подъ свое покровительство и помѣстилъ его въ какую-то школу. Интересовался-же онъ имъ потому, что зналъ его покойную мать, которая еще въ дѣвушкахъ была облагодѣтельствована Анной Ѳедоровной, и выдана ею замужъ за чиновника Покровскаго. Господинъ Быковъ, другъ и короткій знакомый Анны Ѳедоровны, движимый великодушіемъ, далъ за невѣстой пять тысячъ рублей приданаго. Куда эти деньги пошли — неизвѣстно. Такъ мнѣ разсказывала все это Анна Ѳедоровна; самъ-же студентъ Покровскій никогда не любилъ говорить о своихъ семейныхъ обстоятельствахъ. Говорятъ, что его мать была очень хороша собою, и мнѣ страшно кажется, почему она такъ неудачно вышла замужъ, за такого незначительнаго человѣка... Она умерла еще въ молодыхъ лѣтахъ, года четыре спустя послѣ замужества.

Изъ школы молодой Покровскій поступилъ въ какую-то гимна-

зію, и потомъ въ университетъ. Господинъ Быковъ, весьма часто пріѣзжавшій въ Петербургъ, и тутъ не оставилъ его своимъ покровительствомъ. За разстроеннымъ здоровьемъ своимъ, Покровскій не могъ продолжать занятій своихъ въ университетѣ. Господинъ Быковъ познакомилъ его съ Анной Ѳедоровной, самъ рекомендовалъ его, и такимъ образомъ молодой Покровскій былъ принятъ на хлѣбы, съ уговоромъ учить Сашу всему, чему ни потребуется.

Старикъ-же Покровскій, съ горя отъ жестокостей жены своей, предался самому дурному пороку и почти всегда бывалъ въ нетрезвомъ видѣ. Жена его бивала, сослала жить въ кухню, и до того довела, что онъ, наконецъ, привыкъ къ побоямъ и дурному обхожденію и не жаловался. Онъ былъ еще не очень старый человѣкъ, но отъ дурныхъ наклонностей почти изъ ума выжилъ. Единственнымъ-же признакомъ человѣческихъ благородныхъ чувствъ была въ немъ неограниченная любовь къ сыну. Говорили, что молодой Покровскій похожъ какъ двѣ капли воды на покойную мать свою. Не воспоминанія-ли о прежней, доброй женѣ породили въ сердцѣ погибшаго старика такую безпредѣльную любовь къ нему? Старикъ и говорить больше ни о чемъ не могъ, какъ о сынѣ, и постоянно два раза въ недѣлю навѣщалъ его. Чаще-же приходить онъ не смѣлъ, потому что молодой Покровскій терпѣть не могъ отцовскихъ посѣщеній. Изъ всѣхъ его недостатковъ, безспорно, первымъ и важнѣйшимъ было неуваженіе къ отцу. Впрочемъ, и старикъ былъ подъ-часъ пренесноснѣйшимъ существомъ на свѣтѣ. Во первыхъ, онъ былъ ужасно любопытенъ, во вторыхъ, разговорами и разспросами, самыми пустыми и безтолковыми, онъ поминутно мѣшалъ сыну заниматься, и, наконецъ, являлся иногда въ нетрезвомъ видѣ. Сынъ понемногу отучалъ старика отъ пороковъ, отъ любопытства и отъ поминутнаго болтанія и, наконецъ, довелъ до того, что тотъ слушалъ его во всемъ, какъ оракула, и рта не смѣлъ разинуть безъ его позволенія.

Бѣдный старикъ не могъ надивиться и нарадоваться на своего Петиньку (такъ онъ называлъ сына). Когда онъ приходилъ къ нему въ гости, то почти всегда имѣлъ какой-то озабоченный, робкій видъ, вѣроятно, отъ неизвѣстности, какъ-то его приметъ сынъ, обыкновенно долго не рѣшался войдти, и если я тутъ случалась, такъ онъ меня минутъ двадцать, бывало, разспрашивалъ—что, каковъ Петинька? Здоровъ-ли онъ? Въ какомъ именно расположеніи духа, и не занимается-ли чѣмъ нибудь важнымъ? Что онъ именно дѣлаетъ? Пишетъ-ли, или размышленіями какими занимается? Когда я его достаточно ободряла и успокоивала, то старикъ, наконецъ, рѣшался войдти и тихо-тихо, осторожно-осторожно отворялъ двери,

просовывалъ сначала одну голову, и если видѣлъ, что сынъ не сердится и кивнулъ ему головой, то тихонько проходилъ въ комнату, снималъ свою шинельку, шляпу, которая вѣчно у него была измятая, дырявая, съ оторванными полями, —все вѣшалъ на крюкъ, все дѣлалъ тихо, неслышно; потомъ садился гдѣ нибудь осторожно на стулъ и съ сына глазъ не спускалъ, всѣ движенія его ловилъ, желая угадать расположеніе духа своего Петиньки. Если сынъ чуть-чуть былъ не въ духѣ, и старикъ примѣчалъ это, то тотчасъ приподымался съ мѣста и объяснялъ, «что, дескать, я такъ, Петинька, я на минутку. Я, вотъ, далеко ходилъ, проходилъ мимо и отдохнуть зашелъ». И потомъ безмолвно, покорно бралъ свою шинельку, шляпенку, опять потихоньку отворялъ дверь и уходилъ, улыбаясь черезъ силу, чтобы удержать въ душѣ накипѣвшее горе и не высказать его сыну.

Но когда сынъ приметъ, бывало, отца хорошо, то старикъ себя не слышитъ отъ радости. Удовольствіе проглядывало въ его лицѣ, въ его жестахъ, въ его движеніяхъ. Если сынъ съ нимъ заговаривалъ, то старикъ всегда приподымался немного со стула, и отвѣчалъ тихо, подобострастно, почти съ благоговѣніемъ, и всегда стараясь употреблять отборнѣйшія, то есть самыя смѣшныя выраженія. Но даръ слова ему не давался: всегда смѣшается и сробѣетъ, такъ что не знаетъ куда руки дѣвать, куда себя дѣвать, и послѣ еще долго про себя отвѣтъ шепчетъ, какъ-бы желая поправиться. Если-же удавалось отвѣчать хорошо, то старикъ охорашивался, оправлялъ на себѣ жилетку, галстукъ, фракъ и принималъ видъ собственнаго достоинства. А, бывало, до того ободрялся, до того простиралъ свою смѣлость, что тихонько вставалъ со стула, подходилъ къ полкѣ съ книгами, бралъ какую нибудь книжку, и даже тутъ-же прочитывалъ что нибудь, какая-бы ни была книга. Все это онъ дѣлалъ съ видомъ притворнаго равнодушія и хладнокровія, какъ будто-бы онъ и всегда могъ такъ хозяйничать съ сыновними книгами, какъ будто ему и не въ диковину ласка сына. Но мнѣ разъ случилось видѣть, какъ бѣднякъ испугался, когда Покровскій просилъ его не трогать книгъ. Онъ смѣшался, заторопился, поставилъ книгу вверхъ ногами, потомъ хотѣлъ поправиться, перевернулъ и поставилъ обрѣзомъ наружу, улыбался, краснѣлъ, и не зналъ чѣмъ загладить свое преступленіе. Покровскій своими совѣтами отучалъ по немногу старика отъ дурныхъ наклонностей, и какъ только видѣлъ его раза три сряду въ трезвомъ видѣ, то при первомъ посѣщеніи давалъ ему на прощанье по четвертачку, по полтинничку или больше. Иногда покупалъ ему сапоги, галстукъ или жилетку. Зато старикъ въ своей обновѣ былъ горделъ, какъ нѣ-

тухъ. Иногда онъ заходилъ къ намъ. Приносилъ мнѣ и Сашѣ пряничныхъ пѣтуниковъ, яблоковъ, и все, бывало, толкуетъ съ нами о Петинькѣ. Просилъ насъ учиться внимательно, слушаться, говорилъ, что Петинька добрый сынъ, примѣрный сынъ, и вдобавокъ ученый сынъ. Тутъ онъ такъ, бывало, смѣшно намъ подмигивалъ лѣвымъ глазкомъ, такъ забавно кривлялся, что мы не могли удержаться отъ смѣха и хохотали надъ нимъ отъ души. Маменька его очень любила. Но старикъ ненавидѣлъ Анну Ѳедоровну, хотя былъ предъ нею тише воды, ниже травы.

Скоро я перестала учиться у Покровскаго. Меня онъ по прежнему считалъ ребенкомъ, рѣзвой дѣвочкой, на одномъ ряду съ Сашей. Мнѣ было это очень больно, потому что я всѣми силами старалась загладить мое прежнее поведеніе. Но меня не замѣчали. Это раздражало меня болѣе и болѣе. Я никогда почти не говорила съ Покровскимъ нѝъ классовъ, да и не могла говорить. Я краснѣла, мѣшалась, и потомъ гдѣ нибудь въ уголку плакала отъ досады.

Я не знаю, чѣмъ-бы это все кончилось, если-бъ сближенію нашему не помогло одно странное обстоятельство. Однажды вечеромъ, когда матушка сидѣла у Анны Ѳедоровны, я тихонько вошла въ комнату Покровскаго. Я знала, что его не было дома, и, право, не знаю отчего мнѣ вздумалось войдти къ нему. До сихъ поръ я никогда и не заглядывала къ нему, хотя мы прожили рядомъ уже слишкомъ годъ. Въ этотъ разъ сердце у меня билось такъ сильно, такъ сильно, что, казалось, изъ груди хотѣло выпрыгнуть. Я осмотрѣлась кругомъ съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ. Комната Покровскаго была весьма бѣдно убрана; порядка было мало. На столѣ и на стульяхъ лежали бумаги. Книги да бумаги! Меня посѣтила странная мысль, и вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то непріятное чувство досады овладѣло мною. Мнѣ казалось, что моей дружбы, моего любящаго сердца было мало ему. Онъ былъ ученъ, а я была глупа и ничего не знала, ничего не читала, ни одной книги... Тутъ я завистливо поглядѣла на длинныя полки, которыя ломились подъ книгами. Мною овладѣла досада, тоска, какое-то бѣшенство. Мнѣ захотѣлось, и я тутъ-же рѣшилась прочесть его книги, всѣ до одной, и какъ можно скорѣе. Не знаю, можетъ быть, я думала, что научившись всему, что̀ онъ зналъ, буду достойнѣе его дружбы. Я бросилась къ первой полкѣ; не думая, не останавливаясь, схватила въ руки первый попавшійся запыленный, старый томъ, и, краснѣя, блѣднѣя, дрожа отъ волненія и страха, утащила къ себѣ краденую книгу. рѣшившись прочесть ее ночью, у ночника, когда заснетъ матушка.

Но какъ-же мнѣ стало досадно, когда я, придя въ нашу комнату, торопливо развернула книгу, и увидала какое-то старое, по-

лустившее, все изъѣденное червями латинское сочиненіе. Я воротилась, не теряя времени. Только что я хотѣла поставить книгу на полку, послышался шумъ въ корридорѣ и чьи-то близкіе шаги. Я засѣвшила, заторопилась, но несносная книга была такъ плотно поставлена въ рядъ, что, когда я вынула одну, всѣ остальныя разлались сами собою, и сплотились такъ, что теперь для прежняго ихъ товарища не оставалось болѣе мѣста. Втиснуть книгу у меня не доставало силъ. Однако-жъ, я толкнула книги какъ только могла сильнѣе. Ржавый гвоздь, на которомъ крѣпилась полка, и который, кажется, нарочно ждалъ этой минуты, чтобъ сломаться—сломался. Полка полетѣла однимъ концомъ внизъ. Книги съ шумомъ посыпались на полъ. Дверь отворилась и Покровскій вошелъ въ комнату.

Нужно замѣтить, что онъ терпѣть не могъ когда кто нибудь хозяйничалъ въ его владѣніяхъ. Бѣда тому, кто дотрогивался до книгъ его! Судите-же о моемъ ужасѣ, когда книги, маленькія, большія, всевозможныхъ форматовъ, всевозможной величины и толщины, рванулись съ полки, полетѣли, запрыгали подъ столомъ, подъ стульями, по всей комнатѣ. Я было хотѣла бѣжать, но было поздно. — Кончено, думаю, кончено! Я пропала, погибла! Я балую, рѣзвилось какъ десятилѣтній ребенокъ; я глупая дѣвчонка! Я большая дура!! — Покровскій разсердился ужасно.— Ну вотъ этого не доставало еще! закричалъ онъ.—Ну, не стыдно-ли вамъ такъ шалить!.. Учитесь-ли вы когда нибудь? и самъ бросился подбирать книги. Я было пагнулась помогать ему.— Не нужно, не нужно, закричалъ онъ. — Лучше-бы вы сдѣлали, если-бъ не ходили туда, куда васъ не просятъ.—Но, впрочемъ, немного смягченный моимъ покорнымъ движеніемъ, онъ продолжалъ уже тише, въ недавнемъ, наставническомъ тонѣ, пользуясь недавнимъ правомъ учителя:— Ну, когда вы остепенитесь, когда вы одумаетесь? Вѣдь вы на себя посмотрите, вѣдь вы ужь не ребенокъ, не маленькая дѣвочка, вѣдь вамъ уже пятнадцать лѣтъ! —И тутъ, вѣроятно, желая провѣрить, справедливо-ли то, что я ужь не маленькая, онъ взглянулъ на меня и покраснѣлъ до ушей. Я не понимала: я стояла передъ нимъ и смотрѣла на него во всѣ глаза въ изумленіи. Онъ привсталъ, подошелъ съ смущеннымъ видомъ ко мнѣ, смѣшался ужасно, что-то заговорилъ, кажется, въ чемъ-то извинялся, можетъ быть, въ томъ, что только теперь замѣтилъ, что я такая большая дѣвушка. Наконецъ, я поняла. Я не помню, что со мной тогда сталось: я смѣшалась, потерялась, покраснѣла еще больше Покровскаго, закрыла лицо руками и выбѣжала изъ комнаты.

Я не знала, что мнѣ оставалось дѣлать, куда было дѣваться отъ стыда. Одно то, что онъ засталъ меня въ своей комнатѣ! Нѣ-

лыхъ три дня я на него взглянуть не могла. Я красѣла до слезъ. Мысли самыя страшныя, мысли смѣшныя вертѣлись въ головѣ моей. Одна изъ нихъ, самая сумасбродная, была та, что я хотѣла идти къ нему, объясниться съ нимъ, признаться ему во всемъ, откровенно разсказать ему все, и увѣрить его, что я поступила не какъ глупая дѣвочка, но съ добрымъ намѣреніемъ. Я было и совсѣмъ рѣшилась идти, но, слава Богу, смѣлости не достало. Воображаю, что-бы я надѣлала! Мнѣ и теперь обо всемъ этомъ вспоминать совѣстно.

Нѣсколько дней спустя, матушка вдругъ сдѣлалась опасно больна. Она уже два дня не вставала съ постели и на третью ночь была въ жару и въ бреду. Я уже не спала одну ночь, ухаживая за матушкой, сидѣла у ея кровати, подносила ей питье и давала въ опредѣленные часы лѣкарства. На вторую ночь я измучилась совершенно. Но временамъ меня клонилъ сонъ, въ глазахъ зеленѣло, голова шла кругомъ, и я каждую минуту готова была упасть отъ утомленія, но слабые стоны матери пробуждали меня, я вздрагивала, просыпалась на мгновеніе, а потомъ дремота опять одолѣвала меня. Я мучилась. Я не знаю — я не могу припомнить себѣ — но какой-то страшный сонъ, какое-то ужасное видѣніе посѣтило мою разстроенную голову въ томительную минуту борьбы сна съ бдѣніемъ. Я проснулась въ ужасѣ. Въ комнатѣ было темно, ночникъ погасалъ, полосы свѣта то вдругъ обливали всю комнату, то чуть-чуть мелькали по стѣнѣ, то исчезали совсѣмъ. Мнѣ стало отъ чего-то страшно, какой-то ужасъ напалъ на меня; воображеніе мое взволновано было ужаснымъ сномъ; тоска сдавила мое сердце... Я вскочила со стула и невольно вскрикнула отъ какого-то мучительнаго, страшно-тягостнаго чувства. Въ это время отворилась дверь, и Покровскій вошелъ къ намъ въ комнату.

Я помню только то, что я очнулась на его рукахъ. Онъ бережно посадилъ меня въ кресла, подалъ мнѣ стаканъ воды и засыпалъ вопросами. Не помню, что я ему отвѣчала.—«Вы больны, вы сами очень больны», сказалъ онъ, взявъ меня за руку: — «у васъ жаръ, вы себя губите, вы своего здоровья не щадите; успокойтесь, лягьте, засните. Я васъ разбужу черезъ два часа, успокойтесь немного... Ложитесь-же, ложитесь!» продолжалъ онъ, не давая мнѣ выговорить ни одного слова въ возраженіе. Усталость отняла у меня послѣднія силы: глаза мои закрывались отъ слабости. Я прилегла въ кресла, рѣшившись заснуть только на полчаса, и проспала до утра. Покровскій разбудилъ меня только тогда, когда пришло время давать матушкѣ лѣкарство.

На другой день, когда я, отдохнувъ немного днемъ, приготови-

лась опять сидѣть въ креслахъ у постели матушки, твердо рѣшившись въ этотъ разъ не засыпать, Покровскій, часовъ въ одиннадцать постучался въ нашу комнату. Я отворила. «Вамъ скучно сидѣть одной», сказалъ онъ мнѣ;—«вотъ вамъ книга; возьмите; все не такъ скучно будетъ». Я взяла; я не помню, какая это была книга; врядъ-ли я тогда въ нее заглянула, хоть всю ночь не спала. Страшное внутреннее волненіе не давало мнѣ спать; я не могла оставаться на одномъ мѣстѣ; нѣсколько разъ вставала съ кресель и начинала ходить по комнатѣ. Какое-то внутреннее довольство разливалось по всему существу моему. Я такъ была рада вниманію Покровскаго. Я гордилась безпокойствомъ и заботами его обо мнѣ. Я продумала и промечтала всю ночь. Покровскій не заходилъ болѣе: и я знала, что онъ не придетъ, и загадывала о будущемъ вечерѣ.

Въ слѣдующій вечеръ, когда въ домѣ ужь всѣ улеглись, Покровскій отворилъ свою дверь и началъ со мной разговаривать, стоя у порога своей комнаты. Я не помню теперь ни одного слова изъ того, что мы сказали тогда другъ другу; помню только, что я робѣла, мѣшалась, досадовала на себя, и съ нетерпѣніемъ ожидала окончанія разговора, хотя сама всѣми силами желала его, цѣлый день мечтала о немъ и сочиняла мои вопросы и отвѣты... Съ этого вечера началась первая завязка нашей дружбы. Во все продолженіе болѣзни матушки, мы каждую ночь по нѣскольку часовъ проводили вмѣстѣ. Я мало по малу побѣдила свою застѣнчивость, хотя, послѣ каждаго разговора нашего, все еще было за что на себя подосадовать. Впрочемъ, я съ тайною радостію и съ гордымъ удовольствіемъ видѣла, что онъ изъ-за меня забывалъ свои пѣсносныя книги. Случайно, въ шутку, разговоръ зашелъ разъ о паденіи ихъ съ полки. Минута была странная, я какъ-то *слишкомъ* была откровенна и чистосердечна; горячность, странная восторженность увлекли меня, и я призналась ему во всемъ... въ томъ, что мнѣ хотѣлось учиться, что нибудь знать, что мнѣ досадно было, что меня считаютъ дѣвочкой, ребенкомъ... Повторяю, что я была въ престранномъ расположеніи духа; сердце мое было мягко, въ глазахъ стояли слезы, —я не утаила ничего, и разсказала все, все— про мою дружбу къ нему, про желаніе любить его, жить съ нимъ за-одно сердцемъ, утѣшить его, успокоить его. Онъ посмотрѣлъ на меня какъ-то странно, съ замѣшательствомъ, съ изумленіемъ, и не сказалъ мнѣ ни слова. Мнѣ стало вдругъ ужасно больно, грустно. Мнѣ показалось, что онъ меня не понимаетъ, что онъ, можетъ быть, надо мною смѣется. Я заплакала вдругъ, какъ дитя, зарыдала, сама себя удержать не могла; точно я была въ какомъ-то припадкѣ. Онъ схватилъ мои руки, цаловалъ ихъ, прижималъ къ груди своей, уго-

варивалъ, утѣшалъ меня; онъ былъ сильно тронутъ; не помню, что онъ мнѣ говорилъ, но только я и плакала, и смѣялась, и опять плакала, краснѣла, не могла слова вымолвить отъ радости. Впрочемъ, не смотря на волненіе мое, я замѣтила, что въ Покровскомъ все-таки оставалось какое-то смущеніе и принужденіе. Кажется, онъ не могъ надивиться моему увлеченію, моему восторгу, такой внезапной, горячей, пламенной дружбѣ. Можетъ быть, ему было только любопытно сначала: впослѣдствіи нерѣшительность его исчезла, и онъ, съ такимъ-же простымъ, прямымъ чувствомъ, какъ и я, принималъ мою привязанность къ нему, мои привѣтливыя слова, мое вниманіе, и отвѣчалъ на все это тѣмъ-же вниманіемъ, такъ-же дружелюбно и привѣтливо, какъ искренній другъ мой, какъ родной братъ мой. Моему сердцу было такъ тепло, такъ хорошо!.. Я не скрывалась, не таилась ни въ чемъ; онъ все это видѣлъ, и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе привязывался ко мнѣ.

И, право, не помню, о чемъ мы ни переговорили съ нимъ въ эти мучительные и вмѣстѣ сладкіе часы нашихъ свиданій, ночью, при дрожащемъ свѣтѣ лампадки, и почти у самой постели моей бѣдной больной матушки?.. Обо всемъ, что на умъ приходило, что съ сердца срывалось, что просилось высказаться,—и мы почти были счастливы... Охъ, это было и грустное, и радостное время,—все вмѣстѣ; и мнѣ и грустно, и радостно теперь вспоминать о немъ. Воспоминанія, радостныя-ли, горькія-ли, всегда мучительны; но крайней мѣрѣ, такъ у меня; но и мученіе это сладостно. И когда сердцу становится тяжело, больно, томительно, грустно, тогда воспоминанія свѣжатъ и живятъ его, какъ капли росы въ влажный вечеръ, послѣ жаркаго дня, свѣжатъ и живятъ бѣдный, чахлый цвѣтокъ, сгорѣвшій отъ зноя дневнаго.

Матушка выздоравливала, но я еще продолжала сидѣть по ночамъ у ея постели. Часто Покровскій давалъ мнѣ книги; я читала, сначала, чтобъ не заснуть, потомъ внимательнѣе, потомъ съ жадностью; передо мной внезапно открылось много новаго, доселѣ невѣдомаго, незнакомаго мнѣ. Новыя мысли, новыя впечатлѣнія разомъ, обильнымъ потокомъ, прихлынули къ моему сердцу. И чѣмъ болѣе волненія, чѣмъ болѣе смущенія и труда стоилъ мнѣ пріемъ новыхъ впечатлѣній, тѣмъ милѣе они были мнѣ, тѣмъ сладостнѣе потрясали всю душу. Разомъ, вдругъ, втолпились они въ мое сердце, не давая ему отдохнуть. Какой-то странный хаосъ сталъ возмущать все существо мое. Но это духовное насиліе не могло и не въ силахъ было разстроить меня совершенно. Я была слишкомъ мечтательна и это спасло меня.

Когда кончилась болѣзнь матушки, наши вечернія свиданія и длинные

разговоры прекратились; намъ удавалось иногда мѣняться словами, часто пустыми и малозначущими, но мнѣ любо было давать всему свое значеніе, свою цѣну особую, подразумѣваемую. Жизнь моя была полна, я была счастлива, покойно, тихо счастлива. Такъ прошло нѣсколько недѣль...

Какъ-то разъ зашелъ къ намъ старикъ Покровскій. Онъ долго съ нами болталъ, былъ не по обыкновенному веселъ, бодръ, разговорчивъ; смѣялся, острилъ по своему, и, наконецъ, разрѣшилъ загадку своего восторга и объявилъ намъ, что ровно черезъ недѣлю будетъ день рожденія Петиньки, и что по сему случаю онъ непремѣнно придетъ къ сыну; что онъ надѣнетъ новую жилетку и что жена обѣщалась купить ему новые сапоги. Однимъ словомъ, старикъ былъ счастливъ вполнѣ и болталъ обо всемъ что̀ ему на умъ попадалось.

День его рожденія! Этотъ день рожденія не давалъ мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью. Я непремѣнно рѣшилась напомнить о своей дружбѣ Покровскому и что нибудь подарить ему. Но что̀? Наконецъ, я выдумала подарить ему книгъ. Я знала, что ему хотѣлось имѣть полное собраніе сочиненій Пушкина, въ послѣднемъ изданіи, и я рѣшила купить Пушкина. У меня своихъ собственныхъ денегъ было рублей тридцать, заработанныхъ рукодѣльемъ. Эти деньги были отложены у меня на новое платье. Тотчасъ я послала нашу кухарку, старуху Матрену, узнать, что стоитъ весь Пушкинъ. Бѣда! Цѣна всѣхъ одиннадцати книгъ, присовокупивъ сюда издержки на переплетъ, была, по крайней мѣрѣ, рублей шестьдесятъ. Гдѣ взять денегъ? Я думала-думала и не знала на что рѣшиться. У матушки просить не хотѣлось. Конечно, матушка мнѣ непремѣнно-бы помогла: но тогда всѣ-бы въ домѣ узнали о нашемъ подаркѣ: да къ тому-же этотъ подарокъ обратился-бы въ благодарность, въ плату за цѣлый годъ трудовъ Покровскаго. Мнѣ хотѣлось подарить одной, тихонько отъ всѣхъ. А за труды его со мною я хотѣла быть ему навсегда одолженною безъ какой-бы то ни было уплаты, кромѣ дружбы моей. Наконецъ, я выдумала какъ выйдти изъ затрудненія.

Я знала, что у букинистовъ въ Гостиномъ Дворѣ можно купить книгу иногда въ поль-цѣны дешевле, если только поторговаться, часто мало-подержанную и почти совершенно новую. Я положила непремѣнно отправиться въ Гостиный Дворъ. Такъ и случилось: на завтра-же встрѣтилась какая-то надобность и у насъ, и у Анны Ѳедоровны. Матушкѣ понездоровилось, Анна Ѳедоровна очень кстати полѣнилась, такъ что пришлось всѣ порученія возложить на меня, и я отправилась вмѣстѣ съ Матреной.

Къ моему счастію, я нашла весьма скоро Пушкина, и весьма

красивомъ переплетѣ. Я начала торговаться. Сначала запросили дороже чѣмъ въ лавкахъ; но потомъ, впрочемъ, не безъ труда, уходя нѣсколько разъ, я довела купца до того, что онъ сбавилъ цѣну и ограничилъ свои требованія только десятью рублями серебромъ. Какъ мнѣ весело было торговаться!.. Бѣдная Матрена не понимала, что со мной дѣлается, и зачѣмъ я вздумала покупать столько книгъ. Но, ужасъ! Весь мой капиталъ былъ въ тридцать рублей ассигнаціями, а купецъ ни какъ не соглашался уступить дешевле. Наконецъ, я начала упрашивать, просила-просила его, наконецъ, упросила. Онъ уступилъ, но только два съ полтиною, и побожился, что и эту уступку онъ только ради меня дѣлаетъ, что я такая барынния хорошая, а что для другого кого онъ ни за что-бы не уступилъ. Двухъ съ половиною рублей не доставало! Я готова была заплакать съ досады. Но самое неожиданное обстоятельство помогло мнѣ въ моемъ горѣ.

Недалеко отъ меня, у другаго стола съ книгами, я увидала старика Покровскаго. Вокругъ него столпились четверо или пятеро букинистовъ; они его сбили съ послѣдняго толку, затормошили совсѣмъ. Всякій изъ нихъ предлагалъ ему свой товаръ, и чего-чего ни предлагали они ему и чего-чего ни хотѣлъ онъ купить! Бѣдный старикъ стоялъ посреди ихъ какъ будто забитый какой нибудь, и не зналъ за что взяться изъ того, что̀ ему предлагали. Я подошла къ нему и спросила — что онъ здѣсь дѣлаетъ? Старикъ мнѣ очень обрадовался; онъ любилъ меня безъ памяти, можетъ быть, не менѣе Петиньки.—«Да вотъ книжки покупаю, Варвара Алексѣевна, отвѣчалъ онъ мнѣ, Петинькѣ покупаю книжки. Вотъ его день рожденія скоро будетъ, а онъ любитъ книжки, такъ вотъ я и покупаю ихъ для него»...—Старикъ и всегда смѣшно изъяснялся, а теперь вдобавокъ былъ въ ужаснѣйшемъ замѣшательствѣ. Къ чему ни прицѣпится, все рубль серебромъ, два рубля, три рубля серебромъ; ужь онъ къ большимъ книгамъ и не прицѣнивался, а такъ только завистливо на нихъ посматривалъ, перебиралъ пальцами листочки, вертѣлъ въ рукахъ и опять ихъ ставилъ на мѣсто. «Нѣтъ, нѣтъ, это дорого, говорилъ онъ въ полголоса, а вотъ развѣ отсюдова что нибудь»—и тутъ онъ начиналъ перебирать тоненькія тетрадки, нѣсенники, альманахи; это все было очень дешево.—Да зачѣмъ вы это все покупаете, спросила я его: это все ужасные пустяки.—«Ахъ, нѣтъ, отвѣчалъ онъ, нѣтъ, вы посмотрите только какія здѣсь есть хорошія книжки; очень-очень хорошія есть книжки!»—И послѣднія слова онъ такъ жалобно протянулъ нараспѣвъ, что мнѣ показалось, что онъ заплакать готовъ отъ досады, зачѣмъ книжки хорошія дороги, и что вотъ сейчасъ капнетъ слезинка съ его блѣд-

ныхъ щекъ на красный носъ. Я спросила много-ли у него денегъ? — „Да вотъ“ —тутъ, бѣдненькій, вынулъ всѣ свои деньги, завернутыя въ засаленную газетную бумажку — „вотъ полтинничекъ, двугривенничекъ, мѣди копѣекъ двадцать“. Я его тотчасъ потащила къ моему букинисту.— „Вотъ цѣлыхъ одиннадцать книгъ стоитъ всего-то тридцать два рубля съ полтиною; у меня есть тридцать; приложите два съ полтиною, и мы купимъ всѣ эти книги и подаримъ вмѣстѣ“. Старикъ обезумѣлъ отъ радости, высыпалъ всѣ свои деньги, и букинистъ навьючилъ на него всю нашу общую библіотеку. Мой старичекъ наложилъ книгъ во всѣ карманы, набралъ въ обѣ руки, подъ мышки, и унесъ все къ себѣ, давъ мнѣ слово принести всѣ книги на другой день тихонько ко мнѣ.

На другой день старикъ пришелъ къ сыну, съ часочекъ посидѣлъ у него по обыкновенію, потомъ зашелъ къ намъ и подсѣлъ ко мнѣ съ прекомическимъ таинственнымъ видомъ. Сначала съ улыбкой, потирая руки отъ гордаго удовольствія владѣть какой нибудь тайной, онъ объявилъ мнѣ, что книжки всѣ пренезамѣтно перенесены къ намъ и стоятъ въ уголку, въ кухнѣ, подъ покровительствомъ Матрены. Потомъ разговоръ естественно перешелъ на ожидаемый праздникъ; потомъ старикъ распространился о томъ, какъ мы будемъ дарить, и чѣмъ далѣе углублялся онъ въ свой предметъ, чѣмъ болѣе о немъ говорилъ, тѣмъ примѣтнѣе мнѣ становилось, что у него есть что-то на душѣ, о чемъ онъ не можетъ, не смѣетъ, даже боится выразиться. Я все ждала и молчала. Тайная радость, тайное удовольствіе, что̀ я легко читала доселѣ въ его странныхъ ухваткахъ, гримасничаньи, подмигиваньи лѣвымъ глазкомъ, изчезли. Онъ дѣлался поминутно все безпокойнѣе и тоскливѣе; наконецъ, онъ не выдержалъ.

— Послушайте, началъ онъ робко, въ полголоса:—послушайте, Варвара Алексѣевна... знаете-ли что, Варвара Алексѣевна?..—старикъ былъ въ ужасномъ замѣшательствѣ.—Видите: вы, какъ придетъ день его рожденія, возьмите десять книжекъ и подарите ихъ ему сами, то есть отъ себя, съ своей стороны: я-же возьму тогда одну одиннадцатую и ужь тоже подарю отъ себя, то есть собственно съ своей стороны. Такъ вотъ, видите-ли — и у васъ будетъ что нибудь подарить, и у меня будетъ что нибудь подарить: у насъ обоихъ будетъ что нибудь подарить. Тутъ старикъ смѣшался и замолчалъ. Я взглянула на него: онъ съ робкимъ ожиданіемъ ожидалъ моего приговора. — „Да зачѣмъ-же вы хотите, чтобъ мы не вмѣстѣ дарили, Захаръ Петровичъ?“ —„Да такъ, Варвара Алексѣевна, ужь это такъ...—я вѣдь, оно того...—однимъ словомъ, старикъ замѣшался, покраснѣлъ, завязъ въ своей фразѣ и не могъ сдвинуться съ мѣста.

— Видите-ли, объяснился онъ, наконецъ. — Я, Варвара Алексѣевна, балуюсь подъ-часъ... то есть я хочу доложить вамъ, что я почти и все балуюсь и всегда балуюсь... придерживаюсь того, что нехорошо... то есть, знаете, этакъ на дворѣ такіе холода бываютъ, также иногда непріятности бываютъ разныя, или тамъ какъ нибудь грустно сдѣлается; или что нибудь изъ нехорошаго случится, такъ я и не удержусь подъ-часъ, и забалуюсь, и выпью иногда лишнее. Петрушѣ это очень непріятно. Онъ, вотъ видите-ли, Варвара Алексѣевна, сердится, бранитъ меня и мнѣ морали разныя читаетъ. Такъ вотъ-бы мнѣ и хотѣлось теперь самому доказать ему подаркомъ моимъ, что я исправляюсь и начинаю вести себя хорошо. Что вотъ я копилъ, чтобы книжку купить, долго копилъ, потому что у меня и денегъ-то почти никогда не бываетъ, развѣ случится, Петруша кое-когда дастъ. Онъ это знаетъ. Слѣдовательно, вотъ онъ увидитъ употребленіе денегъ моихъ, и узнаетъ, что все это я для него одного дѣлаю.

Мнѣ стало ужасно жаль старика. Я думала недолго. Старикъ смотрѣлъ на меня съ безпокойствомъ. «Да слушайте, Захаръ Петровичъ, сказала я: вы подарите ихъ ему всѣ». — «Какъ всѣ? То есть книжки всѣ?» — «Ну да, книжки всѣ». — «И отъ себя?» — «Отъ себя». — «Отъ одного себя? То есть, отъ своего имени?» — «Ну да, отъ своего имени». . Я, кажется, очень ясно толковала, но старикъ очень долго не могъ понять меня.

— Ну да, говорилъ онъ, задумавшись, да! Это будетъ очень хорошо, это было-бы весьма хорошо, только вы-то какъ-же, Варвара Алексѣевна? — «Ну, да я ничего не подарю». — Какъ! закричалъ старикъ, почти испугавшись; такъ вы ничего Петинькѣ не подарите, такъ вы ему ничего дарить не хотите? Старикъ испугался; въ эту минуту онъ, кажется, готовъ былъ отказаться отъ своего предложенія, затѣмъ, чтобы и я могла чѣмъ нибудь подарить его сына. Добрякъ былъ этотъ старикъ! Я увѣрила его, что я-бы рада была подарить что нибудь, да только у него не хочу отнимать удовольствія. — Если сынъ вашъ будетъ доволенъ, прибавила я, и вы будете рады, то и я буду рада, потому что втайнѣ-то, въ сердцѣ-то моемъ, буду чувствовать, какъ будто и на самомъ дѣлѣ я подарила». Этимъ старикъ совершенно успокоился. Онъ пробылъ у насъ еще два часа, но все это время на мѣстѣ не могъ усидѣть, вставалъ, возился, шумѣлъ, шалилъ съ Сашей, цѣловалъ меня украдкой, щипалъ меня за руку и дѣлалъ тихонько гримасы Аннѣ Ѳедоровнѣ. Анна Ѳедоровна прогнала его, наконецъ, изъ дома. Однимъ словомъ, старикъ отъ восторга такъ расходился, какъ, можетъ быть, никогда еще не бывало съ нимъ.

Въ торжественный день онъ явился ровно въ одиннадцать часовъ, прямо отъ обѣдни, во фракѣ, приличномъ заштопанномъ, и дѣйствительно въ новомъ жилетѣ и въ новыхъ сапогахъ. Въ обѣихъ рукахъ было у него по связкѣ книгъ. Мы всѣ сидѣли тогда въ залѣ у Анны Ѳедоровны и пили кофе (было воскресенье). Старикъ началъ, кажется, съ того, что Пушкинъ былъ весьма хорошій стихотворецъ: потомъ, сбиваясь и мѣшаясь, перешелъ вдругъ на то, что нужно вести себя хорошо, и что, если человѣкъ не ведетъ себя хорошо, то значитъ, что онъ балуется; что дурныя наклонности губятъ и уничтожаютъ человѣка; исчислялъ даже нѣсколько пагубныхъ примѣровъ невоздержанія и заключилъ тѣмъ, что онъ съ нѣкотораго времени совершенно исправился, и что теперь ведетъ себя примѣрно хорошо. Что онъ и прежде чувствовалъ справедливость сыновнихъ наставленій, что онъ все это давно чувствовалъ и все на сердцѣ слагалъ, но теперь и на дѣлѣ сталъ удерживаться. Въ доказательство чего даритъ книги, на сколенныя имъ, въ продолженіе долгаго времени, деньги.

Я не могла удержаться отъ слезъ и смѣха, слушая бѣднаго старика; вѣдь умѣлъ-же налгать, когда нужда прижила! Книги были перенесены въ комнату Покровскаго и поставлены на полку. Покровскій тотчасъ угадалъ истину. Старика пригласили обѣдать. Этотъ день мы всѣ были такъ веселы. Послѣ обѣда играли въ фанты, въ карты; Саша рѣзвилась, я отъ нея не отставала. Покровскій былъ ко мнѣ внимателенъ и все искалъ случая поговорить со мною наединѣ, но я не давалась. Это былъ лучшій день въ цѣлые четыре года моей жизни.

А теперь все пойдутъ грустныя, тяжелыя воспоминанія: начнется повѣсть о моихъ черныхъ дняхъ. Вотъ отчего, можетъ быть, перо мое начинаетъ двигаться медленнѣе и какъ будто отказывается писать далѣе. Вотъ отчего, можетъ быть, я съ такимъ увлеченіемъ и съ такою любовью переходила въ памяти моей малѣйшія подробности моего маленькаго житья-бытья въ счастливые дни мои. Эти дни были такъ недолги; ихъ смѣнило горе, черное горе, которое Богъ одинъ знаетъ когда кончится.

Несчастія мои начались болѣзнію и смертію Покровскаго.

Онъ заболѣлъ два мѣсяца спустя послѣ послѣднихъ происшествій, мною здѣсь описанныхъ. Въ эти два мѣсяца онъ неутомимо хлопоталъ о способахъ жизни, ибо до сихъ поръ онъ еще не имѣлъ опредѣленнаго положенія. Какъ и всѣ чахоточные, онъ не разставался, до послѣдней минуты своей, съ надеждою жить очень долго. Ему выходило куда-то мѣсто въ учителя; но къ этому ремеслу онъ имѣлъ отвращеніе. Служить гдѣ нибудь въ казенномъ мѣстѣ онъ

не могъ за нездоровьемъ. Къ тому-же долго-бы нужно было ждать перваго оклада жалованья. Короче, Покровскій видѣлъ вездѣ только одну неудачи; характеръ его портился. Здоровье его разстраивалось: онъ этого не примѣчалъ. Подступила осень. Каждый день выходилъ онъ въ своей легкой шинелькѣ хлопотать по своимъ дѣламъ, просить и вымаливать себѣ гдѣ нибудь мѣста,—что его внутренно мучило: промачивалъ ноги, мокъ подъ дождемъ, и, наконецъ, слегъ въ постель, съ которой не вставалъ уже болѣе... Онъ умеръ въ глубокую осень, въ концѣ октября мѣсяца.

Я почти не оставляла его комнаты во все продолженіе его болѣзни, ухаживала за нимъ и прислуживала ему. Часто не спала цѣлыя ночи. Онъ рѣдко былъ въ памяти; часто былъ въ бреду; говорилъ Богъ знаетъ о чемъ, о своемъ мѣстѣ, о своихъ книгахъ, обо мнѣ, объ отцѣ... и тутъ-то я услышала многое изъ его обстоятельствъ, чего прежде не знала и о чемъ даже не догадывалась. Въ первое время болѣзни его, всѣ наши смотрѣли на меня какъ-то странно; Анна Ѳедоровна качала головою. Но я посмотрѣла всѣмъ прямо въ глаза и за участіе мое къ Покровскому меня не стали осуждать болѣе,—по крайней мѣрѣ, матушка.

Иногда Покровскій узнавалъ меня, но это было рѣдко. Онъ былъ почти все время въ безпамятствѣ. Иногда по цѣлымъ ночамъ онъ говорилъ съ кѣмъ-то долго-долго, неяснымъ, темнымъ словами, и хриплый голосъ его глухо отдавался въ тѣсной его комнатѣ, словно въ гробу; мнѣ тогда становилось страшно. Особенно въ послѣднюю ночь онъ былъ какъ изступленный; онъ ужасно страдалъ, тосковалъ; стоны его терзали мою душу. Всѣ въ домѣ были въ какомъ-то испугѣ. Анна Ѳедоровна все молилась, чтобъ Богъ его прибралъ поскорѣе. Призвали доктора. Докторъ сказалъ, что больной умретъ къ утру непремѣнно.

Старикъ Покровскій цѣлую ночь провелъ въ коридорѣ, у самой двери въ комнату сына; тутъ ему постлали какую-то рогожку. Онъ поминутно входилъ въ комнату; на него страшно было смотрѣть. Онъ былъ такъ убитъ горемъ, что казался совершенно безчувственнымъ и безсмысленнымъ. Голова его тряслась отъ страха. Онъ самъ весь дрожалъ, и все что-то шепталъ про себя, о чемъ-то разсуждалъ самъ съ собою. Мнѣ казалось, что онъ съ ума сойдетъ съ горя.

Передъ разсвѣтомъ, старикъ, усталый отъ душевной боли, заснулъ на своей рогожкѣ какъ убитый. Въ восьмомъ часу сынъ сталъ умирать; я разбудила отца. Покровскій былъ въ полной памяти и простился со всѣми нами. Чудно! Я не могла плакать; но душа моя разрывалась на части.

Но всего болѣе истерзали и измучили меня его послѣднія мгновенія. Онъ чего-то все просилъ долго-долго, косѣющимъ языкомъ своимъ, а я ничего не могла разобрать изъ словъ его. Сердце мое надрывалось отъ боли! Цѣлый часъ онъ былъ безпокоенъ, объ чемъ-то все тосковалъ, силился сдѣлать какой-то знакъ охолодѣлыми руками своими, и потомъ опять начиналъ просить жалобно, хрипльмъ, глухимъ голосомъ: но слова его были одни безсвязные звуки, и я опять ничего понять не могла. Я подводила ему всѣхъ нашихъ, давала ему пить; но онъ все грустно качалъ головою. Наконецъ, я поняла, чего онъ хотѣлъ. Онъ просилъ поднять занавѣсь у окна и открыть ставни. Ему вѣрно хотѣлось взглянуть въ послѣдній разъ на день, на свѣтъ Божій, на солнце. Я отдернула занавѣсь; но начинающійся день былъ печальный и грустный, какъ угасающая бѣдная жизнь умирающаго. Солнца не было. Облака застилали небо туманною пеленою; оно было такое дождливое, хмурое, грустное. Мелкій дождь дробилъ въ стекла и омывалъ ихъ струями холодной, грязной воды; было тускло и темно. Въ комнату чуть-чуть проходили лучи бѣднаго дня и едва оспаривали дрожащій свѣтъ лампадки, затепленной передъ образомъ. Умирающій взглянулъ на меня грустно-грустно и покачалъ головою. Черезъ минуту онъ умеръ.

Похоронами распорядилась сама Анна Ѳедоровна. Купили гробъ простой-простой, и наняли ломоваго извощика. Въ обезпеченіе издержекъ, Анна Ѳедоровна захватила всѣ книги и всѣ вещи покойнаго. Старикъ съ ней спорилъ, шумѣлъ, отнялъ у ней книгъ, сколько могъ, набилъ ими всѣ свои карманы, наложилъ ихъ въ пляну, куда могъ, носился съ ними всѣ три дня, и даже не разстался съ ними и тогда, когда нужно было идти въ церковь. Всѣ эти дни онъ былъ какъ безпамятный, какъ одурѣлый, и съ какою-то странною заботливостію все хлопоталъ около гроба: то оправлялъ вѣнчикъ на покойникѣ, то зажигалъ и снималъ свѣчи. Видно было, что мысли его ни на чемъ не могли остановиться порядкомъ. Ни матушка, ни Анна Ѳедоровна не были въ церкви на отпѣваніи. Матушка была больна, а Анна Ѳедоровна совсѣмъ было уже собралась, да поссорилась со старикомъ Покровскимъ, и осталась. Была только одна я, да старикъ. Во время службы на меня напалъ какой-то страхъ — словно предчувствіе будущаго. Я едва могла выстоять въ церкви. — Наконецъ, гробъ закрыли, заколотили, поставили на телѣгу и повезли. Я проводила его только до конца улицы. Извощикъ поѣхалъ рысью. Старикъ бѣжалъ за нимъ и горько плакалъ; плачъ его дрожалъ и прерывался отъ бѣга. Бѣдный потерялъ свою пляну и не остановился поднять ее. Голова его мокла отъ дождя: поднимался

вѣтеръ: изморозь сѣкла и колола лицо. Старикъ, кажется, не чувствовалъ непогоды и съ плачемъ перебѣгалъ съ одной стороны тѣлѣги на другую. Полы его ветхаго сюртука развѣвались по вѣтру, какъ крылья. Изъ всѣхъ кармановъ торчали книги; въ рукахъ его была какая-то огромная книга, за которую онъ крѣпко держался. Прохожіе снимали шапки и крестились. Иные останавливались и дивились на бѣднаго старика. Книги поминутно падали у него изъ кармановъ въ грязь. Его останавливали, показывали ему на потерю; онъ поднималъ и опять пускался въ догонку за гробомъ. На углу улицы увязалась съ нимъ вмѣстѣ провожать гробъ какая-то нищая старуха. Телѣга поворотила, наконецъ, за уголъ и скрылась отъ глазъ моихъ. Я пошла домой. Я бросилась въ страшной тоскѣ на грудь матушки. Я сжимала ее крѣпко-крѣпко въ рукахъ своихъ, цаловала ее и навзрыдъ плакала, боязливо прижимаясь къ ней, какъ-бы стараясь удержать въ своихъ объятіяхъ послѣдняго друга моего и не отдавать его смерти... Но смерть уже стояла надъ бѣдной матушкой.

. . . . . .

Іюня 11.

Какъ я благодарна вамъ за вчерашнюю прогулку на острова, Макарь Алексѣевичъ! Какъ тамъ свѣжо, хорошо, какая тамъ зелень!—Я такъ давно не видала зелени;—когда я была больна, мнѣ все казалось, что я умереть должна и что умру непремѣнно;—судите-же, что̀ я должна была вчера ощущать, какъ чувствовать!—Вы не сердитесь на меня за то, что я была вчера такая грустная; мнѣ было очень хорошо, очень легко, но въ самыя лучшія минуты мои мнѣ всегда отчего-то грустно. А что я плакала, такъ это пустяки: я и сама не знаю, отчего я все плачу. Я больно, раздражительно чувствую; впечатлѣнія мои болѣзненны. Безоблачное, блѣдное небо, закатъ солнца, вечернее затишье,—все это,—я ужъ не знаю,—но я какъ-то настроена была вчера принимать всѣ впечатлѣнія тяжело и мучительно, такъ что сердце переполнялось и душа просила слезъ. Но зачѣмъ я вамъ все это пишу? Все это трудно сердцу сказывается, а пересказывать еще труднѣе. Но вы меня, можетъ быть, и поймете.—И грусть, и смѣхъ! Какой вы, право, добрый, Макаръ Алексѣевичъ! Вчера вы такъ и смотрѣли мнѣ въ глаза, чтобъ прочитать въ нихъ то, что̀ я чувствую, и восхищались восторгомъ моимъ. Кусточекъ-ли, аллея, полоса

воды—ужь вы тутъ; такъ и стоите передо мной, охорашиваясь, и все въ глаза мнѣ заглядываете, точно вы мнѣ свои владѣнія показывали. Это доказываетъ, что у васъ доброе сердце, Макаръ Алексѣевичъ. За это-то я васъ и люблю. Ну, прощайте. Я сегодня опять больна: вчера я ноги промочила и оттого простудилась: Ѳедора тоже чѣмъ-то больна, такъ что мы обѣ теперь хворыя. Не забывайте меня, заходите почаще.

Ваша
В. Д.

Іюня 12.

Голубчикъ мой, Варвара Алексѣевна!

А я-то думалъ, маточка, что вы мнѣ все вчерашнее настоящими стихами опишете, а у васъ и всего-то вышелъ одинъ простой листикъ. Я къ тому говорю, что вы хотя и мало мнѣ въ листкѣ вашемъ написали, но зато необыкновенно хорошо и сладко описали. И природа, и разныя картины сельскія, и все остальное про чувства—однимъ словомъ, все это вы очень хорошо описали. А вотъ у меня такъ нѣтъ таланту. Хоть десять страницъ намарай, никакъ ничего не выходитъ, ничего не опишешь. Я ужь пробовалъ.—Пишете вы мнѣ, родная моя, я человѣкъ добрый, незлобивый, ко вреду ближняго неспособный, и благость Господню, въ природѣ являемую, разумѣющій, и разныя, наконецъ, похвалы воздаете мнѣ. Все это правда, маточка, все это совершенная правда; я и дѣйствительно таковъ, какъ вы говорите, и самъ это знаю; но какъ прочтешь такое какъ вы пишете, такъ поневолѣ умилится сердце, а потомъ разныя тягостныя разсужденія придутъ. А вотъ послушайте меня, маточка, я кое-что разскажу вамъ, родная моя.

Начну съ того, что было мнѣ всего семнадцать годочковъ, когда я на службу явился, и вотъ уже скоро тридцать лѣтъ стукнетъ моему служебному поприщу. Ну, нечего сказать, износилъ я вицъ-мундировъ довольно; возмужалъ, поумнѣлъ, людей посмотрѣлъ; пожилъ, могу сказать, что пожилъ на свѣтѣ, такъ, что меня хотѣли даже разъ къ полученію креста представить. Вы, можетъ быть, не вѣрите, а я вамъ, право, не лгу. Такъ что-же, маточка,—напьюсь на все это злые люди! А скажу я вамъ, родная моя, что я хоть и темный человѣкъ, глупый человѣкъ, пожалуй, но сердце-то у меня такое-же, какъ и у другаго кого. Такъ знаете-ли, Варинька, что̀ сдѣлалъ

мнѣ злой человѣкъ? А срамно сказать, что̀ онъ сдѣлалъ; спросите—отчего сдѣлалъ? А оттого, что я смиренькій, а оттого, что я тихонькій, а оттого, что добренькій! Не пришелся имъ по нраву, такъ вотъ и пошло на меня. Сначала началось тѣмъ, что «дескать, вы, Макаръ Алексѣевичъ, того да сего»; а потомъ стало,—«что, дескать, у Макара Алексѣевича и не спрашивайте». А теперь заключили тѣмъ,—что «уже конечно, это Макаръ Алексѣевичъ!» Вотъ, маточка, видите-ли какъ дѣло пошло; все на Макара Алексѣевича; они только и умѣли сдѣлать, что въ пословицу ввели Макара Алексѣевича въ цѣломъ вѣдомствѣ нашемъ. Да мало того, что изъ меня пословицу и чуть-ли не бранное слово сдѣлали,—до сапоговъ, до мундира, до волосъ, до фигуры моей добрались: все не по нихъ, все передѣлать нужно! И вѣдь это все съ незапамятныхъ временъ каждый Божій день повторяется. Я привыкъ, потому что я ко всему привыкаю, потому что я смирный человѣкъ, потому что я маленькій человѣкъ; но, однако-же, за что̀ это все? Что̀ я кому дурнаго сдѣлалъ? Чинъ перехватилъ у кого нибудь, что-ли? Передъ высшими кого нибудь очернилъ? Награжденіе перепросилъ! Кабалу стряпалъ, что-ли, какую нибудь? Да грѣхъ вамъ и подумать-то такое, маточка! Ну куда мнѣ все это? Да вы только разсмотрите, родная моя, имѣю-ли я способности достаточныя для коварства и честолюбія? Такъ за что́-же напасти такія на меня, прости Господи? Вѣдь вы-же находите меня человѣкомъ достойнымъ, а вы не въ примѣръ лучше ихъ всѣхъ, маточка. Вѣдь какая самая наибольшая гражданская добродѣтель? Отнесись намедни въ частномъ разговорѣ Евстафій Ивановичъ, что наиважнѣйшая добродѣтель гражданская—деньгу умѣть зашибить. Говорили они шуточкой (я знаю, что шуточкой), правоученіе-же то, что не нужно быть никому въ тягость собою;—а я никому не въ тягость! У меня кусокъ хлѣба есть свой; правда, простой кусокъ хлѣба, подъ-часъ даже черствый; но онъ есть, трудами добытый, законно и безукоризненно употребляемый. Ну, что-жь дѣлать! Я вѣдь и самъ знаю, что я немного дѣлаю тѣмъ, что переписываю: да все-таки я этимъ горжусь: я работаю, я потъ проливаю. Ну что-жь тутъ въ самомъ дѣлѣ такого, что переписываю! Что, грѣхъ переписывать, что-ли? «Онъ, дескать, переписываетъ!» Да что̀-же тутъ безчестнаго такого? Письмо такое четкое, хорошее, пріятно смотрѣть, и его превосходительство довольны: я для нихъ самыя важныя бумаги переписываю. Ну, слогу нѣтъ, вѣдь я это самъ знаю, что нѣтъ его, проклятаго; вотъ потому-то я и службой не взялъ, и даже вотъ къ вамъ теперь, родная моя, нищу спроста, безъ затѣй и такъ, какъ мнѣ мысль на сердце ложится... Я это все знаю; да, однако-

же, если-бы всѣ сочинять стали, такъ кто-же-бы сталъ переписывать? Я вотъ какой вопросъ дѣлаю, и васъ прошу отвѣчать на него, маточка. Ну, такъ я и сознаю теперь, что я нуженъ, что я необходимъ, и что нечего вздоромъ человѣка съ толку сбивать. Ну, пожалуй, пусть крыса, коли сходство нашли! Да крыса-то эта нужна, да крыса-то пользу приноситъ, да за крысу-то эту держатся, да крысѣ-то этой награжденіе выходитъ,—вотъ она крыса какая!- Впрочемъ, довольно объ этой матеріи, родная моя: я вѣдь и не о томъ хотѣлъ говорить, да такъ погорячился немного. Все-таки пріятно отъ времени до времени себѣ справедливость воздать. Прощайте, родная моя, голубчикъ мой, утѣшительница вы моя доброненькая! Зайду, непремѣнно къ вамъ зайду, провѣдаю васъ, моя ясочка. А вы не скучайте покамѣстъ. Книжку вамъ принесу. Ну, прощайте-же, Варинька.

Вашъ сердечный доброжелатель

Макаръ Дѣвушкинъ.

Іюня 20.

Милостивый Государь Макаръ Алексѣевичъ!

Пишу я къ вамъ на-скоро, спѣшу, работу къ сроку кончаю. Видите-ли въ чемъ дѣло: можно покупку сдѣлать хорошую. Ѳедора говоритъ, что продается у ея знакомаго какого-то вицъ-мундиръ форменный, совершенно новехонькій, нижнее платье, жилетка и фуражка, и, говорятъ, все весьма дешево: такъ вотъ вы-бы купили. Вѣдь вы теперь не нуждаетесь, да и деньги у васъ есть: вы сами говорите, что есть. Полноте пожалуйста, не скупитесь; вѣдь это все нужное. Посмотрите-ка на себя, въ какомъ вы старомъ платьѣ ходите. Срамъ! Все въ заплаткахъ. Новаго-то у васъ нѣтъ: это я знаю, хоть вы и увѣряете, что есть. Ужь Богъ знаетъ, куда вы его съ рукъ сбыли. Такъ послушайтесь-же меня, купите пожалуйста. Для меня это сдѣлайте; коли меня любите, такъ купите.

Вы мнѣ прислали бѣлья въ подарокъ: но послушайте, Макаръ Алексѣевичъ, вѣдь вы разоряетесь. Шутка-ли, сколько вы на меня истратили,—ужасъ сколько денегъ! Ахъ, какъ-же вы любите мотать! Мнѣ не нужно; все это было совершенно лишнее. Я знаю, я увѣрена, что вы меня любите: право, лишнее напоминать мнѣ это подарками; а мнѣ тяжело ихъ принимать отъ васъ; я знаю чего они вамъ стоятъ. Единожды навсегда—полноте; слышите-ли?

Прошу васъ, умоляю васъ. Просите вы меня, Макаръ Алексѣевичъ, прислать продолженіе записокъ моихъ, желаете, чтобъ я ихъ докончила. Я не знаю, какъ написалось у меня и то, что у меня написано! Но у меня силъ не достанетъ говорить теперь о моемъ прошедшемъ; я и думать объ немъ не желаю; мнѣ страшно становится отъ этихъ воспоминаній. Говорить-же о бѣдной моей матушкѣ, оставившей свое бѣдное дитя въ добычу этимъ чудовищамъ, мнѣ тяжелѣе всего. У меня сердце кровью обливается при одномъ воспоминаніи. Все это еще такъ свѣжо: я не успѣла одуматься, не только успокоиться, хотя всему этому уже слишкомъ годъ. Но вы знаете все.

Я вамъ говорила о теперешнихъ мысляхъ Анны Ѳедоровны; она меня-же винитъ въ неблагодарности и отвергаетъ всякое обвиненіе о сообществѣ ея съ господиномъ Быковымъ! Она зоветъ меня къ себѣ; говоритъ, что я христарадничаю, что я по худой дорогѣ пошла. Говоритъ, что если я ворочусь къ ней, то она берется уладять все дѣло съ господиномъ Быковымъ, и заставитъ его загладить всю вину его передо мною. Она говоритъ, что г. Быковъ хочетъ мнѣ дать приданое. Богъ съ ними! Мнѣ хорошо и здѣсь съ вами, у доброй моей Ѳедоры, которая своею привязанностью ко мнѣ напоминаетъ мнѣ мою покойницу няню. Вы хоть дальній родственникъ мой, но защищаете меня своимъ именемъ. А ихъ я не знаю; я позабуду ихъ, если смогу. Чего еще они хотятъ отъ меня? Ѳедора говоритъ, что это все сплетни, что они оставятъ, наконецъ, меня. Дай-то Богъ!

Іюня 21.

Голубушка моя, маточка!

Хочу писать, а не знаю съ чего начать. Вѣдь вотъ какъ-же это странно, маточка, что мы теперь такъ съ вами живемъ. Я къ тому говорю, что я никогда моихъ дней не проводилъ въ такой радости. Ну, точно домкомъ и семействомъ меня благословилъ Господь! Дѣточка вы моя, хорошенькая! Да что это вы тамъ толкуете про четыре рубашечки-то, которыя я вамъ послалъ. Вѣдь надобно-же вамъ ихъ было,—я отъ Ѳедоры узналъ. Да мнѣ, маточка, это особое счастіе васъ удовлетворять; ужь это мое удовольствіе, ужь вы меня оставьте, маточка; не троньте меня и не прекословьте мнѣ. Никогда со мною не бывало такого, маточка. Я вотъ въ свѣтъ ну-

стился теперь. Во первыхъ, живу вдвойнѣ, потому что и вы тоже живете весьма близко отъ меня и на утѣху мнѣ; а во вторыхъ, пригласилъ меня сегодня на чай одинъ жилецъ, сосѣдъ мой, Ратазяевъ, тотъ самый чиновникъ, у котораго сочинительскіе вечера бываютъ. Сегодня собраніе; будемъ литературу читать. Вотъ мы теперь какъ, маточка,—вотъ! Ну, прощайте. Я вѣдь это все такъ написалъ безо всякой видимой цѣли, и единственно для того, чтобъ увѣдомить васъ о моемъ благополучіи. Приказали вы, душенька, черезъ Терезу сказать, что вамъ шелчку цвѣтнаго для вышиванья нужно: куплю, маточка, куплю, и шелчку куплю. Завтра-же буду имѣть наслажденіе удовлетворить васъ вполнѣ. Я и купить-то гдѣ знаю. А самъ теперь пребываю

другомъ вашимъ искреннимъ

Макаромъ Дѣвушкинымъ.

іюня 22.

Милостивая Государыня Варвара Алексѣевна!

Увѣдомляю васъ, родная моя, что у насъ въ квартирѣ случилось прежалостное происшествіе, истинно-истинно жалости достойное! Сегодня, въ пятомъ часу утра, умеръ у Горшкова маленькій. Я не знаю только отчего, скарлатина что-ли была какая-то, Господь его знаетъ! Навѣстилъ я этихъ Горшковыхъ. Ну, маточка, вотъ бѣдно-то у нихъ! И какой безпорядокъ! Да и не диво: все семейство живетъ въ одной комнатѣ, только что ширмочками для благопристойности разгороженной. У нихъ ужь и гробикъ стоитъ — простенькій, но довольно хорошенькій гробикъ; готовый купили, мальчикъ-то былъ лѣтъ девяти; надежды, говорятъ, подавалъ. А жалость смотрѣть на нихъ, Варинька! Мать не плачетъ, но такая грустная, бѣдная. Имъ, можетъ быть, и легче, что вотъ ужь одинъ съ плечъ долой; — а у нихъ еще двое осталось, грудной, да дѣвочка маленькая, такъ, лѣтъ шести будетъ съ небольшимъ. Что за пріятность, въ самомъ дѣлѣ, видѣть, что вотъ-де страдаетъ ребенокъ, да еще дѣтище родное, а ему и помочь даже нечѣмъ! Отецъ сидитъ въ старомъ засаленномъ фракѣ, на изломанномъ стулѣ. Слезы текутъ у него, да, можетъ быть, и не отъ горести, а такъ, по привычкѣ, глаза гноятся. Такой онъ чудной! Все краснѣетъ, когда съ нимъ заговоришь, смѣшается и не знаетъ что̀ отвѣчать. Маленькая дѣвочка, дочка, стоитъ прислонившись къ гробу, да такая, бѣдняжка,

скучная, задумчивая! А не люблю я, маточка Варинька, когда ребенокъ задумывается; смотрѣть непріятно! Кукла какая-то изъ тряпокъ на полу возлѣ нея лежитъ, — не играетъ; на губахъ пальчикъ держитъ; стоитъ себѣ—не пошевелится. Ей хозяйка конфетку дала; взяла, а не ѣла. Грустно, Варинька—а?

Макаръ Дѣвушкинъ.

Іюня 25.

Любезнѣйшій Макаръ Алексѣевичъ! Посылаю вамъ вашу книжку обратно. Это пренегодная книжонка! — и въ руки брать нельзя. Откуда выкопали вы такую драгоцѣнность? Кромѣ шутокъ, неужели вамъ нравятся такія книжки, Макаръ Алексѣевичъ? Вотъ мнѣ такъ обѣщались на дняхъ достать чего нибудь почитать. Я и съ вами подѣлюсь, если хотите. А теперь до свиданія. Право, некогда писать болѣе.

В. Д.

Іюня 26.

Милая Варинька! Дѣло-то въ томъ, что я дѣйствительно не читалъ этой книжонки, маточка. Правда, прочелъ нѣсколько, вижу, что блажь, такъ ради смѣхотворства одного написано, чтобы людей смѣшить; ну, думаю, оно, должно быть, и въ самомъ дѣлѣ весело; авось и Варинькѣ понравится; взялъ да и послалъ ее вамъ.

А вотъ обѣщался мнѣ Ратазяевъ дать почитать чего нибудь настоящаго литературнаго, ну, вотъ вы и будете съ книжками, маточка. Ратазяевъ-то смекаетъ,—дока; самъ пишетъ, ухъ, какъ пишетъ! Перо такое бойкое и слогу пронасть, то есть этакъ въ каждомъ словѣ, —чего-чего,—въ самомъ пустомъ, вотъ-вотъ въ самомъ обыкновенномъ, подломъ словѣ, что хоть-бы и я иногда Фальдони или Терезъ сказалъ, вотъ и тутъ у него слогъ есть. Я и на вечерахъ у него бываю. Мы табакъ куримъ, а онъ намъ читаетъ, часовъ до пяти читаетъ, а мы все слушаемъ. Объѣденіе, а не литература! Прелесть такая, цвѣты, просто цвѣты; со всякой страницы букетъ вяжи! Онъ обходительный такой, добрый, ласковый. Ну, что я передъ нимъ, ну что? —Ничего. Онъ человѣкъ съ репутаціей, а я что? — Просто - не существую: а и ко мнѣ благоволитъ.

Я ему кое-что переписываю. Вы только не думайте, Варинька, что тутъ продѣлка какая нибудь, что онъ вотъ именно отъ того и благоволитъ ко мнѣ, что я переписываю. Вы сплетямъ-то не вѣрьте, маточка, вы сплетямъ-то подлымъ не вѣрьте! Нѣтъ, это я самъ отъ себя, по своей волѣ, для его удовольствія дѣлаю, а что онъ ко мнѣ благоволитъ, такъ это ужь онъ для моего удовольствія дѣлаетъ. Я деликатность-то поступка понимаю, маточка. Онъ добрый, очень добрый человѣкъ и безподобный писатель.

А хорошая вещь литература, Варинька, очень хорошая; это я отъ нихъ третьяго дня узналъ. Глубокая вещь! Сердце людей укрѣпляющая, поучающая, и—разное тамъ еще обо всемъ объ этомъ въ книжкѣ у нихъ написано. Очень хорошо написано! Литература—это картина, то есть въ нѣкоторомъ родѣ картина и зеркало; страсти, выраженье, критика такая тонкая, поученіе къ назидательности и документъ. Это я все у нихъ наметался. Откровенно скажу вамъ, маточка, что вѣдь сидишь между ними, слушаешь (тоже, какъ и они, трубку куришь, пожалуй)—а какъ начнутъ они состязаться, да спорить объ разныхъ матеріяхъ, такъ ужь тутъ я просто пасую, тутъ, маточка, намъ съ вами чисто пасовать придется. Тутъ я просто болванъ-болваномъ оказываюсь, самаго себя стыдно, такъ что цѣлый вечеръ пріискиваешь, какъ-бы въ общую-то матерію хоть пословечка вверпуть, да вотъ этого-то пословечка какъ нарочно и нѣтъ! И пожалѣешь, Варинька, о себѣ, что самъ-то не того, да не такъ; что по пословицѣ — вырось, а ума не вынесъ. Вѣдь что я теперь въ свободное время дѣлаю? — Сплю, дуракъ-дуракомъ. А то-бы вмѣсто спанья-то ненужнаго можно было-бы и пріятнымъ заняться; этакъ сѣсть-бы да и понисать. И себѣ полезно, и другимъ хорошо. Да что, маточка, вы посмотрите-ка только, сколько берутъ они, прости имъ Господь! Вотъ хоть-бы и Ратазяевъ,—какъ беретъ! Что ему листъ написать? Да онъ въ иной день и по пяти писывалъ, а по триста рублей, говоритъ, за листъ беретъ. Тамъ анекдотецъ какой нибудь, или изъ любопытнаго что нибудь—пятьсотъ, дай не дай, хоть тресни, да дай! а нѣтъ—такъ мы и по тысячѣ другой разъ въ карманъ кладемъ! Каково, Варвара Алексѣевна? Да что!—Тамъ у него стишковъ тетрадочка есть, и стишокъ все такой небольшой.—семь тысячъ, маточка, семь тысячъ проситъ, подумайте. Да вѣдь это имѣніе недвижимое, домъ капитальный! Говоритъ, что пять тысячъ даютъ ему, да онъ не беретъ. Я его урезониваю, говорю—возьмите, дескать, батюшка, пять-то тысячъ отъ нихъ, да и плюньте имъ,—вѣдь деньги пять тысячъ!—нѣтъ, говоритъ, семь дадутъ, мошенники.—Увертливый, право, такой!

А что, маточка, ужь если на то пошло, такъ я вамъ, такъ и

быть, вынишу изъ *Итальянскихъ страстей* мѣстечко. Это у него сочиненіе такъ называется. Вотъ прочтите-ка, Варинька, да посудите сами.

... «Владиміръ вздрогнулъ, и страсти бѣшено заклокотали въ немъ и кровь вскипѣла...

«— Графиня, вскричалъ онъ, — графиня! Знаете-ли вы, какъ ужасна эта страсть, какъ безпредѣльно это безуміе? Нѣтъ, мои мечты меня не обманывали! Я люблю, люблю восторженно, бѣшено, безумно! Вся кровь твоего мужа не зальетъ бѣшенаго, клокочущаго восторга души моей! Ничтожныя препятствія не остановятъ всеразрывающаго, адскаго огня, бороздящаго мою истомленную грудь. О, Зинаида, Зинаида!..

«— Владиміръ!.. прошептала графиня внѣ себя, склоняясь къ нему на плечо...

«— Зинаида! вскричалъ восторженный Смѣльскій.

«Изъ груди его испарился вздохъ. Пожаръ вспыхнулъ яркимъ пламенемъ на алтарѣ любви, и взбороздилъ грудь несчастныхъ страдальцевъ.

«— Владиміръ!.. шептала въ упоеніи графиня. Грудь ея вздымалась, щеки ея багровѣли, очи горѣли...

«Новый, ужасный бракъ былъ совершенъ!

. . . . . .

«Черезъ полчаса старый графъ вошелъ въ будуаръ жены своей.

«— А что, душечка, не приказать-ли для дорогаго гостя самоварчикъ поставить? сказалъ онъ, потрепавъ жену по щекѣ».

Ну вотъ, я васъ спрошу, маточка, послѣ этого—ну, какъ вы находите? Правда, немножко вольно, въ этомъ спору нѣтъ, но зато хорошо. Ужь что хорошо, такъ хорошо! А вотъ, позвольте, я вамъ еще отрывочекъ вышишу изъ повѣсти *Ермакъ и Зюлейка*.

Представьте себѣ, маточка, что казакъ Ермакъ, дикій и грозный завоеватель Сибири, влюбленъ въ Зюлейку, дочь сибирскаго царя Кучума, имъ въ полонъ взятую. Событіе прямо изъ временъ Ивана Грознаго, какъ вы видите. Вотъ разговоръ Ермака и Зюлейки.

«— Ты любишь меня, Зюлейка! О, повтори, повтори!..

«— Я люблю тебя, Ермакъ, прошептала Зюлейка.

«— Небо и земля, благодарю васъ! Я счастливъ!.. Вы дали мнѣ все, все, къ чему съ отроческихъ лѣтъ стремился взволнованный духъ мой. Такъ вотъ куда вела ты меня, моя звѣзда путеводная, такъ вотъ для чего ты привела меня сюда, за Каменный Поясъ! Я покажу всему свѣту мою Зюлейку, и люди, бѣшеныя чудовища, не посмѣютъ обвинять меня! О, если имъ понятны эти тайныя страданія ея нѣжной души, если они способны видѣть

Марія Ѳеодоровна Достоевская, мать Ѳ. М. Достоевскаго.

Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ

цѣлую поэму въ одной слезинкѣ моей Зюлейки! О, дай мнѣ стереть поцалуями эту слезинку, дай мнѣ выпить ее, эту небесную слезинку... неземная!

«— Ермакъ, сказала Зюлейка:—свѣтъ золъ, люди несправедливы! Они будутъ гнать, они осудятъ насъ, мой милый Ермакъ! Что будетъ дѣлать бѣдная дѣва, взросшая среди родныхъ снѣговъ Сибири, въ юртѣ отца своего, въ вашемъ холодномъ, ледяномъ, бездушномъ, самолюбивомъ свѣтѣ? Люди не поймутъ меня, желанный мой, мой возлюбленный!

«— Тогда казацкая сабля взовьется надъ ними и свистнетъ! вскричалъ Ермакъ, дико блуждая глазами».

Каковъ-же теперь Ермакъ, Варинька, когда онъ узнаетъ, что его Зюлейка зарѣзана. Слѣпой старецъ Кучумъ, пользуясь темною ночи, прокрался, въ отсутствіи Ермака, въ его шатеръ и зарѣзалъ дочь свою, желая нанесть смертельный ударъ Ермаку, лишившему его скипетра и короны.

«— Любо мнѣ шаркать желѣзомъ о камень! закричалъ Ермакъ въ дикомъ остервененіи, точа булатный ножъ свой о шаманскій камень.—Мнѣ нужно ихъ крови, крови! Ихъ нужно пилить, пилить, пилить!!!»

И послѣ всего этого, Ермакъ, будучи не въ силахъ пережить свою Зюлейку, бросается въ Иртышъ, и тѣмъ все кончается.

Ну, а это, напримѣръ, такъ, маленькій отрывочекъ; въ шуточно-описательномъ родѣ, собственно для смѣхотворства написанный:

«Знаете-ли вы Ивана Прокофьевича Желтопуза? Ну, вотъ тотъ самый, что укусилъ за ногу Прокофія Ивановича. Иванъ Прокофьевичъ человѣкъ крутаго характера, но зато рѣдкихъ добродѣтелей; напротивъ того, Прокофій Ивановичъ чрезвычайно любитъ рѣдьку съ медомъ. Вотъ когда еще была съ нимъ знакома Пелагея Антоновна... А вы знаете Пелагею Антоновну? Ну, вотъ та самая, которая всегда юбку надѣваетъ на изнанку».

Да вѣдь это умора, Варинька, просто умора! Мы со смѣху катались, когда онъ читалъ намъ это. Этакой онъ, прости его Господи! Впрочемъ, маточка, оно хоть и немного затѣйливо, и ужь слишкомъ игриво, но зато невинно, безъ малѣйшаго вольнодумства и либеральныхъ мыслей. Нужно замѣтить, маточка, что Ратазяевъ прекраснаго поведенія, и потому превосходный писатель, не то что другіе писатели.

А что, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь вотъ иногда придетъ-же мысль въ голову... ну что, если-бъ я написалъ что нибудь, ну что тогда будетъ? Ну вотъ, напримѣръ, положимъ, что вдругъ, ни съ того,

ни съ сего, вышла-бы въ свѣтъ книжка, подъ титуломъ—*Стихотворенія Макара Дѣвушкина!* Ну, что-бы вы тогда сказали, мой ангельчикъ? Какъ-бы вамъ это представилось и подумалось? А про себя скажу, маточка, что какъ моя книжка-то вышла-бы въ свѣтъ, такъ я-бы рѣшительно тогда на Невскій не смѣлъ-бы показаться. Вѣдь каково это было-бы, когда-бы всякій сказалъ, что вотъ-де идетъ сочинитель литературы и пінта Дѣвушкинъ, что вотъ, дескать, это и есть самъ Дѣвушкинъ! Ну, что-бы я тогда, напримѣръ, съ моими сапогами сталъ дѣлать? Они у меня, замѣчу вамъ мимоходомъ, маточка, почти всегда въ заплаткахъ, да и подметки, по правдѣ сказать, отстаютъ иногда весьма неблагопристойно. Ну, что тогда-бъ было, когда-бы всѣ узнали, что вотъ у сочинителя Дѣвушкина сапоги въ заплаткахъ! Какая нибудь тамъ контесса-дюшесса узнала-бы, ну, что-бы она-то, душка, сказала? Она-то, можетъ быть, и не замѣтила-бы: ибо, какъ я полагаю, контессы не занимаются сапогами, къ тому-же чиновничьими сапогами (потому что вѣдь сапоги сапогамъ розь), да ей-бы разсказали про все, свои-бы пріятели меня выдали. Да вотъ Ратазяевъ-бы первый выдалъ; онъ къ графинѣ В. ѣздитъ; говоритъ, что каждый разъ бываетъ у ней, и за просто бываетъ. Говоритъ, душка такая она, литературная, говоритъ, дама такая. Петля этотъ Ратазяевъ!

Да, впрочемъ, довольно объ этой матеріи; я вѣдь это все такъ пишу, ангельчикъ мой, ради баловства, чтобы васъ потѣшить. Прощайте, голубчикъ мой. Много я вамъ тутъ настрочилъ, но это собственно оттого, что я сегодня въ самомъ веселомъ душевномъ расположеніи. Обѣдали-то мы всѣ вмѣстѣ сегодня у Ратазяева, такъ (шалуны они, маточка!) пустили въ ходъ такой романецъ... ну, да ужь что вамъ писать объ этомъ! Вы только смотрите, не придумайте тамъ чего про меня, Варинька. Я вѣдь это все такъ. Книжекъ пришлю, непремѣнно пришлю... Ходитъ здѣсь по рукамъ Поль-де-Кока одно сочиненіе, только Поль-де-Кока-то вамъ, маточка, и не будетъ... Ни-ни! Для васъ Поль-де-Кокъ не годится. Говорятъ про него, маточка, что онъ всѣхъ критиковъ петербургскихъ въ благородное негодованіе приводитъ. Посылаю вамъ фунтикъ конфетокъ,—нарочно для васъ купилъ. Скушайте, душечка, да при каждой конфеткѣ меня поминайте. Только леденецъ-то вы не грызите, а такъ пососите его только, а то зубки разболятся. А вы, можетъ быть, и цукаты любите?—вы напишите. Ну, прощайте-же, прощайте. Христосъ съ вами, голубчикъ мой. А я пребуду навсегда

вашимъ вѣрнѣйшимъ другомъ

Макаромъ Дѣвушкинымъ.

Іюня 27.

Милостивый Государь Макаръ Алексѣевичъ!

Ѳедора говоритъ, что если я захочу, то нѣкоторые люди съ удовольствіемъ примутъ участіе въ моемъ положеніи, и выхлопочутъ мнѣ очень хорошее мѣсто въ одинъ домъ, въ гувернантки. Какъ вы думаете, другъ мой — идти или нѣтъ? Конечно, я вамъ тогда не буду въ тягость, да и мѣсто, кажется, выгодное; но съ другой стороны, какъ-то жутко идти въ незнакомый домъ. Они какіе-то помѣщики. Станутъ обо мнѣ узнавать, начнутъ разспрашивать, любопытствовать — ну что я скажу тогда? Къ тому-же я такая нелюдимка, дикарка; люблю пообжиться въ привычномъ углѣ надолго. Какъ-то лучше тамъ, гдѣ привыкнешь: хоть и съ горемъ пополамъ живешь, а все-таки лучше. Къ тому-же на выѣздъ: да еще Богъ знаетъ какая должность будетъ; можетъ быть, просто дѣтей няньчить заставятъ. Да и люди-то такіе: мѣняютъ ужъ третью гувернантку въ два года. Посовѣтуйте-же мнѣ, Макаръ Алексѣевичъ, ради Бога, идти или нѣтъ? — Да что вы никогда сами не зайдете ко мнѣ? Изрѣдка только глаза покажете. Почти только по воскресеньямъ у обѣдни и видимся. Экой-же вы нелюдимъ какой! Вы точно какъ я! А вѣдь я вамъ почти родная. Не любите вы меня, Макаръ Алексѣевичъ, а мнѣ иногда одной очень грустно бываетъ. Иной разъ, особенно въ сумерки, сидишь себѣ одна-одинешенька. Ѳедора уйдетъ куда нибудь. Сидишь, думаешь-думаешь,— вспоминаешь все старое, и радостное, и грустное,—все идетъ передъ глазами, все мелькаетъ какъ изъ тумана. Знакомыя лица являются (я почти на яву начинаю видѣть),—матушку вижу чаще всего... А какіе бываютъ сны у меня! Я чувствую, что здоровье мое разстроено; я такъ слаба; вотъ и сегодня, когда вставала утромъ съ постели, мнѣ дурно сдѣлалось; сверхъ того у меня такой дурной кашель! Я чувствую, я знаю, что скоро умру. Кто-то меня похоронитъ? Кто-то за гробомъ моимъ пойдетъ? Кто-то обо мнѣ пожалѣетъ?.. И вотъ придется, можетъ быть, умереть въ чужомъ мѣстѣ, въ чужомъ домѣ, въ чужомъ углѣ!.. Боже мой, какъ грустно жить, Макаръ Алексѣевичъ! — Что вы меня, другъ мой, все конфектами кормите? Я, право, не знаю откудова вы денегъ столько берете? Ахъ, другъ мой, берегите деньги, ради Бога, берегите ихъ. — Ѳедора продаетъ коверъ, который я вышила; даютъ 50 руб. ассиг. Это очень хорошо: я думала меньше будетъ. Я Ѳедорѣ дамъ три

цѣлковыхъ, да себѣ сошью платьице, такъ простенькое, потолѣе. Вамъ жилетку сдѣлаю, сама сдѣлаю, и матеріи хорошей выберу.

Ѳедора мнѣ достала книжку — *повести Бѣлкина*, которую вамъ посылаю, если хотите читать. Пожалуйста только не зачачкайте и не задержите: книга чужая:—это Пушкина сочиненіе. Два года тому назадъ мы читали эти повѣсти вмѣстѣ съ матушкой, и теперь мнѣ такъ грустно было ихъ перечитывать. Если у васъ есть какія нибудь книги, то пришлите мнѣ,—только въ такомъ случаѣ, когда вы ихъ не отъ Ратазяева получили. Онъ навѣрно дастъ своего сочиненія, если онъ что нибудь напечаталъ. Какъ это вамъ нравятся его сочиненія, Макаръ Алексѣевичъ? Такіе пустяки... — Ну, прощайте! Какъ я заболталась! Когда мнѣ грустно, такъ я рада болтать, хоть объ чемъ нибудь. Это лѣкарство: тотчасъ легче сдѣлается, а особливо, если выскажешь все, что̀ лежитъ на сердцѣ. Прощайте, прощайте, мой другъ!

Ваша *В. Д.*

Іюня 28.

Маточка, Варвара Алексѣевна!

Полно кручиниться! Какъ-же это не стыдно вамъ! Ну полноте, ангельчикъ мой; какъ это вамъ такія мысли приходятъ? Вы не больны, душечка, вовсе не больны; вы цвѣтете, право, цвѣтете; блѣденьки немножко, а все-таки цвѣтете. И что это у васъ за сны да за видѣнія такія! Стыдно, голубчикъ мой, полноте; вы плюньте на сны-то эти, просто плюньте. Отчего-же я сплю хорошо? Отчего-же мнѣ ничего не дѣлается? Вы посмотрите-ка на меня, маточка. Живу себѣ, сплю покойно, здоровехонекъ, молодецъ-молодцомъ; любо смотрѣть. Полноте, полноте, душечка, стыдно. Исправьтесь. Я вѣдь головку-то вашу знаю, маточка, чуть что нибудь найдетъ, вы ужь и пошли мечтать, да тосковать о чемъ-то. Ради меня, перестаньте, душенька. Въ люди идти?—Никогда! Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Да и что̀ это вамъ думается такое, что̀ это находитъ на васъ? Да еще и на выѣздъ! Да нѣтъ-же, маточка, не позволю, вооружаюсь всѣми силами противъ такого намѣренія. Мой фракъ старый продамъ, и въ одной рубашкѣ стану ходить по улицамъ, а ужь вы у насъ нуждаться не будете. Нѣтъ, Варинька, нѣтъ; ужь я знаю васъ! Это блажь, чистая блажь! А что вѣрно, такъ это то, что во всемъ Ѳедора одна виновата: она, видно, глупая баба, васъ на все на-

доумила. А вы ей, маточка, не вѣрьте. Да вы еще, вѣрно, не знаете всего-то, душенька?.. Она баба глупая, сварливая, вздорная: она и мужа своего покойника со свѣту выжила. Или она, вѣрно, васъ разсердила тамъ какъ нибудь? Нѣтъ, нѣтъ, маточка, ни за что! И я-то какъ-же буду тогда, что̀ мнѣ-то останется дѣлать? Нѣтъ, Варинька душенька, вы это изъ головки-то выкиньте. Чего вамъ не достаетъ у насъ? Мы на васъ не нарадуемся, вы насъ любите,— такъ и живите себѣ тамъ смиренько; пейте или читайте, а, пожалуй, и не пейте,—все равно, только съ нами живите. А то вы сами посудите, ну на что это будетъ похоже тогда?.. Вотъ я вамъ книжекъ достану, а потомъ, пожалуй, и опять куда нибудь гулять соберемся. Только вы-то полноте, маточка, полноте, наберитесь ума и изъ пустяковъ не блажите! Я къ вамъ приду, и въ весьма скоромъ времени, только вы за это мое прямое и откровенное признаніе примите: не хорошо, душенька, очень не хорошо! Я, конечно, неученый человѣкъ и самъ знаю, что неученый, что на мѣдныя деньги учился, да я не къ тому и рѣчь клоню, не во мнѣ тутъ и дѣло-то, а за Ратазяева заступаюсь, воля ваша. Онъ мнѣ другъ, потому я за него и заступаюсь. Онъ хорошо пишетъ, очень, очень, и опять-таки очень хорошо пишетъ. Не соглашаюсь я съ вами и никакъ не могу согласиться. Писано цвѣтисто, отрывисто, съ фигурами, разныя мысли есть; очень хорошо! Вы, можетъ быть, безъ чувства читали, Варинька, или не въ духѣ были, когда читали, на Ѳедору на что нибудь разсердились, или что нибудь у васъ тамъ нехорошее вышло. Нѣтъ, вы прочтите-ка это съ чувствомъ, получше, когда вы довольны и веселы и въ расположеніи духа пріятномъ находитесь, вотъ, напримѣръ, когда конфетку во рту держите — вотъ когда прочтите. Я не спорю (кто-же противъ этого), есть и лучше Ратазяева писатели, есть даже и очень лучшіе, но и они хороши, и Ратазяевъ хорошъ; они хорошо пишутъ, и онъ хорошо пишетъ. Онъ себѣ особо, онъ такъ себѣ описываетъ, и очень хорошо дѣлаетъ, что описываетъ. Ну, прощайте, маточка; писать болѣе не могу; нужно сибшить, дѣло есть. Смотрите-же, маточка, ясочканенаглядная, успокойтесь, и Господь да пребудетъ съ вами, а я пребываю

вашимъ вѣрнымъ другомъ
Макаромъ Дѣвушкинымъ.

P. S. Спасибо за книжку, родная моя, прочтемъ и Пушкина; а сегодня я, по вечеру, непремѣнно зайду къ вамъ.

Дорогой мой Макаръ Алексѣевичъ!

Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ, мнѣ не житье между вами. Я раздумала и нашла, что очень дурно дѣлаю, отказываясь отъ такого выгоднаго мѣста. Тамъ будетъ у меня, по крайней мѣрѣ, хоть вѣрный кусокъ хлѣба; я буду стараться, я заслужу ласку чужихъ людей, даже постараюсь перемѣнить свой характеръ, если будетъ надобно. Оно, конечно, больно и тяжело жить между чужими, искать чужой милости, скрываться и принуждать себя, да Богъ мнѣ поможетъ. Не оставаться-же вѣкъ нелюдимкой. Со мною ужь бывали такіе-же случаи. Я помню, когда я, бывало, еще маленькая, въ пансіонѣ хаживала. Бывало, все воскресенье дома рѣзвишься, прыгаешь, иной разъ и побранитъ матушка,—все ничего, все хорошо на сердцѣ, свѣтло на душѣ. Станетъ подходить вечеръ и грусть нападетъ смертельная, нужно въ девять часовъ въ пансіонъ идти, а тамъ все чужое, холодное, строгое, гувернантки по понедѣльникамъ такія сердитыя, такъ и щемитъ, бывало, за душу, плакать хочется; пойдешь въ уголокъ и поплачешь одна одинешенька, слезы скрываешь,—скажутъ, лѣнивая; а я вовсе не о томъ и плачу, бывало, что учиться надобно.—Ну, что-жь? Я привыкла, и потомъ, когда выходила изъ пансіона, такъ тоже плакала, прощаясь съ подружками. Да и нехорошо я дѣлаю, что живу въ тягость обоимъ вамъ. Эта мысль — мнѣ мученье. Я вамъ откровенно говорю все это, потому что привыкла быть съ вами откровенною. Развѣ я не вижу, какъ Ѳедора встаетъ каждый день ранымъ-ранехонько, да за стирку свою принимается, и до поздней ночи работаетъ?—а старыя кости любятъ покой. Развѣ я не вижу, что вы на меня разоряетесь, послѣднюю копѣйку ребромъ ставите, да на меня ее тратите? Не съ вашимъ состояніемъ, мой другъ! Пишете вы, что послѣднее продадите, а меня въ нуждѣ не оставите. Вѣрю, другъ мой, я вѣрю въ ваше доброе сердце,—но это вы теперь такъ говорите. Теперь у васъ есть деньги неожиданныя, вы получили награжденіе; но потомъ? Вы знаете сами—я больная всегда; я не могу такъ-же какъ и вы работать, хотябы душою рада была, да и работа не всегда бываетъ. Что-же мнѣ остается? Надрываться съ тоски, глядя на васъ обоихъ, сердечныхъ. Чѣмъ я могу оказать вамъ хоть малѣйшую пользу? И отчего я вамъ такъ необходима, другъ мой! Что я вамъ хорошаго сдѣлала? Я только привязана къ вамъ всею душою, люблю васъ крѣпко, сильно, всѣмъ сердцемъ, но—горька судьба моя!—я умѣю любить, и могу

любить, но только, а не творить добро, не платить вамъ за ваши благодѣянія. Не держите-же меня болѣе, подумайте и скажите ваше послѣднее мнѣніе. Въ ожиданіи пребываю

васъ любящая

В. Д.

Іюля 1.

Блажь, блажь, Варинька, просто блажь! Оставь васъ такъ, такъ вы тамъ головкой своей и чего-чего не передумаете. И то не такъ, и это не такъ! А я вижу теперь, что это все блажь. Да чего-же вамъ не достать у насъ, маточка, вы только это скажите! Васъ любятъ, вы насъ любите, мы всѣ довольны и счастливы,— чего-же болѣе? Ну, а что вы въ чужихъ-то людяхъ будете дѣлать? Вѣдь вы, вѣрно, еще не знаете, что такое чужой человѣкъ?.. Нѣтъ, вы меня извольте-ка поразспросить, такъ я вамъ скажу, что такое чужой человѣкъ. Знаю я его, маточка; хорошо знаю; случалось хлѣбъ его ѣсть. Золъ онъ, Варинька, золъ, ужь такъ золъ, что сердечка твоего не достанетъ, такъ онъ его истерзаетъ укоромъ, попрекомъ, да взглядомъ дурнымъ. У насъ вамъ тепло, хорошо, — словно въ гнѣздышкѣ пріютились. Да и насъ-то вы какъ безъ головы оставите. Ну, что мы будемъ дѣлать безъ васъ; что я, старикъ, буду дѣлать тогда? Вы намъ не нужны? Не полезны? Какъ не полезны? Нѣтъ, вы, маточка, сами разсудите какъ-же вы не полезны? Вы мнѣ очень полезны, Варинька. Вы этакое вліяніе имѣете благотворное... Вотъ я объ васъ думаю теперь и мнѣ весело... Я вамъ иной разъ письмо напишу и всѣ чувства въ немъ изложу, на что подробный отвѣтъ отъ васъ получаю. — Гардеробцу вамъ накупилъ, шляпку сдѣлалъ; отъ васъ комиссія подъ-часъ выходитъ какая нибудь, я и комиссію... Нѣтъ, какъ-же вы не полезны? Да и что я одинъ буду дѣлать на старости, на что годиться буду? Вы, можетъ быть, объ этомъ и не подумали, Варинька; нѣтъ, вы именно объ этомъ подумайте—что вотъ, дескать, на что онъ будетъ безъ меня-то годиться? Я привыкъ къ вамъ, родная моя.—А то что изъ этого будетъ? Пойду къ Невѣ, да и дѣло съ концомъ. Да право-же, будетъ такое, Варинька; что-же мнѣ безъ васъ дѣлать останется? Ахъ, душечка моя, Варинька! Хочется, видно, вамъ, чтобы меня ломовой извощикъ на Волково свезъ; чтобы какая нибудь тамъ нищая старуха-попленница одна мой гробъ провожала, чтобы меня тамъ пескомъ засыпали, да прочь пошли, да одного тамъ оставили. Грѣш-

но, грѣшно, маточка! Право, грѣшно, ей Богу, грѣшно! Отсылаю вамъ вашу книжку, дружочекъ мой, Варинька, и если вы, дружочекъ мой, спросите мнѣнія моего на счетъ вашей книжки, то я скажу, что въ жизнь мою не случалось мнѣ читать такихъ славныхъ книжекъ. Спрашиваю я теперь себя, маточка, какъ-же это я жилъ до сихъ поръ такимъ олухомъ, прости Господи? Что дѣлать? Изъ какихъ я лѣсовъ? Вѣдь ничего-то я не знаю, маточка, ровно ничего не знаю! Совсѣмъ ничего не знаю! Я вамъ, Варинька, спроста скажу,—я человѣкъ не ученый; читалъ я до сей поры мало, очень мало читалъ, да почти ничего: *Картину человѣка*, умное сочиненіе, читалъ; *Мальчика, напрыгавшаго разныя штучки на колокольчикахъ* читалъ, да *Ивиковы журавли*—вотъ только и всего, а больше ничего никогда не читалъ. Теперь я *Станціоннаго смотрителя* здѣсь въ вашей книжкѣ прочелъ: вѣдь вотъ скажу я вамъ, маточка, случается-же такъ, что живешь, а не знаешь, что подъ бокомъ тамъ у тебя книжка есть, гдѣ вся-то жизнь твоя какъ по пальцамъ разложена. Да и что самому прежде не въ догадъ было, такъ вотъ здѣсь, какъ начнешь читать въ такой книжкѣ, такъ самъ все, по маленьку, и припомнишь, и розыщешь, и разгадаешь. И, наконецъ, вотъ отчего я полюбилъ вашу книжку: иное твореніе, какое тамъ ни есть, читаешь-читаешь, иной разъ хоть тресни—такъ хитро, что какъ будто-бы его и не понимаешь. Я, напримѣръ,—я тупъ, я отъ природы моей тупъ, такъ я не могу слишкомъ важныхъ сочиненій читать; а это читаешь,—словно самъ написалъ; точно это, примѣрно говоря, мое собственное сердце, какое ужь оно тамъ ни есть, взялъ его, людямъ выворотилъ изнанкой, да и описалъ все подробно,—вотъ какъ! Да и дѣло-то простое, Богъ мой; да чего! Право, и я такъ-же-бы написалъ; отчего-же-бы и не написалъ?—Вѣдь я тоже самое чувствую, вотъ совершенно такъ, какъ и въ книжкѣ, да я и самъ въ такихъ-же положеніяхъ подъ-часъ находился, какъ примѣрно сказать этотъ Самсонъ-то Выринъ, бѣднята. Да и сколько между нами-то ходитъ Самсоновъ Вырины́хъ, такихъ-же горемыкъ сердечныхъ! И какъ ловко описано все! Меня чуть слезы не прошибли, маточка, когда я прочелъ, что онъ спился, грѣшный, такъ, что память потерялъ, горькимъ сдѣлался и спитъ себѣ цѣлый день подъ овчиннымъ тулупомъ, да горе пушникомъ захлебываетъ, да плачетъ жалостно, грязной полою глаза утирая, когда вспоминаетъ о заблудшей овечкѣ своей, объ дочкѣ Дуняшѣ! Нѣтъ, это натурально! Вы прочтите-ка; это натурально! Это живетъ! Я самъ это видалъ; — это вотъ все около меня живетъ; вотъ хоть Тереза—да чего далеко ходить! — Вотъ хоть-бы и нашъ бѣдный чиновникъ,—вѣдь онъ, можетъ быть,

такой-же Самсонъ Выринъ, только у него другая фамилія, *Горшковъ*.— Дѣло-то оно общее, маточка, и надъ вами, и надо мной можетъ случиться. И графъ, что̀ на Невскомъ или на набережной живетъ, и онъ будетъ тоже самое, такъ только казаться будетъ другимъ, потому что у нихъ все по своему, по высшему тону, но и онъ будетъ тоже самое, все можетъ случиться, и со мною тоже самое можетъ случиться. Вотъ оно что̀, маточка, а вы еще тутъ отъ насъ отходить хотите; да вѣдь грѣхъ, Варинька, можетъ застигнуть меня. И себя, и меня сгубить можете, родная моя. Ахъ, ясочка вы моя, выкиньте, ради Бога, изъ головки своей всѣ эти вольныя мысли, и не терзайте меня напрасно. Ну гдѣ-же, птенчикъ вы мой слабенькій, не оперившійся, гдѣ-же вамъ самое-себя прокормить, отъ погибели себя удержать, отъ злодѣевъ защититься! Полноте, Варинька, поправьтесь; вздорныхъ совѣтовъ и наговоровъ не слушайте, а книжку вашу еще разъ прочтите, со вниманіемъ прочтите: вамъ это пользу принесетъ.

Говорилъ я про «Станціоннаго смотрителя» Ратазяеву. Онъ мнѣ сказалъ, что это все старое, и что теперь все пошли книжки съ картинками, и съ разными описаніями; ужь я, право, въ толкъ не взялъ хорошенько, что онъ тутъ говорилъ такое. Заключилъ-же, что Пушкинъ хоронъ, и что онъ святую Русь прославилъ, и много еще мнѣ про него говорилъ. Да, очень хорошо, Варинька, очень хорошо; прочтите-ка книжку еще разъ со вниманіемъ, совѣтамъ моимъ послѣдуйте, и послушаніемъ своимъ меня, старика, осчастливьте. Тогда самъ Господь наградитъ васъ, моя родная, непремѣнно наградитъ.

Вашъ искренній другъ

Макаръ Дѣвушкинъ.

Милостивый Государь Макаръ Алексѣевичъ!

Ѳедора принесла мнѣ сегодня пятнадцать рублей серебромъ. Какъ она была рада, бѣдная, когда я ей три цѣлковыхъ дала! Пишу вамъ на-скоро. Я теперь крою вамъ жилетку, — прелесть какая матерія, — желтенькая съ цвѣточками. Посылаю вамъ одну книжку; тутъ все разныя повѣсти; я прочла кое-какія, прочтите одну изъ нихъ подъ названіемъ *Шинель*.—Вы меня уговариваете въ театръ идти вмѣстѣ съ вами; не дорого-ли это будетъ? Развѣ ужь куда нибудь въ галлерею. Я ужь очень давно не была въ театрѣ, да и, право, не помню когда. Только опять все боюсь, не дорого-ли будетъ стоить эта затѣя? Ѳедора только головой покачиваетъ. Она говоритъ, что

вы совѣмъ не по достаткамъ жить начали; да я и сама это вижу; сколько вы на меня одну истратили! Смотрите, другъ мой, не было-бы бѣды. Ѳедора и такъ мнѣ говорила про какіе-то слухи—что вы имѣли, кажется, споръ съ вашей хозяйкой за неуплату ей денегъ; я очень боюсь за васъ. Ну, прощайте, я спѣшу. Дѣло есть маленькое: я перемѣняю ленты на шляпкѣ.

P. S. Знаете-ли, если мы пойдемъ въ театръ, то я надѣну мою новенькую шляпку, а на плеча черную мантилью. Хорошо-ли это будетъ?

Іюля 7.

Милостивая Государыня Варвара Алексѣевна!

... Такъ вотъ я все про вчерашнее.—Да, маточка, и на насъ въ оно время блажь находила. Врѣзался въ эту актрисочку, по уши врѣзался, да это-бы еще ничего; а самое-то чудное то, что я ее почти совсѣмъ не видалъ, и въ театрѣ былъ всего одинъ разъ, а при всемъ томъ врѣзался. Жили тогда со мною стѣнка объ стѣнку человѣкъ пятеро молодаго, раззадорнаго народу. Сошелся я съ ними, по неволѣ сошелся, хотя всегда былъ отъ нихъ въ пристойныхъ границахъ. Ну, чтобы не отстать, я и самъ имъ во всемъ поддакиваю. Насказали они мнѣ объ этой актрискѣ! Каждый вечеръ, какъ только театръ идетъ, вся компанія—на нужное у нихъ никогда гроша не бывало—вся компанія отправлялась въ театръ, въ галлерею, и ужь хлопаютъ-хлопаютъ, вызываютъ-вызываютъ эту актриску—просто бѣснуются! А потомъ и заснуть не дадутъ; всю ночь напролетъ объ ней толкуютъ, всякой ее своей Глашей зоветъ, всѣ въ одну въ нее влюблены, у всѣхъ одна канарейка на сердцѣ. Раззадорили они и меня, беззащитнаго; я тогда еще молоденекъ былъ. Самъ не знаю какъ очутился я съ ними въ театрѣ, въ четвертомъ ярусѣ, въ галлереѣ. Видѣть-то я одинъ только краешекъ занавѣски видѣлъ, зато все слышалъ. У актрисочки точно голосокъ былъ хорошенькій;—звонкій, соловьиный, медовый! Мы всѣ руки у себя отхлопали, кричали-кричали,—однимъ словомъ, до насъ чуть не добрались, одного ужь и вывели, правда. Пришелъ я домой,—какъ въ чаду хожу! въ карманѣ только одинъ цѣлковый рубль оставался, а до жалованья еще добрыхъ дней десять. Такъ какъ вы думали, маточка? На другой день, прежде чѣмъ на службу идти, завернулъ я къ парфюмёру-французу, купилъ у него духовъ какихъ-то, да мыла благовоннаго на весь капиталъ, — ужь

и самъ не знаю зачѣмъ я тогда накупилъ всего этого? Да и не обѣдалъ дома, а все мимо ея оконъ ходилъ. Она жила на Невскомъ, въ четвертомъ этажѣ. Пришелъ домой, часочикъ какой нибудь тамъ отдохнулъ, и опять на Невскій пошелъ, чтобы только мимо ея окошекъ пройдти. Полтора мѣсяца я ходилъ такимъ образомъ, волочился за нею; извощиковъ лихачей нанималъ поминутно, и все мимо ея оконъ концы давалъ: замотался совсѣмъ, задолжалъ, а потомъ ужь и разлюбилъ ее:—наскучило! Такъ вотъ что актриска изъ порядочнаго человѣка сдѣлать въ состояніи, маточка! Впрочемъ, молоденекъ-то я, молоденекъ былъ тогда!..

М. Д.

Іюля 8.

Милостивая государыня моя, Варвара Алексѣевна!

Книжку вашу, полученную мною 6-го сего мѣсяца, спѣшу возвратить вамъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, спѣшу въ семъ письмѣ моемъ объясниться съ вами. Дурно, маточка, дурно то, что вы меня въ такую крайность поставили. Позвольте, маточка: всякое состояніе опредѣлено Всевышнимъ на долю человѣческую. Тому опредѣлено быть въ генеральскихъ эполетахъ, этому служить титулярнымъ совѣтникомъ; такому-то повелѣвать, а такому-то безропотно и въ страхѣ повиноваться. Это уже по способности человѣка разсчитано; иной на одно способенъ, а другой на другое, а способности устроены самимъ Богомъ.—Состою я уже около тридцати лѣтъ на службѣ; служу безукоризненно, поведенія трезваго, въ безпорядкахъ никогда не замѣченъ. Какъ гражданинъ, считаю себя, собственнымъ сознаніемъ моимъ, какъ имѣющаго свои недостатки, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и добродѣтели. Уважаемъ начальствомъ, и сами его превосходительство мною довольны; и хотя еще они досель не оказывали мнѣ особенныхъ знаковъ благорасположенія, но я знаю, что они довольны. Письмо мое довольно четкое и красивое, такъ, не слишкомъ крупное, но и не слишкомъ мелкое, болѣе на курсивъ сбивающееся, но при каждомъ случаѣ удовлетворительное: у насъ развѣ-развѣ только одинъ Иванъ Прокофьевичъ такъ пишетъ. Дожилъ до сѣдыхъ волосъ; грѣха за собою большаго не знаю. Конечно, кто-же въ маломъ не грѣшенъ? Всякій грѣшенъ, и даже вы грѣшны, маточка! Но въ большихъ проступкахъ и продерзостяхъ никогда не замѣченъ, чтобы этакъ противъ постановленій что нибудь, или въ нарушеніи общественнаго спокойствія, въ этомъ я никогда не

замѣчень, этого не было; даже крестикъ выходилъ — ну да ужъ что! Все это вы по совѣсти должны-бы были знать, маточка, и онъ долженъ-бы былъ знать: ужъ какъ взялся описывать, такъ долженъ-бы былъ все знать. Нѣтъ, я этого не ожидалъ отъ васъ, маточка: нѣтъ, Варинька! Вотъ отъ васъ-то именно такого и не ожидалъ.

Какъ! Такъ послѣ этого и жить себѣ смирно нельзя, въ уголочкѣ своемъ,—каковъ ужъ онъ тамъ ни есть,—жить водой не замутя, по пословицѣ, никого не трогая, зная страхъ Божій, да себя самого, чтобы и тебя не затронули, чтобы и въ твою конуру не пробрались, да не подсмотрѣли — что, дескать, какъ ты себѣ тамъ по домашнему, что вотъ есть-ли, напримѣръ, у тебя жилетка хорошая, водится-ли у тебя что слѣдуетъ изъ нижняго платья; есть-ли сапоги, да и чѣмъ подбиты они; что ѣшь, что пьешь, что переписываешь? Да и что-же тутъ такого, маточка, что вотъ хотьбы и я, гдѣ мостовая плоховата, пройду иной разъ на цыпочкахъ, что я сапоги берегу! Зачѣмъ писать про другаго, что вотъ-де онъ иной разъ нуждается, что чаю не пьетъ? А точно всѣ и должны ужъ такъ непремѣнно чай пить! Да развѣ я смотрю въ ротъ каждому, что, дескать, какой онъ тамъ кусокъ жуетъ? Кого-же я обижалъ такимъ образомъ? Нѣтъ, маточка, зачѣмъ-же другихъ обижать, когда тебя не затрогиваютъ! Ну, и вотъ вамъ примѣръ, Варвара Алексѣевна, вотъ что значитъ оно: служишь-служишь, ревностно, усердно,—чего!—и начальство само тебя уважаетъ (ужъ какъ-бы тамъ ни было, а все-таки уважаетъ),—и вотъ кто нибудь подъ самымъ носомъ твоимъ, безо всякой видимой причины, ни съ того, ни съ сего, испечетъ тебѣ пашквиль. Конечно, правда, иногда сошьешь себѣ что нибудь новое,—радуешься, не спишь, а радуешься, сапоги новые, напримѣръ, съ такимъ сладострастіемъ надѣваешь;—это правда, я ощущалъ, потому что пріятно видѣть свою ногу въ тонкомъ щегольскомъ сапогѣ,—это вѣрно описано! Но я все-таки истинно удивляюсь, какъ Ѳедоръ-то Ѳедоровичъ безъ вниманія книжку такую пропустили, и за себя не вступились. Правда, что онъ еще молодой сановникъ, и любитъ подъ-часъ покричать; но отчего-же и не покричать? Отчего-же и не распечь, коли нужно нашего брата распечь. Ну да, положимъ, и такъ, напримѣръ, для тона распечь — ну и для тона можно; нужно пріучать; нужно острастку давать; потому что—между нами будь это, Варинька—нашъ братъ ничего безъ острастки не сдѣлаетъ, всякій норовитъ только гдѣ нибудь числиться, что вотъ, дескать, я тамъ-то и тамъ-то, а отъ дѣла-то бочкомъ да сторонкой. А такъ какъ разные чины бываютъ, и каждый чинъ требуетъ совершенно со-

отвѣтственной по чину распеканціи, то естественно, что послѣ этого и тонъ распеканціи выходитъ разпочинный;—это въ порядкѣ вещей! Да вѣдь на томъ и свѣтъ стоитъ, маточка, что всѣ мы одинъ передъ другимъ тону задаемъ, что всякъ изъ насъ одинъ другаго распекаетъ. Безъ этой предосторожности и свѣтъ-бы не стоялъ, и порядка-бы не было. Истинно удивляюсь, какъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ такую обиду пропустили безъ вниманія!

И для чего-же такое писать? И для чего оно нужно? Что мнѣ за это пошель кто нибудь изъ читателей сдѣлаетъ, что-ли? Сапоги, что-ли, новые купитъ?—Нѣтъ, Варинька, прочтетъ, да еще продолженія потребуетъ. Прячешься иногда, прячешься, скрываешься въ томъ, чѣмъ не взялъ, боишься носъ подъ-часъ показать—куда-бы тамъ ни было, потому что пересуда трепещешь, потому что изъ всего что ни есть на свѣтѣ, изъ всего тебѣ пасквиль сработаютъ—и вотъ ужь вся гражданская и семейная жизнь твоя по литературѣ ходитъ, все напечатано, прочитано, осмѣяно, пересужено! Да тутъ и на улицу нельзя показаться будетъ; вѣдь тутъ это все такъ доказано, что нашего брата по одной походкѣ узнаешь теперь. Ну, добро-бы онъ подъ концомъ-то хоть поправился, что нибудь-бы смягчилъ, помѣстилъ-бы, напримѣръ, хоть послѣ того пункта, какъ ему бумажки на голову сыпали:—что вотъ, дескать, при всемъ этомъ онъ былъ добродѣтеленъ, хорошій гражданинъ, такого обхожденія отъ своихъ товарищей не заслуживалъ, послушествовалъ старшимъ (тутъ-бы примѣръ можно какой нибудь), никому зла не желалъ, вѣрилъ въ Бога и умеръ (если ему хочется, чтобы онъ ужь непремѣнно умеръ)—оплаканный. А лучше всего было-бы не оставлять его умирать, бѣдняжку, а сдѣлать-бы такъ, чтобы пошель его отыскалась, чтобы Ѳедоръ Ѳедоровичъ, то есть что̀ я!—чтобы тотъ генералъ, узнавши подробнѣе объ его добродѣтеляхъ, перепросилибы его въ свою канцелярію, повысили-бы чиномъ и дали-бы хорошій окладъ жалованья, такъ что, видите-ли, какъ-бы это было: зло было-бы наказано, а добродѣтель восторжествовала-бы, и канцеляристы-товарищи всѣ-бы ни съ чѣмъ и остались. Я-бы, напримѣръ, такъ сдѣлалъ, а то что̀ тутъ у него особеннаго, что̀ у него тутъ хорошаго? Такъ, пустой какой-то примѣръ изъ повседневнаго, подлаго быта. Да и какъ вы-то рѣшились мнѣ такую книжку прислать, родная моя. Да вѣдь это злонамѣренная книжка, Варинька; это просто неправдоподобно, потому что и случиться не можетъ, чтобы былъ такой чиновникъ. Нѣтъ, я буду жаловаться, Варинька, формально жаловаться.

Покорнѣйшій слуга вашъ

Макаръ Дѣвушкинъ.

Іюля 27.

Милостивый Государь Макаръ Алексѣевичъ!

Послѣднія происшествія и письма ваши испугали, поразили меня, и повергли въ недоумѣніе, а разсказы Ѳедоры объяснили мнѣ все. Но зачѣмъ-же было такъ отчаяваться и вдругъ упасть въ такую бездну, въ какую вы упали, Макаръ Алексѣевичъ? Ваши объясненія вовсе не удовольствовали меня. Видите-ли, была-ли я права, когда настаивала взять то выгодное мѣсто, которое мнѣ предлагали? Къ тому-же и послѣднее мое приключеніе пугаетъ меня не на шутку. Вы говорите, что любовь ваша ко мнѣ заставила васъ таиться отъ меня. Я и тогда уже видѣла, что многимъ обязана вамъ, когда вы увѣряли, что издерживаете на меня только запасныя деньги свои, которыя, какъ говорили, у васъ въ Ломбардѣ на всякій случай лежали. Теперь-же, когда я узнала, что у васъ вовсе не было никакихъ денегъ, что вы, случайно узнавши о моемъ бѣдственномъ положеніи и тронувшись имъ, рѣшились издержать свое жалованье, забравъ его впередъ, и продали даже свое платье, когда я больна была,—теперь я, открытіемъ всего этого, поставлена въ такое мучительное положеніе, что до сихъ поръ не знаю какъ принять все это и что думать объ этомъ. Ахъ! Макаръ Алексѣевичъ! Вы должны были остановиться на первыхъ благодѣяніяхъ своихъ, внушенныхъ вамъ состраданіемъ и родственною любовью, а не расточать деньги впослѣдствіи на ненужное. Вы измѣнили дружбѣ нашей, Макаръ Алексѣевичъ, потому что не были откровенны со мною, и теперь, когда я вижу, что ваше послѣднее пошло мнѣ на наряды, на конфекты, на прогулки, на театръ и на книги, то за все это я теперь дорого плачу сожалѣніемъ о своей непростительной вѣтренности (ибо я принимала отъ васъ все, не заботясь о васъ самихъ); и все то, чѣмъ вы хотѣли доставить мнѣ удовольствіе, обратилось теперь въ горе для меня и оставило по себѣ одно безполезное сожалѣніе. Я замѣчала вашу тоску въ послѣднее время, и хотя сама тоскливо ожидала чего-то, но то, что̀ случилось теперь, мнѣ и въ умъ не входило. Какъ! Вы до такой уже степени могли упасть духомъ, Макаръ Алексѣевичъ! Но что̀ теперь о васъ подумаютъ, что̀ теперь скажутъ о васъ всѣ, кто васъ знаетъ? Вы, котораго я и всѣ уважали за доброту души, скромность и благоразуміе, вы теперь вдругъ впали въ такой отвратительный порокъ, въ которомъ, кажется, никогда не были замѣчены прежде. Что̀ со мною было,

когда Ѳедора разсказала мнѣ, что васъ нашли на улицѣ въ нетрезвомъ видѣ, и привезли на квартиру съ полиціей! Я остолбенѣла отъ изумленія, хотя и ожидала чего-то необыкновеннаго, потому что вы четыре дня пропадали. Но подумали-ли вы, Макаръ Алексѣевичъ, что̀ скажутъ ваши начальники, когда узнаютъ настоящую причину вашего отсутствія? Вы говорите, что надъ вами смѣются всѣ, что всѣ узнали о нашей связи, и что и меня упоминаютъ въ насмѣшкахъ своихъ сосѣди ваши. Не обращайте вниманія на это, Макаръ Алексѣевичъ, и ради Бога успокойтесь. Меня пугаетъ еще ваша исторія съ этими офицерами; я объ ней темно слышала. Растолкуйте мнѣ, что это все значитъ? Пишете вы, что боялись открыться мнѣ, боялись потерять вашимъ признаніемъ мою дружбу, что были въ отчаяніи, не зная чѣмъ помочь мнѣ въ моей болѣзни, что продали все, чтобы поддержать меня и не пускать въ больницу, что задолжали сколько возможно задолжать, и имѣете каждый день непріятности съ хозяйкой,—но, скрывая все это отъ меня, вы выбрали худшее. Но вѣдь теперь-же я все узнала. Вы совѣстились заставить меня сознаться, что я была причиною вашего несчастнаго положенія, а теперь вдвое болѣе принесли мнѣ горя своимъ поведеніемъ. Все это меня поразило, Макаръ Алексѣевичъ. Ахъ, другъ мой! Несчастіе заразительная болѣзнь. Несчастнымъ и бѣднымъ нужно сторониться другъ отъ друга, чтобъ еще болѣе не заразиться. Я принесла вамъ такія несчастія, которыхъ вы и не испытывали прежде въ вашей скромной и уединенной жизни. Все это мучаетъ и убиваетъ меня.

Напишите мнѣ теперь все откровенно, что̀ съ вами было и какъ вы рѣшились на такой поступокъ. Успокойте меня, если можно. Не самолюбіе заставляетъ меня писать теперь о моемъ спокойствіи, но моя дружба и любовь къ вамъ, которыя ничѣмъ не изгладятся изъ моего сердца. Прощайте. Жду отвѣта вашего съ нетерпѣніемъ. Вы худо думали обо мнѣ, Макаръ Алексѣевичъ.

Васъ сердечно любящая
Варвара Доброселова.

Іюля 28.

Безцѣнная моя Варвара Алексѣевна!

Ну ужь, какъ теперь все кончено, и все мало по малу приходитъ въ прежнее положеніе, то вотъ что скажу я вамъ, маточка: вы безпокоитесь объ томъ, что̀ обо мнѣ подумаютъ, на что спѣшу объявить вамъ, Варвара Алексѣевна, что амбиція моя мнѣ дороже всего.

Вслѣдствіе чего и доношу вамъ объ несчастіяхъ моихъ и о всѣхъ этихъ безпорядкахъ, увѣдомляю васъ, что изъ начальства еще никто ничего не знаетъ, да и не будетъ знать, такъ что они всѣ будутъ питать ко мнѣ уваженіе по прежнему. Одного боюсь: сплетень боюсь. Дома у насъ хозяйка только кричитъ, а теперь, когда я съ помощію вашихъ десяти рублей уплатилъ ей часть долга, только ворчитъ, а болѣе ничего. Что-же касается до прочихъ, то и они ничего; у нихъ только не нужно денегъ взаймы просить, а то и они ничего. А въ заключеніе объясненій моихъ, скажу вамъ, маточка, что ваше уваженіе ко мнѣ считаю я выше всего на свѣтѣ и тѣмъ утѣшаюсь теперь во временныхъ безпорядкахъ моихъ. Слава Богу, что первый ударъ и первыя передряги миновали, и вы приняли это такъ, что не считаете меня вѣроломнымъ другомъ и себялюбцемъ за то, что я васъ у себя держалъ и обманывалъ васъ, не въ силахъ будучи съ вами разстаться и любя васъ, какъ моего ангельчика. Рачительно теперь принялся за службу и должность свою сталъ исправлять хорошо. Евстафій Ивановичъ хоть-бы слово сказалъ, когда я мимо ихъ вчера проходилъ. Не скрою отъ васъ, маточка, что убиваютъ меня долги мои и худое положеніе моего гардероба, но это опять ничего, и объ этомъ тоже молю васъ—не отчаявайтесь, маточка. Посылаете мнѣ еще полтинничекъ, Варинька, и этотъ полтинничекъ мнѣ мое сердце пронзилъ. Такъ такъ-то оно теперь стало, такъ вотъ оно какъ! То есть это не я, старый дуракъ, вамъ, ангельчику, помогаю, а вы, сироточка моя бѣдненькая, мнѣ! Хорошо сдѣлала Ѳедора, что достала денегъ. Я покамѣстъ не имѣю надежды никакихъ, маточка, на полученіе, а если чуть возродятся какія нибудь надежды, то отпишу вамъ обо всемъ подробно. Но сплетни, сплетни меня безпокоятъ болѣе всего. Прощайте, мой ангельчикъ. Цалую вашу ручку и умоляю васъ выздоравливать. Пишу оттого не подробно, что въ должность спѣшу, ибо стараніемъ и раченіемъ хочу загладить всѣ вины мои въ упущеніи по службѣ; дальнѣйшее-же повѣствованіе о всѣхъ происшествіяхъ и о приключеніи съ офицерами откладываю до вечера.

Васъ уважающій и васъ сердечно любящій
Макаръ Дѣвушкинъ.

Іюля 28.

Маточка, Варинька!

Эхъ, Варинька, Варинька! Вотъ именно-то теперь грѣхъ на вашей сторонѣ, и на совѣсти вашей останется. Письмецомъ-то своимъ вы меня съ толку послѣдняго сбили, озадачили, да ужь только теперь, какъ я на досугѣ во внутреннost сердца моего проникъ, такъ и увидѣлъ, что правъ былъ, совершенно былъ правъ. Я не про дебошъ мой говорю (ну его, маточка, ну его!), а про то, что я люблю васъ и что вовсе не неблагоразумно мнѣ было любить васъ, вовсе не неблагоразумно. Вы, маточка, не знаете ничего; а вотъ если-бы знали только отчего это все, отчего это я долженъ васъ любить, такъ вы-бы не то сказали. Вы это все резонное-то только такъ говорите, а я увѣренъ, что на сердцѣ-то у васъ вовсе не то.

Маточка моя, я и самъ-то не знаю и не помню хорошо всего, что было у меня съ офицерами. Нужно вамъ замѣтить, ангельчикъ мой, что до того времени я былъ въ смущеніи ужаснѣйшемъ. Вообразите себѣ, что уже цѣлый мѣсяцъ, такъ сказать, на одной ниточкѣ крѣпился. Положеніе было пребѣдственное. Отъ васъ-то я скрывался, да и дома тоже, но хозяйка моя шуму и крику надѣлала. Оно-бы мнѣ и ничего. Пусть-бы кричала баба негодная, да одно то, что срамъ, а второе то, что она, Господь ее знаетъ какъ, объ нашей связи узнала, и такое про нее на весь домъ кричала, что я обомлѣлъ да и уши заткнулъ. Да дѣло-то въ томъ, что другіе своихъ ушей не затыкали, а, напротивъ, развѣсили ихъ. Я и теперь, маточка, куда мнѣ дѣваться не знаю...

И вотъ, ангельчикъ мой, все-то это, весь-то этотъ сбродъ всяческаго бѣдствія и доканалъ меня окончательно. Вдругъ страшныя вещи слышу я отъ Ѳедоры: что въ домъ къ вамъ явился недостойный искатель и оскорбилъ васъ недостойнымъ предложеніемъ; что онъ васъ оскорбилъ, глубоко оскорбилъ, я по себѣ сужу, маточка, потому что и я самъ глубоко оскорбился. Тутъ-то я, ангельчикъ вы мой, и свихнулся, тутъ-то я и потерялся и пропалъ совершенно. Я, другъ вы мой, Варинька, выбѣжалъ въ бѣшенствѣ какомъ-то неслыханномъ, я къ нему хотѣлъ идти, грѣховодинку; я ужь и не зналъ, что я дѣлать хотѣлъ, потому что я не хочу, чтобы васъ, ангельчика моего, обижали! Ну, грустно было! А на ту пору дождь, слякоть, тоска была страшная!... Я было ужь воротиться хотѣлъ... Тутъ-то я и палъ, маточка. Я Емелю встрѣтилъ, Емельяна Ильича, онъ чиновникъ, т. е. былъ чиновникъ, а теперь ужь не чиновникъ,

потому что его отъ насъ выключили.—Онъ ужь я и не знаю что дѣлаетъ, какъ-то тамъ мается; вотъ мы съ нимъ и пошли.—Тутъ,—ну, да что вамъ, Варинька, ну, весело, что-ли, про несчастія друга своего читать, бѣдствія его и исторію искушеній, имъ претерпѣнныхъ? На третій день, вечеромъ, ужь это Емеля подбилъ меня, я и пошелъ къ нему, къ офицеру-то. Адресъ-то я у нашего дворника спросилъ. Я, маточка, ужь если къ слову сказать пришлось, давно за этимъ молодцомъ примѣчалъ: слѣдилъ его, когда еще онъ въ домѣ у насъ квартировалъ. Теперь-то я вижу, что я неприличіе сдѣлалъ, потому что я не въ своемъ видѣ былъ, когда обо мнѣ ему доложили. Я, Варинька, ничего, по правдѣ, и не помню; помню только, что у него было очень много офицеровъ, или это двоилось у меня —Богъ знаетъ. Я не помню также, что я говорилъ, только я знаю, что я много говорилъ, въ благородномъ негодованіи моемъ. Ну, тутъ-то меня и выгнали, тутъ-то меня и съ лѣстницы сбросили, то есть оно не то, чтобы совсѣмъ сбросили, а только такъ вытолкали. Вы ужь знаете, Варинька, какъ я воротился; вотъ оно и все. Конечно, я себя уронилъ, и амбиція моя пострадала, но вѣдь этого никто не знаетъ, изъ постороннихъ-то никто, кромѣ васъ, не знаетъ; ну, а въ такомъ случаѣ, это все равно что какъ-бы его и не было. Можетъ быть, это и такъ, Варинька, какъ вы думаете? Что мнѣ только достовѣрно извѣстно, такъ это то, что прошлый годъ у насъ Аксентій Осиповичъ такимъ-же образомъ дерзнулъ на личность Петра Петровича, но по секрету, онъ это сдѣлалъ по секрету. Онъ его зазвалъ въ сторожевскую комнату, я это все въ щелочку видѣлъ; да ужь тамъ онъ какъ надобно было и распорядился, но благороднымъ образомъ, потому что этого никто не видалъ, кромѣ меня; ну, а я ничего, то есть я хочу сказать, что я не объявлялъ никому. Ну, а послѣ этого Петръ Петровичъ и Аксеній Осиповичъ ничего. Петръ Петровичъ, знаете, амбиціонный такой, такъ онъ и никому не сказалъ, такъ что они теперь и кланяются, и руки жмутъ. Я не спорю, я, Варинька, съ вами спорить не смѣю, я глубоко упалъ, и, что всего ужаснѣе, въ собственномъ мнѣніи своемъ проигралъ, но ужь это, вѣрно, мнѣ такъ на роду было написано, ужь это, вѣрно, судьба,—а отъ судьбы не убѣжишь, сами знаете.—Ну, вотъ и подробное объясненіе несчастій моихъ и бѣдствій, Варинька, вотъ—все такое, что хоть-бы и не читать, такъ въ ту-же пору.—Я немного нездоровъ, маточка моя, и всей игривости чувствъ лишился. Посему теперь свидѣтельствуя вамъ мою привязанность, любовь и уваженіе, пребываю, милостивая государыня моя, Варвара Алексѣевна,

покорнѣйшимъ слугою вашимъ

Макаромъ Дѣвушкинымъ.

Іюля 29.

Милостивый Государь Макаръ Алексѣевичъ!

Я прочла ваши оба письма, да такъ и ахнула! Послушайте, другъ мой, вы или отъ меня умалчиваете что нибудь и написали мнѣ только часть всѣхъ непріятностей вашихъ, или... право, Макаръ Алексѣевичъ, письма ваши еще отзываются какимъ-то разстройствомъ... Приходите ко мнѣ, ради Бога, приходите сегодня; да послушайте, вы знаете, ужъ такъ прямо приходите къ намъ обѣдать. Я ужъ и не знаю, какъ вы тамъ живете и какъ съ хозяйкой вашей уладились. Вы объ этомъ обо всемъ ничего не пишете и какъ будто съ намѣреніемъ умалчиваете. Такъ до свиданія, другъ мой; заходите къ намъ непремѣнно сегодня; да ужъ лучше-бы вы сдѣлали, если-бъ и всегда приходили къ намъ обѣдать. Ѳедора готовитъ очень хорошо. Прощайте.

Ваша
Варвара Доброселова.

Августа 1.

Матушка, Варвара Алексѣевна!

Рады вы, матушка, что Богъ вамъ случай послалъ въ свою очередь за добро добромъ отслужить и меня отблагодарить. Я этому вѣрю, Варинька, и въ доброту ангельскаго сердечка вашего вѣрю, и не въ укоръ вамъ говорю,—только не попрекайте меня, какъ тогда, что я на старости лѣтъ замотался. Ну, ужъ былъ грѣхъ такой, что-жъ дѣлать!—Если ужъ хотите непремѣнно, чтобы тутъ грѣхъ какой былъ; только вотъ, отъ васъ-то, дружочекъ мой, слушать такое мнѣ многаго стоитъ! А вы на меня не сердитесь, что я это говорю; у меня въ груди-то, маточка, все изныло. Бѣдные люди капризны;—это ужъ такъ отъ природы устроено. Я это и прежде чувствовалъ Онъ, бѣдный-то человѣкъ, онъ взыскателенъ; онъ и на свѣтъ-то Божій иначе смотритъ, и на каждаго прохожаго косо глядитъ, да вокругъ себя смущеннымъ взоромъ поводитъ, да прислушивается къ каждому слову,—дескать, не про него-ли тамъ что говорятъ? Что вотъ, дескать, что-же онъ такой неказистый? Чтобы онъ такое именно чувствовалъ? Что вотъ, напримѣръ, каковъ онъ будетъ съ этого боку, каковъ будетъ съ того боку? И вѣдомо каждому, Варинька, что бѣдный человѣкъ хуже ветошки и пика-

кого ни отъ кого уваженія получить не можетъ, что ужь тамъ ни ниши! они-то, пачкуны-то эти, что ужь тамъ ни ниши!—все будетъ въ бѣдномъ человѣкѣ такъ, какъ и было. А отчего-же такъ и будетъ по прежнему? А оттого, что ужь у бѣднаго человѣка, по ихнему, все на изнанку должно быть; что ужь у него ничего не должно быть завѣтнаго, тамъ амбиціи какой нибудь ни-ни-ни! Вонъ Емеля говорилъ намедни, что ему гдѣ-то подписку дѣлали, такъ ему за каждый гривенникъ, въ нѣкоторомъ родѣ, оффиціальный осмотръ дѣлали. Они думали, что они даромъ свои гривенники ему даютъ—анъ нѣтъ: они заплатили за то, что имъ бѣднаго человѣка показывали. Нынче, маточка, и благодѣянія-то какъ-то чудно дѣлаются... а, можетъ быть, и всегда такъ дѣлались, кто ихъ знаетъ! Или не умѣютъ они дѣлать, или ужь мастера большіе—одно изъ двухъ. Вы, можетъ быть, этого не знали, ну, такъ вотъ вамъ! Въ чемъ другомъ мы пасъ, а ужь въ этомъ извѣстны! А почему бѣдный человѣкъ знаетъ все это, да думаетъ все такое? А почему?—ну, по опыту! А оттого, напримѣръ, что онъ знаетъ, что есть подъ бокомъ у него такой господинъ, что вотъ идетъ куда нибудь къ ресторану да говоритъ самъ съ собой: что вотъ, дескать, эта гольчиновникъ, что будетъ ѣсть сегодня? а я соте-напильйотъ буду ѣсть, а онъ, можетъ быть, кашу безъ масла ѣсть будетъ.—А какое ему дѣло, что я буду кашу безъ масла ѣсть? Бываетъ такой человѣкъ, Варинька, бываетъ, что только объ такомъ и думаетъ. И они ходятъ, напаклянты неприличные, да смотрятъ, что, дескать, всей-ли ногой на камень ступаешь, али носочкомъ однимъ; что де вотъ у такого-то чиновника, такого-то вѣдомства, титулярнаго совѣтника, изъ сапога голые пальцы торчатъ, что вотъ у него локти продраны—и потомъ тамъ себѣ это все и описываютъ, и дрянь такую печатаютъ... А какое тебѣ дѣло, что у меня локти продраны? Да, ужь если вы мнѣ простите, Варинька, грубое слово, такъ я вамъ скажу, что у бѣднаго человѣка на этотъ счетъ тотъ-же самый стыдъ, какъ и у васъ, примѣромъ сказать, дѣвическій. Вѣдь вы передъ всѣми—грубое-то словцо мое простите—разоблачаться не станете; вотъ, такъ точно и бѣдный человѣкъ не любитъ, чтобы въ его конуру заглядывали, что, дескать, каковы-то тамъ его отношенія будутъ семейныя—вотъ. А то что было тогда обижать меня, Варинька, кушно со врагами моими, на честь и амбицію честнаго человѣка посягающими!

Да и въ присутствіи-то я сегодня сидѣлъ такимъ медвѣженкомъ, такимъ воробьемъ ощипаннымъ, что чуть самъ за себя со стыда не сгорѣлъ. Стыденько мнѣ было, Варинька! Да, ужь натурально робѣешь, когда сквозь одежду голые локти свѣтятся, да пуговки

на ниточкахъ мотаются. А у меня, какъ нарочно, все это было въ такомъ безпорядкѣ! По неволѣ упадешь духомъ. Чего!.. самъ Степанъ Карловичъ сегодня началъ было по дѣлу со мной говорить, говорилъ-говорилъ, да какъ будто невзначай и прибавилъ: «Эхъ вы, батюшка Макаръ Алексѣевичъ!» да и не договорилъ остальнаго-то объ чемъ онъ думалъ, а только я ужъ самъ обо всемъ догадался, да такъ покраснѣлъ, что даже лысина моя покраснѣла. Оно въ сущности-то и ничего, да все-таки безпокойно, на размышленія наводитъ тяжкія. Ужъ не провѣдали-ли чего они! А, Боже сохрани, ну, какъ объ чемъ нибудь провѣдали! Я, признаюсь, подозрѣваю одного человѣчка. Вѣдь этимъ злодѣямъ ни почемъ! Выдадутъ! Всю частную твою жизнь ни за грошъ выдадутъ;—святаго ничего не имѣется.

Я знаю теперь, чья это штука: это Ратазяева штука. Онъ съ кѣмъ-то знакомъ въ нашемъ вѣдомствѣ, да вѣрно такъ, между разговоромъ, и передалъ ему все съ прибавленіями; или, пожалуй, разсказалъ въ своемъ вѣдомствѣ, а оно выползло да и приползло въ наше вѣдомство. А въ квартирѣ у насъ всѣ все до послѣдняго знаютъ, и къ вамъ въ окно пальцемъ показываютъ; это ужъ я знаю, что показываютъ. А какъ я вчера къ вамъ обѣдать пошелъ, то всѣ они изъ оконъ повысовывались, а хозяйка сказала, что вотъ, дескать, чортъ съ младенцемъ связались, да и васъ она назвала потомъ неприлично. Но все-же это ничто передъ гнуснымъ намѣреніемъ Ратазяева насъ съ вами въ литературу свою помѣстить и въ тонкой сатирѣ насъ описать; онъ это самъ говорилъ, а мнѣ добрые люди изъ нашихъ пересказали. Я ужъ и думать ни о чемъ не могу, маточка, и рѣшиться не знаю на что. Нечего грѣха таить, прогнѣвили мы Господа Бога, ангельчикъ мой! Вы, маточка, мнѣ книжку какую-то хотѣли, ради скуки, прислать. А ну ее, книжку, маточка! Что она, книжка? Она небылица въ лицахъ! И романъ вздоръ, и для вздора написанъ, такъ, праздными людямъ читать: повѣрьте мнѣ, маточка, опытности моей многолѣтней повѣрьте. И что тамъ, если они васъ заговорятъ Шекспиромъ какимъ нибудь, что, дескать, видишь-ли, въ литературѣ Шекспиръ есть,—такъ и Шекспиръ вздоръ, все это сущій вздоръ, и все для одного пашквиля сдѣлано!

Вашъ
Макаръ Дѣвушкинъ.

Августа 2.

Милостивый Государь Макаръ Алексѣевичъ!

Не безпокойтесь ни объ чемъ; дастъ Господь Богъ все уладится. Ѳедора достала и себѣ, и мнѣ кучу работы; и мы превесело принялись за дѣло; можетъ быть, и все поправимъ. Подозрѣваетъ она, что всѣ мои послѣднія непріятности не чужды Анны Ѳедоровны; но теперь мнѣ все равно. Мнѣ сегодня какъ-то необыкновенно весело. Вы хотите занимать деньги;—сохрани васъ Господи! Послѣ не обберетесь бѣды, когда отдавать будетъ нужно. Лучше живите-ка съ нами покороче, приходите къ намъ почаще и не обращайте вниманія на вашу хозяйку. Что-же касается до остальныхъ враговъ и недоброжелателей вашихъ, то я увѣрена, что вы мучаетесь напрасными сомнѣніями, Макаръ Алексѣевичъ! Смотрите, вѣдь я вамъ говорила прошедшій разъ, что у васъ слогъ чрезвычайно неровный. Ну, прощайте, до свиданья. Жду васъ непремѣнно къ себѣ.

Ваша
В. Д.

Августа 3.

Ангельчикъ мой, Варвара Алексѣевна!

Спѣшу вамъ сообщить, жизеночекъ вы мой, что у меня надежды родились кое-какія. Да позвольте, дочечка вы моя — пишете, ангельчикъ, чтобъ мнѣ займовъ не дѣлать? Голубчикъ вы мой, невозможно безъ нихъ; ужь и мнѣ-то худо, да и съ вами-то, чего добраго, что нибудь вдругъ да не такъ! Вѣдь вы слабенькія; такъ вотъ я къ тому и пишу, что занять-то непремѣнно нужно. Ну такъ я и продолжаю.

Замѣчу вамъ, Варвара Алексѣевна, что въ присутствіи я сижу рядомъ съ Емельяномъ Ивановичемъ. Это не съ тѣмъ Емельяномъ, котораго вы знаете. Этотъ, также какъ и я, титулярный совѣтникъ, и мы съ нимъ во всемъ нашемъ вѣдомствѣ чуть-ли не самые старые, коренные служивые. Онъ добрая душа, безкорыстная душа, да не разговорчивый такой, и всегда настоящимъ медвѣдемъ смотритъ. Зато дѣловой, перо у него чистый англійскій почеркъ, и если ужь всю правду сказать, то не хуже меня пишетъ,—достойный человѣкъ! Коротко мы съ нимъ никогда не сходились, а такъ

только, по обычаю, прощайте да здравствуйте: да если подъ-часъ мнѣ ножичекъ надобился, то, случалось, попрошу—дескать, дайте. Емельянъ Ивановичъ, ножичка, однимъ словомъ, было только то, что общежитіемъ требуется. Вотъ онъ и говоритъ мнѣ сегодня: Макаръ Алексѣевичъ, что, дескать, вы такъ призадумались? Я вижу, что добра желаетъ мнѣ человѣкъ, да и открылся ему — дескать, такъ и такъ, Емельянъ Ивановичъ, т. е. всего не сказалъ, да и Боже сохрани, никогда не скажу, потому что сказать-то нѣтъ духу, а такъ кое въ чемъ открылся ему, что вотъ, дескать, стѣсненъ, и тому подобное. «А вы-бы, батюшка», говоритъ Емельянъ Ивановичъ: «вы-бы заняли; вотъ хоть-бы у Петра Петровича заняли, онъ дастъ на проценты; я занималъ; и процентъ беретъ пристойный—неотягчительный». Ну, Варинька, вспрыгнуло у меня сердечко. Думаю-думаю, авось Господь ему на душу положитъ, Петру Петровичу благодѣтелю, да и дастъ онъ мнѣ взаймы. Самъ ужь и разсчитываю, что вотъ-бы-де и хозяйкѣ-то заплатилъ, и вамъ-бы помогъ, да и самъ-бы кругомъ обчинился, а то такой срамъ, жутко даже на мѣстѣ сидѣть, кромѣ того, что вотъ зубоскалы-то наши смѣются, Богъ съ ними! Да и его-то превосходительство мимо нашего стола иногда проходятъ; ну, сохрани Боже, бросятъ взоръ на меня да примѣтятъ, что я одѣтъ неприлично! А у нихъ главное—чистота и опрятность. Они-то, пожалуй, и ничего не скажутъ, да я-то отъ стыда умру,—вотъ какъ это будетъ. Вслѣдствіе чего, я, скрѣпившись и спрятавъ свой стыдъ въ дырявый карманъ, направился къ Петру Петровичу, и надежды-то полонъ, и ни живъ, ни мертвъ отъ ожиданія—все вмѣстѣ. Ну, что-же, Варинька, вѣдь все вздоромъ и кончилось! Онъ что-то былъ занятъ, говорилъ съ Ѳедосѣемъ Ивановичемъ. Я къ нему подошелъ съ боку да и дернулъ его за рукавъ, дескать, Петръ Петровичъ, а Петръ Петровичъ! —Онъ оглянулся, а я продолжаю: что, дескать, вотъ такъ и такъ, рублей тридцать и т. д.—Онъ сначала было не понялъ меня, а потомъ, когда я объяснилъ ему все, такъ онъ и засмѣялся, да и ничего, замолчалъ. Я опять къ нему съ тѣмъ-же. А онъ мнѣ—закладъ у васъ есть?—А самъ уткнулся въ свою бумагу, пишетъ и на меня не глядитъ.—Я немного оторопѣлъ. Нѣтъ, говорю, Петръ Петровичъ, закладанѣтъ,—да и объясняю ему—что вотъ, дескать, какъ будетъ жалованье, такъ я и отдамъ, непремѣнно отдамъ, первымъ долгомъ почту.—Тутъ его кто-то позвалъ, я подождалъ его, онъ воротился, да и сталъ перо чинить, а меня какъ будто не замѣчаетъ. А я все про свое, что, дескать, Петръ Петровичъ, нельзяли какъ нибудь? Онъ молчитъ и какъ будто не слышитъ, я постоялъ-постоялъ, ну, думаю попробую въ послѣдній разъ, да и дернулъ его

за рукавъ. Онъ хоть-бы что нибудь вымолвилъ, очинилъ перо, да и сталъ писать: я и отошелъ. Они, маточка, видите-ли, можетъ быть, и достойные люди всѣ, да гордые, очень гордые,—что мнѣ! Куда намъ до нихъ, Варинька! Я къ тому вамъ и написалъ все это.—Емельянъ Ивановичъ тоже засмѣялся, да головой покачалъ, зато обнадежилъ меня, сердечный. Емельянъ Ивановичъ достойный человѣкъ. Обѣщалъ онъ меня рекомендовать одному человѣку; человѣкъ-то этотъ, Варинька, на Выборгской живетъ, тоже даетъ на проценты, 14-го класса какой-то. Емельянъ Ивановичъ говоритъ, что этотъ уже непремѣнно дастъ; я завтра, ангельчикъ мой, пойду,—а? Какъ вы думаете? Вѣдь бѣда не занять! Хозяйка меня чуть съ квартиры не гонитъ и обѣдать мнѣ давать не соглашается. Да и сапоги-то у меня больно худы, маточка, да и пуговокъ нѣтъ, да того-ли еще нѣтъ у меня! А ну какъ изъ начальства-то кто нибудь замѣтитъ подобное неприличіе? Бѣда, Варинька, бѣда, просто бѣда!

Макаръ Дѣвушкинъ.

Августа 4.

Любезный Макаръ Алексѣевичъ!

Ради Бога, Макаръ Алексѣевичъ, какъ только можно скорѣе займите сколько нибудь денегъ; я-бы ни за что не попросила у васъ помощи въ теперешнихъ обстоятельствахъ, но если-бы вы знали, каково мое положеніе? Въ этой квартирѣ намъ никакъ нельзя оставаться. У меня случились ужасныя непріятности, и если-бы вы знали, въ какомъ я теперь разстройствѣ и волненіи! Вообразите, другъ мой: сегодня утромъ входитъ къ намъ человѣкъ незнакомый, пожилыхъ лѣтъ, почти старикъ, съ орденами. Я изумилась, не понимая чего ему нужно у насъ? Ѳедора вышла въ это время въ лавочку. Онъ сталъ меня разспрашивать, какъ я живу и что дѣлаю, и, не дождавшись отвѣта, объявилъ мнѣ, что онъ дядя того офицера: что онъ очень сердитъ на племянника за его дурное поведеніе, и зато, что онъославилъ насъ на весь домъ; сказалъ, что племянникъ-то его мальчишка и вѣтрогонъ, и что онъ готовъ взять меня подъ свою защиту: не совѣтовалъ мнѣ слушать молодыхъ людей, прибавилъ, что онъ соболѣзнуетъ обо мнѣ какъ отецъ, что онъ питаетъ ко мнѣ отеческія чувства, и готовъ мнѣ во всемъ помогать. Я вся краснѣла, не знала что и подумать, но не сиѣла благодарить. Онъ взялъ меня насильно за руку, потрепалъ меня по щекѣ, сказалъ, что я прехорошенькая, и что онъ чрезвы-

чайно доволенъ тѣмъ, что у меня есть на щекахъ ямочки (Богъ знаетъ, что̀ онъ говорилъ!), и, наконецъ, хотѣлъ меня поцаловать, говоря, что онъ уже старикъ (онъ былъ такой гадкой!).—Тутъ вошла Ѳедора. Онъ немного смутился и опять заговорилъ, что чувствуетъ ко мнѣ уваженіе за мою скромность и благонравіе, и что очень желаетъ, чтобы я его не чуждалась. Потомъ отозвалъ Ѳедору и подъ какимъ-то страннымъ предлогомъ хотѣлъ дать ей сколько-то денегъ. Ѳедора, разумѣется, не взяла. Наконецъ, онъ собрался домой, повторилъ еще разъ всѣ свои увѣренія, сказалъ, что еще разъ ко мнѣ пріѣдетъ и привезетъ мнѣ сережки (кажется, онъ самъ былъ очень смущенъ): совѣтовалъ мнѣ перемѣнить квартиру и рекомендовалъ мнѣ одну прекрасную квартиру, которая у него на примѣтѣ и которая мнѣ ничего не будетъ стоить: сказалъ, что онъ очень полюбилъ меня за тѣмъ, что я честная и благоразумная дѣвушка, совѣтовалъ остерегаться развратной молодежи и, наконецъ, объявилъ, что знаетъ Анну Ѳедоровну, и что Анна Ѳедоровна поручила ему сказать мнѣ, что она сама навѣститъ меня. Тутъ я все поняла. Я не знаю что̀ со мною сталось: въ первый разъ въ жизни я испытывала такое положеніе; я изъ себя вышла: я застыдила его совсѣмъ. Ѳедора помогла мнѣ и почти выгнала его изъ квартиры. Мы рѣшили, что это все дѣло Анны Ѳедоровны: иначе съ какой стороны ему знать о насъ?

Теперь я къ вамъ обращаюсь, Макаръ Алексѣевичъ, и молю васъ о помощи. Не оставляйте меня, ради Бога, въ такомъ положеніи! Займите; пожалуйста, хоть сколько нибудь достаньте денегъ, намъ не на что съѣхать съ квартиры, а оставаться здѣсь никакъ нельзя болѣе: такъ и Ѳедора совѣтуетъ. Намъ нужно, по крайней мѣрѣ, рублей 25; я вамъ эти деньги отдамъ; я ихъ заработаю: Ѳедора мнѣ на дняхъ еще работы достанетъ, такъ, что если васъ будутъ останавливать большіе проценты, то вы не смотрите на нихъ и согласитесь на все. Я вамъ все отдамъ, только ради Бога не оставьте меня помощью. Мнѣ многаго стоитъ безпокоить васъ теперь, когда вы въ такихъ обстоятельствахъ, но на васъ одного вся надежда моя! Прощайте, Макаръ Алексѣевичъ, подумайте обо мнѣ, и дай вамъ Богъ успѣха!

В. Д.

Августа 4.

Голубчикъ мой Варвара Алексѣевна!

Вотъ эти-то всѣ удары неожиданные и потрясаютъ меня! Вотъ такія-то бѣдствія страшныя и убиваютъ духъ мой! Кромѣ того, что сбродъ этихъ лизоблюдниковъ разныхъ и старикашекъ негодныхъ васъ, моего ангельчика, на болѣзненный одръ свести хочетъ, кромѣ этого всего—они и меня, лизоблюды-то эти, извести хотятъ. И изведутъ, клятву кладу, что изведутъ! Вѣдь вотъ я теперь скорѣе умреть готовъ, чѣмъ вамъ не помочь!—Не помоги я вамъ, такъ ужъ тутъ смерть моя, Варинька, тутъ ужъ чистая, настоящая смерть, а помоги, такъ вы тогда у меня улетите, какъ пташка изъ гнѣздышка, которую совы-то эти, хищныя птицы заклевать собирались. Вотъ это-то меня и мучаетъ, маточка. Да и вы-то, Варинька, вы-то какія жестокія! Какъ-же вы это? Васъ мучаютъ, васъ обижаютъ, вы, птенчикъ мой, страдаете, да еще горюете, что меня безпокоить нужно, да еще обѣщаетесь долгъ заработать, то есть, по правдѣ сказать, убиваться будете съ вашимъ здоровьемъ слабенькимъ, чтобъ меня къ сроку выручить. Да вѣдь вы, Варинька, только подумайте, о чемъ вы толкуете! Да зачѣмъ-же вамъ шить, зачѣмъ-же работать, головку свою бѣдную заботою мучить, ваши глазки хорошенькія портить и здоровье свое убивать? Ахъ, Варинька, Варинька! Видите-ли, голубчикъ мой, я никуда не гожусь, и самъ знаю, что никуда не гожусь, но я сдѣлаю такъ, что буду годиться! Я все превозмогу, я самъ работы посторонней достану, переписывать буду разныя бумаги разнымъ литераторамъ, пойду къ нимъ, самъ пойду, навяжусь на работу, потому что вѣдь они, маточка, ищутъ хорошихъ писцовъ, я это знаю, что ищутъ, а вамъ себя изнурять не дамъ; пагубнаго такого намѣренія не дамъ вамъ исполнить. Я, ангельчикъ мой, непремѣнно займу, и скорѣе умру, чѣмъ не займу. И пишете, голубушка вы моя, чтобы я проценту не испугался большаго,—и не испугаюсь, маточка, не испугаюсь, ничего теперь не испугаюсь. Я, маточка, попрошу 40 рублей ассигнаціями; вѣдь не много, Варинька, какъ вы думаете? Можно-ли сорокъ-то рублей мнѣ съ перваго слова повѣрить? То есть, я хочу сказать, считаете-ли вы меня способнымъ внушить, съ перваго взгляда, вѣроятіе и довѣренность? По физіономіи-то, по первому взгляду, можно-ли судить обо мнѣ благопріятнымъ образомъ? Вы припомните, ангельчикъ, способенъ-ли я ко внушенію-то? Какъ вы тамъ отъ себя полагаете? Знаете-ли, страхъ такой чувствуется,—болѣзненно, истинно сказать

болѣзненно! Изъ сорока рублей двадцать пять отлагаю на васъ, Варинька; два цѣлковыхъ хозяйкѣ, а остальное назначаю для собственной траты. Видите-ли, хозяйкѣ-то слѣдовало-бы дать и побольше, даже необходимо; но вы сообразите все дѣло, маточка, перечтите-ка всѣ мои нужды, такъ и увидите, что ужь никакъ нельзя болѣе дать, слѣдовательно, нечего и говорить объ этомъ, да и упоминать не нужно. На рубль серебромъ куплю сапоги; я ужь и не знаю, способенъ-ли я буду въ старыхъ-то завтра въ должность явиться. Платочекъ шейный тоже былъ-бы необходимъ, ибо старому скоро годъ минетъ; но такъ какъ вы мнѣ изъ стараго фартучка вашего не только платокъ, но и манишку выкроить обѣщались, то я о платкѣ и думать больше не буду. Такъ вотъ сапоги и платокъ есть. Теперь пуговки, дружокъ мой! Вѣдь вы согласитесь, кроше́чка моя, что мнѣ безъ пуговокъ быть нельзя; а у меня чуть-ли не половина борта обсыпалась! Я трепещу, когда подумаю, что его превосходительство могутъ такой безпорядокъ замѣтить, да скажутъ—да что̀ скажутъ! Я, маточка, и не услышу, что̀ скажутъ; ибо умру, умру, на мѣстѣ умру, такъ-таки возьму да и умру отъ стыда, отъ мысли одной!—Охъ, маточка!—Да вотъ еще останется отъ всѣхъ необходимостей трехрублевикъ; такъ вотъ это на жизнь, и на полфунтика табачку; потому что, ангельчикъ мой, я безъ табаку-то жить не могу, а ужь вотъ девятый день трубки въ ротъ не бралъ. Я-бы, по совѣсти говоря, купилъ-бы, да и вамъ ничего не сказалъ, да совѣстно. Вотъ у васъ тамъ бѣда, вы послѣдняго лишаетесь, а я здѣсь разными удовольствіями наслаждаюсь; такъ вотъ для того и говорю вамъ все это, чтобы угрызенія совѣсти не мучили. Я вамъ откровенно признаюсь, Варинька, я теперь въ крайне бѣдственномъ положеніи, то есть рѣшительно ничего подобнаго никогда со мной не бывало. Хозяйка презираетъ меня, уваженія ни отъ кого нѣтъ никакого; недостатки страшнѣйшіе, долги; а въ должности, гдѣ отъ своего брата чиновника и прежде мнѣ не было масляницы,—теперь, маточка, и говорить нечего. Я скрываю, я тщательно отъ всѣхъ все скрываю, и самъ скрываюсь, и въ должность-то вхожу когда, такъ бочкомъ-бочкомъ, сторонюсь отъ всѣхъ. Вѣдь это вамъ только признаться достаетъ у меня силы душевной... А ну, какъ не дастъ! Ну, нѣтъ, лучше, Варинька, и не думать объ этомъ, и такими мыслями заранѣе не убивать души своей. Къ тому и пишу это, чтобы предостеречь васъ, чтобы сами вы объ этомъ не думали и мыслію злою не мучились. Ахъ, Боже мой, что это съ вами-то будетъ тогда! Оно, правда и то, что вы тогда съ этой квартиры не съѣдете, и я буду съ вами,—да, нѣтъ, ужь я и не ворочусь тогда, я просто сгину куда нибудь, пропаду.

Вотъ я вамъ здѣсь расписался, а побриться-бы нужно, оно все благообразнѣе, а благообразіе всегда умѣетъ найдти. Ну, дай-то Господи! Помолюсь, да и въ путь!

М. Дѣвушкинъ.

Августа 5.

Любезнѣйшій Макаръ Алексѣевичъ!

Ужь хоть вы-то-бы не отчаявались! И такъ горя довольно.—Посылаю вамъ тридцать копѣекъ серебромъ; больше никакъ не могу. Купите себѣ тамъ что вамъ болѣе нужно, чтобы хоть до завтра прожить какъ нибудь. У насъ у самихъ почти ничего не осталось, а завтра ужь и не знаю что будетъ. Грустно, Макаръ Алексѣевичъ! Впрочемъ, не грустите; не удалось, такъ что-жь дѣлать! Ѳедора говоритъ, что еще не бѣда, что можно до времени и на этой квартирѣ остаться, что если-бы и переѣхали, такъ все-бы немного выгадали, и что если захотятъ, такъ вездѣ насъ найдутъ. Да только все какъ-то не хорошо здѣсь оставаться теперь. Если-бы не грустно было, я-бы вамъ кое-что написала.

Какой у васъ странный характеръ, Макаръ Алексѣевичъ! Вы ужь слишкомъ сильно все принимаете къ сердцу; отъ этого вы всегда будете несчастнѣйшимъ человѣкомъ. Я внимательно читаю всѣ ваши письма и вижу, что въ каждомъ письмѣ вы обо мнѣ такъ мучаетесь и заботитесь, какъ никогда о себѣ не заботились. Всѣ, конечно, скажутъ, что у васъ доброе сердце, но я скажу, что оно ужь слишкомъ доброе. Я вамъ даю дружескій совѣтъ, Макаръ Алексѣевичъ. Я вамъ благодарна, очень благодарна за все, что вы для меня сдѣлали, я все это очень чувствую; такъ судите-же, каково мнѣ видѣть, что вы и теперь, послѣ всѣхъ вашихъ бѣдствій, которыхъ я была невольною причиною,—что и теперь живете только тѣмъ, что я живу: моими радостями, моими горестями, моимъ сердцемъ! Если принимать все чужое такъ къ сердцу и если такъ сильно всему сочувствовать, то, право, есть отчего быть несчастнѣйшимъ человѣкомъ. Сегодня, когда вы вошли ко мнѣ послѣ должности, я испугалась глядя на васъ. Вы были такой блѣдный, перепуганный, отчаянный: на васъ лица не было,—и все оттого, что вы боялись мнѣ разсказать о своей неудачѣ, боялись меня огорчить, меня испугать, а какъ увидѣли, что я чуть не засмѣялась, то у васъ почти все отлегло отъ сердца. Макаръ Алексѣевичъ! Вы не печальтесь, не отчаивайтесь, будьте благоразумнѣе,—прошу васъ, умоляю васъ

объ этомъ. Ну, вотъ вы увидите, что все будетъ хорошо, все перемѣнится къ лучшему; а то вамъ тяжело будетъ жить, вѣчно тоскуя и болѣя чужимъ горемъ. Прощайте, мой другъ; умоляю васъ, не безпокойтесь слишкомъ обо мнѣ.

В. Д.

Августа 5.

Голубчикъ мой, Варинька!

Ну, хорошо, ангельчикъ мой, хорошо! Вы рѣшили, что еще не бѣда оттого, что я денегъ не досталъ. Ну, хорошо, я спокоенъ, я счастливъ на вашъ счетъ. Даже радъ, что вы меня, старика, не покидаете и на этой квартирѣ останетесь. Да ужь если все говорить, такъ и сердце-то мое все радостію переполнилось, когда я увидѣлъ, что вы обо мнѣ, въ своемъ письмецѣ, такъ хорошо написали и чувствамъ моимъ должную похвалу воздали. Я это не отъ гордости говорю, но оттого, что вижу какъ вы меня любите, когда объ сердцѣ моемъ такъ безпокоитесь. Ну, хорошо: что ужь теперь объ сердцѣ-то моемъ говорить! Сердце само по себѣ:—а вотъ вы наказываете, маточка, чтобы я малодушнымъ не былъ. Да, ангельчикъ мой, пожалуй, и самъ скажу, что не нужно его, малодушія-то; да при всемъ этомъ, рѣшите сами, маточка моя, въ какихъ сапогахъ я завтра на службу пойду!—Вотъ оно что, маточка; а вѣдь подобная мысль погубить человѣка можетъ, совершенно погубить. А главное, родная моя, что я не для себя и тужу, не для себя и страдаю: по мнѣ все равно, хоть-бы и въ трескучій морозъ безъ шинели и безъ сапоговъ ходить, я перетерплю, и все вынесу, мнѣ ничего: человѣкъ-то я простой, маленькій;—но что люди скажутъ? — Враги-то мои, злые-то языки эти всѣ что заговорятъ, когда безъ шинели пойдешь? Вѣдь для людей и въ шинели ходишь, да и сапоги, пожалуй, для нихъ-же носишь. Сапоги въ такомъ случаѣ, маточка, душечка вы моя, нужны мнѣ для поддержки чести и добраго имени; въ дырявыхъ-же сапогахъ и то, и другое пропало,—повѣрьте, маточка, опытности моей многолѣтней повѣрьте: меня, старика, знающаго свѣтъ и людей, послушайте, а не начкуновъ какихъ нибудь и маратедей.

А я вамъ еще и не разсказывалъ въ подробности, маточка, какъ это въ сущности все было сегодня. А того я натерпѣлся, столько тяготы душевной въ одно утро вынесъ, чего иной и въ цѣлый годъ не вынесетъ. Вотъ оно было какъ: — шинель, во первыхъ, я, ранымъ-ранешенько, чтобы и его-то застать, да и на службу поспѣть.

Дождь былъ такой, слякоть такая была сегодня! Я, ясочка моя, въ нашель-то закутался, иду-иду, да все думаю: — Господи! прости, дескать, мои согрѣшенія и пошли исполненіе желаній.—Мимо—ской церкви прошелъ, перекрестился, во всѣхъ грѣхахъ покаялся, да вспомнилъ, что недостойно мнѣ съ Господомъ Богомъ уговариваться. Погрузился я въ себя самого, и глядѣть ни на что не хотѣлось; такъ ужь не разбирая дороги пошелъ На улицахъ было пусто, а кто встрѣчался, такъ все такіе занятые, озабоченные, да и не диво: кто въ такую пору раннюю и въ такую погоду гулять пойдетъ! Артель работниковъ испачканныхъ повстрѣчалась со мною; затолкали меня мужичье! Робость нашла на меня, жутко становилось, ужь я объ деньгахъ-то и думать, по правдѣ, не хотѣлъ, —на авось такъ на авось! У самаго Воскресенскаго моста у меня подошва отстала, такъ что ужь и самъ не знаю на чемъ я пошелъ. А тутъ нашъ писарь Ермолаевъ повстрѣчался со мною, вытянулся, стоитъ, глазами провожаетъ, словно на водку проситъ; эхъ, братецъ, подумалъ я, на водку, ужь какая тутъ водка! Усталъ я ужасно, пріостановился, отдохнулъ немного, да и потянулся дальше. Нарочно разглядывалъ, къ чему-бы мыслями прилѣпиться, развлечься, пріободриться, да нѣтъ; ни одной мысли ни къ чему не могъ прилѣпить, да и загрязнился вдобавокъ такъ, что самого себя стыдно стало. Увидѣлъ, наконецъ, я издали домъ деревянный желтый, съ мезониномъ въ родѣ бельведера—ну, такъ, думаю, такъ оно и есть, такъ и Емельянъ Ивановичъ говорилъ,—Маркова домъ. (Онъ и есть этотъ Марковъ, маточка, что на проценты даетъ). Я ужь и себя тутъ не вспомнилъ, и вѣдь зналъ, что Маркова домъ, а спросилъ таки будочника—чей, дескать, это, братецъ, домъ? Будочникъ такой грубіянъ, говоритъ не-хотя, словно сердится на кого-то, слова сквозь зубы цѣдитъ,—да ужь такъ говоритъ, это Маркова домъ.—Будочники эти всѣ такіе нечувствительные, а что мнѣ будочникъ?—А вотъ все какъ-то было впечатлѣніе дурное и непріятное, словомъ, все одно къ одному; изо всего что-нибудь выведешь сходное съ своимъ положеніемъ, и это всегда такъ бываетъ. Мимо дома-то я три конца далъ по улицѣ, и чѣмъ больше хожу, тѣмъ хуже становится; — нѣтъ, думаю, не дастъ, ни за что не дастъ! И человѣкъ-то я незнакомый, и дѣло-то мое щекотливое, и фигурой я не беру, — ну, думаю, какъ судьба рѣшитъ; чтобы послѣ только не каяться, за попытку не съѣдятъ-же меня, — да и отворилъ потихоньку калитку. А тутъ другая бѣда: навязалась на меня дряпная, глупая собаченка дворная; лѣзетъ изъ кожи, заливается!—И вотъ такіе-то подлые, мелкіе случаи и взбѣсятъ всегда человѣка, маточка, и робость на него наведутъ, и всю рѣшимость, которую за-

раиѣ обдумалъ, уничтожать: такъ что я вошелъ въ домъ ни живъ, ни мертвъ, вошелъ да прямо еще на бѣду, — не разглядѣлъ, что такое внизу въ потьмахъ у порога, ступилъ да и споткнулся объ какую-то бабу, а баба молоко изъ подойника въ кувшины цѣдила, и все молоко пролила. Завизжала, затрепещала глупая баба,—дескать, куда ты, батюшка лѣзешь, чего тебѣ надо? да и пошла причитать про нелегкое. Я, маточка, это къ тому замѣчаю, что всегда со мной такое-же случалось въ подобнаго рода дѣлахъ: знать, ужь мнѣ написано такъ; вѣчно-то я зацѣпилось за что нибудь постороннее. Высунулась на шумъ старая вѣдьма и чухонка хозяйка, я прямо къ ней,—здѣсь, дескать, Марковъ живетъ? Нѣтъ, говоритъ; постояла, оглядѣла меня хорошенько. — «А вамъ что до него?» Я объясняю ей, что, дескать, такъ и такъ, Емельянъ Ивановичъ,— ну, и про остальное;—говорю, дѣлцо есть. Старуха кликнула дочку—вошла и дочка, дѣвочка въ лѣтахъ, босоногая,—«кликни отца: онъ наверху у жильцовъ,—пожалуйте». Вошелъ я. Комната ничего, на стѣнахъ картинки висятъ, все генераловъ какихъ-то портреты, диванъ стоитъ, столъ круглый, резеда, бальзаминчики,—думаю-думаю, не убраться-ли полно мнѣ по добру по здорову, уйдти или нѣтъ? И вѣдь ей-ей, маточка, хотѣлъ убѣжать! Я лучше, думаю, завтра приду; и погода лучше будетъ, и я-то пережду,—а сегодня вонъ и молоко пролито, и генералы-то смотрятъ такіе сердитые... Я ужь и къ двери, да онъ-то вошелъ,—такъ себѣ, сѣденькій, глазки такіе вороватенькіе, въ халатѣ засаленномъ и веревкой подпоясанъ. Освѣдомился въ чемъ и какъ, а я ему: дескать, такъ и такъ, вотъ Емельянъ Ивановичъ,—рублей сорокъ, говорю; дѣло такое,— да и не договорилъ. Изъ глазъ его увидалъ, что проиграно дѣло. «Нѣтъ, ужь что, говоритъ, дѣло, у меня денегъ нѣтъ; а что у васъ закладъ, что-ли, какой?» Я было сталъ объяснять, что, дескать, заклада нѣтъ, а вотъ Емельянъ Ивановичъ,—объясняю, однимъ словомъ, что нужно. Выслушалъ все, — нѣтъ, говоритъ, что Емельянъ Ивановичъ! у меня денегъ нѣтъ.—Ну, думаю, такъ, все такъ; зналъ я про это, предчувствовалъ — ну, просто, Варинька, лучше-бы было, если-бы земля подо мной разступилась: холодъ такой, ноги окоченѣли, муравки по спинѣ пробѣжали. Я на него смотрю, а онъ на меня смотритъ, да чуть не говоритъ — что, дескать, ступай-ка ты, братъ, здѣсь тебѣ нечего дѣлать, —такъ что, если-бъ въ другомъ случаѣ было-бы такое-же, такъ совѣмъ-бы засовѣстился.—Да что вамъ, зачѣмъ деньги надобны?—(вѣдь вотъ про что спросилъ, маточка!). Я было ротъ разинулъ, чтобы только такъ не стоять даромъ, да онъ и слушать не сталъ — нѣтъ, говоритъ, денегъ нѣтъ: я-бы, говоритъ, съ удовольствіемъ. Ужь я ему пред-

ставлять, представлять, говорю, что вѣдь я немножко, я, дескать, говорю, вамъ отдамъ, въ срокъ отдамъ, и что я еще до срока отдамъ, что й процентъ пусть какой угодно береть, и что я ей Богу отдамъ. Я, маточка, въ это мгновеніе васъ вспомнилъ, всѣ ваши несчастія и нужды вспомнилъ, вашъ полтинничекъ вспомнилъ,—да нѣтъ, говоритъ, что́ проценты, вотъ если-бъ закладъ! А то у меня денегъ нѣтъ, ей Богу нѣтъ; я-бы, говоритъ, съ удовольствіемъ,—еще и побожился, разбойникъ!

Ну, тутъ ужь, родная моя, я и не помню, какъ вышелъ, какъ прошелъ Выборгскую, какъ на Воскресенскій мостъ попалъ, усталъ ужасно, прозябъ, продрогъ и только въ десять часовъ въ должность успѣлъ явиться. Хотѣлъ было себя пообчистить отъ грязи, да Сѣтъ-гиревъ сторожъ сказалъ, что нельзя, что щетку испортишь, а щетка, говоритъ, барина, казенная. Вотъ они какъ теперь, маточка, такъ что я и у этихъ господъ чуть-ли не хуже вѣтошки, объ которую ноги обтираютъ. Вѣдь меня что̀, Варинька, убиваетъ?—Не деньги меня убиваютъ, а всѣ эти тревоги житейскія, всѣ эти нѣноты, улыбочки, шуточки. Его превосходительство невзначай какъ нибудь могутъ отнестись на мой счетъ,—охъ, маточка, времена-то мои прошли золотыя! Сегодня перечиталъ я всѣ ваши письма; грустно, маточка! Прощайте, родная, Господь васъ храни!

М. Дѣвушкинъ.

P. S. Горе-то мое, Варинька, хотѣлъ я вамъ описать пополамъ съ шуточкой, только, видно, она не дается мнѣ, шуточка-то. Вамъ хотѣлось угодить.—Я къ вамъ зайду, маточка, непремѣнно зайду, завтра зайду.

Августа 11.

Варвара Алексѣевна! Голубчикъ мой, маточка! Пропалъ я, пропали мы оба, оба вмѣстѣ, безвозвратно пропали. Моя репутація, амбиція — все потеряно! Я погибъ, и вы погибли, маточка, и вы, вмѣстѣ со мной, безвозвратно погибли! Это я, я васъ въ погибель ввелъ! Меня гонятъ, маточка, презираютъ, на смѣхъ подымаютъ, а хозяйка просто меня бранитъ стала; кричала-кричала на меня сегодня, распекала-распекала меня, ниже цѣны поставила. А вечеромъ у Ратазяева кто-то изъ нихъ сталъ вслухъ читать одно письмо черновое, которое я вамъ написалъ, да выронилъ невзначай изъ кармана. Матушка моя, какую они насмѣшку подняли!

Ѳ. М. Достоевскій и Чоканъ Валихановъ, съ фотографіи, снятой въ Семипалатинскѣ въ 1858 году.

Тип. Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ.

Величали-величали насъ, хохотали-хохотали, предатели! Я вошелъ къ нимъ и уличилъ Ратазяева въ вѣроломствѣ; сказалъ ему, что онъ предатель! А Ратазяевъ отвѣчалъ мнѣ, что я самъ предатель, что я конкетами разными занимаюсь; говоритъ—вы скрывались отъ насъ, вы, дескать, Ловеласъ; и теперь всѣ меня Ловеласомъ зовутъ, и имени другаго нѣтъ у меня! Слышите-ли, ангельчикъ мой, слышите-ли,—они теперь все знаютъ, обо всемъ извѣстны, и объ васъ, родная моя, знаютъ, и обо всемъ, что ни есть у васъ, обо всемъ знаютъ! Да чего! И Фальдони туда-же, и онъ за-одно съ ними; послалъ я его сегодня въ колбасную, такъ, принести кой-чего; не идетъ да и только, дѣло есть, говоритъ! Да вѣдь ты-жь обязанъ,—я говорю.—«Да нѣтъ-же, говоритъ, не обязанъ, вы вонъ моей барынѣ денегъ не платите, такъ я вамъ и не обязанъ». Я не вытерпѣлъ отъ него, отъ необразованнаго мужика, оскорбленія, да и сказалъ ему дуракъ, а онъ мнѣ—«отъ дурака слышалъ». Я думаю, что онъ съ пьяныхъ глазъ мнѣ такую грубость сказалъ—да и говорю, ты, дескать, пьянъ, мужикъ ты этакой! а онъ мнѣ:—«вы, что-ли, мнѣ поднесли-то? У самихъ-то есть-ли на что опохмѣлиться; сами у какой-то по гривенничку христарадничаете, да еще прибавилъ: эхъ, дескать, а еще баринъ!» Вотъ, маточка, вотъ до чего дошло дѣло! Жить, Варинька, совѣстно! Точно ограшенный какой нибудь; хуже чѣмъ безпаспортному бродягѣ какому нибудь. Бѣдствія тяжкія! — Погибъ я, просто погибъ! Безвозвратно погибъ.

М. Д.

Августа 13.

Любезнѣйшій Макаръ Алексѣевичъ! Надъ нами все бѣды да бѣды, я ужь и сама не знаю, что дѣлать! Что съ вами-то будетъ теперь, а на меня надежда плохая; я сегодня обожгла себѣ утюгомъ лѣвую руку; уронила нечаянно, и ушибла, и обожгла, все вмѣстѣ. Работать никакъ нельзя, а Ѳедора ужь третій день хвораетъ. Я въ мучительномъ безпокойствѣ. Посылаю вамъ тридцать копѣекъ серебромъ: это почти все послѣднее наше, а я, Богъ видитъ, какъ желала-бы вамъ помочь теперь въ вашихъ нуждахъ. До слезъ досадно! Прощайте, другъ мой! Весьма-бы вы утѣшили меня, если-бъ пришли къ намъ сегодня.

В. Д.

Августа 14.

Макаръ Алексѣевичъ! Что это съ вами! Бога вы не боитесь вѣрно! Вы меня просто съума сведете. Не стыдно-ли вамъ! Вы себя губите, вы подумайте только о своей репутаціи! Вы человѣкъ честный, благородный, амбиціонный—ну, какъ всѣ узнаютъ про васъ! Да вы просто со стыда должны будете умереть! Или не жаль вамъ сѣдыхъ волосъ вашихъ? Ну, боитесь-ли вы Бога! Ѳедора сказала, что уже теперь не будетъ вамъ болѣе помогать, да и я тоже вамъ денегъ давать не буду.—До чего вы меня довели, Макаръ Алексѣевичъ! Вы думаете вѣрно, что мнѣ ничего, что вы такъ дурно ведете себя: вы еще не знаете, что̀ я изъ-за васъ терплю! Мнѣ по нашей лѣстницѣ и пройдти нельзя: всѣ на меня смотрятъ, пальцемъ на меня указываютъ, и такія страшныя вещи говорятъ;—да, прямо говорятъ, что *связалась я съ пятницей*. Каково это слышать! Когда васъ привозятъ, то на васъ всѣ жильцы съ презрѣніемъ указываютъ: вотъ, говорятъ, того чиновника привезли. А мнѣ-то за васъ мочи нѣтъ какъ совѣстно. Клянусь вамъ, что я переѣду отсюда. Пойду куда нибудь въ горничныя, въ прачки, а здѣсь не останусь. Я вамъ писала, чтобъ вы зашли ко мнѣ, а вы не зашли. Знать, вамъ ничего мои слезы и просьбы, Макаръ Алексѣевичъ! И откуда вы денегъ достали? Ради Создателя побеpегитесь! Вѣдь пропадете, ни за что пропадете! И стыдъ-то, и срамъ-то какой! Васъ хозяйка и впустить вчера не хотѣла, вы въ сѣняхъ ночевали: я все знаю. Если-бъ вы знали, какъ мнѣ тяжело было, когда я все это узнала. Приходите ко мнѣ, вамъ будетъ у насъ весело: мы будемъ вмѣстѣ читать, будемъ старое вспоминать. Ѳедора о своихъ богомольныхъ странствіяхъ разсказывать будетъ. Ради меня, голубчикъ мой, не губите себя и меня не губите. Вѣдь я для васъ одного и живу, для васъ и остаюсь съ вами. Такъ-то вы теперь! Будьте благороднымъ человѣкомъ, твердымъ въ несчастіяхъ: помните, что бѣдность не порокъ. Да и чего отчаяваться: это все временное! Дастъ Богъ—все поправится, только вы-то удержитесь теперь. Посылаю вамъ двугривенный, купите себѣ табаку, или всего, что вамъ захочется, только ради Бога на дурное не тратьте. Приходите къ намъ, непремѣнно приходите. Вамъ, можетъ быть, какъ и прежде, стыдно будетъ, но вы не стыдитесь: это ложный стыдъ. Только-бы вы искреннее раскаяніе принесли. Надѣйтесь на Бога. Онъ все устроитъ къ лучшему.

В. Д.

Августа 19.

Варвара Алексѣевна, маточка!

Стыдно мнѣ, ясочка моя, Варвара Алексѣевна, совсѣмъ застыдился. Впрочемъ, что-жь тутъ такого, маточка, особеннаго? Отчего-же сердца своего не поразвеселить? Я тогда про подошвы мои и не думаю, потому что подошва вздоръ, и всегда останется простой, подлой, грязной подошвой. Да и сапоги тоже вздоръ! — И мудрецы греческіе безъ сапогъ хаживали, такъ чего-же нашему-то брату съ такимъ недостойнымъ предметомъ няньчиться? За что-жь обижать, за что-жь презирать меня въ такомъ случаѣ? Эхъ, маточка, маточка, нашли что̀ писать! А Ѳедорѣ скажите, что она баба вздорная, безпокойная, буйная, и вдобавокъ глупая! Что-же касается до сѣдины моей, то и въ этомъ вы ошибаетесь, родная моя, потому что я вовсе не такой старикъ, какъ вы думаете. Емеля вамъ кланяется. Пишете вы, что сокрушались и плакали; а я вамъ пишу, что я тоже сокрушался и плакалъ. Въ заключеніе-же, желаю вамъ всякаго здоровья и благополучія, а что до меня касается, то я тоже здоровъ и благополученъ и пребываю вашимъ, ангельчикъ мой, другомъ

Макаромъ Дѣвушкинымъ.

Августа 21.

Милостивая государыня и любезный другъ Варвара Алексѣевна!

Чувствую, что я виновать, чувствую, что я провинился предъ вами, да и, по моему, выгоды-то изъ этого нѣтъ никакой, маточка, что я все это чувствую, ужь что̀ вы тамъ ни говорите. Я и прежде простуика моего все это чувствовалъ, но вотъ упалъ-же духомъ, съ сознаніемъ вины упалъ. Маточка моя, я не золъ и не жестокосердень; а для того, чтобы растерзать сердечко ваше, голубка моя, нужно быть ни болѣе, ни менѣе какъ кровожаднымъ тигромъ, ну, а у меня сердце овечье, и я, какъ и вамъ извѣстно, не имѣю позыва къ кровожадности; слѣдственно, ангельчикъ мой, я и не совсѣмъ виноватъ въ простуикѣ моемъ, такъ-же какъ и ни сердце, ни мысли мои не виноваты; а ужь такъ, я и не знаю что̀ виновато. Ужь такое дѣло темное, маточка! Тридцать копѣекъ серебромъ мнѣ при-

слали, а потомъ прислали двугривенничекъ; у меня сердце и заныло, глядя на ваши сиротскія денежки. Сами ручку свою обожгли, голодать скоро будете, а пишете чтобъ я табачку купилъ. Ну, какъ-же мнѣ было поступить, въ такомъ случаѣ? Или ужь такъ, безъ зазрѣнія совѣсти, подобно разбойнику, васъ, сироточку, начать грабить! Тутъ-то я и упалъ духомъ, маточка, т. е. сначала, чувствуя по неволѣ, что никуда не гожусь и что я самъ немногимъ развѣ получше подошвы своей, счелъ неприличнымъ принимать себя за что нибудь значущее, а, напротивъ, самого себя сталъ считать чѣмъ-то неприличнымъ и въ нѣкоторой степени неблагопристойнымъ. Ну, а какъ потерялъ къ себѣ самому уваженіе, какъ предался отрицанію добрыхъ качествъ своихъ и своего достоинства, такъ ужь тутъ и все пропадай, тутъ ужь и паденіе, немнуемое паденіе! Это такъ уже судьбою опредѣлено, и я въ этомъ не виноватъ. Я сначала вышелъ немножко поосвѣжиться. Тутъ уже все пришло одно къ одному: и природа была такая слезливая, а погода холодная, и дождь; ну и Емеля тутъ-же случился. Онъ, Варинька, уже все заложилъ, что имѣлъ, все у него пошло въ свое мѣсто, и какъ я его встрѣтилъ, такъ онъ уже двое сутокъ маковой росинки во рту не видалъ, такъ что ужь хотѣлъ такое закладывать, чего никакъ и заложить нельзя, за тѣмъ что и закладовъ такихъ не бываетъ. Ну, что-же, Варинька, уступилъ я болѣе изъ состраданія къ человѣчеству, чѣмъ по собственному влеченію. Такъ вотъ какъ грѣхъ этотъ произошелъ, маточка! Мы ужь какъ вмѣстѣ съ нимъ плакали! Васъ вспоминали. Онъ предобрый, онъ очень добрый человѣкъ, и весьма чувствительный человѣкъ. Я, маточка, самъ все это чувствую; со мной потому и случается-то все такое, что я очень все это чувствую. Я знаю, чѣмъ я вамъ, голубчикъ вы мой, обязанъ! Узнавъ васъ, я сталъ, во первыхъ, и самого себя лучше знать, и васъ сталъ любить; а до васъ, ангельчикъ мой, я былъ одинокъ и какъ будто спалъ, а не жилъ на свѣтѣ. Они, злодѣи-то мои, говорили, что даже и фигура моя неприличная, и глумились мною, ну, и я сталъ гнушаться собою; говорили, что я тупъ, я и въ самомъ дѣлѣ думалъ, что я тупъ, а какъ вы мнѣ явились, то вы всю мою жизнь освѣтили темную, такъ что и сердце, и душа моя освѣтились, и я обрѣлъ душевный покой, и узналъ, что и я не хуже другихъ; что только такъ, не блещу ничѣмъ, лоску нѣтъ, тону нѣтъ, но все-таки я человѣкъ, что сердцемъ и мыслями я человѣкъ. Ну, а теперь, почувствовавъ, что я гоним судьбою, что, униженный ею, предался отрицанію собственнаго своего достоинства, я, удрученный моими бѣдствіями, и упалъ духомъ. И такъ какъ вы теперь все знаете, маточка, то я и умоляю васъ слезно не лю-

бонытствовать болѣе объ этой матеріи; ибо сердце мое разрывается и мнѣ становится и горько, и тягостно.

Свидѣтельствую, маточка, вамъ почтеніе мое и пребываю вашимъ вѣрнымъ

Макаромъ Дѣвушкинымъ.

Сентября 3.

Не докончила прошлаго письма, Макарь Алексѣевичъ, потому что мнѣ было тяжело писать. Иногда бываютъ со мной минуты, когда я рада быть одной, одной грустить, одной тосковать, безъ раздѣла, и такія минуты начинаютъ находить на меня все чаще и чаще. Въ воспоминаніяхъ моихъ есть что-то такое необъяснимое для меня, что увлекаетъ меня такъ безотчетно, такъ сильно, что я по нѣскольку часовъ бываю безчувственна ко всему меня окружающему и забываю все, все настоящее. И нѣтъ впечатлѣнія въ теперешней жизни моей, пріятнаго-ль, тяжелаго, грустнаго, которое-бы не напоминало мнѣ чего нибудь подобнаго-же въ прошедшемъ моемъ, и чаще всего мое дѣтство, мое золотое дѣтство! Но мнѣ становится всегда тяжело послѣ подобныхъ мгновеній. Я какъ-то слабѣю; моя мечтательность изнуряетъ меня, а здоровье мое и безъ того все хуже и хуже становится.

Но сегодня свѣжее, яркое, блестящее утро, какихъ мало здѣсь осенью, оживило меня, и я радостно его встрѣтила. Итакъ у насъ уже осень! Какъ я любила осень въ деревнѣ! Я еще ребенкомъ была, но и тогда уже много чувствовала. Осенній вечеръ я любила больше, чѣмъ утро. Я помню, въ двухъ шагахъ отъ нашего дома, подъ горой, было озеро. Это озеро,—я какъ будто вижу его теперь,—это озеро было такое широкое, ровное, свѣтлое, чистое какъ хрусталь! Бывало, если вечеръ тихъ—озеро покойно; на деревахъ, что по берегу росли, не шелохнетъ, вода неподвижна, словно зеркало. Свѣжо! Холодно! Падаетъ роса на траву, въ избахъ на берегу засвѣтятся огоньки, стадо пригонятъ — тутъ-то я и ускользну тихонько изъ дому, чтобы посмотрѣть на мое озеро, и засмотрюсь, бывало. Какая нибудь вязанка хворосту горитъ у рыбаковъ у самой воды, и свѣтъ далеко-далеко по водѣ льется. Небо такое холодное, синее, и по краямъ разведено все красными, огненными полосами, и эти полосы все блѣднѣе и блѣднѣе становятся; выходитъ мѣсяцъ; воздухъ такой звонкій, порхнетъ-ли испуганная пташка, камышъ-ли зазвенитъ отъ легонькаго вѣтерочка, или рыбка всплеснется въ

водѣ,—все, бывало, слышно. По синей водѣ встаетъ бѣлый паръ, тонкій, прозрачный. Даль темнѣетъ; все какъ-то тонетъ въ туманѣ, а вблизи такъ все рѣзко обточено, словно рѣзцомъ обрѣзано,—лодка, берегъ, острова;—бочка какая нибудь, брошенная, забытая у самаго берега, чуть-чуть колышется на водѣ, вѣтка ракитовая съ пожелтѣлыми листьями путается въ камышѣ,—вспорхнетъ чайка запоздалая, то окунется въ холодной водѣ, то опять вспорхнетъ и утонетъ въ туманѣ,—я засматривалась, заслушивалась,—чудно, хорошо было мнѣ! А я еще была ребенокъ, дитя!..

Я такъ любила осень,—позднюю осень, когда уже уберутъ хлѣба, окончатъ всѣ работы, когда уже въ избахъ начнутся посидѣлки, когда уже всѣ ждутъ зимы. Тогда все становится мрачнѣе, небо хмурится облаками, желтыя листья стелятся тропами по краямъ обнаженнаго лѣса, а лѣсъ синѣетъ, чернѣетъ,—особенно вечеромъ, когда спустится сырой туманъ, и деревья мелькаютъ изъ тумана какъ великаны, какъ безобразныя, страшныя привидѣнія. Заноздаешь, бывало, на прогулкѣ, отстанешь отъ другихъ, идешь одна, спѣшишь,—жутко! Сама дрожишь какъ листъ; вотъ, думаешь, того и гляди, выглянетъ кто нибудь страшный изъ-за этого дупла; между тѣмъ вѣтеръ пронесется по лѣсу, загудитъ, зашумитъ, завоетъ такъ жалобно, сорветъ тучу листьевъ съ чахлыхъ вѣтокъ, закрутитъ ими по воздуху, и за ними длинною, широкою, шумною стаей, съ дикимъ пронзительнымъ крикомъ, пронесутся птицы, такъ что небо чернѣетъ, и все застилается ими. Страшно станетъ, а тутъ, точно какъ будто заслышишь кого-то—чей-то голосъ—какъ будто кто-то шепчетъ:—«бѣги, бѣги, дитя, не оглядывай; страшно здѣсь будетъ тотчасъ, бѣги, дитя!—ужасъ пройдетъ по сердцу, и бѣжишь-бѣжишь такъ, что духъ занимается. Прибѣжишь запыхавшись домой; дома шумно, весело; раздадутъ намъ всѣмъ дѣтямъ работу: горохъ или макъ щелушить. Сырыя дрова трещатъ въ печи; матушка весело смотритъ за нашей веселой работой; старая няня, Ульяна, разсказываетъ про старое время или страшныя сказки про колдуновъ и мертвецовъ. Мы, дѣти, жмемся подружка къ подружкѣ, а улыбка у всѣхъ на губахъ. Вотъ, вдругъ замолчимъ разомъ... чу! шумъ! какъ будто кто-то стучитъ!—Ничего не бывало; это гудитъ самопрялка у старой Фроловны; сколько смѣху бывало! А потомъ ночью не спимъ отъ страха; находятъ такіе страшные сны. Проснешься, бывало, шевельнуться не смѣешь и до разсвѣта дрогнешь подъ одѣяломъ. Утромъ встанешь свѣжа какъ цвѣточекъ. Посмотришь въ окно: морозомъ прохватило все поле; тонкій, осенній иней повисъ на обнаженныхъ сучьяхъ; тонкимъ какъ листъ льдомъ подернулось озеро; встаетъ бѣлый паръ по озеру; кричатъ веселыя

птицы. Солнце свѣтитъ кругомъ яркими лучами, и лучи разбиваютъ какъ стекло тонкій ледъ. Свѣтло, ярко, весело! Въ печкѣ опять трещитъ огонь; подсядемъ всѣ къ самовару, а въ окна посматриваетъ продрогшая ночью черная наша собака Полканъ и привѣтливо махаетъ хвостомъ. Мужичекъ проѣдетъ мимо оконъ на бодрой лошадкѣ въ лѣсъ за дровами. Всѣ такъ довольны, такъ веселы... На гумнахъ запасено много-много хлѣба: на солицѣ золотятся крытые соломой скирды большіе-большіе; отрадно смотрѣть! И всѣ спокойны, всѣ радостны; всѣхъ Господь благословилъ урожаемъ: всѣ знаютъ, что будутъ съ хлѣбомъ на зиму; мужичекъ знаетъ, что семья и дѣти его будутъ сыты; оттого по вечерамъ и не умолкаютъ звонкія пѣсни дѣвушекъ и хороводныя игры, оттого всѣ съ благодарными слезами молятся въ домѣ Божіемъ въ праздникъ Господень!.. Ахъ, какое золотое-золотое было дѣтство мое!...

Вотъ я и расплакалась теперь какъ дитя, увлекаясь моими воспоминаніями. Я такъ живо, такъ живо все припомнила, такъ ярко стало передо мною все прошедшее, а настоящее такъ тускло, такъ темно!.. Чѣмъ это кончится, чѣмъ это все кончится? Знаете-ли, у меня есть какое-то убѣжденіе, какая-то увѣренность, что я умру нынче осенью. Я очень-очень больна. Я часто думаю о томъ, что умру, но все-бы мнѣ не хотѣлось такъ умереть,—въ здѣшней землѣ лежать. Можетъ быть, я опять слягу въ постель, какъ и тогда, весной, а я еще оправиться не успѣла. Вотъ и теперь мнѣ очень тяжело. Ѳедора сегодня ушла куда-то на цѣлый день, и я сижу одна. А съ нѣкотораго времени я боюсь оставаться одной; мнѣ все кажется, что со мной въ комнатѣ кто-то бываетъ другой, что кто-то со мной говоритъ; особенно, когда я объ чемъ нибудь задумаюсь и вдругъ очнусь отъ задумчивости, такъ что мнѣ страшно становится. Вотъ почему я вамъ такое большое письмо написала; когда я пишу, это проходитъ. Прощайте; кончаю письмо, потому что и бумаги, и времени нѣтъ. Изъ вырученныхъ денегъ за платья мои да за шляпку остался у меня только рубль серебромъ. Вы дали хозяйкѣ два рубля серебромъ; это очень хорошо; она замолчитъ теперь на время.

Поправьте себѣ какъ нибудь платье. Прощайте; я такъ устала; не понимаю, отчего я становлюсь такая слабая; малѣйшее занятіе меня утомляетъ. Случится работа—какъ работать? Вотъ это-то и убиваетъ меня.

В. Д.

Сентября 5.

Голубчикъ мой, Варинька!

Я сегодня, ангельчикъ мой, много испыталъ впечатлѣній. Во первыхъ, у меня голова цѣлый день болѣла. Чтобы какъ нибудь освѣжиться, вышелъ я походить по Фонтанкѣ. Вечеръ былъ такой темный, сырой. Въ шестомъ часу ужь смеркается,—вотъ какъ теперь! Дождя не было, зато былъ туманъ не хуже добраго дождя. По небу ходили длинными широкими полосами тучи. Народу ходила бездна по набережной, и народъ-то какъ нарочно былъ съ такими страшными, унылiе наводящими лицами, пьяные мужики, курносыя бабы-чухонки, въ сапогахъ и простоволосыя, артельщики, извощики, нашъ братъ по какой нибудь надобности; мальчишки, какой нибудь слесарскiй ученикъ въ полосатомъ халатѣ, испитой, чахлый, съ лицомъ выкупаннымъ въ конченомъ маслѣ, съ замкомъ въ рукѣ; солдатъ отставной, въ сажень ростомъ, поджидавшiй купца на перочинный ножичекъ или колечко бронзовое—вотъ какова была публика. Часъ-то видно былъ такой, что другой публики и быть не могло. Судоходный каналъ Фонтанка! Барокъ такая бездна, что не понимаешь, гдѣ все это могло помѣститься. На мостахъ сидятъ бабы съ мокрыми пряниками да съ гнилыми яблоками, и все такiя грязныя, мокрыя бабы. Скучно по Фонтанкѣ гулять! Мокрый гранитъ подъ ногами, по бокамъ дома высокiе, черные, закоптѣлые; подъ ногами туманъ, надъ головой тоже туманъ. Такой грустный, такой темный былъ вечеръ сегодня.

Когда я поворотилъ въ Гороховую, такъ ужь смерклось совсѣмъ и газъ зажигать стали. Я давненько таки не былъ въ Гороховой,—не удавалось. Шумная улица! Какiя лавки, магазины богатые; все такъ и блеститъ, и горитъ, матерiя, цвѣты подъ стеклами, разныя шляпки съ лентами. Подумаешь, что это все такъ, для красы разложено—такъ нѣтъ-же: вѣдь есть люди, что все это покупаютъ и своимъ женамъ дарятъ.—Богатая улица! Нѣмецкихъ булочниковъ очень много живетъ въ Гороховой; тоже, должно быть, народъ весьма достаточный. Сколько каретъ поминутно ѣздитъ; какъ это все мостовая выноситъ! Пышные экипажи такiе, стекла какъ зеркало, внутри бархатъ и шелкъ, лакеи дворянскiе, въ эполетахъ, при шпагѣ. Я во всѣ кареты заглядывалъ, все дамы сидятъ, такiя разодѣтыя, можетъ быть, и княжны, и графини. Вѣрно, часъ былъ такой, что всѣ на балы и въ собранiя спѣшили. Любопытно увидѣть княгиню и вообще знатную даму вблизи: должно быть, очень

хорошо; я никогда не видалъ: развѣ вотъ такъ, какъ теперь, въ карету заглянешь. Про васъ я тутъ вспомнилъ. — Ахъ, голубчикъ мой, родная моя! Какъ вспомню теперь про васъ, такъ все сердце изноетъ! Отчего вы, Варинька, такая несчастная? Ангельчикъ мой! Да чѣмъ-же вы-то хуже ихъ всѣхъ? Вы у меня добрая, прекрасная, ученая; отчего-же вамъ такая злая судьба выпадаетъ на долю? Отчего это такъ все случается, что вотъ хорошій-то человѣкъ въ запустѣньи находится, а къ другому кому счастіе само напрашивается? Знаю, знаю, маточка, что нехорошо это думать, что это вольнодумство; но по искренности, по правдѣ-истинѣ, зачѣмъ одному еще во чревѣ матери прокаркнула счастье ворона судьба, а другой изъ воспитательнаго дома на свѣтъ Божій выходитъ? И вѣдь бываетъ-же такъ, что счастье-то часто Иванушкѣ дурачку достается. Ты, дескать, Иванушка дурачокъ, ройся въ мѣшкахъ дѣдовскихъ, ней, бишь, веселись, а ты, такой-сякой, только облизывайся: ты, дескать, на то и годишься, ты, братецъ, вотъ какой! Грѣшно, маточка, оно грѣшно этакъ думать, да тутъ по неволѣ какъ-то грѣхъ въ душу лѣзетъ. Ѣздили-бы и вы въ каретѣ такой-же, родная моя, ясочка. Взгляда благосклоннаго вашего генералы ловили-бы,—не то что нашъ братъ; ходили-бы вы не въ холстинковомъ, ветхомъ платьицѣ, а въ шелку да въ золотѣ. Были-бы вы не худенькія, не чахленькія какъ теперь, а какъ фигурка сахарная, свѣженькая, румяная, полная. А ужь я-бы тогда и тѣмъ однимъ счастливъ былъ, что хоть-бы съ улицы на васъ въ ярко освѣщенныя окна взглянулъ, что хоть-бы тѣнь вашу увидалъ; отъ одной мысли, что вамъ тамъ счастливо и весело, птичка вы моя хорошенькая, и я-бы повеселѣлъ. А теперь что! Мало того, что злые люди васъ погубили, какая нибудь тамъ дрянь, забулдыга васъ обижаетъ. Что фракъ-то на немъ сидитъ гоголемъ, что въ лорнетку-то золотую онъ на васъ смотритъ, безстыдникъ, такъ ужь ему все съ рукъ сходитъ, такъ ужь и рѣчь его непристойную снисходительно слушать надо! Полно, такъ-ли, голубчики! А отчего-же это все? А оттого, что вы сирота, оттого, что вы беззащитная, оттого, что нѣтъ у васъ друга сильнаго, который-бы вамъ опору пристойную далъ. А вѣдь что это за человѣкъ, что это за люди, которымъ сироту оскорбить ни по чемъ? Это какая-то дрянь, а не люди, просто дрянь; такъ себѣ, только числятся, а на дѣлѣ ихъ нѣтъ, и въ этомъ я увѣренъ. Вотъ они каковы, эти люди! А по моему, родная моя, вотъ тотъ нарманщикъ, котораго я сегодня въ Гороховой встрѣтилъ, скорѣе къ себѣ почтеніе внушитъ, чѣмъ они. Онъ хоть цѣлый день ходитъ да мается, ждетъ залежалаго, негоднаго гроша на пропитаніе, да зато онъ самъ себѣ господинъ, самъ

себя кормитъ. Онъ милостыни просить не хочетъ; зато онъ для удовольствія людскаго трудится, какъ заведенная машина — вотъ, дескать, чѣмъ могу, принесу удовольствіе. Ницій, ницій онъ, правда, все тотъ-же ницій; но зато благородный ницій: онъ усталъ, онъ прозябъ, но все трудится, хоть по своему, а все-таки трудится. И много есть честныхъ людей, маточка, которые хоть не много заработываютъ по мѣрѣ и полезности труда своего, но никому не кланяются, ни у кого хлѣба не просятъ. Вотъ и я точно такъ-же, какъ и этотъ шарманщикъ, то есть я не то, вовсе не такъ какъ онъ, но въ своемъ смыслѣ, въ благородномъ-то, въ дворянскомъ-то отношеніи точно такъ-же какъ и онъ, по мѣрѣ силъ тружусь, чѣмъ могу, дескать. Больнаго нѣтъ отъ меня; ну, да на нѣтъ и суда нѣтъ.

Я къ тому про шарманщика этого заговорилъ, маточка, что случилось мнѣ бѣдность свою вдвойнѣ испытать сегодня. Остановился я посмотрѣть на шарманщика. Мысли такія лѣзли въ голову;— такъ я, чтобы разсѣяться, остановился. Стою я, стоятъ извощики, дѣвка какая-то, да еще маленькая дѣвочка, вся такая запачканная Шарманщикъ расположился передъ чьими-то окнами. Замѣчаю малютку, мальчика, такъ себѣ лѣтъ десяти; былъ-бы хорошенькой, да на видъ больной такой, чахленькой, въ одной рубашонкѣ, да еще въ чемъ-то, чуть-ли не босой стоитъ, разиня ротъ музыку слушаетъ;— дѣтскій возрастъ! Заглядѣлся какъ у нѣмца куклы танцуютъ, а у самого и руки, и ноги окоченѣли, дрожитъ да кончикъ рукава грызетъ. Примѣчаю, что въ рукахъ у него бумажечка какая-то. Прошелъ одинъ господинъ и бросилъ шарманщику какую-то маленькую монетку; монетка прямо упала въ тотъ ящикъ съ огородочкой, въ которомъ представленъ французъ танцующій съ дамами. Только что звякнула монетка, встрепенулся мой мальчикъ, робко осмотрѣлся кругомъ, да, видно, на меня подумалъ, что я деньги далъ. Подбѣжалъ онъ ко мнѣ, ручонки дрожатъ у него, голосенокъ дрожитъ, протянулъ онъ ко мнѣ бумажку и говоритъ:—записка! Развернулъ я записку—ну что, все извѣстное:—дескать, благодѣтели мои, мать у дѣтей умираетъ, трое дѣтей голодаютъ, такъ вы намъ теперь помогите; а вотъ какъ я умру, такъ за то, что птенцовъ моихъ теперь не забыли, на томъ свѣтѣ васъ, благодѣтели мои, не забуду.— Ну, что тутъ; дѣло ясное, дѣло житейское, а что мнѣ имъ дать? Ну, и не далъ ему ничего. А какъ было жаль! Мальчикъ бѣдненькій, посинѣлый отъ холода, можетъ быть, и голодный, и не вретъ, ей-ей не вретъ; я это дѣло знаю. Но только то дурно, что зачѣмъ эти гадкія матери дѣтей не берегутъ и полуголыхъ съ записками на такой холодъ посылаютъ. Она, можетъ быть, глупая баба, ха-

рактера не имѣетъ; да за нее и постараться, можетъ быть, некому, такъ она и сидитъ, поджавъ ноги, можетъ быть, и вправду больная. Ну, да все обратиться-бы куда слѣдуетъ; а, впрочемъ, можетъ быть, и просто мошенница, нарочно голоднаго и чахлаго ребенка обманывать народъ посылаетъ, на болѣзнь наводитъ. И чему научится бѣдный мальчикъ съ этими записками? Только сердце его ожесточается; ходитъ онъ, бѣгаетъ, проситъ. Ходятъ люди, да некогда имъ. Сердца у нихъ каменныя; слова ихъ жестокія. «Прочь! Убирайся! Шалишь!»—Вотъ что̀ слышитъ онъ отъ всѣхъ, и ожесточается сердце ребенка, и дрожитъ напрасно на холодѣ бѣдненькій, запуганный мальчикъ, словно птенчикъ, изъ разбитаго гнѣздышка выпавшій. Зябнутъ у него руки и ноги; духъ занимается. Посмотришь, вотъ онъ ужь и кашляетъ; тутъ не далеко ждать, и болѣзнь, какъ гадъ нечистый, заползетъ ему въ грудь, а тамъ, глядишь, и смерть ужь стоитъ надъ нимъ, гдѣ нибудь въ смрадномъ углу, безъ ухода, безъ помощи — вотъ и вся его жизнь! Вотъ какова она, жизнь-то бываетъ! Охъ, Варинька, мучительно слышать Христа-ради, и мимо пройдти и не дать ничего, сказать ему: «Богъ подастъ». Иное Христа-ради еще ничего. (И Христа-ради-то разныя бываютъ, маточка). Иное долгое, протяжное, привычное, заученое, прямо нищенское; этому еще не такъ мучительно не подать, это долгій нищій, давнишній, по ремеслу нищій, этотъ привыкъ, думаешь, онъ переможетъ и знаетъ какъ перемочь. А иное Христа-ради непривычное, грубое, страшное, — вотъ какъ сегодня, когда я было отъ мальчика записку взялъ, тутъ-же у забора какой-то стоялъ, не у всѣхъ и просилъ, говоритъ мнѣ: «Дай, баринъ, грошъ, ради Христа!» да такимъ отрывистымъ, грубымъ голосомъ, что я вздрогнулъ отъ какого-то страшнаго чувства, а не далъ гроша: не было. А еще люди богатые не любятъ, чтобы бѣдняки на худой жребій вслухъ жаловались — дескать, они безпокоятъ, они-де назойливы! Да и всегда бѣдность назойлива: — знать, что-ли, мѣшаютъ ихъ стопы голодные!

Признательно вамъ сказать, родная моя, началъ я вамъ описывать это все, частію, чтобъ сердце отвести, а болѣе для того, чтобъ вамъ образецъ хорошаго слогу моихъ сочиненій показать. Потому что вы вѣрно сами сознаетесь, маточка, что у меня съ недавняго времени слогъ формируется. Но теперь на меня такая тоска напала, что я самъ моимъ мыслямъ до глубины души сталъ сочувствовать, и хотя я самъ знаю, маточка, что этимъ сочувствіемъ не возьмешь, но все-таки нѣкоторымъ образомъ справедливость воздашь себѣ. И подлинно, родная моя, часто самого себя, безо всякой причины, уничтожаешь, въ грошъ не ставишь и ниже щепки

какой нибудь сортируешь. А если сравненіемъ выразиться, такъ это, можетъ быть, оттого происходитъ, что я самъ запуганъ и загнанъ, какъ хоть-бы и этотъ бѣдненькій мальчикъ, что милостыни у меня просилъ. Теперь я вамъ, примѣрно, иносказательно буду говорить, маточка: вотъ послушайте-ка меня: случается мнѣ, мое родная, рано утромъ, на службу спѣша, заглядѣться на городъ, какъ онъ тамъ пробуждается, встаетъ, дымится, кипитъ, гремитъ,—тутъ иногда такъ передъ такимъ зрѣлищемъ умалишься, что какъ будтобы щелчокъ какой получилъ отъ кого нибудь по любопытному носу, да и полетишься тише воды, ниже травы своею дорогою, и рукой махнешь! Теперь-же разглядите-ка, что въ этихъ черныхъ, закоптѣлыхъ, большихъ каниталыныхъ домахъ дѣлается, вникните въ это и тогда сами разсудите, справедливо-ли было безъ толку сортировать себя и въ недостойное смущеніе входить. Замѣтьте, Варинька, что я иносказательно говорю, не въ прямомъ смыслѣ. Ну, посмотримъ, что тамъ такое въ этихъ домахъ? Тамъ въ какомъ нибудь дымномъ углу, въ конурѣ сырой какой нибудь, которая, по нуждѣ, за квартиру считается, мастеровой какой нибудь отъ сна пробудился; а во снѣ-то ему, примѣрно говоря, всю ночь сапоги снились, что вчера онъ подрѣзалъ нечаянно, какъ будто именно такая дрянь и должна человѣку сниться! Ну, да вѣдь онъ мастеровой, онъ сапожникъ: ему простительно все объ одномъ предметѣ своемъ думать. У него тамъ дѣти пищатъ и жена голодная; и не одни сапожники встаютъ иногда такъ, родная моя. Это-бы и ничего, и писать-бы объ этомъ не стоило, но вотъ какое выходитъ тутъ обстоятельство, маточка: тутъ-же, въ этомъ-же домѣ, этажемъ выше или ниже, въ позлащенныхъ палатахъ, и богатѣйшему лицу все тѣ-же сапоги, можетъ быть, ночью снились, то есть на другой манеръ сапоги, фасона другаго, но все-таки сапоги, ибо въ смыслѣ-то здѣсь мною подразумѣваемомъ, маточка, всѣ мы, родная моя, выходимъ немного сапожники. И это-бы все ничего, но только то дурно, что нѣтъ никого подлѣ этого богатѣйшаго лица, нѣтъ человѣка, который-бы шепнулъ ему на ухо — «что полно, дескать, о такомъ думать, о себѣ одномъ думать, для себя одного жить; ты, дескать, не сапожникъ, у тебя дѣти здоровы, жена ѣсть не проситъ, оглянись кругомъ, не увидишь-ли для заботъ своихъ предмета болѣе благороднаго чѣмъ свои сапоги!» Вотъ что хотѣлъ я сказать вамъ иносказательно, Варинька. Это, можетъ быть, слишкомъ вольная мысль, родная моя, но эта мысль иногда бываетъ, иногда приходитъ, и тогда по неволѣ изъ сердца горячимъ словомъ выбивается. И потому не отъ чего было въ гроши себя оцѣнять, испугавшись одного шума и грома! Заключу-же тѣмъ, ма-

точка, что вы, можетъ быть, подумаете, что я вамъ клевету говорю, или что это такъ хандра на меня напала, или что я это изъ книжки какой выписалъ? Нѣтъ, маточка, вы разувѣрьтесь.—не то: клеветою гнушаюсь, хандра не находила, и ни изъ какой книжки ничего не выписывалъ—вотъ что!

Пришелъ я въ грустномъ расположеніи духа домой, присѣлъ къ столу, нагрѣлъ себѣ чайникъ, да и приготовился стаканчикъ-другой чайку хлебнуть. Вдругъ, смотрю, входитъ ко мнѣ Горшковъ, нашъ бѣдный постоялецъ. Я еще утромъ замѣтилъ, что онъ все что-то около жильцовъ шныряетъ, и ко мнѣ хотѣлъ подойдти. А мимоходомъ скажу, маточка, что ихъ житье-бытье не въ примѣръ моего хуже. Куда! Жена, дѣти!—Такъ, что если-бы я былъ Горшковъ, такъ ужъ я не знаю, что-бы я на его мѣстѣ сдѣлалъ! Ну, такъ вотъ вошелъ мой Горшковъ, кланяется, слезинка у него, какъ и всегда, на рѣсницахъ гнoится, шаркаетъ ногами, а самъ слова не можетъ сказать. Я его посадилъ на стулъ, правда, на изломанный, да другаго не было. Чайку предложилъ. Онъ извинялся, долго извинялся, наконецъ, однако-же, взялъ стаканъ. Хотѣлъ было безъ сахару пить, началъ опять извиняться, когда я сталъ увѣрять его, что нужно взять сахару; долго спорилъ, отказывался, наконецъ, положилъ въ свой стаканъ самый маленькій кусочекъ и сталъ увѣрять, что чай необыкновенно сладокъ. Эхъ, до уничиженія какого доводитъ людей нищета!—«Ну, какъ-же, что, батюшка?» сказалъ я ему.—«Да вотъ такъ и такъ, дескать, благодѣтель вы мой, Макаръ Алексѣевичъ, явите милость Господню, окажите помощь семейству несчастному; дѣти и жена, ѣсть нечего; отцу-то, мнѣ-то, говоритъ, каково!» Я было хотѣлъ говорить, да онъ меня прервалъ: «я, дескать, всѣхъ боюсь здѣсь, Макаръ Алексѣевичъ, то есть не то, что боюсь, а такъ, знаете, совѣстно; люди-то они все гордые и кичливые. Я-бы, говоритъ, васъ, батюшка и благодѣтель мой и утруждать-бы не сталъ: знаю, что у васъ самихъ непріятности были, знаю, что вы многаго и не можете дать, но хоть что нибудь взаймы одолжите; и потому, говоритъ, просить васъ осмѣлился, что знаю ваше доброе сердце, знаю, что вы сами нуждались, что сами и теперь бѣдствія испытываете, — и что сердце-то ваше потому и чувствуетъ состраданіе».—Заключилъ-же онъ тѣмъ, что, дескать, простите мою дерзость и мое неприличіе, Макаръ Алексѣевичъ.—Я отвѣчаю ему, что радъ-бы душой, да что нѣтъ у меня ничего, ровно нѣтъ ничего. — «Батюшка, Макаръ Алексѣевичъ, говоритъ онъ мнѣ, я многаго и не прошу, а вотъ такъ и такъ—(тутъ онъ весь покраснѣлъ)—жена, говоритъ, дѣти, голодно—хоть гривенничекъ какой нибудь». Ну, тутъ ужъ мнѣ самому сердце защеми-

ло. Куда, думаю, меня перецеголяли! А всего-то у меня и оставалось двадцать копѣекъ, да я на нихъ разсчитывалъ: хотѣлъ завтра на свои крайнія нужды истратить. — «Нѣтъ, голубчикъ мой, не могу: вотъ такъ и такъ», говорю. — «Батюшка, Макаръ Алексѣевичъ, хоть что хотите, говорить, хоть десять копѣечекъ». Ну, я ему и вынулъ изъ ящика и отдалъ свои двадцать копѣекъ, маточка, все доброе дѣло! Экъ нищета-то! Разговорился я съ нимъ: да какъ-же вы, батюшка, спрашиваю, такъ запуждались, да еще при такихъ нуждахъ комнату въ пять рублей серебромъ нанимаете? Объяснилъ онъ мнѣ, что полгода назадъ нанялъ, и деньги внесъ впередъ за три мѣсяца; да потомъ обстоятельства такія сошлись, что ни туда, ни сюда ему, бѣдному. Ждалъ онъ, что дѣло его къ этому времени кончится. А дѣло у него непріятное. Онъ, видите-ли, Варинька, за что-то передъ судомъ въ отвѣтѣ находится. Тягается онъ съ купцомъ какимъ-то, который слутовалъ подрядомъ съ казною: обманъ открыли, купца подъ судъ, а онъ въ дѣло-то свое разбойничье и Горшкова запуталъ, который тутъ какъ-то также случился. А по правдѣ-то Горшковъ виновенъ только въ нерадѣніи, въ неосмотрительности и въ непростительномъ упущеніи изъ вида казеннаго интереса. Ужь нѣсколько лѣтъ дѣло идетъ: все препятствія разныя встрѣчаются противъ Горшкова.—«Въ безчестіи-же, на меня взводимомъ, говоритъ мнѣ Горшковъ, неповиненъ, нисколько неповиненъ, въ плутовствѣ и грабежѣ неповиненъ». Дѣло это его замарало немного: его исключили изъ службы, и хотя не нашли, что онъ капитально виновенъ, но, до совершеннаго своего оправданія, онъ, до сихъ поръ, не можетъ выправить съ купца какой-то знатной суммы денегъ, ему слѣдуемой, и передъ судомъ у него оспариваемой. Я ему вѣрю, да судъ-то ему на слово не вѣритъ; дѣло-то оно такое, что все въ крючкахъ да въ узлахъ такихъ, что во сто лѣтъ не распутаешь. Чуть немного распутаютъ, а купецъ еще крючекъ, да еще крючекъ. Я принимаю сердечное участіе въ Горшковѣ, родная моя, соболѣзную ему. Человѣкъ безъ должности: за ненадежность никуда не принимается: что было запасу, проѣли; дѣло запутано, а между тѣмъ жить было нужно: а между тѣмъ ни съ того, ни съ сего, совершенно не кстати, ребенокъ родился,—ну вотъ издержки; сынъ заболѣлъ — издержки, умеръ — издержки; жена больна; онъ нездоровъ застарѣлой болѣзнью какой-то: однимъ словомъ, пострадалъ, вполнѣ пострадалъ. Впрочемъ, говоритъ, что ждетъ на дняхъ благопріятнаго рѣшенія своего дѣла, и что ужь въ этомъ теперь и сомнѣнія нѣтъ никакого. Жаль, жаль, очень жаль его, маточка! Я его обласкалъ. Человѣкъ-то онъ затерянный, запуганный; покровительства ищетъ,

такъ вотъ я его и обласкалъ. Ну, прощайте-же, маточка, Христосъ съ вами, будьте здоровы. Голубчикъ вы мой! Какъ вспомню объ васъ, такъ точно лѣкарство приложу къ больной душѣ моей, и хоть страдаю за васъ, но и страдать за васъ мнѣ легко.

Вашъ истинный другъ
Макаръ Дѣвушкинъ.

Сентября 9.

атушка, Варвара Алексѣевна!

Пишу вамъ внѣ себя. Я весь взволнованъ страшнымъ происшествіемъ. Голова моя вертится кругомъ. Я чувствую, что все кругомъ меня вертится. Ахъ, родная моя, что̀ я разскажу вамъ теперь! Вотъ, мы и не предчувствовали этого. Нѣтъ, я не вѣрю, чтобы я не предчувствовалъ; я все это предчувствовалъ. Все это заранѣе слышалось моему сердцу! Я даже намедни во снѣ что-то видѣлъ подобное.

Вотъ что случилось!—Разскажу вамъ безъ слога, а такъ, какъ мнѣ на душу Господь положитъ. Пошелъ я сегодня въ должность. Пришелъ, сижу, пишу. А нужно вамъ знать, маточка, что я и вчера писалъ тоже. Ну, такъ вотъ, вчера подходитъ ко мнѣ Тимофей Ивановичъ, и лично изволитъ наказывать, что — вотъ, дескать, бумага нужная, спѣшная. Перепишите, говоритъ, Макаръ Алексѣевичъ, почище, поспѣшно и тщательно: сегодня къ подписанію идетъ.—Замѣтить вамъ нужно, ангельчикъ, что вчерашняго дня я былъ самъ не свой, ни на что и глядѣть не хотѣлось; грусть, тоска такая напала! На сердцѣ холодно, на душѣ темно; въ памяти все вы были, моя бѣдная ясочка. Ну, вотъ, я принялся переписывать: переписывалъ чисто, хорошо, только ужь не знаю какъ вамъ точнѣе сказать, самъ-ли нечистый меня попуталъ, или тайными судьбами какими опредѣлено было, или просто такъ должно было сдѣлаться:—только пропустилъ я цѣлую строчку; смыслъ-то и вышелъ, Господь его знаетъ какой, просто, никакого не вышло. Съ бумагой-то вчера опоздали и подали ее на подписаніе его превосходительству только сегодня. Я, какъ ни въ чемъ не бывало, являюсь сегодня въ обычный часъ и располагаюсь рядкомъ съ Емельяномъ Ивановичемъ. Нужно вамъ замѣтить, родная, что я, съ недавняго времени, сталъ вдвое болѣе прежняго совѣститься и въ стыдъ приходить. Я въ послѣднее время и не глядѣлъ ни на кого. Чуть стулъ заскрипитъ у кого нибудь, такъ ужь я ни живъ, ни

мертвъ. Вотъ точно такъ сегодня, приникъ, присмирѣлъ, сжомъ сижу, такъ что Ефимъ Акимовичъ (такой задирала, какого и на свѣтѣ до него не было) сказалъ во всеуслышаніе: что, дескать, вы, Макаръ Алексѣевичъ, сидите такимъ у-у-у? Да тутъ такую гримасу скорчилъ, что всѣ, кто около него и меня ни были, такъ и покатились со смѣху, и ужь, разумѣется, на мой счетъ. И пошли, и пошли! Я и уши прижалъ и глаза зажмурилъ, сижу себѣ, не пошевелюсь. Таковъ ужь обычай мой; они этакъ скорѣй отстаютъ. Вдругъ слышу шумъ, бѣготня, суетня; слышу—не обманываются-ли уши мои? Зовутъ меня, требуютъ меня, зовутъ Дѣвушкина. Задрожало у меня сердце въ груди, и ужь самъ не знаю чего я испугался: только знаю то, что я такъ испугался, какъ никогда еще въ жизни со мной не было. Я приросъ къ стулу,—и какъ ни въ чемъ не бывало, точно и не я. Но вотъ, опять начали, ближе и ближе. Вотъ, ужь надъ самымъ ухомъ моимъ: дескать, Дѣвушкина! Дѣвушкина! Гдѣ Дѣвушкинъ? Подымаю глаза, передо мною Евстафій Ивановичъ; говоритъ: Макаръ Алексѣевичъ къ его превосходительству, скорѣе! Бѣды вы съ бумагой надѣлали! Только это одно и сказалъ, да довольно, не правда-ли, маточка, довольно сказано было? Я помертвѣлъ, оледенѣлъ, чувствъ лишился, иду—ну, да ужь просто, ни живъ, ни мертвъ отправился. Ведутъ меня черезъ одну комнату, черезъ другую комнату, черезъ третью комнату, въ кабинетъ—предсталъ! Положительнаго отчета, объ чемъ я тогда думалъ, я вамъ дать не могу. Вижу, стоятъ его превосходительство, вокругъ него всѣ они. Я, кажется, не поклонился; позабылъ. Оторопѣлъ такъ, что и губы трясутся и ноги трясутся. Да и было отчего, маточка. Во первыхъ, совѣстно; я взглянулъ направо въ зеркало, такъ просто было отчего съума сойдти оттого, что я тамъ увидѣлъ. А, во вторыхъ, я всегда дѣлалъ такъ, какъ будто-бы меня и на свѣтѣ не было. Такъ, что едва-ли его превосходительство были извѣстны о существованіи моемъ. Можетъ быть, слышали, такъ, мелькомъ, что есть у нихъ въ вѣдомствѣ Дѣвушкинъ, но въ кратчайшія сего сношенія никогда не входили.

Начали гнѣвно: «какъ-же это вы, сударь! Чего вы смотрите? Нужная бумага, нужно къ спѣху, а вы ее портите. И какъ-же вы это-»,—тутъ его превосходительство обратились къ Евстафію Ивановичу. Я только слышу, какъ до меня звуки словъ долетаютъ:—«нерадѣнье! Неосмотрительность! Вводите въ непріятности!»—Я раскрылъ было ротъ для чего-то. Хотѣлъ было прощенія просить, да не могъ, убѣжать—покуситься не смѣлъ, и тутъ... тутъ, маточка, такое случилось, что я и теперь едва перо держу отъ стыда.—Моя пуговка—ну ее къ бѣсу—пуговка, что̀ висѣла у меня на ниточкѣ—

вдругъ сорвалась, отскочила, запрыгала (я, видно, задѣлъ ее нечаянно). зазвенѣла, покатилась и прямо, такъ-таки прямо, проклятая, къ стопамъ его превосходительства, и это по-среди всеобщаго молчанія! Вотъ и все было мое оправданіе, все извиненіе, весь отвѣтъ, все, что я собирался сказать его превосходительству! Послѣдствія были ужасны! Его превосходительство тотчасъ обратили вниманіе на фигуру мою и на мой костюмъ. Я вспомнилъ, что я видѣлъ въ зеркалѣ: я бросился ловить пуговку! Нашла на меня дурь! Нагнулся, хочу взять пуговку,—катается, вертится, не могу поймать, словомъ, и въ отношеніи ловкости отличился. Тутъ ужъ я чувствую, что и послѣднія силы меня оставляютъ, что ужъ все, все потеряно! Вся репутація потеряна, весь человѣкъ пропалъ! А тутъ въ обоихъ ушахъ ни съ того, ни съ сего и Тереза, и Фальдони, и пошло перезванивать. Наконецъ, поймалъ пуговку, приподнялся, вытянулся, да ужъ коли дуракъ, такъ стоялъ-бы себѣ смирно, руки по швамъ! Такъ нѣтъ-же. Началъ пуговку къ оторваннымъ ниткамъ прикладывать, точно оттого она и пристанетъ! да еще улыбаюсь, да еще улыбаюсь. Его превосходительство отвернулись сначала, потомъ опять на меня взглянули — слышу, говорятъ Евстафію Ивановичу: «какъ-же?.. Посмотрите, въ какомъ онъ видѣ!.. Какъ онъ!.. Что онъ!..»—Ахъ, родная моя, что ужъ тутъ—«какъ онъ? Да что онъ?» Отличился! Слышу, Евстафій Ивановичъ говоритъ—«не замѣченъ, ни въ чемъ не замѣченъ, поведенія примѣрнаго, жалованья достаточно, по окладу»... «Ну, облегчите его какъ нибудь, говоритъ его превосходительство. Выдать ему впередъ»... «Да забралъ, говоритъ, забралъ, вотъ за столько-то времени впередъ забралъ. Обстоятельства, вѣрно, такія, а поведенія хорошаго и не замѣченъ, никогда не замѣченъ».—Я, ангельчикъ мой, горѣлъ, я въ адскомъ огнѣ горѣлъ! Я умиралъ!—«Ну, говоритъ его превосходительство громко, переписать-же вновь поскорѣе: дѣвушкинъ, подойдите сюда, перепишите опять вновь безъ ошибки; да послушайте»... тутъ его превосходительство обернулись къ прочимъ, роздали приказанія разныя и всѣ разошлись. Только что разошлись они, его превосходительство посѣщно вынимаютъ книжникъ и изъ него сторублевую, вотъ, говоритъ онъ—чѣмъ могу, считайте какъ хотите, возьмите... да и всунулъ мнѣ въ руку. Я, ангелъ мой, вздрогнулъ, вся душа моя потряслась: не знаю, что было со мною; я было схватить ихъ ручку хотѣлъ. А онъ-то весь покраснѣлъ, мой голубчикъ, да—вотъ ужъ тутъ ни на волосокъ отъ правды не отступаю, родная моя: взялъ мою руку недостойную, да и потрясъ ее, такъ-таки взялъ да и потрясъ, словно ровнѣ своей, словно такому-же какъ самъ генералу. «Ступайте, говоритъ, чѣмъ могу... Ошибокъ не дѣлайте, а теперь грѣхъ пополамъ».

Теперь, маточка, вотъ какъ я рѣшилъ: васъ и Ѳедору прошу, и если-бы дѣти у меня были, то и имъ-бы повелѣлъ, чтобы Богу молились, то есть вотъ какъ: за роднаго отца не молились-бы, а за его превосходительство каждодневно и вѣчно-бы молились! Еще скажу, маточка, и это торжественно говорю,—слушайте меня, маточка, хорошенько,—клянусь, что какъ ни погибалъ я отъ скорби душевной въ лютые дни нашего злополучія, глядя на васъ, на ваши бѣдствія, и на себя, на униженіе мое и мою неспособность, не смотря на все это, клянусь вамъ, что не такъ мнѣ сто рублей дороги, какъ то, что его превосходительство сами мнѣ, соломѣ, пьяницѣ, руку мою недостойную пожать изволили! Этимъ они меня самому себѣ возвратили. Этимъ поступкомъ они мой духъ воскресили, жизнь мнѣ слаще на вѣки сдѣлали, и я твердо увѣренъ, что я какъ ни грѣшенъ передъ Всевышнимъ, но молитва о счастіи и благополучіи его превосходительства дойдетъ до престола Его!..

Маточка! Я теперь въ душевномъ разстройствѣ ужасномъ, въ волненіи ужасномъ! Мое сердце бьется, хочетъ изъ груди выпрыгнуть. И я самъ такъ-то весь, какъ будто ослабъ.—Посылаю вамъ 45 рублей ассигнаціями, 20 рублей хозяйкѣ даю, у себя 35 оставляю: на 20 платье поправлю, а 15 оставлю на житье-бытье. А только теперь всѣ эти впечатлѣнія-то утреннія потрясли все существованіе мое. Я прилягу. Мнѣ, впрочемъ, покойно, очень покойно. Только душу ломитъ, и слышно тамъ, въ глубинѣ, душа моя дрожитъ, трепещетъ, шевелится.—Я приду къ вамъ; а теперь я просто хмѣленъ отъ всѣхъ ощущеній этихъ... Богъ видитъ все, маточка вы моя, голубушка вы моя безцѣнная!

Вашъ достойный другъ
Макаръ Дѣвушкинъ.

Сентября 10.

Любезный мой Макаръ Алексѣевичъ!

Я несказанно рада вашему счастью и умѣю цѣнить добродѣтели вашего начальника, другъ мой. Итакъ теперь вы отдохнете отъ горя! Но только ради Бога не тратьте опять денегъ по пусту. Живите тихонько, какъ можно скромнѣе, и съ этого-же дня начинайте всегда хоть что нибудь откладывать, чтобъ несчастія не застали васъ опять внезапно. Объ насъ, ради Бога, не безпокойтесь. Мы съ Ѳедорой кое-какъ проживемъ. Къ чему вы намъ денегъ столько прислали, Макаръ Алексѣевичъ! Намъ вовсе не нужно. Мы довольны

и тѣмъ, что есть у насъ. Правда, намъ скоро понадобятся деньги на переѣздъ съ этой квартиры, но Ѳедора надѣется получить съ кого-то давнишній, старый долгъ. Оставляю, впрочемъ, себѣ двадцать рублей на крайнія надобности. Остальное посылаю вамъ назадъ. Берегите, пожалуйста, деньги, Макаръ Алексѣевичъ. Прощайте. Живите теперь покойно, будьте здоровы и веселы. Я писала-бы вамъ болѣе, но чувствую ужасную усталость, вчера я цѣлый день не вставала съ постели. Хорошо сдѣлали, что обѣщались зайдти. Навѣстите меня, пожалуйста, Макаръ Алексѣевичъ.

В. Д.

Сентября 11.

Милая моя Варвара Алексѣевна!

Умоляю васъ, родная моя, не разлучайтесь со мною теперь, теперь, когда я совершенно счастливъ и всѣмъ доволенъ. Голубчикъ мой! Вы Ѳедору не слушайте, а я буду все что вамъ угодно дѣлать; буду вести себя хорошо, изъ одного уваженія къ его превосходительству буду вести хорошо и отчетливо; мы опять будемъ писать другъ другу счастливыя письма, будемъ повѣрять другъ другу наши мысли, наши радости, наши заботы, если будутъ заботы; будемъ жить вдвоемъ согласно и счастливо. Займемся литературою... Ангельчикъ мой! Въ моей судьбѣ все перемѣнилось и все къ лучшему перемѣнилось. Хозяйка стала сговорчивѣе, Тереза умнѣе, даже самъ Фальдони сталъ какой-то проворный. Съ Ратазяевымъ я помирился. Самъ, на радостяхъ, пошелъ къ нему. Онъ, право, добрый малый, маточка, и что про него говорили дурнаго, то все это былъ вздоръ. Я открылъ теперь, что все это была гнусная клевета. Онъ вовсе и не думалъ насъ описывать: онъ мнѣ это самъ говорилъ. Читалъ мнѣ новое сочиненіе. А что тогда Ловеласомъ-то онъ меня назвалъ, такъ это вовсе не брань или названіе какое неприличное: онъ мнѣ объяснилъ. Это слово въ слово съ иностраннаго взято и значитъ *проворный малой*, и если покрасивѣе сказать, по литературнѣе, такъ значитъ *парень плохо не клади* — вотъ! а не что нибудь тамъ такое. Шутка невинная была, ангельчикъ мой! Я-то неучъ съ дуру и обидѣлся. Да ужь я теперь передъ нимъ извинился... И погода-то такая замѣчательная сегодня, Варинька, хорошая такая. Правда, утромъ была небольшая изморозь, какъ будто сквозь сито сѣяло. Ничего! Зато воздухъ сталъ посвѣжѣе немножко. Ходилъ я покупать сапоги, и ку-

нилъ удивительные сапоги. Прошелся по Невскому. «Пчелку» прочелъ. Да! Про главное я и забываю вамъ разсказать:

Видите-ли что:

Сегодня по утру разговорился я съ Емельяномъ Ивановичемъ и съ Аксентіемъ Михайловичемъ объ его превосходительствѣ. Да, Варинька, они не съ однимъ мною такъ обошлись милостиво. Они не одного меня облагодѣтельствовали, и добротою сердца своего всему свѣту извѣстны. Изъ многихъ мѣстъ въ честь ему хвалы возсылаются, и слезы благодарности льются. У нихъ сирота одна воспитывалась. Изволили пристроить ее: выдали за человѣка извѣстнаго, за чиновника одного, который по особымъ порученіямъ при ихъ-же превосходительствѣ находился. Сына одной вдовы въ какую-то канцелярію пристроили, и много еще благодѣяній разныхъ оказали. Я, маточка, почелъ за обязанность тутъ-же и мою ленту положить, всѣмъ во всеуслышаніе поступокъ его превосходительства разсказалъ: я все имъ разсказалъ и ничего не утаилъ. Я стыдъ-то въ карманъ спряталъ. Какой тутъ стыдъ, что за амбиція такая при такомъ обстоятельствѣ! Такъ-таки всухъ—да будутъ славны дѣла его превосходительства! Я говорилъ увлекательно, съ жаромъ говорилъ и не краснѣлъ, напротивъ, гордился, что пришлось такое разсказывать. Я про все разсказалъ (про васъ только благоразумно умолчалъ, маточка), а про хозяйку мою, и про Фальдони, и про Ратазяева, и про Маркова —все разсказалъ. Кое-кто тамъ пересмѣивались, да, правда, и всѣ они пересмѣивались. Только это въ моей фигурѣ, вѣрно, они что нибудь смѣшное нашли, или на счетъ сапоговъ моихъ — именно на счетъ сапоговъ. А съ дурнымъ какимъ нибудь намѣреніемъ они не могли этого сдѣлать. Это такъ, молодость, или оттого, что они люди богатые, но съ дурнымъ, злымъ намѣреніемъ они никакъ не могли мою рѣчь осмѣивать. То есть что нибудь на счетъ его превосходительства—этого они никакъ не могли сдѣлать. Не правда-ли, Варинька?

Я все до сихъ поръ не могу какъ-то опомниться, маточка. Всѣ эти происшествія такъ смутили меня! Есть-ли у васъ дрова? Не простудитесь, Варинька: долго-ли простудиться. Охъ, маточка моя, вы съ вашими грустными мыслями меня убиваете. Я ужъ Бога молю, какъ молю Его за васъ, маточка! Напримѣръ, есть-ли у васъ шерстяныя чулочки, или, такъ, изъ одежды что нибудь потеплѣе. Смотрите, голубчикъ мой. Если вамъ что нибудь, тамъ, нужно будетъ, такъ ужъ, ради Создателя, старика не обижайте. Такъ-таки прямо и ступайте ко мнѣ. Теперь дурныя времена прошли. На счетъ меня вы не безпокойтесь. Впереди все такъ свѣтло, хорошо!

А грустное было время, Варинька! Ну да ужъ все равно, про-

нло! Года пройдутъ, такъ и про это время вздохнемъ. Помню я свои молодые годы. Куда! Конѣйки иной разъ не бывало. Холодно, голодно, а весело да и только. Утромъ пройдешься по Невскому, личико встрѣтишь хорошенькое и на цѣлый день счастливъ. Славное, славное было время, маточка! Хорошо жить на свѣтѣ, Варинька! Особенно въ Петербургѣ. Я со слезами на глазахъ вчера каялся передъ Господомъ Богомъ, чтобы простилъ мнѣ Господь всѣ грѣхи мои въ это грустное время: ропотъ, либеральныя мысли, дебошъ и азартъ. Объ васъ вспоминалъ съ умиленіемъ въ молитвѣ. Вы одинъ, ангельчикъ, укрѣпляли меня, вы одинъ утѣшали меня, напутствовали совѣтами благими и наставленіями. Я этого, маточка, никогда забыть не могу. Ваши записочки всѣ перецаловалъ сегодня, голубчикъ мой! Ну, прощайте, маточка. Говорятъ, есть гдѣ-то здѣсь недалеко платье продажное. Такъ вотъ я немножко навѣдаюсь. Прощайте-же, ангельчикъ. Прощайте!

Вамъ душевно преданный
Макаръ Дѣвушкинъ.

Сентября 15.

Милостивый государь Макаръ Алексѣевичъ!

Я вся въ ужасномъ волненіи. Послушайте-ка, что у насъ было. Я что-то роковое предчувствую. Вотъ посудите сами, мой безцѣнный другъ: господинъ Быковъ въ Петербургѣ. Ѳедора его встрѣтила. Онъ ѣхалъ, приказалъ остановить дрожки, подошелъ самъ къ Ѳедорѣ и сталъ навѣдываться гдѣ она живетъ. Та сначала не сказывала. Потомъ онъ сказалъ, усмѣхаясь, что онъ знаетъ, кто у ней живетъ. (Видно, Анна Ѳедоровна все ему разсказала). Тогда Ѳедора не вытерпѣла, и тутъ-же на улицѣ стала его упрекать, укорять, сказала ему, что онъ человѣкъ безнравственный, что онъ причина всѣхъ несчастій моихъ. Онъ отвѣчалъ, что когда грошъ нѣтъ, такъ, разумѣется, человѣкъ несчастливъ. Ѳедора сказала ему, что я-бы съумѣла прожить работою, могла-бы выйдти замужъ, а не то такъ сыскать мѣсто какое нибудь, а что теперь счастіе мое навсегда потеряно, что я къ тому-же больна и скоро умру. На это онъ замѣтилъ, что я еще слишкомъ молода, что у меня еще въ головѣ бродитъ, и *что наши добродѣтели потускнѣли* (его слова). Мы съ Ѳедорой думали, что онъ не знаетъ нашей квартиры, какъ вдругъ, вчера, только что я вышла для закупокъ въ Гостинный Дворъ, онъ входитъ къ намъ въ комнату; ему, кажется, не хотѣ-

лось застать меня дома. Онъ долго разспрашивалъ Ѳедору о нашемъ житьѣ-бытьѣ, все разсматривалъ у насъ; мою работу смотрѣлъ, наконецъ, спросилъ:—какой-же это чиновникъ, который съ вами знакомъ? На ту пору вы черезъ дворъ проходили; Ѳедора ему указала на васъ; онъ взглянулъ и усмѣхнулся; Ѳедора упрашивала его уйдти, сказала ему, что я и такъ уже нездорова отъ огорченій, и что видѣть его у насъ мнѣ будетъ весьма непріятно. Онъ промолчалъ; сказалъ, что онъ такъ приходилъ отъ нечего дѣлать и хотѣлъ дать Ѳедорѣ 25 рублей; та, разумѣется, не взяла.— Что-бы это значило? Зачѣмъ это онъ приходилъ къ намъ? Я понять не могу, откуда онъ все про насъ знаетъ! Я теряюсь въ догадкахъ. Ѳедора говоритъ, что Аксинья, ея золовка, которая ходитъ къ намъ, знакома съ прачкой Настасьей, а Настасьинъ двоюродный братъ сторожемъ въ томъ департаментѣ, гдѣ служитъ знакомый племянника Анны Ѳедоровны. Такъ вотъ не переползла-ли какъ нибудь сплетня? Впрочемъ, очень можетъ быть, что Ѳедора и ошибается; мы не знаемъ, что придумать. Неужели онъ къ намъ опять придетъ! Одна мысль эта ужасаетъ меня! Когда Ѳедора разсказала все это вчера, такъ я такъ испугалась, что чуть было въ обморокъ не упала отъ страха. Чего еще имъ надобно? Я теперь ихъ знать не хочу! Что имъ за дѣло до меня, бѣдной! Ахъ! Въ какомъ я страхѣ теперь: такъ вотъ и думаю, что войдетъ сію минуту Быковъ. Что со мною будетъ! Что еще мнѣ готовитъ судьба? Ради Христа, зайдите ко мнѣ теперь-же, Макаръ Алексѣевичъ. Зайдите, ради Бога, зайдите.

Сентября 18.

Маточка, Варвара Алексѣевна!

Сего числа случилось у насъ въ квартирѣ до нельзя горестное, ни чѣмъ не объяснимое и неожиданное событіе. Нашъ бѣдный Горшковъ (замѣтить вамъ нужно, маточка), совершенно оправдался. Рѣшеніе-то ужь давно какъ вышло, а сегодня онъ ходилъ слушать окончательную резолюцію. Дѣло для него весьма счастливо кончилось. Какая тамъ была вина на немъ за нерадѣніе и неосмотрительность— на все вышло полное отпущеніе. Присудили выправить въ его пользу съ купца знатную сумму денегъ, такъ что онъ и обстоятельствами-то сильно поправился, да и честь-то его отъ пятна избавилась, и все стало лучше,—однимъ словомъ, вышло самое полное исполненіе желанія. Пришелъ онъ сегодня въ три часа домой. На

немъ лица не было, блѣдный какъ полотно, губы у него трясутся, а самъ улыбается—обнялъ жену, дѣтей. Мы всѣ гурьбою ходили къ нему поздравлять его. Онъ былъ весьма растроганъ нашимъ поступкомъ, кланялся на всѣ стороны, жалъ у каждаго изъ насъ руку по нѣсколько разъ. Мнѣ даже показалось, что онъ и выросъ-то, и выпрямился-то, и что у него и слезинки-то нѣтъ уже въ глазахъ. Въ волненіи былъ такомъ, бѣдный. Двухъ минутъ на мѣстѣ не могъ простоять; бралъ въ руки все, что ему ни попадалось, потомъ опять бросалъ, безпрестанно улыбался и кланялся, садился, вставалъ, опять садился, говорилъ Богъ знаетъ что такое—говоритъ: «честь моя, честь, доброе имя, дѣти мои»—и какъ говорилъ-то! Даже заплакалъ. Мы тоже большею частію прослезились. Ратазяевъ, видно, хотѣлъ его ободрить, и сказалъ—«что, батюшка, честь, когда нечего ѣсть; деньги, батюшка, деньги главное; вотъ за что Бога благодарите!»—и тутъ-же его по плечу потрепалъ. Мнѣ показалось, что Горшковъ обидѣлся, то есть не то, чтобы прямо неудовольствіе высказалъ, а только посмотрѣлъ какъ-то странно на Ратазяева, да руку его съ плеча своего снялъ. А прежде-бы этого не было, маточка! Впрочемъ, различные бываютъ характеры.—Вотъ я, напримѣръ, на такихъ радостяхъ гордецомъ-бы не выказался; вѣдь чего, родная моя, иногда и поклонъ лишній и уничиженіе изъявляешь, не отчего иного, какъ отъ припадка доброты душевной и отъ излишней мягкости сердца... но, впрочемъ, не во мнѣ тутъ и дѣло!—«Да, говоритъ, и деньги хорошо; слава Богу, слава Богу!..» И потомъ все время, какъ мы у него были, твердилъ: «слава Богу, слава Богу!..» Жена его заказала обѣдъ поделикатнѣе, и пообильнѣе. Хозяйка наша сама для нихъ стряпала. Хозяйка наша отчасти добрая женщина. А до обѣда Горшковъ на мѣстѣ не могъ усидѣть. Заходилъ ко всѣмъ въ комнаты, звали-ль, не звали его. Такъ себѣ войдетъ, улыбнется, присядетъ на стулъ, скажетъ что нибудь, а иногда и ничего не скажетъ — и уйдетъ. У мичмана даже карты въ руки взялъ; его и усадили играть за четвертаго. Онъ поигралъ, поигралъ, напуталъ въ игрѣ какого-то вздора, сдѣлалъ три—четыре хода и бросилъ играть. «Нѣтъ, говоритъ, вѣдь я такъ, я, говоритъ, это только такъ»,—и ушелъ отъ нихъ. Меня встрѣтилъ въ корридорѣ, взялъ меня за обѣ руки, посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза, только такъ чудно; пожалъ мнѣ руку и отошелъ и все улыбаясь, но какъ-то тяжело, страшно улыбаясь, словно мертвый. Жена его плакала отъ радости; весело такъ все у нихъ было, по праздничному. Пообѣдали они скоро. Вотъ, послѣ обѣда, онъ и говоритъ женѣ: —«Послушайте, душенька, вотъ я немного прилягу»—да и пошелъ на постель. Подозвалъ къ себѣ

дочку, положилъ ей на головку руку, и долго-долго гладилъ по головкѣ ребенка. Потомъ опять оборотился къ женѣ: «а что-жь Петинька? Петя нашъ, говоритъ, Петинька?..» Жена перекрестилась, да и отвѣчаетъ, что вѣдь онъ-же умеръ.—«Да, да, знаю, все знаю, Петинька теперь въ царствѣ небесномъ». Жена видитъ, что онъ самъ не свой, что происшествіе-то его потрясло совершенно, и говоритъ ему — «вы-бы, душенька, заснули». — «Да, хорошо, я сейчасъ... я немножко»,—тутъ онъ отвернулся, полежалъ немного, потомъ оборотился, хотѣлъ сказать что-то. Жена не разслышала, спросила его—«что мой другъ?» А онъ не отвѣчаетъ. Она подождала немножко,—ну, думаетъ уснулъ, и вышла на часокъ къ хозяйкѣ. Черезъ часъ времени воротилась,—видитъ, мужъ еще не проснулся и лежитъ себѣ не шелохнется. Она думала, что спитъ, сѣла и стала работать что-то. Она разсказываетъ, что она съ полчаса и такъ погрузилась въ размышленіе, что даже не помнитъ о чемъ она думала, говоритъ только, что она и позабыла объ мужѣ. Только вдругъ она очнулась отъ какого-то тревожнаго ощущенія, и гробовая тишина въ комнатѣ поразила ее прежде всего. Она посмотрѣла на кровать и видитъ, что мужъ лежитъ все въ одномъ положеніи. Она подошла къ нему, сдернула одѣяло, смотритъ — а ужь онъ холодехонекъ,—умеръ, маточка, умеръ Горшковъ, внезапно умеръ, словно громомъ его убило. А отчего умеръ—Богъ его знаетъ. Меня это такъ сразило, Варинька, что я до сихъ поръ опомниться не могу. Не вѣрится что-то, чтобы такъ просто могъ умереть человѣкъ. Этакой бѣдняга, горемыка этотъ Горшковъ! Ахъ, судьба-то, судьба какая! Жена въ слезахъ, такая испуганная. Дѣвочка куда-то въ уголъ забилась. У нихъ тамъ суматоха такая идетъ: слѣдствіе медицинское будутъ дѣлать... ужь не могу вамъ навѣрно сказать. Только жалко, охъ, какъ жалко! Грустно подумать, что этакъ въ самомъ дѣлѣ ни дня, ни часа не вѣдаешь... Погибаешь этакъ ни за что...

Вашъ

Макаръ Дѣвушкинъ.

Сентября 19.

Милостивая Государыня Варвара Алексѣевна!

Спѣшу васъ увѣдомить, другъ мой, что Ратазяевъ нашелъ мнѣ работу у одного сочинителя. —Пріѣзжалъ какой-то къ нему, привезъ къ нему такую толстую рукопись—слава Богу, много работы. Только ужь такъ неразборчиво писано, что не знаю какъ и за дѣло

приняться: требуютъ поскорѣе. Что-то все объ такомъ писано, что какъ будто и не понимаешь .. По 40 коп. съ листа уговорились. Я къ тому все это пишу вамъ, родная моя, что будутъ теперь посторонніе деньги.—Ну, а теперь прощайте, маточка. Я ужь прямо и за работу.

Вашъ вѣрный другъ
Макаръ Дѣвушкинъ.

Сентября 23.

Дорогой другъ мой, Макаръ Алексѣевичъ!

Я вамъ уже третій день, мой другъ, ничего не писала, а у меня было много-много заботъ, много тревоги.

Третьяго дня былъ у меня Быковъ. Я была одна, Ѳедора куда-то ходила. Я отворила ему и такъ испугалась, когда его увидала, что не могла тронуться съ мѣста. Я чувствовала, что я поблѣднѣла. Онъ вошелъ, по своему обыкновенію, съ громкимъ смѣхомъ, взялъ стулъ и сѣлъ. Я долго не могла опомниться, наконецъ, сѣла въ уголъ за работу. Онъ скоро пересталъ смѣяться. Кажется, мой видъ поразилъ его. Я такъ похудѣла въ послѣднее время; щеки и глаза мои ввалились, я была блѣдна какъ платокъ... дѣйствительно, меня трудно узнать тому, кто зналъ меня годъ тому назадъ. Онъ долго и пристально смотрѣлъ на меня, наконецъ, опять развеселился. Сказалъ что-то такое; я не помню что отвѣчала ему, и онъ опять засмѣялся. Онъ сидѣлъ у меня цѣлый часъ; долго говорилъ со мной; кой о чемъ разспрашивалъ. Наконецъ, передъ прощаніемъ, онъ взялъ меня за руку и сказалъ (я вамъ пишу отъ слова и до слова): «Варвара Алексѣевна! Между нами сказать, Анна Ѳедоровна, ваша родственница, а моя короткая знакомая и пріятельница, преподлая женщина». (Тутъ онъ еще назвалъ ее однимъ неприличнымъ словомъ) Совратила она и двоюродную вашу сестрицу съ пути, и васъ погубила. Съ моей стороны и я въ этомъ случаѣ подлецомъ оказался; да вѣдь, что, дѣло житейское». Тутъ онъ захохоталъ что есть мочи. Потомъ замѣтилъ, что онъ красно говорить не мастеръ, и что, главное, что̀ объяснить было нужно, и объ чемъ обязанности благородства повелѣвали ему не умалчивать, ужь онъ объявилъ, и что въ короткихъ словахъ приступаетъ къ остальному. Тутъ онъ объявилъ мнѣ, что ищетъ руки моей, что долгомъ своимъ почитаетъ возвратить мнѣ честь, что онъ богатъ, что онъ увезетъ меня послѣ свадьбы въ свою

стную деревню, что онъ хочетъ тамъ зайцевъ травить: что онъ болѣе въ Петербургъ никогда не пріѣдетъ, потому что въ Петербургѣ гадко, что у него есть здѣсь въ Петербургѣ, какъ онъ самъ выразился, негодный племянникъ, котораго онъ присягнулъ лишить наслѣдства и собственно для этого случая, то есть желая имѣть законныхъ наслѣдниковъ, ищетъ руки моей, что это главная причина его сватовства. Потомъ онъ замѣтилъ, что я весьма бѣдно живу, что не диво, если я больна, проживая въ такой лачугѣ, предрекъ мнѣ неминуемую смерть, если я хоть мѣсяцъ такъ останусь; сказалъ, что въ Петербургѣ квартиры гадкія, и, наконецъ, что не надо-ли мнѣ чего?

Я такъ была поражена его предложеніемъ, что сама не знаю отчего заплакала. Онъ принялъ мои слезы за благодарность и сказалъ мнѣ, что онъ всегда былъ увѣренъ, что я добрая, чувствительная и ученая дѣвица, но что онъ не прежде, впрочемъ, рѣшился на сію мѣру, какъ разузнавъ со всею подробностію о моемъ теперешнемъ поведеніи. Тутъ онъ разспрашивалъ о васъ, сказалъ, что про все слышалъ, что вы благородныхъ правилъ человѣкъ, что онъ съ своей стороны не хочетъ быть у васъ въ долгу и что довольно-ли вамъ будетъ 500 руб. за все, что̀ вы для меня сдѣлали? Когда-же я ему объяснила, что вы для меня то сдѣлали, чего никакими деньгами не заплатишь, то онъ сказалъ мнѣ, что все вздоръ: что все это романы, что я еще молода и стихи читаю, что романы губятъ молодыхъ дѣвушекъ, что книги только нравственность портятъ, и что онъ терпѣть не можетъ никакихъ книгъ; совѣтовалъ прожить его годы и тогда объ людяхъ говорить: «тогда», прибавилъ онъ, «и людей узнаете». Потомъ онъ сказалъ, чтобы я поразмыслила хорошенько объ его предложеніяхъ, что ему весьма будетъ непріятно, если я такой важный шагъ сдѣлаю необдуманно, прибавилъ, что необдуманность и увлеченіе губятъ юность неопытную, но что онъ чрезвычайно желаетъ съ моей стороны благопріятнаго отвѣта: что, наконецъ, въ противномъ случаѣ, онъ принужденъ будетъ жениться въ Москвѣ на купчихѣ, потому что, говоритъ онъ, я присягнулъ негодяя-племянника лишить наслѣдства. Онъ насильно оставилъ у меня на пяльцахъ пятьсотъ рублей, какъ онъ сказалъ, на конфекты; сказалъ, что въ деревнѣ я растолстѣю, какъ леденика, что буду у него какъ сыръ въ маслѣ кататься, что у него теперь ужасно много хлопотъ, что онъ цѣлый день по дѣламъ протаскался, и что теперь между дѣломъ забѣжалъ ко мнѣ. Тутъ онъ ушелъ. Я долго думала, я много передумала, я мучилась, думая, другъ мой, наконецъ, я рѣшилась. Другъ мой, я выйду за него, я должна согласиться на его предложеніе. Если кто можетъ избавить меня

отъ моего позора, возвратить мнѣ честное имя, отвратить отъ меня бѣдность, лишенія и несчастія въ будущемъ, такъ это единственно онъ. Чего-же мнѣ ожидать отъ грядущаго, чего еще спрашивать у судьбы? Ѳедора говоритъ, что своего счастія терять не нужно: говоритъ—что-же въ такомъ случаѣ и называется счастіемъ? Я, по крайней мѣрѣ, не нахожу другаго пути для себя, безцѣнный другъ мой. Что мнѣ дѣлать? Работою я и такъ все здоровье испортила; работать постоянно я не могу. Въ люди идти?—Я съ тоски исчахну, къ тому-же, я никому не угожу. Я хворая отъ природы, и потому всегда буду бременемъ на чужихъ рукахъ. Конечно, я и теперь не въ рай иду, но что-же мнѣ дѣлать, другъ мой, что-же мнѣ дѣлать? Изъ чего выбирать мнѣ?

Я не просила у васъ совѣтовъ. Я хотѣла обдумать одна. Рѣшеніе, которое вы прочли сейчасъ, неизмѣнно, и я немедленно объявляю его Быкову, который и безъ того торопитъ меня окончательнымъ рѣшеніемъ. Онъ сказалъ, что у него дѣла не ждутъ, что ему нужно ѣхать, и что не откладывать-же ихъ изъ-за пустяковъ. Знаетъ Богъ, буду-ли я счастлива, въ Его святой, неисповѣдимой власти судьбы мои, но я рѣшилась. Говорятъ, что Быковъ человѣкъ добрый: онъ будетъ уважать меня; можетъ быть, и я такъ-же буду уважать его. Чего-же ждать болѣе отъ нашего брака?

Увѣдомляю васъ обо всемъ, Макаръ Алексѣевичъ. Я увѣрена, вы поймете всю тоску мою. Не отвлекайте меня отъ моего намѣренія. Усилія ваши будутъ тщетны. Взвѣсьте въ своемъ собственномъ сердцѣ все, что принудило меня такъ поступить. Я очень тревожилась сначала, но теперь я спокойнѣе. Что впереди — я не знаю. Что будетъ, то будетъ; какъ Богъ пошлетъ!..

Принесъ Быковъ; я бросаю письмо неоконченнымъ. Много еще хотѣла сказать вамъ. Быковъ ужъ здѣсь!

Сентября 23.

Маточка, Варвара Алексѣевна!

Я, маточка, спѣшу вамъ отвѣчать; я, маточка, спѣшу вамъ объявить, что я изумленъ. Все это какъ-то не того... Вчера мы похоронили Горшкова. Да, это такъ, Варинька, это такъ; Быковъ поступилъ благородно; только вотъ видите-ли, родная моя, такъ вы и соглашаетесь. Конечно, во всемъ воля Божія: это такъ, это непремѣнно должно быть такъ, то есть тутъ воля-то Божія непремѣнно должна быть; и промыселъ Творца Небеснаго, конечно, и благъ, и

непремѣнно, и судьбы тоже, и они тоже самое. – Ѳедора тоже въ васъ участіе принимаетъ. Конечно, вы счастливы теперь будете, маточка, въ довольствѣ будете, моя голубочка, ясочка моя ненаглядная вы моя, ангельчикъ мой,—только вотъ видите-ли, Варинька, какъ-же это такъ скоро?.. Да, дѣла... у г-на Быкова есть дѣла,—конечно, у кого нѣтъ дѣлъ, и у него тоже они могутъ случиться... видѣлъ я его, какъ онъ отъ васъ выходилъ. Видный, видный мужчина; даже ужъ и очень видный мужчина. Только все это какъ-то не такъ, дѣло-то не въ томъ именно, что онъ видный мужчина, да я-то теперь какъ-то самъ не свой. Только вотъ какъ-же мы будемъ теперь письма-то другъ къ другу писать? Я-то, я-то какъ-же одинъ останусь. Я, ангельчикъ мой, все взвѣшиваю, все взвѣшиваю, какъ вы писали-то мнѣ тамъ, въ сердцѣ-то моемъ все это взвѣшиваю, причины-то эти. Я уже двадцатый листъ оканчивалъ переписывать, а между тѣмъ эти происшествія-то нашли! Маточка, вѣдь вотъ вы ѣдете, такъ и закупки-то вамъ различныя сдѣлать нужно, башмачки разные, платьице, а вотъ у меня и кстати магазинъ есть знакомый въ Гороховой; помните, какъ я вамъ еще его все описывалъ.—Да нѣтъ-же! Какъ-же вы, маточка, что вы! Вѣдь вамъ нельзя теперь ѣхать, совершенно невозможно, никакъ невозможно. Вѣдь вамъ нужно покупки большія дѣлать, да и экипажъ заводить. Къ тому-же и погода теперь дурная; вы посмотрите-ка, дождь какъ изъ ведра льетъ, и такой мокрый дождь, да еще... еще то, что вамъ холодно будетъ, мой ангельчикъ; сердечку-то вашему будетъ холодно! Вѣдь вотъ вы боитесь чужаго человѣка, а ѣдете. А я-то на кого здѣсь одинъ останусь? Да! Вотъ Ѳедора говоритъ, что васъ счастіе ожидаетъ большое... да вѣдь она баба буйная и меня погубить желаетъ. Пойдете-ли вы ко всенощной сегодня, маточка? Я-бы васъ гонелъ посмотрѣть. Оно, правда, маточка, совершенная правда, что вы дѣвица ученая, добродѣтельная и чувствительная, только пусть ужъ онъ лучше женится на купчихѣ! Какъ вы думаете, маточка? Пусть ужъ лучше на купчихѣ-то женится!—Я къ вамъ, Варинька вы моя, какъ смеркнется, такъ и забѣгу на часокъ. Нынче вѣдь рано смеркается, такъ я и забѣгу. Я, маточка, къ вамъ непремѣнно на часочекъ приду сегодня. Вотъ вы теперь ждете Быкова, а какъ онъ уйдетъ, такъ тогда... Вотъ подождите, маточка, я забѣгу...

Макаръ Дѣвушкинъ.

Сентября 27.

Другъ мой, Макаръ Алексѣевичъ!

Господинъ Быковъ сказалъ, что у меня непремѣнно должно быть на три дюжины рубашекъ голландскаго полотна. Такъ нужно какъ можно скорѣе пріискать бѣлошвеекъ для двухъ дюжинъ, а времени у насъ очень мало. Господинъ Быковъ сердится, говоритъ, что съ этими тряпками ужасно много возни. Свадьба наша черезъ пять дней, а на другой день послѣ свадьбы мы ѣдемъ. Господинъ Быковъ торопится, говоритъ, что на вздоръ много времени не нужно терять. Я измучилась отъ хлопотъ и чуть на ногахъ стою. Дѣла страшная куча, а, право, лучше, если-бъ этого ничего не было. Да еще: у насъ не достаетъ блондъ и кружева, такъ вотъ нужно-бы прикупить, потому что господинъ Быковъ говоритъ, что онъ не хочетъ, чтобы жена его какъ кухарка ходила, и что я непремѣнно должна «утереть нос всѣмъ помѣщицамъ». Такъ онъ самъ говоритъ. Такъ вотъ, Макаръ Алексѣевичъ, адресуйтесь, пожалуйста, къ мадамъ Шифонъ въ Гороховую, и попросите, во первыхъ, прислать къ намъ бѣлошвеекъ, а во вторыхъ, чтобъ и сама потрудилась заѣхать. Я сегодня больна. На новой квартирѣ у насъ такъ холодно и безпорядки ужасные. Тетушка господина Быкова чуть-чуть дышетъ отъ старости. Я боюсь, чтобы не умерла до нашего отъѣзда, но господинъ Быковъ говоритъ, что ничего, очнется. Въ домѣ у насъ безпорядки ужасные. Господинъ Быковъ съ нами не живетъ, такъ люди всѣ разбѣгаются Богъ знаетъ куда. Случается, что одна Ѳедора намъ прислуживаетъ, а камердинеръ господина Быкова, который смотритъ за всѣмъ, уже третій день неизвѣстно гдѣ пропадаетъ. Господинъ Быковъ заѣзжаетъ каждое утро, все сердится и вчера побилъ прикащика дома, за что имѣлъ непріятности съ полиціей... Не съ кѣмъ было къ вамъ и письма-то послать. Пишу по городской почтѣ. Да! Чуть было не забыла самаго важнаго. Скажите мадамъ Шифонъ, чтобы блонды она непремѣнно перемѣнила, сообразуясь со вчерашнимъ образчикомъ, и чтобы сама заѣхала ко мнѣ показать новый выборъ. Да скажите еще, что я раздумала на счетъ канзу: что его нужно вышивать кроньо. Да еще: буквы для вензелей на платкахъ вышивать тамбуромъ: слышите-ли? Тамбуромъ, а не гладью. Смотрите-же, не забудьте, что тамбуромъ! Вотъ еще чуть было не забыла! Передайте ей ради Бога, чтобы листики на переднѣ шить возвышенно, усики и шишы

кардонне, а потомъ обшить воротникъ кружевомъ или широкой фальбалой. Пожалуйста, передайте, Макаръ Алексѣевичъ.

Ваша
В. Д.

P. S. Мнѣ такъ совѣстно, что все васъ мучаю моими коммиссіями. Вотъ и третьяго дня вы цѣлое утро бѣгали. Но что̀ дѣлать! У насъ въ домѣ нѣтъ никакого порядка, а я сама нездорова. Такъ не досадуйте на меня, Макаръ Алексѣевичъ. Такая тоска! Ахъ, что это будетъ, другъ мой, милый мой, добрый мой Макаръ Алексѣевичъ! Я и заглянуть боюсь въ мое будущее. Я все что-то предчувствую и точно въ чаду въ какомъ-то живу.

P. S. Ради Бога, мой другъ, не позабудьте чего нибудь изъ того, что я вамъ теперь говорила. Я все боюсь, чтобы вы какъ нибудь не ошиблись. Помните-же, тамбуромъ, а не гладью.

В. Д.

Сентября 27.

Милостивая Государыня Варвара Алексѣевна!

Коммиссіи ваши всѣ исполнилъ рачительно. Мадамъ Шифонъ говоритъ, что она уже сама думала обшивать тамбуромъ: что это приличнѣе, что-ли, ужь не знаю, въ толкъ не взялъ хорошенько. Да еще, вы тамъ фальбалу написали, такъ она и про фальбалу говорила. Только я, маточка, и позабылъ, что она мнѣ про фальбалу говорила. Только помню, что очень много говорила; такая скверная баба! Что бишь такое? Да вотъ она вамъ сама все разскажетъ. Я, маточка моя, совсѣмъ замотался. Сегодня я и въ должность не ходилъ. Только вы-то, родная моя, напрасно отчаиваетесь. Для вашего спокойствія я готовъ всѣ магазины обѣгать. Вы пишете, что въ будущее заглянуть боитесь. Да вѣдь сегодня въ седьмомъ часу все узнаете. Мадамъ Шифонъ сама къ вамъ пріѣдетъ. Такъ вы и не отчаивайтесь; надѣйтесь, маточка; авось и все-то устроится къ лучшему — вотъ. Такъ того-то, я все фальбалу-то проклятую — эхъ, мнѣ эта фальбала-фальбала! Я-бы къ вамъ забѣжалъ, ангельчикъ, забѣжалъ-бы, непремѣнно-бы забѣжалъ; я ужь и такъ къ воротамъ вашего дома раза два подходилъ. Да все Быковъ, то есть, я хочу сказать, что господинъ Быковъ все сердитый такой, такъ вотъ оно и не того... Ну, да ужь что!

Макаръ Дѣвушкинъ.

Сентября 28

Милостивый Государь Макаръ Алексѣевичъ!

Ради Бога, бѣгите сейчасъ къ брильянтщику. Скажите ему, что серьги съ жемчугомъ и изумрудами дѣлать не нужно. Господинъ Быковъ говоритъ, что слишкомъ богато, что это кусается. Онъ сердится; говоритъ, что ему и такъ въ карманъ стало, и что мы его грабимъ, а вчера сказалъ, что если-бы впередъ зналъ да вѣдалъ про такіе расходы, такъ и не связался-бы. Говоритъ, что только насъ повѣнчаютъ, такъ сейчасъ и уѣдемъ, что гостей не будетъ, и чтобы я вертѣться и плясать не надѣялась, что еще далеко до праздниковъ. Вотъ онъ какъ говоритъ! А Богъ видитъ, нужно-ли мнѣ все это! Самъ-же господинъ Быковъ все заказывалъ. Я и отвѣчать ему ничего не смѣю: онъ горячій такой. Что со мною будетъ?

В. Д.

Сентября 28.

Голубчикъ мой, Варвара Алексѣевна!

Я—то есть, брильянтщикъ говоритъ—хорошо; а я про себя хотѣлъ сначала сказать, что я заболѣлъ и встать не могу съ постели. Вотъ теперь, какъ время пришло хлопотливое, нужное, такъ и простуды напали, врагъ ихъ возьми! Тоже увѣдомляю васъ, что къ довершенію несчастій моихъ и его превосходительство изволили быть строгими, и на Емельяна Ивановича много сердились и кричали, и подъ конецъ совсѣмъ измучились, бѣдненькіе. Вотъ я васъ и увѣдомляю обо всемъ. Да еще хотѣлъ вамъ написать что нибудь, только васъ утруждать боюсь. Вѣдь я, маточка, человѣкъ глупый, простой, пишу себѣ что ни попало, такъ, можетъ быть, вы тамъ чего нибудь и такого—ну, да ужь что!

Вашъ *Макаръ Дѣвушкинъ.*

Сентяб ря 29.

Варвара Алексѣевна, родная моя!

Я сегодня Ѳедору видѣлъ, голубчикъ мой. Она говоритъ, что васъ уже завтра вѣнчаютъ, а послѣ завтра вы ѣдете, и что господинъ Быковъ уже лошадей нанимаетъ. На счетъ его превосходительства я уже увѣдомлялъ васъ, маточка. Да еще: — счеты изъ магазина въ Гороховой я провѣрилъ: все вѣрно, да только очень дорого. Только за что-же господинъ-то Быковъ на васъ сердится? Ну, будьте счастливы, маточка! Я радъ: да, я буду радъ, если вы будете счастливы. Я-бы пришелъ въ церковь, маточка, да не могу, болитъ поясница. Такъ вотъ я все на счетъ пишемъ: вѣдь вотъ кто-же теперь ихъ передавать-то намъ будетъ, маточка? Да! Вы Ѳедору-то облагодѣтельствовали, родная моя! Это доброе дѣло вы сдѣлали, другъ мой; это вы очень хорошо сдѣлали. Доброе дѣло! А за каждое доброе дѣло васъ Господь благословлять будетъ. — Добрыя дѣла не остаются безъ награды, и добродѣтель всегда будетъ увѣнчана вѣнцомъ справедливости Божіей, рано-ли, поздно-ли. Маточка! Я-бы вамъ много хотѣлъ написать: такъ, каждый часъ, каждую минуту все-бы писалъ, все-бы писалъ! У меня еще ваша книжка осталась одна, *Бѣлкина повести*, такъ вы ее, знаете, маточка, не берите ее у меня, подарите ее мнѣ, мой голубчикъ. Это не потому, что ужь мнѣ такъ ее читать хочется. Но сами вы знаете, маточка, подходитъ зима; вечера будутъ длинные; грустно будетъ, такъ вотъ-бы и почитать. Я, маточка, переѣду съ моей квартиры на вашу старую, и буду нанимать у Ѳедоры. Я съ этой честной женщиной теперь ни за что не разстанусь; къ тому-же, она такая работящая. Я вашу квартиру опустѣвшую вчера подробно осматривалъ. Тамъ, какъ были ваши вязочки, а на нихъ шитье, такъ они и остались нетронутые: въ углу стоятъ. Я ваше шитье разсматривалъ. Остались еще тутъ лоскуточки разные. На одно письмецо мое вы ниточки начали было наматывать. Въ столикѣ нашелъ бумажки листочекъ, а на бумажкѣ написано — *Милостивый государь, Макаръ Алексѣевичъ, Спишу* — и только. Видно васъ кто нибудь прервалъ на самомъ интересномъ мѣстѣ. Въ углу за ширмочками ваша кроватка стоитъ... Голубчикъ вы мой!!! Ну, прощайте, прощайте; ради Бога, отвѣчайте мнѣ что нибудь на это письмецо поскорѣе.

Макаръ Дѣвушкинъ.

Ѳ. М. Достоевскій въ 1860 году.

Р ГОГИНЕ и А ВИЛЬБОРГЪ

Сентября 30.

Безцѣнный другъ мой, Макаръ Алексѣевичъ!

Все совершилось! Выналъ мой жребій; не знаю какой, но я волѣ Господа покорна. Завтра мы ѣдемъ. Прощаюсь съ вами въ послѣдній разъ, безцѣнный мой, другъ мой, благодѣтель мой, родной мой! Не горюйте обо мнѣ, живите счастливо, помните обо мнѣ и да снизойдетъ на васъ благословеніе Божіе! Я буду вспоминать васъ часто въ мысляхъ моихъ, въ молитвахъ моихъ.—Вотъ и кончилось это время! Я мало отраднаго унесу въ новую жизнь изъ воспоминаній прошедшаго; тѣмъ драгоцѣннѣе будетъ воспоминаніе объ васъ, тѣмъ драгоцѣннѣе будете вы моему сердцу. Вы единственный другъ мой; вы только одни здѣсь любили меня. Вѣдь я все видѣла, я вѣдь знала какъ вы любили меня! Улыбкой одной моей вы счастливы были, одной строчкой письма моего. Вамъ нужно будетъ теперь отвыкать отъ меня! Какъ вы одни здѣсь останетесь! На кого вы здѣсь останетесь, добрый, безцѣнный, единственный другъ мой! Оставляю вамъ книжку, пяльцы, начатое письмо; когда будете смотрѣть на эти начатыя строчки, то мыслями читайте дальше все, что-бы хотѣлось вамъ услышать или прочесть отъ меня, все, что я ни написала-бы вамъ; а чего-бы я не написала теперь! Вспоминайте о бѣдной вашей Варинькѣ, которая васъ такъ крѣпко любила. Всѣ ваши письма остались въ комодѣ у Ѳедоры, въ верхнемъ ящикѣ. Вы пишете, что вы больны, а господинъ Быковъ меня сегодня никуда не пускаетъ. Я буду вамъ писать, другъ мой, я обѣщаюсь; но вѣдь одинъ Богъ знаетъ, что̀ можетъ случиться. Итакъ, простимся теперь навсегда, другъ мой, голубчикъ мой, родной мой, навсегда!.. Охъ, какъ-бы я теперь обняла васъ! Прощайте, мой другъ, прощайте, прощайте. Живите счастливо; будьте здоровы. Моя молитва будетъ вѣчно объ васъ. О! Какъ мнѣ грустно, какъ давитъ всю мою душу. Господинъ Быковъ зоветъ меня. Васъ вѣчно любящая.

В.

P. S. Моя душа такъ полна, такъ полна теперь слезами... Слезы тѣснятъ меня, рвутъ меня. Прощайте. Боже! какъ грустно!

Помните, помните вашу бѣдную Варинькy!

Маточка, Варинька, голубчикъ мой, безцѣнная моя! Васъ увозятъ, вы ѣдете! Да, теперь лучше-бы сердце они изъ груди моей вырвали, чѣмъ васъ у меня! Какъ-же вы это!—Вотъ, вы плачете и вы ѣдете?! Вотъ я отъ васъ письмецо сейчасъ получилъ, все слезами закапанное. Стало быть, вамъ не хочется ѣхать; стало быть, васъ насильно увозятъ, стало быть, вамъ жаль меня, стало быть, вы меня любите! Да какъ-же, съ кѣмъ-же вы теперь будете? Тамъ вашему сердечку будетъ грустно, тошно и холодно. Тоска его высосетъ, грусть его пополамъ разорветъ. Вы тамъ умрете, васъ тамъ въ сыру землю положатъ: объ васъ и поплакать будетъ некому тамъ! Г-нъ Быковъ будетъ все зайцевъ травить... Ахъ, маточка, маточка! На что-же вы это рѣшились, какъ-же вы на такую мѣру рѣшиться могли? Что вы сдѣлали, что вы сдѣлали, что вы надъ собою сдѣлали? Вѣдь васъ тамъ въ гробъ сведутъ; они заморятъ васъ тамъ, ангельчикъ. Вѣдь вы, маточка, какъ перышко слабенькія! И я-то гдѣ былъ? Чего я тутъ, дуракъ, глазѣлъ! Вижу, дитя блажитъ, у дитяти просто головка болитъ! Чѣмъ-бы тутъ по просту—такъ нѣтъ-же! дуракъ дуракомъ, и не думаю ничего, и не вижу ничего, какъ будто и правъ, какъ будто и дѣло до меня не касается; и еще за фальбалой бѣгать!.. Нѣтъ, я, Варинька, встану; я къ завтрашнему дню, можетъ быть, выздоровлю, такъ вотъ я и встану!.. Я, маточка, подъ колеса брошусь; я васъ не пущу уѣзжать! Да нѣтъ, что-же это въ самомъ дѣлѣ такое? По какому праву все это дѣлается? Я съ вами уѣду; я за каретой вашей побѣгу, если меня не возьмете, и буду бѣжать что есть мочи, покамѣстъ духъ изъ меня выйдетъ. Да вы знаете-ли только, что тамъ такое, куда вы ѣдете-то, маточка? Вы, можетъ быть, этого не знаете, такъ меня спросите! Тамъ стенъ, родная моя, тамъ стенъ, голая стенъ; вотъ какъ моя ладонь голая! Тамъ ходитъ баба безчувственная, да мужикъ необразованный, пьяница ходитъ. Тамъ теперь листья съ деревьевъ осыпались, тамъ дожди, тамъ холодно,—а вы туда ѣдете! Ну, господину Быкову тамъ есть занятіе: онъ тамъ будетъ съ зайцами; а вы что? Вы помѣщицей хотите быть, маточка? Но, херувимчикъ вы мой! Вы поглядите-ка на себя, похожи-ли вы на помѣщицу?.. Да какъ-же можетъ быть такое, Варинька! Къ кому-же я письма буду писать, маточка? Да! Вотъ вы возьмите-ка въ соображеніе, маточка,—дескать, къ кому-же онъ письма-то будетъ писать? Кого-же я маточкой-то называть буду; именемъ-то, любезнымъ такимъ кого называть буду? Гдѣ мнѣ васъ найдти потомъ, ангель-

чикъ мой? Я умру, Варинька, непремѣнно умру; не перенесетъ мое сердце такого несчастія! Я васъ какъ свѣтъ Господень любилъ, какъ дочку родную любилъ, я все въ васъ любилъ, маточка, родная моя! И самъ для васъ только и жилъ одинѣхъ! Я и работалъ, и бумаги писалъ, и ходилъ, и гулялъ, и наблюденія мои бумагѣ передавалъ въ видѣ дружескихъ писемъ, все оттого, что вы, маточка, здѣсь, напротивъ, по близости жили. Вы, можетъ быть, этого и не знали, а это все было именно такъ! Да, послушайте, маточка, вы разсудите, голубчикъ мой миленькой, какъ-же это можетъ быть, чтобы вы отъ насъ уѣхали? Родная моя, вѣдь вамъ ѣхать нельзя, невозможно; просто, рѣшительно никакой возможности нѣтъ! Вѣдь вотъ дождь идетъ, а вы слабенькія, вы простудитесь. Ваша карета промокнетъ; она непремѣнно промокнетъ. Она, только что вы за заставу выѣдете, и сломается; нарочно сломается. Вѣдь здѣсь въ Петербургѣ прескверно кареты дѣлаютъ! Я и каретниковъ этихъ всѣхъ знаю; они только чтобъ фасончикъ, игрушечку тамъ какую нибудь смастерить; а не прочно! Присягну, что непрочно дѣлаютъ! Я, маточка, на колѣни передъ господиномъ Быковымъ брошусь; я ему докажу, все докажу! И вы, маточка, докажите; резономъ докажите ему! Скажите, что вы остаетесь и что вы не можете ѣхать!.. Ахъ, зачѣмъ это онъ въ Москвѣ на купчихѣ не женился? Ужь пусть-бы онъ тамъ на ней-то женился! Ему купчиха лучше, ему она гораздо лучше-бы шла; ужь это я знаю почему! А я-бы васъ здѣсь у себя держалъ. Да что онъ вамъ-то, маточка, Быковъ-то? Чѣмъ онъ для васъ такъ вдругъ милъ сдѣлался? Вы, можетъ быть, оттого, что онъ вамъ фальбалу-то все закупаетъ, вы, можетъ быть, отъ этого! Да вѣдь что-же фальбала? Зачѣмъ фальбала? Вѣдь она, маточка, вздоръ! Тутъ рѣчь идетъ о жизни человѣческой, а вѣдь она, маточка, тряпка фальбала; она, маточка, фальбала-то тряпица! Да я вотъ вамъ самъ, вотъ только что жалованье получу, фальбалы накуплю; я вамъ ее накуплю, маточка; у меня тамъ вотъ и магазинчикъ знакомый есть; вотъ только жалованье дайте дождаться мнѣ, херувимчикъ мой, Варинька! Ахъ, Господи, Господи! Такъ вы это непремѣнно въ степь съ господиномъ Быковымъ уѣзжаете, безвозвратно уѣзжаете! Ахъ, маточка!.. Нѣтъ, вы мнѣ еще напишите, еще мнѣ письмецо напишите обо всемъ, и когда уѣдете, такъ и оттуда письмо напишите. А то вѣдь, ангелъ небесный мой, это будетъ послѣднее письмо; а вѣдь никакъ не можетъ такъ быть, чтобы письмо это было послѣднее! Вѣдь вотъ какъ-же, такъ вдругъ, именно, непремѣнно послѣднее! Да нѣтъ-же, я буду писать, да и вы-то пишите... А то у меня и слогъ теперь формируется... Ахъ,

родная моя, что̀ слогъ! Вѣдь вотъ я теперь и не знаю что это я пишу, никакъ не знаю, ничего не знаю и не перечитываю, и слогу не выправляю, а пишу только-бы писать, только-бы вамъ написать-то побольше... Голубчикъ мой, родная моя, маточка вы моя!

ДВОЙНИКЪ

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОЭМА.

ГЛАВА I.

Было безъ малаго восемь часовъ утра, когда титулярный совѣтникъ Яковъ Петровичъ Голядкинъ очнулся послѣ долгаго сна, зѣвнулъ, потянулся и открылъ, наконецъ, совершенно глаза свои. Минуты съ двѣ, впрочемъ, лежалъ онъ неподвижно на своей постели, какъ человѣкъ не вполнѣ еще увѣренный проснулся-ли онъ или все еще спитъ, на яву-ли и въ дѣйствительности-ли все что̀ около него теперь совершается, или — продолженіе его безпорядочныхъ сонныхъ грезъ. Вскорѣ, однако-жъ, чувства господина Голядкина стали яснѣе и отчетливѣе принимать свои привычныя, обыденныя впечатлѣнія. Знакомо глянули на него зелено-грязноватыя, закоптѣлыя, пыльныя стѣны его маленькой комнатки, его комодъ краснаго дерева, стулья подъ красное дерево, столъ, окрашенный красною краскою, клеенчатый турецкій диванъ красноватаго цвѣта, съ зелеными цвѣточками и, наконецъ, вчера впопыхахъ снятое платье и брошенное комкомъ на диванъ. Наконецъ, сѣрый осенній день, мутный и грязный, такъ сердито и съ такой кислой гримасою заглянулъ къ нему сквозь тусклое окно въ комнату, что господинъ Голядкинъ никакимъ уже образомъ не могъ болѣе сомнѣваться, что онъ находится не въ тридесятомъ царствѣ какомъ нибудь, а въ городѣ Петербургѣ, въ столицѣ, въ Шестилавочной улицѣ, въ четвертомъ этажѣ одного весьма большаго, капитальнаго дома, въ собственной квартирѣ своей. Сдѣлавъ такое важное открытіе, господинъ Голядкинъ судорожно закрылъ глаза, какъ-бы сожалѣя о недавнемъ снѣ и желая его воротить на минутку. Но черезъ минуту онъ однимъ скачкомъ выпрыгнулъ изъ постели, вѣроятно, попавъ, наконецъ, въ ту идею, около которой вертѣлись до сихъ поръ разсѣянныя, не приведенныя въ надлежащій порядокъ мысли его. Выпрыгнувъ изъ постели, онъ тотчасъ-же подбѣжалъ къ небольшому кругленькому зеркальцу, стоящему на комодѣ. Хотя отразившаяся въ зеркалѣ, заспанная, подслѣповатая фигура была именно такого незначительнаго свойства, что съ перваго взгляда не останавливала на себѣ рѣшительно ни

чьего исключительнаго вниманія, но, повидимому, обладатель ея остался совершенно доволенъ всѣмъ тѣмъ, что̀ увидѣлъ въ зеркалѣ. «Вотъ-бы штука была», сказалъ господинъ Голядкинъ въ полголоса: «вотъ-бы штука была, если-бъ я сегодня маникировалъ въ чемъ нибудь, если-бъ вышло, напримѣръ, что нибудь не такъ,— прыщикъ тамъ какой нибудь вскочилъ постороннiй, или произошла-бы другая какая нибудь непріятность; впрочемъ, покамѣстъ недурно; покамѣсть все идетъ хорошо». Очень обрадовавшись тому, что все идетъ хорошо, господинъ Голядкинъ поставилъ зеркало на прежнее мѣсто, а самъ, не смотря на то, что былъ босикомъ и сохранялъ на себѣ тотъ костюмъ, въ которомъ имѣлъ обыкновенiе отходить ко сну, подбѣжалъ къ окошку и съ большимъ участiемъ началъ что-то отыскивать глазами на дворѣ дома, на который выходили окна квартиры его. Повидимому, и то, что̀ онъ отыскалъ на дворѣ, совершенно его удовлетворило; лицо его просiяло самодовольной улыбкою. Потомъ,—заглянувъ, впрочемъ, сначала за перегородку въ каморку Петрушки, своего камердинера и увѣрившись, что въ ней нѣтъ Петрушки,—на цыпочкахъ подошелъ къ столу, отперъ въ немъ одинъ ящикъ, пошарилъ въ самомъ заднемъ уголку этого ящика, вынулъ наконецъ, изъ-подъ старыхъ пожелтѣвшихъ бумагъ и кой-какой дряни зеленый истертый бумажникъ, открылъ его осторожно— и бережно и съ наслажденiемъ заглянулъ въ самый дальнiй, потаенный карманъ его. Вѣроятно, пачка зеленькихъ, сѣренькихъ, синенькихъ, красненькихъ и разныхъ пестренькихъ бумажекъ тоже весьма привѣтливо и одобрительно глянула на господина Голядкина: съ просiявшимъ лицомъ положилъ онъ передъ собою на столъ раскрытый бумажникъ и крѣпко потеръ руки въ знакъ величайшаго удовольствiя. Наконецъ, онъ вынулъ ее, свою утѣшительную пачку государственныхъ ассигнацiй и въ сотый разъ, впрочемъ, считая со вчерашняго дня, началъ пересчитывать ихъ, тщательно перетирая каждый листокъ между большимъ и указательнымъ пальцами. «Семьсотъ пятьдесятъ рублей ассигнацiями!» окончилъ онъ, наконецъ, полушепотомъ. «Семьсотъ пятьдесятъ рублей... знатная сумма! Это пріятная сумма», продолжалъ онъ дрожащимъ, немного разслабленнымъ отъ удовольствiя голосомъ, сжимая пачку въ рукахъ и улыбаясь значительно: «это весьма пріятная сумма! Хоть кому пріятная сумма! Желалъ-бы я видѣть теперь человѣка, для котораго эта сумма была-бы ничтожною суммою? Такая сумма можетъ далеко повести человѣка»...

— Однако, что̀-же это такое? подумалъ господинъ Голядкинъ:— да гдѣ-же Петрушка? —Все еще сохраняя тотъ-же костюмъ, заглянулъ онъ еще разъ за перегородку. Петрушки опять не нашлось

за перегородкой, а сердился, горячился и выходилъ изъ себя лишь одинъ поставленный тамъ на полу самоваръ, безпрерывно угрожая сбѣжать, и что-то съ жаромъ, быстро болталъ на своемъ мудреномъ языкѣ, картавя и пришепетывая господину Голядкину, вѣроятно, то: что, дескать, возьмите-же меня, добрые люди, вѣдь я совершенно поспѣлъ и готовъ.

— Черти-бы взяли! подумалъ господинъ Голядкинъ.—Эта лѣнивая бестія можетъ, наконецъ, вывести человѣка изъ послѣднихъ границъ; гдѣ онъ шатается?—Въ справедливомъ негодованіи вошелъ онъ въ переднюю, состоявшую изъ маленькаго корридора, въ концѣ котораго находилась дверь въ сѣни, кропечку пріотворилъ эту дверь, и увидѣлъ своего служителя, окруженнаго порядочной кучкой всякаго лакейскаго, домашняго и случайнаго сброда. Петрушка что-то разсказывалъ, прочіе слушали. Повидимому, ни тема разговора, ни самый разговоръ не понравились господину Голядкину. Онъ немедленно кликнулъ Петрушку и возвратился въ комнату совѣмъ недовольный, даже разстроенный. «Эта бестія ни за грошъ готова продать человѣка, а тѣмъ болѣе барина», подумалъ онъ про себя: «и продалъ, непремѣнно продалъ, пари готовъ держать, что ни за копѣйку продалъ. Ну, что?...»

— Ливрею принесли, сударь.

— Надѣнь и пошелъ сюда.

Надѣвъ ливрею, Петрушка, глупо улыбаясь, вошелъ въ комнату барина. Костюмированъ онъ былъ странно до нельзя. На немъ была зеленая, сильно подержанная лакейская ливрея, съ золотыми обсыпавшими галунами, и, повидимому, шитая на человѣка ростомъ на цѣлый аршинъ выше Петрушки. Въ рукахъ онъ держалъ шляпу, тоже съ галунами и съ зелеными перьями, а при бедрѣ имѣлъ лакейскій мечъ въ кожаныхъ ножнахъ.

Наконецъ, для полноты картины, Петрушка, слѣдуя любимому своему обыкновенію ходить всегда въ неглиже, по домашнему, былъ и теперь босикомъ. Господинъ Голядкинъ осмотрѣлъ Петрушку кругомъ и, повидимому, остался доволенъ. Ливрея, очевидно, была взята на прокатъ для какого-то торжественнаго случая. Замѣтно было еще, что, во время осмотра, Петрушка глядѣлъ съ какимъ-то страннымъ ожиданіемъ на барина, и съ необыкновеннымъ любопытствомъ слѣдилъ за всякимъ движеніемъ его, что̀ крайне смущало господина Голядкина.

— Ну, а карета?

— И карета пріѣхала.

— На весь день?

— На весь день. Двадцать пять, ассигнаціей.

— И сапоги принесли?

— И сапоги принесли.

— Болванъ! Не можешь сказать принесли-съ. Давай ихъ сюда. Изъявивъ свое удовольствіе, что сапоги пришлись хорошо, господинъ Голядкинъ спросилъ чаю, умываться и бриться. Обрился онъ весьма тщательно и такимъ-же образомъ вымылся, хлебнулъ чаю на-скоро и приступилъ къ своему главному, окончательному облаченію: надѣлъ панталоны почти совершенно новые; потомъ манишку съ бронзовыми пуговками, жилетку съ весьма яркими и пріятными цвѣточками; на шею повязалъ пестрый шелковый галстукъ, и, наконецъ, натянулъ вицъ-мундиръ тоже новехонькій и тщательно вычищенный. Одѣваясь, онъ нѣсколько разъ съ любовью взглядывалъ на свои сапоги, помимутно приподымалъ то ту, то другую ногу, любовался фасономъ, и что-то все шепталъ себѣ подъ носъ, изрѣдка подмигивая своей думкѣ выразительною гримаскою. Впрочемъ, въ это утро господинъ Голядкинъ былъ крайне разсѣянъ, потому что почти не замѣтилъ улыбочекъ и гримасъ на свой счетъ помогавшаго ему одѣваться Петрушки. Наконецъ, справивъ все что слѣдовало, совершенно одѣвшись, господинъ Голядкинъ положилъ въ карманъ свой бумажникъ, полюбовался окончательно на Петрушку, надѣвшаго сапоги и бывшаго такимъ образомъ тоже въ совершенной готовности и, замѣтивъ, что все уже сдѣлано и ждать уже болѣе нечего, торопливо, суетливо, съ маленькимъ трепетаніемъ сердца сбѣжалъ съ своей лѣстницы. Голубая извощичья карета, съ какими-то гербами, съ громомъ подкатилась къ крыльцу. Петрушка, перемигиваясь съ извощикомъ и съ кое-какими зѣваками, усадилъ своего барина въ карету; непривычнымъ голосомъ и едва сдерживая дурацкій смѣхъ, крикнулъ *пошолъ!* вскочилъ на запятки, и все это, съ шумомъ и громомъ, звеня и трещa, покатилось на Невскій проспектъ. Только что голубой экипажъ успѣлъ выѣхать за ворота, какъ господинъ Голядкинъ судорожно потеръ себѣ руки и залился тихимъ, неслышнымъ смѣхомъ, какъ человѣкъ веселаго характера, которому удалось съиграть славную штуку, и которой штукѣ онъ самъ радъ-радехонекъ. Впрочемъ, тотчасъ-же послѣ припадка веселости, смѣхъ смѣнился какимъ-то страшнымъ озабоченнымъ выраженіемъ въ лицѣ господина Голядкина. Не смотря на то, что время было сырое и пасмурное, онъ опустилъ оба окна кареты и заботливо началъ высматривать направо и налѣво прохожихъ, тотчасъ принимая приличный и степенный видъ, какъ только замѣчалъ, что на него кто нибудь смотритъ. На поворотѣ съ Литейной на Невскій проспектъ, онъ вздрогнулъ отъ одного самаго непріятнаго ощущенія и, сморщась какъ бѣдняга, которому наступили

нечаянно на мозоль, торопливо, даже со страхомъ прижался въ самый темный уголокъ своего экипажа. Дѣло въ томъ, что онъ встрѣтилъ двухъ сослуживцевъ своихъ, двухъ молодыхъ чиновниковъ того вѣдомства, въ которомъ самъ состоялъ на службѣ. Чиновники-же, какъ показалось господину Голядкину, были тоже, съ своей стороны, въ крайнемъ недоумѣніи, встрѣтивъ такимъ образомъ своего сотоварища; даже одинъ изъ нихъ указалъ пальцемъ на господина Голядкина. Господину Голядкину показалось даже, что другой кликнулъ его громко по имени, что̀, разумѣется, было весьма неприлично на улицѣ. Герой нашъ притаился и не отозвался. «Что за мальчишки!» началъ онъ разсуждать самъ съ собою. «Ну, что-же такого тутъ страшнаго? Человѣкъ въ экипажѣ; человѣку нужно быть въ экипажѣ, вотъ онъ и взялъ экипажъ. Просто дрянь! Я ихъ знаю—просто мальчишки, которыхъ еще нужно посѣчь! Имъ-бы только въ орлянку при жалованьѣ, да гдѣ нибудь потаскаться, вотъ это ихъ дѣло. Сказалъ-бы имъ всѣмъ кое-что, да ужь только... Господинъ Голядкинъ не докончилъ и обмеръ. Бойкая пара казанскихъ лошадокъ, весьма знакомая господину Голядкину, запряженныхъ въ щегольскія дрожки, быстро обгоняла съ правой стороны его экипажъ. Господинъ, сидѣвшій на дрожкахъ, нечаянно увидѣвъ лицо господина Голядкина, довольно неосторожно высунувшаго свою голову изъ окошка кареты, тоже, повидимому, крайне былъ изумленъ такой неожиданной встрѣчей и, нагнувшись сколько могъ, съ величайшимъ любопытствомъ и участіемъ сталъ заглядывать въ тотъ уголъ кареты, куда герой нашъ посѣшилъ было спрятаться. Господинъ на дрожкахъ былъ Андрей Филипповичъ, начальникъ отдѣленія въ томъ служебномъ мѣстѣ, въ которомъ числился и господинъ Голядкинъ, въ качествѣ помощника своего столоначальника. Господинъ Голядкинъ, видя, что Андрей Филипповичъ узналъ его совершенно, что глядитъ во всѣ глаза и что спрятаться никакъ невозможно, покраснѣлъ до ушей. Поклониться, иль нѣтъ? Отозваться, иль нѣтъ? Признаться, иль нѣтъ? думалъ въ неописанной тоскѣ нашъ герой, или прикинуться, что не я, а что кто-то другой, разительно схожій со мною, и смотрѣть какъ ни въ чемъ не бывало? «Именно не я, не я—да и только», говорилъ господинъ Голядкинъ, снимая шляпу предъ Андреемъ Филипповичемъ и не сводя съ него глазъ. «Я, я ничего», шепталъ онъ черезъ силу, «я совсѣмъ ничего, это вовсе не я, Андрей Филипповичъ, это вовсе не я, не я—да и только». Скоро, однако-жь, дрожки обогнали карету, и магнетизмъ начальническихъ взоровъ прекратился. Однако, онъ все еще краснѣлъ, улыбался, что-то бормоталъ про себя... «Дуракъ я былъ, что не отозвался», подумалъ онъ, наконецъ, «слѣдовало-бы

просто на смѣлую ногу и съ откровенностью, не лишенною благородства:—дескать, такъ и такъ, Андрей Филипповичъ, тоже приглашенъ на обѣдъ, да и только!» Потомъ, вдругъ вспомнивъ, что срѣзался, герой нашъ вспыхнулъ какъ огонь, нахмурилъ брови и бросилъ странный вызывающій взглядъ въ передній уголъ кареты, взглядъ такъ и назначенный съ тѣмъ, чтобъ испепелить разомъ въ прахъ всѣхъ враговъ его. Наконецъ, вдругъ, по вдохновенію какому-то, дернулъ онъ за снурокъ, привязанный къ локтю извощика-кучера, остановилъ карету и приказалъ поворотить назадъ, на Литейную. Дѣло въ томъ, что господину Голядкину немедленно понадобилось, для собственаго-же спокойствія, вѣроятно, сказать что-то самое интересное доктору его, Крестьяну Ивановичу. И хотя съ Крестьяномъ Ивановичемъ былъ онъ знакомъ съ весьма недавняго времени, именно, посѣтилъ его всего одинъ разъ на прошлой недѣлѣ, вслѣдствіе кой-какихъ надобностей, но вѣдь докторъ, какъ говорятъ, что̀ духовникъ,—скрываться было-бы глупо, а знать паціента его-же обязанность. «Такъ-ли, впрочемъ, будетъ все это», продолжалъ нашъ герой, выходя изъ кареты у подъѣзда одного пяти-этажнаго дома на Литейной, возлѣ котораго приказалъ остановить свой экипажъ: «такъ-ли будетъ все это? Прилично-ли будетъ? Кстати-ли будетъ? Впрочемъ, вѣдь что-же», продолжалъ онъ, подымаясь на лѣстницу, переводя духъ и сдерживая біеніе сердца, имѣвшаго у него привычку биться на всѣхъ чужихъ лѣстницахъ: «что-же? вѣдь я про свое, и предосудительнаго здѣсь ничего не имѣется... Скрываться было-бы глупо. Я вотъ такимъ-то образомъ и сдѣлаю видъ, что я ничего, а что такъ, мимоѣздомъ... Онъ и увидитъ, что такъ тому и слѣдуетъ быть».

Такъ разсуждая, господинъ Голядкинъ поднялся до втораго этажа, и остановился передъ квартирою пятаго номера, на дверяхъ котораго помѣщена была красивая мѣдная дощечка съ надписью:

Крестьянъ Ивановичъ Рутенштицъ,
докторъ медицины и хирургіи.

Остановившись, герой нашъ поспѣшилъ придать своей физіономіи приличный, развязный, не безъ нѣкоторой любезности видъ, и приготовился дернуть за снурокъ колокольчика. Приготовившись дернуть за снурокъ колокольчика, онъ немедленно и довольно кстати разсудилъ, что не лучше-ли завтра, и что теперь покамѣстъ надобности большой не имѣется. Но такъ какъ господинъ Голядкинъ услышалъ вдругъ на лѣстницѣ чьи-то шаги, то немедленно перемѣнилъ новое рѣшеніе свое и уже такъ, за-одно, впрочемъ, съ са-

мымъ рѣшительнымъ видомъ, позвонилъ у дверей Крестьяна Ивановича.

ГЛАВА II.

Докторъ медицины и хирургіи, Крестьянъ Ивановичъ Рутенишницъ, весьма здоровый, хотя уже и пожилой человѣкъ, одаренный густыми сѣдѣющими бровями и бакенбардами, выразительнымъ, сверкающимъ взглядомъ, которымъ однимъ, повидимому, прогонялъ всѣ болѣзни, и, наконецъ, значительнымъ орденомъ,—сидѣлъ въ это утро у себя въ кабинетѣ, въ покойныхъ креслахъ своихъ, пилъ кофе, принесенный ему собственноручно его докторшей, курилъ сигару и прописывалъ отъ времени до времени рецепты своимъ паціентамъ. Прописавъ послѣдній пузырекъ одному старичку, страдавшему геморроемъ, и выпроводивъ страждущаго старичка въ боковыя двери, Крестьянъ Ивановичъ усѣлся; въ ожиданіи слѣдующаго посѣщенія. Вошелъ господинъ Голядкинъ.

Повидимому, Крестьянъ Ивановичъ нисколько не ожидалъ, да и не желалъ видѣть предъ собою господина Голядкина, потому что онъ вдругъ на мгновеніе смутился и невольно выразилъ на лицѣ своемъ какую-то страшную, даже, можно сказать, недовольную мину. Такъ какъ, съ своей стороны, господинъ Голядкинъ почти всегда какъ-то некстати опадалъ и терялся въ тѣ мгновенія, въ которыя случалось ему абордировать кого нибудь ради собственныхъ дѣлишекъ своихъ, то и теперь, не приготовивъ первой фразы, бывшей для него въ такихъ случаяхъ настоящимъ камнемъ преткновенія, сконфузился препорядочно, что-то пробормоталъ,—впрочемъ, кажется, извиненіе, — и, не зная, что далѣе дѣлать, взялъ стулъ и сѣлъ. По, вспомнивъ, что усѣлся безъ приглашенія, тотчасъ-же почувствовалъ свое неприличіе и поспѣшилъ поправить ошибку свою въ незнаніи свѣта и хорошаго тона, немедленно вставъ съ занятаго имъ безъ приглашенія мѣста. Потомъ, опомнившись и смутно замѣтивъ, что сдѣлалъ двѣ глупости разомъ, рѣшился, ни мало не медля, на третью, т. е. попробовалъ было принести оправданіе, пробормоталъ кое-что улыбаясь, покраснѣлъ, сконфузился, выразительно замолчалъ и, наконецъ, сѣлъ окончательно и уже не вставалъ болѣе, а такъ только на всякій случай обезпечилъ себя тѣмъ-же самымъ вызывающимъ взглядомъ, который имѣлъ необычайную силу мысленно испепелять и разгромлять въ прахъ всѣхъ враговъ господина Голядкина. Сверхъ того, этотъ взглядъ вполнѣ выражалъ

независимость господина Голядкина, т. е. говорилъ ясно, что господинъ Голядкинъ совѣмъ ничего, что онъ самъ по себѣ, какъ и всѣ, и что его изба во всякомъ случаѣ съ краю. Крестьянъ Ивановичъ кашлянулъ, крякнулъ, повидимому, въ знакъ одобренія и согласія своего на все это, и устремилъ инспекторскій, вопросительный взглядъ на господина Голядкина.

— Я, Крестьянъ Ивановичъ, началъ господинъ Голядкинъ съ улыбкою:—принелъ васъ безпокоить вторично, и теперь вторично осмѣливаюсь просить вашего снисхожденія... Господинъ Голядкинъ, очевидно, затруднялся въ словахъ.

— Гм... да! проговорилъ Крестьянъ Ивановичъ, выпустивъ изо рта струю дыма и кладя сигару на столъ:—но вамъ нужно предписаній держаться; я вѣдь вамъ объяснялъ, что пользованіе ваше должно состоять въ измѣненіи привычекъ... Ну, развлеченія; ну, тамъ, друзей и знакомыхъ должно посѣщать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бутылки врагомъ не бывать; равномѣрно держаться веселой компаніи.

Господинъ Голядкинъ, все еще улыбаясь, поспѣшилъ замѣтить, что ему кажется, что онъ, какъ и всѣ, что онъ у себя, что развлеченія у него, какъ и у всѣхъ... что онъ, конечно, можетъ ѣздить въ театръ, ибо тоже, какъ и всѣ, средства имѣетъ, что днемъ онъ въ должности, а вечеромъ у себя, что онъ совсѣмъ ничего; даже замѣтилъ тутъ-же мимо ходомъ, что онъ, сколько ему кажется, не хуже другихъ, что онъ живетъ дома, у себя на квартирѣ, и что, наконецъ, у него есть Петрушка. Тутъ господинъ Голядкинъ запнулся.

— Гм! нѣтъ, такой порядокъ не то, и я васъ совсѣмъ не то хотѣлъ спрашивать. Я вообще знать интересуюсь, что вы большой-ли любитель веселой компаніи, пользуетесь-ли весело временемъ... Ну, тамъ, меланхолическій или веселый образъ жизни теперь продолжаете?

— Я, Крестьянъ Ивановичъ...

— Гм!.. я говорю, перебилъ докторъ,—что вамъ нужно коренное преобразованіе всей вашей жизни имѣть и въ нѣкоторомъ смыслѣ переломить характеръ. (Крестьянъ Ивановичъ сильно ударилъ на словѣ «переломить», и остановился на минуту съ весьма значительнымъ видомъ).—Не чуждаться жизни веселой; спектакли и клубъ посѣщать и во всякомъ случаѣ бутылки врагомъ не бывать. Дома сидѣть не годится... вамъ дома сидѣть никакъ невозможно.

— Я, Крестьянъ Ивановичъ, люблю тишину, проговорилъ господинъ Голядкинъ, бросая значительный взглядъ на Крестьяна Ивановича, и, очевидно, ища словъ для удачнѣйшаго выраженія мысли

своей:—въ квартирѣ только я, да Петрушка... я хочу сказать: мой человѣкъ, Крестьянъ Ивановичъ. Я хочу сказать, Крестьянъ Ивановичъ, что я иду своей дорогой, особой дорогой, Крестьянъ Ивановичъ. Я себѣ особо, и сколько мнѣ кажется, ни отъ кого не завишу. Я, Крестьянъ Ивановичъ, тоже гулять выхожу.

— Какъ?.. Да! Ну, нынче гулять не составляетъ никакой пріятности; климатъ весьма нехорошій.

— Да-съ, Крестьянъ Ивановичъ. Я, Крестьянъ Ивановичъ, хоть и смирный человѣкъ, какъ я уже вамъ, кажется, имѣлъ честь объяснить, но дорога моя отдѣльно идетъ, Крестьянъ Ивановичъ. Путь жизни широкъ... Я хочу... я хочу, Крестьянъ, Ивановичъ, сказать этимъ... Извините меня, Крестьянъ Ивановичъ, я не мастеръ красно говорить.

— Гм!.. вы говорите...

— Я говорю, чтобъ вы меня извинили, Крестьянъ Ивановичъ, въ томъ, что я, сколько мнѣ кажется, не мастеръ красно говорить, сказалъ господинъ Голядкинъ полуобиженнымъ тономъ, немного сбиваясь и путаясь. — Въ этомъ отношеніи я, Крестьянъ Ивановичъ, не такъ какъ другіе, прибавилъ онъ съ какою-то особенною улыбкою, — и много говорить не умѣю, придавать слову красоту не учился. Зато я, Крестьянъ Ивановичъ, дѣйствую; зато я дѣйствую, Крестьянъ Ивановичъ!

— Гм!.. Какъ-же это... вы дѣйствуете? отозвался Крестьянъ Ивановичъ. Затѣмъ, на минутку, послѣдовало молчаніе. Докторъ какъ-то странно и недовѣрчиво взглянулъ на господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ тоже въ свою очередь довольно недовѣрчиво покосился на доктора.

— Я, Крестьянъ Ивановичъ, сталъ продолжать господинъ Голядкинъ все въ прежнемъ тонѣ, немного раздраженный и озадаченный крайнимъ упорствомъ Крестьяна Ивановича:—я, Крестьянъ Ивановичъ, люблю спокойствіе, а не свѣтскій шумъ. Тамъ у нихъ, я говорю, въ большомъ свѣтѣ, Крестьянъ Ивановичъ, нужно умѣть паркеты лощить сапогами... (тутъ господинъ Голядкинъ немного пришаркнулъ по полу ножкой), тамъ это спрашиваютъ-съ, и каламбуръ тоже спрашиваютъ... комплиментъ раздушенный нужно умѣть составлять-съ .. вотъ что тамъ спрашиваютъ. А я этому не учился, Крестьянъ Ивановичъ,—хитростямъ этимъ всѣмъ я не учился: некогда было. Я человѣкъ простой, незатѣйливый, и блеска наружнаго нѣтъ во мнѣ. Въ этомъ, Крестьянъ Ивановичъ, я полагаю оружіе; я кладу его, говоря въ этомъ смыслѣ.—Все это господинъ Голядкинъ проговорилъ, разумѣется, съ такимъ видомъ, который ясно давалъ знать, что герой нашъ вовсе не жалѣетъ о томъ, что кла-

дѣть въ этомъ смыслѣ оружіе, и что онъ хитростямъ не учился, но что даже совершенно напротивъ. Крестьянъ Ивановичъ, слушая его, смотрѣлъ внизъ, съ весьма непріятной гримасой въ лицѣ, и какъ будто заранѣе что-то предчувствовалъ. За тирадою господина Голядкина послѣдовало довольно долгое и значительное молчаніе.

— Вы, кажется, немного отвлеклись отъ предмета, сказалъ, наконецъ, Крестьянъ Ивановичъ въ полголоса:—я, признаюсь вамъ, не могъ васъ совершенно понять.

— Я не мастеръ красно говорить, Крестьянъ Ивановичъ; я уже вамъ имѣлъ честь доложить, Крестьянъ Ивановичъ, что я не мастеръ красно говорить, сказалъ господинъ Голядкинъ, на этотъ разъ рѣзкимъ и рѣшительнымъ тономъ.

— Гм!..

— Крестьянъ Ивановичъ! началъ опять господинъ Голядкинъ тихимъ, но многозначащимъ голосомъ, отчасти въ торжественномъ родѣ и останавливаясь на каждомъ пунктѣ:—Крестьянъ Ивановичъ! вопреки сюда, я началъ извиненіями. Теперь повторяю прежнее, и опять прошу вашего снисхожденія на время. Мнѣ, Крестьянъ Ивановичъ, отъ васъ скрывать нечего. Человѣкъ я маленькій, сами вы знаете; но, къ счастію моему, не жалѣю о томъ, что я маленькій человѣкъ. Даже напротивъ, Крестьянъ Ивановичъ: и, чтобъ все сказать, я даже горжусь тѣмъ, что не большой человѣкъ, а маленькій. Не интриганъ,—и этимъ тоже горжусь. Дѣйствую не въ тихомолку, а открыто, безъ хитростей, и хотя-бы могъ вредить въ свою очередь и очень-бы могъ, и даже знаю надъ кѣмъ и какъ это сдѣлать, Крестьянъ Ивановичъ, но не хочу замарать себя, и въ этомъ смыслѣ умываю руки. Въ этомъ смыслѣ, говорю, я ихъ умываю, Крестьянъ Ивановичъ!—Господинъ Голядкинъ на мгновеніе выразительно замолчалъ; говорилъ онъ съ кроткимъ одушевленіемъ.

— Иду я, Крестьянъ Ивановичъ, сталъ продолжать нашъ герой: — прямо, открыто и безъ окольныхъ путей, потому что ихъ презираю, и предоставляю это другимъ. Не стараюсь унизить тѣхъ, которые, можетъ быть, нась съ вами почище... т. е., я хочу сказать нась съ ними, Крестьянъ Ивановичъ, я не хотѣлъ сказать съ вами. Полусловъ не люблю; мизерныхъ двуличностей не жалую: клеветою и сплетней гнушаюсь. Маску надѣваю лишь въ маскарадъ, а не хожу съ нею передъ людьми каждодневно. Спрошу я васъ только, Крестьянъ Ивановичъ, какъ-бы стали вы мстить врагу своему, злѣйшему врагу своему,—тому, кого-бы вы считали такимъ? заключилъ господинъ Голядкинъ, бросивъ вызывающій взглядъ на Крестьяна Ивановича.

Хотя господинъ Голядкинъ проговорилъ все это до нельзя отчетливо, ясно, съ увѣренностью, взвѣшивая слова и разсчитывая на вѣрнѣйшій эффектъ, но между тѣмъ, съ безпокойствомъ, съ большимъ безпокойствомъ, съ крайнимъ безпокойствомъ смотрѣлъ теперь на Крестьяна Ивановича. Теперь онъ обратился весь въ зрѣніе, и робко, съ досаднымъ, тоскливымъ нетерпѣніемъ ожидалъ отвѣта Крестьяна Ивановича. Но, къ изумленію и къ совершенному пораженію господина Голядкина, Крестьянъ Ивановичъ что-то пробормоталъ себѣ подъ носъ; потомъ придвинулъ кресла къ столу, и довольно сухо, но, впрочемъ, учтиво объявилъ ему что-то въ родѣ того, что ему время дорого, что онъ какъ-то не совсѣмъ понимаетъ; что, впрочемъ, онъ, чѣмъ можетъ, готовъ служить, по силамъ, но что все дальнѣйшее и до него не касающееся онъ оставляетъ. Тутъ онъ взялъ перо, придвинулъ бумагу, выкроилъ изъ нея докторской формы лоскутикъ и объявилъ, что тотчасъ пропишетъ, что слѣдуетъ.

— Нѣтъ-съ, не слѣдуетъ, Крестьянъ Ивановичъ! Нѣтъ-съ, это вовсе не слѣдуетъ! проговорилъ господинъ Голядкинъ, привставъ съ мѣста и хватая Крестьяна Ивановича за правую руку: — этого, Крестьянъ Ивановичъ, здѣсь вовсе не надобно...

А между тѣмъ, покамѣстъ говорилъ это все господинъ Голядкинъ, въ немъ произошла какая-то странная перемѣна. Сѣрые глаза его какъ-то странно блеснули, губы его задрожали, всѣ мускулы, всѣ черты лица его заходили, задвигались. Самъ онъ весь дрожалъ. Послѣдовавъ первому движенію своему и остановивъ руку Крестьяна Ивановича, господинъ Голядкинъ стоялъ теперь неподвижно, какъ будто самъ не довѣряя себѣ и ожидая вдохновенія для дальнѣйшихъ поступковъ.

Тогда произошла довольно странная сцена.

Немного озадаченный, Крестьянъ Ивановичъ на мгновеніе будто приросъ къ своему креслу и, потерявшись, смотрѣлъ во всѣ глаза господину Голядкину, который такимъ-же образомъ смотрѣлъ на него. Наконецъ, Крестьянъ Ивановичъ всталъ, придерживаясь немного за лацканъ вицъ-мундира господина Голядкина. Нѣсколько секундъ стояли они такимъ образомъ оба, неподвижно, и не сводя глазъ другъ съ друга. Тогда, впрочемъ, необыкновенно страннымъ образомъ разрѣшилось и второе движеніе господина Голядкина. Губы его затряслись, подбородокъ запрыгалъ и герой нашъ залакалъ совсѣмъ неожиданно. Всхлипывая, кивая головой, и ударяя себя въ грудь правой рукою, а лѣвой схвативъ тоже за лацканъ домашней одежды Крестьяна Ивановича, хотѣлъ было онъ говорить и въ чемъ-то немедленно объясниться, но не могъ и слова сказать.

Наконецъ, Крестьянъ Ивановичъ опомнился отъ своего изумленія.

— Полноте, успокойтесь, садитесь! проговорилъ онъ, наконецъ, стараясь посадить господина Голядкина въ кресла.

— У меня есть враги, Крестьянъ Ивановичъ, у меня есть враги: у меня есть злые враги, которые меня погубить поклялись... отвѣчалъ господинъ Голядкинъ боязливо и шепотомъ.

— Полноте, полноте; что враги! Не нужно враговъ поминать! Это совершенно не нужно. Садитесь, садитесь, продолжалъ Крестьянъ Ивановичъ, усаживая господина Голядкина окончательно въ кресла.

Господинъ Голядкинъ усѣлся, наконецъ, не сводя глазъ съ Крестьяна Ивановича. Крестьянъ Ивановичъ съ крайне недовольнымъ видомъ сталъ шагать изъ угла въ уголъ своего кабинета. Послѣдовало долгое молчаніе.

Я вамъ благодаренъ, Крестьянъ Ивановичъ, весьма благодаренъ, и весьма чувствую все, что вы для меня теперь сдѣлали. Но гробъ не забуду я ласки вашей, Крестьянъ Ивановичъ, сказалъ, наконецъ, господинъ Голядкинъ, съ обиженнымъ видомъ вставая со стула.

— Полноте, полноте! Я вамъ говорю полноте! отвѣчалъ довольно строго Крестьянъ Ивановичъ на выходку господина Голядкина, еще разъ усаживая его на мѣсто.

— Ну, что у васъ? Разскажите мнѣ, что у васъ есть тамъ теперь непріятнаго, продолжалъ Крестьянъ Ивановичъ: — и о какихъ врагахъ говорите вы? Что у васъ есть тамъ такое?

— Нѣтъ, Крестьянъ Ивановичъ, мы лучше это оставимъ теперь, отвѣчалъ господинъ Голядкинъ, опустивъ глаза въ землю:— лучше отложимъ все это въ сторону, до времени... до другаго времени, Крестьянъ Ивановичъ, до болѣе удобнаго времени, когда все обнаружится, и маска спадетъ съ нѣкоторыхъ лицъ, и кое-что обнажится. А теперь, покамѣстъ разумѣется, послѣ того что съ нами случилось... вы согласитесь сами, Крестьянъ Ивановичъ... Позвольте пожелать вамъ добраго утра, Крестьянъ Ивановичъ, сказалъ господинъ Голядкинъ, въ этотъ разъ рѣшительно и серіозно вставая съ мѣста и хватаясь за шляпу.

— А, ну... какъ хотите... гм... (Послѣдовало минутное молчаніе).—Я, съ моей стороны, вы знаете, что могу... и искренно вамъ добра желаю.

— Понимаю васъ, Крестьянъ Ивановичъ, понимаю; я васъ совершенно понимаю теперь... Во всякомъ случаѣ, извините меня, что я васъ обезпокоилъ, Крестьянъ Ивановичъ.

— Гм... Нѣтъ, я вамъ не то хотѣлъ говорить. Впрочемъ, какъ угодно. Медикаменты, по прежнему, продолжайте...

— Буду продолжать медикаменты, какъ вы говорите, Крестьянъ Ивановичъ, буду продолжать, и въ той-же антекѣ брать буду... Нынче и антекаремъ быть, Крестьянъ Ивановичъ, уже важное дѣло...

— Какъ? Въ какомъ смыслѣ вы хотите сказать?

— Въ весьма обыкновенномъ смыслѣ, Крестьянъ Ивановичъ. Я хочу сказать, что нынче такъ свѣтъ пошелъ...

— Гм...

— И что всякій мальчишка, не только антекарскій, передъ порядочнымъ человѣкомъ носъ задираетъ теперь.

— Гм. Какъ-же вы это понимаете?

— Я говорю, Крестьянъ Ивановичъ, про извѣстнаго человѣка... про общаго намъ знакомаго, Крестьянъ Ивановичъ, напримѣръ, хоть про Владиміра Семеновича...

— А!..

— Да, Крестьянъ Ивановичъ; и я знаю нѣкоторыхъ людей, Крестьянъ Ивановичъ, которые не слишкомъ-то держатся общаго мнѣнія, чтобъ иногда правду сказать.

— А!.. Какъ-же это?

— Да ужь такъ-съ; это, впрочемъ, посторонее дѣло; умѣютъ этакъ иногда поднести коку съ сокомъ.

— Что? Что поднести?

— Коку съ сокомъ, Крестьянъ Ивановичъ; это пословица русская. Умѣютъ иногда кстати поздравить кого нибудь, напримѣръ: есть такіе люди, Крестьянъ Ивановичъ.

— Поздравить?

— Да-съ, поздравить, Крестьянъ Ивановичъ, какъ сдѣлалъ на дняхъ одинъ изъ моихъ короткихъ знакомыхъ...

— Одинъ изъ вашихъ короткихъ знакомыхъ... а! какъ-же это? сказалъ Крестьянъ Ивановичъ, внимательно взглянувъ на господина Голядкина.

— Да-съ, одинъ изъ моихъ близкихъ знакомыхъ поздравилъ съ чиномъ, съ полученіемъ ассесорскаго чина, другаго весьма близкаго тоже знакомаго и вдобавокъ пріятеля, какъ говорится, сладчайшаго друга. Этакъ къ слову пришлось. «Чувствительно, дескать, говоритъ, радъ случаю принести вамъ, Владиміръ Семеновичъ, мое поздравленіе, *искреннее* мое поздравленіе въ полученіи чина. И тѣмъ болѣе радъ, что нынче, какъ всему свѣту извѣстно, вывелись бабушки, которыя ворожатъ». Тутъ господинъ Голядкинъ плутовски кивнулъ головой и, прищурясь, посмотрѣлъ на Крестьяна Ивановича...

— Гм. Такъ это сказалъ...

— Сказалъ, Крестьянъ Ивановичъ, сказалъ, да тутъ-же и взглянулъ на Андрея Филипповича, на дядю-то нашего нѣмчика, Владиміра Семеновича. Да что мнѣ, Крестьянъ Ивановичъ, что онъ ассессоромъ сдѣлаетъ? Мнѣ-то что тутъ? Да жениться хочетъ, когда еще молоко, съ позволенія сказать, на губахъ не обсохло. Такъ таки и сказалъ. Дескать, говорю, Владиміръ Семеновичъ! Я теперь все сказалъ; позвольте-же мнѣ удалиться.

— Гм...

— Да, Крестьянъ Ивановичъ, позвольте-же мнѣ теперь, говорю, удалиться. Да тутъ, чтобъ ужъ разомъ двухъ воробьевъ однимъ камнемъ убить,—какъ срѣзалъ молодца-то на бабушкахъ, и обращаюсь къ Кларѣ Олсуфьевнѣ (дѣло-то было третьяго дня у Олсуфья Ивановича), а она только что романсъ пропѣла чувствительный,—говорю, дескать, «чувствительно пропѣть вы романсы изволили, да только слушаютъ-то васъ не отъ чистаго сердца». И намекаю тѣмъ ясно, понимаете, Крестьянъ Ивановичъ, намекаю тѣмъ ясно, что ищутъ-то теперь не въ ней, а подальше...

— А! Ну что-же онъ?..

— Лимонъ съѣлъ, Крестьянъ Ивановичъ, какъ по пословицѣ говорится.

— Гм...

— Да-съ, Крестьянъ Ивановичъ. Тоже и старику самому говорю,—дескать, Олсуфій Ивановичъ, говорю, я знаю чѣмъ обязанъ я вамъ, цѣню вполнѣ благодѣянія ваши, которыми почти съ дѣтскихъ лѣтъ моихъ вы осыпали меня. Но откройте глаза, Олсуфій Ивановичъ, говорю. Посмотрите. Я самъ дѣло на чистоту и открыто веду, Олсуфій Ивановичъ.

— А, вотъ какъ!

— Да, Крестьянъ Ивановичъ. Оно вотъ какъ...

— Что-жь онъ?

— Да что онъ, Крестьянъ Ивановичъ! Мямлитъ; и того, и сего, и я тебя знаю, и что его превосходительство благодѣтельный человѣкъ—и поилъ, и размазался... Да вѣдь что-жь? Отъ старости, какъ говорится, покачнулся порядкомъ.

— А! Такъ вотъ какъ теперь!

— Да, Крестьянъ Ивановичъ. И всѣ-то мы такъ, чего! старикашка! въ гробъ смотритъ, дышетъ на ладанъ, какъ говорится, а сплетню бабью заплетутъ какую нибудь, такъ онъ ужъ тутъ слушаетъ; безъ него невозможно...

— Сплетню, вы говорите?

— Да, Крестьянъ Ивановичъ, запѣли они сплетню. Замѣшалъ свою руку сюда и нашъ медвѣдь, и племянникъ его, наше нѣмчико;

связались они съ старухами, разумѣется, и состряпали дѣло. Какъ-бы вы думали? Что они выдумали, чтобъ убить человѣка?

— Чтобъ убить человѣка?

— Да, Крестьянъ Ивановичъ, чтобъ убить человѣка, нравственно убить человѣка. Распустили они... я все про моего близкаго знакомаго говорю...

Крестьянъ Ивановичъ кивнулъ головою.

— Распустили они на счетъ его слухъ... Признаюсь вамъ, мнѣ даже совѣстно говорить, Крестьянъ Ивановичъ.

— Гм...

— Распустили они слухъ, что онъ уже далъ подписку жениться, что онъ уже женихъ съ другой стороны... И какъ-бы вы думали, Крестьянъ Ивановичъ, на комъ?

— Право?

— На кухмистершѣ, на одной неблагопристойной нѣмкѣ, у которой обѣды беретъ: вмѣсто заплаты долговъ, руку ей предлагаетъ.

— Это они говорятъ?

— Вѣрите-ли, Крестьянъ Ивановичъ? Нѣмка, подлая, гадкая, безстыдная нѣмка, Каролина Ивановна, если извѣстно вамъ...

— Я признаюсь, съ моей стороны...

— Понимаю васъ, Крестьянъ Ивановичъ, понимаю, и съ своей стороны это чувствую...

— Скажите мнѣ, пожалуйста, гдѣ вы живете теперь?

— Гдѣ я живу теперь, Крестьянъ Ивановичъ?

— Да... я хочу... вы прежде, кажется, жили...

— Жилъ, Крестьянъ Ивановичъ, жилъ, жилъ и прежде. Какъ-же не жить! отвѣчалъ господинъ Голядкинъ, сопровождая слова свои маленькимъ смѣхомъ, и немного смутивъ отвѣтомъ своимъ Крестьяна Ивановича.

— Нѣтъ, вы не такъ это приняли; я хотѣлъ съ своей стороны...

— Я тоже хотѣлъ, Крестьянъ Ивановичъ, съ своей стороны, я тоже хотѣлъ, смѣясь, продолжалъ господинъ Голядкинъ.—Однако-жъ, я, Крестьянъ Ивановичъ, у васъ засидѣлся совсѣмъ. Вы, надѣюсь, позволите мнѣ теперь... пожелать вамъ добраго утра...

— Гм...

— Да, Крестьянъ Ивановичъ, я васъ понимаю: я васъ теперь вполнѣ понимаю, сказалъ нашъ герой, немного рисуясь передъ Крестьяномъ Ивановичемъ... Итакъ, позвольте вамъ пожелать добраго утра...

Тутъ герой нашъ шаркнулъ ножкой и вышелъ изъ комнаты, оставивъ въ крайнемъ изумленіи Крестьяна Ивановича. Сходя съ

докторской лѣстницы, онъ улыбался и радостно потиралъ себѣ руки. На крыльцѣ, дохнувъ свѣжимъ воздухомъ и почувствовавъ себя на свободѣ, онъ даже дѣйствительно готовъ былъ признать себя счастливѣйшимъ смертнымъ, и потомъ прямо отправиться въ департаментъ,—какъ вдругъ у подъѣзда загремѣла его карета; онъ взглянулъ и все вспомнилъ. Петрушка отворялъ уже дверцы. Какое-то странное и крайне непріятное ощущеніе охватило всего господина Голядкина. Онъ какъ будто-бы покраснѣлъ на мгновеніе. Что-то кольнуло его. Онъ уже сталъ было заносить свою ногу на подножку кареты, какъ вдругъ обернулся и посмотрѣлъ на окна Крестьяна Ивановича. Такъ и есть! Крестьянъ Ивановичъ стоялъ у окна, поглаживалъ правой рукой свои бакенбарды и довольно любопытно смотрѣлъ на героя нашего.

— Этотъ докторъ глупъ, подумалъ господинъ Голядкинъ, забиваясь въ карету: — крайне глупъ. Онъ, можетъ быть, и хорошо своихъ больныхъ лечитъ, а все-таки... глупъ какъ бревно. Господинъ Голядкинъ усѣлся, Петрушка крикнулъ: «пошолъ!» и карета покатилась опять на Невскій проспектъ.

ГЛАВА III.

Все это утро прошло въ страшныхъ хлопотахъ у господина Голядкина. Попавъ на Невскій проспектъ, герой нашъ приказалъ остановиться у Гостинаго Двора. Выпрыгнувъ изъ своего экипажа, побѣжалъ онъ подъ аркаду, въ сопровожденіи Петрушки, и пошелъ прямо въ лавку серебряныхъ и золотыхъ издѣлій. Замѣтно было уже по одному виду господина Голядкина, что у него хлопотъ полонъ ротъ и дѣла страшная куча. Сторговавъ полный обѣденный и чайный сервизъ слишкомъ на тысячу пятьсотъ рублей ассигнаціями и, выторговавъ себѣ въ эту-же сумму затѣйливой формы сигарочницу и полный серебряный приборъ для бритья бороды, прицѣнившись, наконецъ, еще къ кое-какимъ въ своемъ родѣ полезнымъ и пріятнымъ вещицамъ, господинъ Голядкинъ кончилъ тѣмъ, что обѣщалъ завтра-же зайдти непремѣнно, или даже сегодня прислать за сторгованнымъ, взялъ номеръ лавки и, выслушавъ внимательно купца, хлопотавшаго о задаточкѣ, обѣщалъ въ свое время и задаточекъ. Послѣ чего онъ поспѣшно распростился съ недоумѣвавшимъ купцомъ и пошелъ вдоль по линіи, преслѣдуемый цѣлой стаей сидѣльцевъ, поминутно оглядываясь на Петрушку и тщательно отыскивая какую-то новую лавку. Мимоходомъ забѣжалъ

онъ въ мѣняльную лавочку и размѣнялъ всю свою крупную бумагу на мелкую, и хотя потерялъ на промѣнѣ, но за то все-таки размѣнялъ, и бумажникъ его значительно потолстѣлъ, что̀, повидимому, доставило ему крайнее удовольствіе. Наконецъ, остановился онъ въ магазинѣ разныхъ дамскихъ матерій. Наторговавъ опять на знатную сумму, господинъ Голядкинъ и здѣсь обѣщалъ купцу зайдти непремѣнно, взялъ номеръ лавки и, на вопросъ о задаточкѣ, опять повторилъ, что будетъ въ свое время и задаточекъ. Потомъ посѣтилъ и еще нѣсколько лавокъ; во всѣхъ торговалъ, прицѣпился къ разнымъ вещицамъ, спорилъ иногда долго съ купцами, уходилъ изъ лавки и раза по три возвращался,—однимъ словомъ, оказывалъ необыкновенную дѣятельность. Изъ Гостинаго Двора герой нашъ отправился въ одинъ извѣстный мебельный магазинъ, гдѣ сторговалъ мебели на шесть комнатъ, полюбовался однимъ моднымъ и весьма затѣйливымъ дамскимъ туалетомъ въ послѣднемъ вкусѣ и, увѣривъ купца, что пришлетъ за всѣмъ непремѣнно, вышелъ изъ магазина, по своему обычаю, съ обѣщаніемъ задаточка; потомъ заѣхалъ еще кое-куда и поторговалъ кое-что. Однимъ словомъ, не было, повидимому, конца его хлопотамъ. Наконецъ, все это, кажется, сильно стало надоѣдать самому господину Голядкину. Даже и Богъ знаетъ по какому случаю стали его терзать, ни съ того, ни съ сего, угрызенія совѣсти. Ни за что̀-бы не согласился онъ теперь встрѣтиться, напримѣръ, съ Андреемъ Филипповичемъ, или хоть съ Крестьяномъ Ивановичемъ. Наконецъ, городскіе часы пробили три по полудни. Когда господинъ Голядкинъ сѣлъ окончательно въ карету, изъ всѣхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ имъ въ это утро, оказалась въ дѣйствительности лишь одна пара перчатокъ и стклянка духовъ въ полтора рубля ассигнаціями. Такъ какъ для господина Голядкина было еще довольно рано, то онъ и приказалъ своему кучеру остановиться возлѣ одного извѣстнаго ресторана на Невскомъ проспектѣ, о которомъ доселѣ онъ зналъ лишь по наслышкѣ, вышелъ изъ кареты и побѣжалъ закусить, отдохнуть и выждать извѣстное время.

Закусивъ такъ, какъ закусываетъ человѣкъ, у котораго въ перспективѣ богатый званый обѣдъ, то есть перехвативъ кое-что, чтобы, какъ говорится, червячка заморить, и выпивъ одну рюмочку водки, господинъ Голядкинъ усѣлся въ креслахъ, и, скромно осмотрѣвшись кругомъ, мирно пристроился къ одной тощей національной газеткѣ. Прочтя строчки двѣ, онъ всталъ, посмотрѣлся въ зеркало, оправился и огладился; потомъ подошелъ къ окну и поглядѣлъ тутъ-ли его карета... потомъ опять сѣлъ на мѣсто и взялъ газету. Замѣтно было, что герой нашъ былъ въ крайнемъ волненіи. Взглянувъ на часы, и видя, что еще только четверть четвертаго, слѣдо-

вательно, еще остается порядочно ждать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разсудивъ, что такъ сидѣть неприлично, господинъ Голядкинъ приказалъ подать себѣ шоколаду, къ которому, впрочемъ, въ настоящее время большой охоты не чувствовалъ. Выпивъ шоколадъ и замѣтивъ, что время немного подвинулось, вышелъ онъ распластиться. Вдругъ кто-то ударилъ его по плечу.

Онъ обернулся и увидѣлъ передъ собою двухъ своихъ сослуживцевъ-товарищей, тѣхъ самыхъ, съ которыми встрѣтился утромъ на Литейной—ребятъ еще весьма молодыхъ и по лѣтамъ, и по чину. Герой нашъ былъ съ ними ни то, ни сё, ни въ дружбѣ, ни въ открытой враждѣ. Разумѣется, соблюдалось приличіе съ обѣихъ сторонъ; дальнѣйшаго-же сближенія не было, да и быть не могло. Встрѣча въ настоящее время была крайне непріятна господину Голядкину. Онъ немного поморщился и на минутку смѣшался.

— Яковъ Петровичъ, Яковъ Петровичъ! защебетали оба регистратора: —вы здѣсь? по какому...

— А! это вы, господа! перебилъ поспѣшно господинъ Голядкинъ, немного сконфузясь и скандализируясь изумленіемъ чиновниковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, короткостію ихъ обращенія, но, впрочемъ, дѣлая развязнаго и молодца по неволѣ.—Дезертировали, господа, хе-хе-хе!.. Тутъ даже, чтобъ не уронить себя и снизойдти до канцелярскаго юношества, съ которымъ всегда былъ въ должныхъ границахъ, онъ попробовалъ было потрепать одного юношу по плечу: но популярность въ этомъ случаѣ не удалась господину Голядкину, и, вмѣсто приличио-короткаго жеста, вышло что-то совершенно другое.

— Ну, а что, медвѣдь нашъ сидитъ?..

— Кто это, Яковъ Петровичъ?

— Ну, медвѣдь-то, будто не знаете, кого медвѣдемъ зовутъ?.. Господинъ Голядкинъ засмѣялся и отвернулся къ прикащику, взять съ него сдачу.—Я говорю про Андрея Филипповича, господа, продолжалъ онъ, кончивъ съ прикащикомъ и, на этотъ разъ, съ весьма серіознымъ видомъ обратившись къ чиновникамъ. Оба регистратора значительно перемигнулись другъ съ другомъ.

— Сидитъ еще и васъ спрашивалъ, Яковъ Петровичъ, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

— Сидитъ, а! Въ такомъ случаѣ, пусть его сидитъ, господа. И меня спрашивалъ, а?

— Спрашивалъ, Яковъ Петровичъ; да что это съ вами, раздушены, распомажены, франтомъ такимъ?..

— Такъ, господа, это такъ! Полноте... отвѣчалъ господинъ Голядкинъ, смотря въ сторону и напряженно улыбнувшись. Видя,

что господинъ Голядкинъ улыбается, чиновники расхохотались. Господинъ Голядкинъ немного надулся.

— Я вамъ скажу, господа, по дружески, сказалъ немного помолчавъ нашъ герой, какъ будто (такъ ужь и быть) рѣшившись открыть что-то чиновникамъ:—вы, господа, всѣ меня знаете, но до сихъ поръ знали только съ одной стороны. Пенять въ этомъ случаѣ не на кого, и, отчасти, сознаюсь, я былъ самъ виноватъ.

Господинъ Голядкинъ сжалъ губы и значительно взглянулъ на чиновниковъ. Чиновники снова перемигнулись.

— До сихъ поръ, господа, вы меня не знали. Объясняться теперь и здѣсь будетъ не совсѣмъ-то кстати. Скажу вамъ только кое-что мимоходомъ и вскользь. Есть люди, господа, которые не любятъ окольныхъ путей и маскируются только для маскарада. Есть люди, которые не видятъ прямаго человѣческаго назначенія въ ловкомъ умѣньи лощить паркетъ сапогами. Есть и такіе люди, господа, которые не будутъ говорить, что счастливы, и живутъ вполнѣ, когда, напримѣръ, на нихъ хорошо сидятъ панталоны. Есть, наконецъ, люди, которые не любятъ скакать и вертѣться по пустому, заигрывать и подлизываться, а, главное, господа, совать туда свой носъ, гдѣ его вовсе не спрашиваютъ... Я, господа, сказалъ почти все; позвольте-жь мнѣ теперь удалиться...

Господинъ Голядкинъ остановился. Такъ какъ господа регистраторы были теперь удовлетворены вполнѣ, то, вдругъ, оба крайне неучтиво покатились со смѣха. Господинъ Голядкинъ вспыхнулъ.

— Смѣйтесь, господа, смѣйтесь покамѣсть! Поживете—увидите, сказалъ онъ съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства, взявъ шляпу и ретируясь къ дверямъ.

— Но скажу болѣе, господа, прибавилъ онъ, обращаясь въ послѣдній разъ къ господамъ регистраторамъ:—скажу болѣе,—оба вы здѣсь со мной глазъ-на-глазъ. Вотъ, господа, мои правила: не удастся—крѣплюсь, удастся—держусь, и во всякомъ случаѣ никого не подкапываю. Не интриганть—и этимъ горжусь. Въ дипломаты-бы я не годился. Говорятъ еще, господа, что птица сама летитъ на охотника. Правда, и готовъ согласиться: но кто здѣсь охотникъ, кто птица? Это еще вопросъ, господа!

Господинъ Голядкинъ краснорѣчиво умолкъ и съ самой значительной миной, то есть, поднявъ брови и сжавъ губы до нельзя, раскланялся съ господами чиновниками и потомъ вышелъ, оставя ихъ въ крайнемъ изумленіи.

— Куда прикажете? спросилъ довольно сурово Петрушка, которому уже наскучило, вѣроятно, таскаться по холоду:—куда прикажете? спросилъ онъ господина Голядкина, встрѣчая его стран-

ный, всеуничтожающій взглядъ, которымъ герой нашъ уже два раза обезпечивалъ себя въ это утро, и къ которому прибѣгнулъ теперь въ третій разъ, сходя съ лѣстницы.

— Къ Измайловскому мосту.

— Къ Измайловскому мосту! Пошолъ!

— Обѣдъ у нихъ начнется не раньше какъ въ пятомъ, или даже въ пять часовъ, думалъ господинъ Голядкинъ: —не рано-ль теперь? Впрочемъ, вѣдь я могу и по раньше: да къ тому-же и семейный обѣдъ. Я, этакъ, могу сан-фасонъ, какъ между порядочными людьми говорится. Отчего-же-бы мнѣ нельзя сан-фасонъ? Медвѣдь нашъ тоже говорилъ, что будетъ все сан-фасонъ, а потому и я тоже... Такъ думалъ господинъ Голядкинъ; а между тѣмъ волненіе его все болѣе и болѣе увеличивалось. Замѣтно было, что онъ готовился къ чему-то весьма хлопотливому, чтобъ не сказать болѣе, шепталъ про себя, жестикулировалъ правой рукой, безпрерывно поглядывалъ въ окна кареты, такъ что, смотря теперь на господина Голядкина, право-бы никто не сказалъ, что онъ собирается хорошо пообѣдать, за-просто, да еще въ своемъ семейномъ кругу, — сан-фасонъ, какъ между порядочными людьми говорится. Наконецъ, у самаго Измайловскаго моста, господинъ Голядкинъ указалъ на одинъ домъ: карета съ громомъ вкатилась въ ворота и остановилась у подъѣзда праваго фаса. Замѣтивъ одну женскую фигуру въ окнѣ втораго этажа, господинъ Голядкинъ послалъ ей рукой поцалуй. Впрочемъ, онъ не зналъ самъ, что̀ дѣлать, потому что рѣшительно былъ ни живъ, ни мертвъ въ эту минуту. Изъ кареты онъ вышелъ блѣдный, растерянный; взошелъ на крыльцо, снялъ свою шляпу, машинально оправился и, чувствуя, впрочемъ, маленькую дрожь въ колѣнкахъ, пустился по лѣстницѣ.

— Олсуфій Ивановичъ? спросилъ онъ отворившаго ему человѣка.

— Дома-съ, то есть нѣтъ-съ, ихъ нѣтъ дома-съ.

— Какъ? Что ты, мой милый? Я—я на обѣдъ, братецъ. Вѣдь ты меня знаешь?

— Какъ не знать-съ! Принимать васъ не велѣно-съ.

— Ты... ты, братецъ... ты вѣрно ошибаешься, братецъ. Это я. Я, братецъ, приглашенъ; я на обѣдъ,—проговорилъ господинъ Голядкинъ, сбрасывая шинель и показывая очевидное намѣреніе отправиться въ комнаты.

— Позвольте-съ, нельзя-съ. Не велѣно принимать-съ, вамъ отказывать велѣно. Вотъ какъ!

Господинъ Голядкинъ поблѣднѣлъ. Въ это самое время дверь изъ внутреннихъ комнатъ отворилась, и вошелъ Герасимычъ, старый камердинеръ Олсуфія Ивановича.

— Вотъ они, Емельянъ Герасимовичъ, войдти хотятъ, а я...

— А вы дуракъ, Алексѣичъ. Ступайте въ комнаты, а сюда пришлите подлеца Семеныча. Нельзя-съ, сказалъ онъ учтиво, но рѣшительно обращаясь къ господину Голядкину.—Никакъ не возможно-съ. Просятъ извинить-съ; не могутъ принять-съ.

— Они такъ и сказали, что не могутъ принять? нерѣшительно спросилъ господинъ Голядкинъ.—Вы извините, Герасимычъ. Отчего-же никакъ невозможно?

— Никакъ невозможно-съ. Я докладывалъ-съ; сказали: проси извинить. Не могутъ, дескать, принять-съ.

— Отчего-же? Какъ-же это? Какъ...

— Позвольте, позвольте!..

— Однако, какъ-же это такъ? Такъ нельзя! Доложите... Какъ-же это такъ? Я на обѣдъ...

— Позвольте, позвольте!..

— А, ну, впрочемъ, это дѣло другое,—извинить просятъ; однако-жъ, позвольте, Герасимычъ, какъ-же это, Герасимычъ?

— Позвольте, позвольте! возразилъ Герасимычъ, весьма рѣшительно отстраняя рукой господина Голядкина и давая широкую дорогу двумъ господамъ, которые въ это самое мгновеніе входили въ прихожую. Входившіе господа были: Андрей Филипповичъ и племянникъ его, Владиміръ Семеновичъ. Оба они съ недоумѣніемъ посмотрѣли на господина Голядкина. Андрей Филипповичъ хотѣлъ было что-то заговорить, но господинъ Голядкинъ уже рѣшился; онъ уже выходилъ изъ прихожей Олсуфія Ивановича, опустивъ глаза, покраснѣвъ, улыбаясь, съ совершенно потерянной физіономіей.—Я зайду послѣ, Герасимычъ; я объяснюсь: я надѣюсь, что все это не замедлитъ своевременно объясниться, проговорилъ онъ на порогѣ и отчасти на лѣстницѣ...

— Яковъ Петровичъ, Яковъ Петровичъ... послышался голосъ послѣдовавшаго за господиномъ Голядкинымъ Андрея Филипповича.

Господинъ Голядкинъ находился тогда уже на первой забѣжной площадкѣ. Онъ быстро оборотился къ Андрею Филипповичу.

— Что вамъ угодно, Андрей Филипповичъ? сказалъ онъ довольно рѣшительнымъ тономъ.

— Что это съ вами, Яковъ Петровичъ? Какимъ образомъ?..

— Ничего-съ, Андрей Филипповичъ. Я здѣсь самъ по себѣ. Это моя частная жизнь, Андрей Филипповичъ.

— Что такое-съ?

— Я говорю, Андрей Филипповичъ, что это моя частная жизнь, и что здѣсь, сколько мнѣ кажется, ничего нельзя найдти предосудительнаго касательно оффиціальныхъ отношеній моихъ.

— Какъ! Касательно оффиціальныхъ... Что съ вами, сударь, такое?

— Ничего, Андрей Филипповичъ, совершенно ничего: дерзкая дѣвчонка, больше ничего...

— Что!.. Что? Андрей Филипповичъ потерялся отъ изумленія. Господинъ Голядкинъ, который доселѣ, разговаривая снизу лѣстницы съ Андреемъ Филипповичемъ, смотрѣлъ такъ, что, казалось, готовъ былъ ему прыгнуть прямо въ глаза,—видя, что начальникъ отдѣленія немного смѣшался, сдѣлалъ, почти невѣдомо себѣ, шагъ впередъ. Андрей Филипповичъ подался назадъ. Господинъ Голядкинъ переступилъ еще, и еще ступеньку. Андрей Филипповичъ безпокойно осмотрѣлся кругомъ. Господинъ Голядкинъ вдругъ быстро поднялся на лѣстницу. Еще быстрѣе прыгнулъ Андрей Филипповичъ въ комнату и захлопнулъ дверь за собою. Господинъ Голядкинъ остался одинъ. Въ глазахъ у него потемнѣло. Онъ сбился совсѣмъ и стоялъ теперь въ какомъ-то безтолковомъ раздумьѣ, какъ будто припоминая о какомъ-то тоже крайне безтолковомъ обстоятельствѣ, весьма недавно случившемся. «Эхъ, эхъ!» прошепталъ онъ, улыбаясь съ натуги. Между тѣмъ, на лѣстницѣ, внизу, послышались голоса и шаги, вѣроятно, новыхъ гостей, приглашенныхъ Олсуфьемъ Ивановичемъ. Господинъ Голядкинъ отчасти опомнился, поскорѣе поднялъ повыше свой спотовый воротникъ, прикрылся имъ по возможности—и сталъ, ковыляя, сѣменя, торопясь и спотыкаясь, сходить съ лѣстницы. Чувствовалъ онъ въ себѣ какое-то ослабленіе и онѣмѣніе. Смущеніе его было въ такой сильной степени, что, вышедъ на крыльцо, онъ не подождалъ и кареты, а самъ пошелъ, прямо, черезъ грязный дворъ до своего экипажа. Подойдя къ своему экипажу и приготовляясь въ немъ помѣститься, господинъ Голядкинъ мысленно обнаружилъ желаніе провалиться сквозь землю, или спрятаться хоть въ мышиную щелочку, вмѣстѣ съ каретой. Ему казалось, что все, что ни есть въ домѣ Олсуфія Ивановича, вотъ такъ и смотритъ теперь на него изъ всѣхъ оконъ. Онъ зналъ, что непремѣнно тутъ-же на мѣстѣ умретъ, если обернется назадъ.

— Что ты смѣешься, болванъ? сказалъ онъ скороговоркой Петрушкѣ, который приготовился было его подсадить въ карету.

— Да что мнѣ смѣяться-то? Я ничего; куда теперь ѣхать?

— Ступай домой, поѣзжай...

— Пошолъ домой! крикнулъ Петрушка, взмостясь на запятки.

— Экое горло воронье! подумалъ господинъ Голядкинъ. Между тѣмъ, карета уже довольно далеко отъѣхала за Измайловскій мостъ. Вдругъ герой нашъ изъ всей силы дернулъ снурокъ и закричалъ своему кучеру немедленно воротиться назадъ. Кучеръ поворотилъ

лошадей и черезъ двѣ минуты въѣхалъ опять во дворъ къ Олсуфію Ивановичу.—«Не нужно, дуракъ, не нужно; назадъ!» прокричалъ господинъ Голядкинъ,—и кучеръ словно ожидалъ такого приказанія: не возражая ни на что, не останавливаясь у подъѣзда и объѣхавъ кругомъ весь дворъ, выѣхалъ снова на улицу.

Домой господинъ Голядкинъ не поѣхалъ, а, миновавъ Семеновскій мостъ, приказалъ повернуть въ одинъ переулокъ и остановиться возлѣ трактира довольно скромной наружности. Выѣдъ изъ кареты, герой нашъ расплатился съ извощикомъ, и такимъ образомъ избавился, наконецъ, отъ своего экипажа, Петрушкѣ приказалъ идти домой и ждать его возвращенія, самъ-же вошелъ въ трактиръ, взялъ особенный номеръ и приказалъ подать себѣ обѣдать. Чувствовалъ онъ себя весьма дурно, а голову свою въ полнѣйшемъ разбродѣ и въ хаосѣ. Долго ходилъ онъ, въ волненіи, по комнатѣ; наконецъ, сѣлъ на стулъ, подперъ себѣ лобъ руками и началъ всѣми силами стараться обсудить и разрѣшить кое-что относительно настоящаго своего положенія...

ГЛАВА IV.

День, торжественный день рожденія Клары Олсуфьевны, единородной дочери статскаго совѣтника Берендѣева, въ оно время благодѣтеля господина Голядкина,—день, ознаменовавшійся блистательнымъ, великолѣпнымъ, званымъ обѣдомъ, такимъ обѣдомъ, какого давно не видали въ стѣнахъ чиновничьихъ квартиръ у Измайловскаго моста и около,—обѣдомъ, который походилъ болѣе на какой-то пиръ вальтасаровскій, чѣмъ на обѣдъ,—который отзывался чѣмъ-то вавилонскимъ, въ отношеніи блеска, роскоши и приличія, съ шампанскимъ-клико, съ устрицами и плодами Елисѣева и Милютиныхъ лавокъ, со всякими упитанными тельцами и чиновною табелью о рангахъ,—этотъ торжественный день, ознаменовавшійся такимъ торжественнымъ обѣдомъ, заключился блистательнымъ баломъ, семейнымъ, маленькимъ, родственнымъ баломъ, но все-таки блистательнымъ въ отношеніи вкуса, образованности и приличія. Конечно, я совершенно согласенъ, такіе балы бываютъ, но рѣдко. Такіе балы, болѣе похожіе на семейныя радости, чѣмъ на балы, могутъ лишь даваться въ такихъ домахъ, какъ, напримѣръ, домъ статскаго совѣтника Берендѣева. Скажу болѣе: я даже сомнѣваюсь, чтобъ у всѣхъ статскихъ совѣтниковъ могли даваться такіе балы. О, если-бы я былъ поэтъ!—разумѣется, по крайней мѣрѣ, такой, какъ Гомеръ или Пушкинъ;

съ меньшимъ талантомъ соваться нельзя,—я-бы непремѣнно изобразилъ вамъ яркими красками и широкою кистью, о, читатели! весь этотъ высокоторжественный день. Нѣтъ, я-бы началъ свою поэму обѣдомъ, я особенно-бы налегъ на то поразительное и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественное мгновеніе, когда поднялась первая заздравная чаша въ честь царицы праздника. Я изобразилъ-бы вамъ во первыхъ, этихъ гостей, погруженныхъ въ благоговѣйное молчаніе и ожиданіе, болѣе похожее на демосѳеновское краснорѣчіе, чѣмъ на молчаніе. Я изобразилъ-бы вамъ потомъ Андрея Филипповича, какъ старшаго изъ гостей, имѣющаго даже нѣкоторое право на первенство, украшеннаго сѣдинами и приличными сѣдинѣ орденами, вставшаго съ мѣста и поднявшаго надъ головою заздравный бокалъ съ искрометнымъ виномъ,—виномъ нарочно привозимымъ изъ одного отдаленнаго королевства, чтобъ запивать имъ подобныя мгновенія,—виномъ болѣе похожимъ на божественный нектаръ, чѣмъ на вино. Я изобразилъ-бы вамъ гостей и счастливыхъ родителей царицы праздника, поднявшихъ тоже свои бокалы вслѣдъ за Андреемъ Филипповичемъ, и устремившихъ на него полныя ожиданія очи. Я изобразилъ-бы вамъ, какъ этотъ часто поминаемый Андрей Филипповичъ, уронивъ сначала слезу въ бокалъ, проговорилъ поздравленіе и пожеланіе, провозгласилъ тостъ и выпилъ за здравіе... Но, сознаюсь, вполнѣ сознаюсь, не могъ-бы я изобразить всего торжества той минуты, когда сама царица праздника, Клара Олсуфьевна, красивѣя, какъ вешняя роза, румянцемъ блаженства и стыдливости, отъ полноты чувствъ упала въ объятія нѣжной матери, какъ прослезилась нѣжная мать, и какъ зарыдалъ при семъ случаѣ самъ отецъ, маститый старецъ и статскій совѣтникъ Олсуфій Ивановичъ, лишившійся употребленія ногъ на долговременной службѣ и вознагражденный судьбою за таковое усердіе капиталцемъ, домкомъ, деревеньками и красавицей-дочерью,—зарыдалъ какъ ребенокъ и провозгласилъ сквозь слезы, что его превосходительство благодѣтельный человѣкъ. Я-бы не могъ, да, именно не могъ-бы изобразить вамъ и неукоснительно-послѣдовавшаго за сей минутой всеобщаго увлеченія сердецъ,—увлеченія, ясно выразившагося даже поведеніемъ одного юнаго регистратора (который въ это мгновеніе походилъ болѣе на статскаго совѣтника, чѣмъ на регистратора), тоже прослезившагося, внимая Андрею Филипповичу. Въ свою очередь, Андрей Филипповичъ въ это торжественное мгновеніе вовсе не походилъ на коллежскаго совѣтника и начальника отдѣленія въ одномъ департаментѣ,—нѣтъ, онъ казался чѣмъ-то другимъ... я не знаю только, чѣмъ именно, но не коллежскимъ совѣтникомъ. Онъ былъ выше! Наконецъ... о! для чего я не обладаю тайною слога высо-

каго, сильнаго, слога торжественнаго, для изображенія всѣхъ этихъ прекрасныхъ и назидательныхъ моментовъ человѣческой жизни, какъ будто нарочно устроенныхъ для доказательства, какъ иногда торжествуетъ добродѣтель надъ неблагонамѣренностью, вольнодумствомъ, порокомъ и завистью! Я ничего не скажу, но молча—что̀ будетъ лучше всякаго краснорѣчія — укажу вамъ на этого счастливаго юношу, вступающаго въ свою двадцать шестую весну,—на Владиміра Семеновича, племянника Андрея Филипповича, который всталъ въ свою очередь съ мѣста, который провозглашаетъ въ свою очередь тостъ, и на котораго устремлены слезящія очи родителей царицы праздника, гордыя очи Андрея Филипповича, стыдливыя очи самой царицы праздника, восторженныя очи гостей и даже прилично-завистливыя очи нѣкоторыхъ молодыхъ сослуживцевъ этого блестящаго юноши. Я не скажу ничего, хотя не могу не замѣтить, что все въ этомъ юношѣ,—который болѣе похожъ на старца, чѣмъ на юношу, говоря въ выгодномъ для него отношеніи,—все, начиная съ цвѣтущихъ ланитъ до самаго ассессорскаго, на немъ лежавшаго чина, все это въ сію торжественную минуту только что не проговаривало, что, дескать, до такой-то высокой степени можетъ благонравіе довести человѣка! Я не буду описывать, какъ, наконецъ, Антонъ Антоновичъ Сѣточкинъ, столоначальникъ одного департамента, сослуживецъ Андрея Филипповича и нѣкогда Олсуфія Ивановича, вмѣстѣ съ тѣмъ старинный другъ дома и крестный отецъ Клары Олсуфьевны, — старичокъ какъ лунь сѣденькій, въ свою очередь предлагая тостъ, пролѣлъ нѣтухомъ и проговорилъ веселыя вирши; какъ онъ, такимъ приличнымъ забвеніемъ приличія, если можно такъ выразиться, разсмѣшилъ до слезъ цѣлое общество, и какъ сама Клара Олсуфьевна за таковую веселость и любезность поцаловала его, по приказанію родителей. Скажу только, что, наконецъ, гости, которые послѣ такого обѣда, естественно, должны были чувствовать себя другъ другу родными и братьями — встали изъ-за стола; какъ потомъ старички и люди солидные, послѣ недолгаго времени, употребленнаго на дружескій разговоръ и даже на кое-какія, разумѣется, весьма приличныя и любезныя откровенности, чинно прошли въ другую комнату и, не теряя золотаго времени, раздѣлившись на партіи, съ чувствомъ собственнаго достоинства сѣли за столы, обтянутые зеленымъ сукномъ; какъ дамы, усѣвшись въ гостиной, стали вдругъ всѣ необыкновенно любезны и начали разговаривать о разныхъ матеріяхъ; какъ, наконецъ, самъ высокоуважаемый хозяинъ дома, лишившійся употребленія ногъ на службѣ вѣрою и правдою и награжденный за это всѣмъ, чѣмъ выше упомянуто было, сталъ расхаживать на костыляхъ между гостями сво-

ими, поддерживаемый Владиміромъ Семеновичемъ и Кларой Олсуфьевной, и какъ, вдругъ сдѣлавшись тоже необыкновенно любезнымъ, рѣшился импровизировать маленькій скромный балъ, не смотря на издержки: какъ для сей цѣли командированъ былъ одинъ расторопный юноша (тотъ самый, который за обѣдомъ болѣе похожъ былъ на статскаго совѣтника, чѣмъ на юношу) за музыкантами; какъ потомъ прибыли музыканты въ числѣ цѣлыхъ одиннадцати штукъ, и какъ, наконецъ, ровно въ половинѣ девятаго раздались призывные звуки французской кадрили и прочихъ различныхъ танцевъ... Нечего уже и говорить, что перо мое слабо; вяло и тупо для приличнаго изображенія бала, импровизированнаго необыкновенною любезностью сѣдовласаго хозяина. Да и какъ, спрошу я, какъ могу я, скромный повѣствователь весьма, впрочемъ, любопытныхъ въ своемъ родѣ приключеній господина Голядкина,—какъ могу я изобразить эту необыкновенную и благопристойную смѣсь красоты, блеска, приличія, веселости, любезной солидности и солидной любезности, рѣзвости, радости, всѣ эти игры и смѣхи всѣхъ этихъ чиновныхъ дамъ болѣе похожихъ на фей, чѣмъ на дамъ,—говоря въ выгодномъ для нихъ отношеніи,—съ ихъ лилейно-розовыми плечами и личиками, съ ихъ воздушными станами, съ ихъ рѣзво-игривыми, гомеопатическими, говоря высокимъ слогомъ, ножками? Какъ изображу я вамъ, наконецъ, этихъ блестящихъ чиновныхъ кавалеровъ, веселыхъ и солидныхъ юношей и степенныхъ, радостныхъ и прилично туманныхъ, курящихъ въ антрактахъ между танцами, въ маленькой отдаленной зеленой комнатѣ трубку и некурящихъ въ антрактахъ трубки,—кавалеровъ, имѣвшихъ на себѣ, отъ перваго до послѣдняго, приличный чинъ и фамилію,—кавалеровъ, глубоко проникнутыхъ чувствомъ изящнаго и чувствомъ собственнаго достоинства; кавалеровъ, говорящихъ большею частію на французскомъ языкѣ съ дамами, а если на русскомъ, то выраженіями самаго высокаго тона, комплиментами и глубокими фразами,—кавалеровъ, развѣ только въ трубочной позволявшихъ себѣ нѣкоторыя любезныя отступленія отъ языка высшаго тона, нѣкоторыя фразы дружеской и любезной короткости, въ родѣ такихъ, напримѣръ: «что, дескать, ты, такой-сякой, Петька славно польку откалывалъ», или: «что, дескать, ты такой-сякой, Вася пришпандорилъ-таки свою дамочку, какъ хотѣлъ». На все это, какъ уже выше имѣлъ я честь объяснить вамъ, о, читатели! не достаетъ пера моего, и потому я молчу. Обратимся лучше къ господину Голядкину, единственному, истинному герою весьма правдивой повѣсти нашей.

Дѣло въ томъ, что онъ находится теперь въ весьма страномъ,

Ѳ. М. Достоевскій въ 1862 году.

чтобъ не сказать болѣе, положеніи. Онъ, господа, тоже здѣсь, то есть не на балѣ, но почти что на балѣ, онъ, господа, ничего: онъ хотя и самъ по себѣ, но въ эту минуту стоитъ на дорогѣ не совсѣмъ-то прямой; стоитъ онъ теперь—даже страшно сказать — стоитъ онъ теперь въ сѣняхъ, на черной лѣстницѣ квартиры Олсуфья Ивановича. Но это ничего, что онъ тутъ стоитъ: онъ такъ себѣ. Онъ, господа, стоитъ въ уголку, забившись въ мѣстечко хоть не потеплѣе, но за то потемнѣе, закрывшись отчасти огромнымъ шкафомъ и старыми ширмами, между всякимъ дрязгомъ, хламомъ и рухлядью, скрываясь до времени, и покамѣстъ только наблюдая за ходомъ общаго дѣла въ качествѣ постороняяго зрителя. Онъ, господа, только наблюдаетъ теперь: онъ, господа, тоже вѣдь можетъ войдти... почему-же не войдти? Стоитъ только шагнуть, и войдетъ, и весьма ловко войдетъ. Сейчасъ только,—выстаивая, впрочемъ, уже третій часъ на холодѣ, между шкафомъ и ширмами, между всякимъ хламомъ, дрязгомъ и рухлядью,—цитировалъ онъ, въ собственное оправданіе свое, одну фразу блаженной памяти французскаго министра Виллеля, что «все, дескать, прійдетъ своимъ чередомъ, если выждать есть сметка». Фразу эту вычиталъ господинъ Голядкинъ когда-то изъ совершенно постороней, впрочемъ, книжки, но теперь весьма кстати привелъ ее себѣ на память. Фраза, во первыхъ, очень хорошо шла къ настоящему его положенію, а во вторыхъ, чего-же не прійдетъ въ голову человѣку, выжидающему счастливой развязки обстоятельствъ своихъ почти битые три часа въ сѣняхъ, въ темнотѣ и на холодѣ? Цитировавъ, какъ уже сказано было, весьма кстати фразу бывшаго французскаго министра Виллеля, господинъ Голядкинъ тутъ-же, неизвѣстно почему, припомнилъ и о бывшемъ турецкомъ визирѣ Мариимирцѣ, равно какъ и о прекрасной маркграфинѣ Луизѣ, исторію которыхъ читалъ онъ тоже когда-то въ книжкѣ. Потомъ пришло ему на память, что іезуиты поставили даже правиломъ своимъ считать всѣ средства годящимися, лишь-бы цѣль могла быть достигнута. Обнадеживъ себя немного подобнымъ историческимъ пунктомъ, господинъ Голядкинъ сказалъ самъ себѣ, что, дескать, что̀ іезуиты? Іезуиты всѣ до одного были величайшіе дураки, что онъ самъ ихъ всѣхъ заткнетъ за поясъ, что вотъ только-бы хоть на минуту опустѣла буфетная (та комната, которой дверь выходила прямо въ сѣни, на черную лѣстницу, и гдѣ господинъ Голядкинъ находился теперь), такъ онъ, не смотря на всѣхъ іезуитовъ, возьметъ—да прямо и пройдетъ, сначала изъ буфетной въ чайную, потомъ въ ту комнату, гдѣ теперь въ карты играютъ, а тамъ прямо въ залу, гдѣ теперь польку танцуютъ. И пройдетъ, непремѣнно пройдетъ, ни на

что не смотря пройдетъ, проскользнетъ —да и только, и никто не замѣтитъ: а тамъ ужь онъ самъ знаетъ, что̀ ему дѣлать. Вотъ въ такомъ-то положеніи, господа, находимъ мы теперь героя совершенно правдивой исторіи нашей, хотя, впрочемъ, трудно объяснить, что именно дѣлалось съ нимъ въ настоящее время. Дѣло-то въ томъ, что онъ до сѣней и до лѣстницы добраться умѣлъ, но той причинѣ, что, дескать, почему-жь не добраться, что всѣ добираются: но далѣе проникнуть не смѣлъ, явно этого сдѣлать не смѣлъ... не потому, чтобъ чего нибудь не смѣлъ, а такъ, потому что самъ не хотѣлъ, потому что ему лучше хотѣлось быть втихомолочку. Вотъ онъ, господа, и выжидаетъ теперь тихомолочки, и выжидаетъ ее ровно два часа съ половиною. Отчего-жь и не выждать? И самъ Виллель выжидалъ. «Да что тутъ Виллель!» думалъ господинъ Голядкинъ: «какой тутъ Виллель? А вотъ, какъ-бы мнѣ теперь того... взять да и проникнуть?.. Эхъ ты, фигурантъ ты этакой!» сказалъ господинъ Голядкинъ, ущипнувъ себя окоченѣвшею рукою за окоченѣвшую щеку: «дурашка ты этакой, Голядка ты этакой— фамилія твоя такова!..» Впрочемъ, это ласкательство собственной особѣ своей въ настоящую минуту было лишь такъ себѣ мимоходомъ, безъ всякой видимой цѣли. Вотъ было онъ сунулся и подался впередъ; минута настала; буфетная опустѣла и въ ней нѣтъ никого; господинъ Голядкинъ видѣлъ все это въ окошко; въ два шага очутился онъ у двери, и уже сталъ отворять ее. «Идти или нѣтъ? Ну, идти, или нѣтъ? Пойду... отчего-жь не пойдти? Смѣлому дорога вездѣ!» Обнадеживъ себя такимъ образомъ, герой нашъ вдругъ, и совсѣмъ неожиданно, ретировался за ширмы. «Нѣтъ» думалъ онъ: «а ну какъ войдетъ кто нибудь? Такъ и есть, вошли; чего-жь я зѣвалъ, когда народу не было? Этакъ-бы, взять—да и проникнуть!.. Нѣтъ, ужь что проникнуть, когда характеръ у человѣка такой! Эка вѣдь тенденція подлая! Струсилъ какъ курица. Струсить-то наше дѣло; вотъ оно что̀! Нагадить-то всегда наше дѣло: объ этомъ вы насъ и не спрашивайте. Вотъ и стой здѣсь какъ чурбанъ, да и только! Дома-бы чаю теперь выпить чашечку... Оно-бы и пріятно этакъ было, выпить-бы чашечку. Позже прійдти, такъ Петрушка будетъ, пожалуй, ворчать. Не пойдти-ли домой? Черти-бы взяли все это! Иду, да и только!» Разрѣшивъ такимъ образомъ свое положеніе, господинъ Голядкинъ быстро подался впередъ, словно пружину какую кто тронулъ въ немъ; съ двухъ шаговъ очутился въ буфетной, сбросилъ шинель, снялъ свою шляпу, поспѣшно сунулъ это все въ уголъ, оправился и оглядился; потомъ... потомъ двинулся въ чайную, изъ чайной юркнулъ еще въ другую комнату, скользнулъ почти незамѣтно, между вошедшими

въ азартъ игроками; потомъ... потомъ... тутъ господинъ Голядкинъ позабылъ все, что вокругъ него дѣлается, и прямо, какъ снѣгъ на голову, явился въ танцовальную залу.

Какъ нарочно въ это время не танцовали. Дамы гуляли по залѣ живописными группами. Мужчины сбивались въ кружки, или шныряли по комнатѣ, ангажируя дамъ. Господинъ Голядкинъ не замѣчалъ этого ничего. Видѣлъ онъ только Клару Олсуфьевну, возлѣ нея Андрея Филипповича, потомъ Владиміра Семеновича, да еще двухъ или трехъ офицеровъ, да еще двухъ или трехъ молодыхъ людей, тоже весьма интересныхъ, подающихъ или уже осуществившихъ, какъ можно было по первому взгляду судить, кое-какія надежды... Видѣлъ онъ и еще кой-кого. Или нѣтъ; онъ уже никого не видалъ, ни на кого не глядѣлъ.. а двигаемый тою-же самой пружиной, посредствомъ которой вскочилъ на чужой балъ непрошенный, подался впередъ, потомъ и еще впередъ, и еще впередъ: наткнулся мимоходомъ на какого-то совѣтника, отдавилъ ему ногу; кстати уже наступилъ на платье одной почтенной старушки и немного порвалъ его; толкнулъ человѣка съ подносомъ, толкнулъ и еще кой-кого, и, не замѣтивъ всего этого, или, лучше сказать, замѣтивъ, но ужь такъ, за-одно, не глядя ни на кого, пробираясь все далѣе и далѣе впередъ, вдругъ очутился передъ самой Кларой Олсуфьевной. Безъ всякаго сомнѣнія, глазкомъ не мигнувъ, онъ съ величайшимъ-бы удовольствіемъ провалился въ эту минуту сквозь землю; но, что сдѣлано было, того не воротишь... вѣдь ужь никакъ не воротишь. Что-же было дѣлать? «Не удастся—держись, а удастся—крѣпись. Господинъ Голядкинъ, ужь разумѣется, былъ не интриганъ и лощить паркетъ сапогами не мастеръ»... Такъ ужь случилось. Къ тому-же, и іезуиты какъ-то тутъ подмѣшались... Но не до нихъ, впрочемъ, было господину Голядкину! Все, что ходило, шумѣло, говорило, смѣялось,—вдругъ, какъ-бы по мановенію какому, затихло, и мало по малу столпилось около господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ, впрочемъ, какъ-бы ничего не слыхалъ, ничего не видалъ, онъ не могъ смотрѣть... онъ ни за что не могъ смотрѣть; онъ опустилъ глаза въ землю, да такъ и стоялъ себѣ, давъ себѣ, впрочемъ, мимоходомъ, честное слово какимъ нибудь образомъ застрѣлиться въ эту-же ночь. Давъ себѣ такое честное слово, господинъ Голядкинъ мысленно сказалъ себѣ: «была не была!» и, къ собственному своему величайшему изумленію, совсѣмъ неожиданно началъ вдругъ говорить.

Началъ господинъ Голядкинъ поздравленіями и приличными пожеланіями. Поздравленія прошли хорошо, а на пожеланіяхъ герой нашъ запнулся. Чувствовалъ онъ, что если запнется, то все сразу

къ чорту пойдетъ. Такъ и вышло — запнулся и завязъ... завязъ и покраснѣлъ; покраснѣлъ и потерялся; потерялся и поднялъ глаза; поднялъ глаза и обвелъ ихъ кругомъ; обвелъ ихъ кругомъ и — и обмеръ... Все стояло, все молчало, все выжидало: немного подальше зашептало; немного поближе захохотало. Господинъ Голядкинъ бросилъ покорный, потерянный взоръ на Андрея Филипповича. Андрей Филипповичъ отвѣтилъ господину Голядкину такимъ взглядомъ, что если-бъ герой нашъ не былъ уже убитъ вполнѣ, совершенно, то былъ-бы непремѣнно убитъ въ другой разъ, — если-бъ это было только возможно. Молчаніе длилось.

— Это болѣе относится къ домашнимъ обстоятельствамъ и къ частной жизни моей, Андрей Филипповичъ, едва слышнымъ голосомъ проговорилъ полумертвый господинъ Голядкинъ: — это не официальное приключеніе, Андрей Филипповичъ...

— Стыдитесь, сударь, стыдитесь! проговорилъ Андрей Филипповичъ полушепотомъ, съ невыразимою миной негодованія, — проговорилъ, взялъ за руку Клару Олсуфьевну и отвернулся отъ господина Голядкина.

— Нечего мнѣ стыдиться, Андрей Филипповичъ, отвѣчалъ господинъ Голядкинъ такъ-же полушепотомъ, обводя свои несчастные взоры кругомъ, потерявшись и стараясь по сему случаю отыскать, въ недоумѣвающей толпѣ, средины и соціальнаго своего положенія.

— Ну, и ничего, ну, и ничего, господа! Ну, что-жь такое? Ну, и со всякимъ можетъ случиться, шепталъ господинъ Голядкинъ, сдвигаясь понемногу съ мѣста и стараясь выбраться изъ окружавшей его толпы. Ему дали дорогу. Герой нашъ кое-какъ прошелъ между двумя рядами любопытныхъ и недоумѣвающихъ наблюдателей. Рокъ увлекалъ его. Господинъ Голядкинъ самъ это чувствовалъ, что рокъ-то его увлекалъ. Конечно, онъ-бы дорого далъ за возможность находиться теперь, безъ нарушенія приличій, на прежней стоянкѣ своей въ сѣняхъ, возлѣ черной лѣстницы; но такъ какъ это было рѣшительно невозможно, то онъ и началъ стараться улизнуть куда нибудь въ уголокъ, да такъ и стоять себѣ тамъ — скромно, прилично, особо, никого не затрогивая, не обращая на себя исключительнаго вниманія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, списавъ благорасположеніе гостей и хозяина. Впрочемъ, господинъ Голядкинъ чувствовалъ, что его какъ будто-бы подмываетъ что-то, какъ будто онъ колеблется, падаетъ. Наконецъ, онъ добрался до одного уголка и сталъ въ немъ, какъ постороній, довольно равнодушный наблюдатель, опершись руками на спинки двухъ стульевъ, захвативъ ихъ такимъ образомъ въ свое полное обладаніе и стараясь по возможности взглянуть бодрымъ взглядомъ на сгруппировавшихся около

него гостей Олсуфія Ивановича. Ближе всѣхъ стоялъ къ нему какой-то офицеръ, высокій и красивый малый, предъ которымъ господинъ Голядкинъ почувствовалъ себя настоящей букашкой.

— Эти два стула, поручикъ, назначены: одинъ для Клары Олсуфьевны, а другой для танцующей здѣсь-же княжны Чевчехановой; я ихъ, поручикъ, теперь для нихъ берегу, задыхаясь, проговорилъ господинъ Голядкинъ, обращая умоляющій взоръ на господина поручика. Поручикъ, молча и съ убійственной улыбкой, отворотился. Оѣкшись въ одномъ мѣстѣ, герой нашъ попробовалъ было попытать счастье гдѣ нибудь съ другой стороны, и обратился прямо къ одному важному совѣтнику, съ значительнымъ крестомъ на шеѣ. Но совѣтникъ обмѣрилъ его такимъ холоднымъ взглядомъ, что господинъ Голядкинъ ясно почувствовалъ, что его вдругъ окатили цѣлымъ ушатомъ холодной воды. Господинъ Голядкинъ затихъ. Онъ рѣшился лучше смолчать, не заговаривать, показать, что онъ такъ себѣ, что онъ тоже такъ, какъ и всѣ, и что положеніе его, сколько ему кажется, по крайней мѣрѣ, тоже приличное. Съ этою цѣлью онъ приковалъ свой взглядъ къ обшлагамъ своего вицъ-мундира, потомъ поднялъ глаза и остановилъ ихъ на одномъ весьма почтенной наружности господинѣ.—«На этомъ господинѣ парикъ, подумалъ господинъ Голядкинъ:—а если снять этотъ парикъ, такъ будетъ голая голова, точь въ точь какъ ладонь моя голая».—Сдѣлавъ такое важное открытіе, господинъ Голядкинъ вспомнилъ и о арабскихъ эмирахъ, у которыхъ, если снять съ головы зеленую чалму, которую они носятъ въ знакъ родства своего съ пророкомъ Мухаммедомъ, то останется тоже голая, безволосая голова. Потомъ, и, вѣроятно, по особенному столкновенію идей относительно турковъ въ головѣ своей, господинъ Голядкинъ дошелъ и до туфлей турецкихъ, и тутъ-же кстати вспомнилъ, что Андрей Филипповичъ носитъ сапоги, похожіе больше на туфли, чѣмъ на сапоги. Замѣтно было, что господинъ Голядкинъ отчасти освоился съ своимъ положеніемъ.—«Вотъ если-бъ эта люстра», мелькнуло въ головѣ господина Голядкина:—«вотъ, если-бъ эта люстра сорвалась теперь съ мѣста и упала на общество, то я-бы тотчасъ бросился спасать Клару Олсуфьевну. Спасши ее, сказалъ-бы ей: не безпокойтесь, сударыня; это ничего-съ а спаситель вашъ я». Потомъ... Тутъ господинъ Голядкинъ повернулъ глаза въ сторону, отыскивая Клару Олсуфьевну, и увидѣлъ Герасимыча, стараго камердинера Олсуфія Ивановича. Герасимычъ съ самымъ заботливымъ, съ самымъ официально-торжественнымъ видомъ пробирался прямо къ нему. Господинъ Голядкинъ вздрогнулъ и поморщился отъ какого-то безотчетнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самаго непріятнаго ощущенія. Машинально

осмотрѣлся кругомъ: ему пришло было на мысль, какъ нибудь, этакъ подъ рукой, бочкомъ, въ тихомолку улизнуть отъ грѣха, этакъ взять—да и стушеваться, то есть сдѣлать такъ, какъ будто-бы онъ ни въ одномъ глазу, какъ будто-бы вовсе не въ немъ было и дѣло. Однако, прежде, чѣмъ нашъ герой успѣлъ рѣшиться на что нибудь, Герасимычъ уже стоялъ передъ нимъ.

— Видите-ли, Герасимычъ, сказалъ нашъ герой, съ улыбочкой обращаясь къ Герасимычу:—вы возьмите, да и прикажите,—вотъ видите, свѣчка тамъ въ канделябрѣ, Герасимычъ — она сейчасъ упадетъ: такъ вы, знаете-ли, прикажите поправить ее; она, право, сейчасъ упадетъ, Герасимычъ...

— Свѣчка-съ? Нѣтъ-съ, свѣчка прямо стоитъ-съ; а вотъ васъ кто-то тамъ спрашиваетъ-съ.

— Кто-же это тамъ меня спрашиваетъ, Герасимычъ?

— А ужь, право, не знаю-съ, кто именно-съ. Человѣкъ отъ какихъ-то-съ. Здѣсь, дескать, находится Яковъ Петровичъ Голядкинъ? Такъ вызовите, говоритъ, его по весьма нужному и спѣшному дѣлу... вотъ какъ-съ.

— Нѣтъ, Герасимычъ, вы ошибаетесь; въ этомъ вы, Герасимычъ, ошибаетесь.

— Сумнительно-съ...

— Нѣтъ, Герасимычъ, не сумнительно; тутъ, Герасимычъ, ничего нѣтъ сумнительнаго. Никто меня не спрашиваетъ, Герасимычъ, меня некому спрашивать, а я здѣсь у себя, то есть на своемъ мѣстѣ, Герасимычъ.

Господинъ Голядкинъ перевелъ духъ и осмотрѣлся кругомъ. Такъ и есть! Все, что ни было въ залѣ, всѣ такъ и устремились на него взоромъ и слухомъ въ какомъ-то торжественномъ ожиданіи. Мужчины толпились поближе и прислушивались. Подальше тревожно перешептывались дамы. Самъ хозяинъ явился въ весьма недальнемъ разстояніи отъ господина Голядкина, и хотя по виду его нельзя было замѣтить, что онъ тоже, въ свою очередь, принимаетъ прямое и непосредственное участіе въ обстоятельствахъ господина Голядкина, потому что все это дѣлалось на деликатную ногу, но тѣмъ не менѣе все это дало ясно почувствовать герою повѣсти нашей, что минута для него настала рѣшительная. Господинъ Голядкинъ ясно видѣлъ, что настало время удара смѣлаго, время посрамленія враговъ его. Господинъ Голядкинъ былъ въ волненіи. Господинъ Голядкинъ почувствовалъ какое-то вдохновеніе и дрожащимъ, торжественнымъ голосомъ началъ снова, обращаясь къ ожидавшему Герасимычу:

— Нѣтъ, мой другъ, меня никто не зоветъ. Ты ошибаешься.

Скажу болѣе, ты ошибался и утромъ сегодня, увѣряя меня... осмѣливаясь увѣрять меня, говорю я (господинъ Голядкинъ возвысилъ голосъ), что Олсуфій Ивановичъ, благодѣтель мой съ незапамятныхъ лѣтъ, замѣнившій мнѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ отца, закажетъ для меня дверь свою въ минуту семейной и торжественнѣйшей радости для его сердца родительскаго. (Господинъ Голядкинъ самодовольно, но съ глубокимъ чувствомъ осмотрѣлся кругомъ. На рѣсницахъ его наверинлись слезы). Повторяю, мой другъ, заключилъ нашъ герой:—ты ошибался, ты жестоко, непростительно ошибался...

Минута была торжественная. Господинъ Голядкинъ чувствовалъ, что эффектъ былъ вѣрнѣйшій. Господинъ Голядкинъ стоялъ, скромно потупивъ глаза и ожидая объятій Олсуфія Ивановича. Въ гостяхъ замѣтно было волненіе и недоумѣніе; даже самъ непоколебимый и ужасный Герасимычъ запнулся на словѣ «сумнительно-съ»... какъ вдругъ безпощадный оркестръ, ни съ того, ни съ сего, грянулъ польку. Все пропало, все на вѣтеръ пошло. Господинъ Голядкинъ вздрогнулъ, Герасимычъ отпатнулся назадъ, все, что ни было въ залѣ, заволновалось какъ море, и Владиміръ Семеновичъ уже несся въ первой парѣ съ Кларой Олсуфьевной, а красивый поручикъ съ княжной Чевчехановой. Зрители съ любопытствомъ и восторгомъ тѣснились взглянуть на танцующихъ польку—танецъ интересный, новый, модный, кружившій всѣмъ головы. Господинъ Голядкинъ былъ на время забытъ. Но вдругъ все заволновалось, замѣшалось, засустилось; музыка умолкла... случилось страшное происшествіе. Утомленная танцемъ, Клара Олсуфьевна, едва переводя духъ отъ усталости, съ пылающими щеками и глубоко волнующеюся грудью упала, наконецъ, въ изнеможеніи силъ, въ кресла. Всѣ сердца устремились къ прелестной очарователышцѣ, всѣ сѣшили наперерывъ привѣтствовать ее и благодарить за оказанное удовольствіе, —вдругъ передъ нею очутился господинъ Голядкинъ. Господинъ Голядкинъ былъ блѣденъ, крайне разстроенъ; казалось, онъ тоже былъ въ какомъ-то изнеможеніи, онъ едва двигался. Онъ отчего-то улыбался, онъ просительно протягивалъ руку. Клара Олсуфьевна, въ изумленіи, не успѣла отдернуть руки своей, и машинально встала на приглашеніе господина Голядкина Господинъ Голядкинъ покачнулся впередъ, сперва одинъ разъ, потомъ другой, потомъ поднялъ ножку, потомъ какъ-то приподнялъ, потомъ какъ-то притопнулъ, потомъ споткнулся... онъ тоже хотѣлъ танцовать съ Кларой Олсуфьевной. Клара Олсуфьевна вскрикнула; всѣ бросились освобождать ея руку изъ руки господина Голядкина, и разомъ герой нашъ былъ оттѣсненъ толпою едва-ли не на десять шаговъ разстоянія. Вокругъ него сгруппировался тоже кружокъ. Послышался визгъ и крикъ двухъ

старухъ, которыхъ господинъ Голядкинъ едва не опрокинулъ въ ретирадъ. Смятеніе было ужасное: все спрашивало, все кричало, все разсуждало. Оркестръ умолкъ. Герой нашъ вертѣлся въ кружкѣ своемъ, и машинально, отчасти улыбаясь, что-то бормоталъ про себя, что, дескать, отчего-жь и нѣтъ, и что, дескать, полька, сколько ему, по крайней мѣрѣ, кажется, танецъ новый и весьма интересный, созданный для утѣшенія дамъ... но что, если такъ дѣло пошло, то онъ, пожалуй, готовъ согласиться. Но согласія господина Голядкина, кажется, никто и не спрашивалъ. Герой нашъ почувствовалъ, что вдругъ чья-то рука упала на его руку, что другая рука немного оперлась на спину его, что его съ какою-то особенною заботливостью направляютъ въ какую-то сторону. Наконецъ, онъ замѣтилъ, что идетъ прямо къ дверямъ. Господинъ Голядкинъ хотѣлъ было что-то сказать, что-то сдѣлать... Но нѣтъ, онъ уже ничего не хотѣлъ. Онъ только машинально отмѣнивался. Наконецъ, онъ почувствовалъ, что на него надѣваютъ шинель, что ему нахлобучили на глаза шляпу: что, наконецъ,—онъ почувствовалъ себя въ сѣняхъ, въ темнотѣ и на холодѣ, наконецъ, и на лѣстницѣ. Наконецъ, онъ споткнулся, ему казалось, что онъ падаетъ въ бездну; онъ хотѣлъ было вскрикнуть—и вдругъ очутился на дворѣ. Свѣжій воздухъ пахнулъ на него, онъ на минутку пріостановился: въ самое это мгновеніе до него долетѣли звуки вновь грянувшаго оркестра. Господинъ Голядкинъ вдругъ вспомнилъ все; казалось, всѣ оставшія силы его возвратились къ нему опять. Онъ сорвался съ мѣста, на которомъ досель стоялъ какъ прикованный, и стремглавъ бросился вонъ, куда нибудь, на воздухъ, на волю, куда глаза глядятъ...

ГЛАВА V.

На всѣхъ петербургскихъ башняхъ, показывающихъ и бьющихъ часы, пробило ровно полночь, когда господинъ Голядкинъ, внѣ себя, выбѣжалъ на набережную Фонтанки, близъ самаго Измайловскаго моста, спасаясь отъ враговъ, отъ преслѣдованій, отъ града щелчковъ, на него занесенныхъ, отъ крика встревоженныхъ старухъ, отъ оханья и аханья женщинъ и отъ убійственныхъ взглядовъ Андрея Филипповича. Господинъ Голядкинъ былъ убитъ—убитъ вполнѣ, въ полномъ смыслѣ слова, и если сохранилъ въ настоящую минуту способность бѣжать, то единственно по какому-то чуду, по чуду, которому онъ самъ, наконецъ, вѣрить отказывался. Ночь была ужас-

ная,—ноябрьская,—мокрая, туманная, дождливая, снѣжливая, чреватая флюсами, насморками, лихорадками, жабами, горячками всѣхъ возможныхъ родовъ и сортовъ, однимъ словомъ, всѣми дарами петербургскаго ноября. Вѣтеръ выл въ опустѣлыхъ улицахъ, вздымая выше колецъ черную воду Фонтанки, и задорно потрогивая тощіе фонари набережной, которые въ свою очередь вторили его завываніямъ тоненькимъ, пронзительнымъ скрипомъ, что составляло безконечный, писклявый, дребезжащій концертъ, весьма знакомый каждому петербургскому жителю. Шелъ дождь и снѣгъ разомъ. Прорываемыя вѣтромъ струи дождевой воды прыскали чуть-чуть не горизонтально, словно изъ пожарной трубы, и кололи и сѣкли лицо несчастнаго господина Голядкина, какъ тысячи булавокъ или иголекъ. Среди ночнаго безмолвія, прерываемаго лишь отдаленнымъ гуломъ каретъ, воемъ вѣтра и скрипомъ фонарей, уныло слышались хлёсть и журчаніе воды, стекавшей со всѣхъ крышъ, крылечекъ, желобовъ и карнизовъ на гранитный помостъ тротуара. Ни души не было ни вблизи, ни вдали, да, казалось, что и быть не могло въ такую пору и въ такую погоду. Итакъ, одинъ только господинъ Голядкинъ, одинъ со своимъ отчаяніемъ, трусилъ въ это время по тротуару Фонтанки своимъ обыкновеннымъ, мелкимъ и частымъ шажкомъ, спѣша добѣжать какъ можно скорѣе въ свою Шестилавочную улицу, въ свой четвертый этажъ, къ себѣ на квартиру.

Хотя снѣгъ, дождь и все то, чему даже имени не бываетъ, когда разыграется вьюга и хмара подъ петербургскимъ ноябрьскимъ небомъ, разомъ, вдругъ атаковали и безъ того убитаго несчастіями господина Голядкина, не давая ему ни малѣйшей поощады и отдыха, пронимая его до костей, залѣпляя глаза, продувая со всѣхъ сторонъ, сбивая съ пути и съ послѣдняго толка, хоть все это разомъ опрокинулось на господина Голядкина, какъ-бы нарочно сообщась и согласясь со всѣми врагами его отработать ему денекъ, вечерокъ и ночку на славу, — не смотря на все это, господинъ Голядкинъ остался почти нечувствителенъ къ этому послѣднему доказательству гоненія судьбы: такъ сильно потрясло и поразило его все происшедшее съ нимъ, нѣсколько минутъ назадъ, у господина статскаго совѣтника Берендѣева! Если-бъ теперь постороній, незаинтересованный какой нибудь наблюдатель, взглянулъ-бы такъ себѣ, съ боку, на тоскливую побѣжку господина Голядкина, то и тотъ-бы разомъ проникнулся всѣмъ страннымъ ужасомъ его бѣдствій, и непремѣнно сказалъ-бы, что господинъ Голядкинъ глядитъ теперь такъ, какъ будто самъ отъ себя куда-то спрятаться хочетъ, какъ будто самъ отъ себя убѣжать куда нибудь хочетъ! Да! Оно было дѣйствительно такъ. Скажемъ болѣе: господинъ Голядкинъ не только желалъ

теперь убѣжать отъ себя самого, но даже совсѣмъ уничтожиться, не быть, въ прахъ обратиться. Въ настоящія минуты, онъ не внималъ ничему окружающему, не понималъ ничего, что вокругъ него дѣлается, и смотрѣлъ такъ, какъ будто-бы для него не существовало на самомъ дѣлѣ ни непріятностей ненастной ночи, ни долгаго пути, ни дождя, ни снѣга, ни вѣтра, ни всей крутой непогоды. Калоша, отставная отъ сапога съ правой ноги господина Голядкина, тутъ-же и осталась въ грязи и снѣгу, на тротуарѣ Фонтанки, а господинъ Голядкинъ и не подумалъ воротиться за нею, и не примѣтилъ пропажи ея. Онъ былъ такъ озадаченъ, что нѣсколько разъ, вдругъ, не смотря ни на что окружающее, проникнутый вполнѣ идеей своего недавняго, страшнаго паденія, останавливался неподвижно, какъ столбъ, посреди тротуара; въ это мгновеніе, онъ умиралъ, исчезалъ; потомъ вдругъ срывался какъ бѣшеный съ мѣста и бѣжалъ, бѣжалъ безъ оглядки, какъ будто спасаясь отъ чьей-то погони, отъ какого-то еще болѣе ужаснаго бѣдствія... Дѣйствительно, положеніе было ужасное!.. Наконецъ, въ истощеніи силъ, господинъ Голядкинъ остановился, опершя на перила набережной въ положеніи человѣка, у котораго вдругъ, совсѣмъ неожиданно, потекла носомъ кровь, и пристально сталъ смотрѣть на мутную, черную воду Фонтанки. Неизвѣстно, сколько именно времени проведено было имъ въ этомъ занятіи. Извѣстно только, что въ это мгновеніе господинъ Голядкинъ дошелъ до такого отчаянія, такъ былъ истерзанъ, такъ былъ измученъ, до того изнемогъ и опалъ и безъ того уже слабыми остатками духа, что позабылъ обо всемъ, и объ Измайловскомъ мостѣ, и о Шестилавочной улицѣ, и о настоящемъ своемъ... Что-жъ, въ самомъ дѣлѣ? Вѣдь ему было все равно: дѣло сдѣлано, кончено, рѣшеніе скрѣплено и подписано; что-жъ ему?... Вдругъ... вдругъ онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и невольно отскочилъ шага на два въ сторону. Съ неизъяснимымъ безпокойствомъ началъ онъ озираться кругомъ; но никого не было, ничего не случилось особеннаго,—а между тѣмъ... между тѣмъ ему показалось, что кто-то сейчасъ, сію минуту, стоялъ здѣсь около него, рядомъ съ нимъ, тоже облокотясь на перила набережной, и— чудное дѣло! — даже что-то сказалъ ему, что-то скоро сказалъ, отрывисто, не совсѣмъ понятно, но о чемъ-то весьма къ нему близкомъ, до него относящемся. «Что-жъ, это мнѣ почудилось, что-ли?» сказалъ господинъ Голядкинъ, еще разъ озираясь кругомъ. — «Да я-то гдѣ-же стою?.. Эхъ, эхъ!» заключилъ онъ, покачавъ головою, а между тѣмъ съ безпокойнымъ, тоскливымъ чувствомъ, даже со страхомъ сталъ вглядываться въ мутную, влажную даль, напрягая всѣми силами зрѣніе и всѣми силами стараясь проникнуть близо-

рукимъ взоромъ своимъ мокрую средину, передъ нимъ разстилавшуюся. Однако-жь, ничего не было новаго, ничего особеннаго не бросилось въ глаза господину Голядкину. Казалось, все было въ порядкѣ, какъ слѣдуетъ, то есть снѣгъ валилъ еще сильнѣе, крупнѣе и гуще; на разстояніи двадцати шаговъ не было видно ни зги; фонари скрипѣли еще пронзительнѣе прежняго, и вѣтеръ, казалось, еще плаксивѣе, еще жалостнѣе затягивалъ тоскливую пѣсню свою, словно неотвязчивый ямщій, вымаливающій мѣдный грошъ на свое пропитаніе. «Эхъ, эхъ! да что-жь это со мною такое?» повторилъ опять господинъ Голядкинъ, пускаясь снова въ дорогу и все слегка озираясь кругомъ. А между тѣмъ, какое-то новое ощущеніе отозвалось во всемъ существѣ господина Голядкина: тоска не тоска, страхъ не страхъ... лихорадочный трепетъ пробѣжалъ по жиламъ его. Минута была невыносимо непріятная! «Ну, ничего», проговорилъ онъ, чтобъ себя ободрить: «ну, ничего; можетъ быть, это и совсѣмъ ничего, и чести ничьей не маретъ. Можетъ быть, оно такъ и надобно было», продолжалъ онъ, самъ не понимая, что говоритъ: «можетъ быть, все это въ свое время устроится къ лучшему, и претендовать будетъ не на что, и всѣхъ оправдаетъ». Такимъ образомъ говоря, и словами себя облегчая, господинъ Голядкинъ отряхнулся немного, стряхнулъ съ себя снѣжныя хлопья, навалившіеся густою корою ему на плящу, на воротникъ, на шинель, на галстукъ, на сапоги и на все,—но страннаго чувства, странной темной тоски своей все еще не могъ оттолкнуть отъ себя, сбросить съ себя. Гдѣ-то далеко раздался пушечный выстрѣлъ. «Эка погодка», подумалъ герой нашъ: «чу! не будетъ-ли наводненія? Видно, вода поднялась слишкомъ сильно». Только что сказалъ или подумалъ это господинъ Голядкинъ, какъ увидѣлъ впереди себя идущаго ему на встрѣчу прохожаго, тоже, вѣроятно, какъ и онъ, по какому нибудь случаю запоздалаго. Дѣло-бы, кажется, пустое, случайное; но, неизвѣстно почему, господинъ Голядкинъ смутился и даже струсилъ, потерялся немного. Не то чтобъ онъ боялся недобраго человѣка, а такъ, можетъ быть... да и кто его знаетъ, этого запоздалаго, промелькнуло въ головѣ господина Голядкина, можетъ быть, и онъ тоже самое, можетъ быть, онъ-то тутъ и самое главное дѣло, и не даромъ идетъ, а съ цѣлью идетъ, дорогу мою переходитъ и меня задѣваетъ. Можетъ быть, впрочемъ, господинъ Голядкинъ и не подумалъ именно этого, а такъ только ощутилъ мгновенно что-то подобное и весьма непріятное. Думать-то и ощущать, впрочемъ, некогда было; прохожій уже былъ въ двухъ шагахъ. Господинъ Голядкинъ тотчасъ, по вседневному обыкновенію своему, поспѣшилъ принять видъ совершенно особенный, видъ

ясно выражавшій, что онъ, Голядкинъ, самъ по себѣ, что онъ ничего, что дорога для всѣхъ довольно широкая, и что вѣдь онъ, Голядкинъ, самъ никого не затрогиваетъ. Вдругъ онъ остановился, какъ вкопаный, какъ будто молніей пораженный, и быстро потомъ обернулся назадъ, вслѣдъ прохожему, едва только его миновавшему,— обернулся съ такимъ видомъ, какъ будто что его дернуло сзади, какъ будто вѣтеръ повернулъ его флюгеръ. Прохожій быстро исчезалъ въ снѣжной мятелицѣ. Онъ тоже шелъ торопливо, тоже, какъ и господинъ Голядкинъ, былъ одѣтъ и укутанъ съ головы до ногъ, и такъ-же, какъ и онъ, дробилъ и сѣменилъ по тротуару Фонтанки частымъ, мелкимъ шажкомъ, немного съ притрусочкой. «Что, что это?» шепталъ господинъ Голядкинъ, недовѣрчиво улыбаясь,—однако-жь, дрогнулъ всѣмъ тѣломъ. Морозомъ подернуло у него по спинѣ. Между тѣмъ, прохожій исчезъ совершенно, не стало уже слышно и шаговъ его, а господинъ Голядкинъ все еще стоялъ и глядѣлъ ему въ слѣдъ. Однако-жь, наконецъ, онъ мало по малу опомнился. «Да что-жь это такое», подумалъ онъ съ досадою: — «что-жь это я, съума, что-ли, въ самомъ дѣлѣ, сошелъ?» обернулся и пошелъ своею дорогою, ускоряя и частя болѣе и болѣе шаги, и стараясь ужь лучше вовсе ни о чемъ не думать. Даже и глаза, наконецъ, закрылъ съ сею цѣлью. Вдругъ, сквозь завыванія вѣтра и шумъ непогоды, до слуха его долетѣлъ опять шумъ чьихъ-то весьма недалекихъ шаговъ. Онъ вздрогнулъ и открылъ глаза. Передъ нимъ опять, шагахъ въ двадцати отъ него, чернѣлся какой-то быстро приближавшійся къ нему человѣчекъ. Человѣчекъ этотъ спѣшилъ, частилъ, торопился; разстояніе быстро уменьшалось. Господинъ Голядкинъ уже могъ даже совсѣмъ разглядѣть своего новаго запоздалаго товарища,—разглядѣлъ и вскрикнулъ отъ изумленія и ужаса; ноги его подкосились. Это былъ тотъ самый знакомый ему нѣкоходъ, котораго онъ, минуть съ десять назадъ, пропустилъ мимо себя, и который вдругъ, совсѣмъ неожиданно, теперь опять передъ нимъ появился. Но не одно это чудо поразило господина Голядкина,—а пораженъ господинъ Голядкинъ былъ такъ, что остановился, вскрикнулъ, хотѣлъ было что-то сказать,—и пустился догонять незнакомца, даже закричалъ ему что-то, вѣроятно, желая остановить его поскорѣе. Незнакомецъ остановился дѣйствительно, такъ—шагахъ въ десяти отъ господина Голядкина, и такъ, что свѣтъ близъ стоявшаго фонаря совершенно падалъ на всю фигуру его,—остановился, обернулся къ господину Голядкину и съ нетерпѣливо озабоченнымъ видомъ ждалъ, что онъ скажетъ. «Извините, я, можетъ, и ошибся», дрожащимъ голосомъ проговорилъ нашъ герой. Незнакомецъ молча и съ досадою повернулся, и быстро по-

шелъ своею дорогою, какъ будто спѣша нагнать потерянныя двѣ секунды съ господиномъ Голядкинымъ. Что-же касается до господина Голядкина, то у него задрожали всѣ жилки, колѣни его подогнулись, ослабли, и онъ со стономъ присѣлъ на тротуарную тумбочку. Впрочемъ, дѣйствительно, было отъ чего прійдти въ такое смущеніе. Дѣло въ томъ, что незнакомецъ этотъ показался ему теперь какъ-то знакомымъ. Это-бы еще все ничего. Но онъ узналъ, почти совсѣмъ узналъ теперь этого человѣка. Онъ его часто видывалъ, этого человѣка, когда-то видывалъ, даже недавно весьма; гдѣ-же-бы это? ужь не вчера-ли? Впрочемъ, и опять не въ томъ было главное дѣло, что господинъ Голядкинъ его видывалъ часто; да и особеннаго-то въ этомъ человѣкѣ почти не было ничего,— особеннаго вниманія рѣшительно ничьего не возбуждалъ съ перваго взгляда этотъ человѣкъ. Такъ, человѣкъ былъ какъ и всѣ, порядочный, разумѣется, какъ и всѣ люди порядочные, и, можетъ быть, имѣлъ тамъ кое-какія, и даже довольно значительныя достоинства,—однимъ словомъ: былъ самъ по себѣ человѣкъ. Господинъ Голядкинъ не питалъ даже ни ненависти, ни вражды, ни даже никакой самой легкой непріязни къ этому человѣку, даже напротивъ, казалось-бы,—а между тѣмъ (и въ этомъ-то вотъ обстоятельствѣ была главная сила), а между тѣмъ, ни за какія сокровища міра не желалъ-бы встрѣтиться съ нимъ, особенно встрѣтиться такъ, какъ теперь, напримѣръ. Скажемъ болѣе: господинъ Голядкинъ зналъ вполнѣ этого человѣка; онъ даже зналъ, какъ зовутъ его, какъ фамилія этого человѣка; а между тѣмъ ни за что, и опять-таки ни за какія сокровища въ мірѣ, не захотѣлъ-бы назвать его, согласиться признать, что вотъ, дескать, его такъ-то зовутъ, что онъ такъ-то по батюшкѣ, и такъ по фамиліи. Много-ли, мало-ли продолжалось недоразумѣніе господина Голядкина, долго-ли именно онъ сидѣлъ на тротуарномъ столбу,—не могу сказать, но, только, наконецъ, маленько очнувшись, онъ вдругъ пустился бѣжать безъ оглядки, что̀ силы въ немъ было; духъ его занимался; онъ споткнулся два раза, чуть не упалъ,—и при этомъ обстоятельствѣ оцарапалъ другой сапогъ господина Голядкина, тоже покинутый своею калошею. Наконецъ, господинъ Голядкинъ сбавилъ шагу немножко, чтобъ духъ перевести, торопливо осмотрѣлся кругомъ и увидѣлъ, что уже перебѣжалъ, не замѣчая того, весь свой путь по Фонтанкѣ, перешелъ Аничковъ мостъ, миновалъ часть Невскаго и теперь стоитъ на поворотѣ въ Литейную. Господинъ Голядкинъ поворотилъ въ Литейную. Положеніе его въ это мгновеніе походило на человѣка, стоящаго надъ страшной стремниной, когда земля подъ нимъ обрывается, ужь покачнулась, ужь двинулась, въ послѣдній разъ колышется, падаетъ, увлекаетъ его въ

бездну, а между тѣмъ у несчастнаго нѣтъ ни силы, ни твердости духа отскочить назадъ, отвесть свои глаза отъ зіяющей пропасти; бездна тянетъ его, и онъ прыгаетъ, наконецъ, въ нее самъ, самъ ускоряя минуту своей-же погибели. Господинъ Голядкинъ зналъ, чувствовалъ и былъ совершенно увѣренъ, что съ нимъ непремѣнно совершится дорогой еще что-то недоброе, что разразится надъ нимъ еще какая нибудь непріятность, что, напримѣръ, онъ встрѣтитъ опять своего незнакомца; но—странное дѣло, онъ даже желалъ этой встрѣчи, считалъ ее неизбѣжною, и просилъ только, чтобъ поскорѣе все это кончилось, чтобъ положеніе-то его разрѣшилось хоть какъ нибудь, но только-бъ скорѣе. А, между тѣмъ, онъ все бѣжалъ да бѣжалъ, и словно двигаемый какою-то посторонею силою: ибо во всемъ существѣ своемъ чувствовалъ какое-то ослабленіе и онѣмѣніе; думать ни о чемъ онъ не могъ, хотя идеи его цѣплялись за все, какъ терновникъ. Какая-то затерянная собачонка, вся мокрая и издрогшая, увязалась за господиномъ Голядкинымъ и тоже бѣжала около него бочкомъ, торопливо, поджавъ хвостъ и уши, по временамъ робко и понятливо на него поглядывая. Какая-то далекая, давно уже забытая идея,—воспоминаніе о какомъ-то давно случившемся обстоятельствѣ—пришла теперь ему въ голову, стучала, словно молоточкомъ, въ его головѣ, досаждала ему, не отвязывалась прочь отъ него. «Эхъ, эта скверная собачонка!» шепталъ господинъ Голядкинъ, самъ не понимая себя. Наконецъ, онъ увидѣлъ своего незнакомца на поворотѣ въ Итальянскую улицу. Только теперь незнакомецъ уже шелъ не на встрѣчу ему, а въ ту-же самую сторону, какъ и онъ, и тоже бѣжалъ, нѣсколько шаговъ впереди. Наконецъ, вошли въ Шестилавочную. У господина Голядкина духъ захватило. Незнакомецъ остановился прямо передъ тѣмъ домомъ, въ которомъ квартировалъ господинъ Голядкинъ. Послышался звонъ колокольчика, и почти въ то-же время скрипъ желѣзной задвижки. Калитка отворилась, незнакомецъ нагнулся, мелькнулъ и исчезъ. Почти въ тоже самое мгновеніе поспѣлъ и господинъ Голядкинъ, и какъ стрѣлка влетѣлъ подъ ворота. Не слушая заворчавшаго дворника, запыхавшись, вбѣжалъ онъ на дворъ и тотчасъ-же увидалъ своего интереснаго спутника, на минуту потерянаго. Незнакомецъ мелькнулъ при входѣ на ту лѣстницу, которая вела въ квартиру господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ бросился вслѣдъ за нимъ. Лѣстница была темная, сырая и грязная. На всѣхъ поворотахъ нагромождена была бездна всякаго жилецкаго хлама, такъ что чужой, небывалый человѣкъ, попавши на эту лѣстницу въ темное время, принуждаемъ былъ по ней съ полчаса путешествовать, рискуя сломать себѣ ноги и проклиная вмѣстѣ

съ лѣстницей и знакомыхъ своихъ, неудобно такъ поселившихся. Но спутникъ господина Голядкина былъ словно знакомый, словно домашній; взбѣгалъ легко, безъ затрудненій и съ совершеннымъ знаніемъ мѣстности. Господинъ Голядкинъ почти совсѣмъ нагонялъ его; даже раза два, или три, подолъ шинели незнакомца ударилъ его по носу. Сердце въ немъ замирало. Таинственный человѣкъ остановился прямо противъ дверей квартиры господина Голядкина, стукнулъ, и (что̀, впрочемъ, удивило-бы въ другое время господина Голядкина) Петрушка словно ждалъ, и спать не ложился, тотчасъ отворилъ дверь и пошелъ за вошедшимъ человѣкомъ со свѣчею въ рукахъ. Внѣ себя вбѣжалъ въ жилище свое герой нашей повѣсти; не снимая шинели и шляпы, прошелъ онъ коридорчикъ и, словно громомъ пораженный, остановился на порогѣ своей комнаты. Всѣ предчувствія господина Голядкина сбылись совершенно. Все, чего опасался онъ и что предугадывалъ, совершилось теперь на-яву. Дыханіе его порвалось, голова закружилась. Незнакомецъ сидѣлъ передъ нимъ, тоже въ шинели и въ шляпѣ, на его-же постели, слегка улыбаясь и, прищуряясь немного, дружески кивалъ ему головою. Господинъ Голядкинъ хотѣлъ закричать, но не могъ,—протестовать какимъ нибудь образомъ, но силъ не хватило. Волосы встали на головѣ его дыбомъ, и онъ прилѣгъ безъ чувствъ на мѣстѣ отъ ужаса. Да и было отъ чего, впрочемъ. Господинъ Голядкинъ совершенно узналъ своего ночнаго пріятеля. Ночной пріятель его былъ ни кто иной, какъ онъ самъ, —самъ господинъ Голядкинъ, другой господинъ Голядкинъ, но совершенно такой-же какъ и онъ самъ,—однимъ словомъ, что называется, двойникъ его во всѣхъ отношеніяхъ. . . . . .

. . . . . .

ГЛАВА VI.

На другой день, ровно въ восемь часовъ, господинъ Голядкинъ очнулся на своей постели. Тотчасъ-же всѣ необыкновенныя вещи вчерашняго дня и вся невѣроятная, дикая ночь, съ ея почти невозможными приключеніями, разомъ, вдругъ, во всей ужасающей полнотѣ, явились его воображенію и памяти. Такая ожесточенная адская злоба враговъ его и, особенно, послѣднее доказательство этой злобы, оледенили сердце господина Голядкина. Но и вмѣстѣ съ тѣмъ все это было такъ странно, непонятно, дико, казалось такъ невозможнымъ, что дѣйствительно трудно было вѣру дать всему этому дѣлу; господинъ Голядкинъ даже самъ готовъ былъ

признать все это несбыточнымъ бредомъ, мгновеннымъ разстройствомъ воображенія, отемнѣніемъ ума, если-бъ, къ счастію своему, не зналъ по горькому житейскому опыту, до чего иногда злоба можетъ довести человѣка,—до чего можетъ иногда дойти ожесточенность врага, метящаго за честь и амбицію. Къ тому-же, разбитые члены господина Голядкина, чадная голова, изломанная поясница и злокачественный насморкъ сильно свидѣтельствовали и отстаивали всю вѣроятность вчерашней ночной прогулки, а частію и всего прочаго, приключившагося во время этой прогулки. Да и, наконецъ, господинъ Голядкинъ уже давнымъ давно зналъ, что у нихъ тамъ что-то приготовляется, что у нихъ тамъ есть кто-то другой. Но - что-же? Хорошенько раздумавъ, господинъ Голядкинъ рѣшился смолчать, покориться и не протестовать по этому дѣлу до времени. «Такъ, можетъ быть, только пугать меня вздумали, а какъ увидятъ, что я ничего, не протестую и совершенно смиряюсь, съ смиреніемъ переношу, такъ и отстанутся, сами отстанутся, да еще первые отстанутся».

Такъ вотъ такія-то мысли были въ головѣ господина Голядкина, когда онъ, потягиваясь въ постели своей и расправляя разбитые члены, ждалъ, этотъ разъ, обычнаго появленія Петрушки въ своей комнатѣ. Ждалъ онъ уже съ четверть часа; слышалъ, какъ лѣнивецъ Петрушка возится за перегородкой съ самоваромъ, а между тѣмъ никакъ не рѣшался позвать его. Скажемъ болѣе: господинъ Голядкинъ даже боялся теперь очной ставки съ Петрушкою. «Вѣдь Богъ знаетъ», думалъ онъ, «вѣдь Богъ знаетъ, какъ теперь смотритъ на все это дѣло этотъ мошенникъ. Онъ тамъ молчитъ-молчитъ, а самъ себѣ на умѣ». Наконецъ, дверь заскрипѣла, и явился Петрушка съ подносомъ въ рукахъ. Господинъ Голядкинъ робко на него покосился, съ нетерпѣніемъ ожидая, что будетъ, ожидая, не скажетъ-ли онъ, наконецъ, чего нибудь на счетъ извѣстнаго обстоятельства. Но Петрушка ничего не сказалъ, а, напротивъ, былъ какъ-то молчаливѣе, суровѣе и сердитѣе обыкновеннаго, косился на все изъ подлобья: вообще видно было, что онъ чѣмъ-то крайне недоволенъ: даже ни разу не взглянулъ на своего барина, что, мимоходомъ сказать, немного кольнуло господина Голядкина; поставилъ на столъ все, что принесъ съ собой, повернулся и ушелъ, молча, за свою перегородку. «Знаетъ, знаетъ, все знаетъ, бездѣльникъ!» ворчалъ господинъ Голядкинъ, принимаясь за чай. Однако-жъ, герой нашъ ровно ничего не разспросилъ у своего человѣка, хотя Петрушка нѣсколько разъ входилъ въ его комнату за разными надобностями. Въ самомъ тревожномъ положеніи духа былъ господинъ Голядкинъ. Жутко было еще идти въ департаментъ. Сильное пред-

чувствіе было, что вотъ именно тамъ-то что нибудь да не такъ. «Вѣдь вотъ найдешь», думалъ онъ: «да какъ наткнешься на что нибудь? Не лучше-ли теперь потеряться? Не лучше-ли теперь подождать? Они тамъ—пускай себѣ какъ хотятъ; а я-бы сегодня здѣсь подождалъ, собрался-бы съ силами, оправился-бы, размыслилъ получше обо всемъ этомъ дѣлѣ, да потомъ улучилъ-бы минутку, да всѣмъ имъ какъ снѣгъ на голову, а самъ ни въ одномъ глазу». Раздумывая такимъ образомъ, господинъ Голядкинъ выкуривалъ трубку за трубкой; время летѣло: было уже половина десятаго. «Вѣдь вотъ уже половина десятаго», думалъ господинъ Голядкинъ: «и являться-то поздно». Да къ тому-же я боленъ, разумѣется, боленъ, непремѣнно боленъ; кто-же скажетъ, что нѣтъ? Что мнѣ! А пришлютъ свидѣтельствовать, а пусть пріѣдетъ экзекуторъ; да и что-же мнѣ въ самомъ дѣлѣ? У меня вотъ спина болитъ, кашель, насморкъ; да и, наконецъ, и нельзя мнѣ идти, никакъ нельзя по этой погодѣ; я могу заболѣть, а потомъ и умереть, пожалуй; нынче особенно смертность такая»... Такими резонами господинъ Голядкинъ успокоилъ, наконецъ, вполнѣ свою совѣсть и заранѣе оправдался самъ передъ собою въ нагоняѣ, ожидаемомъ отъ Андрея Филипповича за нерадѣніе по службѣ. Вообще, во всѣхъ подобныхъ обстоятельствахъ крайне любилъ нашъ герой оправдывать себя въ собственныхъ глазахъ своихъ разными неотразимыми резонами и успокоивать такимъ образомъ вполнѣ свою совѣсть. Итакъ, успокоивъ теперь вполнѣ свою совѣсть, взялся онъ за трубку, набилъ ее и только что началъ порядочно раскуривать, — быстро вскочилъ съ дивана, трубку отбросилъ, живо умылся, обрился, пригладился, натянулъ на себя вицъ-мундиръ и все прочее, захватилъ кое-какія бумаги и полетѣлъ въ департаментъ.

Вошелъ господинъ Голядкинъ въ свое отдѣленіе робко, съ трепещущимъ ожиданіемъ чего-то весьма нехорошаго, —ожиданіемъ хотя безсознательнымъ, темнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и непріятнымъ; робко пріѣхалъ онъ на свое всегдашнее мѣсто возлѣ столоначальника, Антона Антоновича Сѣточкина. Ни на что не глядя, не развлекаясь ничѣмъ, вникнулъ онъ въ содержаніе лежавшихъ передъ нимъ бумагъ. Рѣшился онъ и далъ себѣ слово какъ можно сторониться отъ всего вызывающаго, отъ всего могущаго сильно его компрометтировать, какъ-то: отъ нескромныхъ вопросовъ, отъ чьихъ нибудь шуточекъ и неприличныхъ намековъ на счетъ всѣхъ обстоятельствъ вчерашняго вечера; рѣшился даже отстраниться отъ обычныхъ учтивостей съ сослуживцами, то есть вопросовъ о здоровьѣ и прочее. Но очевидно тоже, что такъ оставаться было нельзя, невозможно. Безпокойство и невѣдѣніе о чемъ нибудь близко его за-

дѣваюцемъ, всегда его мучило болѣе, нежели самое задѣваюцее. И вотъ почему, не смотря на данное себѣ слово не входить ни во что, что́-бы ни дѣлалось, и сторониться отъ всего, что̀-бы ни было, господинъ Голядкинъ изрѣдка, украдкой, тихонько-тихонько приподымалъ голову и изподтишка поглядывалъ на стороны, направо, налѣво, заглядывалъ въ физіономіи своихъ сослуживцевъ, и по нимъ уже старался заключить, нѣтъ-ли чего новаго и особеннаго, до него относящагося и отъ него съ какими нибудь неблаговидными цѣлями скрываемаго. Предполагалъ онъ непремѣнную связь всего своего вчерашняго обстоятельства со всѣмъ теперь его окружающимъ. Наконецъ, въ тоскѣ своей, онъ началъ желать, чтобъ, хоть Богъ знаетъ какъ, да только разрѣшилось-бы все поскорѣе; хоть и бѣдой какой нибудь—нужды нѣтъ! Какъ тутъ судьба поймала господина Голядкина: не успѣлъ онъ пожелать, какъ сомнѣнія его вдругъ разрѣшились, но зато самымъ страшнымъ и самымъ неожиданнымъ образомъ.

Дверь изъ другой комнаты вдругъ скрипнула тихо и робко, какъ-бы рекомендуя тѣмъ, что входящее лицо очень незначительно, и чья-то фигура, впрочемъ, весьма знакомая господину Голядкину, застѣнчиво явилась передъ самымъ тѣмъ столомъ, за которымъ помѣщался герой нашъ. Герой нашъ не подымалъ головы,—нѣтъ, онъ наглядѣлъ эту фигуру лишь вскользь, самымъ маленькимъ взглядомъ, но уже все узналъ, понялъ все, до малѣйшихъ подробностей. Онъ сгорѣлъ отъ стыда и уткнулъ въ бумагу свою побѣдную голову, совершенно съ тою-же самою цѣлью, съ которою страусъ, преслѣдуемый охотникомъ, прячетъ свою въ горячій песокъ. Новоприбывшій поклонился Андрею Филипповичу и, вслѣдъ за тѣмъ, послышался голосъ форменно-ласковый, такой, какимъ говорятъ начальники во всѣхъ служебныхъ мѣстахъ съ новопоступившими подчиненными.—Сядьте вотъ здѣсь, проговорилъ Андрей Филипповичъ, указывая новичку на столъ Антона Антоновича:—вотъ здѣсь, напротивъ господина Голядкина, а дѣломъ мы васъ тотчасъ займемъ. Андрей Филипповичъ заключилъ тѣмъ, что сдѣлалъ новоприбывшему скорый привѣтливо-увѣщательный жестъ, а потомъ немедленно углубился въ сущность разныхъ бумагъ, которыхъ передъ нимъ была цѣлая куча.

Господинъ Голядкинъ поднялъ, наконецъ, глаза, и если не упалъ въ обморокъ, то единственно оттого, что уже сперва все тѣло предчувствовалъ, что уже сперва былъ обо всемъ предувѣдомленъ, угадавъ пришельца въ душѣ. Первымъ движеніемъ господина Голядкина было быстро осмотрѣться кругомъ, —нѣтъ-ли тамъ какого шушуканья, не отливается-ли на этотъ счетъ какая нибудь

острота канцелярская, не искривилось-ли чье лицо удивленіемъ, не упалъ-ли, наконецъ, кто нибудь подъ столъ отъ испуга. Но, къ величайшему удивленію господина Голядкина, ни въ комъ не обнаружилось ничего подобнаго. Поведеніе господъ товарищей и сослуживцевъ господина Голядкина поразило его. Оно казалось внѣ здраваго смысла. Господинъ Голядкинъ даже испугался такого необыкновеннаго молчанія. Существенность за себя говорила; дѣло было страшное, безобразное, дикое. Было отъ чего шевельнуться. Все это, разумѣется, только мелькнуло въ головѣ господина Голядкина. Самъ-же онъ горѣлъ на мелкомъ огнѣ. Да и было отчего, впрочемъ. Тотъ, кто сидѣлъ теперь напротивъ господина Голядкина, былъ — ужасъ господина Голядкина, былъ—стыдъ господина Голядкина, былъ — вчерашній кошмаръ господина Голядкина, однимъ словомъ, былъ самъ господинъ Голядкинъ,—не тотъ господинъ Голядкинъ, который сидѣлъ теперь на стулѣ съ разинутымъ ртомъ и съ застывшимъ перомъ въ рукѣ; не тотъ, который служилъ въ качествѣ помощника своего столоначальника; не тотъ, который любилъ стушеваться и зарыться въ толпѣ; не тотъ, наконецъ, чья походка ясно выговариваетъ: «не троньте меня, и я васъ трогать не буду», или «не троньте меня, вѣдь я васъ не затрогиваю»,—нѣтъ, это былъ другой господинъ Голядкинъ, совершенно другой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и совершенно похожій на перваго, — такого-же роста, такого-же склада, такъ-же одѣтый, съ такой-же лысиной, — однимъ словомъ, ничего, рѣшительно ничего не было забыто для совершеннаго сходства, такъ что если-бъ взять да поставить ихъ рядомъ, то никто, рѣшительно никто не взялъ-бы на себя опредѣлить —который именно настоящій Голядкинъ, а который поддѣльный, кто старенькій и кто новенькій, кто оригиналъ и кто копія.

Герой нашъ, если возможно сравненіе, былъ теперь въ положеніи человѣка, надъ которымъ забавляется проказникъ какой нибудь, для шутки наводя на него изподтишка зажигательное стекло. «Что-жъ это, сонъ или нѣтъ», думалъ онъ: «настоящее или продолженіе вчерашняго. Да какъ-же? По какому-же праву все это дѣлается? Кто разрѣшилъ такого чиновника, кто далъ право на это? Сплю-ли я, грежу-ли я?» Господинъ Голядкинъ попробовалъ ущипнуть самого себя, даже попробовалъ вознамѣриться ущипнуть другаго кого нибудь... Нѣтъ, не сонъ да и только. Господинъ Голядкинъ почувствовалъ, что потъ съ него градомъ льется, что сбывается съ нимъ небывалое и доселѣ невиданное, и потому самому, къ довершенію несчастія, неприличное, ибо господинъ Голядкинъ понималъ и ощущалъ всю невыгоду быть въ такомъ насквильномъ дѣлѣ первымъ примѣромъ. Онъ даже сталъ, наконецъ, сомнѣваться въ собственномъ

существованіи своемъ, и хотя заранѣе былъ ко всему приготовленъ и самъ желалъ, чтобъ хоть какимъ нибудь образомъ разрѣшились его сомнѣнія, но самая-то сущность обстоятельства, ужь конечно, стояла неожиданности. Тоска его давила и мучила. Порой онъ совершенно лишался и смысла, и памяти. Очнувшись послѣ такого мгновенія, онъ замѣчалъ, что машинально и безсознательно водитъ перомъ по бумагѣ. Не довѣряя себѣ, онъ начиналъ повѣрять все написанное—и не понималъ ничего. Наконецъ, другой господинъ Голядкинъ, сидѣвшій до сихъ поръ смирно, всталъ и исчезъ въ дверяхъ другаго отдѣленія за какимъ-то дѣломъ. Господинъ Голядкинъ оглянулся кругомъ,—ничего, все тихо; слышенъ лишь скрипъ перьевъ, шумъ переворачиваемыхъ листовъ и говоръ въ уголкахъ по отдаленнѣе отъ сѣдалища Андрея Филипповича. Господинъ Голядкинъ взглянулъ на Антона Антоновича, и такъ какъ, по всей вѣроятности, физіономія нашего героя вполнѣ отзывалась его настоящимъ и гармонировала со всѣмъ смысломъ дѣла, слѣдовательно въ нѣкоторомъ отношеніи была весьма замѣчательна, то добрый Антонъ Антоновичъ, отложивъ перо въ сторону, съ какимъ-то необыкновеннымъ участіемъ освѣдомился о здоровьѣ господина Голядкина.

— Я, Антонъ Антоновичъ, слава Богу, запкаясь, проговорилъ господинъ Голядкинъ.—Я, Антонъ Антоновичъ, совершенно здоровъ; я, Антонъ Антоновичъ, теперь ничего, прибавилъ онъ нерѣшительно, не совсѣмъ еще довѣряя часто помпаемому имъ Антону Антоновичу.

— А! А мнѣ показалось, что вы нездоровы: впрочемъ, не мудрено, чего добраго! Нынче-же, особенно, все такія новѣтрія. Знаете-ли...

— Да, Антонъ Антоновичъ, я знаю, что существуютъ такія новѣтрія... Я, Антонъ Антоновичъ, не оттого, продолжалъ господинъ Голядкинъ, пристально вглядываясь въ Антона Антоновича:— я, видите-ли, Антонъ Антоновичъ, даже не знаю, какъ вамъ, то есть я хочу сказать съ которой стороны за это дѣло приняться, Антонъ Антоновичъ...

— Что-съ? Я васъ... знаете-ли... я, признаюсь вамъ, не такъ-то хорошо понимаю; вы... знаете, вы объяснитесь подробнѣе, въ какомъ отношеніи вы здѣсь затрудняетесь, сказалъ Антонъ Антоновичъ, самъ затрудняясь немножко, видя, что у господина Голядкина даже слезы на глазахъ выступили.

— Я, право... здѣсь, Антонъ Антоновичъ... тутъ—чиновникъ, Антонъ Антоновичъ...

— Ну-съ! Все еще не понимаю.

— Я хочу сказать, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь есть новопоступившій чиновникъ.

— Да-съ, есть-съ; однофамилецъ вашъ.

— Какъ? воскликнулъ господинъ Голядкинъ.

— Я говорю: вашъ однофамилецъ; тоже Голядкинъ. Не братецъ-ли вашъ?

— Нѣтъ-съ, Антонъ Антоновичъ, я...

— Гм! скажите пожалуйста, а мнѣ показалось, что, должно быть, близкій вашъ родственникъ. Знаете-ли, есть такое, фамильное въ нѣкоторомъ родѣ, сходство.

Господинъ Голядкинъ остолбенѣлъ отъ изумленія, и на время у него языкъ отнялся. Такъ легко трактовать такую безобразную, невиданную вещь, вещь дѣйствительно рѣдкую въ своемъ родѣ, вещь, которая поразила-бы даже самаго неинтереснаго наблюдателя, говорить о фамильномъ сходствѣ тогда, когда тутъ видно какъ въ зеркалѣ!

— Я, знаете-ли, что посовѣтую вамъ, Яковъ Петровичъ, продолжалъ Антонъ Антоновичъ.—Вы сходите-ка къ доктору, да посовѣтуйтесь съ нимъ. Знаете-ли, вы какъ-то *выглядите* совѣмъ нездорово. У васъ глаза особенно... знаете, особенное какое-то выраженіе есть.

— Нѣтъ-съ, Антонъ Антоновичъ, я, конечно, чувствую... то есть, я хочу все спросить, какъ-же этотъ чиновникъ?

— Ну-съ?

— То есть, вы не замѣчали-ли, Антонъ Антоновичъ, чего нибудь въ немъ особеннаго... слишкомъ чего нибудь выразительнаго?

— То есть?

— То есть я хочу сказать, Антонъ Антоновичъ, поразительнаго сходства такого съ кѣмъ нибудь, напримѣръ, то есть со мной, напримѣръ. Вы вотъ сейчасъ, Антонъ Антоновичъ, сказали про фамильное сходство, замѣчаніе вскользь сдѣлали... Знаете-ли, этакъ иногда близнецы бываютъ, то есть совершенно какъ двѣ капли воды, такъ что и отличить нельзя? Ну, вотъ, я про это-съ.

— Да-съ, сказалъ Антонъ Антоновичъ, немного подумавъ и какъ будто въ первый разъ пораженный такимъ обстоятельствомъ:— да-съ! Справедливо-съ; сходство въ самомъ дѣлѣ разительное, и вы безошибочно разсудили, такъ что и дѣйствительно можно принять одного за другаго, продолжалъ онъ, болѣе и болѣе открывая глаза.—И знаете-ли, Яковъ Петровичъ, это даже чудесное сходство, фантастическое, какъ иногда говорится, то есть, совершенно какъ вы. Вы замѣтили-ли, Яковъ Петровичъ? Я даже самъ хотѣлъ просить у васъ объясненія, да, признаюсь, не обратилъ должнаго вниманія сначала. Чудо, дѣйствительно чудо! А знаете-ли, Яковъ Петровичъ, вы вѣдь не здѣшній родомъ, я говорю?

— Нѣтъ-съ.

— Онъ также вѣдь не изъ здѣшнихъ. Можетъ быть, изъ однихъ съ вами мѣстъ. Ваша матушка, смѣю спросить, гдѣ большею частью проживала?

— Вы сказали... вы сказали, Антонъ Антоновичъ, что онъ не изъ здѣшнихъ?

— Да-съ, не изъ здѣшнихъ мѣстъ. А, и въ самомъ дѣлѣ, какъ-же это чудно, продолжалъ словоохотливый Антонъ Антоновичъ, которому поболтать о чемъ нибудь было истиннымъ праздникомъ:— дѣйствительно способно завлечь любопытство; и вѣдь какъ часто мимо пройдешь, задѣнешь, толкнешь его, а не замѣтишь. Впрочемъ, вы не смущайтесь. Это бываетъ. Это, знаете-ли — вотъ я вамъ разскажу, тоже самое случилось съ моей тетушкой съ материной стороны; она тоже передъ смертію себя вдвойнѣ видѣла...

— Нѣтъ-съ, я, — извините, что прерываю васъ, Антонъ Антоновичъ,—я, Антонъ Антоновичъ, хотѣлъ-бы узнать, какъ-же этотъ чиновникъ, то есть на какомъ онъ здѣсь основаніи?

— А на мѣсто Семена Ивановича покойника, на вакантное мѣсто; вакансія открылась, такъ вотъ и замѣстили. Вѣдь вотъ, право, сердечный этотъ Семенъ-то Ивановичъ покойникъ, троихъ дѣтей, говорятъ, оставилъ—малъ-мала меньше. Вдова падала къ ногамъ его превосходительства. Говорятъ, впрочемъ, она таитъ: у ней есть деньжонки, да она ихъ таитъ...

— Нѣтъ-съ, я, Антонъ Антоновичъ, я вотъ все о томъ обстоятельствѣ.

— То есть? Ну, да! Да что-же вы-то такъ интересуетесь этимъ? Говорю вамъ: вы не смущайтесь. Это все временное отчасти. Что-жъ? Вѣдь вы сторона; это ужъ такъ Самъ Господь Богъ устроилъ, это ужъ Его воля была, и роптать на это грѣшно. На этомъ Его премудрость видна. А вы-же тутъ, Яковъ Петровичъ, сколько я понимаю, не виноваты нисколько. Мало-ли чудесъ есть на свѣтѣ! Мать-природа щедра; а съ васъ за это отвѣта не спросятъ, отвѣчать за это не будете. Вѣдь вотъ, для примѣра, кстати сказать, слыхали, надѣюсь, какъ ихъ, какъ бишь ихъ тамъ, да, сіамскіе близнецы, срослись себѣ спинами, такъ и живутъ, и ѣдятъ, и спятъ вмѣстѣ; деньги, говорятъ, большія берутъ.

— Позвольте, Антонъ Антоновичъ...

— Понимаю васъ, понимаю! Да! Ну да, что-жъ? — ничего! Я говорю по крайнему моему разумѣнію, что смущаться тутъ нечего. Что-жъ? Онъ чиновникъ—какъ чиновникъ; кажется, что дѣловой человѣкъ. Говоритъ, что Голядкинъ, не изъ здѣшнихъ мѣстъ, говоритъ, титулярный совѣтникъ. Лично съ его превосходительствомъ объяснялся.

— А они какъ-же-съ?

— Ничего-съ; говорятъ, что достаточно объяснился, резоны представилъ: говоритъ, что вотъ, дескать, такъ и такъ, ваше превосходительство, и что нѣтъ состоянія, а желаю служить и особенно подъ вашимъ лестнымъ начальствомъ... ну, и тамъ все что слѣдуетъ, знаете-ли, ловко все выразилъ. Умный человѣкъ, должно быть. Ну, разумѣется, явился съ рекомендаціей; безъ нея вѣдь нельзя...

— Ну-съ, отъ кого-же-съ... то есть я хочу сказать, кто тутъ именно въ это срамное дѣло руку свою замѣшалъ?

— Да-съ. Хорошая, говорятъ, рекомендація; его превосходительство, говорятъ, посмѣялись съ Андреемъ Филипповичемъ.

— Посмѣялись съ Андреемъ Филипповичемъ?

— Да-съ; только такъ улыбнулись и сказали, что хорошо, и, пожалуй, и что они съ ихъ стороны не прочь, только-бы вѣрно служилъ...

— Ну-съ, дальше-съ. Вы меня оживляете отчасти, Антонъ Антоновичъ; умоляю васъ—дальше-съ.

— Позвольте, я опять что-то васъ... Ну-съ, да-съ; ну, и ничего-съ: обстоятельство не мудреное; вы, я вамъ говорю, не смущайтесь, и сумнительнаго въ этомъ нечего находить...

— Нѣтъ-съ. Я, то есть, хочу спросить васъ, Антонъ Антоновичъ, что его превосходительство ничего больше не прибавили... на счетъ меня, напримѣръ?

— То есть, какъ-же-съ! Да-съ! Ну, нѣтъ, ничего: можете быть совершенно спокойны. Знаете, оно, конечно, разумѣется, обстоятельство довольно разительное и сначала... да вотъ я, напримѣръ, сначала я и не замѣтилъ почти. Не знаю, право, отчего не замѣтилъ до тѣхъ поръ, покамѣстъ вы не напомнили. Но, впрочемъ, можете быть совершенно спокойны. Ничего особеннаго, ровно ничего не сказали, прибавилъ добренькій Антонъ Антоновичъ, вставая со стула.

— Такъ вотъ-съ я, Антонъ Антоновичъ...

— Ахъ, вы меня извините-съ. Я и такъ о пустякахъ проболталъ. а вотъ дѣло есть важное, спѣшное. Нужно вотъ справиться.

— Антонъ Антоновичъ! раздался учтиво-призывный голосъ Андрея Филипповича:—его превосходительство спрашивалъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, Андрей Филипповичъ, сейчасъ иду-съ. И Антонъ Антоновичъ, взявъ въ руки кучку бумагъ, полетѣлъ сначала къ Андрею Филипповичу, а потомъ въ кабинетъ его превосходительства.

— Такъ какъ-же это? думалъ про себя господинъ Голядкинъ:— такъ вотъ у насъ игра какова! Такъ вотъ у насъ какой вѣтерокъ

теперь подувать... Это не дурно; это, стало быть, напріятнѣйшій оборотъ дѣла приняли, говорилъ про себя герой нашъ, потирая руки и не слыша подъ собою стула отъ радости. Такъ дѣло-то наше обыкновенное дѣло. Такъ все пустячками кончается, ничѣмъ разрѣшается. Въ самомъ дѣлѣ, никто ничего, и не никнутъ, разбойники, сидятъ и дѣлами занимаются; славно, славно! Я добраго человѣка люблю, любилъ и всегда готовъ уважать... Впрочемъ, вѣдь оно и того, какъ подумать, этотъ Антонъ-отъ Антоновичъ... довѣрять-ся-то страшно: сѣдъ черезчуръ и отъ старости покачнулся порядкомъ. Самое, впрочемъ, славное и громадное дѣло то, что его превосходительство ничего не сказали и такъ пропустили: оно хорошо! одобряю! Только Андрей-то Филипповичъ чего-жъ тутъ съ своими смѣшками мѣшается? Ему-то тутъ что? Старая петля! Всегда на пути моемъ, всегда черной кошкой наровитъ перебѣжать человѣку дорогу, всегда-то поперегъ, да въ шку человѣку, человѣку-то въ шку, да поперегъ...

Господинъ Голядкинъ опять оглянулся кругомъ и опять оживился надеждой. Чувствовалъ онъ, впрочемъ, что его все-таки смущаетъ одна отдаленная мысль, какая-то недобрая мысль. Ему даже пришло было въ голову самому какъ нибудь подбиться къ чиновникамъ, забѣжать впередъ зайцемъ, даже (тамъ, какъ нибудь, при выходѣ изъ должности, или подойдя какъ будто-бы за дѣлами) между разговоромъ, и намекнуть — что вотъ, дескать, господа, такъ и такъ, вотъ такое-то сходство разительное, обстоятельство странное, комедія пасквильная, — то есть подтрунить самому надъ всѣмъ этимъ, да и сондировать такимъ образомъ глубину опасности. А то, вѣдь, въ тихомъ-то омутѣ черти водятся! мысленно заключилъ нашъ герой. Впрочемъ, господинъ Голядкинъ это только подумалъ; за то одумался во время. Понялъ онъ, что это значитъ махнуть далеко. «Натура-то твоя такова!» сказалъ онъ про себя, щелкнувъ себя легонько по лбу рукою: «сейчасъ заиграешь, обрадовался! Душа ты правдивая! Нѣтъ, ужь лучше мы съ тобой потеримъ, Яковъ Петровичъ, подождемъ да потеримъ!» — Тѣмъ не менѣе, и какъ мы уже упомянули, господинъ Голядкинъ возродился полной надеждой, точно изъ мертвыхъ воскресъ. «Ничего», думалъ онъ: «словно пятьсотъ пудовъ съ груди сорвалось! Вѣдь вотъ обстоятельство! А ларчикъ-то просто вѣдь открывался. Крыловъ-то и правъ, Крыловъ-то и правъ... дока, петля этотъ Крыловъ, и баснописецъ великій! А что до того, такъ пусть его служитъ, пусть его служитъ себѣ на здоровье, лишь-бы никому не мѣшалъ и никого не затрогивалъ; пусть его служитъ,—согласенъ и апробую!».

А между тѣмъ часы проходили, летѣли, и незамѣтно стукнуло четыре часа. Присутствіе закрылось; Андрей Филипповичъ взялся за шляпу, и, какъ водится, всѣ послѣдовали его примѣру. Господинъ Голядкинъ помедлилъ немножко, нужное время, и вышелъ нарочно позже всѣхъ, самымъ послѣднимъ, когда уже всѣ разбрелись по разнымъ дорогамъ. Вышедъ на улицу, онъ почувствовалъ себя точно въ раю, такъ, что даже ощутилъ желаніе хоть и крюку дать, а пройдтись по Невскому. «Вѣдь вотъ судьба!» говорилъ нашъ герой: «неожиданный переворотъ всего дѣла. И погодка-то разгулялась, и морозецъ, и саночки. А морозъ-то годится русскому человѣку, славно ужинается съ морозомъ русскій человѣкъ! Я люблю русскаго человѣка. И снѣжочекъ и первая пороша, какъ сказалъ-бы охотникъ; вотъ-бы тутъ зайца по первой порошѣ! Эхма! Да ну, ничего!».

Такъ-то выражался восторгъ господина Голядкина, а между тѣмъ что-то все еще щекотало у него въ головѣ, тоска не тоска—а порой такъ сердце насасывало, что господинъ Голядкинъ не зналъ чѣмъ утѣшить себя. «Впрочемъ, подождемъ-ка мы дня, и тогда будемъ радоваться. А, впрочемъ, вѣдь что-же такое? Ну, разсудимъ, посмотримъ. Ну, давай разсуждать, молодой другъ мой, ну, давай разсуждать. Ну, такой-же какъ и ты человѣкъ, во первыхъ, совершенно такой-же. Ну, да что-жь тутъ такого? Коли такой человѣкъ, такъ мнѣ и плакать? Мнѣ-то что? Я въ сторонѣ; свищу себѣ, да и только! На то пошелъ, да и только! Пусть его служитъ! Ну, чудо и странность, тамъ, говорятъ, что сіамскіе близнецы... Ну, да зачѣмъ ихъ, сіамскихъ-то? Положимъ, они близнецы, но вѣдь и великіе люди подчасъ чудаками смотрѣли. Даже изъ исторіи извѣстно, что знаменитый Суворовъ нѣлъ нѣтухомъ... Ну, да онъ тамъ это все изъ политики; и великіе полководцы... да, впрочемъ, что-жь полководцы? А вотъ я самъ по себѣ, да и только, и знать никого не хочу, и въ невинности моей врага презираю. Не интриганъ, и этимъ горжусь. Чистъ, прямодушенъ, опрятенъ, пріятенъ, незлобивъ»...

Вдругъ господинъ Голядкинъ умолкъ, осѣкся, и какъ листъ задрожалъ, даже закрылъ глаза на мгновеніе. Надѣясь, впрочемъ, что предметъ его страха просто иллюзія, открылъ онъ, наконецъ, глаза и робко покосился направо. Нѣтъ, не иллюзія!.. Рядомъ съ нимъ сѣменилъ утренній знакомецъ его, улыбался, заглядывалъ ему въ лицо и, казалось, ждалъ случая начать разговоръ. Разговоръ, впрочемъ, не начинался. Оба они прошли шаговъ пятьдесятъ такимъ образомъ. Все стараніе господина Голядкина было какъ можно плотнѣе закутаться, зарыться въ шинель и нахлобучить на глаза шляпу

до послѣдней возможности. Къ довершенію обиды, даже и шинель, и шляпа его пріятеля были точно такія-же, какъ будто сейчасъ съ плеча господина Голядкина.

— Милостивый государь, произнесъ, наконецъ, нашъ герой, стараясь говорить почти шепотомъ и не глядя на своего пріятеля:— мы, кажется, идемъ по разнымъ дорогамъ... Я даже увѣренъ въ этомъ, сказалъ онъ, помолчавъ немножко.—Наконецъ, я увѣренъ, что вы меня поняли совершенно, довольно строго прибавилъ онъ въ заключеніе.

— Я-бы желалъ, проговорилъ, наконецъ, пріятель господина Голядкина: — я-бы желалъ... вы, вѣроятно, великодушно извините меня.. я не знаю, къ кому обратиться здѣсь... мои обстоятельства,—я надѣюсь, что вы извините мнѣ мою дерзость,—мнѣ даже показалось, что вы, движимые состраданіемъ, принимали во мнѣ сегодня утромъ участіе. Съ своей стороны, я съ перваго взгляда почувствовалъ къ вамъ влеченіе, я... Тутъ господинъ Голядкинъ мысленно пожелалъ своему новому сослуживцу провалиться сквозь землю.

— Если-бы я смѣлъ надѣяться, что вы, Яковъ Петровичъ, меня снисходительно изволите выслушать...

— Мы—мы здѣсь—мы... лучше пойдемте ко мнѣ, отвѣчалъ господинъ Голядкинъ,—мы теперь перейдемъ на ту сторону Невскаго, тамъ намъ будетъ удобнѣе съ вами, а потомъ переулочкомъ... мы лучше возьмемъ переулочкомъ.

— Хорошо-съ. Пожалуй, возьмемъ переулочкомъ-съ, робко сказалъ смиренный спутникъ господина Голядкина, какъ будто намекая тономъ отвѣта, что гдѣ ему разбирать, и что, въ его положеніи, онъ и переулочкомъ готовъ удовольствоваться. Что-же касается до господина Голядкина, то онъ совершенно не понималъ, что̀ съ нимъ дѣлалось. Онъ не вѣрилъ себѣ. Онъ еще не опомнился отъ своего изумленія.

ГЛАВА VII.

помнился онъ немного на лѣстницѣ, при входѣ въ квартиру свою. «Ахъ, я баранъ-голова!» ругнулъ онъ себя мысленно: «ну, куда-жь я веду его? Самъ я голову въ петлю кладу. Что-же подумаетъ Петрушка, увидя насъ вмѣстѣ? Что этотъ мерзавецъ теперь подумать осмѣлится? а онъ подозрителенъ»...—Но уже поздно было раскаяваться; господинъ Голядкинъ постучался, дверь отворилась и Петрушка началъ снимать шинели съ гостя и барина. Господинъ Голядкинъ посмотрѣлъ вскользь, такъ только бросилъ мель-

комъ взглядъ на Петрушку, стараясь проникнуть въ его физіономію и разгадать его мысли. Но, къ величайшему своему удивленію, увидѣлъ онъ, что служитель его и не думаетъ удивляться, и даже, напротивъ, словно ждалъ чего-то подобнаго. Конечно, онъ и теперь смотрѣлъ волкомъ, косилъ на сторону, и какъ будто кого-то съѣсть собирался. Ужь не околдовалъ-ли ихъ кто всѣхъ сегодня, думалъ герой нашъ,—объѣлъ какой нибудь обѣжалъ! Непремѣнно что нибудь особенное должно быть во всемъ народѣ сегодня. «Чортъ возьми, экая мука какая!» Вотъ все-то такимъ образомъ думая и раздумывая, господинъ Голядкинъ ввелъ гостя къ себѣ въ комнату и пригласилъ покорно садиться. Гость былъ въ крайнемъ, повидимому, замѣшательствѣ, очень робѣлъ, покорно слѣдилъ за всѣми движеніями своего хозяина, ловилъ его взгляды, и по нимъ, казалось, старался угадать его мысли. Что-то униженное, забитое и запуганное выражалось во всѣхъ жестахъ его, такъ что онъ, если позволятъ сравненіе, довольно походилъ въ эту минуту на того человѣка, который, за пеимѣніемъ своего платья, одѣлся въ чужое: рукава лѣзутъ на верхъ, талія почти на затылкѣ, а онъ то поминутно оправляетъ на себѣ короткій жилетишко, то виляетъ бочкомъ и сторонится, то норовитъ куда нибудь спрятаться, то заглядываетъ всѣмъ въ глаза и прислушивается, не говорятъ-ли чего люди о его обстоятельствахъ, не смѣются-ли надъ нимъ, не стыдятся-ли его,—и краснѣетъ человѣкъ, и теряется человѣкъ, и страдаетъ амбиція... Господинъ Голядкинъ поставилъ свою шляпу на окно; отъ неосторожнаго движенія шляпа его слетѣла на полъ. Гость тотчасъ-же бросился ее поднимать, счистилъ всю пыль, бережно поставилъ на прежнее мѣсто, а свою на полу, возлѣ стула, на краюшкѣ котораго смиренно самъ помѣстился. Это маленькое обстоятельство открыло отчасти глаза господину Голядкину; понялъ онъ, что нужда въ немъ великая, и потому не сталъ болѣе затрудняться, какъ начать съ своимъ гостемъ, предоставивъ это все, какъ и слѣдовало, ему самому. Гость-же, съ своей стороны, тоже не начиналъ ничего, робѣлъ-ли, стыдился-ли немножко, или, изъ учтивости, ждалъ начина хозяйскаго,—неизвѣстно,—разобрать было трудно. Въ это время вошелъ Петрушка, остановился въ дверяхъ и уставился глазами въ сторону, совершенно противоположную той, въ которой помѣщались и гость, и баринъ его.

— Обѣда двѣ порціи прикажете брать? проговорилъ онъ небрежно и сиповатымъ голосомъ.

— Я, я не знаю... вы—да, возьми, братъ, двѣ порціи.

Петрушка ушелъ. Господинъ Голядкинъ взглянулъ на своего гостя. Гость его покраснѣлъ до ушей. Господинъ Голядкинъ былъ

добрый человѣкъ, и потому, по добротѣ души своей, тотчасъ-же составилъ теорію:

— Бѣдный человѣкъ, думалъ онъ, да и на мѣстѣ-то всего одинъ день; въ свое время пострадалъ, вѣроятно; можетъ быть, только и добра-то, что приличное платьишко, а самому и пообѣдать-то нечѣмъ. Экъ его, какой онъ забитый! Ну, ничего; это отчасти и лучше... Извините меня, что я, — началъ господинъ Голядкинъ: — впрочемъ, позвольте узнать, какъ мнѣ звать васъ?

— Я... я... Яковъ Петровичемъ, почти прошепталъ гость его, словно совѣстясь и стыдясь, словно прощенія прося въ томъ, что и его зовутъ тоже Яковомъ Петровичемъ.

— Яковъ Петровичъ, повторилъ нашъ герой, не въ силахъ будучи скрыть своего смущенія.

— Да-съ, точно такъ-съ... Тезка вамъ-съ, отвѣчалъ смиренный гость господина Голядкина, осмѣливаясь улыбнуться и сказать что нибудь попутливѣе. Но тутъ-же и осѣкся назадъ, принявъ видъ самый серіозный и немного, впрочемъ, смущенный, замѣчая, что хозяину его теперь не до шуточекъ.

— Вы... позвольте-же васъ спросить, по какому случаю имѣю я честь...

— Зная ваше великодушіе и добродѣтели ваши, — быстро, но робкимъ голосомъ прервалъ его гость, немного приподымаясь со стула: — осмѣлился я обратиться къ вамъ и просить вашего... знакомства и покровительства... заключилъ его гость, очевидно, затрудняясь въ своихъ выраженіяхъ и выбирая слова не слишкомъ льстивыя и унизительныя, чтобъ не окомпрометтировать себя въ отношеніи амбиціи,—но и не слишкомъ смѣлыя, отзывающіяся неприличнымъ равенствомъ. Вообще можно сказать, что гость господина Голядкина велъ себя какъ благородный нищій въ зантонаномъ фракѣ и съ благороднымъ паспортомъ въ карманѣ, непрактиковавшійся еще какъ слѣдуетъ протягивать руку.

— Вы смущаете меня, отвѣчалъ господинъ Голядкинъ, оглядывая себя, свои стѣны и гостя: — чѣмъ-же я могъ-бы... я, то есть, хочу сказать, въ какомъ именно отношеніи могу я вамъ услужить въ чемъ нибудь?

— Я, Яковъ Петровичъ, почувствовалъ къ вамъ влеченіе съ перваго взгляда, и, простите меня великодушно, на васъ понадѣялся, — осмѣлился понадѣяться, Яковъ Петровичъ. Я... я человѣкъ здѣсь затерянный, Яковъ Петровичъ, бѣдный, пострадалъ весьма много, Яковъ Петровичъ, и здѣсь еще вновь. Узнавъ, что вы, при обыкновенныхъ, врожденныхъ вамъ качествахъ вашей прекрасной души, однофамилецъ мой...

Господинъ Голядкинъ поморщился.

— Однофамилецъ мой, и родомъ изъ однихъ со мною мѣстъ, рѣшился я обратиться къ вамъ и изложить вамъ затруднительное мое положеніе.

— Хорошо-съ, хорошо-съ: право, я не знаю, что вамъ сказать, отвѣчалъ смущеннымъ голосомъ господинъ Голядкинъ:—вотъ, послѣ обѣда, мы потолкуемъ...

Гость поклонился; обѣдъ принесли. Петрушка собралъ на столъ,—и гость, вмѣстѣ съ хозяиномъ, принялись насыщать себя. Обѣдъ продолжался недолго; оба они торопились, хозяинъ потому, что былъ не въ обыкновенной тарелкѣ своей, да къ тому-же и совѣстился, что обѣдъ былъ дурной,—совѣстился-же отчасти оттого, что хотѣлось гостя хорошо покормить, а частію оттого, что хотѣлось показать, что онъ не какъ нищій живетъ. Съ своей стороны, гость былъ въ крайнемъ смущеніи и крайне конфузился. Взявъ одинъ разъ хлѣба и съѣвъ свой ломоть, онъ уже боялся протягивать руку къ другому ломтю, совѣстился брать кусочки получше и поминутно увѣрялъ, что онъ вовсе не голоденъ, что обѣдъ былъ прекрасный, и что онъ, съ своей стороны, совершенно доволенъ и по гробъ будетъ чувствовать. Когда ѣда кончилась, господинъ Голядкинъ закурилъ свою трубочку, предложилъ другую, заведенную для пріятеля, гостю, — оба усѣлись другъ противъ друга и гость началъ разсказывать свои приключенія.

Разсказъ господина Голядкина-младшаго продолжался часа три или четыре. Исторія приключеній его была, впрочемъ, составлена изъ самыхъ пустѣйшихъ, изъ самыхъ мизерѣйшихъ, если можно сказать, обстоятельствъ. Дѣло шло о службѣ гдѣ-то въ палатѣ, въ губерніи, о прокурорахъ и предсѣдателяхъ, о кое-какихъ канцелярскихъ интригахъ, о развратѣ души одного изъ новыхъ чиновъ, о ревизорѣ, о внезапной перемѣнѣ начальства, о томъ, какъ господинъ Голядкинъ второй пострадалъ совершенно безвинно; о престарѣлой тетушкѣ его, Пелагеѣ Семеновнѣ; о томъ, какъ онъ, по разнымъ интригамъ враговъ своихъ, мѣста лишился и нѣшкомъ пришелъ въ Петербургъ; о томъ, какъ онъ маялся и горе мыкалъ здѣсь, въ Петербургѣ, какъ безплодно долгое время мѣста искалъ, прожился, исхарчился, жилъ чуть не на улицѣ, ѣлъ черствый хлѣбъ и запивалъ его слезами своими, спалъ на голомъ полу, и, наконецъ, какъ кто-то изъ добрыхъ людей взялся хлопотать о немъ, рекомендовалъ и великодушно къ новому мѣсту пристроилъ. Гость господина Голядкина плакалъ, разсказывая, и утиралъ слезы синимъ клѣтчатымъ платкомъ, весьма походившимъ на клеенку. Заключилъ-же онъ тѣмъ, что открылся вполнѣ господину Голядкину и

признался, что ему не только нечѣмъ покамѣстъ жить и прилично устроиться, но обмундироваться-то какъ слѣдуетъ не на что̀; что вотъ, включилъ онъ, даже на саножники не могъ сколотиться, и что вицъ-мундиръ взятъ имъ у кого-то на подержаніе на малое время.

Господинъ Голядкинъ былъ въ умиленіи, былъ истинно тронутъ. Впрочемъ, и даже не смотря на то, что исторія его гостя была самая пустая исторія, всѣ слова этой исторіи ложились на сердце его словно манна небесная. Дѣло въ томъ, что господинъ Голядкинъ забывалъ послѣднія сомнѣнія свои, разрѣшилъ свое сердце на свободу и радость и, наконецъ, мысленно самъ себя пожаловалъ въ дураки. Все было такъ натурально! И было отчего сокрушаться, быть такую тревогу! Ну, есть, дѣйствительно есть одно щекотливое обстоятельство,—да вѣдь оно не бѣда: оно не можетъ замарать человѣка, амбицію его запятнать и карьеру его загубить, когда не виноватъ человѣкъ, когда сама природа сюда замѣшалась. Къ тому-же, гость просилъ покровительства, гость плакалъ, гость судьбу обвинялъ, казался такимъ незатѣйливымъ, безъ злобы и хитростей, жалкимъ, ничтожнымъ, и, кажется, самъ теперь совѣстился, хотя, можетъ быть, и въ другомъ отношеніи, страннымъ сходствомъ лица своего съ хозяйскимъ лицомъ. Велъ онъ себя до-нельзя благонадежно, такъ и смотрѣлъ угодить своему хозяину, и смотрѣлъ такъ, какъ смотритъ человѣкъ, который терзается угрызеніями совѣсти и чувствуетъ, что виноватъ передъ другимъ человѣкомъ. Заходила-ли, напримѣръ, рѣчь о какомъ нибудь сомнительномъ пунктѣ, гость тотчасъ-же соглашался съ мнѣніемъ господина Голядкина. Если-же какъ нибудь, по ошибкѣ, заходилъ мнѣніемъ своимъ въ контру господину Голядкину и потомъ замѣчалъ, что сбился съ дороги, то тотчасъ-же поправлялъ свою рѣчь, объяснялся и давалъ немедленно знать, что онъ все разумѣетъ точно такимъ-же образомъ, какъ хозяинъ его, мыслитъ такъ-же, какъ онъ, и смотритъ на все совершенно такими-же глазами, какъ и онъ. Однимъ словомъ, гость употреблялъ всевозможныя усилія «найдти» въ господинѣ Голядкинѣ, такъ что господинъ Голядкинъ рѣшилъ, наконецъ, что гость его долженъ быть весьма любезный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ. Между прочимъ, подали чай: часъ былъ девятый. Господинъ Голядкинъ чувствовалъ себя въ прекрасномъ расположеніи духа, развеселился, разыгрался, расходился попремножку и пустился, наконецъ, въ самый живой и занимательный разговоръ, съ своимъ гостемъ. Господинъ Голядкинъ, подъ веселую руку, любилъ иногда разсказать что нибудь интересное. Такъ и теперь: разсказалъ гостю много о столицѣ, объ увеселеніяхъ и

красотахъ ея, о театрѣ, о клубахъ, о картинѣ Брюлова; о томъ, какъ два англичанина пріѣхали нарочно изъ Англіи въ Петербургъ, чтобъ посмотрѣть на рѣшетку Лѣтняго сада, и тотчасъ уѣхали; о службѣ, объ Олеуфьѣ Ивановичѣ и объ Андреѣ Филипповичѣ; о томъ, что Россія съ часу на часъ идетъ къ совершенству, и что тутъ

„Словесныя науки днесь цвѣтутъ;“

объ анекдотцѣ, прочитанномъ недавно въ «Сѣверной Пчелѣ», и что въ Индіи есть змѣя удавъ, необыкновенной силы; наконецъ, о баронѣ Брамбеусѣ, и т. д., и т. д. Словомъ, господинъ Голядкинъ вполнѣ былъ доволенъ, во первыхъ, потому, что былъ совершенно спокоенъ, во вторыхъ, что не только не боялся враговъ своихъ, но даже готовъ былъ теперь всѣхъ ихъ вызвать на самый рѣшительный бой; въ третьихъ — что самъ своею особою оказывалъ покровительство и, наконецъ, дѣлалъ доброе дѣло. Сознавался онъ, впрочемъ, въ душѣ своей, что еще не совсѣмъ счастливъ въ эту минуту, что сидитъ въ немъ еще одинъ червячекъ, самый маленькій, впрочемъ, и точитъ даже и теперь его сердце. Мучило крайне его воспоминаніе о вчерашнемъ вечерѣ у Олеуфья Ивановича. Много-бы далъ онъ теперь, если-бъ не было кой-чего изъ того, что̀ было вчера. «Впрочемъ, вѣдь оно ничего!» заключилъ, наконецъ нашъ герой, и рѣшился твердо въ душѣ вести себя впередъ хорошо и не впадать въ подобные промахи. Такъ какъ господинъ Голядкинъ теперь расходился вполнѣ и сталъ вдругъ почти совершенно счастливъ, то вздумалось ему даже и пожуировать жизнію. Принесенъ былъ Петрушкою ромъ, и составился пуншъ. Гость и хозяинъ осушили по стакану и по два. Гость оказался еще любезнѣе прежняго, и съ своей стороны показалъ не одно доказательство прямодушія и счастливаго характера своего, сильно входилъ въ удовольствіе господина Голядкина, казалось, радовался только одною его радостью и смотрѣлъ на него, какъ на истиннаго и единственнаго своего благодѣтеля. Взявъ перо и листочекъ бумажки, онъ попросилъ господина Голядкина не смотрѣть на то, что̀ онъ будетъ писать, и потомъ, когда кончилъ, самъ показалъ хозяину своему все написанное. Оказалось, что это было четверостишіе, написанное довольно чувствительно, впрочемъ, прекраснымъ слогомъ и почеркомъ, и, какъ видно, сочиненіе самого любезнаго гостя. Стишки были слѣдующіе:

Если ты меня забудешь,
Не забуду я тебя;
Въ жизни можетъ все случиться;
Не забудь и ты меня!

Со слезами на глазахъ обнялъ своего гостя господинъ Голядкинъ, и, разчувствовавшись, наконецъ, вполнѣ, самъ посвятилъ своего гостя въ нѣкоторые секреты и тайны свои, причемъ рѣчь сильно напиралась на Андрея Филипповича и на Клару Олсуфьевну. «Ну, да вѣдь мы съ тобой, Яковъ Петровичъ, сойдемся», говорилъ нашъ герой своему гостю: «мы съ тобой, Яковъ Петровичъ, будемъ жить какъ рыба съ водой, какъ братья родные; мы, дружище, будемъ хитрить, за одно хитрить будемъ; съ своей стороны будемъ интригу вести въ пику имъ... въ пику-то имъ интригу вести. А имъ-то ты никому не вѣряйся. Вѣдь я тебя знаю, Яковъ Петровичъ, и характеръ твой понимаю: вѣдь ты какъ разъ все разскажешь, душа ты правдивая! Ты, братъ, сторонись отъ нихъ всѣхъ». Гость вполнѣ согласился, благодарилъ господина Голядкина и тоже, наконецъ, прослезился. «Ты знаешь-ли, Яша», продолжалъ господинъ Голядкинъ дрожащимъ, разслабленнымъ голосомъ: «ты, Яша, поселись у меня на время, или навсегда поселись. Мы сойдемся. Что, братъ, тебѣ, а? А ты не смущайся и не ропщи на то, что вотъ между нами такое странное теперь обстоятельство: роптать, братъ, грѣшно; это природа! А мать природа щедра, вотъ что, братъ Яша! Любя тебя, братски любя тебя, говорю. А мы съ тобой, Яша, будемъ хитрить и съ своей стороны подкопы вести, и носы имъ утремъ». Пуншъ, наконецъ, дошелъ до третьихъ и четвертыхъ стакановъ на брата, и тогда господинъ Голядкинъ сталъ испытывать два ощущенія: одно то, что необыкновенно счастливъ, а другое —что уже не можетъ стоять на ногахъ. Гость, разумѣется, былъ приглашенъ почевать. Кровать была кое-какъ составлена изъ двухъ рядовъ стульевъ. Господинъ Голядкинъ-младшій объявилъ, что подъ дружескимъ кровомъ мягко спать и на голомъ полу, что съ своей стороны онъ заснетъ, гдѣ прійдется, съ покорностью и признательностью; что теперь онъ въ раю, и что, наконецъ, онъ много перенесъ на своемъ вѣку несчастій и горя, на все посмотрѣлъ, всего перетерпѣлъ, и —кто знаетъ будущность?—можетъ быть, еще перетерпитъ. Господинъ Голядкинъ-старшій протестовалъ противъ этого и началъ доказывать, что нужно возложить всю надежду на Бога. Гость вполнѣ соглашался и говорилъ, что, разумѣется, никто таковъ, какъ Богъ. Тутъ господинъ Голядкинъ-старшій замѣтилъ, что турки правы въ нѣкоторомъ отношеніи, призывая даже во сиѣ имя Божіе. Потомъ, не соглашаясь, впрочемъ, съ иными учеными въ иныхъ клеветахъ, взводимыхъ на турецкаго пророка Мухаммеда, и признавая его въ своемъ родѣ великимъ политикомъ, господинъ Голядкинъ перешелъ къ весьма интересному описанію алжирской цирюльни, о которой читалъ въ какой-то книжкѣ, въ смѣси. Гость

Ѳ. М. Достоевскій въ 1872 году.

ГСПИКЕ « А ВИЛЬБОРГЪ

и хозяинъ много смѣялись надъ простодушіемъ турковъ; впрочемъ, не могли не отдать должной дани удивленія ихъ фанатизму, возбуждаемому опіумомъ... Гость сталъ, наконецъ, раздѣваться, а господинъ Голядкинъ вышелъ за перегородку, частію по добротѣ души, что, можетъ быть, дескать, у него и рубашки-то порядочной нѣтъ, такъ чтобъ не сконфузить и безъ того уже пострадавшаго человѣка, а частію для того, чтобъ увѣриться по возможности въ Петрушкѣ, испытать его, развеселить, если можно, и приласкать человѣка, чтобъ ужъ всѣ были счастливы, и чтобъ не оставалось на столѣ просыпанной соли. Нужно замѣтить, что Петрушка все еще немного смущалъ господина Голядкина.

— Ты, Петръ, ложись теперь спать,— кротко сказалъ господинъ Голядкинъ, входя въ отдѣленіе своего служителя:—ты теперь ложись спать, а завтра въ восемь часовъ ты меня и разбуди. Понимаешь, Петруша?

Господинъ Голядкинъ говорилъ необыкновенно мягко и ласково. Но Петрушка молчалъ. Онъ въ это время возился около своей кровати и даже не обернулся къ своему барину, что-бы долженъ былъ сдѣлать, впрочемъ, изъ одного къ нему уваженія.

— Ты, Петръ, меня слышалъ? продолжалъ господинъ Голядкинъ.—«Ты вотъ теперь ложись спать, а завтра, Петруша, ты и разбуди меня въ восемь часовъ; понимаешь?»

— Да ужъ помню, ужъ что тутъ! проворчалъ себѣ подъ носъ Петрушка.

— Ну, то-то, Петруша; я это только такъ говорю, чтобъ и ты былъ спокоенъ и счастливъ. Вотъ мы теперь всѣ счастливы, такъ чтобъ и ты былъ спокоенъ и счастливъ. А теперь спокойной ночи желаю тебѣ. Усни, Петруша, усни; мы всѣ трудиться должны... Ты, братъ, знаешь, не думай чего нибудь...

Господинъ Голядкинъ началъ было, да и остановился. «Не слишкомъ-ли будетъ», подумалъ онъ: «не далеко-ли я замахнулъ? Такъ-то всегда; всегда-то я пересыплю». Герой нашъ вышелъ отъ Петрушки весьма недовольный собою. Къ тому-же, грубостью и неподатливостью Петрушки онъ немного обидѣлся. «Съ нѣмцемъ заигрываютъ, нѣмцу баринъ честь дѣлаетъ, а онъ не чувствуетъ», подумалъ господинъ Голядкинъ. «Впрочемъ, такая ужъ тенденція подлая у всего этого рода!» Отчасти покачиваясь, воротился онъ въ комнату, и видя, что гость его улегся совсѣмъ, присѣлъ на минутку къ нему на постель. «А вѣдь признайся, Яша, началъ онъ шепотомъ и куликая головой: «вѣдь ты, подлецъ, предо мной виноватъ? Вѣдь ты, тёзка, знаешь, того»... продолжалъ онъ, довольно фамильярно заигрывая съ своимъ гостемъ. Наконецъ, рас-

простившись съ нимъ дружески, господинъ Голядкинъ отправился спать. Гость между тѣмъ захрапѣлъ. Господинъ Голядкинъ въ свою очередь началъ ложиться въ постель, а, между тѣмъ, посмѣиваясь, шепталъ про себя: «Вѣдь ты пьянъ сегодня, голубчикъ мой, Яковъ Петровичъ, подлецъ ты такой, Голядка ты этакой,—фамилія твоя такова!! Ну, чему ты обрадовался? Вѣдь завтра расплачешься, нюня ты этакая: что̀ мнѣ дѣлать съ тобой!» Тутъ довольно странное ощущеніе отозвалось во всемъ существѣ господина Голядкина, что̀-то похожее на сомнѣніе, или раскаяніе. «Расходился-жъ я», думалъ онъ: «вѣдь вотъ теперь шумитъ въ головѣ и я пьянъ; и не удержался, дурачина ты этакая! и вздору съ три короба намололъ, да еще хитритъ, подлецъ, собирался. Конечно, прощеніе и забвеніе обидъ есть первѣйшая добродѣтель, но все-жъ оно плохо! Вотъ оно какъ!» Тутъ господинъ Голядкинъ привсталъ, взялъ свѣчку, и на цыпочкахъ еще разъ пошелъ взглянуть на спящаго своего гостя. Долго стоялъ онъ надъ нимъ въ глубокомъ раздумьи. «Картина непріятная! Пасквиль, чистѣйшій пасквиль, да и дѣло съ концомъ!»

Наконецъ, господинъ Голядкинъ улегся совсѣмъ.—Въ головѣ у него шумѣло, трещало, звонило. Онъ сталъ забываться-забываться... снился было о чемъ то думать, вспомнить что-то такое весьма интересное, разрѣшить что-то такое весьма важное, какое-то щекотливое дѣло,—но не могъ. Сонъ налетѣлъ на его побѣдную голову, и онъ заснулъ такъ, какъ обыкновенно спятъ люди, съ непривычки употребившіе вдругъ пять стакановъ пунша на какой нибудь дружеской вечеринкѣ.

ГЛАВА VIII.

Такъ обыкновенно, на другой день господинъ Голядкинъ проснулся въ восемь часовъ; проснувшись-же, тотчасъ припомнилъ всѣ происшествія вчерашняго вечера, — припомнилъ и поморщился. «Экъ я разыгрался вчера какимъ дуракомъ!» подумалъ онъ, приподымаясь съ постели и взглянувъ на постель своего гостя. Но каково-же было его удивленіе, когда не только гостя, но даже и постели, на которой спалъ гость, не было въ комнатѣ! «Что̀-жъ это такое?» чуть не вскрикнулъ господинъ Голядкинъ: «что-жъ-бы это было такое? Что̀-же означаетъ теперь это новое обстоятельство?» Покамѣстъ господинъ Голядкинъ, недоумѣвая, съ раскрытымъ ртомъ смотрѣлъ на опустѣлое мѣсто, скрипнула дверь, и Петрушка вошелъ съ чайнымъ подносомъ. «Гдѣ-же, гдѣ-же?» проговорилъ чуть слышнымъ голосомъ нашъ герой, указывая пальцемъ на вчерашнее

мѣсто, отведенное гостю. Петрушка сначала не отвѣчалъ ничего, даже не посмотрѣлъ на своего барина, а поворотилъ свои глаза въ уголъ направо, такъ что господинъ Голядкинъ самъ принужденъ былъ взглянуть въ уголъ направо. Впрочемъ, послѣ нѣкотораго молчанія, Петрушка, сиповатымъ и грубымъ голосомъ, отвѣтилъ— «что барина дома нѣтъ».

— Дуракъ ты; да вѣдь я твой баринъ, Петрушка, проговорилъ господинъ Голядкинъ прерывистымъ голосомъ и во всѣ глаза смотря на своего служителя.

Петрушка ничего не отвѣчалъ, но посмотрѣлъ такъ на господина Голядкина, что тотъ покраснѣлъ до ушей, — посмотрѣлъ съ какою-то оскорбительною укоризною, похожею на чистую брань. Господинъ Голядкинъ и руки опустилъ, какъ говорится. Наконецъ, Петрушка объявилъ, что *другой* ужъ часа съ полтора какъ ушелъ и не хотѣлъ дожидаться. Конечно, отвѣтъ былъ вѣроятенъ и правдоподобенъ; видно было, что Петрушка не лгалъ, что оскорбительный взглядъ его и слово *другой*, употребленное имъ, были лишь слѣдствіемъ всего извѣстнаго гнуснаго обстоятельства, но все-таки онъ понималъ, хоть и смутно, что тутъ что нибудь да не такъ, и что судьба готовитъ ему еще какой-то гостинецъ, не совсѣмъ-то пріятный. «Хорошо, мы посмотримъ», думалъ онъ про себя: «мы увидимъ, мы своевременно раскусимъ все это... Ахъ ты, Господи Боже мой!» простоналъ онъ въ заключеніе уже совсѣмъ другимъ голосомъ: «и зачѣмъ я это приглашалъ его, на какой конецъ я все это дѣлалъ? Вѣдь истинно самъ голову сую въ петлю ихъ воровскую, самъ эту петлю свиваю. Ахъ ты голова, голова! Вѣдь и утерпѣть-то не можешь ты, чтобъ не провраться какъ мальчишка какой нибудь, канцеляристъ какой нибудь, какъ безчиновная дрянь какая нибудь, тряпка, ветошка гнилая какая нибудь, сплетникъ ты этакой, баба ты этакая!.. Святые вы мои! И стишки шельмецъ написалъ, и въ любви ко мнѣ изъяснился! Какъ-бы этакъ, того... Какъ-бы ему, шельмецу, приличнѣе на дверь указать, коли воротится? Разумѣется, много есть разныхъ оборотовъ и способовъ. Такъ и такъ, дескать, при моемъ ограниченномъ жалованьи... Или, тамъ, припугнуть его какъ нибудь, что, дескать, взявъ въ соображеніе вотъ то-то и то-то, принужденъ изъясниться... дескать, нужно въ половинѣ платить за квартиру и столъ, и деньги впередъ отдавать. Гм! нѣтъ, чортъ возьми, нѣтъ! Это меня замараетъ. Оно не совсѣмъ деликатно! Развѣ какъ нибудь, тамъ, вотъ этакъ-бы сдѣлать: взять-бы, да и надоумить Петрушку, чтобъ Петрушка ему насолилъ какъ нибудь, нелишкировалъ-бы съ нимъ какъ нибудь, струбилъ ему, да и выжилъ его такимъ образомъ? Стравить-бы ихъ

этакъ вмѣстѣ... Нѣтъ, чортъ возьми, нѣтъ! Это опасно, да и опять, если съ этакой точки зрѣнія смотрѣть—ну, да, вовсе нехорошо! Совсѣмъ нехорошо! А ну—если онъ не придетъ? и это плохо будетъ? проврался я ему вчера вечеромъ!.. Эхъ, плохо, плохо! Эхъ, дѣло-то наше какъ плоховато! Ахъ, я голова, голова окаянная! Взубрить-то ты чего слѣдуетъ не можешь себѣ, резону-то втвоздить туда не можешь себѣ! Ну, какъ онъ придетъ и откажется? А дай-то Господи, если-бъ пришелъ! Весьма былъ-бы радъ я, если-бъ пришелъ»... Такъ разсуждалъ господинъ Голядкинъ, глотая свой чай и безпрестанно поглядывая на стѣнные часы. «Безъ четверти девять теперь: вѣдь вотъ ужь пора идти. А что-то будетъ такое; что-то тутъ будетъ? Желалъ-бы я знать, что̀ здѣсь именно особеннаго такого скрывается, — этакъ цѣль, направленіе и разныя тамъ закавыки. Хорошо-бы узнать, на что̀ именно мѣтятъ всѣ эти народы, и каковъ-то будетъ ихъ первый шагъ»... Господинъ Голядкинъ не могъ долѣе вытерпѣть, бросилъ недокуренную трубку, одѣлся и пустился бѣжать на службу, желая накрыть, если можно, опасность и во всемъ удостовѣриться своимъ личнымъ присутствіемъ. А опасность была: это ужь онъ самъ зналъ, что опасность была. «А вотъ мы ее... и раскусимъ», говорилъ господинъ Голядкинъ, снимая шинель и калоши въ передней: «вотъ мы и проникнемъ сейчасъ во всѣ эти дѣла». Рѣшившись такимъ образомъ дѣйствовать, герой нашъ оправился, принялъ видъ приличный и форменный, и только что хотѣлъ было проникнуть въ сосѣднюю комнату, какъ вдругъ, въ самыхъ дверяхъ, столкнулся съ нимъ вчерашній знакомецъ, другъ и пріятель его. Господинъ Голядкинъ-младшій, кажется, не замѣчалъ господина Голядкина-старшаго, хотя и сонелся съ нимъ почти носомъ къ носу. Господинъ Голядкинъ-младшій былъ, кажется, занятъ, куда-то спѣшилъ, заныхался; видъ имѣлъ такой официальный, такой дѣловой, что̀, казалось, всякій могъ прямо прочесть на лицѣ его—«командированъ по особому порученію»...

— Ахъ, это вы, Яковъ Петровичъ! сказалъ нашъ герой, хватая своего вчерашняго гостя за руку.

— Послѣ, послѣ, извините меня, разскажете послѣ, закричалъ господинъ Голядкинъ-младшій, порываясь впередъ.

— Однако, позвольте: вы, кажется, хотѣли, Яковъ Петровичъ, того-съ...

— Что-съ? Объясните скорѣе-съ.—Тутъ вчерашній гость господина Голядкина остановился какъ-бы черезъ силу и нехотя, и подставилъ ухо свое прямо къ носу господина Голядкина.

— Я вамъ скажу, Яковъ Петровичъ, что я удивляюсь пріему... пріему, какого вовсе, повидимому, не могъ-бы я ожидать.

— На все есть извѣстная форма-съ. Явитесь къ секретарю его превосходительства и потомъ отнеситесь, какъ слѣдуетъ, къ господину правителю канцеляріи. Просьба есть?..

— Вы, я не знаю, Яковъ Петровичъ! Вы меня просто изумляете, Яковъ Петровичъ! Вы вѣрно не узнаете меня, или шутите, по врожденной веселости характера вашего.

— А, это вы! сказалъ господинъ Голядкинъ-младшій, какъ будто только что сейчасъ разглядѣвъ господина Голядкина-старшаго:—такъ это вы? Ну, что-жь, хорошо-ли вы почивали? Тутъ господинъ Голядкинъ-младшій, улыбнувшись немного,—оффиціально и форменно улыбнувшись, хотя вовсе не такъ, какъ-бы слѣдовало (потому что, вѣдь во всякомъ случаѣ онъ долженъ-же былъ благодарностью господину Голядкину-старшему), и такъ—улыбнувшись оффиціально и форменно, прибавилъ, что онъ съ своей стороны весьма радъ, что господинъ Голядкинъ хорошо почивалъ; потомъ наклонился немного, посѣменилъ немного на мѣстѣ, поглядѣлъ направо, налѣво, потомъ опустилъ глаза въ землю, нацѣлился въ боковую дверь и, прошепталъ скороговоркой, что онъ по особому порученію, юркнулъ въ сосѣднюю комнату. Только его и видѣли.

— Вотъ-те и штука!.. прошепталъ нашъ герой, остолбенѣвъ на мгновеніе:—вотъ-те и штука! Такъ вотъ такое-то здѣсь обстоятельство!.. Тутъ господинъ Голядкинъ почувствовалъ, что у него отчего-то заходили муранки по тѣлу.—Впрочемъ, продолжалъ онъ про себя, пробираясь въ свое отдѣленіе:—впрочемъ, вѣдь я уже давно говорилъ о такомъ обстоятельствѣ, я уже давно предчувствовалъ, что онъ по особому порученію, — именно, вотъ вчера говорилъ, что непремѣнно по чьему нибудь особому порученію употребленъ человѣкъ...

— Окончили вы, Яковъ Петровичъ, вчерашнюю вашу бумагу? спросилъ Антонъ Антоновичъ Сѣточкинъ усѣвшагося подлѣ него господина Голядкина:—у васъ здѣсь она?

— Здѣсь, прошепталъ господинъ Голядкинъ, смотря на своего столоначальника, отчасти съ потерявшимся видомъ.

— То-то-съ. Я къ тому говорю, что Андрей Филипповичъ уже два раза спрашивалъ. Того и гляди, что его превосходительство потребуетъ...

— Нѣтъ-съ, она кончена-съ...

— Ну-съ, хорошо-съ.

— Я, Антонъ Антоновичъ, всегда, кажется, исполнялъ свою должность какъ слѣдуетъ и радѣю о порученныхъ мнѣ начальствомъ дѣлахъ-съ, занимаюсь ими рачительно.

— Да-съ. Ну-съ, что-же вы хотите этимъ сказать-съ?

— Я ничего-съ, Антонъ Антоновичъ. Я только, Антонъ Антоновичъ, хочу объяснить, что я... то есть, я хотѣлъ выразить, что иногда неблагонамѣренность и зависть не щадятъ никакого лица, ища своей повседневной отвратительной пищи-съ...

— Извините, я васъ не совсѣмъ-то понимаю. То есть, на какое лицо вы теперь намекаете?

— То есть, я хотѣлъ только сказать, Антонъ Антоновичъ, что я иду прямымъ путемъ, а окольнымъ путемъ ходить презираю, что я не интриганъ, и что симъ, если позволено только будетъ мнѣ выразиться, могу весьма справедливо гордиться...

— Да-съ. Это все такъ-съ, и по крайнему моему разумѣнію отдаю полную справедливость разсужденію вашему; но позвольте-же и мнѣ вамъ, Яковъ Петровичъ, замѣтить, что личности въ хоромъ обществѣ не совсѣмъ позволительны-съ; что за глаза, я, напримѣръ, готовъ снести,—потому что за глаза и кого-жъ не бранятъ!—но въ глаза, воля ваша, и я, сударь мой, напримѣръ, себѣ дерзостей говорить не позволю. Я, сударь мой, посѣдѣлъ на государственной службѣ, и дерзостей на старости лѣтъ говорить себѣ не позволю-съ...

— Нѣтъ-съ, я, Антонъ Антоновичъ-съ, вы, видите-ли, Антонъ Антоновичъ,—вы, кажется, Антонъ Антоновичъ, меня не совсѣмъ-то уразумѣли-съ. А я, помилуйте, Антонъ Антоновичъ, я съ своей стороны могу только за честь поставить-съ...

— Да ужъ и насъ тоже прошу извинить-съ. Учены мы по старинному-съ. А по вашему, по новому, учиться намъ поздно. На службѣ отечеству разумѣнія доселѣ намъ, кажется, доставало. У меня, сударь мой, какъ вы сами знаете, есть знакъ за двадцатипятилѣтнюю безпорочную службу-съ...

— Я чувствую, Антонъ Антоновичъ, я съ моей стороны совершенно все это чувствую-съ. Но я не про то-съ, я про маску говорилъ, Антонъ Антоновичъ-съ...

— Про маску-съ?

— То есть, вы опять... я опасаюсь, что вы и тутъ примете въ другую сторону смыслъ, то есть смыслъ рѣчей моихъ, какъ вы сами говорите, Антонъ Антоновичъ. Я только тему развиваю, то есть пропускаю идею, Антонъ Антоновичъ, что люди, носящіе маску, стали не рѣдки-съ, и что теперь трудно подъ маской узнать человѣка-съ...

— Ну-съ, знаете-ли-съ, оно не совсѣмъ-то и трудно-съ. Иногда и довольно легко-съ, иногда и искать недалеко нужно ходить-съ.

— Нѣтъ-съ, знаете-ли-съ, я, Антонъ Антоновичъ, говорю-съ,

про себя говорю, что я, напримѣръ, маску надѣваю лишь когда нужда въ ней бываетъ, то есть единственно для карнавала и веселыхъ собраній, говоря въ прямомъ смыслѣ, но что не маскируюсь передъ людьми каждодневно, говоря въ другомъ, болѣе скрытномъ смыслѣ-съ. Вотъ что я хотѣлъ сказать, Антонъ Антоновичъ-съ.

— Ну, да мы, покамѣстъ, оставимъ все это; да мнѣ-же и некогда-съ, сказалъ Антонъ Антоновичъ, привставъ съ своего мѣста и собирая кой-какія бумаги для доклада его превосходительству.— Дѣло-же ваше, какъ я полагаю, не замедлитъ своевременно объясниться. Сами-же увидите вы, на кого вамъ пенять, и кого обвинять, а затѣмъ прошу васъ покорнѣйше уволить меня отъ дальнѣйшихъ частныхъ и вредящихъ службѣ объясненій и толковъ-съ...

— Нѣтъ-съ, я, Антонъ Антоновичъ, началъ поблѣднѣвшій немного господинъ Голядкинъ вслѣдъ удаляющемуся Антону Антоновичу:—я, Антонъ Антоновичъ, того-съ, и не думалъ-съ.—Что-же это такое? продолжалъ уже про себя нашъ герой, оставшись одинъ:— что-же это за вѣтры такіе здѣсь подуваютъ, и что означаетъ этотъ новый крючекъ? Въ то самое время, какъ потерянный и полу-убитый герой нашъ готовился было разрѣшить этотъ новый вопросъ, въ сосѣдней комнатѣ послышался шумъ, обнаружилось какое-то дѣловое движеніе, дверь отворилась, и Андрей Филипповичъ, только что передъ тѣмъ отлучившійся по дѣламъ въ кабинетъ его превосходительства, запыхавшись, появился въ дверяхъ и кликнулъ господина Голядкина. Зная въ чемъ дѣло и не желая заставить ждать Андрея Филипповича, господинъ Голядкинъ вскочилъ съ своего мѣста и, какъ слѣдуетъ, немедленно засуетился на чемъ свѣтъ стоитъ, оботовляя и обхоливая окончательно требуемую тетрадку, да и самъ приготовляясь отправиться, вслѣдъ за тетрадкой и Андреемъ Филипповичемъ, въ кабинетъ его превосходительства. Вдругъ, и почти изъ подъ руки Андрея Филипповича, стоявшаго въ то время въ самыхъ дверяхъ, юркнулъ въ комнату господинъ Голядкинъ-младшій, суетясь, запыхавшись, загонявшись на службѣ, съ важнымъ рѣшительно-форменнымъ видомъ, и прямо подкатился къ господину Голядкину-старшему, менѣе всего ожидавшему подобнаго нападенія...

— Бумаги, Яковъ Петровичъ, бумаги... его превосходительство изволили спрашивать, готовы-ль у васъ? защебеталъ въ полголоса и скороговоркой пріятель господина Голядкина-старшаго: — Андрей Филипповичъ васъ ожидаетъ...

— Знаю и безъ васъ, что ожидаютъ. проговорилъ господинъ Голядкинъ-старшій, тоже скороговоркой и шепотомъ.

— Нѣтъ, я, Яковъ Петровичъ, не то: я, Яковъ Петровичъ, со-

всѣмъ не то: я сочувствую, Яковъ Петровичъ, и подвигнуть душевнымъ участіемъ.

— Отъ котораго нижайше прошу васъ избавить меня. Позвольте, позвольте-съ...

— Вы, разумѣется, ихъ обернете оберточкой, Яковъ Петровичъ, а третью-то страничку вы заложите закладкой, позвольте, Яковъ Петровичъ...

— Да позвольте-же вы, наконецъ...

— Но вѣдь здѣсь чернильное пятнышко, Яковъ Петровичъ, вы замѣтили-ль чернильное пятнышко?..

Тутъ Андрей Филипповичъ второй разъ кликнулъ господина Голядкина.

— Сейчасъ, Андрей Филипповичъ; я вотъ только немножко, вотъ здѣсь... Милостивый государь, понимаете-ли вы русскій языкъ?

— Лучше всего будетъ ножичкомъ снять, Яковъ Петровичъ, вы лучше на меня положитесь: вы лучше не трогайте сами, Яковъ Петровичъ, а на меня положитесь,—я-же отчасти тутъ ножичкомъ...

Андрей Филипповичъ третій разъ кликнулъ господина Голядкина.

— Да помилуйте, гдѣ-же тутъ пятнышко? Вѣдь, кажется, вовсе нѣту здѣсь пятнышка?

— И огромное пятнышко, вотъ оно! Вотъ, позвольте, я здѣсь его видѣлъ: вотъ, позвольте... вы только позвольте мнѣ, Яковъ Петровичъ, я отчасти здѣсь ножичкомъ, я изъ участія, Яковъ Петровичъ, и ножичкомъ отъ чистаго сердца... вотъ такъ, вотъ и дѣло съ концомъ...

Тутъ, и совсѣмъ неожиданно, господинъ Голядкинъ-младшій, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, осиливъ господина Голядкина-старшаго въ мгновенной борьбѣ, между ними возникшей, и во всякомъ случаѣ совершенно противъ воли его, овладѣлъ требуемой начальствомъ бумагой, и, вмѣсто того, чтобъ поскоблить ее ножичкомъ отъ чистаго сердца, какъ вѣроломно увѣрялъ онъ господина Голядкина-старшаго,—быстро свернулъ ее, сунулъ подъ мышку, въ два скачка очутился возлѣ Андрея Филипповича, незамѣтившаго ни одной изъ продѣлокъ его, и полетѣлъ съ нимъ въ директорскій кабинетъ. Господинъ Голядкинъ-старшій остался какъ-бы прикованнымъ къ мѣсту, держа въ рукахъ ножичекъ и какъ будто приготовляясь что-то скоблить имъ...

Герой нашъ еще не совсѣмъ понималъ свое новое обстоятельство. Онъ еще не опомнился. Онъ почувствовалъ ударъ, но думалъ, что это что нибудь такъ. Въ страшной, неописанной тоскѣ сорвался онъ, наконецъ, съ мѣста и бросился прямо въ директорскій каби-

нетъ, моля, впрочемъ, небо дорогою, чтобъ это устроилось все какъ нибудь къ лучшему и было-бы такъ, ничего... Въ послѣдней комнатѣ передъ директорскимъ кабинетомъ, сбѣжался онъ, прямо носъ съ носомъ, съ Андреемъ Филипповичемъ и съ однофамильцемъ своимъ. Оба они уже возвращались: господинъ Голядкинъ посторонился. Андрей Филипповичъ говорилъ улыбаясь и весело. Однофамилецъ господина Голядкина-старшаго тоже улыбался, юлилъ, сѣменилъ въ почтительномъ разстояніи отъ Андрея Филипповича, и что-то съ восхищеннымъ видомъ напѣвалъ ему на ушко, на что Андрей Филипповичъ самымъ благосклоннымъ образомъ кивалъ головою. Разомъ понялъ герой нашъ все положеніе дѣлъ. Дѣло въ томъ, что работа его (какъ онъ послѣ узналъ) почти превзошла ожиданія его превосходительства и поспѣла дѣйствительно къ сроку и во-время. Его превосходительство были крайне довольны. Говорили даже, что его превосходительство сказали спасибо господину Голядкину-младшему, крѣпкое спасибо; сказали, что вспомнятъ при случаѣ и никакъ не забудутъ... Разумѣется, что первымъ дѣломъ господина Голядкина было протестовать, протестовать всѣми силами, до послѣдней возможности. Почти не помня себя и блѣдный какъ смерть бросился онъ къ Андрею Филипповичу. Но Андрей Филипповичъ, услышавъ, что дѣло господина Голядкина было частное дѣло, отказался слушать, рѣшительно замѣчая, что у него нѣтъ ни минуты свободной и для собственныхъ надобностей.

Сухость тона и рѣзкость отказа поразили господина Голядкина. «А вотъ лучше я какъ нибудь съ другой стороны... вотъ я лучше къ Антону Антоновичу». Къ несчастію господина Голядкина, и Антона Антоновича не оказалось въ наличности: онъ тоже гдѣ-то былъ чѣмъ-то занятъ. «А вѣдь не безъ намѣренія просилъ уволить себя отъ объясненій и толковъ!» подумалъ герой нашъ. «Вотъ куда мѣтилъ—старая лисица! Въ такомъ случаѣ, я просто дерзну умолять его превосходительство».

Все еще блѣдный и чувствуя въ совершенномъ разбродѣ всю свою голову, крѣпко недоумѣвая, на что именно нужно рѣшиться, присѣлъ господинъ Голядкинъ на стулъ. «Гораздо было-бы лучше, если-бъ все это было лишь такъ только», безпрерывно думалъ онъ про себя. «Дѣйствительно, подобное темное дѣло было даже невѣроятно совсѣмъ. Это, во первыхъ, и вздоръ, а во вторыхъ, и случиться не можетъ. Это, вѣроятно, какъ нибудь тамъ померещилось, или вышло что нибудь другое, а не то, что дѣйствительно было; или вѣрно это я самъ ходилъ... и себя какъ нибудь тамъ принялъ совсѣмъ за другаго... однимъ словомъ, это совершенно невозможное дѣло».

Только что господинъ Голядкинъ рѣшилъ, что это совсѣмъ невозможное дѣло, какъ вдругъ въ комнату влетѣлъ господинъ Голядкинъ-младшій, съ бумагами въ обѣихъ рукахъ и подъ мышкой. Сказавъ мимоходомъ какія-то нужныя два слова Андрею Филипповичу, перемолвивъ и еще кое съ кѣмъ, полюбезничавъ кое съ кѣмъ, пофамильярничавъ кое съ кѣмъ, господинъ Голядкинъ-младшій, повидимому, неимѣвшій лишняго времени на безполезную трату, собирался уже, кажется, выйдти изъ комнаты, но, къ счастію господина Голядкина-старшаго, остановился въ самыхъ дверяхъ и заговорилъ мимоходомъ съ двумя или тремя случившимися тутъ-же молодыми чиновниками. Господинъ Голядкинъ-старшій бросился прямо къ нему. Только что увидѣлъ господинъ Голядкинъ-младшій маневръ господина Голядкина-старшаго, тотчасъ-же началъ съ большимъ безпокойствомъ осматриваться куда-бы ему поскорѣй улизнуть. Но герой нашъ уже держался за рукава своего вчерашняго гостя. Чиновники, окружившіе двухъ титулярныхъ совѣтниковъ, разступились и съ любопытствомъ ожидали что̀ будетъ. Старшій титулярный совѣтникъ понималъ хорошо, что доброе мнѣніе теперь не на его сторонѣ, понималъ хорошо, что подъ него интригуютъ: тѣмъ болѣе нужно было теперь поддержать себя. Минута была рѣшительная.

— Ну-съ? проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій, довольно дерзко смотря на господина Голядкина-старшаго.

Господинъ Голядкинъ-старшій едва дышалъ.

— Я не знаю, милостивый государь, началъ онъ: — какимъ образомъ вамъ теперь объяснить странность вашего поведенія со мною.

— Ну-съ. Продолжайте-съ.– Тутъ господинъ Голядкинъ-младшій оглянулся кругомъ и мигнулъ глазомъ окружавшимъ ихъ чиновникамъ, какъ-бы давая знать, что вотъ именно сейчасъ и начнется комедія.

— Дерзость и безстыдство вашихъ пріемовъ, милостивый государь мой, со мною, въ настоящемъ случаѣ, еще болѣе васъ обличаютъ... чѣмъ всѣ слова мои. Не надѣйтесь на вашу игру: она плоховата...

— Ну, Яковъ Петровичъ, теперь скажите-ка мнѣ, каково-то вы почивали? отвѣчалъ господинъ Голядкинъ-младшій, прямо смотря въ глаза господину Голядкину-старшему.

— Вы, милостивый государь, забываетесь, сказалъ совершенно потерявшійся титулярный совѣтникъ, едва слыша полъ подъ собою:—я надѣюсь, что вы перемѣните тонъ...

— Душка мой!! проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій,

скорчивъ довольно неблагопристойную гримасу господину Голядкину-старшему, и вдругъ, совсѣмъ неожиданно, подъ видомъ ласкательства, ухватилъ его двумя пальцами за довольно пухлую правую щеку. Герой нашъ вспыхнулъ какъ огонь... Только что пріятель господина Голядкина-старшаго примѣтилъ, что противникъ его, трясясь всѣми членами, нѣмой отъ изступленія, красный какъ ракъ, и, наконецъ, доведенный до послѣднихъ границъ, можетъ даже рѣшиться на формальное нападеніе, то немедленно, и самымъ безстыднымъ образомъ, предупредилъ его въ свою очередь. Потрепавъ его еще раза два по щекѣ, пощекотавъ его еще раза два, поигравъ съ нимъ, неподвижнымъ и обезумѣвшимъ отъ бѣшенства, еще нѣсколько секундъ такимъ образомъ, къ немалой утѣхѣ окружающей ихъ молодежи, господинъ Голядкинъ-младшій, съ возмущающимъ душу безстыдствомъ, щелкнулъ окончательно господина Голядкина-старшаго по крутому брюшку и съ самой ядовитой и далеко намекающей улыбкой проговорилъ ему: «Шалишь, братецъ, Яковъ Петровичъ, шалишь! Хитрить мы будемъ съ тобой, Яковъ Петровичъ, хитрить». Потомъ, и прежде чѣмъ герой нашъ успѣлъ мало-мальски придти въ себя отъ послѣдней атаки, господинъ Голядкинъ-младшій вдругъ (предварительно отпустивъ только улыбочку окружавшимъ ихъ зрителямъ) принялъ на себя видъ самый занятой, самый дѣловой, самый форменный, опустилъ глаза въ землю, съежился, сжался, и, быстро проговоривъ «по особому порученію», лягнулъ своей коротенькой ножкой и нырнулъ въ сосѣднюю комнату. Герой нашъ не вѣрилъ глазамъ и все еще былъ не въ состояніи опомниться...

Наконецъ, онъ опомнился. Сознавъ въ одинъ мигъ, что погибъ, уничтожился въ нѣкоторомъ смыслѣ, что замаралъ себя и запачкалъ свою репутацію, что осмѣянъ и оплеванъ въ присутствіи посторонихъ лицъ, что предательски поруганъ тѣмъ, кого еще вчера считалъ первѣйшимъ и надежнѣйшимъ другомъ своимъ, что срѣзался, наконецъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, — господинъ Голядкинъ бросился въ погоню за своимъ пріятелемъ. Въ настоящее мгновеніе онъ уже и думать не хотѣлъ о свидѣтеляхъ своего поруганія. «Это все въ стачкѣ другъ съ другомъ», говорилъ онъ самъ про себя: «одинъ за другаго стоитъ и одинъ другаго на меня натравляетъ». Однако-жь, сдѣлавъ десять шаговъ, герой нашъ ясно увидѣлъ, что всѣ преслѣдованія остались пустыми и тщетными, и потому воротился. «Не уйдешь», думалъ онъ: «попадешь подъ сюркуп своевременно, отольются волку овечьи слезы». Съ яростнымъ хладнокровіемъ и съ самою энергическою рѣшимостью дошелъ господинъ Голядкинъ до стула и усѣлся на немъ. «Не уйдешь!» ска-

зать онъ опять. Теперь дѣло шло не о пассивной оборонѣ какой нибудь: нахнуло рѣшительнымъ, наступательнымъ, и кто видѣлъ господина Голядкина въ ту минуту, какъ онъ, краснѣя и едва сдерживая волненіе свое, кольнулъ перомъ въ чернильницу, и съ какой яростью принялся строчить на бумагѣ, тотъ могъ уже заранѣе рѣшить, что дѣло такъ не пройдетъ, и простымъ какимъ нибудь бабьимъ образомъ не можетъ окончиться. Въ глубинѣ души своей сложилъ онъ одно рѣшеніе, и въ глубинѣ сердца своего поклялся исполнить его. По правдѣ-то, онъ еще не совсѣмъ хорошо зналъ, какъ ему поступить, то есть, лучше сказать, вовсе не зналъ; но все равно, ничего! «А самозванствомъ и безстыдствомъ, милостивый государь, въ нашъ вѣкъ не берутъ. Самозванство и безстыдство, милостивый мой государь, не къ добру приводитъ, а до петли доводитъ. Гришка Отрепьевъ только одинъ, сударь вы мой, взялъ самозванствомъ, обманувъ слѣпой народъ, да и то не надолго». Не смотря на это послѣднее обстоятельство, господинъ Голядкинъ положилъ ждать до тѣхъ поръ, покамѣстъ маска спадетъ съ нѣкоторыхъ лицъ и кое-что обнажится. Для сего нужно было, во первыхъ, чтобъ кончились какъ можно скорѣе часы присутствія, а до тѣхъ поръ герой нашъ положилъ не предпринимать ничего. Потомъ-же, когда кончатся часы присутствія, онъ приметъ мѣру одну. Тогда-же онъ знаетъ какъ ему поступить, принявъ эту мѣру, какъ расположить весь планъ своихъ дѣйствій, чтобъ сокрушить рогъ гордыни и раздавить змѣю, грызущую прахъ въ презрѣніи безсилія. Позволить-же затереть себя, какъ ветошку, объ которую грязные сапоги обтираютъ, господинъ Голядкинъ не могъ. Согласиться на это не могъ онъ, и особенно въ настоящемъ случаѣ. Не будь послѣдняго посрамленія, герой нашъ, можетъ быть, и рѣшился-бы скрѣпить свое сердце, можетъ быть, онъ и рѣшился-бы смолчать, покориться и не протестовать слишкомъ упорно; такъ, поспорилъ-бы, попретендовалъ-бы немножко, доказалъ-бы, что онъ въ своемъ правѣ, потомъ-бы уступилъ немножко, потомъ, можетъ быть, и еще немножко-бы уступилъ, потомъ согласился-бы совсѣмъ, потомъ, и особенно тогда, когда противная сторона признала-бы торжественно, что онъ въ своемъ правѣ, потомъ, можетъ быть, и помирился-бы даже, даже умилился-бы немножко, даже,—кто-бы могъ знать,—можетъ быть, возродилась-бы новая дружба, крѣпкая, жаркая дружба, еще болѣе широкая, чѣмъ вчерашняя дружба, такъ что эта дружба совершенно могла-бы затмить, наконецъ, непріятность довольно неблагопристойнаго сходства двухъ лицъ, такъ, что оба титулярные совѣтника были-бы крайне какъ рады, и прожили-бы, наконецъ, до ста лѣтъ, и т. д. Скажемъ все, наконецъ: господинъ Голядкинъ

даже начиналъ немного раскаяваться, что вступился за себя и за право свое, и тутъ-же получилъ за то непріятность. «Покорись онъ», думалъ господинъ Голядкинъ: «скажи, что пошутилъ,—простилъ-бы ему, даже болѣе простилъ-бы ему, только-бы въ этомъ громко признался. Но какъ ветошку себя затирать я не дамъ. И не такимъ людямъ не давалъ я себя затирать, тѣмъ болѣе не позволю покуситься на это человѣку развращенному. Я не ветошка; я, сударь мой, не ветошка!» Однимъ словомъ, герой нашъ рѣшился. «Сами вы, сударь вы мой, виноваты!» Рѣшился-же онъ протестовать и протестовать всѣми силами до послѣдней возможности. Такой ужь былъ человѣкъ! Позволить обидѣть себя онъ никакъ не могъ согласиться, а тѣмъ болѣе дозволить себя затереть какъ ветошку, и, наконецъ, дозволить это совсѣмъ развращенному человѣку. Не споримъ, впрочемъ, не споримъ. Можетъ быть, если-бъ кто захотѣлъ, если-бъ ужь кому, напримѣръ, вотъ такъ непремѣнно захотѣлось обратить въ ветошку господина Голядкина, то и обратилъ-бы, обратилъ-бы безъ сопротивленія и безнаказанно (господинъ Голядкинъ самъ, въ иной разъ, это чувствовалъ), и вышла-бы ветошка, а не Голядкинъ, — такъ, подлая, грязная-бы вышла ветошка, но ветошка-то эта была-бы не простая, ветошка эта была-бы съ амбиціей, ветошка-то эта была-бы съ одушевленіемъ и чувствами, хотя-бы и съ безотвѣтной амбиціей и съ безотвѣтными чувствами и — далеко въ грязныхъ складкахъ этой ветошки скрытыми, но все-таки съ чувствами...

Часы длились невѣроятно долго; наконецъ, пробило четыре. Спустя немного, всѣ встали, и вслѣдъ за начальникомъ двинулись къ себѣ, по домамъ. Господинъ Голядкинъ вмѣшался въ толпу; глазъ его не дремалъ и не упускалъ кого нужно изъ виду. Наконецъ, нашъ герой увидалъ, что пріятель его подобрался къ канцелярскимъ сторожамъ, раздававшимъ шинели, и, по подлому обыкновенію своему, юлитъ около нихъ въ ожиданіи своей. Минута была рѣшительная. Кое какъ протѣснился господинъ Голядкинъ сквозь толпу, и, не желая отставать, тоже захлопоталъ о шинели. Но шинель подалась сперва пріятелю и другу господина Голядкина, затѣмъ, что и здѣсь успѣлъ онъ по своему подбиться, приласкаться, нашептать и наподличать.

Накинувъ шинель, господинъ Голядкинъ-младшій, иронически взглянувъ на господина Голядкина-старшаго, дѣйствуя такимъ образомъ открыто и дерзко ему въ пику, потомъ, съ свойственною ему наглостью, осмотрѣлся кругомъ, поспѣшилъ окончательно, — вѣроятно, чтобъ оставить выгодное по себѣ впечатлѣніе,—около чиновниковъ, сказалъ слово одному, пошептался о чемъ-то съ другимъ.

почтительно полизался съ третьимъ, адрессовалъ улыбку четвертому, далъ руку пятому, и весело юркнулъ внизъ по лѣстницѣ. Господинъ Голядкинъ-старшій за нимъ, и, къ неописанному своему удовольствію, таки нагналъ его на послѣдней ступенькѣ, и схватилъ за воротникъ его шинели. Казалось, что господинъ Голядкинъ-младшій немного оторопѣлъ и посмотрѣлъ кругомъ съ потерянным видомъ.

— Какъ понимать мнѣ васъ? прошепталъ онъ, наконецъ, слабымъ голосомъ господину Голядкину.

— Милостивый государь, если вы только благородный человѣкъ, то надѣюсь, что вспомните про вчерашнія дружескія наши сношенія, проговорилъ нашъ герой.

— А, да. Ну, что-жъ? Хорошо-ли вы почивали-съ?

Бѣшенство отняло на минуту языкъ у господина Голядкина-старшаго.

— Я-то почивалъ хорошо-съ... Но позвольте-же и вамъ сказать, милостивый мой государь, что игра ваша крайне запутана...

— Кто это говоритъ? Это враги мои говорятъ, отвѣчалъ отрывисто тотъ, кто называлъ себя господиномъ Голядкинымъ, и вмѣстѣ съ словомъ этимъ неожиданно освободился изъ слабыхъ рукъ настоящаго господина Голядкина. Освободившись, онъ бросился съ лѣстницы, оглянулся кругомъ, увидѣвъ извощика — подбѣжалъ къ нему, сѣлъ на дрожки, и въ одно мгновеніе скрылся изъ глазъ господина Голядкина-старшаго. Отчаянный и покинутый всѣми титулярный совѣтникъ оглянулся кругомъ, но не было другаго извощика. Попробовалъ было онъ бѣжать, да ноги подламывались. Съ опрокинутой физіономіей, съ разинутымъ ртомъ, уничтожившись, съежившись, въ безсиліи прислонился онъ къ фонарному столбу и остался нѣсколько минутъ такимъ образомъ посреди тротуара. Казалось, что все погибло для господина Голядкина...

ГЛАВА IX.

Все, повидимому, и даже природа сама, вооружилось противъ господина Голядкина; но онъ еще былъ на ногахъ и не побѣжденъ; онъ это чувствовалъ, что не побѣжденъ. Онъ готовъ былъ бороться. Онъ съ такимъ чувствомъ и съ такою энергіей потеръ себѣ руки, когда очнулся послѣ перваго изумленія, что уже по одному виду господина Голядкина заключить можно было, что онъ не уступитъ. Впрочемъ, опасность была на носу, была очевидна; господинъ Голядкинъ и это чувствовалъ: да какъ за нее взяться, за эту

опасность-то? вотъ вопросъ. Даже на мгновеніе мелькнула мысль въ головѣ господина Голядкина, «что, дескать, не оставить-ли все это такъ, не отступиться-ли запросто? Ну, что-жъ? Ну, и ничего. Я буду особо, какъ будто не я», думалъ господинъ Голядкинъ; «пропускаю все мимо: не я, да и только; онъ тоже особо, авось и отступится; поюлитъ, шельмецъ, поюлитъ, повертится, да и отступится. Вотъ оно какъ! Я смиреніемъ возьму. Да и гдѣ-же опасность? Ну, какая опасность? Желалъ-бы я, чтобъ кто нибудь указалъ мнѣ въ этомъ опасность? Плевое дѣло! обыкновенное дѣло!..» Здѣсь господинъ Голядкинъ осѣкся. Слова у него на языкѣ замерли: онъ даже ругнулъ себя за эту мысль; даже тутъ-же и уничилъ себя въ низости, въ трусости за эту мысль; однако, дѣло его все-таки не двинулось съ мѣста. Чувствовалъ онъ, что рѣшиться на что нибудь въ настоящую минуту было для него сущею необходимостью: даже чувствовалъ, что много-бы далъ тому, кто сказалъ-бы ему, на что̀ именно нужно рѣшиться. Ну, да вѣдь какъ угадать? Впрочемъ, и некогда было угадывать. На всякій случай, чтобъ времени не терять, нанялъ онъ извощика и полетѣлъ домой. «Что̀? Каково-то ты теперь себя чувствуешь?» подумалъ онъ самъ въ себѣ: «каково-то вы себя теперь изволите чувствовать, Яковъ Петровичъ? Что̀-то ты сдѣлаешь? Что-то сдѣлаешь ты теперь, подлецъ ты такой, шельмецъ ты такой! Довелъ себя до послѣдняго, да и плачешь теперь, да и хнычешь теперь!» Такъ подразнивалъ себя господинъ Голядкинъ, подпрыгивая на трескомъ экипажѣ своего ваньки. Подразнивать себя и растравлять такимъ образомъ свои раны въ настоящую минуту было какимъ-то глубокимъ наслажденіемъ для господина Голядкина, даже чуть-ли не сладострастіемъ. Ну, если-бъ тамъ, теперь», думалъ онъ: — «волшебникъ какой-бы пришелъ, или оффиціальнымъ образомъ какъ нибудь этакъ пришлось, да сказали-бы: дай, Голядкинъ, палецъ съ правой руки — и квиты съ тобой; не будетъ другаго Голядкина, и ты будешь счастливъ, только пальца не будетъ, — такъ отдалъ-бы палецъ, непремѣнно-бы отдалъ, не поморщась-бы отдалъ. Черти-бы взяли все это!» вскрикнулъ, наконецъ, отчаянный титулярный совѣтникъ: «ну, зачѣмъ все это? Ну, надобно было всему этому быть; вотъ непремѣнно этому, вотъ именно этому, какъ будто нельзя было другому чему! И все было хорошо сначала, всѣ были довольны и счастливы: такъ вотъ нѣтъ-же, надобно было! Впрочемъ, вѣдь словами ничего не возьмешь. Нужно дѣйствовать».

Итакъ, почти рѣшившись на что-то, господинъ Голядкинъ, войдя въ свою квартиру, ни мало не медля схватился за трубку и, насасывая ее изъ всѣхъ силъ, раскидывая клочья дыма направо и

нальво, началъ, въ чрезвычайномъ волненіи, бѣгать взадъ и впередъ по комнатѣ. Между тѣмъ, Петрушка сталъ собирать на столъ. Наконецъ, господинъ Голядкинъ рѣшился совсѣмъ, вдругъ бросилъ трубку, накинулъ на себя шинель, сказалъ, что дома обѣдать не будетъ, и выбѣжалъ вонъ изъ квартиры. На лѣстницѣ напалъ его, запыхавшись, Петрушка, держа въ рукахъ забытую имъ шляпу. Господинъ Голядкинъ взялъ шляпу, хотѣлъ было мимоходомъ маленько оправдаться въ глазахъ Петрушки, чтобъ не подумалъ чего Петрушка особеннаго,—что вотъ, дескать, такое-то обстоятельство, что вотъ шляпу позабылъ и т. д., — но такъ какъ Петрушка и глядѣть не хотѣлъ, и тотчасъ ушелъ, то и господинъ Голядкинъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій, надѣлъ свою шляпу, сбѣжалъ съ лѣстницы, и, приговаривая, что все, можетъ быть, къ лучшему будетъ, и что дѣло устроится какъ нибудь, хотя чувствовалъ, между прочимъ, даже у себя въ пяткахъ ознобъ, вышелъ на улицу, нанялъ извощика и полетѣлъ къ Андрею Филипповичу. «Впрочемъ, не лучше-ли завтра?», думалъ господинъ Голядкинъ, хватаясь за снурокъ колокольчика у дверей квартиры Андрея Филипповича: «да и что-же я скажу особеннаго? Особеннаго-то здѣсь нѣтъ ничего. Дѣло-то такое мизерное, да оно, наконецъ, и дѣйствительно мизерное, плёвое, то есть почти плёвое дѣло... вѣдь вотъ оно какъ это все, обстоятельство-то»... вдругъ господинъ Голядкинъ дернулъ за колокольчикъ; колокольчикъ зазвенѣлъ, изнутри послышались чьи-то шаги... Тутъ господинъ Голядкинъ даже проклялъ себя, отчасти за свою поспѣшность и дерзость. Недавнія непріятности, о которыхъ господинъ Голядкинъ едва не позабылъ за дѣлами, и контрась Андреемъ Филипповичемъ—тутъ-же пришли ему на память. Но уже бѣжать было поздно: дверь отворилась. Къ счастію господина Голядкина, отвѣчали ему, что Андрей Филипповичъ и домой не пріѣзжалъ изъ должности, и не обѣдаетъ дома. «Знаю, гдѣ онъ обѣдаетъ: онъ у Измайловскаго моста обѣдаетъ», подумалъ герой нашъ, и страхъ какъ обрадовался. На вопросъ слуги, какъ объ васъ доложить, сказалъ, что, дескать, я, мой другъ, хорошо, что, дескать, я, мой другъ, пришелъ, и даже съ нѣкоторою бодростью сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ. Выйдя на улицу, онъ рѣшился отпустить экипажъ и расплатился съ извощикомъ. Когда-же извощикъ попросилъ о прибавкѣ,—дескать, жалъ, сударь, долго, и рысачка для вашей милости не жалѣлъ,—то далъ и прибавочки пятачекъ, и даже съ большою охотою; самъ-же нѣшкомъ пошелъ.

— Дѣло-то оно, правда, такое, думалъ господинъ Голядкинъ:— что вѣдь такъ оставить нельзя; однако-жъ, если такъ разсудить, этакъ здраво разсудить, такъ изъ чего-же по настоящему здѣсь

хлопотать? Ну, нѣтъ, однако-жь, я буду все про то говорить, изъ чего-же мнѣ хлопотать? Изъ чего мнѣ маяться, биться, мучиться, себя убивать? Во первыхъ, дѣло сдѣлано, и его не воротишь... вѣдь не воротишь! Разсудимъ такъ: является человѣкъ, — является человѣкъ съ достаточной рекомендаціей, дескать, способный чиновникъ, хорошаго поведенія, только бѣденъ, и потерпѣлъ разныя непріятности,—передряги тамъ этакія,—ну, да вѣдь бѣдность не порокъ: стало быть, я въ сторонѣ. Ну, въ самомъ дѣлѣ, что-жь за вздоръ такой? Ну, пришелъ, устроился, самой природой устроился такъ человѣкъ, что двѣ капли воды похожъ на другаго человѣка, что совершенная копія съ другаго человѣка: такъ ужь его за это и не принимать въ департаментъ?! Коли ужь судьба, коли одна судьба, коли одна слѣпая фортуна тутъ виновата,—такъ ужь его и затереть какъ вѣтошку, такъ ужь и служить ему не давать... да гдѣ-же тутъ, послѣ этого, справедливость будетъ? Человѣкъ-же онъ бѣдный, затерянный, запуганный; тутъ сердце болитъ, тутъ состраданіе его призрѣть велитъ! Да! Нечего сказать, хороши-бы были начальники, если-бъ такъ разсуждали, какъ я, забубенная голова! Эка вѣдь башка у меня! На десятерыхъ подъ часъ глупости хватитъ! Нѣтъ, нѣтъ! И сдѣлали хорошо, и спасибо имъ, что призрѣли бѣднаго горемыку... Ну, да, положимъ, напримѣръ, что мы близнецы, что вотъ ужь мы такъ уродились, что братья-близнецы, да и только,— вотъ оно какъ! Ну, что-же такое? Ну, и ничего! Можно всѣхъ чиновниковъ пріучить... а постороннiй кто, войдя въ наше вѣдомство, ужь, вѣрно не нашелъ-бы ничего неприличнаго и оскорбительнаго въ такомъ обстоятельствѣ. Оно даже тутъ есть кое-что умилительное: что вотъ, дескать, мысль-то какая: что, дескать, промыслъ Божій создалъ двухъ совершенно подобныхъ, а начальство благодѣтельное, видя промыслъ Божій, пріютило двухъ близнецовъ. Оно, конечно,— продолжалъ господинъ Голядкинъ, переводя духъ и немного понизивъ голосъ:—оно, конечно... оно, конечно, лучше-бы было, кабы не было ничего этого, умилительнаго, и близнецовъ никакихъ тоже-бы не было... Чортъ-бы побралъ все это! И на что это нужно было? И что за надобность тутъ была такая особенная, и никакого отлагательства нетерпящая?! Господи Богъ мой! Экъ вѣдь черти заварили кашу какую! Вотъ, вѣдь, однако-жь, у него и характеръ такой, права онъ такого игриваго, сквернаго,—подлецъ онъ такой, вертлявый такой, лизунъ, лизоблюдъ, Голядкинъ онъ этакой! Пожалуй, еще дурно себя поведетъ, да фамилью мою замараетъ, мерзавецъ. Вотъ теперь и смотри за нимъ, и ухаживай! Экъ вѣдь наказаніе какое! Впрочемъ, что-жь? Ну, и, нужды нѣтъ! Ну, онъ подлецъ,—

ну, пусть онъ подлецъ, а другой за то честный. Ну, вотъ онъ подлецъ будетъ, а я буду честный,—и скажутъ, что вотъ этотъ Голядкинъ подлецъ, на него не смотрите, и его съ другимъ не мѣшайте; а этотъ вотъ честный, добродѣтельный, кроткій, незлобивый, весьма надежный по службѣ, и къ повышенію чиномъ достойный; вотъ оно какъ! Ну, хорошо... а какъ того... А какъ они тамъ того... да и перемѣшаютъ! Отъ него вѣдь все станется! Ахъ ты, Господи Боже мой!.. И подмѣнитъ человѣка, подмѣнитъ, подлецъ такой,—какъ ветошку человѣка подмѣнитъ, и не разсудитъ, что человѣкъ не ветошка. Ахъ ты, Господи Боже мой! Эко несчастіе какое!..

Вотъ такимъ-то образомъ разсуждая и сѣтуя, бѣжалъ господинъ Голядкинъ не разбирая дороги, и самъ почти не зная куда. Очнулся онъ на Невскомъ проспектѣ, и то по тому только случаю, что столкнулся съ какимъ-то прохожимъ такъ ловко и плотно, что только искры посыпались. Господинъ Голядкинъ, не поднимая головы, пробормоталъ извиненіе, и только тогда, когда прохожій, проворчавъ что-то не слишкомъ лестное, отошелъ уже на разстояніе значительное, поднялъ носъ кверху и осмотрѣлся, гдѣ онъ и какъ. Осмотрѣвшись и замѣтивъ, что находится именно возлѣ того ресторана, въ которомъ отдыхалъ, приготовляясь къ званому обѣду у Олсуфія Ивановича, герой нашъ почувствовалъ вдругъ щипки и щелчки по желудку, вспомнилъ, что не обѣдалъ, званаго-же обѣда не предстояло нигдѣ, и потому, дорогаго своего времени не теряя, вбѣжалъ онъ вверхъ по лѣстницѣ въ рестораиъ, перехватить что нибудь поскорѣе, и какъ можно торопясь не замѣшкать. И хотя въ ресторанѣ было все дорогонько, но это маленькое обстоятельство не остановило, на этотъ разъ, господина Голядкина: да и останавливаться-то теперь на подобныхъ бездѣлицахъ некогда было. Въ ярко освѣщенной комнатѣ, у прилавка, на которомъ лежала разнообразная груда всего того, что потребляется на закуску людьми порядочными, стояла довольно густая толпа посѣтителей. Конторщикъ едва успѣвалъ наливать, отпускать, давать и принимать деньги. Господинъ Голядкинъ подождалъ своей очереди и, выждавъ, скромно протянулъ свою руку къ пирожку-растегайчику. Отойдя въ уголокъ, оборотясь спиною къ присутствующимъ и закусивъ съ аппетитомъ, онъ повернулся къ конторщику, поставилъ на столъ блюдечко, зная цѣну, вынулъ 10 коп. сер. и положилъ на прилавокъ монету, ловя взгляды конторщика, чтобъ указать ему: «что вотъ, дескать, монетка лежитъ; одинъ растегайчикъ» и т. д.

— Съ васъ рубль десять копѣекъ, процѣдилъ сквозь зубы конторщикъ.

Господинъ Голядкинъ порядочно изумился.

— Вы мнѣ говорите?... Я... я, кажется, взялъ одинъ пирожокъ.

— Одиннадцать взяли, съ увѣренностью возразилъ конторщикъ.

— Вы... сколько мнѣ кажется... вы, кажется, ошибаетесь... Я, право, кажется, взялъ одинъ пирожокъ.

— Я считалъ; вы взяли одиннадцать штукъ. Когда взяли, такъ нужно платить; у насъ даромъ ничего не даютъ.

Господинъ Голядкинъ былъ ошеломленъ. Что-жъ это, колдовство, что-ль, какое надо мной совершается? подумалъ онъ. Между тѣмъ, конторщикъ ожидалъ рѣшенія господина Голядкина: господина Голядкина обступили; господинъ Голядкинъ уже полѣзъ было въ карманъ, чтобъ вынуть рубль серебромъ, чтобъ расплатиться немедленно, чтобъ отъ грѣха-то подальше быть. «Ну, одиннадцать, такъ одиннадцать», думалъ онъ, краснѣя какъ ракъ: «ну, что-же такого тутъ, что съѣдено одиннадцать пирожковъ? Ну, голоденъ человѣкъ, такъ и съѣлъ одиннадцать пирожковъ; ну, и пусть ѣстъ себѣ на здоровье; ну, и дивиться тутъ нечему, и смѣяться тутъ нечему»... Вдругъ, какъ будто что-то кольнуло господина Голядкина: онъ поднялъ глаза и—разомъ понялъ загадку, понялъ все колдовство; разомъ разрѣшились всѣ затрудненія... Въ дверяхъ въ сосѣднюю комнату, почти прямо за спиною конторщика и лицомъ къ господину Голядкину, въ дверяхъ, которыя, между прочимъ, герой нашъ принималъ доселѣ за зеркало, стоялъ одинъ человѣчекъ,—стоялъ онъ, стоялъ самъ господинъ Голядкинъ,—не старшій господинъ Голядкинъ, не герой нашей повѣсти, а другой господинъ Голядкинъ, новый господинъ Голядкинъ. Другой господинъ Голядкинъ находился, повидимому, въ превосходномъ расположеніи духа. Онъ улыбался господину Голядкину первому, кивалъ ему головою, подмигивалъ глазками, съежился немного ногами, и глядѣлъ такъ, что чуть что,—такъ онъ и ступится, такъ онъ и въ сосѣднюю комнату, а тамъ, пожалуй, заднимъ ходомъ, да и того... и всѣ преслѣдованія останутся тщетными. Въ рукахъ его былъ послѣдній кусокъ растегая, который онъ въ глазахъ-же господина Голядкина отправилъ въ свой ротъ, чмокнувъ отъ удовольствія. «Подмѣнилъ, подлецъ!» подумалъ господинъ Голядкинъ, вспыхнувъ, какъ огонь, отъ стыда: «не постыдился публичности! Видятъ-ли его? Кажется, не замѣчаетъ никто»... Господинъ Голядкинъ бросилъ рубль серебромъ такъ, какъ будто-бы объ него всѣ пальцы обжегъ, и не замѣчая значительно наглой улыбки конторщика, улыбки торжества и спокойнаго могущества, выдрался изъ толпы и бросился вонъ безъ оглядки. «Спасибо за то, что хоть не компрометтировалъ окончательно человѣка!» подумалъ старшій господинъ Голядкинъ. «Спа-

сѣбѣ разбойнику, и ему и судьбѣ, что еще хорошо все уладилось. Нагрубилъ лишь конторщикъ. „Да что-жъ, вѣдь онъ былъ въ своемъ правѣ! Рубль десять слѣдовало, такъ и былъ въ своемъ правѣ. „Дескать, безъ денегъ у насъ никому не даютъ! Хоть-бы былъ поучтивѣй, бездѣльникъ!..»

Все это говорилъ господинъ Голядкинъ, сходя съ лѣстницы на крыльцо. Однако-же, на послѣдней ступенькѣ онъ остановился какъ вкопанный и вдругъ покраснѣлъ такъ, что даже слезы выступили у него на глазахъ отъ признака страданія амбиціи. Простоявъ съ полминуты столбомъ, онъ вдругъ рѣшительно топнулъ ногою, въ одинъ прыжокъ соскочилъ съ крыльца на улицу, и, безъ оглядки, задыхаясь, не слыша усталости, пустился къ себѣ, домой, въ Шестилавочную улицу. Дома, не снявъ даже съ себя верхняго платья, вопреки привычкѣ своей быть у себя по домашнему, не взявъ даже предварительно трубки, усѣлся онъ немедленно на диванѣ, придвинулъ чернильницу, взялъ перо, досталъ листъ почтовой бумаги и принялся строчить, дрожащею отъ внутренняго волненія рукой, слѣдующее посланіе:

«Милостивый государь мой, Яковъ Петровичъ!

„Никакъ-бы не взялъ я пера, если-бы обстоятельства мои, и вы сами, милостивый государь мой, меня къ тому не принудили. Вѣрьте, что необходимость одна понудила меня вступить съ вами въ подобное объясненіе, и потому прежде всего прошу считать эту мѣру мою не какъ умышленнымъ намѣреніемъ къ вашему, милостивый государь мой, оскорбленію, но какъ необходимымъ слѣдствіемъ связующихъ насъ теперь обстоятельствъ».

— Кажется, хорошо, прилично, вѣжливо, хотя не безъ силы и твердости?.. Обижаться ему тутъ, кажется, нечѣмъ. Къ тому-же я въ своемъ правѣ, — подумалъ господинъ Голядкинъ, перечитывая написанное.

„Неожиданное и странное появленіе ваше, милостивый государь мой, въ бурную ночь, послѣ грубаго и неприличнаго со мною поступка враговъ моихъ, коихъ имя умалчиваю изъ презрѣнія къ нимъ, было зародышемъ всѣхъ недоразумѣній, въ настоящее время между нами существующихъ. Упорное-же ваше, милостивый государь, желаніе стоять на своемъ и насильственно войти въ кругъ моего бытія и всѣхъ отношеній моихъ въ практической жизни, выступаетъ даже за предѣлы, требуемые одною лишь вѣжливостью и простымъ общежитіемъ. Я думаю, нечего упоминать здѣсь о похищеніи вами, милостивый государь мой, бумаги моей и собственнаго моего честнаго имени, для пріобрѣтенія ласки начальства, — ласки,

незаслуженной вами. Нечего упоминать здѣсь и объ умышленныхъ и обидныхъ уклоненіяхъ вашихъ отъ необходимыхъ по сему случаю объясненій. Наконецъ, чтобы все сказать, не упоминаю здѣсь и о послѣднемъ странномъ, можно сказать, непонятномъ поступкѣ вашемъ со мною въ кофейномъ домѣ. Далекъ отъ того, чтобъ сѣтовать о безполезной для меня утратѣ рубля серебромъ; но не могу не выказать всего негодованія моего при воспоминаніи о явномъ посягательствѣ вашемъ, милостивый государь, въ ущербъ моей чести, и, въ добавокъ, въ присутствіи нѣсколькихъ персонъ, хотя незнакомыхъ мнѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма хорошаго тона...

— Не далеко-ли я захожу? подумалъ господинъ Голядкинъ. Не много-ли будетъ; не слишкомъ-ли это обидчиво,—этотъ намекъ на хорошій тонъ, напримѣръ?.. Ну, да ничего! Нужно показать ему твердость характера. Впрочемъ, ему можно, для смягченія, этакъ, польстить и подмаслить въ концѣ. А вотъ мы посмотримъ:

«Но не сталъ-бы я, милостивый государь мой, утомлять васъ письмомъ моимъ, если-бы не былъ твердо увѣренъ, что благородство сердечныхъ чувствъ и открытый, прямодушный характеръ вашъ укажутъ вамъ самому средства поправить всѣ упущенія и возстановить все по прежнему.

«Въ полной надеждѣ я смѣю оставаться увѣреннымъ, что вы не примете письма моего въ обидную для васъ сторону, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не откажетесь объясниться нарочито по этому случаю письменно, черезъ посредство моего человѣка.

«Въ ожиданіи, честь имѣю пребыть,
милостивый государь,
покорнѣйшимъ вашимъ слугою
«Я. Голядкинымъ».

— Ну, вотъ и все хорошо. Дѣло сдѣлано: дошло и до письменнаго. Но кто-жъ виноватъ? Онъ самъ виноватъ; самъ доводитъ человѣка до необходимости требовать письменныхъ документовъ. А я въ своемъ правѣ...

Перечитавъ послѣдній разъ письмо, господинъ Голядкинъ сложилъ его, запечаталъ и позвалъ Петрушку. Петрушка явился, по обыкновенію своему, съ заспанными глазами, и на что-то крайне сердитый.

— Ты, братецъ, вотъ, возьмешь это письмо... понимаешь?

Петрушка молчалъ.

— Возьмешь его и отнесешь въ департаментъ: тамъ отыщешь дежурнаго, губернскаго секретаря Вахрамѣева. Вахрамѣевъ сегодня дежурный. Понимаешь ты это?

— Понимаю.

— Понимаю! Не можешь сказать: понимаю-съ. Спросишь чиновника Вахрамѣева и скажешь ему, что, дескать, вотъ такъ и такъ, дескать, баринъ приказалъ вамъ кланяться и покорнѣйше попросить васъ справиться въ адресной нашего вѣдомства книгѣ— гдѣ, дескать, живетъ титулярный совѣтникъ Голядкинъ?

Петрушка промолчалъ и, какъ показалось господину Голядкину, улыбнулся.

— Ну, такъ вотъ ты, Петръ, спросишь у нихъ адресъ, и узнаешь, гдѣ, дескать, живетъ новопоступившій чиновникъ Голядкинъ?

— Слушаю.

— Спросишь адресъ и отнесешь по этому адресу это письмо; понимаешь?

— Понимаю.

— Если тамъ... вотъ куда ты письмо отнесешь,—тотъ господинъ, кому письмо это дашь, Голядкинъ-то... Чего смѣешься, болванъ?

— Да чего мнѣ смѣяться-то? Что мнѣ! Я ничего-съ. Нечего нашему брату смѣяться...

— Ну, такъ вотъ... если тотъ господинъ будетъ спрашивать, дескать, какъ-же твой баринъ, какъ-же онъ тамъ: что, дескать, онъ того... ну, тамъ, что нибудь будетъ выспрашивать,—такъ ты молчи, и отвѣчай, дескать, баринъ мой ничего, а просятъ, дескать, отвѣта отъ васъ своеручнаго. Понимаешь?

— Понимаю-съ.

— Ну, такъ вотъ, дескать, баринъ мой, дескать, говори, ничего, дескать, и здоровъ, и въ гости, дескать, сейчасъ собирается: а отъ васъ, дескать, они отвѣта просятъ письменнаго. Понимаешь?

— Понимаю.

— Ну, ступай.

— Вѣдь вотъ еще съ этимъ болваномъ работа! Смѣется себѣ, да и конечно. Чему-жъ онъ смѣется? Дожилъ я до бѣды, дожилъ я вотъ такимъ-то образомъ до бѣды! Впрочемъ, можетъ быть, оно обратится все къ лучшему... Этотъ мошенникъ, вѣрно, часа два будетъ таскаться теперь, пропадетъ еще гдѣ нибудь... Послать нельзя никуда. Эка бѣда вѣдь какая!.. эка вѣдь бѣда одолѣла какая!..

Чувствуя такимъ образомъ вполнѣ бѣду свою, герой нашъ рѣшился на пассивную двухчасовую роль въ ожиданіи Петрушки. Съ часъ времени ходилъ онъ по комнатѣ, курилъ, потомъ бросилъ трубку и сѣлъ за какую-то книжку, потомъ прилегъ на диванъ, потомъ опять взялся за трубку, потомъ опять началъ бѣгать по

комнатѣ. Хотѣлъ было онъ разсуждать, но разсуждать не могъ рѣшительно ни о чемъ. Наконецъ, агонія пассивнаго состоянія его возросла до послѣдняго градуса, и господинъ Голядкинъ рѣшился принять одну мѣру. «Петрушка придетъ еще черезъ часъ», думалъ онъ; «можно ключъ отдать дворнику, а самъ я покамѣстъ и того... изслѣдую дѣло, по своей части изслѣдую дѣло».—Не теряя времени и спѣша изслѣдовать дѣло, господинъ Голядкинъ взялъ свою шляпу, вышелъ изъ комнаты, заперъ квартиру, зашелъ къ дворнику, вручилъ ему ключъ вмѣстѣ съ гривенникомъ,—господинъ Голядкинъ сталъ какъ-то необыкновенно щедръ,—и пустился, куда ему слѣдовало. Господинъ Голядкинъ пустился пѣшкомъ, сперва къ Измайловскому мосту. Въ ходьбѣ прошло съ полчаса. Дойдя до цѣли своего путешествія онъ вошелъ прямо во дворъ своего знакомаго дома и взглянулъ на окна квартиры статскаго совѣтника Берендѣева. Кромѣ трехъ завѣшенныхъ красными гардинами оконъ, остальныя всѣ были темны. «У Олсуфья Ивановича сегодня, вѣрно, нѣтъ гостей», подумалъ господинъ Голядкинъ: «они, вѣрно, всѣ одни теперь дома сидятъ». Постоявъ нѣсколько времени на дворѣ, герой нашъ хотѣлъ было уже на что-то рѣшиться. Но рѣшенію не суждено было состояться, повидимому. Господинъ Голядкинъ отдумалъ, махнулъ рукой и воротился на улицу. «Нѣтъ, не сюда мнѣ нужно было идти. Что-же я буду здѣсь дѣлать?.. А вотъ я лучше теперь того... и собственно лично изслѣдую дѣло». Принявъ такое рѣшеніе, господинъ Голядкинъ пустился въ свой департаментъ. Путь былъ не близокъ, въ добавокъ была страшная грязь, и мокрый снѣгъ валилъ самыми густыми хлопьями. Но для героя нашего въ настоящее время затрудненій, кажется, не было. Измокъ-то онъ измокъ, правда, да и загрязнился не мало, «да ужъ такъ, за-одно, за то цѣль достигнута». И дѣйствительно, господинъ Голядкинъ уже подходилъ къ своей цѣли. Темная масса огромнаго казеннаго строенія уже зачернѣла вдали передъ нимъ. «Стой!» подумалъ онъ: «куда-жъ я иду, и что я буду здѣсь дѣлать? Положимъ, узнаю гдѣ онъ живетъ; а между тѣмъ Петрушка уже, вѣрно, вернулся и отвѣтъ мнѣ принесъ. Время-то я мое дорогое только даромъ теряю, время-то я мое только такъ потерялъ. Ну, ничего; еще все это можно исправить. Однако, и въ самомъ дѣлѣ, не зайдти-ль къ Вахрамѣеву? Ну, да нѣтъ! Я ужъ послѣ... Экъ! выходить-то было вовсе не нужно. Да нѣтъ, ужъ характеръ такой! Сноровка такая, что нужда-ли, нѣтъ-ли, вѣчно норовлю какъ нибудь впередъ забѣжать... Гм... который-то часъ? Ужъ вѣрно есть девять. Петрушка можетъ придти и не найдетъ меня дома. Сдѣлалъ я чистую глупость, что вышелъ... Эхъ, право, комиссія!».

Искренно сознавшись такимъ образомъ, что сдѣлалъ чистую глупость, герой нашъ побѣжалъ обратно къ себѣ въ Шестилавочную. Добѣжалъ онъ усталый, измученный. Еще отъ дворника узналъ онъ, что Петрушка и не думалъ являться. «Ну, такъ! Ужь я предчувствовалъ это», подумалъ герой нашъ: «а между тѣмъ уже девять часовъ. Экъ вѣдь негодяй онъ какой! Ужь вѣчно гдѣ нибудь пьянствуетъ! Господи, Богъ мой! Экой вѣдь денекъ выдался на долю мою горемычную!». Такимъ-то образомъ размышляя и сѣтуя, господинъ Голядкинъ отперъ квартиру свою, досталъ огня, раздѣлся совсѣмъ, выкурилъ трубку, и истощенный, усталый, разбитый, голодный прилегъ на диванъ, въ ожиданіи Петрушки. Свѣча нагорала тускло, свѣтъ трепеталъ на стѣнахъ... Господинъ Голядкинъ глядѣлъ-глядѣлъ, думалъ-думалъ, да и заснулъ, наконецъ, какъ убитый.

Проснулся онъ уже поздно. Свѣча совсѣмъ почти догорѣла, дымилась и готова была тотчасъ совершенно потухнуть. Господинъ Голядкинъ вскочилъ, встрепенулся и вспомнилъ все, рѣшительно все. За перегородкой раздавался густой храпъ Петрушки. Господинъ Голядкинъ бросился къ окну - нигдѣ ни огонька. Отворилъ форточку—тихо; городъ словно вымеръ, спитъ. Стало быть, часа два или три; такъ и есть: часы за перегородкой понатужились и пробили два. Господинъ Голядкинъ бросился за перегородку.

Кое-какъ, впрочемъ, послѣ долгихъ усилій, растолкалъ онъ Петрушку и усѣлъ посадить его на постель. Въ это время свѣчка совершенно потухла. Минутъ съ десять прошло покамѣсть господинъ Голядкинъ усѣлъ найдти другую свѣчу и зажечь ее. Въ это время Петрушка усѣлъ заснуть съизнова. «Мерзавецъ ты этакой, негодяй ты такой!» проговорилъ господинъ Голядкинъ, снова его расталкивая: «встанешь-ли ты, проснешься-ли ты?». Послѣ получасовыхъ усилій, господинъ Голядкинъ усѣлъ, однако-же, растеребенить совершенно своего служителя и вытащить его изъ-за перегородки. Тутъ только увидѣлъ герой нашъ, что Петрушка былъ, какъ говорится, мертвецки-пьянъ и едва на ногахъ держался.

— Бездѣльникъ ты этакой! закричалъ господинъ Голядкинъ:— разбойникъ ты этакой! Голову ты срѣзалъ съ меня! Господи, куда-же это онъ письмо-то сбылъ съ рукъ? Ахти, Создатель мой, ну, какъ оно... И зачѣмъ я его написалъ? И нужно было мнѣ его написать! Разскакался, дуралей, я съ амбиціей! Туда-же полѣзъ за амбиціей! Вотъ тебѣ и амбиція, подлецъ ты этакой, вотъ и амбиція!.. Ну, ты! Куда-же ты письмо-то дѣлъ, разбойникъ ты этакой? Кому-же ты отдалъ его?..

— Никому я не отдавалъ никакого письма; и не было у меня никакого письма... вотъ какъ!

Господинъ Голядкинъ ломалъ руки съ отчаянія.

— Слушай ты, Петръ... ты послушай, ты слушай меня...

— Слушаю...

— Ты куда ходилъ?—отвѣчай...

— Куда ходилъ... къ добрымъ людямъ ходилъ! Что мнѣ!

— Ахъ ты, Господи Боже мой! Куда сначала ходилъ? Былъ въ департаментѣ?.. Ты послушай, Петръ; ты, можетъ быть, пьянъ?

— Я пьянъ? Вотъ, хоть сейчасъ съ мѣста не сойдти, мак-мак-маковой—вотъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, это ничего, что ты пьянъ... Я только такъ спросилъ; это хорошо, что ты пьянъ; я ничего, Петруша, я ничего... Ты, можетъ быть, только такъ позабылъ, а все помнишь. Ну-ка, вспомни-ка, былъ ты у Вахрамѣева чиновника,—былъ или нѣтъ?

— И не былъ, и чиновника такого не бывало. Вотъ хоть сейчасъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, Петръ! Нѣтъ, Петруша, вѣдь я ничего. Вѣдь ты видишь, что я ничего... Ну, что-жь такое! Ну, на дворѣ холодно, сыро, ну, выпилъ человѣкъ маленько, ну и ничего. Я не сержусь. Я самъ, братъ, выпилъ сегодня... Ты признайся, вспомни-ка, братъ: былъ ты у чиновника Вахрамѣева?

— Ну, какъ теперь, вотъ этакъ пошло, такъ право слово—вотъ былъ-же, вотъ хоть сейчасъ...

— Ну, хорошо, Петруша, хорошо, что былъ. Ты видишь, я не сержусь... Ну, ну, продолжалъ нашъ герой, еще болѣе задобривая своего служителя, трепля его по плечу и улыбаясь ему:—ну, клюкнулъ, мерзавецъ, маленько... на гривенникъ что-ли клюкнулъ? Плутъ ты этакой! Ну и ничего; ну, ты видишь, что я не сержусь... я не сержусь, братецъ, я не сержусь...

— Нѣтъ, я не плутъ, какъ хотите-съ... Къ добрымъ людямъ только зашелъ, а не плутъ, и плутомъ никогда не бывалъ...

— Да, нѣтъ-же, нѣтъ, Петруша! Ты послушай, Петръ: вѣдь я ничего, вѣдь я тебя не ругаю, что плутомъ называю. Вѣдь это я въ утѣшеніе тебѣ говорю, въ благородномъ смыслѣ про это говорю. Вѣдь это значитъ, Петруша, польстить иному человѣку, какъ сказать ему, что онъ петля этакая, продувной малой, что онъ малой не промахъ и никому надуть себя не позволитъ. Это любитъ иной человѣкъ... Ну, ну, ничего! Ну, скажи-же ты мнѣ, Петруша, теперь, безъ утайки, откровенно, какъ другу... ну, былъ ты у чиновника Вахрамѣева, и адресъ онъ далъ тебѣ?

— И адресъ далъ, тоже и адресъ далъ. Хорошій чиновникъ! И баринъ твой, говоритъ, хорошій человѣкъ, очень хорошій, гово-

рить, человѣкъ: я, дескать, скажи, говоритъ.—кланяйся, говоритъ, своему барину, благодари и скажи, что я, дескать, люблю,—вотъ, дескать, какъ уважаю твоего барина! За то, что, говоритъ, ты, баринъ твой, говоритъ, Петруша, хорошій человѣкъ, говоритъ, и ты, говоритъ, тоже хорошій человѣкъ, Петруша,—вотъ...

— Ахъ ты, Господи Боже мой! А адресъ-то, адресъ-то, Іуда ты этакой? — Послѣднія слова господинъ Голядкинъ проговорилъ почти шепотомъ.

— И адресъ... и адресъ далъ.

— Далъ? Ну, гдѣ-же живетъ онъ, Голядкинъ, чиновникъ Голядкинъ, титулярный совѣтникъ?

— А Голядкинъ будетъ тебѣ, говоритъ, въ Шестилавочной улицѣ. Вотъ какъ пойдешь, говоритъ, въ Шестилавочную, такъ направо, на лѣстницу, въ четвертый этажъ. Вотъ тутъ тебѣ, говоритъ, и будетъ Голядкинъ...

— Мошенникъ ты этакой! закричалъ, наконецъ, выведшій изъ терпѣнія герой нашъ:—разбойникъ ты этакой! Да это вѣдь я; вѣдь это ты про меня говоришь. А то другой есть Голядкинъ: я про другаго говорю, мошенникъ ты этакой!

— Ну, какъ хотите! Что мнѣ! Вы какъ хотите—вотъ!..

— А письмо-то, письмо...

— Какое письмо? И не было никакого письма, и не видалъ я никакого письма.

— Да куда-же ты дѣлъ его—шельмецъ ты такой!?.

— Отдалъ его, отдалъ письмо. Кланяйся, говоритъ, благодари: хорошій твой, говоритъ, баринъ. Кланяйся, говоритъ, твоему барину...

— Да кто-же это сказалъ? Это Голядкинъ сказалъ? — Петрушка помолчалъ немного, и усмѣхнулся во весь ротъ, глядя прямо въ глаза своему барину...

— Слушай, ты, разбойникъ ты этакой!—началъ господинъ Голядкинъ, задыхаясь, теряясь отъ бѣшенства: —что ты сдѣлалъ со мной! Говори ты мнѣ, что ты сдѣлалъ со мной! Срѣзалъ ты меня, злодѣй ты такой! Голову съ плечъ моихъ снялъ, Іуда ты этакой!

— Ну, теперь какъ хотите! Что мнѣ! сказалъ рѣшительнымъ тономъ Петрушка, ретируясь за перегородку.

— Пошелъ сюда, пошелъ сюда, разбойникъ ты этакой!..

— И не пойду я къ вамъ теперь, совсѣмъ не пойду. Что мнѣ! Я къ добрымъ людямъ пойду... А добрые люди живутъ по честности, добрые люди безъ фальши живутъ, и по-двое никогда небываютъ... У господина Голядкина и руки и ноги оледенѣли, и духъ занялся...

— Да-съ, продолжалъ Петрушка: - ихъ по-двое никогда не бываетъ, Бога и честныхъ людей не обижаютъ...

— Ты бездѣльникъ, ты пьянь! Ты сни теперь, разбойникъ ты этакой! А вотъ завтра и будетъ тебѣ,—едва слышнымъ голосомъ проговорилъ господинъ Голядкинъ. Что-же касается до Петрушки, то онъ пробормоталъ еще что-то; потомъ слышно было какъ онъ налегъ на кровать, такъ что кровать затрещала, протяжно зѣвнулъ, потянулся и, наконецъ, захрапѣлъ сномъ невинности, какъ говорится. Ни живъ, ни мертвъ былъ господинъ Голядкинъ. Поведеніе Петрушки, намеки его весьма странные, хотя и отдаленные, на которые сердиться, слѣдственно, нечего было, тѣмъ болѣе, что пьяный человѣкъ говорилъ и, наконецъ, весь злокачественный оборотъ, принимаемый дѣломъ,—все это потрясло до основанія господина Голядкина. «И дернуло меня его распекать среди ночи», говорилъ нашъ герой, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ какого-то болѣзненнаго ощущенія. «И подсунуло меня съ пьянымъ человѣкомъ связаться! Какого толку ждать отъ пьянаго человѣка! Что ни слово, то вретъ. На что это, впрочемъ, онъ намекалъ, разбойникъ онъ этакой? Господи Боже мой! И зачѣмъ я всѣ эти письма писалъ, я-то, душегубецъ, я-то, самоубійца я этакой! Нельзя помолчать! Надо было провраться! Вѣдь ужь чего! Погибаешь, вѣтошкѣ подобнишься, такъ вѣдь нѣтъ-же, туда-же съ амбиціей, дескать, честь моя страждетъ, дескать, честь тебѣ свою нужно спасать! Самоубійца я этакой!».

Такъ говорилъ господинъ Голядкинъ, сидя на диванѣ своемъ и не смѣя пошевелиться отъ страха. Вдругъ глаза его остановились на одномъ предметѣ, въ высочайшей степени возбудившемъ его вниманіе. Въ страхѣ — не иллюзія-ли, не обманъ-ли воображенія предметъ, возбудившій вниманіе его,—протянулъ онъ къ нему руку, съ надеждою, съ робостію, съ любопытствомъ неописаннымъ... Нѣтъ, не обманъ! Не иллюзія! Письмо, точно письмо, непремѣнно письмо, и къ нему адрессованное... Господинъ Голядкинъ взялъ письмо со стола. Сердце въ немъ страшно билось. «Это, вѣрно, тотъ мошенникъ принесъ», подумалъ онъ: «и тутъ положилъ, а потомъ и забылъ; вѣрно, такъ все случилось; это, вѣрно, именно такъ все случилось... Письмо было отъ чиновника Вахрамѣева, молодаго сослуживца и нѣкогда пріятеля господина Голядкина. «Впрочемъ, я все это заранѣе предчувствовалъ», подумалъ герой нашъ, «и все то, что въ письмѣ теперь будетъ, также предчувствовалъ»... Письмо было слѣдующее:

«Милостивый Государь, Яковъ Петровичъ!

«Человѣкъ вашъ пьянъ, и путнаго отъ него не дождешься: по сей причинѣ предпочитаю отвѣчать письменно. Спѣшу вамъ объявить, что порученіе, вами на меня возлагаемое, и состоящее въ

передачѣ извѣстной вамъ особѣ черезъ мои руки письма, согласенъ исполнить во всей вѣрности и точности. Квартируетъ-же сія особа, весьма вамъ извѣстная, и теперь замѣнившая мнѣ друга, коей имя при семъ умалчиваю (затѣмъ, что не хочу напрасно чернить репутацію совершенно невиннаго человѣка), вмѣстѣ съ нами, въ квартирѣ Каролины Ивановны, въ томъ самомъ номерѣ, гдѣ прежде еще, въ бытность вашу у насъ, квартировалъ заѣзжій изъ Тамбова пѣхотный офицеръ. Впрочемъ, особу сію можете найдти вездѣ между честныхъ и искреннихъ сердцемъ людей, чего объ иныхъ сказать невозможно. Связи мои съ вами намѣренъ я съ сего числа прекратить: въ дружественномъ-же тонѣ и въ прежнемъ согласномъ видѣ товарищества нашего намъ оставаться нельзя, и потому прошу васъ, милостивый государь мой, немедленно по полученіи сего откровеннаго письма моего, выслать слѣдуемые мнѣ два цѣлковыхъ за бритвы иностранной работы, проданныя мною, если запомнить изволите, семь мѣсяцевъ тому назадъ, въ долгъ, еще во время жительства вашего съ нами у Каролины Ивановны, которую я отъ всей души моей уважаю. Дѣйствую-же я такимъ образомъ потому, что вы, по разсказамъ умныхъ людей, потеряли амбицію и репутацію и стали опасны для нравственности невинныхъ и незараженныхъ людей, ибо нѣкоторыя особы живутъ не по правдѣ и, сверхъ того, слова ихъ—фальшь, и благонамѣренный видъ подозрителенъ. Вступиться-же за обиду Каролины Ивановны, которая всегда была благонравнаго поведенія, а во вторыхъ, честная женщина и, въ добавокъ, дѣвица, хотя не молодыхъ лѣтъ, но зато хорошей иностранной фамиліи,—людей способныхъ можно найдти всегда и вездѣ, о чемъ просили меня нѣкоторыя особы упомянуть въ семъ письмѣ моемъ мимоходомъ и говоря отъ своего лица. Во всякомъ-же случаѣ, вы все узнаете своевременно, если теперь не узнали: не смотря на то, что ославили себя, по разсказамъ умныхъ людей, во всѣхъ концахъ столицы и, слѣдовательно, уже во многихъ мѣстахъ могли получить надлежащія о себѣ, милостивый государь, свѣдѣнія. Въ заключеніе письма моего объявляю вамъ, милостивый мой государь, что извѣстная вамъ особа, коей имя не упоминаю здѣсь по извѣстнымъ благороднымъ причинамъ, весьма уважаема людьми благомыслящими; сверхъ того, характера веселаго и пріятнаго, успѣваетъ какъ на службѣ, такъ и между всѣми здравомыслящими людьми, вѣрна своему слову и дружбѣ и не обижаетъ заочно тѣхъ, съ кѣмъ въ глаза находится въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

«Во всякомъ случаѣ пребываю покорнымъ слугою вашимъ

«Н. Вахрамѣевымъ».

«P. S. Вы вашего человѣка гоните: онъ пьяница и приноситъ вамъ, по всей вѣроятности, много хлопотъ, а возьмите Евстафія, служившаго прежде у насъ и находящагося на сей разъ безъ мѣста. Теперешній-же служитель вашъ не только пьяница, но, сверхъ того, воръ, ибо еще на прошлой недѣлѣ продалъ фунтъ сахару, въ видѣ кусковъ, Каролинѣ Ивановнѣ за уменьшенную цѣну, что, по моему мнѣнію, не могъ онъ иначе сдѣлать, какъ обворовать васъ хитростнымъ образомъ, но малому и въ разные сроки. Пишу вамъ сіе, желая добра, не смотря на то, что нѣкоторыя особы умѣютъ только обижать и обманывать всѣхъ людей, преимущественно-же честныхъ и обладающихъ добрымъ характеромъ: сверхъ того, заочно поносятъ ихъ и представляютъ ихъ въ обратномъ смыслѣ, единственно изъ зависти и потому, что сами себя не могутъ назвать таковыми».

«В.»

Прочтя письмо Вахрамѣева, герой нашъ долго еще оставался въ неподвижномъ положеніи на диванѣ своемъ. Какой-то новый свѣтъ пробивался сквозь весь неясный и загадочный туманъ, уже два дня окружавшій его. Герой нашъ отчасти начиналъ понимать... Попробовалъ было онъ встать съ дивана и пройдтись, разъ и другой, по комнатѣ, чтобъ освѣжить себя, собрать кое-какъ разбитыя мысли, устремить ихъ на извѣстный предметъ и потомъ, поправивъ себя немного, зрѣло обдумать свое положеніе. Но только что хотѣлъ было онъ привстать, какъ тутъ-же, въ немощи и безсиліи, упалъ опять на прежнее мѣсто. «Оно, конечно, я это все заранѣе предчувствовалъ; однако-же, какъ-же онъ пишетъ и каковъ прямой смыслъ этихъ словъ? Смыслъ-то я, положимъ, и знаю: но куда это поведетъ? Сказалъ-бы прямо: вотъ, дескать, такъ-то и такъ-то, требуется то-то и то-то, я-бы и исполнилъ. Турнира-то, оборотъ-то, принимаемый дѣломъ, такой непріятный выходитъ! Ахъ, какъ-бы поскорѣе добраться до завтра и поскорѣе добраться до дѣла! Теперь-же я знаю что̀ дѣлать. Дескать, такъ и такъ, скажу, на резоны согласенъ, чести моей не продамъ, а того... пожалуй: впрочемъ, онъ-то, особа-то эта извѣстная, лицо-то неблагопріятное какъ-же сюда подмѣшалось? И зачѣмъ именно подмѣшалось сюда? Ахъ, какъ-бы до завтра скорѣй! Ославятъ они меня до тѣхъ поръ, интригуютъ они, въ пику работаютъ! Главное — времени не нужно терять, а теперь, напримѣръ, хоть письмо написать и только пропустить, что, дескать, то-то и то-то, и вотъ на то-то и то-то согласенъ. А завтра чѣмъ свѣтъ отослать и самому пораньше того... и съ другой стороны имъ въ контру пойдти и предупредить ихъ, голубчиковъ... Ославятъ они меня, да и только!»

Господинъ Голядкинъ подвинулъ бумагу, взялъ перо и написалъ слѣдующее посланіе въ отвѣтъ на письмо губернскаго секретаря Вахрамѣева:

«Милостивый Государь, Несторъ Игнатьевичъ!

«Съ прискорбнымъ сердцу моему удивленіемъ прочелъ я оскорбительное для меня письмо ваше, ибо ясно вижу, что подъ именемъ нѣкоторыхъ неблагонристойныхъ особъ и иныхъ съ ложною благонамѣренностью людей разумѣете вы меня. Съ истинною горестію вижу, какъ скоро, успѣшно и какъ далекіе корни пустила клевета, въ ущербъ моему благодѣнствію, моей чести и доброму моему имени. И тѣмъ болѣе прискорбно и оскорбительно это, что даже честные люди съ истинно благороднымъ образомъ мыслей и, главное, одаренные прямымъ и открытымъ характеромъ, отступаютъ отъ интересовъ благородныхъ людей и прилѣпляются лучшими качествами сердца своего къ зловредной тлѣ,—къ несчастію, въ наше тяжелое и безнравственное время расплодившейся сильно и крайне неблагонамѣренно. Въ заключеніе скажу, что вами означенный долгъ мой, два рубля серебромъ, почту святою обязанностію возвратить вамъ во всей его цѣлости.

«Что-же касается до вашихъ, милостивый государь мой, намековъ на счетъ извѣстной особы женскаго пола, на счетъ намѣреній, разсчетовъ и разныхъ замысловъ этой особы, то скажу вамъ, милостивый государь мой, что я смутно и неясно понялъ всѣ эти намеки. Позвольте мнѣ, милостивый государь мой, благородный образъ мыслей моихъ и честное имя мое сохранить незапятнанными. Во всякомъ-же случаѣ, готовъ снизойдти до объясненія лично, предпочитая вѣрность личнаго письменному, и, сверхъ того, готовъ войдти въ разныя миролюбивыя, обоюдныя, разумѣется, соглашенія. На сей конецъ прошу васъ, милостивый мой государь, передать сей особѣ готовность мою для соглашенія личнаго, и, сверхъ того, просить ее назначить время и мѣсто свиданія. Горько мнѣ было читать, милостивый государь мой, намеки на то, что будто-бы васъ оскорбилъ, измѣнилъ нашей первобытной дружбѣ и отзывался о васъ съ дурной стороны. Приписываю все сіе недоразумѣнію, гнусной клеветѣ, зависти и недоброжелательству тѣхъ, коихъ справедливо могу именовать ожесточеннѣйшими врагами моими. Но они, вѣроятно, не знаютъ, что невинность сильна уже своею невинностію, что безстыдство, наглость и возмущающая душу фамильярность иныхъ особъ, рано-ли, поздно-ли, заслужитъ себѣ всеобщее клеймо презрѣнія, и что эти особы погибнутъ не иначе, какъ отъ собственной неблагонристойности и развращенности сердца. Въ заключеніе

прошу васъ, милостивый государь мой, передать симъ особамъ, что странная претензія ихъ и неблагородное фантастическое желаніе вытѣснять другихъ изъ предѣловъ, занимаемыхъ сими другими своимъ бытіемъ въ этомъ мірѣ, и занять ихъ мѣсто, заслуживаютъ изумленія, презрѣнія, сожалѣнія и, сверхъ того, сумасшедшаго дома; что, сверхъ того, такія отношенія запрещены строго законами, что̀, по моему мнѣнію, совершенно справедливо, ибо всякій долженъ быть доволенъ своимъ собственнымъ мѣстомъ. Всему есть предѣлы, и если это шутка, то шутка неблагопристойная, скажу болѣе: совершенно безнравственная, ибо, смѣю увѣрить васъ, милостивый государь мой, что идеи мои, выше распространенныя на счетъ *своихъ мыслей*, чисто нравственныя.

«Во всякомъ случаѣ честь имѣю пребыть
вашимъ покорнымъ слугою

«Я. Голядкинъ».

ГЛАВА X.

Вообще можно сказать, что происшествія вчерашняго дня до основанія потрясли господина Голядкина. Почивалъ нашъ герой нехорошо, т. е. никакъ не могъ даже на пять минутъ заснуть совершенно: словно проказникъ какой нибудь насыпалъ ему рѣзаной щетины въ постель. Всю ночь провелъ онъ въ какомъ-то полуснѣ, полубдѣніи, переворачиваясь со стороны на сторону, съ боку на бокъ, охая, кряхтя, на минутку засыпая, черезъ минутку опять просыпаясь, и все это сопровождалось какой-то странной тоской, неясными воспоминаніями, безобразными видѣніями, —однимъ словомъ, всѣмъ что̀ только можно найдти непріятнаго... То появлялась передъ нимъ, въ какомъ-то страномъ, загадочномъ полусвѣтѣ, фигура Андрея Филипповича,—сухая фигура, сердитая фигура съ сухимъ, жесткимъ взглядомъ и съ черство-учтивой поборанкой... И только что господинъ Голядкинъ начиналъ было подходить къ Андрею Филипповичу, чтобъ передъ нимъ, какимъ нибудь образомъ, такъ или этакъ, оправдаться и доказать ему, что онъ вовсе не таковъ, какъ его враги расписали, что онъ вотъ такой-то, да сякой-то, и даже обладаетъ, сверхъ обыкновенныхъ, врожденныхъ качествъ своихъ, вотъ тѣмъ-то и тѣмъ-то: — но, какъ тутъ, и являлось извѣстное своимъ неблагопристойнымъ направленіемъ лицо, и какимъ

нибудь самымъ возмущающимъ душу средствомъ сразу разрушало всѣ предначинанія господина Голядкина, тутъ-же, почти на глазахъ-же господина Голядкина, очерняло досконально его репутацію, втаптывало въ грязь его амбицію, и потомъ немедленно занимало мѣсто его на службѣ и въ обществѣ. То чесалась голова господина Голядкина отъ какого нибудь щелчка, недавно благопріобрѣтеннаго и унижено принятаго, полученнаго или въ общежитіи, или, какъ нибудь тамъ, по обязанности, на который щелчокъ протестовать было трудно... И между тѣмъ какъ господинъ Голядкинъ начиналъ было ломать себѣ голову надъ тѣмъ, что почему вотъ именно трудно протестовать хоть-бы на такой-то щелчокъ,—между тѣмъ эта-же мысль о щелчкѣ незамѣтно переливалась въ какую нибудь другую форму,—въ форму какой нибудь извѣстной маленькой или довольно значительной подлости, видѣнной, слышанной или самимъ недавно исполненной,—и часто исполненной-то даже и не на подломъ основаніи, даже и не изъ подлаго побужденія какого нибудь, а такъ,—иногда, напримѣръ, по случаю,—изъ деликатности; другой разъ изъ ради совершенной своей беззащитности, ну и, наконецъ, потому... потому, однимъ словомъ, ужь это господинъ Голядкинъ зналъ хорошо: *почему!* Тутъ господинъ Голядкинъ краснѣлъ сквозь сонъ, и, подавляя краску свою, бормоталъ про себя, что, дескать, здѣсь, напримѣръ, можно-бы показать твердость характера, значительную-бы можно было показать въ этомъ случаѣ твердость характера... а потомъ и заключалъ, что, дескать, что-же твердость характера!.. Дескать, зачѣмъ ее теперь понимать!..» Но всего болѣе бѣсило и раздражало господина Голядкина то, что какъ тутъ, и непремѣнно въ такую минуту, звали-ль, не звали-ль его, являлось извѣстное безобразіемъ и пасквильностью своего направленія лицо, и тоже, не смотря на то, что уже, кажется, дѣло было извѣстное—тоже туда-же бормотало съ неблагопристойной улыбочкой, что «дескать, что ужь тутъ твердость характера! Какая, дескать, у насъ съ тобой, Яковъ Петровичъ, будетъ твердость характера!..» То грезилось господину Голядкину, что находится онъ въ одной прекрасной компаніи, извѣстной своимъ остроуміемъ и благороднымъ тономъ всѣхъ лицъ, ее составляющихъ; что господинъ Голядкинъ, въ свою очередь, отличился въ отношеніи любезности и остроумія, что всѣ его полюбили, даже нѣкоторые изъ враговъ его, бывшихъ тутъ-же, его полюбили, что очень пріятно было господину Голядкину; что всѣ ему отдали первенство, и что, наконецъ, самъ господинъ Голядкинъ съ пріятностью подслушалъ, какъ хозяинъ, тутъ-же отведя въ сторону кой-кого изъ гостей, похвалилъ господина Голядкина... и вдругъ,

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ.

ни съ того, ни съ сего, опять явилось извѣстное своею неблагонамѣренностью и звѣрскими побужденіями лицо, въ видѣ господина Голядкина-младшаго, и тутъ-же сразу, въ одинъ мигъ, однимъ появленіемъ своимъ, Голядкинъ-младшій разрушилъ все торжество и всю славу господина Голядкина-старшаго, затмилъ собою Голядкина-старшаго, вогналъ въ грязь Голядкина-старшаго, и, наконецъ, ясно доказалъ, что Голядкинъ-старшій, и вмѣстѣ съ тѣмъ настоящій,—вовсе не настоящій, а поддѣльный, а что онъ настоящій, что, наконецъ, Голядкинъ-старшій вовсе не то чѣмъ онъ кажется, а такой-то и такой-то, и, слѣдовательно, не долженъ и не имѣетъ права принадлежать къ обществу людей благонамѣренныхъ и хорошаго тона. И все это до того быстро сдѣлалось, что господинъ Голядкинъ-старшій и рта раскрыть не успѣлъ, какъ уже всѣ и душою и тѣломъ предались безобразному и поддѣльному господину Голядкину и съ глубочайшимъ презрѣніемъ отвергли его, настоящаго и невиннаго господина Голядкина. Не оставалось лица, котораго мнѣнія не передѣлалъ-бы въ одинъ мигъ безобразный господинъ Голядкинъ по своему. Не оставалось лица, даже самаго незначительнаго изъ цѣлой компаніи, къ которому-бы не подлизался безполезный и фальшивый господинъ Голядкинъ по своему, самымъ сладчайшимъ манеромъ, къ которому-бы не подобрался по своему, передъ которымъ-бы онъ не покурилъ, по своему обыкновенію, чѣмъ нибудь самымъ пріятнымъ и сладкимъ, такъ что обкуриваемое лицо только нюхало и чихало до слезъ, въ знакъ высочайшаго удовольствія. И, главное, все это дѣлалось мигомъ: быстрота хода подозрительнаго и безполезнаго господина Голядкина была удивительная! Чуть успѣетъ, напримѣръ, полизаться съ однимъ, заслужить благорасположеніе его,—и глазомъ не мигнешь, какъ ужь онъ у другаго. Полижется-полижется съ другимъ въ тихомолочку, сорветъ улыбочку благоволенія, лягнетъ своей коротенькой, кругленькой, довольно, впрочемъ, дубоватенькой ножкой, и вотъ ужь и съ третьимъ, и куртизанитъ ужь третьяго, съ нимъ тоже лижется по пріятельски; рта раскрыть не успѣваешь, въ изумленіе не успѣешь придти, а ужь онъ у четвертаго, и съ четвертымъ уже на тѣхъ-же кондиціяхъ,—ужасъ: колдовство да и только! И всѣ рады ему, и всѣ любятъ его, и всѣ превозносятъ его, и всѣ провозглашаютъ хоромъ, что любезность и сатирическое ума его направленіе не въ примѣръ лучше любезности и сатирическаго направленія настоящаго господина Голядкина, и стыдятъ этимъ настоящаго и невиннаго господина Голядкина, и отвергаютъ правдоподобнаго господина Голядкина, и уже гонятъ въ толчки благонамѣреннаго господина Голядкина, и уже сыплютъ щелчки въ извѣстнаго любовію къ ближнему

настоящаго господина Голядкина!.. Въ тоскѣ, въ ужасѣ, въ бѣшенствѣ выбѣжалъ многострадальный господинъ Голядкинъ на улицу, и сталъ нанимать извощика, чтобъ прямо летѣть къ его превосходительству, а если не такъ, то ужь, по крайней мѣрѣ, къ Андрею Филипповичу, но—ужасъ! извощики никакъ не соглашались везти господина Голядкина: «дескать, баринъ нельзя везти двухъ совершенно подобныхъ; дескать, ваше благородіе, хорошій человѣкъ, наровитъ жить по честности, а не какъ нибудь, и вдвоинѣ никогда не бываетъ». Въ изступленіи стыда, оглядывался кругомъ совершенно честный господинъ Голядкинъ, и дѣйствительно увѣрялся, самъ, своими глазами, что извощики и стакнувшійся съ ними Петрушка всѣ въ своемъ правѣ; ибо развращенный господинъ Голядкинъ находился дѣйствительно тутъ-же, возлѣ него, не въ дальнемъ отъ него разстояніи, и, слѣдуя подлымъ обычаямъ нравовъ своихъ, и тутъ, и въ этомъ критическомъ случаѣ, непремѣнно готовился сдѣлать что-то весьма неприличное, и нисколько не обличавшее особеннаго благородства характера, получаемаго обыкновенно при воспитаніи,— благородства, которымъ такъ величался при всякомъ удобномъ случаѣ отвратительный господинъ Голядкинъ второй. Не помня себя, въ стыдѣ и въ отчаяніи, бросился погибшій и совершенно справедливый господинъ Голядкинъ—куда глаза глядятъ, на волю судьбы, куда-бы не вынесло: но съ каждымъ шагомъ его, съ каждымъ ударомъ ноги въ гранитъ тротуара, выскакивало, какъ будто изъ-подъ земли, по такому-же совершенно подобному и отвратительному развращенностію сердца — господину Голядкину. И всѣ эти совершенно подобные пускались тотчасъ-же по появленіи своемъ бѣжать одинъ за другимъ, и длинною цѣпью, какъ вереница гусей, тянулись и ковыляли за господиномъ Голядкинымъ-старшимъ, такъ что некуда было убѣжать отъ совершенно подобныхъ, такъ что духъ захватывало всячески достойному сожалѣнія господину Голядкину отъ ужаса,—такъ что народилась, наконецъ, страшная бездна совершенно подобныхъ, — такъ что вся столица запрудилась, наконецъ, совершенно подобными, и полицейскій служитель, видя таковое нарушеніе приличія, принужденъ былъ взять этихъ всѣхъ совершенно подобныхъ за шиворотъ и посадить въ случившуюся у него подъ бокомъ будку... Цѣпенѣя и леденѣя отъ ужаса, просыпался герой нашъ, и цѣпенѣя и леденѣя отъ ужаса чувствовалъ, что и на яву едва-ли веселѣе проводится время... Тяжело, мучительно было... Тоска подходила такая, какъ будто кто сердце вырѣзалъ изъ груди...

Наконецъ, господинъ Голядкинъ не могъ долѣе вытерпѣть. «Не будетъ-же этого!» закричалъ онъ, съ рѣшимостью приподымаясь

съ постели, и вслѣдъ за этимъ восклицаніемъ совершенно очнулся.

День, по видимому, уже давно начался. Въ комнатѣ было какъ-то не по обыкновенному свѣтло: солнечные лучи густо процѣживались сквозь заиндевѣвшія отъ мороза стекла и обильно разсыпались по комнатѣ, что не мало удивило господина Голядкина: ибо развѣ только въ полдень заглядывало къ нему солнце своимъ чередомъ; прежде-же такихъ исключеній въ теченіи небеснаго свѣтила, сколько, по крайней мѣрѣ, господинъ Голядкинъ самъ могъ припомнить, почти никогда не бывало. Только что успѣлъ подивиться на это герой нашъ, какъ зажужжали за перегородкой стѣнные часы, и такимъ образомъ совершенно приготовились бить. «А вотъ!» подумалъ господинъ Голядкинъ, и съ тоскливымъ ожиданіемъ приготовился слушать... Но, къ совершенному и окончательному пораженію господина Голядкина, часы его понатужились и ударили всего одинъ разъ. «Это что за исторія?» вскричалъ нашъ герой, выскакивая совсѣмъ изъ постели. Такъ какъ былъ, не вѣря ушамъ своимъ, бросился онъ за перегородку. На часахъ былъ дѣйствительно часъ. Господинъ Голядкинъ взглянулъ на кровать Петрушки; но въ комнатѣ даже не пахло Петрушкой: постель его, по видимому, давно уже была прибрана и оставлена: сапоговъ его тоже нигдѣ не было,—несомнѣнный признакъ, что Петрушки дѣйствительно не было дома. Господинъ Голядкинъ бросился къ дверямъ: двери заперты. «Да гдѣ-же Петрушка?» продолжалъ онъ шепотомъ, весь въ страшномъ волненіи и чувствуя довольно значительную дрожь во всѣхъ членахъ... Вдругъ одна мысль пронеслась въ головѣ его... Господинъ Голядкинъ бросился къ столу своему, оглядѣлъ его, обшарилъ кругомъ,—такъ и есть: вчерашняго письма его къ Вахрамѣеву не было... Петрушки за перегородкой тоже совсѣмъ не было; на стѣнныхъ часахъ былъ часъ, а во вчерашнемъ письмѣ Вахрамѣева были введены какіе-то новые пункты, весьма, впрочемъ, съ перваго взгляда неясные пункты, но теперь совершенно объяснившіеся. Наконецъ, и Петрушка — очевидно, подкупленный Петрушка! Да, да, это такъ!

«Такъ это такъ-то главный узелъ завязывался!» вскричалъ господинъ Голядкинъ, ударивъ себя по лбу, и все болѣе и болѣе открывая глаза; «такъ это въ гнѣздѣ этой скаредной нѣмки кроется теперь вся главная нечистая сила! Такъ это, стало быть, она только стратегическую диверсію дѣлала, указывая мнѣ на Измайловскій мостъ,—глаза отводила, смущала меня (негодная вѣдьма!) и вотъ такимъ-то образомъ подконы вела!!! Да, это такъ! Если только съ этой стороны на дѣло взглянуть, это, все это и будетъ вотъ именно такъ! И появленіе мерзавца тоже теперь вполнѣ объяс-

нется: это все одно къ одному. Они его давно ужь держали, приготовляли и на черный день припасали. Вѣдь вотъ оно какъ теперь, какъ оказалось-то все! Какъ разрѣшилось-то все! А ну, ничего! Еще не потеряно время!..» Тутъ господинъ Голядкинъ съ ужасомъ вспомнилъ, что уже второй часъ пополудни. «Что если они теперь и успѣли...» Стонъ вырвался у него изъ груди... «Да нѣтъ-же, врутъ, не успѣли,—посмотримъ»... Кое какъ онъ одѣлся, схватилъ бумагу, перо и настрочилъ слѣдующее посланіе:

«Милостивый государь мой, Яковъ Петровичъ!

«Либо вы, либо я, а вмѣстѣ намъ невозможно! И потому объявляю вамъ, что странное, смѣшное и, вмѣстѣ, невозможное желаніе ваше—казаться моимъ близнецомъ и выдавать себя за такового, послужитъ ни къ чему иному, какъ къ совершенному вашему безчестію и пораженію. И потому прошу васъ, ради собственной-же выгоды вашей, посторониться и дать путь людямъ истинно благороднымъ и съ цѣлями благонамѣренными. Въ противномъ-же случаѣ, готовъ рѣшиться даже на самыя крайнія мѣры. Кладу перо и ожидаю... Впрочемъ, пребываю готовымъ на услуги и — на пистолеты.

«Я. Голядкинъ».

Энергически потеръ себѣ руки герой нашъ, когда кончилъ записку. Затѣмъ, натянувъ панталоны и надѣвъ шляпу, отперъ другимъ, запаснымъ ключемъ квартиру и пустился въ департаментъ. До департамента онъ дошелъ, но войдти не рѣшился: дѣйствительно, было уже слишкомъ поздно; половину третьяго показывали часы господина Голядкина. Вдругъ одно, по видимому, весьма маловажное обстоятельство разрѣшило нѣкоторыя сомнѣнія господина Голядкина: изъ-за угла департаментскаго зданія вдругъ показалась запыхавшаяся и раскраснѣвшаяся фигурка, и украдкой, крысиной походкой шмыгнула на крыльцо, и потомъ тотчасъ-же въ сѣни. Это былъ писарь Остафьевъ, человѣкъ весьма знакомый господину Голядкину, человѣкъ отчасти нужный и за гривенникъ готовый на все. Зная нѣжную струну Остафьева, и смекнувъ, что онъ, послѣ отлучки за самонужнѣйшей надобностью, вѣроятно, сталъ еще болѣе прежняго падокъ на гривенники, герой нашъ рѣшился ихъ не жалѣть, и тотчасъ-же шмыгнулъ на крыльцо, а потомъ и въ сѣни вслѣдъ за Остафьевымъ, кликнулъ его, и съ таинственнымъ видомъ пригласилъ въ сторонку, въ укромный уголокъ, за огромную желѣзную печку. Заведя его туда, герой нашъ началъ разспрашивать.

— Ну, что, мой другъ, какъ этакъ тамъ того...: ты меня понимаешь?..

— Слушаю, ваше благородіе, здравія желаю вашему благородію.

— Хорошо, мой другъ, хорошо: а я тебя поблагодарю, милый другъ. Ну, вотъ видишь, какъ-же, мой другъ?

— Что изволите спрашивать-съ? Тутъ Остафьевъ попридержалъ немного рукою свой нечаянно раскрывшійся ротъ.

— Я, вотъ видишь-ли, мой другъ, я того... а ты не думай чего нибудь... Ну что, Андрей Филипповичъ здѣсь?..

— Здѣсь-съ.

— И чиновники здѣсь?

— И чиновники тоже-съ, какъ слѣдуетъ-съ.

— И его превосходительство тоже?

— И его превосходительство тоже-съ. Тутъ писарь еще, другой разъ, попридержалъ свой опять раскрывшійся ротъ и какъ-то любопытно и странно посмотрѣлъ на господина Голядкина. Герою нашему, по крайней мѣрѣ, такъ показалось.

— И ничего особеннаго такого нѣту, мой другъ?

— Нѣтъ-съ; никакъ нѣтъ-съ.

— Этакъ обо мнѣ, милый другъ, нѣтъ-ли чего нибудь тамъ, этакъ чего нибудь только... а? только такъ, мой другъ, понимаешь?

— Нѣтъ-съ, еще ничего не слышно покамѣстъ. Тутъ писарь опять попридержалъ свой ротъ и опять какъ-то странно взглянулъ на господина Голядкина. Дѣло въ томъ, что герой нашъ старался теперь проникнуть въ физіономію Остафьева, прочесть на ней кое-что, не тается-ли чего нибудь. И дѣйствительно, какъ будто что-то такое таилось; дѣло въ томъ, что Остафьевъ становился все какъ-то грубѣе и суше, и не съ такимъ уже участіемъ, какъ съ начала разговора, входилъ теперь въ интересы господина Голядкина. «Онъ отчасти въ своемъ правѣ», подумалъ господинъ Голядкинъ: «вѣдь что-жь я ему? Онъ, можетъ быть, уже и получилъ съ другой стороны, а потому и отлучился по самонужнѣйшей-то. А вотъ я ему и того»... Господинъ Голядкинъ понялъ, что время гривенниковъ наступило.

— Вотъ тебѣ, милый другъ...

— Чувствительно благодаренъ вашему благородію.

— Еще болѣе дамъ.

— Слушаю, ваше благородіе.

— Теперь, сейчасъ еще болѣе дамъ, и когда дѣло кончится, еще столько-же дамъ. Понимаешь?

Писарь молчалъ, стоялъ въ струнку и неподвижно смотрѣлъ на господина Голядкина.

— Ну, теперь говори: про меня ничего не слышно?..

— Кажется, что еще, покамѣстъ... того-съ... ничего нѣтъ покамѣсть-съ. Остафьевъ отвѣчалъ съ разстановкой, тоже, какъ и господинъ Голядкинъ, наблюдая немного таинственный видъ, подергивая немного бровями, смотря въ землю, стараясь попасть въ надлежащій тонъ, и, однимъ словомъ, всѣми силами стараясь наработать обѣщанное, потому что данное онъ уже считалъ за собою и окончательно пріобрѣтеннымъ.

— И неизвѣстно ничего?

— Покамѣстъ еще нѣтъ-съ?

— А послушай... того... оно, можетъ быть, будетъ извѣстно.

— Потомъ, разумѣется, можетъ быть, будетъ извѣстно-съ.

— Плохо! подумалъ герой нашъ.— Послушай; вотъ тебѣ еще, милый мой.

— Чувствительно благодаренъ вашему благородію.

— Вахрамѣевъ былъ вчера здѣсь?..

— Были-съ.

— А другаго кого нибудь не было-ли!.. Припомни-ка, братецъ?

Писарь порылся съ минутку въ своихъ воспоминаніяхъ, и надлежащаго ничего не припомнилъ.

— Нѣтъ-съ, никого другаго не было-съ.

— Гм!—Послѣдовало молчаніе.

— Послушай, братецъ, вотъ тебѣ еще; говори все, всю подноготную.

— Слушаю-съ. Остафьевъ стоялъ теперь точно шелковый: того и надобно было господину Голядкину.

— Объясни мнѣ, братецъ, теперь, на какой онъ ногѣ?

— Ничего-съ, хорошо-съ, отвѣчалъ писарь, во всѣ глаза смотря на господина Голядкина.

— То есть, какъ хорошо?

— То есть такъ-съ. Тутъ Остафьевъ значительно подернулъ бровями. Впрочемъ, онъ рѣшительно становился въ тупикъ и не зналъ, что ему еще говорить. «Плохо!» подумалъ господинъ Голядкинъ.

— Нѣтъ-ли у нихъ дальнѣйшаго чего нибудь съ Вахрамѣевымъ-то?

— Да и все, какъ и прежде-съ.

— Подумай-ка.

— Есть, говорятъ-съ.

— А ну, что-же такое?

Остафьевъ попридержалъ рукою свой ротъ.

— Письма оттудова нѣтъ-ли ко мнѣ?

— А сегодня сторожъ Михѣевъ ходилъ къ Вахрамѣеву на квартиру, туда-съ, къ нѣмкѣ ихней-съ, такъ вотъ я пойду и спрошу, если надобно.

— Сдѣлай одолженіе, братецъ, ради Создателя!. .Я только такъ... Ты, братъ, не думай чего нибудь, а я только такъ. Да разспроси, братецъ, разузнай, не приготовляется-ли что нибудь тамъ на мой счетъ. Онъ-то какъ дѣйствуетъ? Вотъ мнѣ что̀ нужно; вотъ это ты и узнай, милый другъ, а я тебя потомъ и поблагодарю, милый другъ...

— Слушаю-съ, ваше благородіе, а на вашемъ мѣстѣ Иванъ Семенычъ сѣли сегодня-съ.

— Иванъ Семенычъ? А! Да! Не-уже-ли?

— Андрей Филипповичъ указали имъ сѣсть-съ...

— Не-уже-ли? По какому-же случаю? Разузнай это. братецъ; ради Создателя разузнай это, братецъ; разузнай это все, —а я тебя поблагодарю, милый мой; вотъ что мнѣ нужно... А ты не думай чего нибудь, братецъ...

— Слушаю-съ, слушаю-съ, тотчасъ сойду сюда-съ... Да вы, ваше благородіе, развѣ не войдете сегодня?

— Нѣтъ, мой другъ; я только такъ, я вѣдь такъ только, я посмотрѣть только пришелъ, милый другъ, а потомъ я тебя и поблагодарю, милый мой.

— Слушаю-съ. Писарь быстро и усердно побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ, а господинъ Голядкинъ остался одинъ.

«Плохо!» подумалъ онъ. «Эхъ, плохо, плохо! Эхъ, дѣльцо-то наше... какъ теперь плоховато! Что̀-бы это значило все? Что̀ именно значили нѣкоторые намеки этого пьяницы, напримѣръ, и чья это штука? А! Я теперь знаю, чья это штука. Это вотъ какая штука. Они вѣрно узнали, да и посадили... Впрочемъ, что-жь,—посадили? Это Андрей Филипповичъ его посадилъ, Ивана-то Семеновича; да, впрочемъ, зачѣмъ-же онъ его посадилъ, и съ какою именно цѣлью посадилъ? Вѣроятно, узнали... Это Вахрамѣевъ работаетъ, то есть не Вахрамѣевъ, онъ глупъ, какъ простое осиновое бревно, Вахрамѣевъто; а это они всѣ за него работаютъ, да и нѣмца-то за тѣмъ-же самымъ сюда натравили; а нѣмка пожаловалась, одноглазая! Я всегда подозрѣвалъ, что вся эта интрига не спроста, и что во всей этой бабьей, старушьей сплетнѣ непремѣнно есть что нибудь: тоже самое я и Крестьяну Ивановичу говорилъ, что, дескать, поклялись зарѣзать, въ нравственномъ смыслѣ говоря, человѣка, да и ухватились за Каролину Ивановну. Нѣтъ, тутъ мастера́ работаютъ, видно! Тутъ, сударь мой, работаетъ мастерская рука, а не Вахрамѣевъ. Уже сказано, что глупъ Вахрамѣевъ, а это... я знаю теперь, кто здѣсь за нихъ всѣхъ работаетъ: это нѣмецъ работаетъ, самозванецъ рабо-

тастъ. На этомъ одномъ онъ и дѣлится, что̀ доказываютъ отчасти и успѣхи его въ высшемъ обществѣ. А дѣйствительно, желательно-бы знать было, на какой онъ ногѣ теперь... что-то онъ тамъ у нихъ?— Только зачѣмъ-же они тамъ взяли Ивана-то Семеновича? На какой имъ чортъ было нужно Ивана Семеновича? Точно нельзя ужь было достать другаго кого. Впрочемъ, кого ни посади, все было-бы тоже самое; а что я только знаю, такъ это то, что онъ. Иванъ-то Семеновичъ, былъ мнѣ давно подозрителенъ, я про него давно замѣчалъ: старикашка такой скверный, гадкій такой, — говорятъ, на проценты даетъ и жидовскіе проценты береть. А вѣдь это все медвѣдь мастеритъ. Во все это обстоятельство медвѣдь замѣшался. Началось-то оно такимъ образомъ. У Измайловскаго моста оно началось; вотъ оно какъ началось»... Тутъ господинъ Голядкинъ сморщился, словно лимонъ разгрызъ, вѣроятно, припомнивъ что нибудь весьма непріятное. «Ну, да ничего, впрочемъ!» подумалъ онъ. «А вотъ только, я все про свое. Что-же это Остафьевъ нейдетъ? Вѣроятно, засѣлъ или былъ остановленъ тамъ кѣмъ нибудь. Это вѣдь и хорошо отчасти, что я такъ интригую, и съ своей стороны подкопы веду. Остафьеву только гривенникъ нужно дать, такъ онъ и того... и на моей сторонѣ. Только вотъ дѣло въ чемъ: точно-ли онъ на моей сторонѣ: можетъ быть, они его тоже съ своей стороны... и, съ своей стороны согласясь съ нимъ, интригу ведутъ. Вѣдь разбойникомъ смотритъ, мошенникъ, чистымъ разбойникомъ! Тантя, шельмецъ! «Нѣтъ ничего», говоритъ, «и чувствительно, дескать, вамъ, ваше благородіе, говоритъ, благодаренъ». Разбойникъ ты этакой!»

Послышался шумъ... господинъ Голядкинъ съежился и прыгнулъ за печку. Кто-то сошелъ съ лѣстницы и вышелъ на улицу. «Кто-бы это такъ отправлялся теперь?» подумалъ про себя нашъ герой. Черезъ минутку послышались опять чьи-то шаги... Тутъ господинъ Голядкинъ не вытерпѣлъ и высунулъ изъ-за своего бруствера маленькій-маленькій кончикъ носа,—высунулъ и тотчасъ-же отдѣлся назадъ, словно кто ему булавкой носъ укололъ. На этотъ разъ проходилъ извѣстно кто, то есть шельмецъ, интриганъ и развратникъ,—проходилъ, по обыкновенію, своимъ подленькимъ частымъ шажкомъ, присѣменивая и выкидывая ножками такъ, какъ будто-бы собирался кого-то лягнуть. «Подлецъ!» проговорилъ про себя нашъ герой. Впрочемъ, господинъ Голядкинъ не могъ не замѣтить, что у подлеца подъ мышкой былъ огромный зеленый портфель, принадлежавшій его превосходительству. «Онъ это опять по особому», подумалъ господинъ Голядкинъ, покраснѣвъ и съежившись еще болѣе прежняго отъ досады. Только что господинъ Голядкинъ-младшій пре-

мелькнулъ мимо господина Голядкина-старшаго, совѣмъ не замѣтивъ его, какъ послышались въ третій разъ чьи-то шаги, и на этотъ разъ господинъ Голядкинъ догадался, что шаги были писарскіе. Дѣйствительно, какая-то примазанная писарская фигурка заглянула къ нему за печку: фигурка, впрочемъ, была не Остафьева, а другаго писаря, Писаренки по прозванію. Это изумило господина Голядкина. «Зачѣмъ-же это онъ другихъ въ секретъ замѣшалъ?» подумалъ герой нашъ: «экіе варвары! святаго у нихъ ничего не имѣется! «Ну, что, мой другъ?» проговорилъ онъ, обращаясь къ Писаренкѣ: «ты, мой другъ, отъ кого?..»

— Вотъ-съ, по вашему дѣльцу-съ. Ни отъ кого извѣстій покамѣстъ нѣтъ никакихъ-съ. А если будутъ, увѣдомимъ-съ.

— А Остафьевъ?..

— Да ему, ваше благородіе, никакъ нельзя-съ. Его превосходительство уже два раза проходили по отдѣленію, да и мнѣ теперь некогда.

— Спасибо, милый мой, спасибо тебѣ... Только ты мнѣ скажи...

— Ей Богу-же, некогда-съ... Поминутно насъ спрашиваютъ-съ... А вотъ вы извольте здѣсь еще постоять-съ, такъ если будетъ что нибудь относительно вашего дѣльца-съ, такъ мы васъ увѣдомимъ-съ...

— Нѣтъ, ты, мой другъ, ты скажи...

— Позвольте-съ; мнѣ некогда-съ, говорилъ Писаренко, порываясь отъ ухватившаго его за полу господина Голядкина:—право, нельзя-съ. Вы извольте здѣсь еще постоять-съ, такъ мы и увѣдомимъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, другъ мой! Сейчасъ, милый другъ! Вотъ что теперь: вотъ письмо, мой другъ: а я тебя поблагодарю, милый мой.

— Слушаю-съ.

— Постарайся отдать, милый мой, господину Голядкину.

— Голядкину?

— Да, мой другъ, господину Голядкину.

— Хорошо-съ; вотъ какъ уберусь, такъ снесу-съ. А вы здѣсь стойте покамѣстъ. Здѣсь никто не увидитъ...

— Нѣтъ, я, мой другъ, ты не думай... я вѣдь здѣсь стою не для того, чтобъ кто нибудь не видѣлъ меня. А я, мой другъ, теперь буду не здѣсь... буду вотъ здѣсь въ переулочкѣ. Кофейная есть здѣсь одна: такъ я тамъ буду ждать, а ты если случится что, и увѣдомляй меня обо всемъ, понимаешь?

— Хорошо-съ. Пустите только; я понимаю...

— А я тебя поблагодарю, милый мой! кричалъ господинъ Голядкинъ вслѣдъ освободившемуся, наконецъ, Писаренкѣ... Шель-

мещь, кажется, грубѣе сталъ послѣ», — подумалъ герой нашъ, украдкой выходя изъ-за печки. «Тутъ еще есть крючокъ. Это ясно... Сначала было и того, и сего... Впрочемъ, онъ и дѣйствительно торопился; можетъ быть, дѣла тамъ много. И его превосходительство два раза ходили по отдѣленію... По какому-бы это случаю было?.. Ухъ! да ну, ничего! Оно, впрочемъ, и ничего, можетъ быть; а вотъ мы теперь и посмотримъ»...

Тутъ господинъ Голядкинъ отворилъ было дверь и хотѣлъ уже выйдти на улицу, какъ вдругъ, въ это самое мгновеніе, у крыльца загремѣла карета его превосходительства. Не успѣлъ господинъ Голядкинъ опомниться, какъ отворились изнутри дверцы кареты, и сидѣвшій въ ней господинъ выпрыгнулъ на крыльцо. Пріѣхавшій былъ не кто иной, какъ тотъ-же господинъ Голядкинъ-младшій, минутъ десять тому назадъ отлучившійся. Господинъ Голядкинъ-старшій вспомнилъ, что квартира директора была въ двухъ шагахъ. «Это онъ по особому», подумалъ нашъ герой про себя. Между тѣмъ, господинъ Голядкинъ-младшій, захвативъ изъ кареты толстый зеленый портфель и еще какія-то бумаги, приказавъ, наконецъ, что-то кучеру, отворилъ дверь, почти толкнувъ ею господина Голядкина-старшаго, и нарочно не замѣтивъ его, и, слѣдовательно, дѣйствуя такимъ образомъ ему въ пику, пустился скоробѣжкой вверхъ по департаментской лѣстницѣ. «Плохо!» подумалъ господинъ Голядкинъ: «эхъ, дѣльцо-то наше чего прихватило теперь! Ишь его, Господи Богъ мой!» Съ полминутки еще простоялъ нашъ герой неподвижно;—наконецъ, онъ рѣшился. Долго не думая, чувствуя, впрочемъ, сильное трепетаніе сердца и дрожь во всѣхъ членахъ, побѣжалъ онъ вслѣдъ за пріятелемъ своимъ вверхъ по лѣстницѣ. «А! Была не была; что-же мнѣ-то такое? Я сторона въ этомъ дѣлѣ», думалъ онъ, снимая шляпу, шпицъ и калоши въ передней.

Когда господинъ Голядкинъ вошелъ въ свое отдѣленіе, были уже полныя сумерки. Ни Андрея Филипповича, ни Антона Антоновича не было въ комнатѣ. Оба они находились въ директорскомъ кабинетѣ съ докладами; директоръ-же, какъ по слухамъ извѣстно было, въ свою очередь снѣзжалъ къ его высокопревосходительству. Вслѣдствіе таковыхъ обстоятельствъ, да еще потому, что и сумерки сюда подмѣшались и кончалось время присутствія, нѣкоторые изъ чиновниковъ, преимущественно-же молодежь, въ ту самую минуту, когда вошелъ нашъ герой, занимались нѣкотораго рода безъдѣйствіемъ, сходились, разговаривали, толковали, смѣялись, и даже кое-кто изъ самыхъ юныхъ, т. е. изъ самыхъ безчиновныхъ чиновниковъ, въ тихомолочку и подъ общій шумокъ составили ор-

лянку, въ углу, у окошка. Зная приличіе и чувствуя въ настоящее время какую-то особенную надобность пріобрѣсть и найдти, господинъ Голядкинъ немедленно подошелъ кой къ кому, съ кѣмъ ладилъ получше, чтобъ пожелать добраго дня, и т. д. Но какъ-то странно отвѣтили сослуживцы на привѣтствіе господина Голядкина. Непріятно былъ онъ пораженъ какою-то всеобщею холодностью, сухостью, даже, можно сказать, какою-то строгостью пріема. Руки ему не далъ никто. Иные просто сказали «здравствуйте» и прочь отошли; другіе лишь головою кивнули, кое-кто просто отвернулся и показалъ, что ничего не замѣтилъ, наконецъ, нѣкоторые,—и что было всего обиднѣе господину Голядкину, — нѣкоторые изъ самой безчиновной молодежи, ребята, которые, какъ справедливо вырази лся о нихъ господинъ Голядкинъ, умѣютъ лишь въ орлянку поиграть при случаѣ, да гдѣ нибудь потаскаться, — мало по малу окружили господина Голядкина, сгруппировались около него и почти заперли ему выходъ. Всѣ они смотрѣли на него съ какимъ-то оскорбительнымъ любопытствомъ.

Знакъ былъ дурной. Господинъ Голядкинъ чувствовалъ это и благоразумно приготовился съ своей стороны ничего не замѣтить. Вдругъ одно совершенно неожиданное обстоятельство совсѣмъ, какъ говорится, доканало и уничтожило господина Голядкина.

Въ кучкѣ молодыхъ, окружавшихъ его сослуживцевъ, вдругъ, и словно нарочно, въ самую тоскливую минуту для господина Голядкина, появился господинъ Голядкинъ-младшій, веселый по всегдашнему, съ улыбочкой по всегдашнему, вертлявый тоже по всегдашнему, однимъ словомъ: шалунъ, прыгунъ, лизунъ, хохотунъ, лекокъ на язычокъ и на ножку, какъ и всегда, какъ прежде, точно такъ, какъ и вчера, напримѣръ, въ одну весьма непріятную минутку для господина Голядкина-старшаго. Осклабившись, вертясь, съежившись, съ улыбочкой, которая такъ и говорила всѣмъ: «добраго вечера», втерся онъ въ кучку чиновниковъ, тому пожалъ руку, этого по плечу потрепалъ, третьяго обнялъ слегка, четвертому объяснилъ, по какому именно случаю былъ его превосходительствомъ употребленъ, куда ѣздилъ, что сдѣлалъ, что съ собою привезъ; пятаго и, вѣроятно, своего лучшаго друга, чмокнулъ въ самыя губки,— однимъ словомъ, все происходило точь въ точь, какъ во снѣ господина Голядкина-старшаго. Напрыгавшись до сыта, покончивъ со всякимъ по своему, обдѣлавъ ихъ всѣхъ въ свою пользу, нужно-ль, не нужно-ли было; нализавшись всласть съ ними со всѣми, господинъ Голядкинъ-младшій вдругъ, и, вѣроятно, ошибкой, еще не успѣвъ замѣтить до сихъ поръ своего старѣйшаго друга, протянулъ руку и господину Голядкину-старшему. Вѣроятно, тоже ошибкой,

хотя, впрочемъ, и успѣвъ совершенно замѣтить неблагороднаго господина Голядкина-младшаго, тотчасъ-же, жадно схватилъ нашъ герой простертую ему такъ неожиданно руку и пожалъ ее самымъ крѣпкимъ, самымъ дружескимъ образомъ, пожалъ ее съ какимъ-то страннымъ, совсѣмъ неожиданнымъ внутреннимъ движеніемъ, съ какимъ-то слезящимся чувствомъ. Былъ-ли обманутъ герой нашъ первымъ движеніемъ неблагонристойнаго врага своего, или такъ, не нашелся, или почувствовалъ и созналъ въ глубинѣ души своей всю степень своей беззащитности,—трудно сказать. Фактъ тотъ, что господинъ Голядкинъ-старшій, въ здравомъ видѣ, по собственной волѣ своей, и при свидѣтеляхъ, торжественно пожалъ руку того, кого называлъ смертельнымъ врагомъ своимъ.—Но каково-же было изумленіе, изступленіе и бѣшенство, каковъ-же былъ ужасъ и стыдъ господина Голядкина-старшаго, когда непріятель и смертельный врагъ его, неблагородный господинъ Голядкинъ-младшій, замѣтивъ ошибку преслѣдуемаго, невиннаго и вѣроломно-обманутаго имъ человѣка, безъ всякаго стыда, безъ чувствъ, безъ состраданія и совѣсти, вдругъ съ нестерпимымъ нахальствомъ и съ грубостію вырвалъ свою руку изъ руки господина Голядкина-старшаго: мало того, — стряхнулъ свою руку, какъ будто замаралъ ее черезъ то въ чемъ-то совсѣмъ нехорошемъ; мало того,—плюнулъ на сторону, сопровождая все это самымъ оскорбительнымъ жестомъ; мало того, — вынулъ платокъ свой и тутъ-же, самымъ безчинивѣйшимъ образомъ, вытеръ имъ всѣ пальцы свои, побывшіе на минутку въ рукѣ господина Голядкина-старшаго. Дѣйствуя такимъ образомъ, господинъ Голядкинъ-младшій, по подленькому обыкновенію своему, нарочно осматривался кругомъ, дѣлалъ такъ, чтобъ всѣ видѣли его поведеніе, заглядывалъ всѣмъ въ глаза, и, очевидно, старался о внушеніи всѣмъ всего самаго неблагопріятнаго относительно господина Голядкина. Казалось, что поведеніе отвратительнаго господина Голядкина-младшаго возбудило всеобщее негодованіе окружавшихъ чиновниковъ: даже вѣтренная молодежь показала свое неудовольствіе. Кругомъ поднялся ропотъ и говоръ. Всеобщее движеніе не могло миновать ушей господина Голядкина-старшаго; но вдругъ,—кстати подоспѣвшая шуточка, какнибудь, между прочимъ, въ устахъ господина Голядкина-младшаго, разбила, уничтожила послѣднія надежды героя нашего, и наклонила балансъ опять въ пользу смертельнаго и безполезнаго врага его.

— Это нашъ русскій Фоблазъ, господа; позвольте вамъ рекомендовать молодаго Фоблаза, запищалъ господинъ Голядкинъ-младшій, съ свойственною ему наглостью сѣменя и вьюня межъ чиновниками, и указывая имъ на оцѣненѣвшаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ,

настоящаго господина Голядкина. «Поцалуемся, душка!» продолжалъ онъ съ нестерпимою фамильярностью, подвигаясь къ предательски оскорбленному имъ человѣку. Шуточка безполезнаго господина Голядкина-младшаго, кажется, нашла отголосокъ гдѣ слѣдовало, тѣмъ болѣе, что въ ней заключался коварный намекъ на одно обстоятельство, по видимому, уже гласное и извѣстное всѣмъ. Герой нашъ тяжко почувствовалъ руку враговъ на плечахъ своихъ. Впрочемъ, онъ уже рѣшился. Съ пылающимъ взоромъ, съ блѣднымъ лицомъ, съ неподвижной улыбкой выбрался онъ кое-какъ изъ толпы, и неровными, учащенными шагами направилъ свой путь прямо къ кабинету его превосходительства. Въ предпослѣдней комнатѣ встрѣтился съ нимъ только что выходившій отъ его превосходительства Андрей Филипповичъ, и хотя тутъ-же въ комнатѣ было порядочно всякихъ другихъ, совершенно постороннихъ въ настоящую минуту для господина Голядкина лицъ, но герой нашъ и вниманія не хотѣлъ обратить на подобное обстоятельство. Прямо, рѣшительно, смѣло, почти самъ себѣ удивляясь и внутренно себя за смѣлость похваливая, абордировалъ онъ, не теряя времени, Андрея Филипповича, порядочно изумленнаго такимъ нечаяннымъ нападеніемъ.

— А!.. Что вы... что вамъ угодно? спросилъ начальникъ отдѣленія, не слушая зашувшагося на чемъ-то господина Голядкина.

— Андрей Филипповичъ, я .. могу-ли я, Андрей Филипповичъ, имѣть теперь, тотчасъ-же и глазъ на глазъ, разговоръ съ его превосходительствомъ? рѣчисто и отчетливо проговорилъ нашъ герой, устремивъ самый рѣшительный взглядъ на Андрея Филипповича.

— Что-съ? Конечно, нѣтъ-съ. Андрей Филипповичъ съ ногъ до головы обмѣрилъ взглядомъ своимъ господина Голядкина.

— Я, Андрей Филипповичъ, все это къ тому говорю, что удивляюсь, какъ никто здѣсь не обличитъ самозванца и подлеца.

— Что-о-съ?

— Подлеца, Андрей Филипповичъ.

— О комъ-же это угодно такимъ образомъ относиться?

— Объ извѣстномъ лицѣ, Андрей Филипповичъ. Я, Андрей Филипповичъ, на извѣстное лицо намекаю; я въ своемъ правѣ... Я думаю, Андрей Филипповичъ, что начальство должно было-бы поощрять подобныя движенія, прибавилъ господинъ Голядкинъ, очевидно, не помня себя.—Андрей Филипповичъ... вы, вѣроятно, сами видите, Андрей Филипповичъ, что это благородное движеніе и всяческую мою благонамѣренность означаетъ,—принять начальника за отца, Андрей Филипповичъ, принимаю, дескать, благодѣтельное начальство за отца, и слѣпо вѣрую судьбу свою. Такъ и такъ, дескать... вотъ какъ... Тутъ голосъ господина Голядкина задрожалъ,

лицо его раскрасивѣлось, и двѣ слезы набѣжали на обѣихъ рѣсницахъ его.

Андрей Филипповичъ, слушая господина Голядкина, до того удивился, что какъ-то невольно отпрянулся шага на два назадъ. Потомъ съ безпокойствомъ осмотрѣлся кругомъ... Трудно сказать, чѣмъ-бы кончилось дѣло... Но вдругъ дверь изъ кабинета его превосходительства отворилась, и онъ самъ вышелъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ чиновниковъ. За нимъ потянулись всѣ, кто ни былъ въ комнатѣ. Его превосходительство подозвалъ Андрея Филипповича и пошелъ съ нимъ рядомъ, заведя разговоръ о какихъ-то дѣлахъ. Когда всѣ тронулись и пошли вонъ изъ комнаты, опомнился и господинъ Голядкинъ. Присмирѣвъ, пріютился онъ подъ крылышко Антона Антоновича Сѣточкина, который сзади всѣхъ ковылялъ въ свою очередь, и, какъ показалось господину Голядкину, съ самымъ строгимъ и озабоченнымъ видомъ. «Проврался я и тутъ: нагадилъ и тутъ», подумалъ онъ про себя: «да ну, ничего.—Надѣюсь, что, по крайней мѣрѣ, вы, Антонъ Антоновичъ, согласитесь прослушать меня и вникнуть въ мои обстоятельства», проговорилъ онъ тихо, и еще немного дрожащимъ отъ волненія голосомъ.—«Отверженный всѣми, обращаюсь я къ вамъ. Недоумѣваю до сихъ поръ, что значили слова Андрея Филипповича, Антонъ Антоновичъ. Объясните мнѣ ихъ, если можно»...

— Своевременно все объяснится-съ, строго и съ разстановкою отвѣчалъ Антонъ Антоновичъ и, какъ показалось господину Голядкину, съ такимъ видомъ, который ясно давалъ знать, что Антонъ Антоновичъ вовсе не желаетъ продолжать разговора.—Узнаете въ скоромъ времени все-съ. Сегодня-же форменно обо всемъ извѣститесь.

— Что-же такое форменно, Антонъ Антоновичъ? Почему-же такъ именно форменно-съ? робко спросилъ нашъ герой.

— Не намъ съ вами разсуждать, Яковъ Петровичъ, какъ начальство рѣшаетъ.

— Почему-же начальство, Антонъ Антоновичъ, проговорилъ господинъ Голядкинъ, оробѣвъ еще болѣе:—почему-же начальство? Я не вижу причины, почему-же тутъ нужно безпокоить начальство, Антонъ Антоновичъ... Вы, можетъ быть, что нибудь относительно вчерашняго хотите сказать, Антонъ Антоновичъ?

— Да нѣтъ-съ, не вчерашнее-съ: тутъ кое-что другое хромаетъ-съ у васъ.

— Что-же хромаетъ, Антонъ Антоновичъ? Мнѣ кажется, Антонъ Антоновичъ, что у меня ничего не хромаетъ.

— А хитрить-то съ кѣмъ собирались? рѣзко перебилъ Антонъ

Антоновичъ совершенно оторопѣвшаго господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ вздрогнулъ и побѣлѣлъ какъ платокъ.

— Конечно, Антонъ Антоновичъ, проговорилъ онъ едва слышнымъ голосомъ: если внимать голосу клеветы и слушать враговъ нашихъ, не принявъ оправданія съ другой стороны, то, конечно... конечно, Антонъ Антоновичъ, тогда можно и пострадать, Антонъ Антоновичъ, безвинно и ни за что пострадать.

— То-то-съ: а неблагопристойный поступокъ вашъ во вредъ репутаціи благородной дѣвицы того добродѣтельнаго, почтеннаго и извѣстнаго семейства, которое вамъ благодѣтельствовало?

— Какой-же это поступокъ, Антонъ Антоновичъ?

— То-то-съ. А относительно другой дѣвицы, хотя бѣдной, но зато честнаго иностраннаго происхожденія, похвальнаго поступка своего тоже знаете-съ?

— Позвольте, Антонъ Антоновичъ... благоволите, Антонъ Антоновичъ, выслушать...

— А вѣроломный поступокъ вашъ и клевета на другое лицо — обвиненіе другаго лица въ томъ, въ чемъ сами грѣшка прихватили? А? Это какъ называется?

— Я, Антонъ Антоновичъ, не выгонялъ его, проговорилъ, затрепетавъ, нашъ герой:—и Петрушку, то есть человѣка моего, подобному ничему не училъ-съ... Онъ былъ мой хлѣбъ, Антонъ Антоновичъ: онъ пользовался гостепріимствомъ моимъ, прибавилъ выразительно и съ глубокимъ чувствомъ герой нашъ, такъ что подбородокъ его запрыгалъ немножко и слезы готовы были опять навернуться.

— Это вы, Яковъ Петровичъ, только такъ говорите, что онъ хлѣбъ-то вашъ былъ, отвѣчалъ, осклабляясь, Антонъ Антоновичъ, и въ голосѣ его было слышно лукавство, такъ что по сердцу скребнуло у господина Голядкина.

— Позвольте еще васъ, Антонъ Антоновичъ, нижайше спросить: извѣстны-ли обо всемъ этомъ дѣлѣ его превосходительство?

— Какъ-же-съ! Впрочемъ, вы теперь пустите меня-съ. Мнѣ съ вами тутъ некогда... Сегодня-же обо всемъ узнаете, что вамъ слѣдуетъ знать-съ.

— Позвольте, ради Бога, еще на минутку, Антонъ Антоновичъ...

— Послѣ разскажете-съ...

— Нѣтъ-съ, Антонъ Антоновичъ: я-съ, видите-съ, прислушайте только, Антонъ Антоновичъ... Я совсѣмъ не вольнодумство, Антонъ Антоновичъ: я бѣгу вольнодумства: я совершенно готовъ съ своей стороны, и даже пропускалъ ту идею...

— Хорошо-съ, хорошо-съ. Я ужь слышалъ-съ...

— Нѣтъ-съ, этого вы не слыхали, Антонъ Антоновичъ. Это другое, Антонъ Антоновичъ, это хорошо, право, хорошо, и пріятно слышать... Я пропускалъ, какъ выше объяснилъ, ту идею, Антонъ Антоновичъ, что вотъ промыслъ Божій создалъ двухъ совершенно подобныхъ, а благодѣтельное начальство, видя промыслъ Божій, пріютили двухъ близнецовъ-съ. Это хорошо, Антонъ Антоновичъ. Вы видите, что это очень хорошо, Антонъ Антоновичъ, и что я далекъ вольнодумства. Принимаю благодѣтельное начальство за отца. Такъ и такъ, дескать, благодѣтельное начальство, а вы того... дескать... молодому человѣку нужно служить... Поддержите меня, Антонъ Антоновичъ, заступитесь за меня, Антонъ Антоновичъ... Я ничего-съ... Антонъ Антоновичъ, ради Бога, еще одно словечко... Антонъ Антоновичъ...

Но уже Антонъ Антоновичъ былъ далеко отъ господина Голядкина... Герой-же нашъ не зналъ, гдѣ стоялъ, что̀ слышалъ, что̀ дѣлалъ, что̀ съ нимъ сдѣлалось, и что́ еще будутъ дѣлать съ нимъ — такъ смутило его и потрясло все имъ слышанное и все съ нимъ случившееся.

Умоляющимъ взоромъ отыскивалъ онъ въ толпѣ чиновниковъ Антона Антоновича, чтобъ еще болѣе оправдаться въ глазахъ его и сказать ему что нибудь крайне благонамѣренное и весьма благородное и пріятное относительно себя самого... Впрочемъ, мало по малу, новый свѣтъ начиналъ пробиваться сквозь смущеніе господина Голядкина, новый, ужасный свѣтъ, озарившій передъ нимъ вдругъ, разомъ, цѣлую перспективу совершенно невѣдомыхъ доселѣ и даже нисколько не подозрѣваемыхъ обстоятельствъ... Въ эту минуту кто-то толкнулъ совершенно сбившагося героя нашего подъ бокъ. Онъ оглянулся. Передъ нимъ стоялъ Писаренко.

— Письмо-съ, ваше благородіе.

— А!.. Ты уже сходилъ, милый мой?

— Нѣтъ, это еще утромъ въ десять часовъ сюда принесли-съ. Сергѣй Михѣевъ, сторожъ, принесъ-съ съ квартиры губернскаго секретаря Вахрамѣева.

— Хорошо, мой другъ, хорошо, а я тебя поблагодарю, милый мой.

Сказавъ это, господинъ Голядкинъ спряталъ письмо въ боковой карманъ своего вицъ-мундира и застегнулъ его на всѣ пуговицы; потомъ осмотрѣлся кругомъ и, къ удивленію своему, замѣтилъ, что уже находится въ сѣняхъ департаментскихъ, въ кучкѣ чиновниковъ, столпившихся къ выходу, ибо кончилось присутствіе. Господинъ Голядкинъ не только не замѣчалъ до сихъ поръ этого послѣдняго

обстоятельства, но даже не замѣтилъ и не помнилъ того, какимъ образомъ онъ вдругъ очутился въ шинели, въ калошахъ и держалъ свою шляпу въ рукахъ. Всѣ чиновники стояли неподвижно и въ почтительномъ ожиданіи. Дѣло въ томъ, что его превосходительство остановился внизу лѣстницы, въ ожиданіи своего почему-то замѣшкавшагося экипажа, и велъ весьма интересный разговоръ съ двумя совѣтниками и съ Андреемъ Филипповичемъ. Немного поодаль отъ двухъ совѣтниковъ и Андрея Филипповича, стоялъ Антонъ Антоновичъ Сѣточкинъ и кое-кто изъ другихъ чиновниковъ, которые весьма улыбались, видя, что его превосходительство изволитъ шутить и смѣяться. Столпившіеся на верху лѣстницы чиновники тоже улыбались и ждали, покамѣстъ его превосходительство опять засмѣются. Не улыбался лишь только одинъ Ѳедосѣичъ, толстопузый швейцаръ, державшійся у ручки дверей, вытянувшійся въ струнку, и съ нетерпѣніемъ ожидавшій порціи своего обыденнаго удовольствія, состоявшаго въ томъ, чтобъ разомъ, однимъ взмахомъ руки, широко откинуть одну половинку дверей, и потомъ, согнувшись въ дугу, почтительно пропустить мимо себя его превосходительство. Но всѣхъ болѣе, по видимому, былъ радъ и чувствовалъ удовольствіе недостойный и неблагородный врагъ господина Голядкина. Онъ въ это мгновеніе даже позабылъ всѣхъ чиновниковъ, даже оставилъ вьюнить и сѣменить между ними, по своему подленькому обыкновенію, даже позабылъ, пользуясь случаемъ, подлизаться къ кому нибудь въ это мгновеніе. Онъ обратился весь въ слухъ и зрѣніе, какъ-то страшно съежился, вѣроятно, чтобъ удобнѣе слушать, не спуская глазъ съ его превосходительства, и изрѣдка только подергивало его руки, ноги и голову какими-то едва замѣтными судорогами, обличавшими всѣ внутреннія, сокровенныя движенія души его.

— Ишь его разбираетъ! подумалъ герой нашъ: — фаворитомъ смотритъ, мошенникъ! Желалъ-бы я знать, чѣмъ онъ именно беретъ въ обществѣ высокаго тона? Ни ума, ни характера, ни образованія, ни чувства;—везетъ шельмецу! Господи, Боже! Вѣдь какъ это скоро можетъ пойдти человѣкъ, какъ подумаешь, и найдти во всѣхъ людяхъ! И пойдетъ человѣкъ, клятву даю, что пойдетъ далеко, шельмецъ, доберется, — везетъ шельмецу! Желалъ-бы я еще узнать, что̀ именно такое онъ всѣмъ имъ нашептываетъ? Какія тайны у него со всѣмъ этимъ народомъ заводятся и про какіе секреты они говорятъ? Господи, Боже! Какъ-бы мнѣ этакъ, того... и съ ними-бы тоже немножко... дескать, такъ и такъ, попросить его развѣ... дескать, такъ и такъ, а я больше не буду: дескать, я виноватъ, а молодому человѣку, ваше превосходительство, нужно слу-

жить въ наше время; обстоятельствомъ-же темнымъ моимъ я отнюдь не смущаюсь, — вотъ оно какъ! Протестовать тамъ какимъ нибудь образомъ тоже не буду, и все съ терпѣніемъ и смиреніемъ снесу, — вотъ какъ! Вотъ развѣ такъ поступить?.. Да, впрочемъ, его не проймешь, шельмеца, никакимъ словомъ не пробьешь: резонуто ему вгвоздить нельзя въ забубенную голову... А, впрочемъ, попробуемъ. Случится, что въ добрый часъ попаду, такъ вотъ и попробовать...

Въ безпокойствѣ своемъ, въ тоскѣ и смущеніи, чувствуя, что такъ оставаться нельзя, что наступаетъ минута рѣшительная, что нужно-же съ кѣмъ нибудь объясниться, герой нашъ сталъ было понемножку подвигаться къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ недостойный и загадочный пріятель его; но въ самое это время у подъѣзда загремѣлъ давно ожидаемый экипажъ его превосходительства. Ѳедосѣичъ рванулъ дверь и, согнувшись въ три дуги, пропустилъ его превосходительство мимо себя. Всѣ ожидавшіе разомъ хлынули къ выходу и оттѣснили на мгновеніе господина Голядкина-старшаго отъ господина Голядкина-младшаго. «Не уйдешь!» говорилъ нашъ герой, прорываясь сквозь толпу и не спуская глазъ съ кого слѣдовало. Наконецъ, толпа раздалась. Герой нашъ почувствовалъ себя на свободѣ и ринулся въ погоню за своимъ непріятелемъ.

ГЛАВА XI.

Духъ занимался въ груди господина Голядкина; словно на крыльяхъ летѣлъ онъ вслѣдъ за своимъ быстро удалявшимся непріятелемъ. Чувствовалъ онъ въ себѣ присутствіе страшной энергіи. Впрочемъ, не смотря на присутствіе страшной энергіи, господинъ Голядкинъ могъ смѣло надѣяться, что въ настоящую минуту даже простой комаръ, если-бы только онъ могъ въ такое время жить въ Петербургѣ, весьма-бы удобно перешибъ его крыломъ своимъ. Чувствовалъ онъ еще, что онъ палъ и ослабъ совершенно, что несетъ его какою-то совершенно особенною и посторонней силою, что онъ вовсе не самъ идетъ, что, напротивъ, его ноги подкашиваются и служить отказываются. Впрочемъ, это все могло-бы устроиться къ лучшему. «Къ лучшему—не къ лучшему», думалъ господинъ Голядкинъ, почти задыхаясь отъ скораго бѣга: —«но что дѣло проиграно, такъ въ томъ и сомнѣнія малѣйшаго нѣтъ; что пропалъ я совсѣмъ, такъ ужъ это извѣстно, опредѣлено, рѣшено и подписано». Не смотря на все это, герой нашъ словно изъ мертвыхъ воскресъ, словно

баталію выдержалъ, словно побѣду схватилъ, когда пришлось ему уцѣпиться за пшель своего непріятеля, уже заносившаго одну ногу на дрожки куда-то только что сговореннаго имъ ваньки. «Милостивый государь! Милостивый государь!», закричалъ онъ, наконецъ, настигнутому имъ неблагородному господину Голядкину-младшему: «Милостивый государь, я надѣюсь, что вы»...

— Нѣтъ, вы ужь, пожалуйста, ничего не надѣйтесь, уклончиво отвѣчалъ безчувственный непріятель господина Голядкина, стоя одною ногою на одной ступенькѣ дрожекъ, а другою изо всѣхъ силъ порываясь попасть на другую сторону экипажа, тщетно махая ею по воздуху, стараясь сохранить экилибръ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стараясь всѣми силами отцѣпить пшель свою отъ господина Голядкина-старшаго, за которую тотъ, съ своей стороны, уцѣпился всѣми данными ему природою средствами.

— Яковъ Петровичъ! Только десять минутъ...

— Извините, мнѣ некогда-съ.

— Согласитесь сами, Яковъ Петровичъ... пожалуйста, Яковъ Петровичъ... ради Бога, Яковъ Петровичъ... такъ и такъ—объясниться... на смѣлую ногу... Секундочку, Яковъ Петровичъ!..

— Голубчикъ мой, некогда, отвѣчалъ съ неучтивою фамильярностью, но подъ видомъ душевной доброты, ложно благородный непріятель господина Голядкина:—въ другое время, повѣрьте, отъ полноты души и отъ чистаго сердца; но теперь -- вотъ право-жь нельзя.

-- Подлецъ! подумалъ герой нашъ:—Яковъ Петровичъ! закричалъ онъ тоскливо:—я вашимъ врагомъ никогда не бывалъ. Злые-же люди несправедливо меня описали... Съ своей стороны я готовъ... Яковъ Петровичъ, угодно, мы съ вами, Яковъ Петровичъ, вотъ тотчасъ зайдемъ?.. И тамъ, отъ чистаго сердца, какъ справедливо сказали вы тотчасъ, и языкомъ прямымъ, благороднымъ... вотъ въ эту кофейную: тогда все само собою объяснится...—вотъ какъ, Яковъ Петровичъ! Тогда непремѣнно все само собой объяснится..

— Въ кофейную? Хорошо-съ. Я не прочь, зайдемъ въ кофейную, съ однимъ только условіемъ, радость моя, съ единымъ условіемъ,—что тамъ все само собой объяснится. Дескать, такъ и такъ, душка, проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій, слѣзая съ дрожекъ и безстыдно потрепавъ героя нашего по плечу:—дружище ты этакой; для тебя, Яковъ Петровичъ, я готовъ переулочкомъ (какъ справедливо въ оно время вы, Яковъ Петровичъ, замѣтить изволили). Вѣдь вотъ плутъ, право, что захочетъ, то и дѣлаетъ съ человѣкомъ! продолжалъ ложный другъ господина Голядкина, съ легкой улыбочкой вертясь и увиваясь около него. Отдаленная отъ

большихъ улицъ кофейная, куда вошли оба господина Голядкина, была въ эту минуту совершенно пуста. Довольно толстая нѣмка появилась у прилавка, едва только заслышался звонъ колокольчика. Господинъ Голядкинъ и недостойный непріятель его прошли во вторую комнату, гдѣ одутловатый и остриженный подъ гребенку мальчишка возился съ вязанкою щепокъ около печки, силясь возобновить въ ней погасавшій огонь. По требованію господина Голядкина-младшаго поданъ былъ шоколадъ.

— А преудобная бабенка, проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій, плутовски мигнувъ господину Голядкину-старшему.

Герой нашъ покраснѣлъ и смолчалъ.

— А, да, позабылъ, извините. Знаю вашъ вкусъ. Мы, сударь, лакомы до тоненькихъ нѣмочекъ; мы, дескать, душа ты правдивая, Яковъ Петровичъ, лакомы съ тобою до тоненькихъ, хотя, впрочемъ, и не лишенныхъ еще пріятности нѣмочекъ; квартиры у нихъ нанимаемъ, ихъ нравственность соблазняемъ, за бир-сунь, да миль-сунь наше сердце имъ посвящаемъ, да разныя подписки даемъ,— вотъ что мы дѣлаемъ, Фоблазъ ты такой, предатель ты этакой! Все это проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій, дѣлая такимъ образомъ совершенно безполезный, хотя, впрочемъ, и злодѣйски хитрый намекъ на извѣстную особу женскаго пола, увиваясь около господина Голядкина, улыбаясь ему подъ видомъ любезности, ложно показывая такимъ образомъ радушіе къ нему и радость при встрѣчѣ съ нимъ. Замѣчая-же, что господинъ Голядкинъ-старшій вовсе не такъ глупъ и вовсе не до того лишенъ образованности и манеръ хорошаго тона, чтобъ сразу повѣрить ему, неблагородный человѣкъ рѣшился перемѣнить свою тактику и повести дѣло на открытую ногу. Тутъ-же проговоривъ свою гнусность, фальшивый господинъ Голядкинъ заключилъ тѣмъ, что съ возмущающимъ душу безстыдствомъ и фамильярностью потрепалъ солиднаго господина Голядкина по плечу, и, неудовольствовавшись этимъ, пустился запрыгивать съ нимъ совершенно непринужденнымъ въ обществѣ хорошаго тона образомъ, именно вознамѣрился повторить свою прежнюю гнусность, то есть, не смотря на сопротивленіе и легкіе крики возмущеннаго господина Голядкина-старшаго, ущипнуть его за щеку. При видѣ такого разврата, герой нашъ вскипѣлъ и смолчалъ... до времени-впрочемъ.

— Это рѣчь враговъ моихъ, отвѣтилъ онъ, наконецъ, благо-, разумно сдерживая себя, трепещущимъ голосомъ. Въ то-же самое время герой нашъ съ безпокойствомъ оглянулся на дверь. Дѣло въ томъ, что господинъ Голядкинъ-младшій былъ, по видимому, въ превосходномъ расположеніи духа и въ готовности пуститься на раз-

ныя шуточки, непозволительныя въ общественномъ мѣстѣ и, вообще говоря, недопускаемыя законами свѣта, и преимущественно въ обществѣ высокаго тона.

— А, ну, въ такомъ случаѣ, какъ хотите, серіозно возразилъ господинъ Голядкинъ-младшій на мысль господина Голядкина-старшаго, поставивъ свою опустѣлую чашку, вынутую имъ съ непріличною жадностью, на столъ.—Ну-съ, мнѣ съ вами долго нечего, впрочемъ... Ну-съ, каково-то вы теперь поживаете, Яковъ Петровичъ?

— Одно только могу сказать я вамъ, Яковъ Петровичъ, хладнокровно и съ достоинствомъ отвѣчалъ нашъ герой: - врагомъ вашимъ я никогда не бывалъ.

— Гм... ну, а Петрушка? Какъ быть! Петрушка, вѣдь, кажется?—Ну, да! Что, каковъ? Хорошо? По прежнему?

— И опять тоже по прежнему, Яковъ Петровичъ, отвѣчалъ немного изумленный господинъ Голядкинъ-старшій.—Я не знаю, Яковъ Петровичъ... съ моей стороны... съ благородной, съ откровенной стороны, Яковъ Петровичъ, согласитесь сами, Яковъ Петровичъ...

— Да-съ. Но вы сами знаете, Яковъ Петровичъ, отвѣчалъ тихимъ и выразительнымъ голосомъ господинъ Голядкинъ-младшій, фальшиво изображая собою такимъ образомъ грустнаго, полнаго раскаянія и сожалѣнія достойнаго человѣка: сами вы знаете, время наше тяжелое... Я на васъ сошлюсь, Яковъ Петровичъ; человѣкъ вы умный и справедливо разсудите, включилъ господинъ Голядкинъ-младшій, подлѣ льстя господину Голядкину-старшему. — Жизнь не игрушка, — сами вы знаете, Яковъ Петровичъ, многозначительно заключилъ господинъ Голядкинъ-младшій, прикидываясь такимъ образомъ умнымъ и ученымъ человѣкомъ, который можетъ разсуждать о высокихъ предметахъ.

— Съ своей стороны, Яковъ Петровичъ, съ одушевленіемъ отвѣчалъ нашъ герой: — съ своей стороны, презирая окольнымъ путемъ и говоря смѣло и откровенно, говоря языкомъ прямымъ, благороднымъ и поставивъ все дѣло на благородную доску, скажу вамъ, могу открыто и благородно утверждать, Яковъ Петровичъ, что я чистъ совершенно, и что, сами вы знаете, Яковъ Петровичъ, обоюдное заблужденіе, — все, можетъ быть, — судъ свѣта, мнѣніе рабольѣпной толпы... Я говорю откровенно, Яковъ Петровичъ, все можетъ быть. Еще скажу, Яковъ Петровичъ, если такъ судить, если съ благородной и высокой точки зрѣнія на дѣло смотрѣть, то смѣло скажу, безъ ложнаго стыда скажу, Яковъ Петровичъ, мнѣ даже пріятно будетъ открыть, что я заблуждался, мнѣ даже пріятно будетъ сознаться въ томъ. Сами вы знаете, вы человѣкъ умный, а

сверхъ того благородный. Безъ стыда, безъ ложнаго стыда готовъ въ этомъ сознаться... съ достоинствомъ и благородствомъ,—заключилъ нашъ герой.

— Рокъ, судьба! Яковъ Петровичъ... но оставимъ все это, со вздохомъ проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій. — Употребимъ лучше краткія минуты нашей встрѣчи на болѣе полезный и пріятный разговоръ, какъ слѣдуетъ между двумя сослуживцами... Право, мнѣ какъ-то не удавалось съ вами двухъ словъ сказать во все это время... Въ этомъ не я виноватъ, Яковъ Петровичъ...

— И не я, съ жаромъ перебилъ нашъ герой:—и не я! Сердце мое говоритъ мнѣ, Яковъ Петровичъ, что не я виноватъ во всемъ этомъ. Будемъ обвинять судьбу во всемъ этомъ, Яковъ Петровичъ, прибавилъ господинъ Голядкинъ-старшій совершенно примирительнымъ тономъ. Голосъ его начиналъ мало по малу слабѣть и дрожать.

— Ну, что? Какъ вообще ваше здоровье? произнесъ заблудшійся сладкимъ голосомъ.

— Немного покашливаю, отвѣчалъ еще слаще герой нашъ.

— Берегитесь. Теперь все такія повѣтрія, немудрено схватить жабу, и я, признаюсь вамъ, начинаю уже кутаться во фланель.

— Дѣйствительно, Яковъ Петровичъ, немудрено схватить жабу-съ... Яковъ Петровичъ! произнесъ послѣ краткаго молчанія герой нашъ.—Яковъ Петровичъ! Я вижу, что я заблуждался... Я съ умиленіемъ вспоминаю о тѣхъ счастливыхъ минутахъ, которыя удалось намъ провести вмѣстѣ, подъ бѣднымъ, но, смѣю сказать, радушнымъ кровомъ моимъ...

— Въ письмѣ вашемъ, вы, впрочемъ, не то написали, отчасти съ укоризною проговорилъ совершенно справедливый (впрочемъ, единственно только въ этомъ отношеніи совершенно справедливый) господинъ Голядкинъ-младшій.

— Яковъ Петровичъ! Я заблуждался... Ясно вижу теперь, что заблуждался и въ этомъ несчастномъ письмѣ моемъ. Яковъ Петровичъ, мнѣ совѣстно смотрѣть на васъ, Яковъ Петровичъ, вы не повѣрите... Дайте мнѣ это письмо, чтобъ разорвать его въ вашихъ-же глазахъ, Яковъ Петровичъ, или если ужъ этого никакъ невозможно, то умоляю васъ читать его на оборотъ,—совсѣмъ на оборотъ, то есть, нарочно съ намѣреніемъ дружескимъ, давая обратный смыслъ всѣмъ словамъ письма моего. Я заблуждался. Простите меня, Яковъ Петровичъ, я совсѣмъ... я горестно заблуждался, Яковъ Петровичъ.

— Вы говорите? довольно разсѣянно и равнодушно спросилъ вѣроломный другъ господина Голядкина-старшаго.

— Я говорю, что я совѣмъ заблуждался, Яковъ Петровичъ, и что съ моей стороны я совершенно безъ ложнаго стыда...

— А, ну, хорошо! Это очень хорошо, что вы заблуждались, грубо отвѣчалъ господинъ Голядкинъ-младшій.

— У меня, Яковъ Петровичъ, даже идея была, прибавилъ благороднымъ образомъ откровенный герой нашъ, совершенно не замѣчая ужаснаго вѣроломства своего ложнаго друга, — у меня даже идея была, что, дескать, вотъ, создались два совершенно подобные...

— А! Это ваша идея!..

Тутъ извѣстный своею безполезностью господинъ Голядкинъ-младшій всталъ и схватился за шляпу. Все еще не замѣчая обмана, всталъ и господинъ Голядкинъ-старшій, простодушно и благородно улыбаясь своему лже-пріятелю, стараясь въ невинности своей его приласкать, ободрить и завязать съ нимъ такимъ образомъ новую дружбу...

— Прощайте, ваше превосходительство, — вскрикнулъ вдругъ господинъ Голядкинъ-младшій. Герой нашъ вздрогнулъ, замѣтивъ въ лицѣ врага своего что-то даже вакхическое — и единственно чтобъ только отвязаться, сунулъ въ простертую ему руку безнравственнаго — два пальца своей руки; но тутъ... тутъ безстыдство господина Голядкина-младшаго превзошло всѣ ступени. Схвативъ два пальца руки господина Голядкина-старшаго и сначала пожавъ ихъ, недостойный, тутъ-же, въ глазахъ-же господина Голядкина, рѣшился повторить свою утреннюю безстыдную шутку. Мѣра человѣческаго терпѣнія была истощена...

Онъ уже пряталъ платокъ, которымъ обтеръ свои пальцы, въ карманъ, когда господинъ Голядкинъ-старшій опомнился и рванулся вслѣдъ за нимъ въ сосѣднюю комнату, куда, по скверной привычкѣ своей, тотчасъ-же поспѣшилъ улизнуть непримиримый врагъ его. Какъ будто ни въ одномъ глазу, онъ сталъ себѣ у прилавка, ѣлъ пирожки и преспокойно, какъ добродѣтельный человѣкъ, любезничалъ съ нѣмкой-кондитершей.— «При дамахъ нельзя», подумалъ герой нашъ и подошелъ тоже къ прилавку, не помня себя отъ волненія.

— А вѣдь дѣйствительно бабёнка-то не дурна!—Какъ вы думаете? снова началъ свои неприличныя выходки господинъ Голядкинъ-младшій, вѣроятно, разсчитывая на безконечное терпѣніе господина Голядкина. Толстая-же нѣмка, съ своей стороны, смотрѣла на обоихъ своихъ посѣтителей оловянно-безсмысленными глазами, очевидно, не понимая русскаго языка и привѣтливо улыбаясь. Герой нашъ вспыхнулъ какъ огонь, отъ словъ незнающаго стыда

господина Голядкина-младшаго, и, не въ силахъ владѣть собою, бросился, наконецъ, на него съ очевиднымъ намѣреніемъ разтерзать его и покончить съ нимъ такимъ образомъ окончательно; но господинъ Голядкинъ-младшій, по подлому обыкновенію своему, уже былъ далеко: онъ далъ тягу, онъ уже былъ на крыльцѣ. Само собою разумѣется, что послѣ перваго мгновеннаго столбняка, естественно нашедшаго на господина Голядкина-старшаго, онъ опомнился и бросился со всѣхъ ногъ за обидчикомъ, который уже садился на поджидавшаго его и, очевидно, во всемъ согласившагося съ нимъ ваньку. Но, въ это самое мгновеніе, толстая нѣмка, видя бѣгство двухъ посѣтителей, взвизгнула и позвонила, что было силы, въ свой колокольчикъ. Герой нашъ почти на лету обернулся назадъ, бросилъ ей деньги за себя и за незаплатившаго безстыднаго человѣка, не требуя сдачи, и, не смотря на то что промѣшкалъ, все-таки успѣлъ, хотя и опять на лету только, подхватить своего непріятеля. Уцѣпившись за крыло дрожекъ всѣми данными ему природою средствами, герой нашъ несся нѣкоторое время по улицѣ, карабкаясь на экипажъ, отстаиваемый изъ всѣхъ силъ господиномъ Голядкинымъ-младшимъ. Извощикъ, между тѣмъ, и кнутомъ, и возжей, и ногой, и словами понукалъ свою разбитую клячу, которая совсѣмъ неожиданно понеслась вскачь, закусивъ удила и лягаясь, по скверной привычкѣ своей, задними ногами на каждомъ третьемъ шагу. Наконецъ, нашъ герой успѣлъ таки взмоститься на дрожки, лицомъ къ своему непріятелю, спиной упираясь въ извощика, колѣнками въ колѣни безстыднаго, а правой рукой своей всѣми средствами вцѣпившись въ весьма скверный мѣховой воротникъ шинели развратнаго и ожесточеннѣйшаго своего непріятеля...

Враги неслись и нѣкоторое время молчали. Герой нашъ едва переводилъ духъ; дорога была прескверная, и онъ подскакивалъ на каждомъ шагу, съ опасностію сломить себѣ шею. Сверхъ того, ожесточенный непріятель его все еще не соглашался признать себя побѣжденнымъ и старался спихнуть въ грязь своего противника Къ довершенію всѣхъ непріятностей, погода была ужаснѣйшая. Снѣгъ валилъ хлопьями и всячески старался, съ своей стороны, какимъ нибудь образомъ залѣзть подъ распахнувшуюся шинель настоящаго господина Голядкина. Кругомъ было мутно и не видно ни зги. Трудно было отличить: куда и по какимъ улицамъ несутся они... Господину Голядкину показалось, что сбывается съ нимъ что-то знакомое. Одно мгновеніе онъ старался припомнить, не предчувствовалъ-ли онъ чего нибудь вчера... во снѣ, напримѣръ... Наконецъ, тоска его дорсла до послѣдней степени своей агоніи. На-

легши на безпощаднаго противника своего, онъ началъ было кричать. Но крикъ его замиралъ у него на губахъ... Была минута, когда господинъ Голядкинъ все позабылъ, и рѣшилъ, что все это совсѣмъ ничего, и что это такъ только, какъ нибудь, необъяснимымъ образомъ дѣлается, и протестовать по этому случаю было бы лишнимъ и совершенно потерянымъ дѣломъ... Но вдругъ, и почти въ то самое мгновеніе, какъ герой нашъ заключалъ это все, какой-то неосторожный толчокъ перемѣнилъ весь смыслъ дѣла. Господинъ Голядкинъ—какъ кулъ муки свалился съ дрожекъ и покатился куда-то, совершенно справедливо сознаваясь въ минуту паденія, что дѣйствительно и весьма некстати погорячился. Вскочивъ наконецъ, онъ увидѣлъ, что куда-то пріѣхали: дрожки стояли среди чьего-то двора, и герой нашъ съ перваго взгляда замѣтилъ, что это дворъ того самаго дома, въ которомъ квартируетъ Олеуфій Ивановичъ. Въ то-же самое мгновеніе замѣтилъ онъ, что пріятель его пробирается уже на крыльцо и, вѣроятно, къ Олеуфью Ивановичу. Въ неописанной тоскѣ своей, бросился было онъ догонять своего непріятеля, но къ счастію своему благоразумно одумался вовремя. Не забывъ расплатиться съ извощикомъ, бросился господинъ Голядкинъ на улицу и побѣжалъ, что есть мочи, куда глаза глядятъ. Снѣгъ валилъ по прежнему хлопьями, по прежнему было мутно, мокро и темно. Герой нашъ не шелъ, а летѣлъ, опрокидывая всѣхъ на дорогѣ,—мужиковъ и бабъ, и дѣтей, и самъ, въ свою очередь, отскакивая отъ бабъ, мужиковъ и дѣтей. Кругомъ и вездѣ ему слышался пугливый говоръ, визгъ, крикъ... Но господинъ Голядкинъ, казалось, былъ безъ памяти, и вниманія ни на что не хотѣлъ обратить... Опомнился онъ, впрочемъ, уже у Семеновскаго моста, да и то по тому только случаю, что успѣлъ какъ-то неловко задѣть и опрокинуть двухъ бабъ, съ ихъ какимъ-то походнымъ товаромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ повалиться. «Это ничего», подумалъ господинъ Голядкинъ: «все это еще весьма можетъ устроиться къ лучшему», и тутъ-же полѣзъ въ свой карманъ, желая отдѣлаться рублемъ серебра за просыпанные пряники, яблоки, горохъ и разныя разности. Вдругъ новымъ свѣтомъ озарило господина Голядкина; въ карманѣ ощупалъ онъ письмо, переданное ему по утру писаремъ. Вспомнивъ, между прочимъ, что есть у него недалеко знакомый трактиръ, забѣжалъ онъ въ трактиръ, не медля ни минуты пристроился къ столику, освѣщенному сальною свѣчкою, и, не обращая ни на что вниманія, не слушая половаго, явившагося за приказаніями, сломалъ печать и началъ читать нижеслѣдующее, окончательно его поразившее:

«Благородный, за меня страдающій и на вѣки милый сердцу моему человѣкъ!

«Я страдаю, я погибаю, — спаси меня! Клеветникъ, интриганъ и извѣстный безполезностью своего направленія человѣкъ опуталъ меня сѣтями своими, и я погибла! Я пала! Но онъ мнѣ противенъ, а ты!.. Насъ разлучали, мои письма къ тебѣ перехватывали, — и все это сдѣлалъ безнравственный, воспользовавшись однимъ своимъ лучшимъ качествомъ, — сходствомъ съ тобою. Во всякомъ-же случаѣ, можно быть дурнымъ собою, но плѣнять умомъ, сильнымъ чувствомъ и пріятными манерами... Я погибаю! Меня отдаютъ насильно, и всего болѣе интригуетъ здѣсь родитель, благодѣтель мой и статскій совѣтникъ Олсуфій Ивановичъ, вѣроятно, желая занять мое мѣсто и мои отношенія въ обществѣ высокаго тона... Но я рѣшилась и протестую всѣми данными мнѣ природою средствами. Жди меня съ каретой своей сегодня, ровно въ девять часовъ, у оконъ квартиры Олсуфія Ивановича. У насъ опять балъ и будетъ красивый поручикъ. Я выйду, и мы полетимъ. Къ тому-же, есть и другія служебныя мѣста, гдѣ еще можно приносить пользу отечеству. Во всякомъ случаѣ, вспомни, мой другъ, что невинность сильна уже своею невинностью. Прощай. Жди съ каретой у подъѣзда. Бросаюсь подъ защиту объятій твоихъ ровно въ два часа по полуночи.

«Твоя до гроба
„*Клара Олсуфьевна*“.

Прочтя письмо, герой нашъ остался на нѣсколько минутъ какъ-бы пораженный. Въ страшной тоскѣ, въ страшномъ волненіи, блѣдный какъ платокъ, съ письмомъ въ рукахъ, прошелся онъ нѣсколько разъ по комнатѣ; къ довершенію бѣдствія своего положенія, герой нашъ не замѣтилъ, что былъ въ настоящую минуту предметомъ исключительнаго вниманія всѣхъ находившихся въ комнатѣ. Вѣроятно, безпорядокъ костюма его, несдерживаемое волненіе, ходьба или, лучше сказать, бѣготня, жестикуляція обѣими руками, можетъ быть, нѣсколько загадочныхъ словъ, сказанныхъ на вѣтеръ и въ забывчивости, — вѣроятно, все это весьма плохо зарекомендовало господина Голядкина въ мнѣніи всѣхъ посѣтителей: и даже самъ половой началъ поглядывать на него подозрительно. Очнувшись, герой нашъ замѣтилъ, что стоитъ посреди комнаты, и почти неприличнымъ, невѣжливымъ образомъ смотритъ на одного весьма почтенной наружности старичка, который, пообѣдавъ и помолясь передъ образомъ Богу, усѣлся опять, и, съ своей стороны, тоже не сводилъ глазъ съ господина Голядкина. Смутно оглянулся

кругомъ нашъ герой и замѣтилъ, что всѣ, рѣшительно всѣ смотрятъ на него съ видомъ самымъ зловѣщимъ и подозрительнымъ. Вдругъ одинъ отставной военный, съ краснымъ воротникомъ, громко потребовалъ «Полицейскія Вѣдомости». Господинъ Голядкинъ вздрогнулъ и покраснѣлъ: какъ-то нечаянно опустилъ онъ глаза въ землю и увидѣлъ, что былъ въ такомъ неприличномъ костюмѣ, въ которомъ и у себя дома ему быть нельзя, не только въ общественномъ мѣстѣ. Сапоги, панталоны и весь лѣвый бокъ его были совершенно въ грязи, штрипка на правой ногѣ оторвана, а фракъ даже разорванъ во многихъ мѣстахъ. Въ нестоющмой тоскѣ своей подошелъ нашъ герой къ столу, за которымъ читалъ, и увидѣлъ, что къ нему подходитъ трактирный служитель съ какимъ-то страннымъ и дерзко-настоятельнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Потерявшись и опавъ совершенно, герой нашъ началъ разсматривать столъ, за которымъ стоялъ теперь. На столѣ стояли неубранныя тарелки послѣ чьего-то обѣда, лежала замаранная салфетка и валялись только что бывшіе въ употребленіи ножъ, вилка и ложка. «Кто-жъ это обѣдалъ?» подумалъ герой нашъ. «Неужели я? А все можетъ быть! Пообѣдалъ, да такъ и не замѣтилъ себѣ; какъ-же мнѣ быть?» Поднявъ глаза, господинъ Голядкинъ увидѣлъ опять подлѣ себя половаго, который собирался ему что-то сказать.

— Сколько съ меня, братецъ? спросилъ нашъ герой трепещущимъ голосомъ.

Громкій смѣхъ раздался кругомъ господина Голядкина; самъ половой усмѣхнулся. Господинъ Голядкинъ понялъ, что и на этомъ срѣзался и сдѣлалъ какую-то страшную глупость Понявъ все это, онъ до того сконфузился, что принужденъ былъ полѣзть въ карманъ за платкомъ своимъ, вѣроятно, чтобы что нибудь сдѣлать и и такъ не стоять; но, къ неописанному своему и всѣхъ окружавшихъ его изумленію, вынулъ вмѣсто платка, стклянку съ какимъ-то лѣкарствомъ, дня четыре тому назадъ прописаннымъ Крестьяномъ Ивановичемъ. «Медикаменты въ той-же аптекѣ», пронеслось въ головѣ господина Голядкина... Вдругъ онъ вздрогнулъ и чуть не вскрикнулъ отъ ужаса. Новый свѣтъ пролившася.. Темная, красноватo-отвратительная жидкость зловѣщимъ отсвѣтомъ блеснула въ глаза господину Голядкину... Пузырекъ выпалъ у него изъ рукъ и тутъ-же разбился. Герой нашъ вскрикнулъ и отскочилъ шага на два назадъ отъ пролившейся жидкости... онъ дрожалъ всѣми членами, и потъ пробивался у него на вискахъ и на лбу. «Стало быть, жизнь въ опасности!» Между тѣмъ, въ комнатѣ произошло движеніе, смятеніе; всѣ окружали господина Голядкина, всѣ говорили господину Голядкину, нѣкоторые даже хватали господина Голядкина. Но

герой нашъ былъ нѣмъ и недвижимъ, не видя ничего, не слыша ничего, не чувствуя ничего... Наконецъ, какъ будто съ мѣста сорвавшись, бросился онъ вонъ изъ трактира, растолкалъ всѣхъ и каждаго изъ стремившихся удержать его, почти безъ чувствъ упалъ на первыя, попавшіяся ему извощичьи дрожки и полетѣлъ на квартиру.

Въ сѣняхъ квартиры своей встрѣтилъ онъ Михѣева, сторожа департаментскаго, съ казеннымъ пакетомъ въ рукахъ. «Знаю, другъ мой, все знаю», отвѣчалъ слабымъ, тоскливымъ голосомъ изнуренный герой нашъ: «это офиціальное»... Въ пакетѣ дѣйствительно было предписаніе господину Голядкину, за подписью Андрея Филипповича, сдать находившіяся у него на рукахъ дѣла Ивану Семеновичу. Взявъ пакетъ и давъ сторожу гривенникъ, господинъ Голядкинъ пришелъ въ квартиру свою и увидѣлъ, что Петрушка готовитъ и собираетъ въ одну кучу весь свой дрязгъ и хламъ, всѣ свои вещи, очевидно, намѣреваясь оставить господина Голядкина и переѣхать отъ него къ переманившей его Каролинѣ Ивановнѣ, чтобъ замѣнить ей Евстафія.

ГЛАВА XII.

Петрушка вошелъ, покачиваясь, держась какъ-то странно-небрежно и съ какой-то холопски-торжественной миной въ лицѣ. Видно было, что онъ что-то задумалъ, чувствовалъ себя вполнѣ въ своемъ правѣ и смотрѣлъ совершенно посторонним человѣкомъ, то есть чьимъ-то другимъ служителемъ, но только никакъ не прежнимъ служителемъ господина Голядкина.

— Ну, вотъ видишь, мой милый, началъ, задыхаясь, герой нашъ:—который теперь часъ, милый мой?

Петрушка, молча, отправился за перегородку, потомъ воротился и довольно независимымъ тономъ объявилъ, что ужъ скоро половина восьмаго.

— Ну, хорошо, мой милый, хорошо. Ну, видишь, мой милый... позволь тебѣ сказать, милый мой, что между нами, кажется, теперь кончено все.

Петрушка молчалъ.

— Ну, теперь, какъ ужъ все между нами кончилось, скажи ты мнѣ теперь откровенно, какъ другу скажи, гдѣ ты былъ, братецъ?

— Гдѣ былъ? Между добрыхъ людей-съ.

— Знаю, мой другъ, знаю. Я тобою быль постоянно доволенъ, мой милый, и аттестатъ тебѣ дамъ... Ну, что-же ты у нихъ теперь?

— Что-же, сударь! Сами изволите знать-съ. Извѣстно-съ, добрый человѣкъ худому тебя не научитъ.

— Знаю, мой милый, знаю. Нынче добрые люди рѣдки, мой другъ; цѣни ихъ, мой другъ. Ну, какъ-же они?

— Извѣстно-съ, какъ-съ... Только я у васъ, сударь, больше служить теперь не могу-съ; сами изволите знать-съ.

— Знаю, милый мой, знаю; твою ревность и усердіе знаю; я видѣлъ все это, другъ мой, я замѣчалъ. Я, мой другъ, тебя уважаю. Я добраго и честнаго человѣка, будь онъ и лакей, уважаю.

— Что-жь, извѣстно-съ! Нашъ братъ, конечно, сами изволите знать-съ, гдѣ лучше. Ужь такъ оно-съ. Что мнѣ! Извѣстно, сударь, что ужь безъ добраго человѣка нельзя-съ.

— Ну, хорошо, братецъ, хорошо; я это чувствую... Ну, вотъ твои деньги и вотъ твой аттестатъ. Теперь поцалуемся, братецъ, простимся съ тобою...

— Ну, теперь, милый мой, я у тебя попрошу одной услуги, послѣдней услуги, сказалъ господинъ Голядкинъ торжественнымъ тономъ.—Видишь-ли, милый мой, всякое бываетъ. Горе, другъ мой, кроется и въ позлащенныхъ палатахъ, и отъ него никуда не уйдешь. Ты знаешь, мой другъ, я, кажется, съ тобою всегда ласковъ былъ...

Петрушка молчалъ.

— Я, кажется, съ тобой всегда ласковъ былъ, милый мой... Ну, сколько у насъ теперь бѣлья, милый мой?

— Да все на лицо-съ. Рубашекъ холстиковыхъ шесть-съ; карпетокъ три пары; четыре манишки-съ; фуфайка фланелевая; изъ нижняго платья двѣ штуки-съ. Сами знаете все-съ. Я, сударь, ваше ничего-съ... Я, сударь, барское добро берегу-съ. Я вами, сударь, того-съ... извѣстно-съ... а грѣха какого за мной — никогда, сударь; ужь это сами знаете, сударь...

— Вѣрю, другъ мой, вѣрю. Я не про то, мой другъ, не про то; видишь-ли, вотъ что, мой другъ...

— Извѣстно, сударь-съ: ужь это мы знаемъ-съ. Я, вотъ, когда еще у генерала Столбнякова служилъ-съ, такъ отпускали меня, убѣжали сами въ Саратовъ... вотчина тамъ у нихъ...

— Нѣтъ, мой другъ, не про то; я ничего... ты не думай чего, милый другъ мой...

— Извѣстно-съ. Что ужь нашего брата-съ, сами изволите знать-съ, долго-ли покленать человѣка-съ. А мною были довольны вездѣ-съ.

Были министры, генералы, сенаторы, графы-съ. Бывалъ у всѣхъ-съ, у князя Свинчаткина-съ, у Переборкина полковника-съ, у Недобарова генерала, тоже ходили-съ, въ вотчину ѣздили къ нашимъ-съ. Извѣстно-съ...

— Да, другъ мой, да; хорошо, мой другъ, хорошо. Вотъ и я теперь, мой другъ, уѣзжаю... Путь всякому разный лежитъ, милый мой, и неизвѣстно, на какую дорогу каждый человѣкъ попасть можетъ. Ну, мой другъ, дай-же ты мнѣ одѣться теперь; да, ты вицъ-мундиръ мой тоже положишь... брюки другіе, простыни, одѣяла, подушки...

— Въ узелъ прикажете все завязать-съ?

— Да, мой другъ, да; пожалуй, и въ узелъ... Кто знаетъ, что можетъ съ нами случиться. Ну, теперь, милый мой, сходишь и пріищешь карету...

— Карету-съ?..

— Да, мой другъ, карету, просториѣе и на извѣстное время. А ты, мой другъ, не думай чего нибудь...

— А далеко уѣзжать хотите-съ?

— Не знаю, мой другъ, этого тоже не знаю. Перину тоже, я думаю, туда-же положить нужно будетъ. Какъ ты самъ думаешь, другъ мой? Я на тебя полагаюсь, мой милый...

— Нешто сейчасъ изволите уѣзжать-съ?

— Да, мой другъ, да! Обстоятельство вышло такое... вотъ оно какъ, милый мой, вотъ оно какъ...

— Извѣстно, сударь; вотъ у насъ въ полку, съ поручикомъ тоже самое было-съ; тамъ у помѣщика-съ... увезли-съ...

— Увезъ?.. Какъ! Милый мой, ты...

— Да-съ, увезли-съ и въ другой усадьбѣ вѣнчались. Все было заранѣе готово-съ. Погоня была-съ; князь тутъ только-съ вступились, покойникъ-съ,—ну, и уладили дѣло-съ...

— Вѣнчались, да... ты, какъ-же, мой милый? Ты-то какимъ-же образомъ, милый мой, знаешь?

— Да ужь извѣстно-съ, что-съ! Слухомъ земля, сударь, полнится. Знаемъ, сударь, мы все-съ... конечно, съ кѣмъ-же грѣха не бывало. Только я вамъ скажу теперь, сударь, позвольте мнѣ, по просту, сударь, по холопски сказать: ужь коль теперь на то пошло, такъ ужь я вамъ скажу, сударь: есть у васъ врагъ,— супернпка вы, сударь, имѣете, сильный супернпкъ, вотъ-съ...

— Знаю, мой другъ, знаю; самъ ты, милый мой, знаешь... Ну, такъ вотъ я на тебя полагаюсь. Какъ-же намъ теперь дѣлать, мой другъ? Какъ ты мнѣ посовѣтуешь?

— А вотъ, сударь, если вы такъ теперь, такимъ, примѣрно

сказать, манеромъ пошли, сударь, такъ вотъ вамъ понадобится тамъ что покупать-съ,—ну тамъ простыни, подушки, перину другую-съ, двуспальную-съ, одѣяло хорошее-съ, —такъ вотъ здѣсь у сосѣдки-съ, внизу-съ: мѣщанка, сударь, она; лисій салонъ есть хорошій; такъ можно его посмотрѣть и купить, можно сейчасъ сходить посмотрѣть-съ. Оно-же вамъ надобно, сударь, теперь-съ; хорошій салонъ-съ, атласомъ крытый-съ, на лисьемъ мѣху-съ...

— Ну, хорошо, мой другъ, хорошо; я согласенъ, мой другъ, я на тебя полагаюсь, вполнѣ полагаюсь; пожалуй, хоть и салонъ, милый мой... Только поскорѣй, поскорѣй! Ради Бога, поскорѣй! Я и салонъ куплю, только пожалуйста—поскорѣй! Скоро восемь часовъ, скорѣй, ради Бога, мой другъ! Поторопись поскорѣе, мой другъ!..

Петрушка бросилъ недовязанный узелъ бѣлья, подушекъ, одѣяла, простынь и всякаго дрязгу, что̀ сталъ было вмѣстѣ собирать и увязывать и стремглавъ бросился вонъ изъ комнаты. Господинъ Голядкинъ, между тѣмъ, схватился еще разъ за письмо;—но читать его онъ не могъ. Схвативъ въ обѣ руки свою побѣдную голову, онъ въ изумленіи прислонился къ стѣнѣ. Думать ни о чемъ онъ не могъ, дѣлать что нибудь тоже не могъ; онъ и самъ не зналъ, что̀ съ нимъ дѣлается. Наконецъ, видя, что время проходитъ, а ни Петрушки, ни салона еще не являлось, господинъ Голядкинъ рѣшился пойдти самъ. Растворивъ дверь въ сѣни, онъ услышалъ внизу шумъ, говоръ, споръ и толки... Нѣсколько сосѣдокъ болтали, кричали, судили, рядили о чемъ-то, — ужь это господинъ Голядкинъ зналъ, о чемъ именно. Слышался голосъ Петрушки; потомъ послышались чьи-то шаги. «Боже ты мой! Они сюда весь свѣтъ созовутъ!» простоналъ господинъ Голядкинъ, ломая руки въ отчаяніи и бросаясь назадъ въ свою комнату. Прибѣжавъ въ свою комнату, онъ упалъ, почти не помня себя, на диванъ, лицомъ въ подушку. Съ минутку полежавъ такимъ образомъ, онъ вскочилъ и, не дожидаясь Петрушки, надѣлъ свои калоши, шляпу, шинель, захватилъ свой бумажникъ и побѣжалъ стремглавъ съ лѣстницы. «Ничего не нужно, ничего, милый мой! Я самъ, я все самъ. Тебя покамѣстъ не нужно, а между тѣмъ дѣло, можетъ быть, и уладится къ лучшему», пробормоталъ господинъ Голядкинъ Петрушкѣ, встрѣтивъ его на лѣстницѣ: потомъ выбѣжалъ на дворъ и вонъ изъ дому: сердце его замирало: онъ еще не рѣшался... Какъ ему быть, что̀ ему дѣлать, какъ ему въ настоящемъ и критическомъ случаѣ поступить...

— Вѣдь вотъ: какъ поступить, Господи, Богъ мой? И нужно-же было быть всему этому! вскричалъ онъ, наконецъ, въ отчаяніи.

куда глаза глядятъ на удачу ковыляя по улицѣ:—нужно-же было быть всему этому! Вѣдь вотъ не будь этого, вотъ именно этого, такъ все-бы уладилось: разомъ, однимъ ударомъ, однимъ ловкимъ, энергическимъ, твердымъ ударомъ уладилось-бы. Палецъ даю на отсѣченіе, что уладилось-бы! И даже знаю, какимъ именно образомъ уладилось-бы. Оно-бы вотъ какъ все сдѣлалось: я-бы тутъ и того — дескать, такъ и такъ, а мнѣ, сударь мой, съ позволенія сказать, ни туда, ни сюда; дескать, дѣла такъ не дѣлаются; дескать, сударь вы мой, милостивый мой государь, дѣла такъ не дѣлаются, и самозванствомъ у насъ не возьмешь: самозванецъ, сударь вы мой, человѣкъ того—безполезный, и пользы отечеству не приносящій. Понимаете-ли вы это? Дескать, понимаете-ли вы это, милостивый мой государь?! Вотъ-бы какъ оно и того... Да нѣтъ, впрочемъ, что-же... оно вовсе вѣдь не того, совсѣмъ не того... Я-то что вру, дуракъ-дуракомъ! Я-то, самоубійца я этакой! Оно, дескать, самоубійца ты этакой совсѣмъ, не того... Вотъ, однако, развращенный ты человѣкъ, вотъ оно какъ теперь дѣлается!.. Ну, куда я дѣнусь теперь? Ну, что я, напримѣръ, буду дѣлать теперь надъ собой? Ну, куда я гожусь теперь? Ну, куда ты, примѣромъ сказать, годишься теперь, Голядкинъ ты этакой, недостойный ты этакой! Ну, что теперь? Карету брать нужно: возьми, дескать, да подай ей карету сюда: дескать, ножки замочимъ, если кареты не будетъ... И вотъ, кто-бы подумать могъ? Ай-да барышня, ай сударыня вы моя! Ай-да благонравнаго поведенія дѣвица! Ай-да хваленая наша. Отличились, сударыня, нечего сказать, отличились!.. А это все происходитъ отъ безнравственности воспитанія: а я, какъ теперь поразсмотрѣлъ, да поразсуждалъ это все, такъ и вижу, что это не отъ инаго чего происходитъ, какъ отъ безнравственности. Чѣмъ-бы съ молоду ее того... да и розгой подъ часъ, а они ее конфектами, а они ее сластями разными пичкаютъ, и самъ старикашка понятъ надъ ней: — дескать, ты такая моя, да сякая моя ты хорошая, дескать, за графа отдамъ тебя!.. А вотъ она и вышла у нихъ, и показала намъ теперь свои карты: дескать, вотъ у насъ игра какова! Чѣмъ-бы дома держать ее съ молоду, а они ее въ пансіонъ, къ мадамъ француженкѣ, къ эмигранткѣ Фальбала тамъ какой нибудь; а она тамъ добру всякому учится у эмигрантки-то Фальбала,—вотъ оно и выходитъ такимъ-то все образомъ. Дескать, поднте, порадуйтесь! Дескать, будьте въ каретѣ вотъ въ такомъ-то часу передъ окнами, и романсъ чувствительный по испански пропойте; жду васъ, и знаю, что любите, и убѣжимъ съ вами вмѣстѣ, и будемъ жить въ хижинѣ. Да, наконецъ, оно и нельзя: оно, сударыня вы моя,—если на то ужъ пошло,—такъ оно и нельзя,

Бюстъ Ѳ. М. Достоевскаго, работы скульптора Л. Бернштамъ.

такъ оно и законами запрещено честную и невинную дѣвицу изъ родительскаго дома увозить безъ согласія родителей! Да наконецъ, и зачѣмъ, почему, и какая тутъ надобность? Ну, вышла-бы тамъ себѣ за кого слѣдуетъ, за кого судьбой предназначено, такъ и дѣло съ концомъ. А я человѣкъ служащій; а я мѣсто мое могу потерять изъ-за этого; я, сударыня вы моя, подъ судъ могу попасть изъ-за этого! Вотъ оно что, коль не знали. Это нѣмка работаетъ. Это отъ нея, вѣдьмы, все происходитъ, всѣ сыры-боры отъ нея загораются. Потому что оклеветали человѣка, потому что выдумали на него сплетню бабью, небылицу въ лицахъ, по совѣту Андрея Финнновича, оттого и происходитъ. Иначе, почему-же Петрушкѣ тутъ вмѣшиваться? Ему-то тутъ что? Нѣмцу-то какая тутъ надобность? Нѣтъ, я не могу, сударыня, никакъ не могу, ни за что не могу... А вы меня, сударыня, на этотъ разъ ужъ какъ нибудь тамъ извините. Это отъ васъ, сударыня, все происходитъ, это не отъ нѣмки все происходитъ, вовсе не отъ вѣдьмы, а чисто отъ васъ, потому что вѣдьма добрая женщина, потому что вѣдьма не виновата ни въ чемъ, а вы, сударыня вы моя, виноваты, — вотъ оно какъ! Вы, сударыня, вы меня въ напраслину вводите... Тутъ человѣкъ пропадаетъ, тутъ самъ отъ себя человѣкъ исчезаетъ, и самого себя не можетъ сдержать—какая тутъ свадьба! И какъ это кончится все? И какъ это теперь устроится? Дорого-бы я далъ, чтобъ узнать это все!..

Такъ разсуждалъ въ отчаяніи своемъ нашъ герой. Очнувшись вдругъ, замѣтилъ онъ, что гдѣ-то стоитъ на Литейной. Погода была ужасная: была оттепель, валилъ снѣгъ, шелъ дождь, — ну точь въ точь какъ въ то незабвенное время, когда, въ страшный полночный часъ начались всѣ несчастія господина Голядкина. — «Какой тутъ воякъ!» думалъ господинъ Голядкинъ, смотря на погоду: — «тутъ всеобщая смерть... Господи, Богъ мой! Ну гдѣ мнѣ, напримѣръ, здѣсь карету сыскать? Вонъ тамъ на углу, кажется, что-то чернѣется. Посмотримъ, изслѣдуемъ... Господи, Богъ мой!» продолжалъ нашъ герой, направивъ слабые и шаткіе шаги свои въ ту сторону, гдѣ увидѣлъ что-то похожее на карету. «Нѣтъ, я вотъ какъ сдѣлаю: отправлюсь, паду къ ногамъ, если можно, униженно буду испрашивать. Дескать, такъ и такъ; въ ваши руки судьбу свою предаю, въ руки начальства: дескать ваше превосходительство, защитите и облагодѣтельствуйте человѣка: такъ и такъ, дескать, вотъ то-то и то-то, противозаконный поступокъ: не погубите, принимаю васъ за отца, не оставьте... амбицію, честь, имя и фамилію спасите... и отъ злодѣя, развращеннаго человѣка спасите... Онъ другой человѣкъ, ваше превосходительство, а я тоже

другой человѣкъ; онъ особо и я тоже самъ по себѣ: право, самъ по себѣ, ваше превосходительство, право, самъ по себѣ; дескать, вотъ оно какъ. Дескать, походить на него не могу; перемѣните, благоволите, велите перемѣнить — и безбожный самовольный подмѣнь уничтожить... не въ примѣръ другимъ, ваше превосходительство. Принимаю васъ за отца; начальство, конечно, благодѣтельное и попечительное начальство подобныя движенія должно поощрять... Тутъ есть даже нѣсколько рыцарскаго. Дескать, принимаю васъ, благодѣтельное начальство, за отца и ввѣряю судьбу свою и прекословить не буду, ввѣряюсь и самъ отстраняюсь отъ дѣлъ... дескать, вотъ оно какъ!

— Ну, что, мой милый, извощикъ?

— Извощикъ...

— Карету, братъ, на вечеръ...

— А далеко-ли ѣхать изволите-съ?

— На вечеръ, на вечеръ; куда-бъ ни пришлось, милый мой. куда-бъ ни пришлось.

— Нешто за городъ ѣхать изволите?

— Да. мой другъ; можетъ, и за городъ. Я еще самъ навѣрно не знаю, мой другъ, не могу тебѣ навѣрно сказать, милый мой. Оно, видишь-ли, милый мой, можетъ быть, все и уладится къ лучшему. Извѣстно, мой другъ...

— Да, ужь извѣстно, сударь, конечно: дай Богъ всякому.

— Да, мой другъ, да: благодарю тебя, милый мой; ну, что-же ты возьмешь, милый мой?..

— Сейчасъ изволите ѣхать-съ?

— Да, сейчасъ, то есть нѣтъ, подождешь въ одномъ мѣстѣ... такъ, немножко, недолго подождешь, милый мой...

— Да если ужь на все время берете-съ, такъ ужь меньше шести цѣлковыхъ, по погодѣ, нельзя-съ...

— Ну, хорошо, мой другъ, хорошо: а я тебя поблагодарю, милый мой. Ну, такъ вотъ ты меня и повезешь теперь, милый мой.

— Садитесь; позвольте, вотъ я здѣсь оправлю маленько; — извольте садиться теперь. Куда ѣхать прикажете?

— Къ Измайловскому мосту, мой другъ.

Извощикъ-кучеръ взгромоздился на козла и тронулъ было пару тощихъ клячъ, которыхъ насилу оторвалъ отъ корыта съ сѣномъ, къ Измайловскому мосту. Но вдругъ господинъ Голядкинъ дернулъ снурокъ, остановилъ карету и попросилъ умоляющимъ голосомъ воротить назадъ, не къ Измайловскому мосту, а въ одну другую улицу. Кучеръ поворотилъ въ другую улицу, и чрезъ десять минутъ новоприобрѣтенный экипажъ господина Голядкина остановился

передъ домомъ, въ которомъ квартировалъ его превосходительство. Господинъ Голядкинъ вышелъ изъ кареты, попросилъ своего кучера убѣдительно подождать, и самъ взбѣжалъ съ замирающимъ сердцемъ вверхъ, во второй этажъ, дернулъ за снурокъ, дверь отворилась, и нашъ герой очутился въ передней его превосходительства.

— Его превосходительство дома изволятъ быть? спросилъ господинъ Голядкинъ, адресуясь такимъ образомъ къ отворившему ему человѣку.

— А вамъ чего-съ? спросилъ лакей, оглядывая съ ногъ до головы господина Голядкина.

— А я, мой другъ, того... Голядкинъ, чиновникъ, титулярный совѣтникъ Голядкинъ. Дескать, такъ и такъ объясниться...

— Обождите; нельзя-съ...

— Другъ мой, я не могу обождать: мое дѣло важное, нетерпящее отлагательства дѣло...

— Да вы отъ кого? Вы съ бумагами?..

— Нѣтъ, я, мой другъ, самъ по себѣ... Доложи, мой другъ, дескать, такъ и такъ, объясниться. А я тебя поблагодарю, милый мой...

— Нельзя-съ. Не велѣно принимать; у нихъ гости-съ. Пожалуйте утромъ въ 10 часовъ-съ...

— Доложите-же, мой милый; мнѣ нельзя, невозможно мнѣ ждать... Вы, милый мой, за это отвѣтите...

— Да ступай, доложи; что тебѣ: сапоговъ жаль, что-ли? проговорилъ другой лакей, развалившійся на залавкѣ и до сихъ поръ несказавшій ни слова.

— Сапоговъ топтать! Не велѣлъ принимать, знаешь? Ихняя череда по утрамъ.

— Доложи. Языкъ, что-ли, отвалится?

— Да я-то доложу: языкъ не отвалится. Не велѣлъ: сказано— не велѣлъ. Войдите въ комнату-то.

Господинъ Голядкинъ вошелъ въ первую комнату: на столѣ стояли часы. Онъ взглянулъ: половина девятаго. Сердце у него заныло въ груди. Онъ было уже хотѣлъ воротиться: но въ эту самую минуту долговязый лакей, ставъ на порогъ слѣдующей комнаты, громко провозгласилъ фамилію господина Голядкина. — «Эко въдь горло!» подумалъ въ неописанной тоскѣ нашъ герой...— «Ну, сказалъ-бы ты: того... дескать, такъ и такъ, покорнѣйше и смиренно пришелъ объясниться,—того... благоволите принять... А теперь, вотъ и дѣло испорчено, вотъ и все мое дѣло на вѣтеръ пошло; впрочемъ... да, ну—ничего»... Разсуждать, впрочемъ, нечего было. Лакей воротился, сказалъ «пожалуйте» и ввелъ господина Голядкина въ кабинетъ.

Когда нашъ герой вошелъ, то почувствовалъ, что какъ будто ослѣпъ, ибо рѣшительно ничего не видалъ. Мелькнули, впрочемъ, двѣ—три фигуры въ глазахъ: «Ну да это гости» мелькнуло у господина Голядкина въ головѣ. Наконецъ, нашъ герой сталъ ясно отличать звѣзду на черномъ фракѣ его превосходительства, потомъ, сохраняя постепенность, перешелъ и къ черному фраку, наконецъ, получилъ способность—полнаго созерцанія...

— Что-съ? проговорилъ знакомый голосъ надъ господиномъ Голядкинымъ.

— Титулярный совѣтникъ Голядкинъ, ваше превосходительство.

— Ну?

— Пришелъ объясниться...

— Какъ?.. Что?

— Да ужъ такъ. Дескать, такъ и такъ, пришелъ объясниться—ваше превосходительство-съ...

— Да вы... да кто вы такой?..

— Го-го-господинъ Голядкинъ, ваше превосходительство, титулярный совѣтникъ.

— Ну, такъ чего-же вамъ нужно?

— Дескать, такъ и такъ, принимаю его за отца; самъ отстраняюсь отъ дѣлъ, и отъ врага защитите,—вотъ какъ!

— Что такое?..

— Извѣстно...

— Что извѣстно?

Господинъ Голядкинъ молчалъ; подбородокъ его начиналъ понемногу подергивать...

— Ну?

— Я думалъ рыцарское, ваше превосходительство... Что здѣсь, дескать, рыцарское, и начальника за отца принимаю... дескать, такъ и такъ, защитите, сле...слезно м...молю, и что такія дви...движенія долж...но по...по...поощрять...

Его превосходительство отвернулся. Герой нашъ нѣсколько мгновеній не могъ ничего разглядѣть своими глазами. Грудь его тѣснило. Духъ занимался. Онъ не зналъ, гдѣ стоялъ... Было какъ-то стыдно и грустно ему. Богъ знаетъ что̀ было послѣ... Очнувшись, герой нашъ замѣтилъ, что его превосходительство говоритъ съ своими гостями, и какъ будто рѣзко и сильно разсуждаетъ съ ними о чемъ-то. Одного изъ гостей господинъ Голядкинъ тотчасъ узналъ. Это былъ Андрей Филипповичъ; другаго-же нѣтъ; впрочемъ, лицо было какъ будто тоже знакомое, — высокая, плотная фигура, лѣтъ пожилыхъ, одаренная весьма густыми бровями и бакенбардами, и выразительнымъ, рѣзкимъ взглядомъ. На шеѣ не-

знакомца былъ орденъ, а во рту сигарка. Незнакомецъ курилъ, и, не вынимая сигары изо рта, значительно кивалъ головою, взглядывая по временамъ на господина Голядкина. Господину Голядкину стало какъ-то неловко; онъ отвелъ свои глаза въ сторону, и тутъ-же увидѣлъ еще одного весьма страннаго гостя. Въ дверяхъ, которыя герой нашъ принималъ доселѣ за зеркало, какъ нѣкогда тоже случилось съ нимъ,— появился *онъ*,— извѣстно кто, весьма короткій знакомый и другъ господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ-младшій дѣйствительно находился до сихъ поръ въ другой маленькой комнаткѣ и что-то спѣшно писалъ; теперь видно понадобилось—и онъ явился, съ бумагами подъ мышкой, подошелъ къ его превосходительству и весьма ловко, въ ожиданіи исключительнаго къ своей особѣ вниманія, успѣлъ втереться въ разговоръ и совѣтъ, заняв свое мѣсто немного за спиной Андрея Филипповича, и отчасти маскируясь незнакомцемъ, курящимъ сигарку. По видимому, господинъ Голядкинъ-младшій принималъ крайнее участіе въ разговорѣ, который подслушивалъ теперь благороднымъ образомъ, кивалъ головою, сѣменилъ ножками, улыбался, поминутно взглядывалъ на его превосходительство, какъ будто-бы умолялъ взоромъ, чтобъ и ему тоже позволили ввернуть свои полсловечка. Подлецъ! подумалъ господинъ Голядкинъ и невольно ступилъ шагъ впередъ. Въ это время генералъ оборотился и самъ довольно нерѣшительно подошелъ къ господину Голядкину.

— Ну, хорошо, хорошо; ступайте съ Богомъ. Я поразсмотрю ваше дѣло, а васъ велю проводить... Тутъ генералъ взглянулъ на незнакомца съ густыми бакенбардами. Тотъ, въ знакъ согласія, кивнулъ головою.

Господинъ Голядкинъ чувствовалъ и понималъ ясно, что его принимаютъ за что-то другое, а вовсе не такъ, какъ-бы слѣдовало. «Такъ или этакъ, а объясниться вѣдь нужно», подумалъ онъ:— «такъ и такъ, дескать, ваше превосходительство». Тутъ въ недоумѣніи своемъ опустилъ онъ глаза въ землю, и, къ крайнему своему изумленію, увидѣлъ на сапогахъ его превосходительства значительное бѣлое пятно. «Неужели лопнули?» подумалъ господинъ Голядкинъ. Вскорѣ, однако-жь, господинъ Голядкинъ открылъ, что сапоги его превосходительства вовсе не лопнули, а только сильно отевѣчивали,— феноменъ, совершенно объяснявшійся тѣмъ, что сапоги были лакированные и сильно блестѣли. «Это называется *блекъ*, подумалъ герой нашъ, особенно-же сохраняется это названіе въ мастерскихъ художниковъ; въ другихъ-же мѣстахъ этотъ отевѣтъ называется *свѣтлымъ ребромъ*». Тутъ господинъ Голядкинъ поднялъ глаза и увидѣлъ, что пора говорить, потому что дѣло весьма могло

повернуться къ худому концу... Герой нашъ ступилъ шагъ впередъ.

— Дескать, такъ и такъ, ваше превосходительство, сказалъ онъ:—а самозванствомъ въ нашъ вѣкъ не возьмешь.

Генералъ ничего не отвѣчалъ, а сильно позвонилъ за снурокъ колокольчика. Герой нашъ еще ступилъ шагъ впередъ.

— Онъ подлый и развращенный человѣкъ, ваше превосходительство, сказалъ нашъ герой, не помня себя, замирая отъ страха, и, при всемъ томъ, смѣло и рѣшительно указывая на недостойнаго близнеца своего, сѣменившаго въ это мгновеніе около его превосходительства: — такъ и такъ, дескать, а я на извѣстное лицо намекаю.

Послѣдовало всеобщее движеніе за словами господина Голядкина. Андрей Филипповичъ и незнакомая фигура закивали своими головами: его превосходительство дергалъ въ нетерпѣніи изъ всѣхъ силъ за снурокъ колокольчика, дозываясь людей. Тутъ господинъ Голядкинъ-младшій выступилъ впередъ, въ свою очередь.

— Ваше превосходительство, сказалъ онъ:—униженно прошу позволенія вашего говорить. Въ голосѣ господина Голядкина-младшаго было что-то крайне рѣшительное; все въ немъ показывало, что онъ чувствуетъ себя совершенно въ правѣ своемъ.

— Позвольте спросить васъ, началъ онъ снова, предупреждая усердіемъ своимъ отвѣтъ его превосходительства и обращаясь въ этотъ разъ къ господину Голядкину: —позвольте спросить васъ, въ чьемъ присутствіи вы такъ объясняетесь? Передъ кѣмъ вы стоите, въ чьемъ кабинетѣ находитесь?.. Господинъ Голядкинъ-младшій былъ весь въ необыкновенномъ волненіи, весь красный и пылающій отъ негодованія и гнѣва: даже слезы въ его глазахъ показались.

— Господа Бассаврюковы! проревѣлъ во все горло лакей, появившись въ дверяхъ кабинета. — «Хорошая дворянская фамилія, выходцы изъ Малороссіи»,—подумалъ господинъ Голядкинъ, и тутъ-же почувствовалъ, что кто-то весьма дружескимъ образомъ налегъ ему одною рукою на спину; потомъ и другая рука налегла ему на спину; подлый близнецъ господина Голядкина юлилъ впереди, показывая дорогу, и герой нашъ ясно увидѣлъ, что его, кажется, направляютъ къ большимъ дверямъ кабинета. «Точь въ точь какъ у Олсуфія Ивановича», подумалъ онъ и очутился въ передней. Оглянувшись, онъ увидѣлъ подлѣ себя двухъ лакеевъ его превосходительства и одного близнеца.

— Шинель, шинель, шинель, шинель друга моего! Шинель моего лучшаго друга! защебеталъ развратный человѣкъ, вырывая изъ рукъ одного человѣка шинель и набрасывая ее, для подлой и не-

благопріятной насмѣшки, прямо на голову господину Голядкину. Выбиваясь изъ подъ шинели своей, господинъ Голядкинъ-старшій ясно услышалъ смѣхъ двухъ лакеевъ. Но, не слушая ничего и не внимая ничему постороннему, онъ ужъ выходилъ изъ передней и очутился на освѣщенной лѣстницѣ. Господинъ Голядкинъ-младшій — за нимъ.

— Прощайте, ваше превосходительство! закричалъ онъ вслѣдъ господину Голядкину-старшему.

— Подлецъ! проговорилъ внѣ себя нашъ герой.

— Ну, и подлецъ...

— Развратный человѣкъ!..

— Ну, и развратный человѣкъ... отвѣчалъ такимъ образомъ достойному господину Голядкину недостойный пріятель его и, по свойственной ему подлости, глядѣлъ съ высоты лѣстницы, прямо и не смигнувъ глазомъ, въ глаза господину Голядкину, какъ будто прося его продолжать. Герой нашъ плюнулъ отъ негодованія и выбѣжалъ на крыльцо; онъ былъ такъ убитъ, что совершенно не помнилъ, кто и какъ посадилъ его въ карету. Очнувшись, увидѣлъ онъ, что его везутъ по Фонтанкѣ. «Стало быть, къ Измайловскому мосту?» подумалъ господинъ Голядкинъ... Тутъ господину Голядкину захотѣлось еще о чемъ-то подумать, но нельзя было: а было что-то такое ужасное, чего и объяснить невозможно... «Ну, ничего!» заключилъ нашъ герой, и поѣхалъ къ Измайловскому мосту.

ГЛАВА XIII.

Казалось, что погода хотѣла перемѣниться къ лучшему. Дѣйствительно, мокрый снѣгъ, валившій досель цѣлыми тучами, началъ мало по малу рѣдѣть, рѣдѣть и, наконецъ, почти совсѣмъ пересталъ. Стало видно небо, и на немъ, тамъ и сямъ, заискрились звѣздочки. Было только мокро, грязно, сыро и удушливо, особенно для господина Голядкина, который и безъ того уже едва духъ переводилъ. Вымокшая и отяжелѣвшая шинель его пронимала всѣ его члены какою-то непріятно теплою сыростью, и тяжестью своею подламывала и безъ того уже сильно ослабѣвшія ноги его. Какая-то лихорадочная дрожь гуляла острыми и ѣдкими муравками по всему его тѣлу; изнеможеніе точило изъ него холодный болѣзненный потъ, такъ что господинъ Голядкинъ позабылъ уже, при семъ удобномъ случаѣ, повторить съ свойственною ему твердостью и рѣшимостью свою любимую фразу, что оно и все-то авось, можетъ быть, какъ

нибудь, навѣрное непремѣнно, возьметъ, да и уладится къ лучшему. «Впрочемъ, это все еще ничего покамѣстъ», прибавилъ крѣпкій и неунывающій духомъ герой нашъ, отирая съ лица своего капли холодной воды, струившейся по всѣмъ направленіямъ съ полей круглой и до того размокшей шляпы его, что уже вода не держалась на ней. Прибавивъ, что это все еще ничего, герой нашъ попробовалъ было присѣсть на довольно толстый деревянный обрубокъ, валявшійся возлѣ кучи дровъ на дворѣ Олсуфья Ивановича. Конечно, объ испанскихъ серенадахъ и о шелковыхъ лѣстницахъ нечего уже было думать; но объ укромномъ уголкѣ, хотя и не совсѣмъ темномъ, но за то уютномъ и скрытномъ, нужно-же было подумать. Сильно соблазнялъ его, мимоходомъ сказать, тотъ самый уголокъ въ сѣняхъ квартиры Олсуфья Ивановича, гдѣ прежде еще, почти въ началѣ сей правдивой исторіи, выстоялъ свои два часа нашъ герой, между шкафомъ и старыми ширмами, между всякимъ домашнимъ и ненужнымъ дрязгомъ, хламомъ и рухлядью. Дѣло въ томъ, что и теперь господинъ Голядкинъ стоялъ и выжидалъ уже цѣлые два часа на дворѣ Олсуфья Ивановича. Но относительно укромнаго и уютнаго прежняго уголка существовали теперь нѣкоторыя неудобства, прежде не существовавшія. Первое неудобство—то, что, вѣроятно, это мѣсто теперь замѣчено и приняты на счетъ его нѣкоторыя предохранительныя мѣры со времени исторіи на послѣднемъ балѣ у Олсуфья Ивановича; а во вторыхъ, должно-же было ждать условнаго знака отъ Клары Олсуфьевны, потому что непремѣнно долженъ-же былъ существовать какой нибудь этакой знакъ условный. Такъ всегда дѣлалось и сдескать, не нами началось, не нами и кончится». Господинъ Голядкинъ тутъ-же кстати мимоходомъ припомнилъ какой-то романъ, уже давно имъ прочитанный, гдѣ героиня подала условный знакъ Альфреду совершенно въ подобномъ-же обстоятельствѣ, привязавъ къ окну розовую ленточку. Но розовая ленточка теперь, ночью и при санктпетербургскомъ климатѣ, извѣстномъ своею сыростью и ненадежностію, въ дѣло идти не могла и, однимъ словомъ, была совсѣмъ невозможна. «Нѣтъ, тутъ не до шелковыхъ лѣстницъ», подумалъ герой нашъ: «а я лучше здѣсь, такъ себѣ, укромно и въ тихомолочку... я лучше вотъ, напримѣръ, здѣсь стану», и выбралъ мѣстечко на дворѣ, противъ самыхъ оконъ, около кучки складенныхъ дровъ. Конечно, на дворѣ ходило много посторонніхъ людей, форрейторовъ, кучеровъ; къ тому-же, стучали колеса и фыркали лошади и т. д.; но все-таки мѣсто было удобное: замѣтятъ-ли, не замѣтятъ-ли, а теперь, по крайней мѣрѣ, выгода та, что дѣло происходитъ нѣкоторымъ образомъ въ тѣни, и господина Голядкина не видитъ никто: самъ-же онъ могъ видѣть рѣшительно

все. Окна были сильно освѣщены; былъ какой-то торжественный съѣздъ у Олсуфья Ивановича. Музыки, впрочемъ, еще не было слышно. «Стало быть, это не балъ, а такъ, по какому нибудь другому случаю съѣхались», думалъ, отчасти замирая, герой нашъ. «Да сегодня-ли, впрочемъ?» - пронеслось въ его головѣ: «не ошибка-ли въ числѣ? Можетъ быть, все можетъ быть... Оно, вотъ это, какъ можетъ быть все... Оно еще, можетъ быть, вчера было письмо-то написано, а ко мнѣ не дошло, и потому не дошло, что Петрушка сюда замѣшался, шельмецъ онъ такой! Или завтра написано, то есть, что я... что завтра нужно было все сдѣлать, то есть съ каретой-то ждать»... Тутъ герой нашъ похолодѣлъ окончательно и полѣзъ въ свой карманъ за письмомъ, чтобъ справиться. Но письма, къ удивленію его, не оказалось въ карманѣ. «Какъ-же это?» прошепталъ полумертвый господинъ Голядкинъ: «гдѣ-же это я оставилъ его? Стало быть, я его потерялъ?—Этого еще не доставало!» простоналъ онъ, наконецъ, въ заключеніе. «Ну, если оно въ недобрыя руки теперь попадетъ? (Да, можетъ, попало уже!). Господи! Что изъ этого воспослѣдуетъ! Будетъ такое, что ужъ... Ахъ ты, судьба ты моя ненавистная!» Тутъ господинъ Голядкинъ какъ листъ задрожалъ при мысли, что, можетъ быть, неблагопристойный близнецъ его, набрасывая ему шинель на голову, имѣлъ именно цѣлью похитить письмо, о которомъ, какъ нибудь тамъ, пронюхалъ отъ враговъ господина Голядкина. «Къ тому-же, онъ перехватываетъ», подумалъ герой нашъ: «доказательствомъ-же... да что доказательствомъ!..» Послѣ перваго припадка и столбняка ужаса, кровь бросилась въ голову господина Голядкина. Со стономъ и скрежета зубами схватилъ онъ себя за горячую голову, опустился на свой обрубокъ и началъ думать о чемъ-то... Но мысли какъ-то ни о чемъ не вязались въ его головѣ. Мелькали какія-то лица, припоминались, то неясно, то рѣзко, какія-то давно забытыя происшествія, лѣзли въ голову какіе-то мотивы какихъ-то глупыхъ пѣсень... Тоска, тоска была нестественная! «Боже мой! Боже мой!» подумалъ, нѣсколько очнувшись, герой нашъ, подавляя глухое рыданіе въ груди: «подай мнѣ твердость духа въ непостоянной глубинѣ моихъ бѣдствій! Что пропалъ я, исчезъ совершенно, — въ этомъ ужъ нѣтъ никакого сомнѣнія, и это все въ порядкѣ вещей, ибо и быть не можетъ никакимъ другимъ образомъ. Во первыхъ, я мѣста лишился, непремѣнно лишился, никакъ не могъ не лишиться... Ну, да, положимъ, оно и уладится какъ нибудь тамъ. Деньжонокъ-же моихъ, положимъ, и достанетъ на первый разъ: — тамъ квартиренку другую какую нибудь, мебелишки какой нибудь нужно-же... Петрушки-же, во первыхъ, не будетъ со мной. Я могу и безъ

нельмеца... этакъ отъ жильцовъ: ну, хорошо! И входишь и уходишь когда мнѣ угодно, да и Петрушка не будетъ ворчать, что поздно приходишь, — вотъ оно какъ: вотъ почему отъ жильцовъ хорошо... Ну, да, положимъ, это все хорошо; только какъ-же я все не про то говорю, вовсе не про то говорю?» Тутъ мысль о настоящемъ положеніи опять озарила память господина Голядкина. Онъ оглянулся кругомъ. «Ахъ ты, Господи, Богъ мой! Господи, Богъ мой! Да о чемъ-же это я теперь говорю?» подумалъ онъ, растерявшись совѣмъ и хватая себя за свою горячую голову...

— Нѣтто скоро, сударь, изволите ѣхать? произнесъ голосъ надъ господиномъ Голядкинымъ. Господинъ Голядкинъ вздрогнулъ: но передъ нимъ стоялъ его извощикъ, тоже весь до нитки измокшій и продрогшій, отъ нетерпѣнія и отъ нечего дѣлать вздумавшій заглянуть къ господину Голядкину за дрова.

— Я, мой другъ, ничего... я, мой другъ, скоро, очень скоро, а ты подожди...

Извощикъ ушелъ, ворча себѣ подъ носъ. — Объ чемъ-же онъ это ворчитъ? думалъ сквозь слезы господинъ Голядкинъ: — вѣдь я его нанялъ-же на вечеръ, вѣдь я того... въ своемъ правѣ теперь... вотъ оно какъ! На вечеръ нанялъ, такъ и дѣло съ концомъ. Хоть и такъ простоишь, все равно. Все въ моей волѣ. Воленъ ѣхать и воленъ не ѣхать. И что вотъ здѣсь за дровами стою, такъ и это совѣмъ ничего... и не смѣешь ничего говорить; дескать, барину хочется за дровами стоять, вотъ онъ и стоитъ за дровами... и чести ничьей не маретъ,—вотъ оно какъ! Вотъ оно какъ, сударыня вы моя, если только это вамъ хочется знать. А въ хижинѣ, сударыня вы моя, дескать, такъ и такъ, въ нашъ вѣкъ никто не живетъ. Оно вотъ что! А безъ благонравія въ нашъ промышленный вѣкъ, сударыня вы моя, не возьмешь, чему сами теперь служите пагубнымъ примѣромъ... Дескать, повытчикомъ нужно служить и въ хижинѣ жить, на морскомъ берегу. Во первыхъ, сударыня вы моя, на морскихъ берегахъ нѣтъ повытчиковъ, а во вторыхъ, и достать его намъ съ вами нельзя, повытчика-то. Ибо, положимъ, примѣрно сказать, вотъ я просьбу подаю, являюсь — дескать, такъ и такъ, въ повытчики, дескать, того... и отъ врага защитите... а вамъ скажутъ, сударыня, дескать, того... повытчиковъ много, и что вы здѣсь не у эмигрантки Фальбала, гдѣ вы благонравію учились, чему сами служите пагубнымъ примѣромъ. Благонравіе-же, сударыня, значитъ дома сидѣть, отца уважать и не думать о женщинахъ прежде времени. Женщины-же, сударыня, въ свое время найдутся,—вотъ оно какъ! Конечно, разнымъ талантамъ, безспорно, нужно умѣть, какъ-то: на фортепіанахъ иногда по-

играть, по французски говорить, исторіи, географіи, закону Божію и ариѳметикѣ,—вотъ оно какъ!—А больше не нужно. Къ тому-же, и кухня: непремѣнно въ область вѣдѣнія всякой благонравной дѣвицы должна входить кухня! А то что тутъ? Во первыхъ, красавица вы моя, милостивая моя государыня, васъ не пустятъ, а пустятъ за вами погоню, и потомъ подъ сюркунъ, въ монастырь. Тогда что̀, сударыня вы моя? Тогда мнѣ-то что̀ дѣлать прикажете? Прикажете мнѣ, сударыня вы моя, слѣдуя нѣкоторымъ глупымъ романамъ, на ближній холмъ приходить и таять въ слезахъ, смотря на хладныя стѣны вашего заключенія и, наконецъ, умереть, слѣдуя привычкѣ нѣкоторыхъ скверныхъ нѣмецкихъ поэтовъ и романистовъ, такъ-ли, сударыня? Да, во первыхъ, позвольте сказать вамъ по дружески, что дѣла такъ не дѣлаются, а во вторыхъ, и васъ, да и родителей-то вашихъ посѣкъ-бы порядочно за то, что французскія-то книжки вамъ давали читать; ибо французскія книжки добру не научатъ. Тамъ ядъ... ядъ тлетворный, сударыня вы моя! Или вы думаете. позвольте спросить васъ, или вы думаете, что, дескать, такъ и такъ, убѣжимъ безнаказанно, да и того... дескать, хижинку вамъ на берегу моря; да и ворковать начнемъ и объ чувствахъ разныхъ разсуждать, да такъ и всю жизнь проведемъ, въ довольствѣ и счастіи; да потомъ заведется птенецъ, такъ мы и того... дескать, такъ и такъ, родитель нашъ и статскій совѣтникъ, Олсуфій Ивановичъ, вотъ, дескать, птенецъ завелся, такъ вы по сему удобному случаю снимите проклятіе. да благословите чету? Нѣтъ, сударыня, и опять таки дѣла такъ не дѣлаются, и первое дѣло то, что воркованія не будетъ, не извольте надѣяться. Нынче мужъ, сударыня вы моя, господинъ, и добрая, благовоспитанная жена должна во всемъ угождать ему. А нѣжностей, сударыня, нынче не любятъ, въ нашъ промышленный вѣкъ; дескать, прошли времена Жанъ-Жака Руссо. Мужъ, напримѣръ, нынче приходитъ голодный изъ должности,—дескать, душенька, нѣтъ-ли чего закусить, водочки выпить, селедочки съѣсть? Такъ у васъ, сударыня, должны быть сейчасъ на готовѣ и водочка, и селедочка. Мужъ закуситъ себѣ съ аппетитомъ, да на васъ и не взглянетъ, а скажетъ: поди-тка, дескать, на кухню, котеночекъ, да присмотри за обѣдомъ, да развѣ-развѣ въ недѣлю разокъ поцалуетъ, да и то равнодушно... Вотъ оно какъ по нашему-то, сударыня вы моя! Да и то, дескать, равнодушно!.. Вотъ оно какъ будетъ, если такъ разсуждать, если ужь на то пошло, что такимъ-то вотъ образомъ начать на дѣло смотрѣть. . Да я-то тутъ что? Меня-то, сударыня, въ ваши капризы зачѣмъ подмѣшали? «Дескать, благодѣтельный, за меня страждущій и всячески милый сердцу моему человѣкъ, и т. д.». Да, во пер-

выхъ, я, сударыня вы моя, я для васъ не гожусь, сами знаете, комплиментамъ не мастеръ, дамскіе тамъ разные раздушенные пустячки говорить не люблю, сладконовъ не жалую, да и фигурою, признаться, не взялъ. Лжнаго-то хвастовства и стыда вы въ насъ не найдете, а признаемся вамъ теперь во всей искренности. Дескать, вотъ оно какъ, обладаемъ линіи прямымъ и открытымъ характеромъ, да здравымъ разсудкомъ: интригами не занимаемся. Не интригантъ, дескать, и этимъ горжусь, — вотъ оно какъ!.. Хожу безъ маски между добрыхъ людей, и чтобъ все вамъ сказать...

Вдругъ господинъ Голядкинъ вздрогнулъ. Рыжая и взмокшая окончательно борода его кучера опять глянула къ нему за дрова...

— Я сейчасъ мой другъ: я, мой другъ, знаешь, тотчасъ: я, мой другъ, тотчасъ-же, отвѣчалъ господинъ Голядкинъ трепещущимъ и изнывающимъ голосомъ.

Кучеръ почесалъ въ затылкѣ, потомъ погладилъ свою бороду, потомъ шагнулъ шагъ впередъ... остановился и недовѣрчиво взглянулъ на господина Голядкина.

— Я сейчасъ, мой другъ: я, видишь, мой другъ... я немножко, я, видишь, мой другъ, только секундочку здѣсь... видишь, мой другъ...

— Нешто совсѣмъ не поѣдете? сказалъ, наконецъ, кучеръ рѣшительно и окончательно приступая къ господину Голядкину...

— Нѣтъ, мой другъ, я сейчасъ. Я, видишь, мой другъ, дожидаюсь...

— Такъ-съ...

— Я, видишь, мой другъ... Ты изъ какой деревни, мой милый?

— Мы господскіе...

— И добрыхъ господъ?

— Нѣшто...

— Да, мой другъ; ты постой здѣсь, мой другъ. Ты, видишь, мой другъ, ты давно въ Петербургѣ?

— Да ужь годъ ѣзжу...

— И хорошо тебѣ, другъ мой?

— Нешто.

— Да, мой другъ, да. Благодари Провидѣніе, мой другъ. Ты, мой другъ, добраго человѣка ищи. Нынче добрые люди стали рѣдки, мой милый: онъ обмоетъ, накормитъ и напоитъ тебя, милый мой, добрый-то человѣкъ... А иногда, ты видишь, что и черезъ золото слезы льются, мой другъ... видишь плачевный примѣръ: вотъ оно какъ, милый мой...

Извощику какъ будто стало жалко господина Голядкина. — Да извольте, я подожду-съ. Нѣшто долго ждать будете-съ?

— Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ; я ужь, знаешь, того... я ужь не буду ждать, милый мой. Какъ ты думаешь, другъ мой? Я на тебя полагаюсь. Я ужь не буду здѣсь ждать...

— Нѣшто совсѣмъ не поѣдете?

— Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ, а я тебя поблагодарю, милый мой... вотъ оно какъ. Тебѣ сколько слѣдуетъ, милый мой?

— Да ужь за что рядились, сударь, то и пожалуете. Ждать, сударь, долго; ужь вы человѣка не обидите, сударь.

— Ну, вотъ тебѣ, милый мой, вотъ тебѣ. Тутъ господинъ Голядкинъ отдалъ всѣ шесть руб. сер. извощику, и, серіозно рѣшившись не терять болѣе времени, т. е. уйдти по добру по здорову, тѣмъ болѣе, что уже окончательно рѣшено было дѣло и извощикъ отпущенъ былъ, и, слѣдовательно, ждать болѣе нечего, пустился со двора, вышелъ за ворота, поворотилъ налѣво, и безъ оглядки, задыхаясь и радуясь, пустился бѣжать. «Оно, можетъ быть, и все устроится къ лучшему», думалъ онъ: «а я вотъ такимъ-то образомъ бѣды избѣжалъ». Дѣйствительно, какъ-то вдругъ стало необыкновенно легко въ душѣ господина Голядкина. «Ахъ, кабы устроилось къ лучшему!» подумалъ герой нашъ, самъ, впрочемъ, мало себѣ на слово вѣря. «Вотъ я и того»... думалъ онъ. «Нѣтъ, я лучше вотъ какъ, и съ другой стороны... Или лучше вотъ этакъ мнѣ сдѣлать?..» Такимъ-то образомъ сомнѣваясь и ища ключа и разрѣшенія сомнѣній своихъ, герой нашъ добѣжалъ до Семеновскаго моста, а добѣжавъ до Семеновскаго моста, благоразумно и окончательно положилъ воротиться. «Оно и лучше», подумалъ онъ. «Я лучше съ другой стороны, т. е. вотъ какъ. Я буду такъ наблюдателемъ постороннимъ буду, да и дѣло съ концомъ: дескать, я наблюдатель, лицо постороннее—и только, а тамъ, что ни случись—не я виноватъ. Вотъ оно какъ! Вотъ оно такимъ-то образомъ и будетъ теперь».

Положивъ воротиться, герой нашъ дѣйствительно воротился, тѣмъ болѣе, что, по счастливой мысли своей, ставилъ себя теперь лицомъ совсѣмъ посторонним. «Оно-же и лучше: и не отвѣчаешь ни за что, да и увидишь, что слѣдовало... вотъ оно какъ!» То есть, разсчетъ былъ вѣрнѣйшій, да и дѣло съ концомъ. Успокоившись, забрался онъ опять подъ мирную сѣнь своей успокоительной и охранительной кучи дровъ и внимательно сталъ смотрѣть на окна. Въ этотъ разъ смотрѣть и дожидаться пришлось ему недолго. Вдругъ, во всѣхъ окнахъ разомъ, обнаружилось какое-то странное движеніе, замелькали фигуры, открылись занавѣсы, цѣлыя группы людей толпились въ окнахъ Олсуфія Ивановича, всѣ искали и выглядывали чего-то на дворъ. Обезпеченный своею кучею дровъ, герой нашъ

тоже, въ свою очередь, съ любопытствомъ сталъ слѣдить за всѣми движеніемъ и съ участіемъ вытягивать направо и налѣво свою голову, сколько, по крайней мѣрѣ, позволяла ему короткая тѣнь отъ дровяной кучи, его прикрывавшая. Вдругъ онъ оторопѣлъ, вздрогнулъ и едва не присѣлъ на мѣстѣ отъ ужаса. Ему показалось, — однимъ словомъ, онъ догадался вполнѣ, что искали-то не что нибудь и не кого нибудь: искали просто его, господина Голядкина. Всѣ смотрятъ въ его сторону. Бѣжать было невозможно: увидятъ... Оторопѣвшій господинъ Голядкинъ прижался какъ можно плотнѣе къ дровамъ, и тутъ только замѣтилъ, что предательская тѣнь измѣнила, что прикрывала она не всего его. Съ величайшимъ удовольствіемъ согласился-бы нашъ герой пролѣзть теперь въ какую нибудь мышиную щелочку между дровами, да тамъ и сидѣть себѣ смирно, если-бъ только это было возможно. Но было рѣшительно невозможно. Въ агоніи своей онъ сталъ, наконецъ, рѣшительно и прямо смотрѣть на всѣ окна разомъ; оно-же и лучше... И вдругъ сгорѣлъ со стыда окончательно. Его совершенно замѣтили, всѣ разомъ замѣтили, всѣ манятъ его руками, всѣ киваютъ ему головами, всѣ зовутъ его: вотъ щелкнуло и отворилось нѣсколько форточекъ; нѣсколько голосовъ разомъ что-то начали кричать ему... «Удивляюсь, какъ этихъ дѣвчонокъ не сѣкутъ еще съ дѣтства», бормоталъ про себя нашъ герой, совсѣмъ потерявшись. Вдругъ съ крыльца сбѣжалъ *онъ* (извѣстно, кто) въ одномъ вицъ-мундирѣ, безъ шляпы, запыхавшись, боля, съмеря и подпрыгивая, вѣроломно изъявляя ужаснѣйшую радость о томъ, что увидѣлъ, наконецъ, господина Голядкина.

— Яковъ Петровичъ, защебеталъ извѣстный своей безполезностью человѣкъ.—Яковъ Петровичъ, вы здѣсь? Вы простудитесь. Здѣсь холодно, Яковъ Петровичъ. Пожалуйте въ комнату.

— Яковъ Петровичъ! Нѣтъ-съ, я ничего, Яковъ Петровичъ, покорнымъ голосомъ пробормоталъ нашъ герой.

— Нѣтъ-съ, нельзя, Яковъ Петровичъ; просятъ, покорнѣйше просятъ, ждутъ васъ. «Осчастливьте, дескать, и приведите сюда Якова Петровича». Вотъ какъ-съ.

— Нѣтъ, Яковъ Петровичъ; я, видите-ли, я-бы лучше сдѣлалъ... Мнѣ-бы лучше домой пойдти, Яковъ Петровичъ... говорилъ нашъ герой, горя на мелкомъ огнѣ и замерзая отъ стыда и ужаса, все въ одно время.

— Ни-ни-ни-ни! защебеталъ отвратительный человѣкъ. —Ни-ни-ни, ни за что! Идемъ! сказалъ онъ рѣшительно и потащилъ къ крыльцу господина Голядкина-старшаго. Господинъ Голядкинъ-старшій хотѣлъ было вовсе не идти; но такъ какъ смотрѣли всѣ и со-

противляться и упираться было-бы глупо, то герой нашъ пошелъ,— впрочемъ, нельзя сказать, чтобъ пошелъ, потому что рѣшительно самъ не зналъ, что съ нимъ дѣлается. Да ужъ такъ ничего, за-одно!

Прежде нежели герой нашъ успѣлъ кое-какъ оправиться и опомниться, очутился онъ въ залѣ. Онъ былъ блѣденъ, растрепанъ, растерзанъ; мутными глазами окинулъ онъ всю толпу, — ужасъ! Зала, всѣ комнаты, — все, все было полнымъ полнехонько. Людей было бездна, дамъ цѣлая оранжерея; все это тѣснилось около господина Голядкина, все это стремилось къ господину Голядкину, все это выносило на плечахъ своихъ господина Голядкина, весьма ясно замѣтившаго, что его упираютъ въ какую-то сторону. «Вѣдь не къ дверямъ», пронеслось въ головѣ господина Голядкина. Дѣйствительно, упирали его не къ дверямъ, а прямо къ покойнымъ кресламъ Олсуфія Ивановича. Возлѣ кресель, съ одной стороны, стояла Клара Олсуфьевна, блѣдная, томная, грустная, впрочемъ, пышно убранная. Особенно бросились въ глаза господину Голядкину маленькіе бѣленькіе цвѣточки въ ея черныхъ волосахъ, что̀ составляло превосходный эффектъ. Съ другой стороны кресель держался Владиміръ Семеновичъ, въ черномъ фракѣ, съ новымъ своимъ орденомъ въ петличкѣ. Господина Голядкина вели подъ руки, и, какъ сказано было выше, прямо на Олсуфія Ивановича — съ одной стороны господинъ Голядкинъ-младшій, принявшій на себя видъ чрезвычайно благопристойный и благонамѣренный, чему нашъ герой до-нельзя обрадовался, съ другой-же стороны руководилъ его Андрей Филипповичъ съ самой торжественной миной въ лицѣ. «Что̀-бы это?» подумалъ господинъ Голядкинъ. Когда-же онъ увидалъ, что ведутъ его къ Олсуфію Ивановичу, то его вдругъ какъ будто молніей озарило. Мысль о перехваченномъ письмѣ мелькнула въ головѣ его. Въ нестоющмой агоніи предсталъ нашъ герой передъ кресла Олсуфія Ивановича. «Какъ мнѣ теперь?» подумалъ онъ про себя. «Разумѣется, этакъ все на смѣлую ногу, то есть, съ откровенностью, не лишенною благородства; дескать, такъ и такъ и т. д. Но чего боялся, по видимому, герой нашъ, то и не случилось. Олсуфій Ивановичъ принялъ, кажется, весьма хорошо господина Голядкина, и хотя не протянулъ ему руки своей, но, по крайней мѣрѣ, смотря на него, покачалъ своею сѣдовласою и внушающею всякое уваженіе головою, — покачалъ съ какимъ-то торжественно-печальнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ благосклоннымъ видомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, показалось господину Голядкину. Ему показалось даже, что слеза блеснула въ тусклыхъ взорахъ Олсуфія Ивановича; онъ поднялъ глаза и увидѣлъ, что и на рѣсницахъ Клары Олсуфьевны, тутъ-же стоявшей, тоже какъ будто блеснула сле-

зника,—что и въ глазахъ Владиміра Семеновича тоже какъ будто-бы было что-то подобное, — что, наконецъ, ненарушимое и спокойное достоинство Андрея Филипповича тоже стоило общаго, слезящагося участія, — что, наконецъ, юноша, когда-то весьма походившій на важнаго совѣтника, уже горько рыдалъ, пользуясь настоящей минутой... Или это все, можетъ быть, только такъ показалось господину Голядкину, потому что онъ самъ весьма прослезился, и ясно слышалъ, какъ текли его горячія слезы по его холоднымъ щекамъ... Голосомъ, полнымъ рыданій, примиренный съ людьми и судьбою, и крайне любя въ настоящее мгновеніе не только Олсуфія Ивановича, не только всѣхъ гостей, взятыхъ вмѣстѣ, но даже и зловреднаго близнеца своего, который теперь, по видимому, вовсе былъ не злобнымъ и даже не близнецомъ господину Голядкину, но совершенно посторонним и крайне любезнымъ самимъ по себѣ человѣкомъ, обратился было герой нашъ къ Олсуфію Ивановичу съ трогательнымъ изліяніемъ души своей: но отъ полноты всего, въ немъ накопившагося, не могъ ровно ничего объяснить, а только весьма краснорѣчивымъ жестомъ, молча, указалъ на свое сердце... Наконецъ. Андрей Филипповичъ, вѣроятно, желая пощадить чувствительность сѣдовласаго старца, отвелъ господина Голядкина немного въ сторону и оставилъ его, впрочемъ, кажется, въ совершенно незавидномъ положеніи. Улыбаясь, что-то бормоча себѣ подъ носъ, немного недоумѣвая, но во всякомъ случаѣ почти совершенно примиренный съ людьми и судьбою, началъ пробираться герой нашъ куда-то сквозь густую массу гостей. Всѣ ему давали дорогу, всѣ смотрѣли на него съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ и съ какимъ-то необъяснимымъ, загадочнымъ участіемъ. Герой нашъ прошелъ въ другую комнату:—тоже вниманіе вездѣ; онъ глухо слышалъ, какъ цѣлая толпа тѣснилась по слѣдамъ его, какъ замѣчали его каждый шагъ, какъ въ тихомолку всѣ между собою толковали о чемъ-то весьма занимательномъ, качали головами, говорили, судили, рядили и шептались. Господину Голядкину весьма-бы хотѣлось узнать, о чемъ они всѣ такъ судятъ и рядятъ, и шепчутся. Оглянувшись, герой нашъ замѣтилъ подлѣ себя господина Голядкина-младшаго. Почувствовавъ необходимость схватить его руку и отвести его въ сторону, господинъ Голядкинъ убѣдительнѣйше попросилъ другаго Якова Петровича содѣйствовать ему при всѣхъ будущихъ начинаніяхъ и не оставлять его въ критическомъ случаѣ. Господинъ Голядкинъ-младшій важно кивнулъ головою и крѣпко сжалъ руку господина Голядкина-старшаго. Сердце затрепетало отъ избытка чувствъ въ груди героя нашего. Впрочемъ, онъ задыхался, онъ чувствовалъ, что его такъ тѣснитъ-тѣснитъ, что

всѣ эти глаза, на него обращенные, какъ-то пестуть и давять его... Господинъ Голядкинъ увидалъ мимоходомъ того совѣтника, который носилъ парикъ на головѣ. Совѣтникъ глядѣлъ на него строгимъ, испытующимъ взглядомъ, вовсе не смягченнымъ отъ всеобщаго участія... Герой нашъ рѣшился было идти къ нему прямо, чтобъ улыбнуться ему и немедленно съ нимъ объясниться; но дѣло какъ-то не удалось. На одно мгновеніе господинъ Голядкинъ почти забылся совсѣмъ, потерялъ и память, и чувства... Очнувшись, замѣтилъ онъ, что вертится въ широкомъ кругу его обступившихъ гостей. Вдругъ изъ другой комнаты крикнули господина Голядкина; крикъ разомъ пронесся по всей толпѣ. Все заволновалось, все зашумѣло, всѣ рванулись къ дверямъ первой залы; героя нашего почти вынесли на рукахъ, при чемъ твердосердый совѣтникъ въ паркѣ очутился бокъ о бокъ съ господиномъ Голядкинымъ. Наконецъ, онъ взялъ его за руку и посадилъ возлѣ себя, напротивъ сѣдалища Олсуфія Ивановича, въ довольно значительномъ, впрочемъ, отъ него разстояніи. Всѣ, кто ни были въ комнатахъ, всѣ усѣлись въ нѣсколькихъ рядахъ, кругомъ господина Голядкина и Олсуфія Ивановича. Все затихло и присмирѣло, всѣ наблюдали торжественное молчаніе, всѣ взглядывали на Олсуфія Ивановича, очевидно, ожидая чего-то не совсѣмъ обыкновеннаго. Господинъ Голядкинъ замѣтилъ, что возлѣ кресель Олсуфія Ивановича, и тоже прямо противъ совѣтника, помѣстился другой господинъ Голядкинъ съ Андреемъ Филипповичемъ. Молчаніе длилось; чего-то дѣйствительно ожидали. «Точь въ точь, какъ въ семьѣ какой нибудь, при отъѣздѣ кого нибудь въ дальній путь, стоитъ только встать, да помолиться теперь», подумалъ герой нашъ. Вдругъ обнаружилось необыкновенное движеніе и прервало всѣ размышленія господина Голядкина. Случилось что-то давно ожидаемое. «Ѣдетъ, ѣдетъ!» пронеслось по толпѣ. «Кто это ѣдетъ?» пронеслось въ головѣ господина Голядкина, и онъ вздрогнулъ отъ какого-то страннаго ощущенія. «Пора!» сказалъ совѣтникъ, внимательно посмотрѣвъ на Андрея Филипповича. Андрей Филипповичъ, съ своей стороны, взглянулъ на Олсуфія Ивановича. Важно и торжественно кивнулъ головой Олсуфій Ивановичъ. «Встанемъ», проговорилъ совѣтникъ, подымая господина Голядкина. Всѣ встали. Тогда совѣтникъ взялъ за руку господина Голядкина-старшаго, а Андрей Филипповичъ господина Голядкина-младшаго, и оба торжественно свели двухъ совершенно подобныхъ, среди обставшей ихъ кругомъ и устремившейся въ ожиданіи толпы. Герой нашъ съ недоумѣніемъ осмотрѣлся кругомъ, но его тотчасъ остановили и указали ему на господина Голядкина-младшаго, который протянулъ ему руку. «Это мирятъ насъ

хотятъ», подумалъ герой нашъ, и съ умиленіемъ протянулъ свою руку господину Голядкину-младшему: потомъ, потомъ протянулъ къ нему свою голову. Тоже сдѣлалъ и другой господинъ Голядкинъ... Тутъ господину Голядкину-старшему показалось, что вѣроломный другъ его улыбается, что бѣгло и плутовски мигнулъ всей окружавшей ихъ толпѣ, что есть что-то зловѣщее въ лицѣ неблагопристойнаго господина Голядкина-младшаго, что даже онъ отпустилъ гримасу какую-то въ минуту іудина своего поцалуя.. Въ головѣ зазвонило у господина Голядкина, въ глазахъ потемнѣло; ему показалось, что бездна, цѣлая вереница совершенно подобныхъ Голядкиныхъ, съ шумомъ вламываются во всѣ двери комнаты: но было поздно... Звонкій, предательскій поцалуй раздался, и...

Тутъ случилось совсѣмъ неожиданное обстоятельство... Двери въ залу растворились съ шумомъ, и на порогѣ показался человѣкъ, котораго одинъ видъ оледенилъ господина Голядкина. Ноги его приросли къ землѣ. Крикъ замеръ въ его стѣсненной груди. Впрочемъ, господинъ Голядкинъ зналъ все заранѣе и давно уже предчувствовалъ что-то подобное. Незнакомецъ важно и торжественно приближался къ господину Голядкину. Господинъ Голядкинъ эту фигуру очень хорошо зналъ. Онъ ее видѣлъ, очень часто видалъ, еще сегодня видѣлъ... Незнакомецъ былъ высокій, плотный человѣкъ, въ черномъ фракѣ, съ значительнымъ крестомъ на шеѣ, и одаренный густыми, весьма черными бакенбардами; не доставало только сигарки во рту для дальнѣйшаго сходства... Зато взглядъ незнакомца, какъ уже сказано было, оледенилъ ужасомъ господина Голядкина. Съ важной и торжественной миной подошелъ страшный человѣкъ къ плачевному герою повѣсти нашей... Герой нашъ протянулъ ему руку: незнакомецъ взялъ его руку и потащилъ за собою... Съ потеряннымъ, съ убитымъ лицомъ оглянулся кругомъ нашъ герой...

— Это, это Крестьянъ Ивановичъ Рутеншпицъ, докторъ медицины и хирургіи, вашъ давнишній знакомецъ, Яковъ Петровичъ! защебеталъ чей-то противный голосъ подъ самымъ ухомъ господина Голядкина. Онъ оглянулся: то былъ отвратительный подлыми качествами души своей, близнецъ господина Голядкина. Неблагопристойная, зловѣщая радость сіяла въ лицѣ его: съ восторгомъ онъ теръ свои руки, съ восторгомъ повертывалъ кругомъ свою голову, съ восторгомъ сѣменилъ кругомъ всѣхъ и каждаго: казалось, готовъ былъ тутъ-же начать танцовать отъ восторга; наконецъ, онъ прыгнулъ впередъ, выхватилъ свѣчку у одного изъ слугъ и пошелъ впередъ, освѣщая дорогу господину Голядкину и Крестьяну Ивановичу. Господинъ Голядкинъ слышалъ ясно, какъ все, что ни было

въ залъ, рвануло вслѣдъ за нимъ; какъ всѣ тѣснились, давили другъ друга и всѣ вмѣстѣ, въ голосъ, начинали повторять за госпожинымъ Голядкинымъ: «что это ничего; что не бойтесь, Яковъ Петровичъ, что это вѣдь старинный другъ и знакомецъ вашъ, Крестьянъ Ивановичъ Рутенишницъ...» Наконецъ, вышли на парадную, ярко освѣщенную лѣстницу; на лѣстницѣ была тоже куча народа; съ шумомъ растворились двери на крыльцо, и господинъ Голядкинъ очутился на крыльцѣ вмѣстѣ съ Крестьяномъ Ивановичемъ. У подъѣзда стояла карета, запряженная четверней лошадей, которыя фыркали отъ нетерпѣнія. Злорадственный господинъ Голядкинъ-младшій въ три прыжка сбѣжалъ съ лѣстницы и самъ отворилъ карету. Крестьянъ Ивановичъ увѣщательнымъ жестомъ попросилъ садиться господина Голядкина. Впрочемъ, увѣщательнаго жеста было вовсе не нужно; было довольно народу подсаживать... Замирая отъ ужаса, оглянулся господинъ Голядкинъ назадъ: вся ярко-освѣщенная лѣстница была унизана народомъ: любопытные глаза глядѣли на него отовсюду; самъ Олсуфій Ивановичъ предсѣдалъ на самой верхней площадкѣ лѣстницы, въ своихъ покойныхъ креслахъ, и внимательно, съ сильнымъ участіемъ смотрѣлъ на все совершавшееся. Всѣ ждали. Роптъ нетерпѣнія пробѣжалъ по толпѣ, когда господинъ Голядкинъ оглянулся назадъ.

— Я надѣюсь, что здѣсь нѣтъ ничего... ничего предосудительнаго... или могущаго возбудить строгость... и вниманіе всѣхъ, касательно оффиціальныхъ отношеній моихъ? проговорилъ и потерявшись герой нашъ. Говоръ и шумъ поднялся кругомъ, всѣ отрицательно закивали головами своими. Слезы брызнули изъ глазъ господина Голядкина.

— Въ такомъ случаѣ, я готовъ... я вѣрюсь вполнѣ... и вручаю судьбу мою Крестьяну Ивановичу...

Только что проговорилъ господинъ Голядкинъ, что онъ вручаетъ вполнѣ свою судьбу Крестьяну Ивановичу, какъ страшный, оглушительный, радостный крикъ вырвался у всѣхъ окружавшихъ его, и самымъ зловѣщимъ откликомъ прокатился по всей окружавшей толпѣ. Тутъ Крестьянъ Ивановичъ съ одной стороны, а съ другой — Андрей Филипповичъ, взяли подъ руку господина Голядкина и стали сажать въ карету, двойникъ-же, по подленькому обыкновенію своему, подсаживать сзади. Несчастный господинъ Голядкинъ-старшій бросилъ свой послѣдній взглядъ на всѣхъ и на все и, дрожа какъ котенокъ, котораго окатили холодной водой, — если позволятъ сравненіе, — влѣзъ въ карету; за нимъ тотчасъ-же сѣлъ и Крестьянъ Ивановичъ. Карета захлопнулась; послышался ударъ кнута по лошадямъ, лошади рванули скакать съ мѣста... все рвануло вслѣдъ

за господиномъ Голядкинымъ. Пронзительные, неистовые крики всѣхъ враговъ его покатились ему вслѣдъ, въ видѣ напутствія. Нѣкоторое время еще мелькали кое-какія лица кругомъ кареты, уносившей господина Голядкина: но мало по малу стали отставать-отставать и, наконецъ, исчезли совсѣмъ. Долѣе всѣхъ оставался неблагонрастойный близнецъ господина Голядкина. Заложа руки въ боковые карманы своихъ зеленыхъ форменныхъ брюкъ, бѣжалъ онъ съ довольнымъ видомъ, подпрыгивая то съ одной, то съ другой стороны экипажа; иногда-же, схватившись за рамку окна и повиснувъ на ней, просовывалъ въ окно свою голову и, въ знакъ прощанія, посылалъ господину Голядкину поцалуйчики: но и онъ сталъ уставать, все рѣже и рѣже появлялся и, наконецъ, исчезъ совершенно. Глухо заныло сердце въ груди господина Голядкина: кровь горячимъ ключомъ била ему въ голову; ему было душно, ему хотѣлось разстегнуться, обнажить свою грудь, обсыпать ее снѣгомъ и облить холодной водой. Онъ палъ, наконецъ, въ забытье... Когда-же очнулся, то увидѣлъ, что лошади несутъ его по какой-то ему незнакомой дорогѣ. Направо и налѣво чернѣлись лѣса: было глухо и пусто. Вдругъ онъ обмеръ: два огненные глаза смотрѣли на него въ темнотѣ и зловѣщею, адскою радостію блестѣли эти два глаза.—Это не Крестьянъ Ивановичъ! Кто это? Или это онъ? Онъ! Это Крестьянъ Ивановичъ, но только не прежній, это другой Крестьянъ Ивановичъ! Это ужасный Крестьянъ Ивановичъ!..

— Крестьянъ Ивановичъ, я... я, кажется, ничего, Крестьянъ Ивановичъ,—началъ было робко и трепеща нашъ герой, желая хоть сколько нибудь, покорностію и смиреніемъ, умилосердить ужаснаго Крестьяна Ивановича.

— Вы получаите казенный квартиръ, съ дровами, съ лихтъ и съ прислугой, чего вы недостоинъ,—строго и ужасно какъ приговоръ прозвучалъ отвѣтъ Крестьяна Ивановича.

Герой нашъ вскрикнулъ и схватилъ себя за голову. Увы! Онъ это давно уже предчувствовалъ.

ГОСПОДИНЪ ПРОХАРЧИНЪ

РАЗСКАЗЪ.

Въ квартирѣ Устиньи Ѳедоровны, въ уголкѣ самомъ темномъ и скромномъ, помѣщался Семенъ Ивановичъ Прохарчинъ, человѣкъ уже пожилой, благомыслящій и пеньющій. Такъ какъ господинъ Прохарчинъ, при мелкомъ чинѣ своемъ, получалъ жалованья въ совершенную мѣру своихъ служебныхъ способностей, то Устинья Ѳедоровна никакимъ образомъ не могла имѣть съ него болѣе пяти рублей за квартиру по мѣсячно. Говорили иные, что у ней былъ тутъ свой особый разсчетъ; но какъ-бы тамъ ни было, а господинъ Прохарчинъ, словно въ отместку всѣмъ своимъ злоязычникамъ, попалъ даже въ ея фавориты, разумѣя это достоинство въ значеніи благородномъ и честномъ. Нужно замѣтить, что Устинья Ѳедоровна, весьма почтенная и дородная женщина, имѣвшая особенную наклонность къ скромной пищѣ и кофею и черезъ силу перемогавшая посты, держала у себя нѣсколько штукъ такихъ постояльцевъ, которые платили даже и вдвое дороже Семена Ивановича, но, не бывъ смирными и будучи, напротивъ того, всѣ до единаго — злыми насмѣшниками — надъ ея бабьимъ дѣломъ и строгою безгрѣшностью, сильно проигрывали въ добромъ ея мнѣніи, такъ что не плати они только денегъ за свои помѣщенія, такъ она не только жить пустить, но и видѣть-то не захотѣла-бы ихъ у себя на квартирѣ. Въ фавориты-же Семенъ Ивановичъ попалъ съ того самого времени, какъ свезли на Волково увлеченнаго пристрастіемъ къ крѣпкимъ напиткамъ отставнаго, или, можетъ быть, гораздо лучше будетъ сказать, одного исключеннаго человѣка. Увлеченный и исключенный хотя и ходилъ съ подбитымъ, по словамъ его, за храбрость глазомъ и имѣлъ одну ногу, тамъ какъ-то тоже изъ-за храбрости сломанную, — но тѣмъ не менѣе умѣлъ снискать и воспользоваться всѣмъ тѣмъ благорасположеніемъ, къ которому только способна была Устинья Ѳедоровна, и, вѣроятно, долго-бы прожилъ еще въ качествѣ самаго вѣрнаго ея приспѣшника и приживальщика, если-бъ не ошелся, наконецъ, самымъ глупѣйшимъ, плачевнѣйшимъ образомъ. Случилось-же это все еще на Пескахъ, когда Устинья Ѳедоровна держала всего только трехъ постояльцевъ, изъ которыхъ при переѣздѣ на новую квартиру, гдѣ образовалось

заведеніе на болѣе обширную ногу и пригласилось около десятка новыхъ жильцовъ, уцѣлѣлъ всего только одинъ господинъ Прохарчинъ.

Самъ-ли господинъ Прохарчинъ имѣлъ свои неотъемлемые недостатки, товарищи-ль его обладали таковыми-же каждый,—но дѣла съ обѣихъ сторонъ пошли съ самаго начала какъ будто не ладно. Замѣтимъ здѣсь, что всѣ до единаго изъ новыхъ жильцовъ Устиньи Ѳедоровны жили между собою словно братья родные; нѣкоторые изъ нихъ вмѣстѣ служили; всѣ вообще поочередно каждое первое число проигрывали другъ другу свои жалованья въ банчишку, въ преферансъ и на биксъ: любили подъ веселый часъ всѣ вмѣстѣ гурьбой насладиться, какъ говорилось у нихъ мишурными мгновеніями жизни; любили иногда тоже поговорить о высокомъ, и хотя въ послѣднемъ случаѣ дѣло рѣдко обходилось безъ спора, но такъ какъ предразсудки были изъ всей этой компаніи изгнаны, то взаимное согласіе въ такихъ случаяхъ не нарушалось нисколько. Изъ жильцовъ особенно замѣчательны были: Маркъ Ивановичъ, умный и начитанный человѣкъ; потомъ еще Оплеваніевъ-жилецъ; потомъ еще Преполовенко-жилецъ, тоже скромный и хорошій человѣкъ; потомъ еще былъ одинъ Зиновій Прокофьевичъ, имѣвшій непремѣнною цѣлью попасть въ высшее общество; наконецъ, писарь Океановъ, въ свое время едва не отбившій пальму первенства и фаворитства у Семена Ивановича; потомъ еще другой писарь Судьбинъ; Кантаревъ разночинецъ;—были еще и другіе. Но всѣмъ этимъ людямъ Семенъ Ивановичъ былъ какъ будто не товарищъ. Зла ему, конечно, никто не желалъ, тѣмъ болѣе, что всѣ еще въ самомъ началѣ умѣли отдать Прохарчину справедливость и рѣшили словами Марка Ивановича, что онъ, Прохарчинъ, человѣкъ хорошій и смирный, хотя и не свѣтскій, вѣрно, не льстецъ, имѣетъ, конечно, свои недостатки, но если пострадаетъ когда, то не отъ чего иного, какъ отъ недостатка собственнаго своего воображенія. Мало того: хотя лишенный такимъ образомъ собственнаго своего воображенія, господинъ Прохарчинъ фигурою своей и манерами не могъ, напримѣръ, никого поразить съ особенно выгодной для себя точки зрѣнія (къ чему любятъ придраться насмѣшники), но и фигура сошла ему съ рукъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало; при чемъ Маркъ Ивановичъ, будучи умнымъ человѣкомъ, принялъ формально защиту Семена Ивановича и объявилъ довольно удачно и въ прекрасномъ, цвѣтистомъ слогѣ, что Прохарчинъ человѣкъ пожилой и солидный и уже давнымъ давно оставилъ за собой свою пору элегій. Итакъ, если Семенъ Ивановичъ не умѣлъ ужиться съ людьми, то единственно потому, что былъ самъ во всемъ виноватъ.

Первое, на что̀ обратили вниманіе, было, безъ сомнѣнія, скопидомство и скаредность Семена Ивановича. Это тотчасъ замѣтили и приняли въ счетъ, ибо Семенъ Ивановичъ никакъ ни за что и никому не могъ одолѣть своего чайника на подержаніе, хотя-бы то было на самое малое время; и тѣмъ болѣе былъ несправедливъ въ этомъ дѣлѣ, что самъ почти совсѣмъ не пилъ чаю, а пилъ, когда была надобность, какой-то довольно пріятный настой изъ полевыхъ цвѣтовъ и нѣкоторыхъ цѣлебнаго свойства травъ, всегда въ значительномъ количествѣ у него запасенный. Впрочемъ, онъ и ѣлъ тоже совсѣмъ не такимъ образомъ, какъ обыкновенно ѣдятъ всякіе другіе жильцы. Никогда, напримѣръ, онъ не позволялъ себѣ съѣсть всего обѣда, предлагаемаго каждодневно Устиньей Ѳедоровной его товарищамъ. Обѣдъ стоилъ полтину; Семенъ Ивановичъ употреблялъ только 25 коп. мѣдью и никогда не восходилъ выше, и потому бралъ по порціямъ или одни щи съ пирогомъ, или одну говядину: чаще-же всего не ѣлъ ни щей, ни говядины, а съѣдалъ въ мѣру ситнаго съ лукомъ, съ творогомъ, съ огурцомъ разсольнымъ, или съ другими приправами, что̀ было несравненно дешевле, и только тогда, когда уже не въ мочь становилось, обращался опять къ своей половинѣ обѣда...

Здѣсь біографъ сознается, что онъ ни за что-бы не рѣшился говорить о такихъ нестоющихъ, низкихъ и даже щекотливыхъ, скажемъ болѣе, даже обидныхъ для нашего любителя благороднаго слога подробностяхъ, если-бъ во всѣхъ этихъ подробностяхъ не заключалась одна особенность, одна господствующая черта въ характерѣ героя сей повѣсти: ибо господинъ Прохарчинъ далеко не былъ такъ скуденъ, какъ самъ иногда увѣрялъ, чтобъ даже харчей не имѣть постоянныхъ и сытыхъ, но дѣлалъ противное, не боясь стыда и людскихъ пересудовъ, сообразно для удовлетворенія своихъ страшныхъ прихотей, изъ скопидомства и излишней осторожности, что̀, впрочемъ, гораздо яснѣе будетъ видно впослѣдствіи. Но мы остережемся наскучить читателю описаніемъ всѣхъ прихотей Семена Ивановича и не только пропускаемъ, напримѣръ, любопытное и очень смѣшное для читателя описаніе всѣхъ нарядовъ его, но даже, если-бъ только не показаніе самой Устиньи Ѳедоровны, навряд-ли упомянули-бы мы и о томъ, что Семенъ Ивановичъ во всю жизнь свою никакъ не могъ рѣшиться отдать свое бѣлье въ стирку, или рѣшался, но такъ рѣдко, что въ промежуткахъ можно было совершенно забыть о присутствіи бѣлья на Семенѣ Ивановичѣ. Въ показаніи-же хозяйкиномъ значилось, что «Семенъ-отъ Ивановичъ младъ-голубчикъ, согрѣй его душеньку, гнилъ у ней уголь два десятка лѣтъ, стыда не имѣя, ибо не только все время земнаго житія своего, постоянно

и съ упорствомъ чуждался носковъ, платковъ и другихъ подобныхъ предметовъ, но даже сама Устинья Федоровна собственными глазами видѣла, съ помощію ветхости ширмъ, что ему, голубчику, нечѣмъ было подъ-часъ своего бѣлаго тѣльца прикрыть. Такіе толки пошли уже по кончинѣ Семена Ивановича. Но при жизни своей (и здѣсь-то былъ одинъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ раздора) онъ никакимъ образомъ не могъ потерпѣть, не смотря даже на самыя пріятныя отношенія товарищества, чтобъ кто нибудь не спросясь совалъ свой любопытный носъ къ нему въ уголъ, хотя-бы то было даже и съ помощію ветхости ширмъ. Человѣкъ былъ совсѣмъ нестоворчивый, молчаливый и на праздную рѣчь неподатливый. Совѣтниковъ не любилъ никакихъ, выскочекъ тоже не жаловалъ, и всегда, бывало, тутъ-же на мѣстѣ укоритъ насмѣшника или совѣтника-выскочку, пристыдитъ его, и дѣло съ концомъ. «Ты мальчишка, ты свистунъ, а не совѣтникъ, вотъ какъ: знай, сударь, свой карманъ, да лучше сосчитай, мальчишка, много-ли нитокъ на твои онучи пошло, вотъ какъ!» Семенъ Ивановичъ былъ простой человѣкъ и всѣмъ рѣшительно говорилъ *ты*. Тоже никакъ не могъ онъ стерпѣть, когда кто нибудь, зная всегдашній норовъ его, начнетъ, бывало, изъ одного баловства приставать и разспрашивать, что у него лежитъ въ сундучкѣ... У Семена Ивановича былъ одинъ сундучокъ. Этотъ стоялъ у него подъ кроватью и оберегаемъ былъ какъ зѣница ока: и хотя всѣ знали, что въ немъ, кромѣ старыхъ тряпицъ, двухъ или трехъ паръ изъѣдавшихся сапоговъ и вообще всякаго случившагося хламу и дрязгу, ровно не было ничего, но господинъ Прохарчинъ цѣнилъ это движимое свое весьма высоко, и даже слышали разъ, какъ онъ, не довольствуясь своимъ старымъ, но довольно крѣпкимъ замкомъ, поговаривалъ завести другой, какой-то особенный, нѣмецкой работы, съ разными затѣями и съ потайною пружиною. Когда-же одинъ разъ Зиновій Прокофьевичъ, увлеченный своимъ молодоумiемъ обнаружилъ весьма неприличную и грубую мысль, что Семенъ Ивановичъ, вѣроятно, таитъ и откладываетъ въ свой сундукъ, чтобъ оставить потомкамъ, то всѣ кто тутъ ни были около, принуждены были въ столовой стать отъ необыкновенныхъ послѣдствій выходки Зиновья Прокофьевича. Во первыхъ, господинъ Прохарчинъ на такую обнаженную и грубую мысль даже выраженій приличныхъ не могъ сразу найдти. Долгое время изъ устъ его сыпались слова безъ всякаго смысла, и наконецъ только разобрали, что Семенъ Ивановичъ, во первыхъ, корилъ Зиновья Прокофьевича однимъ его давнопрошедшимъ скаредным дѣломъ: потомъ распознали, будто Семенъ Ивановичъ предсказываетъ, что Зиновій Прокофьевичъ ни за что не попадетъ въ

высшее общество, а что вотъ портной, которому онъ долженъ за платье, его прибьетъ, непремѣнно прибьетъ за то, что долго мальчишка не платитъ, и что, «наконецъ, ты мальчишка», прибавилъ Семенъ Ивановичъ: «вишь, тамъ хочешь въ гусарскіе юнкера перейдти, такъ вотъ не перейдешь, гробъ съѣшь, а что вотъ тебя, мальчишку, какъ начальство узнаетъ про все, возьмутъ, да въ писаря отдадутъ; вотъ-молъ какъ, слышь ты, мальчишка!» Потомъ Семенъ Ивановичъ успокоился, но, полежавъ часовъ пять, къ величайшему и всеобщему изумленію, какъ будто надумался и вдругъ опять, сначала одинъ, а потомъ, обращаясь къ Зиновію Прокофьевичу, началъ его вновь укорять и стыдить. Но тѣмъ дѣло опять не кончилось и по вечеру, когда Маркъ Ивановичъ и Преполовенко-жилецъ затѣяли чай, пригласивъ къ себѣ въ товарищи писаря Окинова, Семенъ Ивановичъ слѣзъ съ постели своей, нарочно подсѣлъ къ нимъ, давъ свои двадцать или пятнадцать копѣекъ, и подъ видомъ того, что захотѣлъ вдругъ пить чаю, началъ весьма пространно входить въ матерію и изъяснять, что бѣдный человѣкъ всего только бѣдный человѣкъ, а болѣе ничего, а что, бѣдному человѣку, ему конить не изъ чего. Тутъ господинъ Прохарчинъ такъ признался, единственно потому, что вотъ теперь оно къ слову пришлось, что онъ бѣдный человѣкъ: еще третьяго дня, у него, дерзкаго человѣка, занять хотѣлъ денегъ рубль, а что теперь не займетъ, чтобъ не хвалился мальчишка, что вотъ молъ какъ, а жалованье у меня-де такое, что и корму не купишь; и что, наконецъ, онъ, бѣдный человѣкъ, вотъ такой, какъ вы его видите, самъ каждый мѣсяцъ своей золовкѣ по пяти рублей въ Тверь отсылаетъ, и что не отсылай онъ въ Тверь золовкѣ по пяти рублей въ мѣсяцъ, такъ умерла-бы золовка, а если-бъ умерла-бы золовка-нахлѣбница, то Семенъ Ивановичъ давно-бы себѣ новую одежду сострочилъ... И такъ долго и пространно говорилъ Семенъ Ивановичъ о бѣдномъ человѣкѣ, о рублях и золовкѣ, и повторялъ одно и тоже для сильнѣйшаго внушенія слушателямъ, что, наконецъ, сбился совсѣмъ, замолчалъ, и только три дня спустя, когда уже никто и не думалъ его задирать, и всѣ объ немъ позабыли, прибавилъ въ заключеніе что-то въ родѣ того, что когда Зиновій Прокофьевичъ вступитъ въ гусары, такъ отрубятъ ему, дерзкому человѣку, ногу въ войнѣ, и надѣнутъ ему, вмѣсто ноги, деревяшку, и придетъ Зиновій Прокофьевичъ и скажетъ: «дай, добрый человѣкъ, Семенъ Ивановичъ, хлѣба!» Такъ не дастъ Семенъ Ивановичъ хлѣба и не посмотритъ на буйнаго человѣка, Зиновія Прокофьевича, и что вотъ, дескать, какъ молъ; поди-ка ты съ нимъ.

Все это, какъ и слѣдовало тому быть, показалось весьма ло-

бопытнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ страхъ какъ забавнымъ. Долго не думая, всѣ хозяйкины жильцы соединились для дальнѣйшихъ изслѣдованій и, собственно изъ одного любопытства, рѣшились наступить на Семена Ивановича гурьбою, и окончательно. И такъ какъ господинъ Прохарчинъ въ свое послѣднее время, то есть съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ сталъ жить въ компаніи, тоже чрезвычайно какъ полюбилъ обо всемъ узнавать, разспрашивать и любопытствовать, что, вѣроятно, дѣлалъ для какихъ-то собственныхъ тайныхъ причинъ, то сношенія обѣихъ враждебныхъ сторонъ начинались безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій и безъ тщетныхъ усилій, но какъ будто случаемъ и сами собою. Для начатія сношеній, у Семена Ивановича былъ всегда въ запасѣ свой особый, довольно хитрый и весьма, впрочемъ, замысловатый маневръ, частію уже извѣстный читателю: слѣзетъ, бывало, съ постели своей около того времени какъ надо пить чай, и если увидитъ, что собрались другіе гдѣ нибудь въ кучку для составленія напитка, подойдетъ къ нимъ какъ скромный, умный и ласковый человѣкъ, дастъ свои законныя двадцать копѣекъ и объявитъ, что желаетъ участвовать. Тутъ молодежь переминивалась, и такимъ образомъ согласясь межъ собой на Семена Ивановича, начинала разговоръ сначала приличный и чинный. Потомъ какой нибудь по востре пускался, какъ будто ни въ чемъ не бывалъ, разсказывать про разныя новости, и чаще всего о матеріяхъ лживыхъ и совершенно неправдоподобныхъ. То, напримѣръ, что будто-бы слышалъ кто-то сегодня, какъ его превосходительство сказали самому Демиду Васильевичу, что, по ихъ мнѣнію, женатые чиновники «выйдутъ» посолиднѣе неженатыхъ и къ повышенію чиномъ удобнѣе: ибо смирные и въ бракѣ значительно болѣе пріобрѣтаютъ способностей, и что потому онъ, то есть разсказчикъ, чтобъ удобнѣе отличиться и пріобрѣсти, стремится какъ можно скорѣе сочетаться бракомъ съ какой нибудь Евроньей Прокофьевной. То, напримѣръ, что будто-бы неоднократно замѣчено про разныхъ иныхъ изъ ихъ братьи, что пищны они всякой свѣтскости и хорошихъ пріятныхъ манеръ, а слѣдовательно и не могутъ нравиться въ обществѣ дамамъ, и что потому, для искорененія сего злоупотребленія, послѣдуетъ немедленно вычесть у получающихъ жалованье, и на складочную сумму устроится такой залъ, гдѣ будутъ учить танцовать, пріобрѣтать всѣ признаки благородства и хорошее обращеніе, вѣжливость, почтеніе къ старшимъ, сильный характеръ, доброе, признательное сердце и разныя пріятныя манеры. То, наконецъ, говорили, что будто-бы выходитъ такое, что нѣкоторые чиновники, начиная съ самыхъ древнѣйшихъ, должны для того, чтобъ немедленно

сдѣлаться образованными, какой-то экзаменъ по всѣмъ предметамъ держать и что такимъ образомъ, прибавлялъ разсказчикъ, многое выйдетъ на чистую воду, и нѣкоторымъ господамъ придется положить свои карты на столъ, — однимъ словомъ, разсказывались тысяча такихъ или тому подобныхъ пренелѣпѣйшихъ толковъ. Для вида всѣ тотчасъ вѣрили, принимали участіе, разспрашивали, на себя смекали, а нѣкоторые, приявъ грустный видъ, начинали покачивать головами и совѣтовъ повсюду искать, какъ будто въ томъ смыслѣ, что, дескать, что-же имъ будетъ дѣлать, если ихъ постигнетъ? Само собой разумѣется, что и тотъ человѣкъ, который былъ-бы гораздо менѣе добродушенъ и смиренъ, чѣмъ господинъ Прохарчинъ, смѣялся и запутался-бы отъ такого всеобщаго толка. Кромѣ того, по всѣмъ признакамъ можно совершенно безошибочно заключить, что Семенъ Ивановичъ былъ чрезвычайно тупъ и туго на всякую новую, для его разума непривычную мысль, и что, получивъ, напримѣръ, какую нибудь новость, всегда принужденъ былъ сначала ее какъ будто переваривать и пережевывать, толку искать, сбиваться и путаться, и, наконецъ, разъ одолѣвать ее, но и тутъ какимъ-то совершенно особеннымъ, ему только одному свойственнымъ образомъ... Открылись такимъ образомъ въ Семенѣ Ивановичѣ вдругъ разныя любопытныя и доселѣ неподозрѣваемыя свойства... Пошли пересуды и говоръ, и все это какъ было и съ прибавленіями дошло, наконецъ, своимъ путемъ въ канцелярію. Способствовало эффекту и то, что господинъ Прохарчинъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, бывъ съ незапамятныхъ временъ почти все въ одномъ и томъ-же лицѣ, перемѣнилъ физіономію: лицо сталъ имѣть безпокойное, взгляды пугливые, робкіе и немного подозрительные: сталъ чутко ходить, вздрагивать и прислушиваться, и, къ довершенію всѣхъ новыхъ качествъ своихъ, страхъ какъ полюбилъ отыскивать истину. Любовь къ истинѣ довела онъ, наконецъ, до того, что рискнулъ раза два справиться о вѣроятности ежедневно десятками получаемыхъ имъ новостей, даже у самого Демида Васильевича, и если мы здѣсь умалчиваемъ о послѣдствіяхъ этой выходки Семена Ивановича, то не отъ чего иного, какъ отъ сердечнаго состраданія къ его репутаціи. Такимъ образомъ, нашли, что онъ мизантропъ и пренебрегаетъ приличіями общества. Нашли потомъ, что много въ немъ фантастическаго, и тутъ тоже совсѣмъ не ошиблись; ибо неоднократно замѣчено было, что Семенъ Ивановичъ иногда совсѣмъ забывается и, сидя на мѣстѣ съ разинутымъ ртомъ и съ поднятымъ въ воздухъ перомъ, какъ будто застывшій или окаменѣвшій, походитъ болѣе на тѣнь разумнаго существа, чѣмъ на тоже разумное существо. Случалось нерѣдко, что какой

нибудь невинно-зазѣвавшійся господинъ, вдругъ встрѣчая его бѣглый, мутный и чего-то ищущій взглядъ, приходилъ въ трепетъ, робѣлъ и немедленно ставилъ на нужной бумагѣ или жида, или какое нибудь совершенно ненужное слово. Неблагопристойность поведенія Семена Ивановича смущала и оскорбляла истинно-благородныхъ людей... Наконецъ, никто уже болѣе не сталъ сомнѣваться въ фантастическомъ направленіи головы Семена Ивановича, когда, въ одно прекрасное утро, пронесся по всей канцеляріи слухъ, что господинъ Прохарчинъ испугалъ даже самого Демида Васильевича, ибо, встрѣтивъ его въ корридорѣ, былъ такъ чуденъ и страненъ, что принудилъ его отступить... Проступокъ Семена Ивановича дошелъ, наконецъ, и до него самого. Услышавъ о немъ, онъ немедленно всталъ, бережно прошелъ между столами и стульями, достигъ передней, собственноручно снялъ шинель, надѣлъ, вышелъ —и исчезъ на неопредѣленное время. Оробѣлъ-ли онъ, влекло-ль его что̀ другое —не знаемъ, но ни дома, ни въ канцеляріи на время его не нашлось...

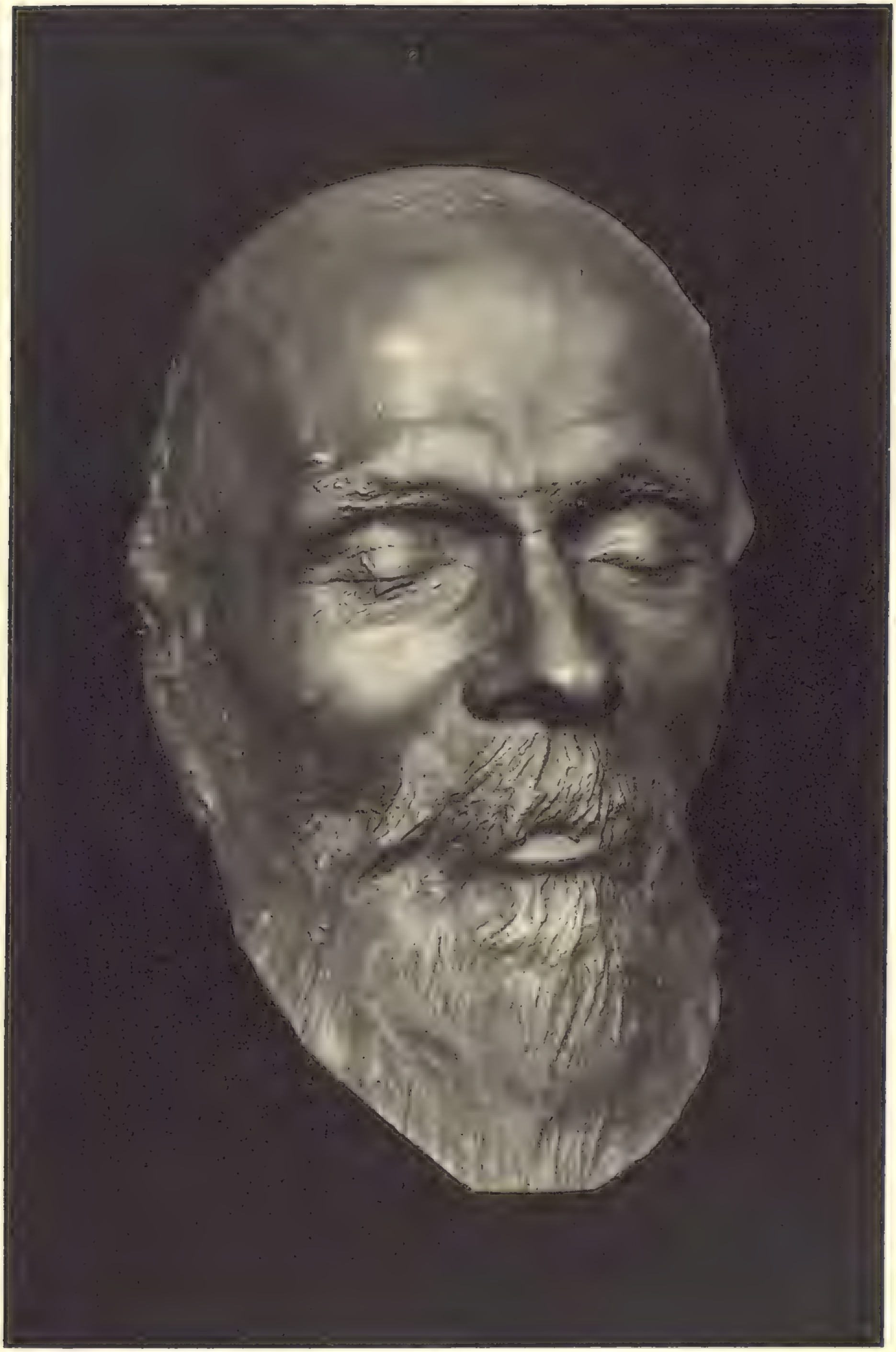
Мы не будемъ объяснять судьбы Семена Ивановича прямо-фантастическимъ его направленіемъ; но однако-жь не можемъ не замѣтить читателю, что герой нашъ—человѣкъ не свѣтскій, совсѣмъ смирный, и жилъ до того самаго времени, какъ попалъ въ компанію, въ глухомъ, непроницаемомъ уединеніи, отличался тихостію и даже какъ будто таинственностью; ибо все время послѣдняго житья своего на Пескахъ лежалъ на кровати за ширмами, молчалъ и сношеній не держалъ никакихъ. Оба старые его сожителя жили совершенно такъ-же, какъ онъ: оба были тоже какъ будто таинственны и тоже пятнадцать лѣтъ пролежали за ширмами. Въ патріархальномъ затишьи тянулись одинъ за другимъ, счастливые, дремотные дни и часы, и такъ какъ все вокругъ тоже шло своимъ добрымъ чередомъ и порядкомъ, то ни Семенъ Ивановичъ, ни Устинья Ѳедоровна ужь и не помнили даже хорошенько, когда ихъ и судьба-то свела. «А не то десять лѣтъ, не то ужь пятнадцать, не то ужь и всѣ тѣ-же двадцать пять» говорила она подъ часъ своимъ новымъ жильцамъ, «какъ онъ, голубчикъ, у меня основался, согрѣй его душеньку». И потому весьма естественно, что пренепріятно былъ изумленъ непривычный къ компаніи герой нашей повѣсти, когда, ровно годъ тому назадъ, очутился онъ, солидный и скромный, вдругъ посреди шумливой и безпокойной ватаги цѣлаго десятка молодыхъ ребятъ, своихъ новыхъ сожителей и товарищей.

Исчезновеніе Семена Ивановича надѣлало не малой суматохи въ углахъ. Одно то, что онъ былъ фаворитъ: во вторыхъ-же, паспортъ его, бывшій подъ сохраненіемъ хозяйки, оказался на ту пору не-

нарокомъ затерянным. Устинья Ѳедоровна взвыла—къ чему прибѣгала во всѣхъ критическихъ случаяхъ; ровно два дня ворчала, поносила жильцовъ; причитала, что загонями у ней жильца какъ цыпленка, и что сгубили его «всѣ тѣ-же злые надсмѣшники», а на третій выгнала всѣхъ искать и добыть бѣглеца во что-бы ни стало, живаго или мертваго. По вечеру пришелъ первый писарь Судьбинъ и объявилъ, что слѣдъ отыскался, что видѣли онъ бѣглеца на Толкучемъ и по другимъ мѣстамъ, ходилъ за нимъ, близко стоялъ, но говорить не посмѣлъ, а былъ неподалеку отъ него и на пожаръ, когда загорѣлся домъ въ Кривомъ переулкѣ. Полчаса спустя, явились Океановъ и Кантаревъ-разночинецъ, подтвердили Судьбина слово въ слово: тоже недалеко стояли, близко, всего только въ десяти шагахъ отъ него ходили, но говорить опять не посмѣли, а замѣтили оба, что ходилъ Семенъ Ивановичъ съ попрошайкой-пьяничужкой. Собравшись, наконецъ, и остальные жильцы и, внимательно выслушавъ, рѣшили, что Прохарчинъ долженъ быть теперь недалеко и не замедлитъ притти: но что они и прежде всѣ знали, что ходитъ онъ съ попрошайкой-пьяничужкой. Попрошайка-пьяничужка былъ человѣкъ совсѣмъ сквернный, буйный и льстивый, и по всему было видно, что онъ какъ нибудь тамъ обольстилъ Семена Ивановича. Явился онъ ровно за недѣлю до исчезновенія Семена Ивановича, вмѣстѣ съ Ременымъ-товарищемъ, прожилъ малое время въ углахъ, разсказалъ, что страдаетъ за правду, что прежде служилъ по уѣздамъ, что наѣхалъ на нихъ ревизоръ, что попатнули какъ-то за правду его и компанію, что явился онъ въ Петербургъ и палъ въ ножки къ Порфирію Григорьевичу, что помѣстили его, по ходатайству, въ одну канцелярію, но что, по жесточайшему гоненію судьбы, упразднили его и отсюда, затѣмъ что уничтожилась сама канцелярія, получивъ измѣненіе; а въ преобразовавшійся новый штатъ чиновниковъ его не приняли, столько по прямой неспособности къ служебному дѣлу, столько и по причинѣ способности къ одному другому совершенно посторонему дѣлу,—вмѣстѣ-же со всѣмъ этимъ за любовь къ правдѣ, и, наконецъ, по казнямъ враговъ. Кончивъ исторію, въ продолженіе которой господинъ Зимовейкинъ неоднократно любывалъ своего суроваго и небритаго друга Ременева, онъ поочередно поклонился всѣмъ бывшимъ въ комнатѣ въ ножки, не забывъ и Авдотью-работницу, назвалъ ихъ всѣхъ благодѣтелями и объяснилъ, что онъ человѣкъ недостойный, назойливый, подлый, буйный и глупый, а чтобъ не взыскали добрые люди на его горемычной долгъ и простоту. Непросивъ покровительства, господинъ Зимовейкинъ оказался весельчакомъ, сталъ очень радъ, цаловалъ у Устиньи Ѳедоровны ручки,

не смотря на скромныя увѣренія ея, что рука у ней подлая, не дворянская, а къ вечеру обѣщалъ всему обществу показать свой талантъ въ одномъ замѣчательномъ характерномъ танцѣ. Но на завтра-же дѣло его окончилось плачевной развязкой. Иль оттого, что характерный танецъ оказался ужь слишкомъ характернымъ, иль оттого, что онъ Устинью Ѳедоровну, по словамъ ея, какъ-то опозорилъ и опростоволосилъ, а ей къ тому-же Ярославъ Ильичъ знакомъ, и если-бъ захотѣла она, то давно-бы сама была обер-офицерской женой, — только Зимовейкину пришлось уплывать восвояси. Онъ ушелъ, опять воротился, былъ опять съ безчестіемъ изгнанъ, втерся потомъ во вниманіе и милость Семена Ивановича, лишилъ его мимоходомъ новыхъ ретузъ, и, наконецъ, явился теперь опять въ качествѣ обольстителя Семена Ивановича.

Лишь только хозяйка узнала, что Семенъ Ивановичъ былъ живъ и здоровъ и что паспорта искать теперь нечего, то немедленно оставила горевать и пошла успокоиться. Тѣмъ временемъ кое-кто изъ жильцовъ рѣшились сдѣлать торжественный пріемъ бѣглецу: испортили задвижку и отодвинули ширмы отъ кровати пропавшаго, немножко поизмяли постель, взяли извѣстный сундукъ, помѣстили его на кровати въ ногахъ, а на кровать положили золовку, т. е. куклу, форму, сдѣланную изъ стараго хозяйкина платка, чепца и салопа, но только совершенно на подобіе золовки, такъ что можно было совсѣмъ обмануться. Кончивъ работу, стали ждать, съ тѣмъ, чтобъ, по прибытіи Семена Ивановича, объявить ему, что пришла изъ уѣзда золовка и помѣстилась у него за ширмами, бѣдная. Но ждали-ждали, ждали-ждали.. Уже, въ ожиданіи, Маркъ Ивановичъ прометалъ и проставилъ полмѣсячное жалованье Преполовенкѣ и Кантареву-жильцамъ; уже весь носъ покраснѣлъ и вспухъ у Океанова за игрой въ носки и въ три листика; уже Авдотья-работница почти совсѣмъ высналась и два раза собиралась вставать, дрова таскать, печку топить, и весь до нитки промокъ Зиновій Прокофьевичъ, поминутно выбѣгая во дворъ навѣдываться о Семенѣ Ивановичѣ; но не явилось еще никого — ни Семена Ивановича, ни попрошайки-пьянчужки. Наконецъ, всѣ спать полегли, оставивъ на всякій случай золовку за ширмами; и только въ четыре часа раздался стукъ у воротъ, но зато такой сильный, что совершенно вознаградилъ ожидавшихъ за всѣ тяжкіе труды, ими понесенные. Это былъ онъ, онъ самый, Семенъ Ивановичъ, господинъ Прохарчинъ, но только въ такомъ положеніи, что всѣ ахнули, и никому въ мысль не пришло о золовкѣ. Пропавшій явился безъ памяти. Его ввели, или, лучше сказать, внесъ его на плечахъ весь измокшій и издрогшій, оборванный ночной ванька-извощикъ. На вопросъ хозяйки, гдѣ-же онъ такъ,



Маска, снятая съ Ѳ. М. Достоевскаго на другой день его кончины, скульпторомъ М. Бернштамомъ.

горемычный, наклокался. Ванька отвѣчалъ: «да не пьянъ, и маковой не было: это ужь тебя завѣряю, а вѣрно такъ омракъ нанесъ, или столбнякомъ, какъ тамъ ни есть, прихватило, или, може, кондрашка*) пришибъ». Стали разсматривать, для удобства приклонивъ виноватаго къ печкѣ, и увидѣли, что дѣйствительно хмѣлю тутъ не было, да и кондрашка не трогалъ, а былъ другой какой ни есть грѣхъ, за тѣмъ, что Семенъ Ивановичъ и языкомъ не ворочалъ, а какъ будто судорогой его какой дергало, и только хлопалъ глазами, въ недоумѣніи установляясь то на того, то на другаго ночнымъ образомъ костюмированнаго зрителя. Стали потомъ спрашивать ваньку, отколева взялъ? «Да отъ какихъ-то», отвѣчалъ онъ,— «изъ Коломны, шутъ ихъ знаетъ, господа не господа, а гулявшіе, веселые господа: такъ-таки вотъ такого и сдали: подрались они, что-ли, или судорогой какой его передернуло, Богъ знаетъ какого тутъ было: а господа веселые, хорошіе!» Взяли Семена Ивановича, приподняли на пару-другую дюжихъ плечъ и снесли на кровать. Когда-же Семенъ Ивановичъ, помѣщаясь на постель, ощупалъ собою золовку и уперъ ноги въ свой завѣтный сундукъ, то вскрикнулъ благимъ матомъ, усѣлся почти на карачки и, весь дрожа и трепеща, загребъ и замѣстилъ сколько могъ руками и тѣломъ пространства на своей кровати, тогда какъ трепещущимъ, но странорѣшительнымъ взоромъ окидывая присутствующихъ, казалось, изъяснялъ, что скорѣе умретъ, чѣмъ уступитъ кому нибудь хоть сотую канельку изъ бѣдной своей благостыни...

Семенъ Ивановичъ пролежалъ дня два или три, плотно-обставленный ширмами и отдѣленный такимъ образомъ отъ всего Божьяго свѣта и всѣхъ напрасныхъ его треволненій. Какъ слѣдуетъ, на завтра-же всѣ о немъ позабыли: время летѣло межъ тѣмъ своимъ чередомъ, часы смѣнялись часами, день другимъ. Полусонь, полубредь налегли на отяжелѣвшую, горячую голову больнаго: но онъ лежалъ смирно, не стоналъ и не жаловался: напротивъ, притихъ, молчалъ и крѣпился, приклоснувъ себя къ постели своей, словно какъ заяцъ припадаетъ отъ страха къ землѣ, заслышавъ охоту. Порой наставала въ квартирѣ долгая, тоскливая тишина,—знакъ, что всѣ жильцы удалялись по должности, и проснувшійся Семенъ Ивановичъ могъ сколько угодно разводить тоску свою, прислушиваясь къ близкому шороху въ кухнѣ, гдѣ хлопотала хозяйка, или къ мѣрному отпечатыванію стоптанныхъ башмаковъ Авдотьи-работницы по всѣмъ комнатамъ, когда она, охая и кряхтя, прибирала, притирала и приглаживала во всѣхъ углахъ для порядка. Цѣлые

*) Ударъ.

часы проходили такимъ образомъ, дремотные, лѣнивые, сонливые, скучные, словно вода, стекавшая звучно и мѣрно въ кухнѣ съ залавка въ лохань. Наконецъ, приходили жильцы, по очередно или кучками, и Семенъ Ивановичъ очень удобно могъ слышать, какъ они бранили погоду, хотѣли ѣсть, какъ шумѣли, курили, бранились, дружились, играли въ карты и стучали чашками, собираясь пить чай. Семенъ Ивановичъ машинально дѣлалъ усиліе привстать и присоединиться законнымъ образомъ для составленія партика, но тутъ-же впадалъ въ усыпленіе и грезилъ, что уже давно сидитъ за чайнымъ столомъ, участвуетъ и бесѣдуетъ, и что Зиновій Прокофьевичъ успѣлъ уже, пользуясь случаемъ, вклеить въ разговоръ какой-то проэктъ о золовкахъ и о нравственномъ отношеніи къ нимъ различныхъ хорошихъ людей. Тутъ Семенъ Ивановичъ поспѣшилъ было оправдаться и возразить, но разомъ слетѣвшая со всѣхъ языковъ могуче-форменная фраза, «неоднократно замѣчено» окончательно оглушила всѣ его возраженія, и Семенъ Ивановичъ ничего не могъ придумать лучшаго, какъ начать снова грезить о томъ, что сегодня первое число и что онъ получаетъ цѣлковики въ своей канцеляріи. Развернувъ бумажку на лѣстницѣ, онъ быстро оглянулся кругомъ и поспѣшилъ какъ можно скорѣе отдѣлить цѣлую половину изъ законнаго возмездія, имъ полученнаго, и припрятать эту половину въ сапогъ, потомъ, тутъ-же на лѣстницѣ и вовсе не обращая вниманія на то, что дѣйствуетъ на своей постели, во снѣ, рѣшилъ, пришедъ домой, немедленно воздать, что слѣдуетъ за харчи и постой хозяйкѣ своей, потомъ накупить кой-чего необходимаго и показать кому слѣдуетъ, какъ будто безъ намѣренія и нечаянно, что повергся вычету, что остается ему и всего ничего и что вотъ и золовкѣ-то послать теперь нечего, причемъ погоревать тутъ-же о золовкѣ, много говорить о ней завтра и послѣ завтра, и дней черезъ десять еще повторить мимоходомъ объ ея нищетѣ, чтобъ не забыли товарищи. Рѣшивъ такимъ образомъ, онъ увидѣлъ, что и Андрей Ефимовичъ, тотъ самый маленькій вѣчно-молчаливый лысый человѣчекъ, который помѣщался въ канцеляріи за цѣлыя три комнаты отъ мѣста сидѣнья Семена Ивановича и въ двадцать лѣтъ не сказалъ съ нимъ ни слова, стоитъ тутъ-же на лѣстницѣ, тоже считаетъ свои рубли серебромъ и, тряхнувъ головою, говоритъ ему: «денежки-съ!» — «Ихъ не будетъ и каши не будетъ-съ», суровo прибавляетъ онъ, сходя съ лѣстницы, и уже на крыльцѣ заключаетъ: «а у меня, сударь, семеро-съ». Тутъ лысый человѣчекъ, тоже, вѣроятно, нисколько не замѣчая, что дѣйствуетъ какъ призракъ, а вовсе не на яву и въ дѣйствительности, показалъ ровно аршинъ съ вершкомъ отъ полу и, махнувъ рукой въ исходящей линіи, пробор-

моталъ, что старшій ходитъ въ гимназію; затѣмъ, съ негодованіемъ взглянувъ на Семена Ивановича, какъ будто-бы именно господинъ Прохарчинъ виноватъ былъ въ томъ, что у него цѣлыхъ семеро, нахлабучилъ на глаза свою шляпенку, тряхнулъ пшпелью, поворотилъ на лѣво и скрылся. Семенъ Ивановичъ весьма испугался, и хотя былъ совершенно увѣренъ въ невинности своей на счетъ непріятнаго теченія числа семерыхъ подъ одну кровлю, но на дѣлѣ какъ будто-бы именно такъ выходило, что виноватъ никто другой, какъ Семенъ Ивановичъ. Испугавшись, онъ принялся бѣжать, ибо показалось ему, что лысый господинъ воротился, догонятъ его и хочетъ, обшаривъ, отнять все возмездіе, опираясь на свое неотъемлемое число семерыхъ и рѣшительно отрицая всякое возможное отношеніе какихъ-бы то ни было заловокъ къ Семену Ивановичу. Прохарчинъ бѣжалъ, бѣжалъ, задыхался... рядомъ съ нимъ бѣжало тоже чрезвычайно много людей, и всѣ они побрякивали своими возмездіями въ заднихъ карманахъ своихъ кургузыхъ фрачишекъ; наконецъ, весь народъ побѣжалъ, загремѣли пожарныя трубы, и цѣлыя волны народа вынесли его почти на плечахъ на тотъ самый пожаръ, на которомъ онъ присутствовалъ въ послѣдній разъ, вмѣстѣ съ попрошайкой-пьяничужкой. Пьяничужка, — иначе господинъ Зимовейкинъ, — находился уже тамъ, встрѣтилъ Семена Ивановича, страшно захлопоталъ, взялъ его за руку и повелъ въ самую густую толпу. Такъ-же, какъ и тогда на яву, кругомъ нихъ гремѣла и гудѣла необозримая толпа народа, запрудивъ между двумя мостами всю набережную Фонтанки, всѣ окрестныя улицы и переулки: такъ-же, какъ и тогда, вынесло Семена Ивановича, вмѣстѣ съ пьяничужкой, за какой-то заборъ, гдѣ притиснули ихъ какъ въ клещахъ на огромномъ дровяномъ дворѣ, полномъ зрителями, собравшимися съ улицъ, съ Толкучаго рынка и изъ всѣхъ окрестныхъ домовъ, трактировъ и кабаковъ. Семенъ Ивановичъ видѣлъ все такъ-же и по тогдашнему чувствовалъ: въ вихрѣ горячки и бреда начали мелькать передъ нимъ разныя страшныя лица. Онъ припомнилъ изъ нихъ кой-кого. Одинъ былъ тотъ самый, чрезвычайно внушавшій всѣмъ господинъ, въ сажень ростомъ и съ аршинными усищами, помѣщавшійся во время пожара за спиной Семена Ивановича и задававшій сзади ему поощренія, когда нашъ герой, съ своей стороны, почувствовавъ нѣчто въ родѣ восторга, затопалъ ножками, какъ будто желая такимъ образомъ апплодировать молодецкой пожарной работѣ, которую совершенно видѣлъ съ своего возвышенія. Другой — тотъ самый дюжій парень, отъ котораго герой нашъ пріобрѣлъ тумака въ видѣ подсадки на другой заборъ, когда было совсѣмъ расположился лѣзть черезъ него, можетъ быть, кого-то спасать. Мелькнула не-

редъ нимъ и фигура того старика съ геморроидальнымъ лицомъ, въ ветхомъ чѣмъ-то подпоясанномъ, ватномъ халатишкѣ, отлучившагося было еще до пожара въ лавочку за сухарями и табакомъ своему жильцу и пробивавшагося теперь, съ молочникомъ и съ четверкой въ рукахъ сквозь толпу, до дома, гдѣ горѣли у него жена, дочка и тридцать съ полтиною денегъ въ углу подъ периной. Но всего внятнѣе явилась ему та бѣдная, грѣшная баба, о которой онъ уже не разъ грезилъ во время болѣзни своей,—представилась такъ, какъ была тогда—въ лаптишкахъ, съ костылемъ, съ плетеной котомкой за спиною и въ рубищѣ. Она кричала громче пожарныхъ и народа, размахивая костылемъ и руками, о томъ, что выгнали ее откуда-то дѣти родныя и что пропали при семъ случаѣ тоже два пятака. Дѣти и пятаки, пятаки и дѣти вертѣлись на ея языкѣ въ непонятной, глубокой безсмыслицѣ, отъ которой всѣ отступились, послѣ тщетныхъ усилій понять; но баба не унималась, все кричала, выла, размахивала руками, не обращая, казалось, никакого вниманія ни на пожаръ, на который занесло ее народомъ съ улицы, ни на весь людъ-людской, около нея бывшій, ни на чужое несчастіе, ни даже на головешки и искры, которыя уже начали было кудрить весь около стоявшій народъ. Наконецъ, господинъ Прохарчинъ почувствовалъ, что на него начинаетъ нападать ужасъ: ибо видѣлъ ясно, что все это какъ будто не спроста теперь дѣлается и что даромъ ему не пройдетъ. И дѣйствительно, тутъ-же недалеко отъ него взмостился на дрова какой-то мужикъ, въ разорванномъ, ничѣмъ неподпоясанномъ армякѣ, съ опаленными волосами и бородой и началъ подымать весь Божій народъ на Семена Ивановича. Толпа густѣла-густѣла, мужикъ кричалъ и, цѣпенѣя отъ ужаса, господинъ Прохарчинъ вдругъ припомнилъ, что мужикъ — тотъ самый извощикъ, котораго онъ ровно пять лѣтъ назадъ надулъ безчеловѣчнѣйшимъ образомъ, скользнувъ отъ него до распляты въ сквозныя ворота и подпирая подъ себя на бѣгу свои пятки такъ, какъ будто-бы бѣжалъ босикомъ по раскаленной плитѣ. Отчаянный господинъ Прохарчинъ хотѣлъ говорить, кричать, но голосъ его замиралъ. Онъ чувствовалъ, какъ вся разъяренная толпа обвиваетъ его подобно пестрому змѣю, давитъ, душитъ. Онъ сдѣлалъ невѣроятное усиліе и—проснулся. Тутъ онъ увидѣлъ, что горитъ, что горитъ весь его уголъ, горятъ его ширмы, вся квартира горитъ, вмѣстѣ съ Устиньей Оедоровной и со всѣми ея постояльцами, что горитъ его кровать, подушка, одѣяло, сундукъ и, наконецъ, его драгоцѣнный тюфякъ. Семенъ Ивановичъ вскочилъ, вцѣпился въ тюфякъ и побѣжалъ, волоча его за собою. Но въ хозяйкиной комнатѣ, куда было забѣжалъ нашъ герой такъ, какъ

былъ, безъ приличія, босой и въ рубашкѣ, его перехватили, скрутили и побѣдно снесли обратно за ширмы, которыя, между прочимъ, совсѣмъ не горѣли, а горѣла скорѣе голова Семена Ивановича,—и уложили въ постель. Подобно тому укладываетъ въ свой походный ящикъ оборванный, небритый и суровый артистъ-шарманщикъ своего нульчинеля, набуянившаго, переколотившаго всѣхъ, продавшаго душу чорту и, наконецъ, оканчивающаго существованіе свое до новаго представленія въ одномъ сундукѣ вмѣстѣ съ тѣмъ-же чортомъ, съ аранами, съ Петрушкой, съ мамзель Катериной и счастливымъ любовникомъ ея, капитаномъ-исправникомъ.

Немедленно всѣ обступили Семена Ивановича, старый и малый, помѣстившись рядкомъ вокругъ его кровати и устремивъ на больнаго полныя ожиданія лица. Между тѣмъ онъ очнулся, но отъ совѣсти-ль, или инаго чего, началъ вдругъ изо всѣхъ силъ натягивать на себя одѣяло, желая, вѣроятно, укрыться подъ нимъ отъ вниманія сочувствователей. Наконецъ, Маркъ Ивановичъ первый прервалъ молчаніе и, какъ умный человѣкъ, началъ весьма ласково говорить, что Семену Ивановичу нужно совсѣмъ успокоиться, что болѣть скверно и стыдно: что такъ дѣлаютъ только дѣти маленькія, что нужно выздоравливать, а потомъ и служить. Окончилъ Маркъ Ивановичъ шуточкой, сказавъ, что больнымъ не означенъ еще вполнѣ окладъ жалованья, и такъ какъ онъ твердо знаетъ, что и чины идутъ весьма небольшіе, то, по его разумѣнію, по крайней мѣрѣ, такое званіе или состояніе не приноситъ большихъ, существенныхъ выгодъ. Однимъ словомъ, видно было, что всѣ принимали дѣйствительное участіе въ судьбѣ Семена Ивановича и весьма сердобольничали. Но онъ съ непонятною грубостью продолжалъ лежать на кровати, молчать и упорно все болѣе и болѣе натягивать на себя одѣяло. Маркъ Ивановичъ, однако, не призналъ себя побѣжденнымъ и, скрѣпивъ сердце, сказалъ опять что-то очень сладенькое Семену Ивановичу, зная, что такъ и должно поступать съ больнымъ человѣкомъ; но Семенъ Ивановичъ не хотѣлъ и почувствовать; напротивъ, промычавъ что-то сквозь зубы съ самымъ недовѣрчивымъ видомъ и вдругъ началъ совершенно непріязненнымъ образомъ косить изъ подлобья направо и налѣво глазами, казалось, желая взглядомъ своимъ обратить въ прахъ всѣхъ сочувствователей. Тутъ уже нечего было останавливаться: Маркъ Ивановичъ не вытерпѣлъ и, видя, что человѣкъ просто далъ себѣ слово упорствовать, оскорбясь и разсердившись совсѣмъ, объявилъ напрямки и уже безъ сладкихъ околичностей, что пора вставать, что лежать на двухъ бокахъ нечего, что кричать днемъ и ночью о пожарахъ, золовкахъ, пьяничужкахъ, замкахъ, сундукахъ и чортъ знаетъ объ чемъ еще—

глупо, непристойно и оскорбительно для человѣка, ибо если Семенъ Ивановичъ спать не желаетъ, такъ чтобы другимъ не мѣшалъ и чтобъ онъ, наконецъ, это все извольилъ намотать себѣ на усъ. Рѣчь произвела свое дѣйствіе, ибо Семенъ Ивановичъ, немедленно обернувшись къ оратору, съ твердостью объявилъ, хотя еще слабымъ и хрипымъ голосомъ, что «ты, мальчишка, молчи! Празднословный ты человѣкъ, сквернословъ ты! Слышь, каблукъ! Князь ты, а? Понимаешь штуку?» Услышавъ такое, Маркъ Ивановичъ вспылилъ, но, замѣтивъ, что дѣйствуетъ съ больнымъ человѣкомъ, великодушно пересталъ обижаться, а, напротивъ, попробовалъ его пристыдить, но осѣкся и тутъ: ибо Семенъ Ивановичъ сразу замѣтилъ, что шутить съ собой не позволитъ, даромъ что Маркъ Ивановичъ стихи сочинялъ. Послѣдовало двухминутное молчаніе: наконецъ, опомнившись отъ своего изумленія, Маркъ Ивановичъ прямо, ясно, весьма краснорѣчиво, хоть не безъ твердости, объявилъ, что Семенъ Ивановичъ долженъ знать, что онъ межъ благородныхъ людей и что, «милостивый государь, должны понимать, какъ поступаютъ съ благороднымъ лицомъ». Маркъ Ивановичъ умѣлъ при случаѣ краснорѣчиво сказать и любилъ внушить своимъ слушателямъ. Съ своей стороны, Семенъ Ивановичъ говорилъ и поступалъ, вѣроятно, отъ долгой привычки молчать, болѣе въ отрывистомъ родѣ, и кромѣ того, когда, напримѣръ, случалось ему вести долгую фразу, то, по мѣрѣ углубленія въ нее, каждое слово, казалось, рождало еще по другому слову, другое слово, тотчасъ при рожденіи, по третьему, третье по четвертому и т. д., такъ что набивался полонъ ротъ, начиналась перхота, и набивныя слова принимались, наконецъ, вылетать въ самомъ живописномъ безпорядкѣ. Вотъ почему Семенъ Ивановичъ, будучи умнымъ человѣкомъ, говоритъ иногда страшный вздоръ. «Врешь ты», отвѣчалъ онъ теперь: «дѣтина, гулявый ты парень! А вотъ какъ надѣнешь суму,—побираться пойдешь; ты-жъ вольнодумецъ, ты-жъ потаскунъ; вотъ оно тебѣ, стихотворецъ!»

— Да вы это все еще бредите, что-ли, Семенъ Ивановичъ?

— А, слышь, отвѣчалъ Семенъ Ивановичъ:—бредитъ дуракъ, пьяничужка бредитъ, несъ бредитъ, а мудрый благоразумному служитъ. Ты, слышь, дѣла ты не знаешь, потасканный ты человѣкъ, ученый ты, книга ты писаная! А вотъ возьмешь, сгоришь, такъ не замѣтишь, какъ голова отгоритъ, вотъ, слыхалъ исторію?!

— Да... то есть, какъ-же... то есть какъ-же вы это говорите, Семенъ Ивановичъ, что голова отгоритъ?..

Маркъ Ивановичъ и не докончилъ, ибо всѣ увидѣли ясно, что Семенъ Ивановичъ еще не отрезвился и бредитъ; но хозяйка не вытерпѣла и тутъ-же замѣтила, что домъ въ Кривомъ переулкѣ

ономнясь отъ лысой дѣвки сгорѣлъ: что лысая дѣвка тамъ такая была: она свѣчку зажгла и чуланъ запалила, а у ней не случится, и что въ углахъ будетъ цѣло.

— Да вѣдь, Семенъ Ивановичъ! закричалъ внѣ себя Зиновій Прокофьевичъ, перебивая хозяйку:—Семенъ Ивановичъ, такой вы, сякой, прошедшій вы, простой человѣкъ, шутки тутъ, что-ли, съ вами шутятъ теперь про вашу золовку, или экзамены съ танцами? Такъ оно что-ли? Этакъ вы думаете?

— Ну, слышь ты теперь, отвѣчалъ нашъ герой, приподымаясь съ постели, собравъ послѣднія силы, и въ конецъ озлясь на сочувствователей:—шутъ кто? Ты шутъ, несъ шутъ, шутовскій человѣкъ, а шутки дѣлать по твоему, сударь, приказу не буду: слышь, мальчишка, не твой, сударь, слуга!

Тутъ Семенъ Ивановичъ хотѣлъ еще что-то сказать, но въ безсиліи упалъ на постель. Сочувствователи остались въ недоумѣніи, всѣ разинули рты, ибо смекнули теперь, во что̀ Семенъ Ивановичъ ногой стукнулъ и не знали съ чего начать; вдругъ дверь въ кухнѣ скрипнула, отворилась и пьянчужка-пріятель,—иначе господинъ Зимовейкинъ,—робко просунулъ голову, осторожно обнюхивая, по своему обычаю, мѣстность. Его точно ждали: всѣ разомъ замахали ему, чтобъ шелъ поскорѣе, и Зимовейкинъ, чрезвычайно обрадовавшись, не снимая шинели, и поспѣшно и въ полной готовности протолкался къ постели Семена Ивановича.

Видно было, что Зимовейкинъ провелъ всю ночь въ одѣніи и въ какихъ-то важныхъ трудахъ. Правая сторона его лица была чѣмъ-то заклеена; опухшія вѣки были влажны отъ гноившихся глазъ; фракъ и все платье было изорвано, при чемъ вся лѣвая сторона одѣянія была какъ будто опрыскана чѣмъ-то крайне дурнымъ, можетъ быть, грязью изъ какой нибудь лужи. Подъ мышкой у него была чья-то скрипка, которую онъ куда-то несъ продавать. По видимому, не ошиблись, призвавъ его на помощь, ибо тотчасъ, узнавъ въ чемъ вся сила, обратился онъ къ накуралесившему Семену Ивановичу и съ видомъ такого человѣка, который имѣетъ превосходство и, сверхъ того, знаетъ штуку, сказалъ: «что ты, Сенька, вставай! Что ты, Сенька, Прохарчинъ-мудрецъ, благоразумію послужи! Не то станцу, если куражиться будешь: не куражься!» Такая краткая, но сильная рѣчь удивила присутствующихъ: еще болѣе всѣ удивились, когда замѣтили, что Семенъ Ивановичъ, услышавъ все это и увидавъ передъ собою такое лицо, до того оторопѣлъ и пришелъ въ смущеніе и робость, что едва-едва и только сквозь зубы, шепотомъ, рѣшился пробормотать необходимое возраженіе.—Ты, несчастный, ступай, сказалъ онъ. — ты, несчастный,

воръ ты! Слышь, понимаешь? Тузъ ты, князь, тузовый ты человѣкъ!

— Нѣтъ, братъ, протяжно отвѣчалъ Зимовейкинъ, сохраняя все присутствіе духа: — не хорошо, ты, братъ-мудрецъ, Прохарчинъ, прохарчинскій ты человѣкъ! продолжалъ Зимовейкинъ, немного народируя Семена Ивановича и съ удовольствіемъ озираясь кругомъ:— ты не куражься! Смирись, Сеня, смирись, не то донесу, все, братецъ ты мой, разскажу, понимаешь?

Кажется, Семенъ Ивановичъ все разобралъ, ибо вздрогнулъ, когда выслушалъ заключеніе рѣчи, и вдругъ началъ быстро и съ совершенно-потерянымъ видомъ озираться кругомъ. Довольный эффектомъ, господинъ Зимовейкинъ хотѣлъ продолжать, но Маркъ Иванович тотчасъ-же предупредилъ его рвеніе и, выждавъ время, пока Семенъ Ивановичъ притихъ, присмирѣлъ и почти совсѣмъ успокоился, началъ долго и благоразумно внушать безпокойному, что внушать подобныя мысли, какъ у него теперь въ головѣ, во первыхъ, безполезно: во вторыхъ, не только безполезно, но даже и вредно; наконецъ, не столько вредно, сколько даже совсѣмъ безнравственно: и причина тому та, что Семенъ Ивановичъ всѣхъ въ соблазнъ вводитъ и дурной примѣръ подаетъ». Отъ такой рѣчи всѣ ожидали благоразумнаго слѣдствія. Къ тому-же Семенъ Ивановичъ былъ теперь совсѣмъ тихъ и возражалъ умѣренно. Начался скромный споръ. Адрессовались къ нему братски, освѣдомляясь, чего онъ такъ заробѣлъ? Семенъ Ивановичъ отвѣтилъ, но иносказательно. Ему возразили; Семенъ Ивановичъ возразилъ. Возразили еще по разу съ обѣихъ сторонъ, а потомъ ужь вмѣшались всѣ, и старый и малый, ибо рѣчь началась вдругъ о такомъ дивномъ и странномъ предметѣ, что рѣшительно не знали, какъ это все выразить. Споръ, наконецъ, дошелъ до истерическія, истерическіе до криковъ, крики даже до слезъ и Маркъ Ивановичъ отошелъ, наконецъ, съ пѣной бѣшенства у рта, объявивъ, что не зналъ до сихъ поръ такого гвоздя-человѣка. Олеваніевъ вынулъ, Океановъ перепугался, Зиновій Прокофьевичъ прослезился, а Устинья Федоровна завыла совсѣмъ, причитая, что уходитъ жилецъ, и рехнулся, что умретъ онъ младъ безъ паспорта, не скажется, а она сирота, и что ее затаскаютъ». Однимъ словомъ, всѣ, наконецъ, увидѣли ясно, что посѣвъ былъ хорошъ, что все, что ни вздумалось сѣять, сторицею взошло, что почва была благодатная и что Семену Ивановичу удалось отработать въ ихъ компаніи свою голову на славу и на самый безвозвратный манеръ. Всѣ замолчали, ибо если видѣли, что Семенъ Ивановичъ отъ всего заробѣлъ, то на этотъ разъ заробѣли и сами сочувствователи...

— Какъ! закричалъ Маркъ Ивановичъ:—да чего-жъ вы бои-тесь-то? Чего-жъ вы рѣхнулись-то? Кто объ васъ думаетъ, сударь вы мой? Имѣете-ли право бояться-то? Кто вы? Что вы? Нуль, сударь, блинъ круглый, вотъ что! Что вы стучите-то? Бабу на улицѣ придавило, такъ и васъ переѣдетъ? Пьяница какой нибудь кармана не сберегъ, такъ и вамъ фалды отрѣжутъ? Домъ сгорѣлъ, такъ и у васъ голова отгоритъ, а? Такъ, что-ли, сударь? Такъ-ли, батюшка? Такъ-ли?

— Ты, ты, ты глупъ! бормоталъ Семенъ Ивановичъ: — носъ отъѣдятъ, самъ съ хлѣбомъ съѣшь, не замѣтишь...

— Каблукъ, пусть каблукъ, кричалъ Маркъ Ивановичъ, не вслушавшись:—каблуковый я человѣкъ, пожалуй. Да вѣдь мнѣ не экзаменъ держать, не жениться, не танцамъ учиться; подо мной, сударь, мѣсто не сломится. Что, батюшка? Такъ вамъ и мѣста широкаго нѣтъ? Полъ тамъ подъ вами провалится, что-ли?

— А что? Тебя что-ли спросятъ? Закроютъ, и нѣтъ.

— Нѣтъ. Что закроютъ?! Что тамъ еще у васъ, а?

— А вотъ пьянчужку ссадили...

— Ссадили; да вѣдь то-же пьянчужка, а вы да я—человѣкъ!

— Ну, человѣкъ. А она стоитъ, да и нѣтъ...

— Нѣтъ! Да кто она-то?

— Да она, канцелярія... кан-це-ля-рія!!!

— Да, блаженный вы человѣкъ! Да вѣдь она нужна, канцеля-рія-то...

— Она нужна, слышь ты: и сегодня нужна, завтра нужна, а вотъ послѣ завтра какъ нибудь тамъ и ненужна. Вотъ, слышалъ исторію...

— Да вѣдь вамъ жалованье-жъ дадутъ годовое! Ѳома, Ѳома вы такой, невѣрный вы человѣкъ! По старинству въ иномъ мѣстѣ уважутъ...

— Жалованье? А я вотъ пробылъ жалованье, воры придутъ, деньги возьмутъ: а у меня золовка, слышь ты? Золовка! Гвоздырь ты...

— Золовка! Человѣкъ вы...

— Человѣкъ; а я человѣкъ, а ты, начитанный, глупъ: слышь, гвоздырь, гвоздыревый ты человѣкъ, вотъ что! А я не по шуткамъ твоимъ говорю; а оно мѣсто такое есть, что возьметъ да и уни-чтожается мѣсто. И Демидъ, слышь ты, Демидъ Васильевичъ го-воритъ, что уничтожается мѣсто...

— Ахъ, вы, Демидъ, Демидъ! Грѣховодникъ, да вѣдь...

— Да, хлопъ да и баста, и будешь безъ мѣста; поди ты съ нимъ, вотъ...

— Да вы, наконецъ, просто врете, или рѣхнулись совсѣмъ!

Вы намъ просто скажите; ужь что? Признайтесь, коль грѣхъ такой есть! Стыдиться-то нечего! Ряхнулся, батюшка, а?

— Ряхнулся! Съ ума сошелъ! раздалось кругомъ, и всѣ ломали руки съ отчаянія, а Марка Ивановича уже обхватила въ обѣ руки хозяйка, за тѣмъ, чтобъ онъ не растерзалъ какъ нибудь Семена Ивановича. —Язычникъ ты, языческая ты душа, мудрецъ ты! умолялъ Зимовейкинъ:—Сеня, необидчивый ты человѣкъ, миловидный, любезный! Ты простъ, ты добродѣтельный... слышалъ? Это отъ добродѣтели твоей происходитъ; а буйный и глупый-то я, побирушка-то я: а вотъ-же добрый человѣкъ меня не оставилъ, небось; честь, вишь, дѣлаютъ: вотъ имъ и хозяйкѣ спасибо; видишь ты, вотъ и поклонъ земной правлю, вотъ оно, вотъ: долгъ, долгъ исправляю, хозяюшка! —Тутъ дѣйствительно Зимовейкинъ и даже съ какимъ-то педантскимъ достоинствомъ исполнилъ кругомъ свой поклонъ до земли. Послѣ того, Семенъ Ивановичъ хотѣлъ было опять продолжать говорить; но въ этотъ разъ ему уже не дали: всѣ вступились, стали его умолять, завѣрять, утѣшать и достигли того, что Семенъ Ивановичъ даже устыдился совсѣмъ и, наконецъ, слабымъ голосомъ попросилъ объясниться.

— Да вотъ: оно хорошо, сказалъ онъ:—миловидный я, смирный, слышь, и добродѣтеленъ, преданъ и вѣренъ: кровь, знаешь, каплю послѣднюю, слышь ты, мальчишка, тузъ... пусть оно стоитъ, мѣсто-то: да я вѣдь бѣдный: а вотъ какъ возьмутъ его, слышь ты, тузовый, —молчи теперь, понимай, — возьмутъ да и того... оно, братъ, стоитъ, а потомъ и не стоитъ... понимаешь? А я, братъ, и съ сумочкой, слышь ты?

— Сенька! завопилъ въ изступленіи Зимовейкинъ, покрывая въ этотъ разъ голосомъ весь поднявшійся шумъ: — вольнодумецъ ты! Сейчасъ донесу! Что ты? Кто ты? Буянъ, что-ли, баранiй ты лобъ? Буйному, глупому, слышь ты, безъ абшида съ мѣста укажутъ; ты кто?!

— Да вотъ оно и того...

— Что того?! Да вотъ, поди ты съ нимъ!..

— Что поди ты съ нимъ?

— Да вотъ онъ вольный, я вольный: а какъ лежишь-лежишь, и того...

— Чего?

— Анъ и вольнодумецъ...

— Воль-но-ду-мецъ! Сенька, ты вольнодумецъ!!

— Стой! закричалъ господинъ Прохарчинъ, махнувъ рукою и прерывая начавшійся крикъ: — я не того... Ты пойми, ты пойми только, баранъ ты: я смирный, сегодня смирный, завтра смирный,

а потомъ и не смирный, струбить: прижку тебѣ, и пошелъ вольнодумецъ!..

— Да что-жь вы? прогремѣлъ, наконецъ, Маркъ Ивановичъ, вскочивъ со стула, на которомъ было сѣлъ отдохнуть, и подбѣжавъ къ кровати весь въ волненіи, въ изступленіи, весь дрожа отъ досады и бѣшенства: — что-жь вы? Баранъ вы! Ни кола, ни двора. Что вы, одинъ, что-ли, на свѣтѣ? Для васъ свѣтъ, что-ли, сдѣланъ? Наполеонъ вы, что-ли, какой? Что вы? Кто вы? Наполеонъ вы, а? Наполеонъ, или нѣтъ?! Говорите-же, сударь, Наполеонъ или нѣтъ?..

Но господинъ Прохарчинъ уже и не отвѣчалъ на этотъ вопросъ. Не то чтобъ устыдился, что онъ Наполеонъ, или струсилъ взять на себя такую отвѣтственность,—нѣтъ, онъ ужь и не могъ болѣе ни спорить, ни дѣла говорить... Послѣдовалъ болѣзненный кризисъ. Дробныя слезы хлынули вдругъ изъ его блистающихъ лихорадочнымъ огнемъ сѣрыхъ глазъ. Костлявыми, исхудалыми отъ болѣзни руками закрылъ онъ свою горячую голову, приподнялся на кровати и, всхлипывая, сталъ говорить, что онъ совсѣмъ бѣдный, что онъ такой несчастный, простой человѣкъ, что онъ глупый и темный, чтобъ простили ему добрые люди, сберегли, защитили, накормили-бъ, напоили его, въ бѣдѣ не оставили, и Богъ знаетъ, что еще причиталъ Семенъ Ивановичъ. Причитая-же, онъ съ дикимъ страхомъ глядѣлъ кругомъ, какъ будто ожидая, что вотъ-вотъ сейчасъ потолокъ упадетъ или полъ провалится. Всѣмъ стало жалко, глядя на бѣднаго, и у всѣхъ умягчились сердца. Хозяйка, рыдая какъ баба и причитая про свое сиротство, сама уложила больнаго въ постель. Маркъ Ивановичъ, видя безполезность трогать Наполеонову память, тоже немедленно впалъ въ добродушіе и началъ тоже оказывать помощь. Другіе, чтобъ что нибудь въ свою очередь сдѣлать, предложили малиновый настой, говоря, что онъ немедленно и отъ всего помогаетъ и что будетъ очень пріятенъ больному: но Зимовейкинъ тотчасъ-же всѣхъ опровергнулъ, включивъ что въ такомъ дѣлѣ нѣтъ лучше добраго пріема какой нибудь ромашки забористой. Что-же касается до Зиновья Прокофьевича, то, имѣя доброе сердце, онъ рыдалъ и заливался слезами, раскаиваясь, что пугалъ Семена Ивановича разными небылицами, и, вникнувъ въ послѣднія слова больнаго, что онъ совсѣмъ бѣдный и чтобъ его накормили, пустился созидать подписку, ограничиваясь ею покамѣсть въ углахъ. Всѣ охали и ахали, всѣмъ было и жалко и горько, и всѣ межъ тѣмъ дивились, что вотъ какъ-же такимъ образомъ могъ совсѣмъ заробѣть человѣкъ? И изъ чего-жь заробѣлъ? Добро-бы былъ при мѣстѣ большомъ, женой обладалъ, дѣтей и разведъ; добро-бъ его тамъ подъ

судъ какой ни есть притянулъ: а то вѣдь и человѣкъ совсѣмъ дрянь, съ однимъ сундукомъ и съ нѣмецкимъ замкомъ, лежалъ слишкомъ двадцать лѣтъ за ширмами, молчалъ, свѣту и горя не зналъ, скоропостижничалъ, и вдругъ вздумалось теперь человѣку, съ пошлаго, праздная слова какого нибудь, совсѣмъ перевернуть себѣ голову, совсѣмъ забояться о томъ, что на свѣтѣ вдругъ стало жить тяжело... А и не разсудилъ человѣкъ, что и всѣмъ тяжело! «Прими онъ вотъ только это въ разчетъ», говорилъ потомъ Океановъ: «что вотъ всѣмъ тяжело, такъ сберегъ-бы человѣкъ свою голову, перестать-бы куралесить и потянулъ-бы свое кое-какъ, куда слѣдуетъ». Цѣлый день только и толку было, что о Семенѣ Ивановичѣ. Приходили къ нему, справлялись о немъ, утѣшали его; но къ вечеру ему стало не до утѣшеній. Открылся у бѣднаго бредъ, жаръ; впалъ онъ въ безпамятство, такъ что чуть было ужъ не хотѣли пуститься за докторомъ; жильцы всѣ согласились и дали себѣ взаимное слово охранять и уноконвать Семена Ивановича по очередно всю ночь, и что случится, то всѣхъ будить разомъ. Съ этою цѣлью, чтобъ не заснуть, засѣли въ картишки, приставивъ къ больному пьянчужку-пріятеля, который квартировалъ весь день въ углахъ, у постели больного, и попросился заночевать. Такъ какъ игра велась на мѣлокъ и не представляла совсѣмъ интереса, то скоро соскучились. Игру бросили, потомъ о чемъ-то заспорили, потомъ начали шумѣть и стучать, наконецъ, разошлись по угламъ, долго еще въ сердцахъ перекликались и переговаривались и такъ какъ вдругъ всѣ стали сердиты, то ужъ не захотѣли дежурить, и заснули. Скоро въ углахъ стало тихо, какъ въ пустомъ погребѣ, тѣмъ болѣе, что былъ холодъ ужаснѣйшій. Изъ послѣднихъ заснувшихъ былъ Океановъ, «и не то,—какъ говорилъ онъ потомъ,—во снѣ, не то было на яву, но привидѣлось мнѣ, что близъ меня, этакъ передъ самымъ утреннимъ часомъ, разговаривали два человѣка. Океановъ разсказывалъ, что онъ узналъ Зимовейкина, и что Зимовейкинъ сталъ возлѣ него будить стараго друга Ремнева, что они долго нечотомъ говорили; потомъ Зимовейкинъ вышелъ, и слышно было, какъ онъ пытался отпереть въ кухнѣ дверь ключомъ. Ключъ-же,— увѣрялъ потомъ хозяйка, — лежалъ у нея подъ подушками и пропалъ въ эту ночь. Наконецъ, —показывалъ Океановъ, —слышалось ему, какъ будто оба они пошли къ больному за ширмы и засвѣтили тамъ свѣчку. Болѣе, говоритъ, ничего не знаю, глаза завело: а проснулся потомъ вмѣстѣ со всѣми, когда всѣ, кто ни былъ въ углахъ, разомъ повскочили съ постелей, затѣмъ что за ширмами раздался такой крикъ, что встрепенулся-бы мертвый,— и тутъ многимъ показалось, что вдругъ тамъ-же свѣчка потухла.

Поднялась суматоха; у всѣхъ сердце упало; бросились какъ ни попало на крикъ, но въ это время за ширмами поднялась возня, крикъ, брань и драка. Вздули огонь и увидѣли, что дерутся другъ съ другомъ Зимовейкинъ и Ремневъ, что оба другъ друга корятъ и ругаютъ; а какъ освѣтили ихъ, то одинъ закричалъ: «не я, а разбойникъ!», а другой, именно Зимовейкинъ, закричалъ: «не трошь, неповиненъ; сейчасъ присягну!» На обоихъ образа не было человѣческаго; но въ первую минуту не до нихъ было дѣло: больнаго не оказалось на прежнемъ мѣстѣ за ширмами. Тотчасъ-же разлучили бойцовъ, оттащили ихъ, и увидѣли, что господинъ Прохарчинъ лежитъ подъ кроватью, должно быть, въ совершенномъ безпамятствѣ, стащивъ на себя и одѣяло и подушку, такъ что на кровати оставался одинъ только голый, ветхій и масляный тюфякъ (простыни-же на немъ никогда не бывало). Вытащили Семена Ивановича, протянули его на тюфякъ, но сразу замѣтили, что много хлопотать было нечего, что капутъ совершенный; руки его костенѣютъ, а самъ еле держится. Стали надъ нимъ: онъ все еще помаленьку дрожалъ и трепеталъ всѣмъ тѣломъ, что-то силился сдѣлать руками, языкомъ не шевелилъ, но моргалъ глазами совершенно подобнымъ образомъ, какъ говорятъ, моргаетъ вся еще теплая залитая кровью и живущая голова, только-что отскочившая отъ палачова топора.

Наконецъ, все стало тише и тише: замерли и предсмертный трепетъ и судороги; господинъ Прохарчинъ протянулъ ноги и отправился по своимъ добрымъ дѣламъ и грѣхамъ. Испугался-ли Семенъ Ивановичъ чего, сонъ-ли ему приснился такой, какъ потомъ Ремневъ увѣрялъ, или былъ другой какой грѣхъ—неизвѣстно; дѣло только въ томъ, что хотя-бы теперь самъ экзекуторъ явился въ квартирѣ и лично за вольнодумство, буянство и пьянство объявилъ-бы абшидъ Семену Ивановичу, если-бъ даже теперь въ другую дверь вошла какая ни есть попрошайка-салопница, подъ титуломъ золовки Семена Ивановича, если-бъ даже Семенъ Ивановичъ тотчасъ получилъ 200 рублей награжденія, или домъ, наконецъ, загорѣлся и начала горѣть голова на Семенѣ Ивановичѣ, онъ, можетъ быть, и пальцемъ не удостоилъ-бы пошевелить теперь при подобныхъ извѣстіяхъ. Покамѣстъ сошелъ первый столбнякъ, покамѣстъ присутствующіе обрѣли даръ слова и бросились въ суматоху, предположенія, сомнѣнія и крики,—покамѣстъ Устинья Ѳедоровна тащила изъ-подъ кровати сундукъ, обшаривала въ попыхахъ подъ подушкой, подъ тюфякомъ и даже въ сапогахъ Семена Ивановича,—покамѣстъ принимали въ допросъ Ремнева съ Зимовейкинымъ,—жиленъ Океановъ, бывшій доселѣ самый недальній, сми

ренѣвшій и тихій жилецъ, вдругъ обрѣлъ все присутствіе духа, попалъ на свой даръ и талантъ, схватилъ шапку и подъ шумокъ ускользнулъ изъ квартиры. И когда всѣ ужасы безначалія достигли своего послѣдняго періода въ взволнованныхъ и досель смиренныхъ углахъ, дверь отворилась, и внезапно, какъ снѣгъ на голову, появились сперва одинъ господинъ благородной наружности съ строгимъ, но недовольнымъ лицомъ, за нимъ Ярославъ Ильичъ, за Ярославомъ Ильичемъ его причтъ и всѣ кто слѣдуетъ, и сзади всѣхъ— смущенный господинъ Океановъ. Господинъ строгой, но благородной наружности подошелъ прямо къ Семену Ивановичу, пощупалъ его, сдѣлалъ гримасу, вскинулъ плечами и объявилъ весьма извѣстное, именно, что покойникъ уже умеръ, прибавивъ только отъ себя, что тоже со сна случилось на дняхъ съ однимъ весьма почтеннымъ и больнымъ господиномъ, который тоже взялъ да и умеръ. Тутъ господинъ съ благородной, но недовольной осанкой отошелъ отъ кровати, сказалъ, что напрасно его безпокоили, и вышелъ. Тотчасъ же замѣтилъ его Ярославъ Ильичъ (при чемъ Ремнева и Зимовейкина сдали кому слѣдуетъ на руки), разспросилъ кой-кого, ловко овладѣлъ сундукомъ, который хозяйка уже пыталась вскрывать, поставилъ сапоги на прежнее мѣсто, замѣтивъ, что они всѣ въ дырьяхъ и совсѣмъ негодятся, потребовалъ назадъ подушку, подозвалъ Океанова, спросилъ ключъ отъ сундука, который нашелся въ карманѣ пьянчужки-пріятеля, и торжественно при комъ слѣдуетъ, вскрылъ добро Семена Ивановича. Все было на лицо: —двѣ тряпки, одна пара носковъ, подушатокъ, старая шляпа, нѣсколько пуговицъ, старыя подошвы и сапожныя голенища, однимъ словомъ, мыльцо, мыльцо, бѣлое бѣленькое, то есть дрянь, вѣтошь, соръ, мелюзга, отъ которой пахло залавкомъ: хорошъ былъ одинъ только нѣмецкій замокъ. Позвали Океанова, суровo переговорили съ нимъ: но Океановъ былъ готовъ подъ присягу идти. Потребовали подушку, осмотрѣли ее: она была только грязна, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ совершенно походила на подушку. Принялись за тюфякъ, хотѣли было его приподнять, остановились было немножко подумать, но вдругъ, совсѣмъ неожиданно, что-то тяжелое, звонкое хлопнулось объ полъ. Нагнулись, обшарили и увидѣли свертокъ бумажный, а въ свертокъ съ десятокъ цѣлковиковъ. «Эге-ге-ге!» сказалъ Ярославъ Ильичъ, показывая въ тюфякъ одно худое мѣсто, изъ котораго торчали волосья и хлопья. Осмотрѣли худое мѣсто и увѣрились, что оно сейчасъ только сдѣлано ножомъ, а было въ пол-аршина длиною: засунули руку въ изъянъ, и вытащили. Вѣроятно, въ попыхахъ брошенный тамъ, хозяйскій кухонный ножъ, которымъ взрѣзанъ былъ тюфякъ. Не успѣлъ Ярославъ Ильичъ

вытащить ножъ изъ изъяннаго мѣста и опять сказать «эге-ге!» какъ тотчасъ-же выпалъ другой свертокъ, а за нимъ по одиночкѣ выкатились два полтинника, одинъ четвертакъ, потомъ какая-то мелочь и одинъ старинный здоровенный пятакъ. Все это тотчасъ-же переловили руками. Тутъ увидѣли, что не дурно-бы было вспороть совсѣмъ тюфякъ ножницами. Потребовали ножницы...

Между тѣмъ, нагорѣвшій сальный огарокъ освѣщалъ чрезвычайно любопытную для наблюдателя сцену. Около десятка жильцовъ группировалось у кровати въ самыхъ живописныхъ костюмахъ, всѣ непригляженные, небритые, немытые, заспанные, такъ какъ были отходя на грядущій сонъ. Иные были совершенно голѣдны, у другихъ на лбу потъ показывался, иныхъ дрожь пронимала, другихъ жаръ. Хозяйка, совсѣмъ оглупѣвшая, тихо стояла сложивъ руки и ожидая милостей Ярослава Ильича. Сверху, съ печки, съ испуганнымъ любопытствомъ глядѣли головы Авдотьи-работницы и хозяйкиной кошки-фаворитки; кругомъ были разбросаны изорванныя и разбитыя ширмы; раскрытый сундукъ показывалъ свою неблагородную внутренность; валялись одѣяло и подушка, покрытыя хлопьями изъ тюфяка, и, наконецъ, на деревянномъ трехногомъ столѣ забелѣла постепенно возраставшая куча серебра и всякихъ монетъ. Одинъ только Семенъ Ивановичъ сохранилъ вполнѣ свое хладнокровіе, смирно лежалъ на кровати и, казалось, совсѣмъ не предчувствовалъ своего разоренія. Когда-же принесены были ножницы, и помощникъ Ярослава Ильича, желая подслужиться, немного нетерпѣливо тряхнулъ тюфякъ, чтобы удобнѣе высвободить его изъ-подъ спины обладателя, то Семенъ Ивановичъ, зная учтивость, сначала уступилъ немножко мѣста, скатившись на бочокъ, спиною къ искателямъ; потомъ, при второмъ толчкѣ, помѣстился ничкомъ, наконецъ, еще уступилъ, и такъ какъ не доставало послѣдней боковой доски въ кровати, то вдругъ совсѣмъ неожиданно бултыхнулся внизъ головою, оставивъ на видъ только двѣ костлявыя, худыя, синія ноги, торчавшія кверху, какъ два сучка обгорѣвшаго дерева. Такъ какъ господинъ Прохарчинъ уже второй разъ въ это утро навѣдывался подъ свою кровать, то немедленно возбудилъ подозрѣніе, и кое-кто изъ жильцовъ, подъ предводительствомъ Зиновія Прокофьевича, полѣзли туда-же съ намѣреніемъ посмотрѣть, не скрыто-ли и тамъ кой-чего. Но искатели только напрасно перестукались лбами, и такъ какъ Ярославъ Ильичъ тутъ-же прикрикнулъ на нихъ и велѣлъ немедленно освободить Семена Ивановича изъ сквернаго мѣста, то двое изъ благоразумнѣйшихъ взяли каждый въ свои руки по ногѣ, вытащили неожиданнаго канталиста на свѣтъ Божій и положили его поперегъ кровати. Между тѣмъ, волосья и хлопья ле-

тьли кругомъ, серебряная куча росла—и Боже! чего, чего не было тутъ... Благородные цѣлковики, солидные, крѣпкіе полутора-рублевики, хорошенькая монета полтинникъ, плебеи-четвертачки, двугривеннички, даже малообѣщающая, старушечья мелюзга гривенники и пятаки серебромъ—все въ особыхъ бумажкахъ, въ самомъ методическомъ и солидномъ порядкѣ. Были и рѣдкости: два какіе-то жетона, одинъ наполеондоръ, одна неизвѣстно какая, но только очень рѣдкая монетка... Нѣкоторые изъ рублевиковъ относились тоже къ глубокой древности: истертые и изрубленные елизаветинскіе, нѣмецкіе крестовики, петровскія монеты, екатерининскія: были, напримѣръ, теперь весьма рѣдкія монетки, старые пятіалтыннички, проколотые для ношенія въ ушахъ, всѣ совершенно истертые, но съ законнымъ количествомъ точекъ: даже мѣдь была, но вся уже зеленая, ржавая... Нашли одну красную бумажку—но болѣе не было. Наконецъ, когда кончилась вся анатомія и, неоднократно встряхнувъ тюфячій чахолъ, нашли, что ничего не гремитъ, сложили всѣ деньги на столъ и принялись считать. Съ перваго взгляда можно было даже совѣмъ обмануться и смекнуть прямо на милліонъ,—такая была огромная куча! Но милліона не было, хотя и вышла, впрочемъ, сумма чрезвычайно значительная,—ровно 2497 рублей съ полтиною, такъ что если-бъ осуществилась вчера подписка у Зиновія Прокофьевича, то, можетъ быть, было-бы всего ровно двѣ тысячи пятьсотъ рублей ассигнаціями. Денежки забрали, къ сундуку покойнаго приложили печать, хозяйкины жалобы выслушали и указали ей, когда и куда слѣдуетъ представить свидѣтельство на счетъ должника покойнаго. Съ кого слѣдовало взяли подписку: заикнулись было тутъ о золовкѣ: но увѣрившись, что золовка была въ нѣкоторомъ смыслѣ миѳъ, то есть произведеніе недостаточности воображенія Семена Ивановича, въ чемъ по справкамъ, не разъ упрекали покойнаго, —то тутъ-же идею оставили какъ безполезную, вредную и въ ущербъ добраго имени его, господина Прохарчина, относящуюся: тѣмъ дѣло и кончилось. Когда-же первый страхъ попалъ, когда схватились за умъ и узнали, что̀ былъ такое покойникъ, то присмирѣли, притихнули всѣ и стали какъ-то съ недовѣрчивостью другъ на друга поглядывать. Нѣкоторые приняли чрезвычайно близко къ сердцу поступокъ Семена Ивановича и даже какъ будто обидѣлись... Такой каналья! Этакъ натаскать человѣкъ! Маркъ Ивановичъ, не теряя присутствія духа, пустился было объяснять, почему такъ вдругъ заробѣлось Семену Ивановичу: но его ужъ не слушали. Зиновій Прокофьевичъ что-то былъ очень задумчивъ, Окаемовъ пошелъ немножко, остальные какъ-то прижались, а маленькій человѣчекъ Кантаревъ, отличавшійся воробьинымъ носомъ, къ вечеру съѣхалъ съ

квартиры, весьма тщательно заклеивъ и завязавъ всѣ свои сундучки, узелки, и холодно объясняя любопытствующимъ, что время тяжелое, а что приходится здѣсь не по карману платить. Хозяйка-же безъ умолку выла, и, причитая и кляня Семена Ивановича за то, что онъ обидѣлъ ея сиротство. Освѣдомились у Марка Ивановича, зачѣмъ-же это покойникъ свои деньги въ Ломбардъ не носилъ?— Простъ, матушка, былъ; воображенія на то не хватило, отвѣчалъ Маркъ Ивановичъ.

— Ну, да и вы просты, матушка, включалъ Океановъ:—двадцать лѣтъ крѣпился у васъ человѣкъ, съ одного щелчка покачнулся, а у васъ щи варились, некогда было!.. Э-эхъ, матушка!..

— Охъ ужь ты мнѣ младь-младь! продолжала хозяйка:—да что Ломбардъ! Принеси-ка онъ мнѣ свою горсточку, да скажи мнѣ: возьми младь-Устиньюшка, вотъ тебѣ благостыня, а держи ты младаго меня на своихъ харчахъ, покольѣ мать сыра земля меня носитъ,—то вотъ тебѣ образъ, кормила-бъ его, поила-бъ его, ходила-бъ за нимъ. Ахъ, грѣховодникъ, обманщикъ такой! Обманулъ, надулъ сироту!..

Приблизились снова къ постели Семена Ивановича. Теперь онъ лежалъ какъ слѣдуетъ, въ лучшемъ, хотя, впрочемъ, и единственномъ своемъ одѣяніи, запрятавъ окостенѣлый подбородокъ за галстухъ, который навязанъ былъ немножко неловко, обмытый, приглаженный и не совсѣмъ лишь выбритый, за тѣмъ, что бритвы въ углахъ не нашлось: единственная, принадлежавшая Зиновію Прокофьевичу, иззубрилась еще прошлаго года и выгодно была продана на Толкучемъ; другіе-жь ходили въ цирюльню. Безпорядокъ все еще не успѣли прибрать. Разбитыя ширмы лежали по прежнему и, обнажая уединеніе Семена Ивановича, словно были эмблемы того, что смерть срываетъ завѣсу со всѣхъ нашихъ тайнъ, интригъ, проволочекъ. Начинка изъ тюфяка, тоже не прибранная, густыми кучами лежала кругомъ.—Весь этотъ внезапно остывшій уголъ можно было-бы весьма удобно сравнить поэту съ разореннымъ гнѣздомъ «домовитой» ласточки: все разбито и истерзано бурею, убиты птенчики съ матерью, и развѣяна кругомъ ихъ теплая постелька изъ пуха, перушекъ, хлопокъ... Впрочемъ, Семенъ Ивановичъ смотрѣлъ скорѣе какъ старый самолюбецъ и воръ-воробей. Онъ теперь притихнулъ, казалось, совсѣмъ притаился, какъ будто и не онъ виноватъ, какъ будто не онъ пускался на штуки, чтобъ надуть и провести всѣхъ добрыхъ людей, безъ стыда и безъ совѣсти, неприличнѣйшимъ образомъ. Онъ теперь ужь не слышалъ рыданій и плача осиротѣвшей и разобиженной хозяйки своей. Напротивъ, какъ опытный, тертый каналистъ, который и въ гробу не желалъ-бы потерять минуты въ бездѣйствіи, казалось, весь былъ преданъ ка-

кимъ-то спекулятивнымъ разсчетамъ. Въ лицѣ его появилась какая-то глубокая дума, а губы были стиснуты съ такимъ значительнымъ видомъ, котораго никакъ нельзя было-бы подозрѣвать при жизни принадлежностью Семена Ивановича. Онъ какъ будто-бы поумнѣлъ. Правый глазокъ его былъ какъ-то плутовски прищуренъ; казалось, Семенъ Ивановичъ хотѣлъ что-то сказать, что-то сообщить весьма нужное, объясниться, да и не теряя времени, а поскорѣе, за тѣмъ, что дѣла навязались, а некогда было... И какъ будто-бы слышалось: «Что, дескать, ты? Перестань, слышь ты, баба ты глупая! Не хнычь! Ты, мать, проспись, слышь ты! Я, дескать, умеръ; теперь ужь не нужно, что, за правду! Хорошо лежать-то... Я, то есть, слышь, и не про то говорю; ты баба тузъ, тузовая ты, понимай: оно вотъ умеръ теперь; а ну, какъ этакъ того, то есть оно, пожалуй, и не можетъ такъ быть, а ну, какъ этакъ того, и не умеръ—слышь ты, встану, такъ что-то будетъ, а?»

РОМАНЪ

ВЪ ДЕВЯТИ ПИСЬМАХЪ.

I.

(Отъ Петра Иваныча къ Ивану Петровичу).

Милостивый Государь и драгоцѣннѣйшій другъ Иванъ Петровичъ! Вотъ уже третій день, какъ я, можно сказать, гоняюсь за вами, драгоцѣннѣйшій другъ мой, имѣя переговорить о наинужнѣйшемъ дѣлѣ, и нигдѣ не встрѣчаю васъ. Жена моя вчера, въ бытность нашу у Семена Алексѣича, весьма кстати подшутила надъ вами, говоря, что васъ съ Татьяной Петровной вышла парочка неповѣдовъ. Трехъ мѣсяцевъ нѣтъ, какъ женаты, а уже неглижируете домашними своими пенатами. Мы всѣ много смѣялись,—отъ полноты искренняго расположенія нашего къ вамъ, разумѣется,—но, кромѣ шутокъ, безцѣннѣйшій мой, задали вы мнѣ хлопоть. Говоритъ мнѣ Семенъ Алексѣичъ, что не въ клубѣ-ли вы Соединеннаго Общества на балѣ? Оставляю жену у супруги Семена Алексѣича, самъ-же лечу въ Соединенное Общество. Смѣхъ и горе! Представьте мое положеніе: я на балъ — и одинъ, безъ жены! Иванъ Андреичъ, встрѣтившійся со мною въ швейцарской, увидѣвъ меня одного, немедленно заключилъ (злодѣй!) о необыкновенной страсти моей къ танцовальнымъ собраніямъ и, подхвативъ меня подъ руку, хотѣлъ было уже насильно тащить въ танцклассъ, говоря, что въ Соединенномъ Обществѣ тѣсно ему, развернуться негдѣ молодецкой душѣ, и что отъ пачули съ резедою у него голова разболѣлась. Не нахожу ни васъ, ни Татьяны Петровны. Иванъ Андреичъ увѣряетъ и божится, что вы непремѣнно на «Горе отъ ума» въ Александринскомъ театрѣ.

Лечу въ Александринскій театръ: нѣтъ и тамъ. Сегодня утромъ думалъ васъ найдти у Чистоганова, — не тутъ-то было. Чистогановъ плетъ къ Перепалкинымъ, — тоже самое. Однимъ словомъ, измучился совершенно: судите, какъ я хлопоталъ! Теперь пишу къ вамъ (нечего дѣлать!). Дѣло-то мое отнюдь не литературное (вы

меня понимаете): лучше-бы съ глазу на глазъ, крайне нужно объясниться съ вами и какъ можно скорѣе, и потому прошу ко мнѣ сегодня на чай и на вечернюю бесѣду, вмѣстѣ съ Татьяной Петровной. Моя Анна Михайловна будетъ крайне обрадована посѣщеніемъ вашимъ. Истинно, какъ говорится, по гробъ одолжите. Кстати, безцѣннѣйшій другъ мой, — коли дѣло дошло до пера, то все въ строку, — нахожусь вынужденнымъ теперь уже поценять вамъ отчасти и даже укорить васъ, почтеннѣйшій другъ мой, въ одной, повидимому, весьма невинной продѣлочкѣ, которою вы зло надо мной подшутили... Злодѣй вы, безсовѣстный человѣкъ! Около половины прошедшаго мѣсяца вводите вы въ домъ мой одного знакомаго вашего, именно Евгенія Николаича, ассюрируете его дружеской и для меня, разумѣется, священнѣйшей рекомендаціей вашей: я радуюсь случаю, принимаю молодого человѣка съ распростертыми объятіями и вмѣстѣ съ тѣмъ кладу голову въ петлю. Петля не петля, а вышла, что называется, штука хорошая. Объяснять теперь некогда, да на перѣ и неловко, а только нижайшая просьба до васъ, злорадственный другъ и пріятель, нельзя-ли какимъ нибудь образомъ, поделикатнѣе, въ скобкахъ, на ушко, въ тихомолочку, пошептать вашему молодому человѣку, что есть въ столицѣ много домовъ, кромѣ нашего. Мочи нѣтъ, батюшка! Падамъ до ногъ, какъ говоритъ пріятель нашъ Симоневичъ. Свидимся, я вамъ все разскажу. Не въ томъ смыслѣ говорю, что молодой человѣкъ не взялъ, напримѣръ, на фасонѣ или душевными качествами, или въ чемъ нибудь тамъ другомъ оплошалъ. Напротивъ, онъ даже малый любезный и милый; но вотъ погодите, увидимся; а между тѣмъ, если встрѣтите его, то шепните ему, ради Бога, почтеннѣйшій. Я-бы и самъ это сдѣлалъ, но вы знаете характеръ такой: не могу да и только. Вы-же рекомендовали его. Впрочемъ, вечеромъ, во всякомъ случаѣ, подробнѣе объяснимся. А теперь до свиданія. Остаюсь и пр.

P. S. Маленькой у меня уже съ недѣлю прихварываетъ, и съ каждымъ днемъ все хуже и хуже. Страдаетъ зубенками; вырѣзываются. Жена все нянчится съ нимъ и груститъ, бѣдняжка. Пріѣзжайте. Истинно обрадуете насъ, драгоцѣннѣйшій другъ мой.

II.

(Отъ Ивана Петровича къ Петру Иванычу).

Милостивый Государь, Петръ Иванычъ! Получаю вчера письмо ваше, читаю и недоумѣваю. Ищете меня Богъ знаетъ въ какихъ мѣстахъ, а я просто былъ дома. До десяти часовъ ожидалъ Ивана Иваныча Толокопова. Тотчасъ-же беру жену, нанимаю извощика, трачусь и являюсь къ вамъ, временемъ около половины седьмаго. Васъ дома нѣтъ, а встрѣчаетъ насъ ваша супруга. Жду васъ до половины одиннадцатаго; долѣе невозможно. Беру жену, трачусь, нанимаю извощика, завожу ее домой, а самъ отправляюсь къ Перепалкинымъ, думая, не встрѣчу-ли тамъ, но опять ошибаюсь въ разсчетахъ. Пріѣзжаю домой, не сплю всю ночь, безпокоюсь, утромъ заѣзжаю къ вамъ три раза, въ 9, въ 10 и въ 11 часовъ, три раза трачусь, нанимаю извощиковъ, и опять вы меня оставляете съ носомъ.

Читая-же ваше письмо, удивлялся. Пишете о Евгеніи Николаичѣ, просите шепнуть и не упоминаете, почему. Хвалю осторожность, но бумага бумагѣ рознь, а я нужныхъ бумагъ на папильотки женѣ не даю. Недоумѣваю, наконецъ, въ какомъ смыслѣ изволили мнѣ это все написать. Впрочемъ, если на то пошло, то чего-же меня-то мѣшать въ это дѣло? Я носа своего не сую во всякую всячину. Отказать могли сами, вижу только, что объясниться нужно мнѣ съ вами короче, рѣшительнѣе, да къ тому-же и время проходитъ. А я стѣсненъ и не знаю, что̀ дѣлать придется, коли негліжировать условіями будете. Дорога на посу, дорога чего нибудь стоитъ, да тутъ еще жена хнычетъ: сшей ей бархатный капотъ по модному вкусу. На счетъ-же Евгенія Николаича спѣшу вамъ замѣтить: навелъ я вчера, не теряя времени, окончательно справки, въ бытность мою у Павла Семеныча Перепалкина. У него своихъ 500 душъ въ Ярославской губерніи, да отъ бабушки есть надежда получить въ 300 душъ подмосковную. Денегъ-же сколько, не знаю, а я думаю, что вамъ это лучше знать. Окончательно прошу васъ назначить мнѣ мѣсто свиданія. Встрѣтили вчера Ивана Андреича и пишете, что объявилъ онъ вамъ, что я въ Александринскомъ театрѣ съ женою. Я-же пишу, что онъ вретъ, и тѣмъ болѣе ему вѣры нельзя имѣть въ подобныхъ дѣлахъ, что онъ, не далѣе какъ третьяго дня, провелъ свою бабушку на восьми стахъ рубляхъ ассигнаціями. Затѣмъ имѣю честь пребыть.

P. S. Жена моя забременѣла: къ тому-же она пуглива и чувствуетъ подъ-часъ меланхолію. Въ театральныя-же представленія иногда вводятъ пальбу и искусственно машинами сдѣланный громъ. И потому, боясь испугать жену, въ театры ее не вожу. Самъ-же до театральныхъ представленій охоты большой не имѣю.

III.

(Отъ Петра Иваныча къ Ивану Петровичу).

Безцѣннѣйшій другъ мой, Иванъ Петровичъ!

Виноватъ, виноватъ и тысячу разъ виноватъ, но сейчасъ оправдаться. Вчера въ шестомъ часу, и какъ разъ въ то самое время, какъ мы съ истиннымъ участіемъ сердца о васъ вспоминали, прискакалъ нарочный отъ дядюшки Степана Алексѣича съ извѣстіемъ, что съ тетушкой худо. Боясь перепугать жену, не говоря ей ни слова, претекстую постороннее нужное дѣло, и ѣду въ домъ тетушки. Нахожу ее едва живу. Ровно въ пять часовъ послѣдовалъ съ нею ударъ, уже третій въ два года. Карлъ Ѳедорычъ, медикъ ихъ дома, объявилъ, что, можетъ быть, она не проживетъ и ночи одной. Судите о моемъ положеніи, драгоцѣннѣйшій другъ мой. Цѣлую ночь на ногахъ, въ хлопотахъ и горѣ! Утромъ только, истощивъ свои силы и удрученный тѣлесною и душевною немощью, прилегъ я у нихъ-же на диванѣ, забылъ сказать, чтобы во время меня разбудили, и проснулся въ половинѣ двѣнадцатаго. Тетушкѣ лучше. Ѣду къ женѣ: она, бѣдная, истерзалась, ожидая меня. Перехватилъ кусокъ кой-чего, обнялъ малютку, разувѣрилъ жену и отправился къ вамъ. Васъ нѣтъ дома. Нахожу-же у васъ Евгенія Николаича. Отправляюсь домой, беру перо и теперь къ вамъ пишу. Не рогщите и не сердитесь на меня, искренній другъ мой. Бейте, рубите голову повинную съ плечъ, но не лишайте благорасположенія вашего. Отъ вашей супруги узналъ, что вечеромъ вы у Славяновыхъ. Буду тамъ непремѣнно. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидаю васъ.

Теперь-же остаюсь и т. д.

P. S. Маленькій нашъ повергаетъ насъ въ истинное отчаяніе. Карлъ Ѳедорычъ прописалъ ему ревеньку. Стонетъ, вчера не узналъ никого. Сегодня-же сталъ узнавать и лепечетъ все «папа, мама, бу»... Жена въ слезахъ цѣлое утро.

IV.

(Отъ Ивана Петровича къ Петру Иванычу).

Милостивый Государь мой, Петръ Иванычъ!

Пишу къ вамъ у васъ, въ вашей комнатѣ, на вашемъ бюро; а прежде чѣмъ взялся за перо, прождалъ васъ слишкомъ два часа съ половиною. Теперь позвольте-же вамъ прямо сказать, Петръ Иванычъ, мое открытое мнѣніе, на счетъ этого скаредпаго обстоятельства. Изъ вашего послѣдняго письма заключаю, что васъ ждутъ у Славяновыхъ, зовете меня туда, являюсь, сижу пять часовъ, а васъ не бывало. Что-жь, я людей смѣшить, что-ли, по вашему, должепъ? Позвольте, милостивый государь... Являюсь къ вамъ утромъ, надѣясь застать васъ, и не подражая такимъ манеромъ нѣкоторымъ обманчивымъ лицамъ, которые ищутъ людей Богъ знаетъ по какимъ мѣстамъ, когда ихъ можно застать дома во всякое приличпо выбранное время. Дома и духа вашего не было. Не знаю, что удерживаетъ меня теперь высказать вамъ всю рѣзкую правду. Скажу только то, что вижу васъ, кажется, на понятномъ дворѣ, относительно нашихъ извѣстныхъ условій. И теперь только, соображая все дѣло, не могу не признаться, что рѣшительно удивляюсь хитростному вашего ума направленію. Ясно вижу теперь, что неблагопріятное намѣреніе свое питали вы съ давнихъ поръ. Доказательствомъ-же такому моему предположенію служитъ то, что вы еще на прошлой недѣлѣ, почти непозволительнымъ образомъ, овладѣли тѣмъ письмомъ вашимъ, на имя мое адрессованнымъ, въ которомъ сами изложили, хотя и довольно темно и нескладно, условія наши на счетъ весьма извѣстнаго вамъ обстоятельства. Боитесь документовъ, ихъ уничтожаете, а меня въ дуракахъ оставляете. Но я въ дуракахъ себя считать не позволю, ибо за таковаго меня досель никто не считалъ, и всѣ на счетъ этого обстоятельства обо мнѣ съ хорошей стороны относились. Открываю глаза. Сбиваете меня съ толку, туманите меня Евгеніемъ Николаичемъ, и когда я, съ неразгаданнымъ мною доселѣ письмомъ вашимъ отъ седьмаго сего мѣсяца, ищу объясниться съ вами, вы назначаете мнѣ ложныя свиданія, а сами скрываетесь. Не думаете-ли вы, милостивый государь, что я всего этого замѣтить не въ силахъ? Обѣщаете вознаградить меня за весьма хорошо вамъ извѣстныя услуги, относительно рекомендаціи разныхъ лицъ, а между тѣмъ, и неизвѣстно какимъ образомъ, устроиваете такъ, что сами у меня деньги

берете безъ росписки знатными суммами, что было не далѣе, какъ на прошлой недѣлѣ. Теперь-же, взявъ деньги, скрываетесь, да еще отрекаетесь отъ услуги моей, вамъ оказанной относительно Евгенія Николаича. Разсчитываете, можетъ быть, на скорый отъѣздъ мой въ Симбирскъ и думаете, что не успѣемъ концовъ свести съ вами. Но объявляю вамъ торжественно и свидѣтельствуясь при томъ честнымъ словомъ моимъ, что если пойдетъ на то, то я нарочно готовъ буду еще цѣлыхъ два мѣсяца прожить въ Петербургѣ, а дѣла своего добьюсь, цѣли достигну и васъ отыщу. И мы умѣемъ подъчасъ дѣйствовать въ нику. Въ заключеніе-же объявляю вамъ, что если вы сегодня-же не объяснитесь со мною удовлетворительно, сперва на письмѣ, а потомъ личнымъ образомъ, съ глазу на глазъ, и не изложите въ вашемъ письмѣ вновь всѣхъ главныхъ условій, существовавшихъ между нами, и не объясните окончательно мыслей вашихъ на счетъ Евгенія Николаича, то я принужденъ буду прибѣгнуть къ мѣрамъ вамъ весьма неблагопріятнымъ и даже самому мнѣ противнымъ.

Позвольте пребыть и т. д.

V.

(Отъ Петра Иваныча къ Ивану Петровичу).

11 Ноября.

Любезнѣйшій, почтеннѣйшій другъ мой, Иванъ Петровичъ!

До глубины души моей я былъ огорченъ письмомъ вашимъ. И не совѣстно было вамъ, дорогой, но несправедливый другъ мой, такъ поступать съ лучшимъ доброжелателемъ вашимъ. Поторопиться, не объяснить всего дѣла и, наконецъ, оскорбить меня такими обидными подозрѣніями?!—Но спѣшу отвѣчать на обвиненія ваши.—Не застали вы меня, Иванъ Петровичъ, вчера потому, что я вдругъ и совсѣмъ неожиданно позванъ былъ къ одру умирающей. Тетушка Евфимія Николавна преставилась вчера вечеромъ, въ 11 часовъ пополудни. Общимъ голосомъ родственниковъ избранъ я былъ распорядителемъ всей плачевной и горестной церемоніи. Дѣлъ было столько, что я и по утру сегодня не успѣлъ увидѣться съ вами, ниже увѣдомить хоть строчкой письма. Скорбѣю душевно о недоразумѣніи, вышед-

шемъ между нами. Слова мои о Евгеніѣ Николаичѣ, высказанныя мною шутливо и мимоходомъ, приняли вы въ совершенно противную сторону, а дѣлу всему дали глубоко обижающій меня смыслъ. Упоминаете о деньгахъ и выказываете о нихъ свое безпокойство. Но не обинуясь, готовъ удовлетворить всѣмъ вашимъ желаніямъ и требованіямъ, хотя здѣсь, мимоходомъ, и не могу не напомнить вамъ, что деньги, 350 р. с., взяты мною у васъ на прошлой недѣлѣ на извѣстныхъ условіяхъ, а не заимообразно. Въ послѣднемъ-же случаѣ, непремѣнно-бы существовала росписка. Не снисхожу до объясненій остальныхъ пунктовъ, изложенныхъ въ вашемъ письмѣ. Вижу, что это недоразумѣніе, вижу въ этомъ вашу обычную скорость, горячность и прямоту. Знаю, что благодушіе и открытый характеръ вашъ не позволятъ оставаться сомнѣнію въ сердцѣ вашемъ, и что, наконецъ, вы-же сами протянете первый мнѣ руку вашу. Вы ошиблись, Иванъ Петровичъ, вы крайне ошиблись!

Не смотря на то, что письмо ваше глубоко уязвило меня, я первый, и сегодня-же, готовъ-бы былъ къ вамъ явиться съ повинною, но я нахожусь въ такихъ хлопотахъ, съ самаго вчерашняго дня, что убитъ теперь совершенно и едва стою на ногахъ. Къ довершенію бѣдствій моихъ, жена слегла въ постель; боюсь серіозной болѣзни. Что-же касается до маленькаго, то ему, слава Богу, получше. Но бросаю перо... дѣла зовутъ, а ихъ цѣлая куча. Позвольте, безцѣннѣйшій другъ мой, пребыть, и проч.

VI.

(Отъ Ивана Петровича къ Петру Иванычу).

Ноября 14.

Милостивый мой государь, Петръ Иванычъ!

Я выждалъ три дня; употребить постарался ихъ съ пользою,—между тѣмъ, чувствуя, что вѣжливость и приличіе суть первыя украшенія всякаго человѣка, съ самаго послѣдняго письма моего, отъ десятаго числа сего мѣсяца, не напоминалъ вамъ о себѣ ни словомъ, ни дѣломъ, частію для того, чтобы дать вамъ исполнить безмятежно христіанскій долгъ относительно тетушки вашей, частію-же потому, что для нѣкоторыхъ соображеній и изысканій по извѣстному дѣлу имѣлъ во времени надобность. Теперь-же спѣшу съ вами окончательнымъ и рѣшительнымъ образомъ объясниться.

Признаюсь вамъ откровенно, что при чтеніи первыхъ двухъ писемъ вашихъ я серіозно думалъ, что вы не понимаете, чего я хочу; вотъ по какому случаю наиболѣе искалъ я свиданія съ вами и объясненія съ глазу на глазъ, боялся пера и обвинялъ себя въ неясности способа выраженія мыслей моихъ на бумагѣ. Извѣстно вамъ, что воспитанія и манеровъ хорошихъ я не имѣю, и пустозвоннаго щегольства я чуждаюсь, потому что по горькому опыту позналъ, наконецъ, сколь обманчива иногда бываетъ наружность, и что подъ цвѣтами иногда таится змѣя. Но вы меня понимали; не отвѣчали-же мнѣ такъ, какъ слѣдуетъ, потому, что вѣроломствомъ души своей положили заранѣ измѣнить своему честному слову и существовавшимъ между нами пріятельскимъ отношеніямъ. Совершенно-же доказали вы это гнуснымъ поведеніемъ вашимъ, относительно меня въ послѣднее время, поведеніемъ, пагубнымъ для моего интереса, чего не ожидалъ я и чему вѣрить никакъ не хотѣлъ до настоящей минуты, ибо плѣнный въ самомъ началѣ знакомства нашего умными манерами вашими, тонкостію вашего обращенія, знаніемъ дѣлъ и выгодами, имѣвшими быть мнѣ отъ сообщества съ вами, я полагалъ, что нашелъ истиннаго друга, пріятеля и доброжелателя. Теперь-же ясно позналъ, что есть много людей, подъ льстивою и блестящею наружностью скрывающихъ ядъ въ своемъ сердцѣ, употребляющихъ умъ свой на устроеніе козней ближнему и на непозволительный обманъ, и потому боящихся пера и бумаги, а вмѣстѣ съ тѣмъ и употребляющихъ слогъ свой не на пользу ближняго и отечества, а для усыпленія и обаянія разсудка тѣхъ, кои вошли съ ними въ разныя дѣла и условія. Вѣроломство ваше, милостивый государь мой, относительно меня, ясно можно видѣть изъ нижеслѣдующаго.

Во первыхъ, когда я, въ ясныхъ и отчетливыхъ выраженіяхъ письма моего изображалъ вамъ, милостивый государь мой, свое положеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ спрашивалъ васъ въ первомъ письмѣ моемъ, что вы хотите разумѣть подъ нѣкоторыми выраженіями и намѣреніями вашими, преимущественно-же относительно Евгенія Николаича, то вы по большей части старались умалчивать и, возмутивъ меня разъ подозрѣніями и сомнѣніями, спокойно сторонились отъ дѣла. Потомъ, надѣлавъ со мной такихъ дѣлъ, которыхъ и приличнымъ словомъ назвать нельзя, стали писать, что вы огорчаетесь. Какъ это назвать прикажете, милостивый государь? Потомъ, когда каждая минута была для меня дорога и когда вы заставляли меня гоняться за вами на протяженіи всей столицы, писали вы подъ личиною дружбы мнѣ письма, въ которыхъ, нарочно умалчивая о дѣлѣ, говорили о совершенно посторонихъ вещахъ;

именно о болѣзняхъ, во всякомъ случаѣ уважаемой мною вашей супруги, и о томъ, что вашему малюткѣ ревеню дали, и что-де по сему случаю у него прорѣзался зубъ. Обо всемъ этомъ упоминали вы въ каждомъ письмѣ своемъ, съ гнусною и обидною для меня регулярностью. Конечно, готовъ согласиться, что страданія роднаго дѣтища терзаютъ душу отца, но для чего-же упоминать объ этомъ тогда, когда нужно было совершенно другое, болѣе нужное и интересное. Я молчалъ и терпѣлъ; теперь-же, когда время прошло, долгомъ почелъ объясниться. Наконецъ, нѣсколько разъ вѣроломно обманувши меня ложнымъ назначеніемъ свиданій, заставили меня играть, по видимому, роль вашего дурака и потѣшителя, чѣмъ я быть никогда не намѣренъ. Потомъ, и пригласивъ меня къ себѣ предварительно, и какъ слѣдуетъ обманувъ, увѣдомляете меня, что отозваны были къ страдающей тетушкѣ вашей, получившей ударъ ровно въ пять часовъ, изъясняя такимъ образомъ и тутъ съ постыдною точностью. Къ счастью моему, милостивый мой государь, въ эти три дня я успѣлъ навесть справки, и по нимъ узналъ, что тетушку вашу постигъ ударъ еще наканунѣ осьмаго числа, незадолго до полночи. По сему случаю вижу, что вы употребили святость родственныхъ отношеній для обмана совершенно постороннихъ людей. Наконецъ, въ послѣднемъ письмѣ своемъ упоминаете и о смерти родственницы вашей, какъ-бы приключившейся именно въ то самое время, когда я долженъ былъ явиться къ вамъ для совѣщаній объ извѣстныхъ дѣлахъ. Но здѣсь гнусность разсчетовъ и выдумокъ вашихъ превосходитъ даже всякое вѣроятіе, ибо, по достовѣрнѣйшимъ справкамъ, къ которымъ по счастливѣйшему для меня случаю успѣлъ я прибѣгнуть и кстати, и во время, узналъ я, что тетушка ваша скончалась ровно цѣлыя сутки спустя послѣ безбожно опредѣленнаго вами въ письмѣ своемъ срока для кончины ея. Я не кончу, если буду исчислять всѣ признаки, по коимъ узналъ о вашемъ относительно меня вѣроломствѣ. Довольно даже того для безпристрастнаго наблюдателя, что во всякомъ письмѣ своемъ именуете вы меня своимъ искреннимъ другомъ и называете любезными именами, что̀ дѣлали, по моему разумѣнію, не для чего иного, какъ съ тѣмъ, чтобы усыпить мою совѣсть.

Приступлю теперь къ главному вашему относительно меня обману и вѣроломству, состоящему именно: въ безпрерывномъ умалчиваніи въ послѣднее время о всемъ томъ, что̀ касается общаго нашего интереса, о безбожномъ похищеніи письма, въ которомъ, хотя темно и не совсѣмъ мнѣ понятно, объяснили вы наши обоюдныя условія и соглашенія, въ варварскомъ насильномъ займѣ 350 руб. сер., безъ росписки, сдѣланномъ у меня въ качествѣ вашего

половинщика; и, наконецъ, въ гнусной клеветѣ на общаго знакомаго нашего Евгенія Николаича. Ясно вижу теперь, что хотѣлось вамъ доказать мнѣ, что съ него, съ позволенія сказать, какъ съ козла, нѣтъ ни молока, ни шерсти, и что онъ самъ ни то, ни се, ни рыба, ни мясо, что̀ и поставили ему въ порокъ въ письмѣ своемъ отъ 6-го числа сего мѣсяца. Я-же знаю Евгенія Николаича какъ за скромнаго и благонравнаго юношу, чѣмъ именно можетъ онъ и прельстить, и сыскать, и заслужить уваженіе въ свѣтѣ. Извѣстно тоже мнѣ, что вы каждый вечеръ, въ продолженіи цѣлыхъ двухъ недѣль, клали въ карманъ свой по нѣскольку десятковъ, а иногда и до сотни рублей серебромъ, держа палки и банки Евгенію Николаичу. Теперь-же вы отъ этого всего отпираетесь и не только не соглашаетесь возблагодарить меня за старанія, но даже присвоили безвозвратно собственныя деньги мои, соблазнивъ меня предварительно качествомъ вашего половинщика и обольстивъ меня разными выгодами, имѣющими быть на долю мою. Присвоивъ-же теперь беззаконнѣйшимъ образомъ себѣ мои и Евгенія Николаича деньги, возблагодарить меня уклоняетесь, употребляя для сего клевету, которою и очернили безразсудно въ глазахъ моихъ того, кого я стараніями и усиліями своими ввелъ въ домъ вашъ. Сами-же, напротивъ, по разсказамъ пріятелей, до сихъ поръ чуть-чуть не лижетесь съ нимъ и выдаете всему свѣту за первѣйшаго вашего друга, не смотря на то, что въ свѣтѣ нѣтъ такого послѣдняго дурака, который-бы сразу не угадалъ, къ чему клонятся всѣ ваши намѣренія и что̀ именно значатъ на дѣлѣ дружелюбныя и пріятельскія отношенія ваши. Я-же скажу, что они значатъ обманъ, вѣроломство, забвеніе приличій и правъ человѣка, богопротивны и всячески порочны. Ставлю себя примѣромъ и доказательствомъ. Чѣмъ я васъ оскорбилъ и за что̀ вы со мною такимъ безбожнымъ образомъ поступили?

Кончаю письмо. Я объяснился. Теперь заключаю: если вы, милостивый мой государь, въ наикратчайшее по полученіи письма сего времени не возвратите мнѣ сполна, во первыхъ, мною вамъ данной суммы, 350 руб. сер., и, во вторыхъ, всѣхъ затѣмъ слѣдующихъ мнѣ по обѣщанію вашему суммъ, то я прибѣгну ко всевозможнымъ средствамъ, чтобы принудить васъ къ отдачѣ даже открытою силою: во вторыхъ, къ покровительству законовъ, и, наконецъ, объявляю вамъ, что обладаю кое-какими свидѣтельствами, которыя, оставаясь въ рукахъ вашего покорнѣйшаго слуги и почитателя, могутъ погубить и осквернить ваше имя въ глазахъ цѣлаго свѣта.

Позвольте пребыть и проч.

VII.

(Отъ Петра Иваныча къ Ивану Петровичу).

Ноября 15.

Иванъ Петровичъ! Получивъ ваше мужицкое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, странное посланіе, я въ первую минуту хотѣлъ было разорвать его въ клочки, — но сохранилъ для рѣдкости. Впрочемъ, сердечно сожалѣю о недоразумѣніяхъ и непріятностяхъ нашихъ. Отвѣчать вамъ я было не хотѣлъ. Но заставляетъ необходимость. Именно сими строками объявить вамъ нужно, что видѣть васъ когда либо въ домѣ моемъ мнѣ будетъ весьма непріятно, равно и женѣ моей: она слаба здоровьемъ и запахъ дегтя ей вреденъ. Жена моя отсылаетъ вашей супругѣ книжку ея, оставшуюся у насъ — «Донъ-Кихота Ламанчскаго», съ благодарностью. Что-же касается до вашихъ калошъ, будто-бы забытыхъ вами у насъ во время послѣдняго посѣщенія, то съ сожалѣніемъ увѣдомляю васъ, что ихъ нигдѣ не нашли. Покамѣстъ ихъ ищутъ; но если ихъ совсѣмъ не найдутъ, тогда я вамъ куплю новыя.

Впрочемъ, честь имѣю пребыть и проч.

VIII.

Шестнадцатаго числа ноября, Петръ Ивановичъ получаетъ по городской почтѣ на свое имя два письма. Вскрывая первый пакетъ, вынимаетъ отъ записочку, затѣйливо сложенную, на бѣлено-розовой бумажкѣ. Рука жены его. Адресовано къ Евгенію Николаичу, число 2 ноября. Въ пакетъ больше ничего не нашлось. Петръ Ивановичъ читаетъ:

Милый Eugène! Вчера никакъ нельзя было. Мужъ былъ дома весь вечеръ. Завтра-же пріѣзжай непремѣнно ровно въ одиннадцать. Въ половинѣ одиннадцатаго мужъ отправляется въ Царское и воротится въ полночь. Я злилась всю ночь. Благодарю за присылку извѣстій и переписки. Какая куча бумаги! Неужели это все она исписала? Впрочемъ, есть слогъ; спасибо тебѣ; вижу, что любишь меня. Не сердись за вчерашнее и приходи завтра, ради Бога.

А.

Петръ Ивановичъ распечатываетъ второе письмо.

Петръ Ивановичъ! Нога моя и безъ того-бы никогда не была въ вашемъ домѣ; напрасно изволили даромъ бумагу марать.

На будущей недѣлѣ уѣзжаю въ Симбирскъ; пріятелемъ безцѣннѣйшимъ и любезнѣйшимъ другомъ остается у васъ Евгеній Николаичъ; желаю удачи, а о калошахъ не безпокойтесь.

IX.

Семнадцатаго числа ноября, Иванъ Петровичъ получаетъ по городской почтѣ на свое имя два письма. Вскрывая первый пакетъ, вынимаетъ отъ записочку, небрежно и наскоро написанную. Рука жены его; адрессовано къ Евгенію Николаичу, число 4 августа. Въ пакетѣ больше ничего не нашлось. Иванъ Петровичъ читаетъ:

Прощайте, прощайте Евгеній Николаичъ! Наградп васъ Господь и за это. Будьте счастливы, а мнѣ доля лютая; страшно! Ваша воля была. Если-бы не тетушка, я-бы вамъ ввѣрилась такъ. Не смѣйтесь-же ни на до мною, ни надъ тетушкой. Завтра вѣнчаютъ насъ. Тетушка рада, что нашелся добрый человѣкъ и беретъ безъ приданаго. Я въ первый разъ пристально на него поглядѣла сегодня. Онъ, кажется, добрый такой. Меня торопятъ. Прощайте, прощайте... голубчикъ мой!! Помяните обо мнѣ когда нибудь; я-же васъ никогда не забуду. Прощайте! Подпишу и это послѣднее, какъ первое мое... помните?

Татьяна.

Во второмъ письмѣ было слѣдующее:

ванъ Петровичъ! Завтра вы получите калоши новыя: я ничего не привыкъ таскать изъ чужихъ кармановъ; также не люблю собрать по улицамъ лоскутки всякой всячины.

Евгеній Николаичъ на дняхъ уѣзжаетъ въ Симбирскъ, по дѣламъ своего дѣда, и просилъ меня похлопотать о попутчикѣ; не хотите-ли?

Могила Ѳ. М. Достоевскаго до постановки памятника.

Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ

ХОЗЯЙКА.

ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

рдыновъ рѣшился, наконецъ, перемѣнить квартиру. Хозяйка его, очень бѣдная пожилая вдова и чиновница, у которой онъ нанималъ помѣщеніе, по непредвидѣнным обстоятельствамъ уѣхала изъ Петербурга куда-то въ глушь, къ родственникамъ, не дождавшись перваго числа — срока найма своего. Молодой человѣкъ, дожидая срочное время, съ сожалѣніемъ думалъ о старомъ углѣ и досадовалъ на то, что приходилось оставить его; онъ былъ бѣденъ, а квартира была дорога. На другой-же день послѣ отъѣзда хозяйки, онъ взялъ фуражку и пошелъ бродить по петербургскимъ переулкамъ, высматривая всѣ ярлычки, прибитые къ воротамъ домовъ, и выбирая домъ почернѣе, поподнѣе и *капитальнѣе*, въ которомъ всего удобнѣе было найдти требуемый уголъ у какихъ нибудь бѣдныхъ жильцовъ.

Онъ уже долго искалъ, весьма прилежно, но скоро новыя, почти незнакомыя ощущенія посѣтили его. Сначала, разсѣянно и небрежно, потомъ со вниманіемъ, наконецъ, съ сильнымъ любопытствомъ сталъ онъ смотрѣть кругомъ себя. Толпа и уличная жизнь, шумъ, движеніе, новость предметовъ, новость положенія — вся эта мелочная жизнь и обыденная дребедень, такъ давно наскучившая дѣловому и занятому петербургскому человѣку, безпокойно, но хлопотливо все жизнь свою отыскивающему средствъ умириться, стихнуть и успокоиться гдѣ нибудь въ тепломъ гнѣздѣ, добытымъ трудомъ, потомъ и разными другими средствами, — вся эта пошлая *проза* и скука возбудила въ немъ, напротивъ, какое-то тихо-радостное, свѣтлое ощущеніе. Блѣдныя щеки его стали покрываться легкимъ румянцемъ, глаза заблестѣли какъ будто новой надеждой, и онъ съ жадностью, широко сталъ вдыхать въ себя холодный, свѣжій воздухъ. Ему сдѣлалось необыкновенно легко.

Онъ всегда велъ жизнь тихую, совершенно уединенную. Года три назадъ, получивъ свою ученую степень и ставъ по возможности свободнымъ, онъ пошелъ къ одному старичку, котораго досель зналъ по наслышкѣ, и долго ждалъ покамѣсть ливрейный камердинеръ согласился доложить о немъ въ другой разъ. Потомъ онъ вошелъ въ высокую, темную и пустынную залу, крайне скучную, какъ еще бываетъ въ старинныхъ, уцѣлѣвшихъ отъ времени фамильныхъ, барскихъ домахъ, и увидѣлъ въ ней старичка, увѣшеннаго орденами и украшеннаго сѣдиной, друга и сослуживца его отца и опекуна своего. Старичокъ вручилъ ему щепоточку денегъ. Сумма оказалась очень ничтожною; это былъ остатокъ проданнаго съ молотка за долги прадѣдовскаго наслѣдія. Ордыновъ равнодушно вступилъ во владѣніе, навсегда откланялся опекуну своему и вышелъ на улицу. Вечеръ былъ осенній, холодный и мрачный; молодой человѣкъ былъ задумчивъ, и какая-то безсознательная грусть надрывала его сердце. Въ глазахъ его былъ огонь; онъ чувствовалъ лихорадку, ознобъ и жаръ попеременно. Онъ разсчиталъ дорогою, что можетъ прожить своими средствами года два-три, даже съ голодомъ пополамъ и четыре. Смеркось, накрапывалъ дождь. Онъ сторговалъ первый встрѣчный уголъ и черезъ часъ переѣхалъ. Тамъ онъ какъ будто заперся въ монастырь, какъ будто отрѣшился отъ свѣта. Черезъ два года онъ одичалъ совершенно.

Онъ одичалъ, не замѣчая того; ему покамѣсть и въ голову не приходило, что есть другая жизнь—шумная, гремящая, вѣчно волнующаяся, вѣчно мѣняющаяся, вѣчно зовущая и всегда, рано-ли, поздно-ли, неизбѣжная. Онъ, правда, не могъ не слыхать о ней, но не зналъ и не искалъ ея никогда. Съ самаго дѣтства, онъ жилъ исключительно; теперь эта исключительность опредѣлилась. Его пожирала страсть самая глубокая, самая ненасытимая, истощающая всю жизнь человѣка и не выдѣляющая такимъ существамъ, какъ Ордыновъ, ни одного угла въ сферѣ другой, практической, житейской дѣятельности. Эта страсть была — наука. Она сѣдлала покамѣсть его молодость, медленнымъ, упоительнымъ ядомъ отравляла ночной покой, отнимала у него здоровую пищу и свѣжій воздухъ, котораго никогда не бывало въ его душномъ углу, и Ордыновъ въ упоеніи страсти своей не хотѣлъ замѣчать того. Онъ былъ молодъ и покамѣсть не требовалъ большаго. Страсть сдѣлала его младенцемъ для внѣшней жизни и уже навсегда неспособнымъ заставить посторониться иныхъ добрыхъ людей, когда придетъ къ тому надобность, чтобъ отмежевать себѣ между нихъ хоть какой нибудь уголъ. Наука иныхъ ловкихъ людей —капиталъ въ рукахъ; страсть Ордынова была обращеннымъ на него-же оружіемъ.

Въ немъ было болѣе безсознательнаго влеченія, нежели логически отчетливой причины учиться и знать, какъ и во всякой другой, даже самой мелкой дѣятельности, доселѣ его занимавшей. Еще въ дѣтскихъ лѣтахъ, онъ прослылъ чудакомъ и былъ непохожъ на товарищей. Родителей онъ не зналъ: отъ товарищей за свой странный, нелюдимый характеръ терпѣлъ онъ безчеловѣчность и грубость, отчего сдѣлался дѣйствительно нелюдимъ и угрюмъ и мало по малу ударился въ исключительность. Но въ уединенныхъ занятіяхъ его никогда, даже и теперь, не было порядка и опредѣленной системы: теперь былъ одинъ только первый восторгъ, первый жаръ, первая горячка художника. Онъ самъ создавалъ себѣ систему: она выживалась въ немъ годами, и въ душѣ его уже мало по малу возставалъ еще темный, неясный, но какъ-то дивно-отрадный образъ идеи, воплощенной въ новую, просвѣтленную форму, и эта форма просилась изъ души его, терзая эту душу: онъ еще робко чувствовалъ оригинальность, истину и самобытность ея: творчество уже сказывалось силамъ его; оно формировалось и крѣпло. Но срокъ воплощенія и созданія былъ еще далекъ, можетъ быть, очень далекъ, можетъ быть, совсѣмъ невозможенъ!

Теперь онъ ходилъ по улицамъ, какъ отчужденный, какъ отшельникъ, внезапно вышедшій изъ своей нѣмой пустыни въ шумный и гремящій городъ. Все ему казалось ново и странно. Но онъ до того былъ чуждъ тому міру, который кипѣлъ и грохоталъ кругомъ него, что даже не подумалъ удивиться своему странному ощущенію. Онъ какъ будто не замѣчалъ своего дикарства; напротивъ, въ немъ родилось какое-то радостное чувство, какое-то охмѣлѣніе, какъ у голоднаго, которому послѣ долгаго поста дали пить и ѣсть: хотя, конечно, странно было, что такая мелочная новость положенія, какъ перемѣна квартиры, могла отуманить и взволновать петербургскаго жителя, хотя-бъ и Ордынова; но правда и то, что ему до сихъ поръ почти ни разу не случалось выходить *по дѣлам*.

Все болѣе и болѣе ему нравилось бродить по улицамъ. Онъ глазѣлъ на все какъ *фланеръ*.

Но и теперь, вѣрный своей всегдашней настроенности, онъ читалъ въ ярко раскрывавшейся передъ нимъ картинѣ, какъ въ книгѣ между строкъ. Все поражало его; онъ не терялъ ни одного впечатлѣнія и мыслящимъ взглядомъ смотрѣлъ на лица ходящихъ людей, всматривался въ физіономію всего окружающаго, любовно вслушивался въ рѣчь народную, какъ будто повѣряя на всемъ свои заключенія, родившіяся въ тиши уединенныхъ ночей. Часто какая нибудь мелочь поражала его, рождала идею, и ему вдругъ стало досадно за то, что онъ такъ заживо погребъ себя въ своей

кельѣ. Здѣсь все шло скорѣе: пульсъ его былъ полонъ и быстръ, умъ, подавленный одиночествомъ, изощряемый и возвышаемый лишь напряженною, экзальтированной дѣятельностью, работалъ теперь скоро, покойно и смѣло. Къ тому-же, ему какъ-то безсознательно хотѣлось втѣснить какъ нибудь и себя въ эту для него чуждую жизнь, которую онъ доселѣ зналъ, или, лучше сказать, только вѣрно предчувствовалъ инстинктомъ художника. Сердце его невольно забилось тоскою любви и сочувствія. Онъ внимательнѣе вглядывался въ людей, мимо него проходившихъ: но люди были чужіе, озабоченные и задумчивые... И мало по малу безпечность Ордынова стала невольно упадать: дѣйствительность уже подавляла его, вселяла въ него какой-то невольный страхъ уваженія. Онъ сталъ уставать отъ наплыва новыхъ впечатлѣній, доселѣ ему невѣдомыхъ, какъ больной, который радостно всталъ въ первый разъ съ болѣзненнаго одра своего и упалъ, изнеможенный свѣтомъ, блескомъ, вихремъ жизни, шумомъ и пестротою пролетавшей мимо него толпы, отуманенный, закруженный движеніемъ. Ему стало тоскливо и грустно. Онъ началъ бояться за всю свою жизнь, за всю свою дѣятельность и даже за будущность. Новая мысль убивала покой его. Ему вдругъ пришло въ голову, что всю жизнь свою онъ былъ одинокъ, что никто не любилъ его, да и ему никого не удавалось любить. Иные изъ прохожихъ, съ которыми онъ случайно вступалъ въ разговоры въ началѣ прогулки, смотрѣли на него грубо и странно. Онъ видѣлъ, что его принимали за сумасшедшаго или за оригинальнѣйшаго чудака, что̀, впрочемъ, было совсѣмъ справедливо. Онъ вспомнилъ, что и всегда всѣмъ было какъ-то тяжело въ его присутствіи, что еще и въ дѣтствѣ всѣ бѣжали его за его задумчивый, упорный характеръ, что тяжело, подавленно и непримѣтно другимъ проявлялось его сочувствіе, которое было въ немъ, но въ которомъ какъ-то никогда не было примѣтно нравственнаго равенства, что̀ мучило его, еще ребенкомъ, когда онъ никакъ не походилъ на другихъ дѣтей, своихъ сверстниковъ. Теперь онъ вспомнилъ и сообразилъ, что и всегда, во всякое время, всѣ оставляли и обходили его.

Непримѣтно зашелъ онъ въ одинъ отдаленный отъ центра города конецъ Петербурга. Кое-какъ пообѣдавъ въ уединенномъ трактирѣ, онъ вышелъ опять бродить. Опять прошелъ онъ много улицъ и площадей. За ними потянулись длинные желтые и сѣрые заборы, стали встрѣчаться совсѣмъ ветхія избенки, вмѣсто богатыхъ домовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ колоссальныя зданія подъ фабриками, уродливыя, почернѣвшія, красныя, съ длинными трубами. Всюду было безлюдно и пусто; все смотрѣло какъ-то угрюмо и непріязненно: по крайней мѣрѣ, такъ казалось Ордынову. Былъ уже ве-

черъ. Однимъ длиннымъ переулкомъ онъ вышелъ на площадку, гдѣ стояла приходская церковь.

Онъ вошелъ въ нее разсѣянно. Служба только что кончилась; церковь была почти совсѣмъ пуста, и только двѣ старухи стояли еще на колѣняхъ у входа. Служитель, сѣдой старичокъ, тушилъ свѣчи. Лучи заходящаго солнца широкою струею лились сверху сквозь узкое окно купола и освѣщали моремъ блеска одинъ изъ придѣловъ; но они слабѣли все болѣе и болѣе, и чѣмъ черньe становилась мгла, густѣвшая подъ сводами храма, тѣмъ ярче блистали мѣстами раззолоченныя иконы, озаренныя трепетнымъ заревомъ лампадъ и свѣчей. Въ припадкѣ глубоко-волнующей тоски и какого-то подавленнаго чувства, Ордыновъ прислонился къ стѣнѣ, въ самомъ темномъ углу церкви, и забылся на мгновеніе. Онъ очнулся, когда мѣрный, глухой звукъ двухъ вошедшихъ прихожанъ раздался подъ сводами храма. Онъ поднялъ глаза, и какое-то невыразимое любопытство овладѣло имъ при взглядѣ на двухъ пришельцевъ. Это были старикъ и молодая женщина. Старикъ былъ высокаго роста, еще прямой и бодрый, но худой и болѣзненно блѣдный. Съ вида, его можно было принять за заѣзжаго откуда нибудь издалека купца. На немъ былъ длинный, черный, очевидно, праздничный кафтанъ на мѣху, надѣтый на распашку. Изъ-подъ кафтана видѣлась какая-то другая длиннополая русская одежда, плотно застегнутая снизу до верха. Голая шея была небрежно повязана яркимъ краснымъ платкомъ; въ рукахъ мѣховая шапка. Длинная, тонкая, полусѣдая борода падала ему на грудь и изъ-подъ нависшихъ, хмурыхъ бровей сверкалъ взглядъ огневой, лихорадочно воспаленный, надменный и долгій. Женщина была лѣтъ двадцати и чудно прекрасна. На ней была богатая, голубая, подбитая мѣхомъ шубейка, а голова покрыта бѣлымъ атласнымъ платкомъ, завязаннымъ у подбородка. Она шла потупивъ глаза, и какая-то задумчивая важность, разлитая во всей фигурѣ ея, рѣзко и печально отражалась на сладостномъ контурѣ дѣтски-нѣжныхъ и кроткихъ линій лица ея. Что-то странное было въ этой неожиданной парѣ.

Старикъ остановился посреди церкви и поклонился на всѣ четыре стороны, хотя церковь была совершенно пуста: тоже сдѣлала и его спутница. Потомъ онъ взялъ ее за руку и повелъ къ большому мѣстному образу Богородицы, во имя которой была построена церковь, сіявшему у алтаря ослѣпительнымъ блескомъ огней, отражавшихся на горѣвшей золотомъ и драгоцѣнными камнями ризѣ. Церковнослужитель, послѣдній оставшійся въ церкви, поклонился старику съ уваженіемъ: тотъ кивнулъ ему головою. Женщина упала ницъ передъ иконой. Старикъ взялъ конецъ покрова, ви-

съвшаго у подножія иконы и накрывъ ея голову. Глухое рыданіе раздалось въ церкви.

Ордыновъ былъ пораженъ торжественностью всей этой сцены и съ нетерпѣніемъ ждалъ ея окончанія. Минуты черезъ двѣ, женщина подняла голову, и опять яркій свѣтъ лампады озарилъ прелестное лицо ея. Ордыновъ вздрогнулъ и ступилъ шагъ впередъ. Она уже подала руку старику, и оба тихо пошли изъ церкви. Слезы кипѣли въ ея темныхъ синихъ глазахъ, опушенныхъ длинными, сверкавшими на млечной бѣлизнѣ лица рѣсницами, и катились по побѣдившимъ щекамъ. На губахъ ея мелькала улыбка: но въ лицѣ замѣтны были слѣды какого-то дѣтскаго страха и таинственнаго ужаса. Она робко прижималась къ старику, и видно было, что она вся дрожала отъ волненія.

Пораженный, бичуемый какимъ-то невѣдомо сладостнымъ и упорнымъ чувствомъ, Ордыновъ быстро пошелъ вслѣдъ за ними и на церковной паперти перешелъ имъ дорогу. Старикъ поглядѣлъ на него непріязненно и сурово; она тоже взглянула на него, но безъ любопытства и разсѣянно, какъ будто другая отдаленная мысль занимала ее. Ордыновъ пошелъ вслѣдъ за ними, самъ не понимая своего движенія. Уже совершенно смеркалось; онъ шелъ поодаль. Старикъ и молодая женщина вошли въ большую, широкую улицу, грязную, полную разнаго промышленнаго народа, мучныхъ лабазовъ и постоялыхъ дворовъ, которая вела прямо къ заставѣ, и повернули изъ нея въ узкій, длинный переулокъ, съ длинными заборами по обѣимъ сторонамъ его, упиравшійся въ огромную, почернѣвшую стѣну четырехъ-этажнаго капитальнаго дома, сквозными воротами котораго можно было выйдти на другую, тоже большую и людную улицу. Они уже подходили къ дому; вдругъ старикъ оборотился и съ нетерпѣніемъ взглянулъ на Ордынова. Молодой человѣкъ остановился, какъ вкопаный: ему самому показалось страннымъ его увлеченіе. Старикъ оглянулся другой разъ, какъ будто желая увѣриться, произвела-ли дѣйствіе угроза его, и потомъ оба, онъ и молодая женщина, вошли чрезъ узкія ворота во дворъ дома. Ордыновъ вернулся назадъ.

Онъ былъ въ самомъ непріятномъ расположеніи духа и досадовалъ на самого себя, соображая, что потерялъ день напрасно, напрасно усталъ и вдобавокъ кончилъ глупостью, придавъ смыслъ цѣлаго приключенія происшествію болѣе чѣмъ обыкновенному.

Какъ ни досадовалъ онъ на себя по утру за свою одичалость, но въ инстинктѣ его было бѣжать отъ всего, что могло развлечь, поразить и потрясти его во внѣшнемъ, не внутреннемъ, художественномъ мірѣ его. Теперь съ грустью и съ какимъ-то раская-

ніемъ подумалъ онъ о своемъ безмятежномъ углѣ; потомъ напала на него тоска и забота о неразрѣшенномъ положеніи его, о предстоявшихъ хлопотахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ стало досадно, что такая мелочь могла его занимать. Наконецъ, усталый и не въ состояніи связать двухъ идей, добрелъ онъ уже поздно до квартиры своей и съ изумленіемъ спохватился, что прошелъ было, не замѣчая того, мимо дома, въ которомъ жилъ. Опеломленный и покачивая головою на свою разсѣянность, онъ приписалъ ее усталости и, поднимаясь на лѣстницу, вошелъ, наконецъ, на чердакъ въ свою комнату. Тамъ онъ зажегъ свѣчу—и черезъ минуту образъ плачущей женщины ярко поразилъ его воображеніе. Такъ пламенно, такъ сильно было впечатлѣніе, такъ любовно воспроизвело его сердце эти кроткія, тихія черты лица, потрясеннаго таинственнымъ умиленіемъ и ужасомъ, облитаго слезами восторга или младенческаго покаянія, что глаза его помутились и какъ будто огонь пробѣжалъ по всѣмъ его членамъ. Но видѣніе продолжалось недолго. Послѣ восторга, настало размышленіе, потомъ досада, потомъ какая-то безсильная злость; не раздѣваясь, завернулся онъ въ одѣяло и бросился на жесткую постель свою...

Ордыновъ проснулся уже довольно поздно утромъ въ раздраженномъ, робкомъ и подавленномъ состояніи духа, собрался наскоро, почти насильно стараясь думать о насущныхъ заботахъ своихъ, и отправился въ сторону, противоположную вчерашнему своему путешествію; наконецъ, онъ отыскалъ себѣ квартиру гдѣ-то въ свѣтелкѣ у бѣднаго нѣмца, по прозвищу Шписъ, живнаго съ дочерью Тинхенъ. Шписъ, получивъ задатокъ, тотчасъ-же снялъ ярлыкъ, прибитый на воротахъ и приглашавшій наемщиковъ, похвалилъ Ордынова за любовь къ наукамъ и обѣщалъ самъ усердно позаняться съ нимъ. Ордыновъ сказалъ, что переѣдетъ къ вечеру. Оттуда онъ пошелъ было домой, но раздумалъ и поворотилъ въ другую сторону; бодрость воротилась къ нему, и онъ самъ мысленно улыбнулся своему любопытству. Дорога въ нетерпѣніи показалась ему чрезвычайно длинною: наконецъ, онъ дошелъ до церкви, въ которой былъ вчера вечеромъ. Служили обѣдню. Онъ выбралъ мѣсто, съ котораго могъ видѣть почти всѣхъ молящихся: но тѣхъ, которыхъ онъ искалъ, не было. Послѣ долгаго ожиданія, онъ вышелъ, краснѣя. Упорно подавляя въ себѣ какое-то невольное чувство, упрямо и насильно старался онъ перемѣнить ходъ мыслей своихъ. Раздумывая объ обыденномъ житейскомъ, онъ вспомнилъ, что ему пора обѣдать и, почувствовавъ, что дѣйствительно голоденъ, зашелъ въ тотъ-же самый трактиръ, въ которомъ обѣдалъ вчера. Долго и безсознательно бродилъ онъ по улицамъ, по люднымъ и безлюд-

ными переулками и, наконецъ, зашелъ въ глушь, гдѣ уже не было города и гдѣ разстилалось пожелтѣвшее поле: онъ очнулся, когда мертвая тишина поразила его новымъ, давно невѣдомымъ ему впечатлѣніемъ. День былъ сухой и морозный, какой нерѣдко бываетъ въ петербургскомъ октябрѣ. Неподалеку была изба: возлѣ нея два стога сѣна; маленькая круторебрая лошаденка, понуря голову, съ отвислой губой, стояла безъ упряжи подлѣ двуколесной таратайки, казалось, объ чемъ-то раздумывая. Дворная собака ворча грызла кость возлѣ разбитаго колеса, и трехлѣтній ребенокъ въ одной рубашонкѣ, почесывая свою бѣлую, мохнатую голову, съ удивленіемъ глядѣлъ на зашедшаго одинокаго горожанина. За избой тянулись поля и огороды. На краю синихъ небесъ чернѣлись лѣса, а съ противоположной стороны находили мутныя снѣжныя облака, какъ будто гоня передъ собою стаю перелетныхъ птицъ, безъ крика, одна за другою, пробиравшихся по небу. Все было тихо и какъ-то торжественно-грустно, полно какого-то замиравшаго, притаившагося ожиданія... Ордыновъ пошелъ было дальше и дальше; но пустыня только тяготила его. Онъ повернулъ назадъ, въ городъ, изъ котораго вдругъ пронесся густой гулъ колоколовъ, созывавшихъ къ вечернему богослуженію, удвоилъ шаги и черезъ нѣсколько времени опять пошелъ въ храмъ, такъ знакомый ему со вчерашняго дня.

Незнакомка его была уже тамъ.

Она стояла на колѣняхъ у самаго входа между толпой молившихся. Ордыновъ протѣснился сквозь густую массу нищихъ, старухъ въ лохмотьяхъ, больныхъ и калѣкъ, ожидавшихъ у церковныхъ дверей милостыни, и сталъ на колѣни возлѣ незнакомки. Одежда его касалась ея одежды, и онъ слышалъ порывистое дыханіе, вылетавшее изъ ея устъ, шептавшихъ горячую молитву. Черты лица ея по прежнему были потрясены чувствомъ безпредѣльной набожности, и слезы опять катились и сохли на горячихъ щекахъ ея, какъ будто омывая какое нибудь страшное преступленіе. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояли они оба, было совершенно темно, и только по временамъ тусклое пламя лампады, колеблемое вѣтромъ, врывавшимся чрезъ отворенное узкое стекло окна, озаряло трепетнымъ блескомъ лицо ея, котораго каждая черта врѣзалась въ память юноши, мутила зрѣніе его и глухою, нестерпимою болью надрывала его сердце. Но въ этомъ мученіи было свое изступленное упоеніе. Наконецъ, онъ не могъ выдержать: вся грудь его задрожала и изныла въ одно мгновеніе въ невѣдомо сладостномъ стремленіи и онъ, зарыдавъ, склонился воспаленной головой своей на холодный помостъ церкви. Онъ не слыхалъ и не чувствовалъ ничего, кромѣ боли въ сердцѣ своемъ, замиравшемъ въ сладостныхъ мукахъ.

Одиночествомъ-ли развилась эта крайняя впечатлительность, обнаженность и не защищенность чувства: приготовлялась-ли въ томительномъ, душномъ и безвыходномъ безмолвіи долгихъ, безсонныхъ ночей, среди безсознательныхъ стремленій и нетерпѣливыхъ потрясеній духа, эта порывчатость сердца, готовая, наконецъ, разорваться или найдти изліяніе: или просто настало внезапно время этой торжественной минуты, и такъ должно было быть ей, какъ внезапно, въ знойный, душный день, вдругъ зачернѣетъ все небо и гроза разольется дождемъ и огнемъ на взалкавшую землю, повиснетъ перлами дождя на изумрудныхъ вѣтвяхъ, сомнетъ траву, поля, прибьетъ къ землѣ нѣжныя чашечки цвѣтовъ, чтобъ потомъ, при первыхъ лучахъ солнца, все, опять оживая, устремилось, поднялось на встрѣчу ему и торжественно, до неба послало ему свой роскошный, сладостный оміамъ, веселясь и радуясь обновленной своей жизни... Но Ордынов не могъ-бы теперь и подумать, что съ нимъ дѣлается: онъ едва сознавалъ себя...

Онъ почти не замѣтилъ, какъ кончилось богослуженіе, и очнулся, продираясь за своей незнакомкой сквозь сплотившуюся у входа толпу. Порой, онъ встрѣчалъ ея удивленный и свѣтлый взглядъ. Останавливаемая поминутно выходившимъ народомъ, она не разъ оборачивалась къ нему; видно было, какъ все сильнѣе и сильнѣе росло ея удивленіе, и вдругъ она вся вспыхнула, будто заревомъ. Въ эту минуту вдругъ изъ толпы явился опять вчерашній старикъ и взялъ ее за руку. Ордынов опять встрѣтилъ желчный и насмѣшливый взглядъ его, и какая-то странная злоба вдругъ стѣснила ему сердце. Наконецъ, онъ потерялъ ихъ въ темнотѣ изъ вида: тогда, въ неестественномъ усиліи, онъ рванулся впередъ и вынесъ изъ церкви. Но свѣжій вечерній воздухъ не могъ освѣжить его: дыханіе спиралось и сдавливалось въ его груди, и сердце стало биться медленно и крѣпко, какъ будто хотѣло пробить ему грудь. Наконецъ, онъ увидѣлъ, что дѣйствительно потерялъ своихъ незнакомцевъ; ни въ улицѣ, ни въ переулкѣ ихъ уже не было. Но въ головѣ Ордынова уже явилась мысль, сложился одинъ изъ тѣхъ рѣшительныхъ, страныхъ плановъ, которые хотя и всегда сумасбродны, но зато почти всегда успѣваютъ и выполняются въ подобныхъ случаяхъ; на завтра въ восемь часовъ утра онъ подошелъ къ дому со стороны переулка и вошелъ на узенькій, грязный и нечистый задній дворикъ, нѣчто въ родѣ помойной ямы въ домѣ. Дворникъ, что-то дѣлавшій на дворѣ, пріостановился, упершись подбородкомъ на ручку своей лопаты, оглядѣлъ Ордынова съ ногъ до головы и спросилъ его, что ему надо.

Дворникъ былъ молодой малый, лѣтъ двадцати пяти, съ чрез-

вычайно старообразнымъ лицомъ, сморщенный, маленькій, татарин породою.

— Ищу квартиру, отвѣчалъ съ нетерпѣніемъ Ордыновъ.

— Которая? спросилъ дворникъ съ усмѣшкою.—Онъ смотрѣлъ на Ордынова такъ, какъ будто зналъ все его дѣло.

— Нужно отъ жильцовъ, отвѣчалъ Ордыновъ.

— На томъ дворѣ нѣтъ, отвѣчалъ загадочно дворникъ.

— А здѣсь?

— И здѣсь нѣтъ. Тутъ дворникъ принялся за лопату.

— А, можетъ быть, и уступятъ, сказалъ Ордыновъ, давая дворнику гривенникъ.

Татаринъ взглянулъ на Ордынова, взялъ гривенникъ, потомъ опять взялся за лопату, и послѣ нѣкотораго молчанія объявилъ, что «нѣтъ, нѣту квартира». Но молодой человѣкъ уже не слушалъ его: онъ шелъ по гнилымъ, трясучимъ доскамъ, лежавшимъ въ лужѣ, къ единственному выходу на этотъ дворъ изъ флигеля дома, черному, нечистому, грязному, казалось, захлебывавшемуся въ лужѣ. Въ нижнемъ этажѣ жилъ бѣдный гробовщикъ. Миновавъ его остроумную мастерскую, Ордыновъ по полуразломанной, скользкой винтообразной лѣстницѣ поднялся въ верхній этажъ, ощупалъ въ темнотѣ толстую, неуклюжую дверь, покрытую рогожеными лохмотьями, нашелъ замокъ и пріотворилъ ее. Онъ не ошибся. Передъ нимъ стоялъ ему знакомый старикъ и пристально, съ крайнимъ удивленіемъ смотрѣлъ на него.

— Что тебѣ? спросилъ онъ отрывисто и почти шепотомъ.

— Есть квартира?.. спросилъ Ордыновъ, почти забывъ все, что хотѣлъ сказать.—Онъ увидалъ изъ-за плеча старика свою незнакомку.

Старикъ молча сталъ затворять дверь, вытѣсняя ею Ордынова.

— Есть квартира, раздался вдругъ ласковый голосъ молодой женщины.

Старикъ освободилъ дверь.

— Мнѣ нуженъ уголъ, сказалъ Ордыновъ, поспѣшно входя въ комнату и обращаясь къ красавицѣ.

Но онъ остановился въ изумленіи, какъ вкопаный, взглянувъ на будущихъ хозяевъ своихъ: въ глазахъ его произошла нѣмая, поразительная сцена. Старикъ былъ блѣденъ какъ смерть, какъ будто готовый лишиться чувствъ. Онъ смотрѣлъ свинцовымъ, неподвижнымъ, пронзающимъ взглядомъ на женщину. Она тоже поблѣднѣла сначала; но потомъ вся кровь бросилась ей въ лицо, и глаза ея какъ-то страшно сверкнули. Она повела Ордынова въ другую каморку.

Вся квартира состояла изъ одной довольно обширной комнаты, раздѣленной двумя перегородками на три части; изъ сѣней прямо входили въ узенькую, темную прихожую, прямо была дверь за перегородку, очевидно, въ спальню хозяевъ. Направо, черезъ прихожую, проходили въ комнату, которая отдавалась въ наймы. Она была узенькая и тѣсная, приплюснутая перегородкою къ двумъ низенькимъ окнамъ. Все было загромождено и заставлено необходимыми во всякомъ житьѣ предметами: было бѣдно, тѣсно, но по возможности чисто. Мебель состояла изъ простаго бѣлаго стола, двухъ простыхъ стульевъ и залавка по обѣимъ сторонамъ стѣнъ. Большой старинный образъ съ позолоченнымъ вѣнчикомъ стоялъ надъ полкой въ углу и передъ нимъ горѣла лампада. Въ отдаваемой комнатѣ, и частію въ прихожей, помѣщалась огромная, неуклюжая русская печь. Ясно было, что троимъ въ такой квартирѣ нельзя было жить.

Они стали уговариваться, но безсвязно и едва понимая другъ друга. Ордыновъ за два шага отъ нея слышалъ, какъ стучало ея сердце; онъ видѣлъ, что она вся дрожала отъ волненія и какъ будто отъ страха. Наконецъ, кое-какъ сговорились. Молодой человѣкъ объявилъ, что онъ сейчасъ переѣдетъ, и взглянулъ на хозяина. Старикъ стоялъ въ дверяхъ все еще блѣдный; но тихая, даже задумчивая улыбка прокрадывалась на губахъ его. Встрѣтивъ взглядъ Ордынова, онъ опять нахмурилъ брови.

— Есть паспортъ? спросилъ онъ вдругъ громкимъ, отрывистымъ голосомъ, отворяя ему дверь въ сѣни.

— Да! отвѣчалъ Ордыновъ, немного озадаченный.

— Кто ты таковъ?

— Василій Ордыновъ, дворянинъ, не служу, по своимъ дѣламъ, отвѣчалъ онъ, поддѣлываясь подъ тонъ старика.

— И я тоже, отвѣчалъ старикъ.—Я Илья Муринъ, мѣщанинъ: довольно съ тебя? Ступай...

Черезъ часъ, Ордыновъ уже былъ на новой квартирѣ, къ удивленію своему и своего нѣмца, который уже начиналъ подозрѣвать, вмѣстѣ съ покорною Тинхенъ, что наверпувшійся жилецъ обманулъ его. Ордыновъ-же самъ не понималъ, какъ все это сдѣлалось, да и не хотѣлъ понимать....

II.

Сердце его такъ билось, что въ глазахъ зеленѣло и голова шла кругомъ. Машинально занялся онъ размѣщеніемъ своего скуднаго имущества въ новой квартирѣ, развязалъ узелъ съ разнымъ необходимымъ добромъ, отперъ сундукъ съ книгами и сталъ укладывать ихъ на столъ; но скоро вся эта работа выпала изъ рукъ его. Поминутно сіялъ въ его глазахъ образъ женщины, встрѣча съ которою взволновала и потрясла все его существованіе, который наполнялъ его сердце такимъ неудержимымъ судорожнымъ восторгомъ,—столько счастья прихлынуло разомъ въ скудную жизнь его, что мысли его темнѣли и духъ замиралъ въ тоскѣ и смятеніи. Онъ взялъ свой паспортъ и понесъ къ хозяину въ надеждѣ взглянуть на нее. Но Муринъ едва пріотворилъ дверь, взялъ у него бумагу, сказалъ ему «хорошо, живи съ миромъ» и снова заперся въ своей комнатѣ. Какое-то непріятное чувство овладѣло Ордыновымъ. Неизвѣстно почему, ему стало тяжело глядѣть на этого старика. Въ его взглядѣ было что-то презрительное и злобное. Но непріятное впечатлѣніе скоро разсѣялось. Ужь третій день, какъ Ордыновъ жилъ въ какомъ-то вихрѣ въ сравненіи съ прежнимъ затишьемъ его жизни: но разсуждать онъ не могъ и даже боялся. Все сбилось и перемѣшалось въ его существованіи; онъ глухо чувствовалъ, что вся его жизнь какъ будто переломлена пополамъ; одно стремленіе, одно ожиданіе овладѣло имъ, и другая мысль его не смущала.

Въ недоумѣніи воротился онъ въ свою комнату. Тамъ, у печки, въ которой стряпалось кушанье, хлопотала маленькая, сгорбленная старушонка, такая грязная и въ такомъ отвратительномъ отрепьи, что жалко было смотрѣть на нее. Она, казалось, была очень зла и по временамъ что-то ворчала, шамкая губами себѣ подъ носъ. Это была хозяйская работница. Ордыновъ попробовалъ было заговорить съ нею, но она промолчала, очевидно, со зла. Наконецъ, настала часъ обѣда; старуха вынула изъ печи щи, пироги и говядину и понесла къ хозяевамъ. Того-же подала и Ордынову. Послѣ обѣда, въ квартирѣ настала мертвая тишина.

Ордыновъ взялъ въ руки книгу и долго переворачивалъ листы, стараясь доискаться смысла въ томъ, что читалъ уже нѣсколько разъ. Въ нетерпѣніи онъ отбросилъ книгу и опять попробовалъ было прибирать свои пожитки: наконецъ, взялъ фуражку, надѣлъ шинель и вышелъ на улицу. Идя наудачу, не видя дороги, онъ все старался, по возможности, сосредоточиться духомъ, свести свои

разбитыя мысли и хоть немного разсудить о своемъ положеніи. Но усиліе только повергало его въ страданіе, въ пытку. Озноб и жаръ овладѣвали имъ поперемѣнно, и по временамъ сердце начинало вдругъ стучать такъ, что приходилось прислониться къ стѣнѣ. «Нѣтъ, лучше смерть», думалъ онъ: «лучше смерть», шепталъ онъ воспаленными, дрожащими губами, мало думая о томъ, что́ говорить. Онъ ходилъ очень долго; наконецъ, почувствовавъ, что промокъ до костей, и замѣтивъ въ первый разъ, что дождь идетъ ливнемъ, воротился домой. Неподалеку отъ дома, онъ увидѣлъ своего дворника. Ему показалось, что татаринъ нѣсколько времени пристально и съ любопытствомъ смотрѣлъ на него и потомъ пошелъ своею дорогою, когда замѣтилъ, что его увидали.

— Здравствуй, сказалъ Ордыновъ, нагнавъ его. — Какъ тебя зовутъ?

— Дворникъ зовутъ, отвѣчалъ тотъ, скаля зубы.

— Ты давно здѣсь дворникомъ?

— Давно.

— Хозяинъ мой мѣщанинъ?

— Мѣщанинъ, коли сказывалъ.

— Что̀-жь онъ дѣлаетъ?

— Больна; живетъ, Бога молитъ,—вотъ.

— Это жена его?

— Какая жена?

— Что̀ съ нимъ живетъ?

— Же-на, коли сказывалъ. Прощай, баринъ.

Татаринъ тронулъ шапку и вошелъ въ конуру свою.

Ордыновъ вошелъ въ свою квартиру. Старуха, шамкая и что-то ворча про себя, отворила ему дверь, опять заперла ее на щеколду и полѣзла на печь, на которой доживала свой вѣкъ. Уже смеркалось. Ордыновъ пошелъ достать огня и увидѣлъ, что дверь къ хозяевамъ заперта на замокъ. Онъ кликнулъ старуху, которая, приподнявшись на локоть, зорко смотрѣла на него съ печки, казалось, раздумывая, что̀-бы ему нужно было у хозяйскаго замка: она молча сбросила ему начку спичекъ. Онъ воротился въ комнату и принялся опять, въ сотый разъ, за свои вещи и книги. Но мало по малу, недоумѣвая что̀ съ нимъ дѣлается, присѣлъ на лавку и ему показалось, что онъ заснулъ. Но временамъ приходилъ онъ въ себя и догадывался, что сонъ его былъ не сонъ, а какое-то мучительное, болѣзненное забытье. Онъ слышалъ, какъ стукнула дверь, какъ отворилась она, и догадался, что это воротились хозяева отъ вечерни. Тутъ ему пришло въ голову, что нужно было пойдти къ нимъ зачѣмъ-то. Онъ привсталъ, и показалось ему, что

онъ уже идетъ къ нимъ, но оступился и упалъ на кучу дровъ, брошенныхъ старухою среди комнаты. Тутъ онъ совершенно забылся и, раскрывъ глаза послѣ долгаго-долгаго времени, съ удивленіемъ замѣтилъ, что лежитъ на той-же лавкѣ, такъ какъ былъ, одѣтый, и что надъ нимъ съ нѣжною заботливостію склонялось лицо женщины, дивно прекрасное, и какъ будто все омоченное тихими, материнскими слезами. Онъ слышалъ, какъ положили ему подъ голову подушку и одѣли чѣмъ-то теплымъ, и какъ чья-то нѣжная рука легла на горячій лобъ его. Онъ хотѣлъ поблагодарить, онъ хотѣлъ взять эту руку, поднести къ запекшимся губамъ своимъ, омочить ее слезами и цаловать, цаловать цѣлую вѣчность. Ему хотѣлось что-то много сказать, но что такое — онъ самъ не зналъ того; ему захотѣлось умереть въ эту минуту. Но руки его были какъ свинцовыя и не двигались; онъ какъ будто онѣмѣлъ и слышалъ только, какъ разлетается кровь его по всѣмъ жиламъ, какъ будто приподымая его на постели. Кто-то далъ ему воды... Наконецъ, онъ впалъ въ безпамятство.

Онъ проснулся по утру часовъ въ восемь. Солнце сыпало золотымъ сноиомъ лучи свои сквозь зеленыя занесневѣлыя окна его комнаты; какое-то отрадное ощущеніе нѣжило всѣ члены больнаго. Онъ былъ спокоенъ и тихъ, безконечно счастливъ. Ему казалось, что кто-то былъ сейчасъ у его изголовья. Онъ проснулся, заботливо ища вокругъ себя это невидимое существо; ему такъ хотѣлось обнять своего друга и сказать первый разъ въ жизни — «здравствуй, добрый день тебѣ, мой милый».

— Какъ-же ты долго спишь! сказалъ нѣжный женскій голосъ. Ордыновъ оглянулся, и къ нему склонилось, съ привѣтливою и свѣтлою какъ солнце улыбкою, лицо красавицы-хозяйки его.

— Какъ ты долго былъ боленъ, говорила она: — полно, вставай; что неволишь себя? Волюшка хлѣба слаще, солнца краше. Вставай, голубь мой, вставай.

Ордыновъ схватилъ и крѣпко сжалъ ея руку. Ему казалось, что онъ все еще видитъ сонъ.

— Подожди, я тебѣ чаю готовила; хочешь чаю? Захоти: тебѣ лучше будетъ. Я сама хворала и знаю.

— Да, дай мнѣ пить, сказалъ Ордыновъ слабымъ голосомъ и сталъ на ноги. Онъ еще былъ очень слабъ. Озноб пробѣжалъ по спинѣ его, всѣ члены его болѣли и какъ будто были разбиты. Но на сердцѣ его было ясно, и лучи солнца, казалось, согрѣвали его какою-то торжественною, свѣтлою радостью. Онъ чувствовалъ, что новая, сильная, невидимая жизнь началась для него. Голова его слегка закружилась.

— Вѣдь тебя зовутъ Васильемъ? спросила она:—я ль ослышалась, иль, сдается, тебя хозяинъ такъ вчера назвалъ.

— Да, Василій. А тебя какъ зовутъ? — сказалъ Ордыновъ, приближаясь къ ней и едва устоявъ на ногахъ. Онъ покачнулся. Она схватила его за руки и засмѣялась.

— Меня Катериной, сказала она, смотря ему въ глаза своими большими, ясными, голубыми глазами. Оба держали другъ друга за руки.

— Ты мнѣ хочешь что-то сказать? проговорила она, наконецъ.

— Не знаю, отвѣчалъ Ордыновъ,—у него помутилось зрѣніе.

— Видишь какой. Полно, голубь мой, полно; не горюй, не тужи: садись сюда къ солнцу за столъ; сиди смирно, а за мной не ходи, прибавила она, видя, что молодой человѣкъ сдѣлалъ движеніе, какъ будто удерживая ее: —я сейчасъ сама къ тебѣ буду; успѣешь на меня наглядѣться. Черезъ минуту она принесла чаю, поставила на столъ и сѣла напротивъ его.

— На, напейся, сказала она.—Что, болитъ твоя голова?

— Нѣтъ, теперь не болитъ,—сказалъ онъ:—не знаю, можетъ быть, и болитъ... я не хочу... полно, полно!.. Я и не знаю, что со мною, говорилъ онъ, задыхаясь и отыскавъ, наконецъ, ея руку:— будь здѣсь, не уходи отъ меня: дай, дай мнѣ опять твою руку... У меня въ глазахъ темнѣетъ; я на тебя какъ на солнце смотрю,— сказалъ онъ, какъ будто отрывая отъ сердца слова свои, замирая отъ восторга, когда ихъ говорилъ. Рыданія сдавливали ему горло.

— Бѣдный какой! Знать, не жилъ ты съ человѣкомъ хорошимъ. Ты одинъ-одинешенекъ: нѣтъ у тебя родичей?

— Нѣтъ никого; я одинъ... ничего, пусть! Теперь лучше... хорошо мнѣ теперь! говорилъ Ордыновъ, будто въ бреду. Комната какъ будто ходила кругомъ него.

— Я сама много лѣтъ людей не видала. Ты такъ глядишь на меня... проговорила она послѣ минутнаго молчанія.

— Ну... что-же?

— Какъ будто грѣютъ тебя мои очи! Знаешь, когда любишь кого... Я тебя съ первыхъ словъ въ сердце мое приняла. Заболѣешь, опять буду ходить за тобой. Только ты не болѣй, нѣтъ. Встанешь, будемъ жить какъ братъ и сестра. Хочешь? Вѣдь сестру трудно нажить, какъ Богъ родивъ не далъ.

— Кто ты? Откуда ты? проговорилъ Ордыновъ слабымъ голосомъ.

— Я не здѣшняя... что тебѣ! Знаешь, люди разсказываютъ, какъ жили двѣнадцать братьевъ въ темномъ лѣсу, и какъ заблу-

лилась въ томъ лѣсу красная дѣвица. Зашла она къ нимъ и прибрала имъ все въ домѣ, любовь свою на всемъ положила. Пришли братья и спознали, что сестрица у нихъ день прогостила. Стали ее выкликать, она къ нимъ вышла. Нарекли ее всѣ сестрой, дали ей волюшку, и всѣмъ она была ровня. Знаешь-ли сказку?

— Знаю, прошепталъ Ордыновъ.

— Жить хорошо; любо-ль тебѣ на свѣтѣ жить?

— Да, да; вѣкъ жить, долго жить, отвѣчалъ Ордыновъ.

— Не знаю, сказала задумчиво Катерина: — я-бы и смерти хотѣла. Хорошо жизнь любить и добрыхъ людей любить, да... Смотри, ты опять какъ мука побѣлѣлъ!

— Да, голова кругомъ ходитъ...

— Постой, я тебѣ мою постель принесу и подушку другую; здѣсь и постелю. Заснешь, сбо тебѣ приснится: недугъ отойдетъ. Наша старуха тоже больна...

Она еще говорила, какъ уже начала готовить постель, по временамъ съ улыбкою смотря черезъ плечо на Ордынова.

— Сколько у тебя книгъ! сказала она, сдвигая сундукъ.

Она подошла къ нему, схватила его правой рукой, подвела къ постели, уложила и одѣла одѣяломъ.

— Говорятъ, книги человѣка портятъ, говорила она, задумчиво покачивая головою.—Ты любишь въ книгахъ читать?

— Да, отвѣчалъ Ордыновъ, не зная, спитъ онъ или нѣтъ, и крѣпче сжимая руку Катерины, чтобъ увѣрить себя, что не спитъ.

— У хозяина моего много книгъ; видишь какія! Онъ говоритъ, что божественныя. Онъ мнѣ все читаетъ изъ нихъ. Я потомъ тебѣ покажу; ты мнѣ разскажешь послѣ, что онъ мнѣ въ нихъ все читаетъ?

— Разскажи, прошепталъ Ордыновъ, неотступно смотря на нее.

— Ты любишь молиться? спросила она послѣ минутнаго молчанія.—Знаешь что? Я все боюсь, все боюсь...

Она не договорила, казалось, размышляла о чемъ-то. Ордыновъ поднесъ, наконецъ, ея руку къ губамъ своимъ.

— Что ты мою руку цалуешь? (И щеки ея слегка заалѣли).— На, цалуй ее, продолжала она, смѣясь и подавая ему обѣ руки: потомъ высвободила одну и приложила ее къ горячему лбу его, потомъ стала расправлять и приглаживать его волосы. Она краснѣла болѣе и болѣе; наконецъ, присѣла на полу у постели его и приложила свою щеку къ его щекѣ; теплое, влажное дыханіе ея шелестило по его лицу... Вдругъ Ордыновъ почувствовалъ, что горячія слезы градомъ полились изъ ея глазъ и палили, какъ растопленный свинецъ, на его щеки. Онъ слабѣлъ болѣе и болѣе; онъ уже

не могъ двинуть рукою. Въ это время раздался стукъ въ дверь и загремѣла задвижка. Ордыновъ еще могъ слышать, какъ старикъ, его хозяинъ, вошелъ за перегородку. Онъ слышалъ потомъ, что Катерина привстала, не спѣша и не смущаясь, взяла свои книги, слышалъ, какъ она перекрестила его, уходя; онъ закрылъ глаза. Вдругъ горячій, долгій поцалуй загорѣлся на воспаленныхъ губахъ его, какъ будто ножомъ его ударили въ сердце. Онъ слабо вскрикнулъ и лишился чувствъ...

Потомъ началась для него какая-то страшная жизнь.

Порой, въ минуту неяснаго сознанія, мелькало въ умѣ его, что онъ осужденъ жить въ какомъ-то длинномъ, нескончаемомъ снѣ, полномъ страшныхъ, безплодныхъ тревогъ, борьбы и страданій. Въ ужасѣ онъ старался возстать противъ роковаго фатализма, его гнетущаго, и въ минуту напряженной, самой отчаянной борьбы, какая-то невѣдомая сила опять поражала его, и онъ слышалъ, чувствовалъ ясно, какъ онъ снова теряетъ память, какъ вновь непроходимая, бездонная темень разверзается передъ нимъ, и онъ бросается въ нее съ воплемъ тоски и отчаянія. Порой мелькали мгновенія невыносимаго, уничтожающаго счастья, когда жизненность судорожно усиливается во всемъ составѣ человѣческомъ, яснѣетъ прошедшее, звучитъ торжествомъ, веселіемъ настоящій свѣтлый мигъ и снится на яву невѣдомое грядущее; когда невыразимая надежда падаетъ живительной росой на душу; когда хочешь вскрикнуть отъ восторга; когда чувствуешь, что немощна плоть предъ такимъ гнетомъ впечатлѣній, что разрывается вся нить бытія, и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, поздравляешь всю жизнь свою съ обновленіемъ и воскресеніемъ. Порой онъ опять впадалъ въ усыпленіе, и тогда все, что случилось съ нимъ въ послѣдніе дни, снова повторялось, и смутнымъ, мятежнымъ роемъ проходило въ умѣ его; но видѣнье представлялось ему въ страшномъ, загадочномъ видѣ. Порой больной забывалъ, что съ нимъ было, и удивлялся, что онъ не на старой квартирѣ, не у старой хозяйки своей. Онъ недоумѣвалъ, отчего старушка не подходила, какъ бывало всегда въ поздній сумеречный часъ, къ потухавшей печкѣ, обливавшей по временамъ слабымъ, мерцающимъ заревомъ весь темный уголъ комнаты, и въ ожиданіи, какъ погаснетъ огонь, не грѣла, по привычкѣ, своихъ костлявыхъ, дрожащихъ рукъ на замирающемъ огнѣ, всегда болтая и ворча про себя и изрѣдка въ недоумѣніи поглядывая на него, чуднаго жильца своего, котораго считала помѣшаннымъ отъ долгаго сидѣнія за книгами. Другой разъ онъ вспоминалъ, что переѣхалъ на другую квартиру; но какъ это сдѣлалось, что съ нимъ было, и зачѣмъ пришлось переѣхать, онъ не зналъ того, хотя замиралъ

весь духъ его, въ безпрерывномъ, неудержимомъ стремленіи... Но куда, что звало и мучило его, и кто бросилъ этотъ невыносимый пламень, душившій, пожиравшій всю кровь его? — онъ опять не зналъ и не помнилъ. Часто жадно ловилъ онъ руками какую-то тѣнь, часто слышались ему шелестъ близкихъ, легкихъ шаговъ около постели его и сладкихъ, какъ музыка, шепотъ чьихъ-то ласковыхъ, нѣжныхъ рѣчей; чье-то влажное, порывистое дыханіе скользило по лицу его, и любовью потрясалось все его существо; чьи-то горячія слезы жгли его воспаленныя щеки, и вдругъ чей-то поцалуи, долгій, нѣжный, впивался въ его губы; тогда жизнь его изнывала въ неугасимой мукѣ, казалось, все бытіе, весь міръ останавливался, умиралъ на цѣлые вѣка кругомъ него, и долгая, тысячелѣтняя ночь простиралась надъ всѣмъ... .

То какъ будто наступали для него опять его нѣжные, безмятежно-прошедшіе годы перваго дѣтства, съ ихъ свѣтлою радостію, съ неугасимымъ счастіемъ, съ первымъ сладостнымъ удивленіемъ къ жизни, съ роями свѣтлыхъ духовъ, вылетавшихъ изъ-подъ каждаго цвѣтка, который срывалъ онъ, игравшихъ съ нимъ на тучномъ зеленомъ лугу передъ маленькимъ домикомъ, окруженнымъ акаціями, улыбавшихся ему изъ хрустальнаго, необозримаго озера, возлѣ котораго просиживалъ онъ по цѣлымъ часамъ, прислушиваясь какъ бьется волна о волну, и шелестившихъ кругомъ него крыльями, любовно усыпая свѣтлыми, радужными сновидѣніями маленькую его колыбельку, когда его мать, склоняясь надъ нею, крестила, цаловала и баюкала его тихою колыбельною пѣсенкой въ долгія, безмятежныя ночи. Но тутъ вдругъ стало являться одно существо, которое смущало его какимъ-то не дѣтскимъ ужасомъ, которое вливало первый, медленный ядъ горя и слезъ въ его жизнь; онъ смутно чувствовалъ, какъ невѣдомый старикъ держитъ во власти своей всѣ его грядущіе годы, и, трепеща, не могъ онъ отвести отъ него глазъ своихъ. Злой старикъ за нимъ слѣдовалъ всюду. Онъ выглядывалъ и обманчиво кивалъ ему головою изъ-подъ каждаго куста въ рощѣ, смѣялся и дразнилъ его, вонлощался въ каждую куклу ребенка, гримасничая и хохоча въ рукахъ его, какъ злой, свирѣпый гномъ: онъ подбивалъ на него каждаго изъ его безчеловѣчныхъ школьныхъ товарищей, или, садясь съ малютками на школьную скамью, гримасничая, выглядывалъ изъ-подъ каждой буквы его грамматики. Потомъ, во время сна, злой старикъ садился у его изголовья... Онъ отгонялъ рои свѣтлыхъ духовъ, шелестившихъ своими золотыми и сафирными крыльями кругомъ его колыбели, отвелъ отъ него навсегда его бѣдную мать и сталъ по цѣлымъ ночамъ нашептывать ему длинную, дивную сказку, невнятную для сердца

дитяти, но терзавшую, волновавшую его ужасомъ и не дѣтскою страстью. Но злой старикъ не слушалъ его рыданій и просьбъ и все продолжалъ ему говорить, покамѣстъ онъ не впалъ въ оцѣпенѣніе, въ безпамятство. Потомъ малютка просыпался вдругъ человѣкомъ: невидимо и неслышно пронеслись надъ нимъ цѣлые годы. Онъ вдругъ сознавалъ свое настоящее положеніе, вдругъ сталъ понимать, что онъ одинокъ и чуждъ всему міру, одинъ въ чужомъ углу, межъ таинственныхъ, подозрительныхъ людей, между враговъ, которые все собираются и шепчутся по угламъ его темной комнаты и киваютъ старухѣ, сидѣвшей у огня на корточкахъ, нагрѣвавшей свои дряхлыя, старыя руки и указывавшей имъ на него. Онъ впадалъ въ смятеніе, въ тревогу; ему все хотѣлось узнать, кто таковы эти люди, зачѣмъ они здѣсь, зачѣмъ онъ самъ въ этой комнатѣ, и догадывался, что забрелъ въ какой-то темный, злодѣйскій притонъ, будучи увлеченъ чѣмъ-то могущимъ, но невѣдомымъ, не разсмотрѣвъ прежде, кто и каковы жильцы и кто именно его хозяева. Его начинало мучить подозрѣніе,—и вдругъ, среди ночной темноты опять началась шепотливая, длинная сказка и начала ее тихо, чуть внятно, про себя, какая-то старуха, печально качая передъ потухавшимъ огнемъ своей бѣлой, сѣдой головой. Но—и опять ужасъ нападалъ на него: сказка воплощалась передъ нимъ въ лица и формы. Онъ видѣлъ, какъ все, начиная съ дѣтскихъ, неясныхъ грезъ его, всѣ мысли и мечты его, все, что̀ онъ выжилъ жизнію, все, что̀ вычиталъ въ книгахъ, все объ чемъ уже и забылъ давно, все одушевлялось, все складывалось, воплощалось, вставало передъ нимъ въ колоссальныхъ формахъ и образахъ, ходило, роилось кругомъ него; видѣлъ, какъ раскидывались передъ нимъ волшебные, роскошные сады, какъ слагались и разрушались въ глазахъ его цѣлые города, какъ цѣлыя кладбища высылали ему своихъ мертвецовъ, которые начинали жить съизнова, какъ приходили, рождались и отжили въ глазахъ его цѣлые племена и народы, какъ воплощалась, наконецъ, теперь, вокругъ болѣзненнаго одра его, каждая мысль его, каждая безплотная греза, воплощалась почти въ мигъ зарожденія; какъ, наконецъ, онъ мыслилъ не безплотными идеями, а цѣлыми мірами, цѣлыми созданіями; какъ онъ носился, подобно пылинкѣ, во всемъ этомъ безконечномъ, странномъ, невыходимомъ мірѣ, и какъ вся эта жизнь, своею мятежною независимостью, давитъ, гнететъ его и преслѣдуетъ его вѣчной, безконечной пыткой: онъ слышалъ, какъ онъ умираетъ, разрушается въ пыль и прахъ, безъ воскресенія, на вѣки вѣковъ; онъ хотѣлъ бѣжать, но не было угла во всей вселенной, чтобъ укрыть его. Наконецъ, въ припадкѣ отчаянія, онъ напрягъ свои силы, вскрикнулъ и проснулся...

Онъ проснулся, весь облитый холоднымъ, ледянымъ потомъ. Кругомъ него стояла мертвая тишина; была глубокая ночь. Но все ему казалось, что гдѣ-то продолжается его дивная сказка, что чей-то хрипльій голосъ дѣйствительно заводитъ долгій разсказъ о чемъ-то какъ будто ему знакомомъ. Онъ слышалъ, что говорятъ про темные лѣса, про какихъ-то лихихъ разбойниковъ, про какого-то удалаго молодца, чуть-чуть не про самого Стеньку Разина, про веселыхъ пьяницъ, бурлаковъ, про одну красную дѣвицу и про Волгу-матушку. Не сказка-ли это? На яву-ли онъ слышитъ ее? Цѣлый часъ пролежалъ онъ, открывъ глаза, не шевеля ни однимъ членомъ, въ мучительномъ оцѣпенѣніи. Наконецъ, онъ привсталъ осторожно и съ веселіемъ ощутилъ въ себѣ силу, непстощимую въ лютой болѣзни. Бредъ прошелъ, начиналась дѣйствительность. Онъ замѣтилъ, что еще былъ одѣтъ такъ, какъ былъ во время разговора съ Катериной, и что, слѣдовательно, немного времени прошло съ того утра, какъ она ушла отъ него. Огонь рѣшимости пробѣжалъ по его жиламъ. Машинально отыскалъ онъ руками больной гвоздь, вбитый для чего-то вверху перегородки, возлѣ которой поставили постель его, схватился за него, и, повиснувъ на немъ всѣмъ тѣломъ, кое-какъ добрался до щели, изъ которой выходилъ едва замѣтный свѣтъ въ его комнату. Онъ приложилъ глазъ къ отверстію и сталъ глядѣть, едва переводя духъ отъ волненія.

Въ углу хозяйской коморки стояла постель, передъ постелью столъ, покрытый ковромъ, заваленный книгами большой старинной формы, въ переплетахъ, напоминавшихъ священныя книги. Въ углу стоялъ образъ, такой-же старинный, какъ и въ его комнатѣ: передъ образомъ горѣла лампада. На постели лежалъ старикъ Муринъ, больной, изможденный страданіемъ и блѣдный какъ полотно, закрытый мѣховымъ одѣяломъ. На колѣняхъ его была раскрыта книга. На скамьѣ возлѣ постели лежала Катерина, охвативъ рукою грудь старика и склонившись къ нему на плечо головою. Она смотрѣла на него внимательными, дѣтски-удивленными глазами и, казалось, съ нестоющимъ любопытствомъ, замирая отъ ожиданія, слушала то, что онъ разсказывалъ Муринъ. По временамъ, голосъ разсказчика возвышался, одушевленіе отражалось на блѣдномъ лицѣ его; онъ хмурилъ брови, глаза его начинали сверкать, и Катерина, казалось, блѣднѣла отъ страха и волненія. Тогда что-то похожее на улыбку являлось на лицѣ старика, и Катерина начинала тихо смѣяться. Порой слезы загорались въ глазахъ ея: тогда старикъ нѣжно гладилъ ее по головѣ какъ ребенка, и она еще крѣпче обнимала его своею обнаженною, сверкающею какъ снѣгъ рукою, и еще любовнѣе припадала къ груди его.

По временамъ Ордыновъ думалъ, что все это еще сонъ, долженъ былъ въ этомъ увѣрить: но кровь ему бросилась въ голову и жилы напряженно, съ болью, бились на вискахъ его. Онъ выпустилъ гвоздь, всталъ съ постели и, качаясь, пробираясь какъ лунатикъ, самъ не понимая своего побужденія, всколыхнувшаго цѣлымъ пожаромъ въ крови его, подошелъ къ хозяйскимъ дверямъ и съ силой толкнулся въ нихъ: ржавая задвижка отлетѣла разомъ, и онъ вдругъ съ шумомъ и трескомъ очутился среди хозяйской спальни. Онъ видѣлъ, какъ вся встрепенулась и вздрогнула Катерина, какъ злобно засверкали глаза старика изъ подъ тяжело-сдавленныхъ вмѣстѣ бровей и какъ внезапно ярость исказила все лицо его. Онъ видѣлъ, какъ старикъ, не спуская съ него своихъ глазъ, блуждающей рукой на-скоро ищетъ ружье, висѣвшее на стѣнѣ: видѣлъ потомъ, какъ сверкнуло дуло ружья, направленное невѣрной, дрожащей отъ бѣшенства рукой прямо въ грудь его... Раздался выстрѣлъ, раздался потомъ дикій, почти нечеловѣческій крикъ, и когда развлетѣлся дымъ, страшное зрѣлище поразило Ордынова. Дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ нагнулся надъ старикомъ. Муринъ лежалъ на полу; его коробило въ судорогахъ, лицо его было искажено въ мукахъ, и пѣна показывалась на искривленныхъ губахъ его. Ордыновъ догадался, что несчастный былъ въ жесточайшемъ припадкѣ падучей болѣзни. Вмѣстѣ съ Катериной, онъ бросился помогать ему...

III.

Вся ночь прошла въ тревогѣ. На другой день Ордыновъ вышелъ рано по утру, не смотря на свою слабость и на лихорадку, которая все еще не оставляла его. На дворѣ онъ опять встрѣтилъ дворника. Въ этотъ разъ татаринъ еще издали приподнялъ фуражку и съ любопытствомъ поглядѣлъ на него. Потомъ, какъ будто опомнясь, принялся за свою метлу, искоса взглядывая на медленно приближавшагося Ордынова.

— Что? Ты ничего не слыхалъ ночью? спросилъ Ордыновъ.

— Да, слыхалъ.

— Что это за человѣкъ? Кто онъ такой?

— Сама нанимала, сама и знай, а моя чужая.

— Да будешь-ли ты когда говорить! закричалъ Ордыновъ внѣ себя отъ припадка какой-то болѣзненной раздражительности.

— А моя что сдѣлала? Виновата твоя, —твоя жильцовъ пугала. Внизу гробовщикъ жилъ: онъ глухъ, а все слышалъ, и баба его

глухая, и та слышала. А на другомъ дворѣ, хоть и далеко, а тоже слышала—вотъ. Я къ надзирателю пойду.

— Я самъ туда-же пойду, отвѣчалъ Ордыновъ и пошелъ къ воротамъ.

— А хошь какъ хошь; сама нанимала... Баринъ, баринъ, постой! Ордыновъ оглянулся: дворникъ изъ учтивости тронулъ за шапку.

— Ну!

— Коль пойдешь, я къ хозяину пойду.

— Что-жь?

— Лучше съѣзжай.

— Ты глупъ, проговорилъ Ордыновъ и опять пошелъ было прочь.

— Баринъ, баринъ, постой. Дворникъ опять тронулъ за шапку и оскалилъ зубы.

— Слушай, баринъ: ты сердце держи: за что бѣднаго гнать? Бѣднаго гонять—грѣхъ. Богъ не велитъ—слышь?

— Слушай-же и ты: вотъ возьми это. Ну, кто-жь онъ таковъ?

— Кто таковъ?

— Да.

— Я и безъ денегъ скажу.

Тутъ дворникъ взялъ метлу, махнулъ разъ-два, потомъ остановился, внимательно и важно посмотрѣвъ на Ордынова.

— Ты баринъ хорошій. А не хошь жить съ человѣкомъ хорошимъ, какъ хошь; моя вотъ какъ сказала.

Тутъ татаринъ посмотрѣлъ еще выразительнѣе и какъ будто осердясь, опять принялся за метлу. Показавъ, наконецъ, видъ, что кончилъ какое-то дѣло, онъ таинственно подошелъ къ Ордынову и, сдѣлавъ какой-то очень выразительный жестъ, произнесъ:

— Она вотъ что!

— Чего? Какъ?

— Ума нѣтъ.

— Что?

— Улетѣла. Да! Улетѣла! повторилъ онъ еще болѣе таинственнымъ тономъ.—Она больна. У него барка была, большая была, и другая была, и третья была, по Волгѣ ходила, а я самъ изъ Волги: еще заводъ была, да сгорѣла, и онъ безъ башка.

— Онъ помѣшанный?

— Ни!.. Ни! отвѣчалъ съ разстановкой татаринъ.—Не мѣшана. Онъ умный человѣкъ. Она все знаетъ, книжка много читала, читала, все читала и другимъ правда сказывала. Такъ, пришла кто: два рубля, три рубля, 40 рубля, а не хошь какъ хошь; книжка

посмотритъ, увидитъ и всю правду скажетъ. А деньга на столъ. тотчасъ на столъ,—безъ деньга ни!

Тутъ татаринъ, съ излишкомъ сердца входившій въ интересы Мурина, даже засмѣялся отъ радости.

— Что-жь, онъ колдовалъ, гадалъ кому нибудь?

— Гм... промычалъ дворникъ, скоро кивнувъ головою: — она правду сказывала. Она Бога молитъ, много молитъ. А то такъ, находитъ на него.

Тутъ татаринъ опять повторилъ свой выразительный жестъ.

Въ эту минуту кто-то кликнулъ дворника съ другаго двора, а вслѣдъ за тѣмъ показался какой-то маленькій, сгорбленный, сѣденькій человѣкъ въ тулупѣ. Онъ шелъ кряхтя, спотыкаясь, смотрѣлъ въ землю и что-то нашептывалъ про себя. Можно было подумать, что онъ отъ старости выжилъ изъ ума.

— Хозяева, хозяева! пропищалъ въ понькахъ дворникъ, наскоро кивнувъ головою Ордынову и, сорвавъ шапку, бросился бѣгомъ къ старичку, котораго лицо было какъ-то знакомо Ордынову: по крайней мѣрѣ, онъ гдѣ-то встрѣтилъ его очень недавно. Сообразивъ, впрочемъ, что тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, онъ пошелъ со двора. Дворникъ показался ему мошенникомъ и наглецомъ первой руки. —Бездѣльникъ точно торговался со мной! думалъ онъ: Богъ знаетъ, что̀ тутъ такое!

Онъ уже произнесъ это на улицѣ.

Мало по малу, его начали одолѣвать другія мысли. Впечатлѣніе было непріятное: день сѣрый и холодный, порхалъ снѣгъ. Молодой человѣкъ чувствовалъ, какъ озноб снова начинаетъ ломать его; онъ чувствовалъ тоже, что какъ будто земля начинала подъ нимъ колыхаться. Вдругъ одинъ знакомый голосъ непріятно-сладенькимъ, дребезжащимъ теноромъ пожелалъ ему добраго утра.

— Ярославъ Ильичъ! сказалъ Ордыновъ.

Передъ нимъ стоялъ бодрый, краснощекій человѣкъ, съ виду лѣтъ тридцати, невысокаго роста, съ сѣренькими масляными глазками, съ улыбочкой, одѣтый... какъ и всегда бываетъ одѣтъ Ярославъ Ильичъ, и пріятнѣйшимъ образомъ протягивалъ ему руку. Ордыновъ познакомился съ Ярославомъ Ильичемъ тому назадъ ровно годъ, совершенно случайнымъ образомъ, почти на улицѣ. Очень легкому знакомству способствовала, кромѣ случайности, необыкновенная наклонность Ярослава Ильича отыскивать всюду добрыхъ, благородныхъ людей, прежде всего образованныхъ и, по крайней мѣрѣ, талантомъ и красотою обращенія достойныхъ принадлежать высшему обществу. Хотя Ярославъ Ильичъ имѣлъ чрезвычайно сладенькій теноръ, но даже въ разговорахъ съ некре-

нѣжными друзьями въ настроѣ его голоса проглядываю что-то необыкновенно-свѣтлое, могучее и повелительное, не терпящее никакихъ отлагательствъ, что было, можетъ быть, слѣдствіемъ привычки.

— Какимъ образомъ? вскрикнулъ Ярославъ Ильичъ съ выраженіемъ искреннѣйшей, восторженной радости.

— Я здѣсь живу.

— Давно-ли? продолжалъ Ярославъ Ильичъ, подымая ноту все выше и выше.—И я не зналъ этого! Но я съ вами сосѣдъ! Я теперь уже въ здѣшней части. Я уже мѣсяцъ какъ воротился изъ Рязанской губерніи. Поймалъ-же васъ, старинный и благороднѣйшій другъ!—И Ярославъ Ильичъ разсмѣялся добродушнѣйшимъ образомъ.

— Сергѣевъ! закричалъ онъ вдохновенно:—жди меня у Тарасова: да чтобъ безъ меня не шевелили кулей. Да турни олсуфьевскаго дворника; скажи, чтобъ тотъ-же часъ явился въ контору. Я приду черезъ часъ...

На скоро отдавая кому-то этотъ приказъ, деликатный Ярославъ Ильичъ взялъ Ордынова подъ руку и повелъ въ ближайшій трактиръ.

— Не успокоюсь безъ того, пока не перебросимъ двухъ словъ наединѣ послѣ такой долгой разлуки. Но, что ваши занятія? прибавилъ онъ почти благоговѣйно и таинственно понизивъ голосъ:—всегда въ наукахъ?

— Да, я по прежнему, отвѣчалъ Ордыновъ, у котораго мелькнула одна свѣтлая мысль.

— Благородно, Василій Михайловичъ, благородно!—Тутъ Ярославъ Ильичъ крѣпко пожалъ руку Ордынова:—вы будете украшеніемъ нашего общества. Подай вамъ Господь счастливаго пути на вашемъ поприщѣ... Боже! какъ я радъ, что васъ встрѣтилъ! Сколько разъ я вспоминалъ объ васъ, сколько разъ говорилъ: гдѣ-то онъ, нашъ добрый, великодушный, остроумный Василій Михайловичъ?

Они заняли особую комнату. Ярославъ Ильичъ заказалъ закуску, велѣлъ подать водки и съ чувствомъ взглянулъ на Ордынова.

— Я много читалъ безъ васъ, началъ онъ робкимъ, немного вкрадчивымъ голосомъ.—Я прочелъ всего Пушкина...

Ордыновъ разсѣянно посмотрѣлъ на него.

— Удивительно изображеніе человѣческой страсти-съ. Но прежде всего позвольте мнѣ быть вамъ благодарнымъ. Вы такъ много сдѣлали для меня благородствомъ внушеній справедливаго образа мыслей...

— Помилуйте!

— Нѣтъ, позвольте-съ. Я всегда люблю воздать справедливость и горжусь, что, по крайней мѣрѣ, хоть это чувство не замолкло во мнѣ.

— Помилуйте, вы несправедливы къ себѣ, и я, право...

— Нѣтъ, совершенно справедливъ-съ, возразилъ съ необыкновеннымъ жаромъ Ярославъ Ильичъ. —Что я такое въ сравненіи съ вами-съ? Не правда-ли?

— Ахъ, Боже мой!

— Да-съ...

Тутъ послѣдовало молчаніе.

— Слѣдуя вашимъ совѣтамъ, я прервалъ много грубыхъ знакомствъ и смягчилъ отчасти грубость привычекъ, началъ опять Ярославъ Ильичъ нѣсколько робкимъ и вкрадчивымъ голосомъ.— Въ свободное отъ должности время большею частію сижу дома; по вечерамъ читаю какую нибудь полезную книгу и... у меня одно желаніе, Василій Михайловичъ, приносить хоть посильную пользу отечеству...

— Я всегда считалъ васъ за благороднѣйшаго человѣка, Ярославъ Ильичъ.

— Вы всегда приносите бальзамъ... благородный молодой человѣкъ...

Ярославъ Ильичъ горячо пожалъ руку Ордынову.

— Вы не пьете? замѣтилъ онъ, немного утишивъ свое волненіе.

— Не могу; я боленъ.

— Больны? Да, въ самомъ дѣлѣ! Давно-ли, какъ, какимъ образомъ вы изволили заболѣть? Угодно, я скажу... какой медикъ васъ лечитъ? Угодно, я сейчасъ скажу нашему частному доктору. Я самъ, лично, къ нему побѣгу. Искуснѣйшій человѣкъ!

Ярославъ Ильичъ уже брался за шляпу.

— Покорно благодарю. Я не лечусь и не люблю лѣкарей...

— Что вы? Можно-ли этакъ? Но это искуснѣйшій человѣкъ, продолжалъ Ярославъ Ильичъ, умоляя: —намедни, —но позвольте вамъ это разсказать, дорогой Василій Михайловичъ,—намедни приходитъ бѣдный слесарь: «я, вотъ, говоритъ, накололъ себѣ руку моимъ орудіемъ; излечите меня»... Семенъ Нафнутычъ, видя, что несчастному угрожаетъ антоновъ огонь, принялъ мѣру отрѣзать зараженный членъ. Онъ сдѣлалъ это при мнѣ. Но это было такъ сдѣлано, такимъ благор... то есть, такимъ восхитительнымъ образомъ, что, признаюсь, если-бъ не состраданіе къ страждущему человѣчеству, то было-бы пріятно посмотрѣть такъ, просто, изъ любопытства-съ. Но гдѣ и какъ изволили заболѣть?

— Переѣзжая на квартиру... Я только что всталъ.

— Но вы еще очень нездоровы, и вамъ-бы не слѣдовало выходить. Стало быть, вы уже не тамъ, гдѣ прежде, живете? Но что̀ побудило васъ?

— Моя хозяйка уѣхала изъ Петербурга.

— Дома Савишна? Неужели?.. Добрая, истинно благородная старушка! Знаете-ли? Я чувствовалъ къ ней почти сыновнее уваженіе. Что-то возвышенное прадѣдовскихъ лѣтъ свѣтилось въ этой почти отжившей жизни; и, глядя на нее, какъ будто видишь передъ собою воплощеніе нашей сѣдой, величавой старинушки... то есть изъ этого... что-то тутъ, знаете, этакъ поэтическое!.. заключилъ Ярославъ Ильичъ, совершенно оробѣвъ и покраснѣвъ до ушей.

— Да, она была добрая женщина.

— Но позвольте узнать, гдѣ вы теперь изволили поселиться?

— Здѣсь недалеко, въ домѣ Кашмарова.

— Я съ нимъ знакомъ. Величавый старикъ! Я съ нимъ, смѣю сказать, почти искренній другъ. Благородная старость!

Усы Ярослава Ильича почти дрожали отъ радости умиленія. Онъ спросилъ еще рюмку водки и трубку.

— Сами по себѣ нанимаете?

— Нѣтъ, у жильца.

— Кто таковъ? Можетъ быть, я тоже знакомъ.

— У Мурина, мѣщанина; старикъ высокаго роста...

— Муринъ, Муринъ; да, позвольте-съ, это на заднемъ дворѣ, надъ гробовщикомъ?

— Да, да, на самомъ заднемъ дворѣ.

— Гм... вамъ покойно жить-съ?

— Да я только что переѣхалъ.

— Гм... я только хотѣлъ сказать, гм... впрочемъ, но вы не замѣтили-ль чего особеннаго?

— Право...

— То есть, я увѣренъ, что вамъ будетъ жить у него хорошо, если вы останетесь довольны помѣщеніемъ... я и не къ тому говорю, готовъ предупредить; но, зная вашъ характеръ... Какъ вамъ показался этотъ старикъ-мѣщанинъ?

— Онъ, кажется, совсѣмъ больной человѣкъ.

— Да, онъ очень страждущъ... Но вы такого ничего не замѣтили? Вы говорили съ нимъ?

— Очень мало; онъ такой нелюдимый и желчный...

— Гм... Ярославъ Ильичъ задумался.

— Несчастный человѣкъ! сказалъ онъ, помолчавъ.

— Онъ?

— Да, несчастный и вмѣстѣ съ тѣмъ до невѣроятности странный и занимательный человѣкъ. Впрочемъ, если онъ васъ не безпокоитъ... Извините, что я обратилъ вниманіе на такой предметъ, но я полюбопытствовалъ...

— И, право, возбудили и мое любопытство. . Я-бы очень желалъ знать, кто онъ таковъ. Къ тому-же, я съ нимъ живу...

— Видите-ли-съ: говорятъ, этотъ человѣкъ былъ прежде очень богатъ. Онъ торговалъ, какъ вамъ, вѣроятно, удавалось слышать. Но разнымъ несчастнымъ обстоятельствамъ, онъ обѣднѣлъ: у него въ бурю разбило нѣсколько барокъ съ грузомъ Заводъ, ввѣренный, кажется, управленію близкаго и любимаго родственника, тоже подвергся несчастной участи и сгорѣлъ, при чемъ въ пламени пожара погибъ и самъ его родственникъ. Согласитесь, потеря ужасная! Тогда Муринъ, разсказываютъ, впалъ въ плачевное уныніе: стали опасаться за его разсудокъ, и дѣйствительно, въ одной ссорѣ съ другимъ купцомъ, тоже владѣтелемъ барокъ, ходившихъ по Волгѣ, онъ вдругъ выказалъ себя съ такой странной и неожиданной точки зрѣнія, что все происшедшее не иначе отнесли какъ къ сильному его помѣшательству, чему и я готовъ вѣрить. Я подробно слышалъ о нѣкоторыхъ его странностяхъ: наконецъ, вдругъ, случилось одно очень странное, такъ сказать, роковое обстоятельство, которое ужъ никакъ нельзя объяснить иначе, какъ враждебнымъ вліяніемъ прогнѣванной судьбы.

— Какое? спросилъ Ордыновъ.

— Говорятъ, что въ болѣзненномъ припадкѣ сумасшествія онъ посягнулъ на жизнь одного молодаго купца, котораго прежде чрезвычайно любилъ. Онъ былъ такъ пораженъ, когда очнулся послѣ припадка, что готовъ былъ лишить себя жизни: такъ, по крайней мѣрѣ, разсказываютъ. Не знаю навѣрно, что произошло за этимъ, но извѣстно то, что онъ находился нѣсколько лѣтъ подъ покаяніемъ... Но что съ вами, Василій Михайловичъ, не утомляетъ-ли васъ мой простой разсказъ?

— О, нѣтъ, ради Бога... Вы говорите, что онъ былъ подъ покаяніемъ; но онъ не одинъ.

— Не знаю-съ. Говорятъ, что былъ одинъ. Но крайней мѣрѣ, никто другой не замѣшанъ въ томъ дѣлѣ. А, впрочемъ, не слыхалъ о дальнѣйшемъ; знаю только...

— Ну-съ.

— Знаю только, —то есть, я собственно ничего особеннаго не имѣлъ въ мысляхъ прибавить... я хочу только сказать, если вы находите въ немъ что-то необыкновенное и выходящее изъ обык-

новѣшнаго уровня вещей, то все это произошло не иначе, какъ слѣдствіемъ бѣдъ, обрушившихся на него одна за другою...

— Да, онъ такой богомольный, большой святоша.

— Не думаю, Василій Михайловичъ; онъ столько пострадалъ: мнѣ кажется, онъ чистъ своимъ сердцемъ.

— Но вѣдь теперь онъ не сумасшедшій; онъ здоровъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ; въ этомъ я вамъ могу поручиться, готовъ присягнуть: онъ въ полномъ владѣніи всѣхъ своихъ умственныхъ способностей. Онъ только, какъ вы справедливо замѣтили мелькомъ, чрезвычайно чудной и богомольный. Очень даже разумный человѣкъ. Говоритъ бойко, смѣло и очень хитро-съ. Еще видѣнъ слѣдъ прошлой, бурной жизни на лицѣ его-съ. Любопытный человѣкъ-съ и чрезвычайно начитанный.

— Онъ, кажется, читаетъ все священныя книги?

— Да-съ, онъ мистикъ-съ.

— Что?

— Мистикъ. Но я вамъ говорю это по секрету. По секрету скажу вамъ еще, что за нимъ былъ нѣкоторое время сильный присмотръ. Этотъ человѣкъ имѣлъ ужасное вліяніе на приходившихъ къ нему.

— Какое-же?

— Но вы не повѣрите: видите-ли-съ: тогда еще онъ не жилъ въ здѣшнемъ кварталѣ: Александръ Игнатьевичъ, почетный гражданинъ, человѣкъ сановитый и пользующійся общимъ уваженіемъ, ѣздили къ нему съ какимъ-то поручикомъ изъ любопытства. Пріѣзжаютъ они къ нему: ихъ принимаютъ, и странный человѣкъ начинаетъ имъ вглядываться въ лица. Онъ обыкновенно вглядывался въ лица, если соглашался быть полезнымъ; въ противномъ случаѣ отсылалъ приходящихъ назадъ и даже, говорятъ, весьма неучтиво. Спрашиваетъ онъ ихъ: что вамъ угодно, господа? Такъ и такъ, отвѣчаетъ Александръ Игнатьичъ: царь вашъ можетъ сказать вамъ это и безъ насъ.—Пожалуйте-ка, говоритъ, со мной въ другую комнату: тутъ онъ назначилъ именно того изъ нихъ, который до него имѣлъ надобность. Александръ Игнатьичъ не разсказывалъ, что съ нимъ было потомъ, но онъ вышелъ отъ него блѣдный какъ платокъ. Тоже самое случилось и съ одной знатной дамой высшаго общества: она тоже вышла отъ него блѣдна какъ платокъ, вся въ слезахъ и въ изумленіи отъ его предсказанія и краснорѣчія.

— Странно. Но теперь онъ не занимается этимъ?

— Строжайше запрещено-съ. Были чудные примѣры-съ. Одинъ молодой корнетъ, цвѣтъ и надежда высшаго семейства, глядя на него усмѣхнулся. «Что ты смѣешься?» сказалъ, разсердившись, ста-

рикъ: «черезъ три дня ты самъ будешь вотъ что!» — и онъ сложилъ на крестъ руки, означая такимъ знакомъ трупъ мертвеца.

— Ну?

— Не смѣю вѣрить, но, говорятъ, предсказаніе сбылось. Онъ имѣетъ даръ, Василій Михайловичъ... Вы изволили улыбнуться на мой простодушный разсказъ. Знаю, что вы далеко упредили меня въ просвѣщеніи: но я вѣрю ему: онъ не шарлатанъ. Самъ Пушкинъ упоминаетъ о чемъ-то подобномъ въ своихъ сочиненіяхъ.

— Гм! Не хочу вамъ противорѣчить. Вы, кажется, сказали, что онъ живетъ не одинъ.

— Я не знаю... съ нимъ, кажется, дочь его.

— Дочь?

— Да-съ, или, кажется, жена его; я знаю, что живетъ съ нимъ какая-то женщина. Я видѣлъ мелькомъ и вниманія не обратилъ.

— Гм! Странно...

Молодой человѣкъ впалъ въ задумчивость. Ярославъ Ильичъ — въ нѣжное созерцаніе. Онъ былъ растроганъ и тѣмъ, что видѣлъ стараго друга, и тѣмъ, что удовлетворительно разсказалъ интереснѣйшую вещь. Онъ сидѣлъ не спуская глазъ съ Василья Михайловича и потягивая изъ трубки; но вдругъ вскочилъ и засуетился.

— Цѣлый часъ прошелъ, а я и забылъ! Дорогой Василій Михайловичъ, еще разъ благодарю судьбу за то, что свела насъ вмѣстѣ, но мнѣ пора. Дозволите-ли мнѣ посѣтить васъ въ вашемъ ученомъ жилищѣ?

— Сдѣлайте одолженіе, буду вамъ очень радъ. Навѣщу и самъ васъ, когда выпадетъ время.

— Вѣрить-ли пріятному извѣстію? Обяжете, несказанно обяжете!—Не повѣрите, въ какой востургъ вы меня привели!

Они вышли изъ трактира. Сергѣевъ уже летѣлъ имъ на встрѣчу и скороговоркой рапортовалъ Ярославу Ильичу, что Вильямъ Емельяновичъ изволятъ пробѣжать. Дѣйствительно, въ перспективѣ показалась пара лихихъ саврасокъ, впряженныхъ въ лихія пролетки. Особенно замѣчательна была необыкновенная пристяжная. Ярославъ Ильичъ сказалъ слово въ тискахъ руку лучшаго изъ друзей своихъ, прислонился къ плинѣ и пустился встрѣчать налетавшія дрожки. Дорогою онъ раза два обернулся и прощальнымъ образомъ кивнулъ головою Ордынову.

Ордыновъ чувствовалъ такую усталость, такое изнеможеніе во всѣхъ членахъ, что едва волочилъ ноги. Кое-какъ добрался онъ до дому. Въ воротахъ его опять встрѣтилъ дворникъ, прилежно наблюдавшій все его прощаніе съ Ярославомъ Ильичемъ, и еще издали

сдѣлать ему какой-то приглашительный знакъ. Но молодой человѣкъ прошелъ мимо. Въ дверяхъ квартиры, онъ плотно столкнулся съ маленькой, сѣденькой фигуркой, выходившей потупивъ очи отъ Мурина.

— Господи, прости мои прегрѣшенія! прошептала фигурка, отскочивъ въ сторону съ упругостью пробки.

— Не ушибъ-ли я васъ?

— Нѣтъ-съ, нижайше благодарю за вниманіе... О, Господи, Господи!

Тихій человѣчекъ, кряхтя, охая и нашептывая что-то назидательное себѣ подъ носъ, бережно пустился по лѣстницѣ. Это былъ хозяинъ дома, котораго такъ испугался дворникъ. Тутъ только Ордыновъ вспомнилъ, что видѣлъ его въ первый разъ здѣсь-же у Мурина, когда переѣзжалъ на квартиру.

Онъ чувствовалъ, что былъ раздраженъ и потрясенъ: онъ зналъ, что фантазія и впечатлительность его напряжены до крайности, и рѣшилъ не довѣрять себѣ. Мало по малу онъ впалъ въ какое-то оцѣпенѣніе. Въ грудь его залегло какое-то тяжелое, гнетущее чувство. Сердце его ныло, какъ будто все изъязвленное, и вся душа была полна глухихъ, непзсякаемыхъ слезъ.

Онъ опять припалъ на постель, которую она постлала ему, и сталъ снова слушать. Онъ слышалъ два дыханія: одно тяжелое, болѣзненное, прерывистое, другое тихое, но неровное и какъ будто тоже взволнованное, какъ будто тамъ билось сердце однимъ и тѣмъ-же стремленіемъ, одною и тою-же страстью. Онъ слышалъ порою шумъ ея платья, легкій шелестъ ея тихихъ, мягкихъ шаговъ, и даже этотъ шелестъ ноги ея отдавался глухою, но мучительно-сладостною болью въ его сердцѣ. Наконецъ, онъ какъ будто разслушалъ рыданія, мятежный вздохъ и, наконецъ, опять ея молитву. Онъ зналъ, что она стоитъ на колѣняхъ передъ образомъ, ломая руки въ какомъ-то изступленномъ отчаяніи!.. Кто-же она? За кого она проситъ? Какою безвыходною страстью смущено ея сердце? Отчего оно такъ болитъ и тоскуетъ и выливается въ такихъ жаркихъ и безнадежныхъ слезахъ?..

Онъ началъ припоминать ея слова. Все, что она говорила ему, еще звучало въ ушахъ его, какъ музыка, и сердце любовно отдавалось глухимъ, тяжелымъ ударомъ на каждое воспоминаніе, на каждое набожно повторенное ея слово... На мигъ мелькнуло въ умѣ его, что онъ видѣлъ все это во снѣ. Но въ тотъ-же мигъ весь составъ его изныль въ замирающей тоскѣ, когда впечатлѣніе ея горячаго дыханія, ея словъ, ея поцалуя, наклеймилось снова въ его воображеніи. Онъ закрылъ глаза и забылся. Гдѣ-то пробили часы: становилось поздно; падали сумерки.

Домъ Ѳ. М. Достоевскаго
въ г. Старой Руссѣ.

Кабинетъ Ѳ. М. Достоевскаго въ его
Старорусскомъ домѣ.

Ему вдругъ показалось, что она опять склонилась надъ нимъ, что глядитъ въ его глаза своими чудно-ясными глазами, влажными отъ сверкающихъ слезъ безмятежной, свѣтлой радости, тихими и ясными, какъ бирюзовый, нескончаемый куполъ неба въ жаркій полдень. Такимъ торжественнымъ спокойствіемъ сіяло лицо ея, такимъ обѣтованіемъ нескончаемаго блаженства теплилась ея улыбка, съ такимъ сочувствіемъ, съ такимъ младенческимъ увлеченіемъ преклонилась она на плечо его, что стонъ вырвался изъ его обезсиленной груди отъ радости. Она хотѣла ему что-то сказать: она ласково что-то повѣряла ему. Опять какъ будто сердце пронзающая музыка поразила слухъ его. Онъ жадно вшивалъ въ себя воздухъ, нагрѣтый, наэлектризованный ея близкимъ дыханіемъ. Въ тоскѣ онъ простеръ свои руки, вздохнулъ, открылъ глаза... Она стояла передъ нимъ, нагнувшись къ лицу его, вся блѣдная какъ отъ испуга, вся въ слезахъ, вся дрожа отъ волненія. Она что-то говорила ему, объ чемъ-то молила его, складывая и ломая свои полуобнаженныя руки. Онъ обвилъ ее въ своихъ объятіяхъ, она вся трепетала на его груди...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Что ты? Что съ тобою? говорилъ Ордыновъ, очнувшись совсѣмъ, все еще сжимая ее въ своихъ крѣпкихъ и горячихъ объятіяхъ:—что съ тобой, Катерина? Что съ тобою, любовь моя?

Она тихо рыдала, потупивъ глаза и пряча разгорѣвшееся лицо у него на груди. Долго еще она не могла говорить и вся дрожала, какъ будто въ испугѣ.

— Не знаю, не знаю, проговорила она, наконецъ, едва слышнымъ голосомъ, задыхаясь и почти не выговаривая словъ:—не помню, какъ и къ тебѣ зашла я сюда... —Тутъ она еще крѣпче, еще съ большимъ стремленіемъ прижалась къ нему и въ неудержимомъ, судорожномъ чувствѣ цаловала ему плечо, руки, грудь: наконецъ, какъ будто въ отчаяньи, закрылась руками, припала на колѣни и скрыла въ его колѣняхъ свою голову. Когда-же Ордыновъ, въ невыразимой тоскѣ, нетерпѣливо приподнялъ и посадилъ ее возлѣ себя, то цѣлымъ заревомъ стыда горѣло лицо ея, глаза ея плакали о помилованіи, и насильно пробивавшаяся на губѣ ея улыбка едва силилась подавить неудержимую силу новаго ощущенія. Теперь она была какъ будто снова чѣмъ-то испугана, недовѣрчиво отталкивала его рукой, едва взглядывала на него и отвѣчала на его ускоренные вопросы потупивъ голову, боязливо и шепотомъ.

— Ты, можетъ быть, видѣла страшный сонъ, говорилъ Ордыновъ: — можетъ быть, тебѣ привидилось что нибудь... да? Можетъ быть, *онъ* испугалъ тебя... Онъ въ бреду и безъ памяти... Можетъ быть, онъ что нибудь говорилъ, что не тебѣ было слушать?.. Ты слышала что нибудь? Да?

— Нѣтъ, я не спала, отвѣчала Катерина, съ усиліемъ подавляя свое волненіе. Сонъ и не шелъ ко мнѣ *Онъ* все молчалъ и только разъ позвалъ меня. Я подходила, окликала его, говорила ему: мнѣ стало страшно: онъ не просыпался и не слышалъ меня. Онъ въ тяжеломъ недугѣ, подай Господь ему помощи! Тогда мнѣ на сердце стала тоска западать, горькая тоска! Я-жъ все молилась, все молилась, и вотъ это и нашло на меня.

— Полно, Катерина, полно, жизнь моя, полно! Это ты вчера испугалась ...

— Нѣтъ, я не пугалась вчера!..

— Бываетъ это съ тобою другой разъ?

— Да, бываетъ. — И она вся задрожала и опять въ испугѣ стала прижиматься къ нему, какъ дитя. — Видишь, сказала она, прерывая рыданія:—я не напрасно пришла къ тебѣ, не напрасно тяжело было оставаться одной, повторяла она, благодарно сжимая его руки.—Полно-же, полно о чужомъ горѣ слезы ронять! Прибереги ихъ на черный день, когда самому одинокому тяжело будетъ и не будетъ съ тобой никого!.. Слушай, была у тебя твоя люба?

— Нѣтъ... до тебя я не зналъ ни одной...

— До меня... ты меня своей любой зовешь?

Она вдругъ посмотрѣла на него, какъ будто съ удивленіемъ, что-то хотѣла сказать, но потомъ утихла и потупилась. Мало по малу, все лицо ея снова зардѣлось внезапно заигравшимъ румянцемъ: ярче, сквозь забытыя, еще не остывшія на рѣсницахъ слезы, блеснули глаза, и видно было, что какой-то вопросъ шевелился на губахъ ея. Съ стыдливымъ лукавствомъ взглянула она раза два на него и потомъ вдругъ снова потупилась.

— Нѣтъ, не бывать мнѣ твоей первой любой, сказала она: — нѣтъ, нѣтъ, повторяла она, покачивая головою, задумавшись, тогда какъ улыбка опять тихо прокрадывалась по лицу ея: —нѣтъ, сказала она, наконецъ, разсмѣявшись:—не мнѣ, родной, быть твоей любушкой.

Тутъ она взглянула на него; но столько грусти отразилось вдругъ на лицѣ ея, такая безвыходная печаль поразила разомъ всѣ черты ея, такъ неожиданно закипѣло изнутри, изъ сердца ея отчаяніе, что непонятное, болѣзненное чувство состраданія къ горю невѣдомому захватило духъ Ордынова, и онъ съ невыразимымъ мученіемъ глядѣлъ на нее.

— Слушай, что я скажу тебѣ, говорила она голосомъ пронзающимъ сердце, сжавъ его руки въ своихъ рукахъ, усиливаясь подавить свои рыданія. — Слушай меня хорошо, слушай, радость моя! Ты укроти свое сердце и не люби меня такъ, какъ теперь полюбилъ. Тебѣ легче будетъ, сердцу станетъ легче и радостнѣе, и отъ лютаго врага себя сбережешь, и любу-сестрицу себѣ наживешь. Буду къ тебѣ приходить, коль захочешь, миловать тебя буду и стыда на себя не возьму, что снозналась съ тобой. Была-же съ тобою два дня, какъ лежалъ ты въ зломъ недугѣ! Снознай сестрицу! Не даромъ-же мы братались съ тобой, не даромъ-же я за тебя Богородицу слезно молила! Другой такой не нажить тебѣ! Міръ изойдешь кругомъ, поднебесную узнаешь — не найдти тебѣ другой такой любы, коли любы твое сердце просить. Горячо тебя полюблю, все какъ теперь любить буду, и за то полюблю, что душа твоя чистая, свѣтлая, насквозь видна; за то, что какъ я взглянула впервой на тебя, такъ тотчасъ снознала, что ты моего дома гость, желанный гость и не даромъ къ намъ напросился: за то полюблю, что, когда глядишь, твои глаза любятъ и про сердце твое говорятъ, и когда скажутъ что̀, такъ я тотчасъ-же обо всемъ, что̀ ни есть въ тебѣ, знаю, и за то тебѣ жизнь отдать хочется на твою любовь, добрую волюшку, за тѣмъ, что сладко быть и рабыней тому, чье сердце нашла... да жизнь-то моя не моя, а чужая, и волюшка связана! Сестрицу-жь возьми и самъ будь мнѣ братъ, и меня въ свое сердце прими, когда опять тоска, злая немочь нападетъ на меня; только самъ сдѣлай такъ, чтобъ мнѣ стыда не было къ тебѣ приходить и съ тобой долгую ночь какъ теперь просидѣть. Слышалъ меня? Открылъ-ли мнѣ сердце свое? Взялъ-ли въ разумъ, что̀ я тебѣ говорила?.. Она хотѣла еще что-то сказать, взглянула на него, положила на плечо ему свою руку и, наконецъ, въ безсиліи припала къ груди его. Голосъ ея замеръ въ судорожномъ, страстномъ рыданіи, грудь волновалась глубоко, и лицо вспыхнуло, какъ заря вечерняя.

— Жизнь моя! прошепталъ Ордыновъ, у котораго зрѣніе помутилось и духъ занялся. — Радость моя! говорилъ онъ, не зная словъ своихъ, не помня ихъ, не понимая себя, трепеща, чтобъ однимъ дуновеніемъ не разрушить обаянія, не разрушить всего, что̀ было съ нимъ и что̀ скорѣе онъ принималъ за видѣніе, чѣмъ за дѣйствительность: такъ отуманилось все передъ нимъ! — Я не знаю, не понимаю тебя, я не помню, что̀ ты мнѣ теперь говорила, разумъ тускнѣетъ мой, сердце ноетъ въ груди, владычица моя!..

Тутъ голосъ его опять пресѣкся отъ волненія. Она все крѣпче, все теплѣе, горячѣе прижималась къ нему. Онъ привсталъ съ мѣ-

ста и, уже не сдерживая себя болѣе, разбитый, обезсиленный восторгомъ, упалъ на колѣни. Рыданія судорожно, съ болью прорвались, наконецъ, изъ груди его, и пробившійся прямо изъ сердца голосъ задрожалъ, какъ струна, отъ всей полноты невѣдомаго восторга и блаженства.

— Кто ты, кто ты, родная моя? Откуда ты, моя голубушка? говорилъ онъ, силясь подавить свои рыданія:— изъ какого неба ты въ мои небеса залетѣла? Точно сонъ кругомъ меня; я вѣрить въ тебя не могу. Не укоряй меня... дай мнѣ говорить, дай мнѣ все, все сказать тебѣ!.. Я долго хотѣлъ говорить... Кто ты, кто ты, радость моя?.. Какъ ты нашла мое сердце? Разскажи мнѣ, давно-ли ты сестрица моя?.. Разскажи мнѣ все про себя, гдѣ ты была до сихъ поръ — разскажи, какъ звали мѣсто, гдѣ ты жила, что ты тамъ полюбила сначала, чѣмъ рада была, и о чемъ тосковала?.. Былъ-ли тамъ теплѣ воздухъ, чисто-ли небо было?.. Кто тебѣ были милыя, кто любили тебя до меня, къ кому тамъ впервые твоя душа запросилась?.. Была-ль у тебя мать родная и она-ль тебя дитятей лелѣяла, или, какъ я, одинокая, ты на жизнь оглянулась? Скажи мнѣ, всегда-ль ты была такова? Что́ снилось, о чемъ гадала ты впередъ, что̀ сбылось и что́ не сбылось у тебя— все скажи... Но комъ запало первый разъ твое дѣвичье сердце и за что̀ ты его отдала? Скажи, что̀-же мнѣ отдать тебѣ за него, что̀ мнѣ отдать тебѣ за тебя?.. Скажи мнѣ, любушка, свѣтъ мой, сестрица моя, скажи мнѣ, чѣмъ-же мнѣ твое сердце нажить?..

Тутъ голосъ его снова изсякъ, и онъ склонилъ голову. Но когда поднялъ глаза, то нѣмой ужасъ оледенилъ его всего разомъ, и волосы встали дыбомъ на головѣ его.

Катерина сидѣла блѣдная какъ полотно. Она неподвижно смотрѣла въ воздухъ, губы ея были сини, какъ у мертвой, и глаза заволокись нѣмой, мучительной мукой. Она медленно привстала, ступила два шага и съ пронзительнымъ воплемъ упала передъ образомъ... Отрывистыя, несвязныя слова вырывались изъ груди ея. Она лишилась чувствъ. Ордыновъ, весь потрясенный страхомъ, поднялъ ее и донесъ до своей кровати; онъ стоялъ надъ нею не помня себя. Спустя минуту, она открыла глаза, приподнялась на постели, осмотрѣлась кругомъ и схватила его руку. Она привлекла его къ себѣ, силилась что-то прошептать все еще блѣдными губами, но голосъ все еще измѣнялъ ей. Наконецъ, она разразилась градомъ слезъ: горячія капли жгли похолодѣвшую руку Ордынова.

— Тяжело, тяжело мнѣ теперь; часъ мой приходитъ послѣдній! проговорила она, наконецъ, тоскуя въ безвыходной мукѣ.

Она силилась еще что-то проговорить, но окостенѣлый языкъ ея

не могъ произнести ни одного слова. Съ отчаяніемъ глядѣла она на Ордынова, не понимавшаго ея. Онъ нагнулся къ ней ближе и вслушивался... Наконецъ, онъ услышалъ, какъ она прошептала явственно:

— Я испорчена, меня испортили, погубили меня!

Ордыновъ поднялъ голову и съ дикимъ изумленіемъ взглянулъ на нее. Какая-то безобразная мысль мелькнула въ умѣ его. Катерина видѣла судорожное, болѣзненное сжатіе его лица.

— Да! Испортили, продолжала она:—меня испортилъ злой человѣкъ, — *онъ* погубитель мой!. Я душу ему продала... Зачѣмъ, зачѣмъ объ родной ты помянулъ? Что тебѣ было мучить меня? Богъ тебѣ, Богъ тебѣ судья!..

Черезъ минуту она тихо заплакала: сердце Ордынова билось и ныло въ смертной тоскѣ.

— Онъ говоритъ, шептала она сдерживаемымъ, таинственнымъ голосомъ:—что когда умретъ, то придетъ за моей грѣшной душой... Я его, я ему душой продалась... Онъ мучилъ меня, онъ мнѣ въ книгахъ читалъ... На, смотри, смотри его книгу! Вотъ его книга. Онъ говоритъ, что я сдѣлала смертный грѣхъ... Смотри, смотри...

И она показывала ему книгу; Ордыновъ не замѣтилъ, откуда взялась она. Онъ машинально взялъ ее, всю писанную, какъ древнія раскольничьи книги, которыя ему удавалось прежде видѣть. Но теперь онъ былъ не въ силахъ смотрѣть и сосредоточить вниманіе свое на чемъ нибудь другомъ. Книга выпала изъ рукъ его. Онъ тихо обнималъ Катерину, стараясь привести ее въ разумъ.

— Полно, полно! говорилъ онъ:—тебя испугали: я съ тобою: отдохни со мною, родная, любовь моя, свѣтъ мой!

— Ты не знаешь ничего, ничего, говорила она, крѣпко сжимая его руки:—я такая всегда!.. Я все боюсь... Полно, полно тебѣ меня мучить!..

— Я тогда къ нему иду, начала она черезъ минуту, переводя духъ.—Иной разъ онъ просто своими словами меня заговариваетъ, другой разъ беретъ свою книгу, самую большую, и читаетъ надо мной. Онъ все грозное, суровое такое читаетъ! Я не знаю что и понимаю не всякое слово; но меня беретъ страхъ, и когда я вслушиваюсь въ его голосъ, то словно это не онъ говоритъ, а кто-то другой, недобрый, кого ничѣмъ не умягчишь, ничѣмъ не замолишь, и тяжело-тяжело станетъ на сердцѣ, горитъ оно... Тяжелѣй чѣмъ когда начиналась тоска!

— Не ходи къ нему! Зачѣмъ-же ты ходишь къ нему? говорилъ Ордыновъ, едва сознавая слова свои.

— Зачѣмъ я къ тебѣ пришла? Спроси — тоже не знаю... А онъ мнѣ все говоритъ: молись, молись! Иной разъ я встаю въ тем-

ную ночь я молюсь долго, по цѣлымъ часамъ: часто и сонъ меня клонитъ, но страхъ все будитъ, все будитъ меня, и мнѣ все чудится тогда, что гроза кругомъ меня собирается, что худо мнѣ будетъ, что разорвутъ и затерзаютъ меня недобрые, что не замолить мнѣ угодниковъ, и что не спасутъ они меня отъ лютаго горя. Вся душа разрывается, словно распаяться все тѣло хочетъ отъ слезъ... Тутъ я опять стану молиться, и молюсь, и молюсь до той поры, пока Владычица не посмотритъ на меня съ иконы любовнѣе. Тогда я встаю и отхожу на сонъ какъ убитая: иной разъ и засну на полу, на колѣняхъ предъ иконой. Тогда, случится, онъ проснется, подзоветъ меня, начнетъ меня голубить, ласкать, утѣшать, и тогда ужъ мнѣ и легче становится, и приди хоть какая бѣда, я ужъ съ нимъ не боюсь. Онъ властенъ! Велико его слово!

— Но какая-жъ бѣда, какая-жъ бѣда у тебя?.. и Ордыновъ ломалъ руки въ отчаяніи.

Катерина страшно побѣднѣла. Она смотрѣла на него какъ приговоренная къ смерти, не чая помилованія.

— Меня?.. Я дочь проклятая, я душегубка: меня мать прокляла! Я родную мать загубила!..

Ордыновъ безмолвно обнялъ ее. Она трепетно прижалась къ нему. Онъ чувствовалъ, какъ судорожная дрожь пробѣгала по всему ея тѣлу, и, казалось, душа ея разставалась съ тѣломъ.

— Я ее въ сырую землю зарыла, говорила она вся въ тревогѣ своихъ воспоминаній, вся въ видѣніяхъ своего безвозвратно прошедшаго:—я давно хотѣла говорить: онъ все заказывалъ мнѣ моленіемъ, укоромъ и словомъ гнѣвливымъ, а порой самъ на меня-же подыметъ тоску мою, точно мой врагъ и сунетъ. А мнѣ все—какъ и теперь ночью—все приходитъ на умъ... Слушай, слушай! Это давно уже было, очень давно, я и не помню когда, а все какъ будто вчера передо мною, словно сонъ вчерашній, что сосалъ мнѣ сердце всю ночь. Тоска на двое время длинитъ. Сядь, сядь здѣсь возлѣ меня: я все мое горе тебѣ разскажу: разрази меня, проклятую, проклятіемъ материнымъ... Я тебѣ жизнь мою предаю...

Ордыновъ хотѣлъ остановить ее, но она сложила руки, моля его любовь на вниманіе, и потомъ снова, еще съ большей тревогой начала говорить. Разсказъ ея былъ безсвязенъ, въ словахъ слышалась буря душевная, но Ордыновъ все понималъ, затѣмъ, что жизнь ея стала его жизнію, горе ея — его горемъ, и затѣмъ, что врагъ его уже въявь стоялъ передъ нимъ, воплощался и росъ передъ нимъ въ каждомъ ея словѣ, и какъ будто съ неистощимой силой давилъ его сердце и ругался надъ его злобой. Кровь его

волновалась, заливала сердце и путала мысли. Злой старикъ его сна (въ это вѣрилъ Ордыновъ) былъ въявь передъ нимъ.

— Вотъ такая-же ночь была, начала говорить Катерина: — только грозньѣе, и вѣтеръ выль по нашему лѣсу, какъ никогда еще не удавалось мнѣ слышать... или ужь въ эту ночь началась погибель моя! Подъ нашимъ окномъ дубъ сломило, а къ намъ приходитъ старый, сѣдой старикъ-нищій, и онъ говорилъ, что еще малымъ дитей помнилъ этотъ дубъ, и что онъ былъ такой-же, какъ и тогда, когда вѣтеръ осилилъ его... Въ эту-же ночь — какъ теперь все помню! — у отца барки на рѣкѣ бурей разбило, и онъ, хоть и немочь ломала его, поѣхалъ на мѣсто, какъ только прибѣжали къ намъ на заводь рыбаки. Мы съ матушкой сидѣли одни, я дремала, она объ чемъ-то грустила и горько плакала... да, я знала о чемъ! Она только что хворала, была болѣдна и все говорила мнѣ, чтобъ я ей саванъ готовила... Вдругъ слышенъ въ полночь стукъ у воротъ; я вскочила, кровь залила мнѣ сердце: матушка вскрикнула... я не взглянула на нее, я боялась, взяла фонарь, пошла сама отпирать ворота... Это былъ *онъ*! Мнѣ стало страшно, затѣмъ, что мнѣ всегда страшно было, какъ онъ приходилъ, и съ самаго дѣтства такъ было, какъ только память во мнѣ родилась! У него тогда еще не было бѣлаго волоса: борода его была какъ смоль черна, глаза горѣли словно угли, и ни разу до той поры онъ ласково на меня не взглянулъ. Онъ спросилъ: «дома-ли мать?» Я, затворяю калитку, говорю, что «отца нѣту дома». Онъ сказалъ: «знаю», и вдругъ глянулъ на меня, такъ глянулъ... первый разъ онъ такъ глядѣлъ на меня. Я шла, а онъ все стоитъ. «Что ты не идешь?» — «Думу думаю». Мы ужь въ свѣтелку всходимъ. «А зачѣмъ ты сказала, что отца нѣту дома, когда я спрашивалъ, дома-ли мать?» Я молчу... Матушка обмерла — къ нему бросилась... Онъ чуть взглянулъ, — я все видѣла. Онъ былъ весь мокрый, издрогнулъ: буря гнала его двадцать верстъ — а откуда и гдѣ онъ бываетъ, ни я, ни матушка никогда не знали: мы его ужь девять недѣль не видали... Бросилъ шапку, скинулъ рукавицы — образамъ не молится, хозяевамъ не кланяется — сѣлъ у огня...

Катерина провела рукою по лицу, какъ будто что-то гнело и давило ее, но черезъ минуту опять подняла голову и опять начала:

— Онъ сталъ съ матерью говорить по татарски. Мать умѣла, я не понимала ни слова. Другой разъ, какъ онъ приходилъ, меня отсылали: а теперь мать родному дѣтищу слова сказать не посмѣла. Нечистый купилъ мою душу, и я, сама себѣ хвалясь, смотрѣла на матушку. Вижу, на меня смотрятъ, обо мнѣ говорятъ:

она стала плакать: вижу, онъ за ножъ хватается, а ужь не одинъ разъ, съ недавняго времени, онъ при мнѣ за ножъ хватался, когда съ матерью говорилъ. Я встала и схватилась за его поясъ, хотѣла у него ножъ его вырвать нечистый. Онъ скрипнулъ зубами, вскрикнулъ и хотѣлъ меня отбить — въ грудь ударилъ, да не оттолкнулъ. Я думала, тутъ и умру, глаза заволокло, падаю на земь — да не вскрикнула. Смотрю, сколько силъ было видѣть, снимаетъ онъ поясъ, засучиваетъ руку, которой ударилъ меня, ножъ вынимаетъ, мнѣ даетъ: «На, рѣжь ее прочь, натѣшься надъ ней, во сколько обиды моей къ тебѣ было, а я, гордая, зато до-земи тебѣ поклонюсь». Я ножъ отложила: кровь меня душить начала, на него не глянула, помню, усмѣхнулась, губъ не разжимая, да прямо матушкѣ въ печальныя очи смотрю, грозно смотрю, а у самой смѣхъ съ губъ не сходитъ безстыдный; а мать сидитъ блѣдная, мертвая...

Ордыновъ съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ несвязный разсказъ; но мало по малу тревога ея стихла на первомъ порывѣ; рѣчь стала покойнѣе; воспоминанія увлекли совсѣмъ бѣдную женщину и разбили тоску ея по всему своему безбрежному морю.

— Онъ взялъ шапку не кланяясь. Я опять взяла фонарь его провожать, вмѣсто матушки, которая, хоть больная сидѣла, а хотѣла за нимъ идти. Дошли мы съ нимъ до воротъ; я молчу, калитку ему отворила, собакъ прогнала. Смотрю — снимаетъ онъ шапку и мнѣ поклонъ. Вижу, идетъ къ себѣ за пазуху, вынимаетъ коробокъ красный, сафьянный, задвижку отводитъ: смотрю: бурмицкія зерна,—мнѣ на поклонъ. «Есть», говоритъ, «у меня въ пригородьи красавица, ей везъ на поклонъ, да не къ ней завезъ; возьми, красная дѣвица, полелѣй свою красоту, хоть ногой растопчи, да возьми». Я взяла, а ногой топтать не хотѣла, чести много не хотѣла давать, а взяла какъ ехидна, не сказала ни слова на что. Пришла и поставила на столъ передъ матерью — для того и брала. Родимая съ минуту молчала, вся какъ платокъ бѣла, говорить со мной словно боится. «Что-жь это, Катя?» А я отвѣчаю:— «тебѣ, родная, купецъ приносилъ, я не вѣдаю». Смотрю, у ней слезы выдавились, духъ захватило. «Не мнѣ, Катя; не мнѣ, дочка злая, не мнѣ». Помню, такъ горько, такъ горько сказала, словно всю душу выплакала. Я глаза подняла, хотѣла ей въ ноги броситься, да вдругъ окаянный подсказалъ: «Ну, не тебѣ, вѣрно батюшкѣ; ему передамъ, коль воротится; скажу: купцы были, товаръ позабыли»... Тутъ какъ всплачетъ она, родная моя... «Я сама скажу, что за купцы пріѣзжали и за какимъ товаромъ пріѣхали... Ужь я скажу ему, чья ты дочь, беззаконница! Ты-же не дочь мнѣ теперь, ты мнѣ змѣя подколодная! Ты дѣтище мое проклятое!» Я

молчу, слезы нейдутъ у меня... Ахъ! словно все во мнѣ вымерло... Пошла я къ себѣ въ свѣтлицу и всю-то ноченьку бурю прослушала, да подъ бурей свои мысли слагала.

А между тѣмъ пять дёнъ прошло. Вотъ въ вечеру пріѣзжаетъ, черезъ пять дёнъ, батюшка, хмурый и грозный, да немочь-то дорогой сломила его. Смотрю, рука у него подвязана: смекнула я, что дорогу ему врагъ его перешелъ: а врагъ тогда утомилъ его и немочь наслалъ на него. Знала я тоже кто его врагъ, все знала. Съ матушкой слова не молвилъ, про меня не спросилъ, всѣхъ людей созвалъ, заводъ остановить приказалъ и домъ отъ худаго глаза беречь. Я почуяла сердцемъ въ тотъ часъ, что дома у насъ нездорово. Вотъ ждемъ, прошла ночь, тоже бурная, вьюжная, и тревога мнѣ въ душу запала. Отворила я окно—горитъ лицо, плачутъ очи, жжетъ сердце неугомонное; сама какъ въ огнѣ: такъ и хочется мнѣ вонъ изъ свѣтлицы, дальше, на край свѣта, гдѣ молонья и буря родятся. Грудь моя дѣвичья ходенемъ ходитъ... вдругъ, ужь поздно—я какъ будто вздремнула, иль туманъ мнѣ въ душу запалъ, разумъ смутилъ, — слышу, стучатъ въ окно: «отвори!» Смотрю, человѣкъ въ окно по веревкѣ вскарабкался. Я тотчасъ узнала, кто въ гости пожаловалъ, отворила окно и впустила его въ свѣтлицу свою одинокую. А былъ *онъ!* Шапки не сиялъ, сѣлъ на лавку, запыхался, еле духъ переводитъ, словно погоня была. Я стала въ уголъ и сама знаю, какъ вся побѣлѣла.—Дома отецъ? «Дома».—А мать? «Дома и мать».—Молчи-же теперь: слышишь?—«Слышу».—Что?—«Свистъ подъ окномъ!»—Ну, хочешь теперь, красная дѣвица, съ недруга голову снять, батюшку родимаго кликнуть, душу мою загубить? Изъ твоей дѣвичьей воли не выйду: вотъ и веревка, вяжи, коли сердце велитъ за обиду свою заступиться.—Я молчу.—Что-жь? Промолви, радость моя?—«Чего тебѣ нужно?» А нужно мнѣ вѣрога уходить, съ старой любой по добру, по здорову проститься, а новой, молодой, какъ ты, красной дѣвицѣ, душой поклониться... Я засмѣялась: и сама не знаю, какъ его нечистая рѣчь въ мое сердце дошла.—Пусти-жь меня, красная дѣвица, прогуляться внизъ, свое сердце извѣдать, хозяевамъ поклонъ отнести.—Я вся дрожу, стучу зубомъ объ зубъ, а сердце словно желѣзо каленое. Пошла, дверь ему отворила, впустила въ догъ, только на порогѣ черезъ силу промолвила: «На, вотъ! Возьми свои зерна, и не дари меня другой разъ никогда», и сама ему коробокъ во слѣдъ бросила.

Тутъ Катерина остановилась перевести духъ: она то вздрагивала и какъ листъ блѣдиѣла, то кровь всходила ей въ голову, и теперь, когда она остановилась, щеки ея пылали огнемъ, глаза

блистали сквозь слезы, и тяжелое, прерывистое дыханіе колебало грудь ея. Но вдругъ она опять побѣдила, и голосъ ея упалъ, задрожавъ тревожно и грустно.

— Тогда я осталась одна, и будто буря меня кругомъ обхватила. Вдругъ слышу крикъ, слышу, по двору люди до завода бѣгутъ, слышу говоръ: «заводъ горитъ». Я притаилась, изъ дома всѣ убѣжали: осталась я съ матушкой. Знала я, что она съ жизнью разстается, третьи сутки на смертной постели лежитъ, знала я, окаянная дочь!.. Вдругъ слышу крикъ подъ моей свѣтлицей, слабый, словно ребенокъ вскрикнулъ, когда во снѣ испугается, и потомъ все затихло. Я задула свѣчу, сама леденѣю, закрылась руками, глянуть боюсь. Вдругъ слышу крикъ подлѣ меня, слышу—съ завода люди бѣгутъ. Я въ окно свѣсилась: вижу, несутъ батюшку мертваго, слышу, говорятъ межъ собою: «остудился, съ лѣстницы въ котелъ раскаленный упалъ: знать, нечистый его туда подтолкнулъ». Я пришла на постель; жду, сама вся замерла, и не знаю чего и кого ждала: только тяжело у меня было въ этотъ часъ. Не помню, сколько ждала, помню, что меня вдругъ всю колыхать начало, головѣ тяжело стало, глаза выѣдало дымомъ: и рада была я, что близка моя гибель! Вдругъ, слышу, кто-то меня за плечи подымаетъ. Смотрю, сколько глядѣть могу: онъ весь опаленный и кафтанъ его, горячій на ощупь, дымится.

— «За тобой пришелъ, красная дѣвица: уводи-жь меня отъ бѣды, какъ прежде на бѣду наводила: душу свою я за тебя сгубилъ. Не отмолить мнѣ этой ночи проклятой! Развѣ вмѣстѣ будемъ молиться!» Смѣялся онъ, злой человѣкъ!—«Покажи», говоритъ, «какъ пройти, чтобъ не мимо людей!» Я взяла его за руку и повела за собой. Прошли мы корридоръ — со мной ключи были — отворила я дверь въ кладовую и показала ему на окно. А окно наше въ садъ выходило. Онъ схватилъ меня на могучія руки, обнялъ и выпрыгнулъ со мною вонъ изъ окна Мы побѣжали съ нимъ рука въ руку, долго бѣжали. Смотримъ: густой, темный лѣсъ. Онъ сталъ слушать: «погоня, Катя, за нами! Погоня за нами, красная дѣвица, да не въ этотъ часъ намъ животы свои положить! Поцалуй меня, красная дѣвица, на любовь да на вѣчное счастье!»—А отчего у тебя руки въ крови?— Руки въ крови, моя родимая? А вашихъ собакъ порѣзалъ; разлаялись больно на поздняго гостя. Пойдемъ!» Мы опять побѣжали: видимъ, на тропинкѣ батюшкинъ конь, узду перервалъ, изъ конюшни выбѣжалъ: знать ему горѣть не хотѣлось! «Садись, Катя, со мной! Богъ нашъ намъ помочь послалъ!» Я молчу. «Аль не хочешь? Я вѣдь не нехристь какой, не нечистый: вотъ перекрещусь, коли хочешь», и тутъ онъ крестъ положилъ. Я

сѣла, прижалась къ нему и забылась совсѣмъ у него на груди, словно сонъ какой нашелъ на меня, а какъ очнулась, вижу, стоимъ у широкой-широкой рѣки. Онъ слѣзъ, меня съ лошади снялъ, и пошелъ въ тростникъ: тамъ онъ лодку свою затаилъ. Мы ужь садились. «Ну, прощай, добрый конь, ступай до новаго хозяина, а старые всѣ тебя покидаютъ!» Я бросилась къ коню батюшкину и крѣпко на разлуку обняла его. Потомъ мы сѣли, онъ весла взялъ, и мигомъ стало намъ береговъ не видать. И когда стало намъ береговъ не видать, смотрю, онъ весла сложилъ, и кругомъ, по всей водѣ осмотрѣлся.

— «Здравствуй», промолвилъ, «матушка, бурная рѣченька, Божьему люду поилица, а моя кормилица! Скажи-ка, берегла-ль ты мое добро безъ меня, цѣлы-ль товары мои!» Я молчу, очи на грудь опустила: лицо стыдомъ, какъ полымемъ пышетъ. А онъ: «Ужь и все-бъ ты взяла, бурная, ненасытная, а дала-бъ мнѣ обѣтъ сберечь и лелѣять жемчужину мою многоцѣнную! Урони-жь хоть словечко, красная дѣвица, просіяй въ бурю солнцемъ, разгони свѣтомъ темную ночь!»—Говоритъ, а самъ усмѣхается; жгло его сердце по мнѣ, да усмѣшки его, со стыда, мнѣ стерпѣть не хотѣлось; хотѣлось слово сказать, да сробѣла, смолчала. «Ну, нить быть такъ! отвѣчаетъ онъ на мою думу робкую, говоритъ будто съ горя, самого будто горе береть. «Знать, съ силы ничего не возьмешь. Богъ-же съ тобой, сивѣшая, голубица моя, красная дѣвица! Видно сильна ко мнѣ твоя ненависть, иль ужь такъ не любо я твоимъ свѣтлымъ очамъ приглянулся». Слушала я и зло меня взяло, зло съ любви взяло: я сердце осилила, промолвила: «любъ иль не любъ ты приплелся мнѣ, знать не мнѣ про то знать, а вѣрно другой какой неразумной, безстыжей, что свѣтлицу свою дѣвичью въ темную ночь опозорила, за смертный грѣхъ душу свою продала, да сердца своего не сдержала безумнаго; да знать про то вѣрно моимъ горючимъ слезамъ, да тому, кто чужой бѣдой воровски похваляется, надъ дѣвичьемъ сердцемъ насмѣхается!» Сказала, да не стерпѣла, заплакала... Онъ помолчалъ, поглядѣлъ на меня такъ, что я какъ листъ задрожала. «Слушай-же», говоритъ мнѣ, «красная дѣвица»—а у самого чудно очи горятъ—«не праздное слово скажу, а дамъ тебѣ великое слово: на сколько счастья мнѣ подаришь, настолько буду и тебѣ господинъ, а не взлюбишь когда—и не говори, словъ не роняй, не трудись, а двинь только бровью своей соболиною, поведи черным глазомъ, мизинцемъ однимъ шевельни, и отдамъ тебѣ назадъ любовь твою съ золотою волюшкой: только будетъ тутъ, краса моя гордая, несносимая, и моей жизни конецъ!» И тутъ вся плоть моя на его слова усмѣхнулася...

Тутъ глубокое волненіе прервало было разсказъ Катерины: она перевела духъ, усмѣхнулась новой думѣ своей и хотѣла было продолжать, но вдругъ сверкающій взглядъ ея встрѣтилъ воспаленный, прикованный къ ней взглядъ Ордынова. Она вздрогнула, хотѣла было что-то сказать, но кровь залила ей лицо... Словно въ безпамятствѣ закрылась она руками и бросилась лицомъ на подушки. Все потряслось въ Ордыновѣ! Какое-то мучительное чувство, смятеніе безотчетное, невыносимое, разливалось какъ ядъ по всѣмъ его жиламъ и росло съ каждымъ словомъ разсказа Катерины: безвыходное стремленіе, страсть жадная и невыносимая захватила думы его, мутила его чувства. Но грусть тяжелая, безконечная въ тоже время все болѣе и болѣе давила его сердце. Минутами онъ хотѣлъ кричать Катеринѣ, чтобъ она замолчала, хотѣлъ броситься къ ногамъ ея и молить своими слезами, чтобъ она возвратила ему его прежнія муки любви, его прежнее, безотчетное, чистое стремленіе, и ему жаль стало давно уже высохшихъ слезъ своихъ. Сердце его ныло, болѣзненно обливаясь кровью и не давая слезъ уязвленной душѣ его. Онъ не понялъ, что говорила ему Катерина, и любовь его испугалась чувства, волновавшаго бѣдную женщину. Онъ проклялъ страсть свою въ эту минуту: она душила, томила его, и онъ слышалъ, какъ растопленный свинецъ вмѣсто крови потекъ въ его жилахъ.

— Ахъ, не въ томъ мое горе, сказала Катерина, вдругъ приподнявъ свою головку: — что я тебѣ говорила теперь, не въ томъ мое горе, продолжала она голосомъ, зазвенѣвшимъ какъ мѣдь отъ новаго нежданнаго чувства, тогда какъ вся душа ея разрывалась отъ затаившихся, безвыходныхъ слезъ —не въ томъ мое горе, не въ томъ мука, забота моя! Что, что мнѣ до родимой моей, хоть и не нажить мнѣ на всемъ свѣтѣ другой родной матушки! Что мнѣ до того, что проклята она меня въ часъ свой тяжелый, послѣдній! Что мнѣ до золотой прежней жизни моей, до теплой свѣтлицы, до дѣвичьей волюшки! Что мнѣ до того, что продалась я нечистому и душу мою отдала погубителю, за счастіе вѣчный грѣхъ понесла! Ахъ, не въ томъ мое горе, хоть и на этомъ велика погибель моя! А то мнѣ горько и рветъ мнѣ сердце, что я рабыня его опозоренная, что позоръ и стыдъ мой самой, безстыдной, мнѣ любъ, что любо жадному сердцу и вспоминать свое горе, словно радость и счастье — въ томъ мое горе, что нѣтъ силы въ немъ и нѣтъ гнѣва за обиду свою!..

Духъ занялся въ груди бѣдной женщины, и судорожное, истерическое рыданіе пресѣкло слова ея. Горячее, порывистое дыханіе палило ея губы, грудь подымалась и опускалась глубоко, и непо-

нятнымъ негодованіемъ сверкнули глаза ея. Но столько очарованія озолотило лицо ея въ эту минуту, такимъ страстнымъ потокомъ чувства, такой невыносимой, неслыханной красотою задрожала каждая линія, каждый мускулъ его, что разомъ угасла черная дума и замолкла чистая грусть въ груди Ордынова. Сердце его рвалось прижаться къ ея сердцу и страстно въ безумномъ волненіи забыться въ немъ вмѣстѣ, застучать въ ладъ тою-же бурею, тѣмъ-же порывомъ невѣдомой страсти и хоть замереть съ нимъ вмѣстѣ. Катерина встрѣтила помутившійся взоръ Ордынова и улыбнулась такъ, что удвоеннымъ потокомъ огня обдало его сердце. Онъ едва помнилъ себя.

— Пожалѣй меня, пощади меня! шепталъ онъ ей, сдерживая дрожащій свой голосъ, наклоняясь къ ней, опершись рукою на ея плечо, и близко, близко такъ, что дыханіе ихъ сливалось въ одно, смотря ей въ глаза:—ты сгубила меня! Я твоего горя не знаю и душа моя смутилась... Что мнѣ до того, объ чемъ плачетъ твое сердце! Скажи, что ты хочешь... я сдѣлаю. Пойдемъ-же со мною, пойдемъ, не убей меня, не мертви меня!..

Катерина смотрѣла на него неподвижно: слезы высохли на горячихъ щекахъ ея. Она хотѣла прервать его, взяла его за руку, хотѣла сама что-то говорить и какъ будто не находила словъ. Какая-то странная улыбка медленно появилась на ея губахъ, словно смѣхъ пробивался сквозь эту улыбку.

— Не все-жь я, знать, тебѣ разсказала, проговорила она, наконецъ, прерывистымъ голосомъ. — Еще разскажу: только будешь-ли, будешь-ли слушать меня, горячее сердце? Послушай сестрицу свою! Знать мало спозналъ ты ея лютаго горя! Хотѣла-бъ я разсказать, какъ я съ нимъ годъ прожила, да не стану... А минулъ годъ, уѣхалъ онъ съ товарищами внизъ по рѣкѣ, и осталась я у названной матушки его во пристани ждать. Жду его мѣсяцъ—другой—и повстрѣчалась я въ пригородьи съ молодымъ купцомъ, взглянула на него и вспомнила про былые годы золотые.—«Любушка-сестрица!» говоритъ онъ, какъ два слова перемолвилъ со мной:—«я Алена, твой названный суженый, насъ дѣтьми старики на словахъ повѣнчали: забыла меня, вспомни-ка, я изъ вашего мѣста»...—А что говорятъ обо мнѣ въ вашемъ мѣстѣ?—А говоритъ людская толкъ, что ты нечестно пошла, дѣвичій стыдъ позабыла, съ разбойникомъ, душегубцемъ спозналась», говоритъ мнѣ Алена, смѣясь. — А ты что про меня говорила? — «Много хотѣлъ говорить, какъ сюда подъѣзжалъ»— и смутилось въ немъ сердце— «много сказать захотѣлось, а теперь душа у меня помертвѣла, какъ завидѣлъ тебя; сгубила ты меня!» говоритъ. «Куни-жь и мою душу,

возьми ее, хоть насмѣйся надъ сердцемъ, любовью моей, красная дѣвица. Я теперь сиротинушка, хозяинъ свой, и душа-то моя своя, не чужая, не продавалъ ее никому, какъ зная, что память свою загасила, а сердце не покупать стать, даромъ отдамъ, да видно дѣло оно наживное! Я засмѣялась: и не разъ и не два говорилъ—цѣлый мѣсяцъ въ усадьбѣ живетъ, бросилъ товары, своихъ отпустилъ, одинъ-одинешенекъ. — Жаль мнѣ стало его сиротскихъ слезъ. Вотъ и сказала я ему разъ по утру: жди меня, Алеша, какъ стемнѣетъ ночь, пониже у пристани: поѣдемъ съ тобой въ твое мѣсто! Опостылѣла мнѣ жизнь моя горемычная! — Вотъ ночь пришла, я узелокъ навязала, и душа заныла, заиграла во мнѣ. Смотрю, входитъ хозяинъ мой, нежданно, невѣдомо. — Здравствуй; пойдемъ: на рѣкѣ будетъ буря, а время не ждетъ. Я пошла за нимъ; къ рѣкѣ подошли, а до своихъ было далеко плыть; смотримъ: лодка и знакомый въ ней гребецъ сидитъ, словно поджидаетъ кого. «Здравствуй, Алена, Богъ въ помощь тебѣ! Что? Аль на пристани запоздалъ, на суда свои поспѣшаешь? Довези-ка, добрый человѣкъ, вотъ меня да съ хозяюшкой, къ своимъ въ наше мѣсто; лодку свою я отпустилъ, а вплавь пойдти не умѣю». — «Садись», сказалъ Алена, а у меня вся душа изныла, какъ заслышала я голосъ его. «Садись и съ хозяюшкой; вѣтеръ для всѣхъ, а въ моемъ терему и для васъ будетъ мѣсто». Сѣли; ночь была темная, звѣзды попрятались, вѣтеръ завылъ, встала волна, а отъ берега мы съ версту отъѣхали. Всѣ трое молчимъ.

— «Буря!» говоритъ мой хозяинъ: «и не къ добру эта буря! Такой бури я сродясь еще на рѣкѣ не видалъ, какая теперь разыграется! Тяжело нашей лодкѣ! Не снести ей троихъ!» — «Да, не снести», отвѣчаетъ Алена: «и одинъ изъ насъ, знать, лишній выходитъ»: говоритъ, а у самого голосъ дрожитъ какъ струна. — «А что, Алена? Зналъ я тебя малымъ дитёй, братался съ твоимъ роднымъ батюшкой, хлѣбъ-соль вмѣстѣ водили—скажи мнѣ, Алена, дойдешь-ли безъ лодки до берега, или сгинешь ни за что, душу погубишь свою?» — «Не дойду!» — «А ты, добрый человѣкъ, какъ случится, неровенъ часъ и тебѣ порой воды испить, дойдешь или нѣтъ?» — «Не дойду, тутъ и конецъ моей душенькѣ, не снести меня бурной рѣкѣ!» — «Слушай-же ты теперь, Катеринушка, жемчужина ты моя многоцѣнная! Помню я одну такую-же ночь, только тогда не колыхалась волна, звѣзды сіяли и мѣсяцъ свѣтилъ... Хочу тебя такъ, спроста, спросить, не забыла-ли ты?» — «Помню», я говорю... «А какъ не забыла ея, такъ и уговора не забыла, какъ училъ одинъ молодецъ одну красну дѣвицу волюшку свою похитить назадъ у немилова—а?» — «Нѣтъ, и того не забыла!», го-

ворю, а сама ни жива, ни мертва. — А не забыла! Такъ вотъ теперь въ лодкѣ намъ тяжело. Ужь не приплыло-ли чье время? Скажи, родная, скажи, голубица, проворкуй намъ по голубиному свое слово ласковое»...

«Я слова моего не сказала тогда! прошептала Катерина, блѣднѣя... Она не докончила.

— Катерина! раздался надъ ними глухой, хриплый голосъ. Ордыновъ вздрогнулъ. Въ дверяхъ стоялъ Муринъ. Онъ былъ едва закрытъ мѣховымъ одѣяломъ, блѣденъ какъ смерть и смотрѣлъ на нихъ почти обезумѣвшимъ взглядомъ. Катерина блѣднѣла больше и больше и тоже смотрѣла на него неподвижно, какъ будто очарованная.

— Иди ко мнѣ, Катерина! прошепталъ больной едва слышнымъ голосомъ и вышелъ изъ комнаты. Катерина все еще смотрѣла неподвижно въ воздухъ, все будто-бы еще старикъ стоялъ передъ нею. Но вдругъ кровь мгновенно опалила ея блѣдныя щеки и она медленно приподнялась съ постели. Ордыновъ вспомнилъ первую встрѣчу.

— Такъ до завтра-же, слезы мои! сказала она, какъ-то странно усмѣхаясь: — до завтра! Помни-жь, на чемъ перестала я: «выбирай изъ двухъ: кто любъ иль не любъ тебѣ, красная дѣвица!» Будешь помнить, подождешь одну ночку? повторила она, положивъ ему свои руки на плеча и нѣжно смотря на него.

— Катерина, не ходи, не губи себя! Онъ сумасшедшій! шепталъ Ордыновъ, дрожа за нее.

— Катерина! раздался голосъ за перегородкой.

— Что-жь? Зарѣжетъ, небось? отвѣчала, смѣясь, Катерина.— Доброй ночи тебѣ, сердце мое ненаглядное, голубь горячій мой, братецъ родной! говорила она, нѣжно прижавъ его голову къ груди своей, тогда какъ слезы ороснли вдругъ лицо ея. — Это послѣднія слезы. Пересни-жь свое горе, любезный мой, проснешься завтра на радость. И она страстно поцаловала его.

— Катерина! Катерина! шепталъ Ордыновъ, упавъ передъ нея на колѣни и порываясь остановить ее.—Катерина!

Она обернулась, улыбаясь кивнула ему головою и вышла изъ комнаты. Ордыновъ слышалъ, какъ она вошла къ Мурину: онъ затаилъ дыханіе, прислушиваясь, но ни звука не услышалъ онъ болѣе. Старикъ молчалъ или, можетъ быть, опять былъ безъ памяти... Онъ хотѣлъ было идти къ нея туда, но ноги его подкашивались... Онъ ослабѣлъ и присѣлъ на постели...

II.

Долго не могъ онъ узнать часа, когда очнулся. Были разсвѣтъ или сумерки: въ комнатѣ все еще было темно. Онъ не могъ означить именно сколько времени спалъ, но чувствовалъ, что сонъ его былъ сномъ болѣзненнымъ. Опомнясь, онъ провелъ рукой по лицу, какъ будто снимая съ себя сонъ и ночныя видѣнія. Но когда онъ хотѣлъ ступить на полъ, то почувствовалъ, что какъ будто все тѣло его было разбито, и истомленные члены отказывались повиноваться. Голова его болѣла и кружилась, и все тѣло обдавало то мелкою дрожью, то пламенемъ. Вмѣстѣ съ сознаніемъ воротилась и память, и сердце его дрогнуло, когда въ одинъ мигъ пережилъ онъ воспоминаніемъ всю прошлую ночь. Сердце его такъ сильно билось въ отвѣтъ на его раздумье, такъ горячи, свѣжи были его ощущенія, что какъ будто не ночь, но долгіе часы, а одна минута прошла по уходѣ Катерины. Онъ чувствовалъ, что глаза его еще не обсохли отъ слезъ, — или новыя, свѣжія слезы брызнули какъ родникъ изъ горячей души его? И, чудное дѣло! Ему даже сладостны были муки его, хотя онъ глухо слышалъ всѣмъ составомъ своимъ, что не вынесетъ болѣе такого насилія. Была минута, когда онъ почти чувствовалъ смерть и готовъ былъ встрѣтить ее, какъ свѣтлую гостью: такъ напряглись его вначатѣвшія, такимъ могучимъ порывомъ закипѣла по пробужденіи вновь его страсть, такимъ восторгомъ обдало душу его, что жизнь, ускоренная напряженною дѣятельностью, казалось, готова была переръться, разрушиться, истлѣть въ одинъ мигъ и угаснуть на вѣки. Почти въ эту-жъ минуту, какъ-бы въ отвѣтъ на тоску его, въ отвѣтъ его задрожавшему сердцу, зазвучалъ знакомый — какъ та внутренняя музыка, знакомая душѣ человѣка въ часъ радости о жизни своей, въ часъ безмятежнаго счастья — густой, серебряный голосъ Катерины. Близко, возлѣ, почти надъ изголовьемъ его, началась пѣсня, сначала тихо и заунывно... Голосъ то возвышался, то опадалъ, судорожно замирая, словно тая про себя и нѣжно лелѣя свою-же мятежную муку ненасытимаго, сдавленнаго желанія, безвыходно затаеннаго въ тоскующемъ сердцѣ; то снова разливался соловьиною трелью и весь дрожа, пламенѣя уже нездержимою страстію, разливался въ цѣлое море восторговъ, въ море могучихъ, безпредѣльныхъ, какъ первый мигъ блаженства любви, звуковъ. Ордыновъ отличалъ и слова: они были просты, задушевны, сложенныя давно, прямымъ, спокойнымъ, чистымъ и яснымъ самому себѣ

чувствомъ. Не онъ забывалъ ихъ, онъ слышалъ лишь одни звуки. Сквозь простой, наивный складъ пѣсни, ему сверкали другія слова, гремѣвшія всѣмъ стремленіемъ, которое наполняло его-же грудь, давнія отклики сокровеннѣйшимъ, ему-же невѣдомымъ, изгибамъ страсти его, прозвучавшимъ ему-же ясно, цѣлымъ сознаніемъ, о ней. И то слышался ему послѣдній стонъ безвыходно замершаго въ страсти сердца, то радость воли и духа, разбившаго цѣпи свои и устремившагося свѣтло и свободно въ неисходимое море невозбранной любви; то слышалась первая клятва любовницы съ благоухающимъ стыдомъ за первую краску въ лицѣ, съ моленіями, со слезами, съ таинственнымъ, робкимъ шепотомъ; то желаніе вакханки, гордое и радостное силой своей, безъ покрова, безъ тайны, съ сверкающимъ смѣхомъ обводящее кругомъ опьянѣлыя очи...

Орлыновъ не выдержалъ окончанія пѣсни и всталъ съ постели. Пѣсня тотчасъ затихла.

— Доброе утро съ добрымъ днемъ прошли, мой желанный! зазвучалъ голосъ Катерины:—добрый вечеръ тебѣ! Встань, приди къ намъ, пробудись на свѣтлую радость: ждемъ тебя я да хозяинъ, люди все добрые, твоей воли покорные: загаси любовью ненависть, коли все еще сердце обидой болитъ. Скажи слово ласковое!..

Орлыновъ уже вышелъ изъ комнаты на первый окликъ ея и едва понялъ онъ, что входитъ къ хозяевамъ. Передъ нимъ отворилась дверь и ясна какъ солнце, заблестѣла ему золотая улыбка чудной его хозяйки. Въ этотъ мигъ онъ не видалъ, не слыхалъ никого, кромѣ ея. Мгновенно вся жизнь, вся радость его слились въ одно въ его сердцѣ—въ свѣтлый образъ его Катерины.

— Двѣ зари прешло, сказала она, подавая ему свои руки: — какъ мы повстрѣчались съ тобой: вторая гаснетъ теперь, посмотри въ окно. Словно двѣ зари души красной дѣвицы, промолвила, смѣясь, Катерина: — одна, что первымъ стыдомъ лицо разрумянитъ, какъ вервинки скажется въ груди одинокое дѣвичье сердце, а другая, какъ забудетъ первый стыдъ красная дѣвица, горитъ словно полымемъ, давитъ дѣвичью грудь и гонитъ въ лицо румяную кровь... Ступай, ступай въ нашъ домъ, добрый молодецъ! Что стоишь на порогѣ? Честь тебѣ да любовь, да поклонъ отъ хозяина!

Съ звонкимъ, какъ музыка, смѣхомъ взяла она руку Орлынова и ввела его въ комнату. Робость вошла въ его сердце. Все пламя, весь пожаръ, пламенѣвшій въ груди его, словно истлѣли и угасли въ одинъ мигъ и на одинъ мигъ: онъ съ смущеніемъ опустилъ глаза и боялся смотрѣть на нее. Онъ чувствовалъ, что она такъ чудно прекрасна, что не сносить его сердцу знойнаго ея взгляда. Никогда онъ еще не видалъ такъ своей Катерины. Смѣхъ и ве-

семье въ первый разъ засверкали въ лицѣ ея и изсушили грустныя слезы на ея черныхъ рѣсницахъ. Его рука дрожала въ ея рукѣ. И если-бъ онъ поднялъ глаза, то увидѣлъ-бы, что Катерина съ торжествующей улыбкой приковала свѣтлыя очи къ лицу его, отуманенному смущеніемъ и страстью.

— Встань-же, старый! сказала она, наконецъ, какъ будто сама только опомнившись.—скажи гостю слово привѣтливое. Гость, что братъ родной! Встань-же, непоклонный, сѣдовый старинушка, встань, поклонись, гостя за бѣлыя руки возьми, посади за столъ!

Ордыновъ поднялъ глаза и какъ будто теперь лишь опомнился. Онъ теперь только подумалъ о Муринѣ. Глаза старика, словно потухшіе въ предсмертной тоскѣ, смотрѣли на него неподвижно; и съ болью въ душѣ вспомнилъ онъ этотъ взглядъ, сверкнувшій ему въ послѣдній разъ изъ-подъ нависшихъ черныхъ, сѣдыхъ, какъ и теперь, густою и гнѣвомъ бровей. Голова его слегка закружилась. Онъ оглядѣлся кругомъ и теперь только сообразилъ все ясно, отчетливо. Муринъ все еще лежалъ на постели, но онъ былъ почти одѣтъ и какъ будто уже вставалъ и выходилъ въ это утро. Шея была обвязана, какъ и прежде, краснымъ платкомъ, на ногахъ были туфли. Болѣзнь, очевидно, прошла, только лицо все еще было страшно блѣдно и желто. Катерина стояла возлѣ постели, опершись рукою на столъ, и внимательно смотрѣла на обоихъ. Но привѣтливая улыбка не сходила съ лица ея. Казалось, все дѣлалось по ея мановенію.

— Да! Это ты, сказалъ Муринъ, приподымаясь и садясь на постели.—Ты мой жилецъ. Виноватъ я передъ тобою, баринъ, согрѣшилъ и обидѣлъ тебя незнамо-невѣдомо, пошалилъ намедни съ ружьемъ. Кто-жъ-те зналъ, что на тебя тоже находитъ черная немочь? А со мною случается, прибавилъ онъ хрипымъ, болѣзненнымъ голосомъ, хмуря брови свои и невольно отводя глаза свои отъ Ордынова. — Бѣда идетъ — не стучитъ въ ворота, какъ воръ подползетъ! Я и ей чуть ножа опомнясь въ грудь не всадилъ... примолвилъ онъ, кивнувъ головой на Катерину. — Болѣнъ я, припадокъ находитъ, ну и довольно съ тебя! Садись—будешь гость!

Ордыновъ все еще пристально смотрѣлъ на него.

— Садись-же, садись! крикнулъ старикъ въ нетерпѣніи: — садись, коли ей это любо! Ишь вы побратались, единоутробные! Сдюбились словно любовники!

Ордыновъ сѣлъ.

— Видишь, сестрица какая, продолжалъ старикъ, засмѣявшись и показавъ два ряда своихъ бѣлыхъ, цѣлыхъ до единаго зубовъ.— Милуйтесь, родные мои! Хороша-ль у тебя сестрица, баринъ? Скажи,

отвѣчай! На, смотри-ка, какъ щеки ея полымемъ пышатъ. Да оглянись-же, почествуй всему свѣту красавицу! Покажи, что болитъ по ней ретивое!

Ордыновъ нахмурилъ брови и злобно посмотрѣлъ на старика. Тотъ вздрогнулъ отъ его взгляда. Слѣпое бѣшенство закипѣло въ груди Ордынова. Онъ какимъ-то животнымъ инстинктомъ чуялъ близъ себя врага на смерть. Онъ самъ не могъ понять, что съ нимъ дѣлается, разсудокъ отказывался служить ему.

— Не смотри! раздался голосъ сзади его. Ордыновъ оглянулся.

— Не смотри-же, не смотри, говорю, коли объ насъ наущаетъ, пожалѣй свою любу, говорила, смѣясь, Катерина, и вдругъ сзади закрыла рукою глаза его: потомъ тотчасъ-же отняла свои руки и закрылась сама. Но краска лица какъ будто пробивалась сквозь ея пальцы. Она отняла руки и, вся горя какъ огонь, попробовала свѣтло и нетрепетно встрѣтить ихъ смѣхъ и любопытные взгляды. Но оба молча глядѣли на нее — Ордыновъ съ какимъ-то изумленіемъ любви, какъ будто въ первый разъ такая страшная красота пронзила сердце его: старикъ внимательно, холодно. Ничего не выражалось на его блѣдномъ лицѣ: только губы синѣли и слегка трепетали.

Катерина подошла къ столу уже не смѣясь болѣе и стала убирать книги, бумаги, чернильницу, все, что было на столѣ, и сложила все на окно. Она дышала скоро, прерывисто, и по временамъ жадно впивала въ себя воздухъ, какъ будто ей сердце тѣснило. Тяжело, словно волна прибрежная, опускалась и вновь подымалась ея полная грудь. Она потупила глаза, и черныя, смолистыя рѣсницы, какъ острыя иглы, заблистали на свѣтлыхъ щекахъ ея...

— Царь-дѣвица! сказалъ старикъ.

— Владычица моя! прошепталъ Ордыновъ, дрогнувъ всѣмъ тѣломъ. Онъ опомнился, заслонивъ на себѣ взглядъ старика: какъ молнія сверкнулъ этотъ взглядъ на мгновеніе—жадный, злой, холодно-презрительный. Ордыновъ привсталъ было съ мѣста, но какъ будто невидимая сила сковала ему ноги. Онъ снова усѣлся. Порой онъ снималъ свою руку, какъ будто не довѣряя дѣйствительности. Ему казалось, что кошмаръ его душитъ и что на глазахъ его все еще лежитъ страдальческій, болѣзненный сонъ. Но, чудное дѣло! Ему не хотѣлось проснуться.

Катерина сняла со стола старый коверъ, потомъ открыла сундукъ, вынула изъ него драгоцѣнную скатерть, всю расшитую яркими шелками и золотомъ, и накрыла ею столъ: потомъ вынула изъ шкафа старинный, прадѣдовскій, весь серебряный поставецъ, поставила его на средину стола и отдѣлила отъ него три серебря-

ныя чарки - хозяину, гостю и чару себѣ; потомъ важнымъ, почти задумчивымъ взглядомъ посмотрѣла на старика и на гостя.

— Кто-жь изъ насъ кому любъ иль не любъ? сказала она:— кто не любъ кому, тотъ мнѣ любъ и со мной будетъ пить свою чару. А мнѣ всякъ изъ васъ любъ, всякъ родной: такъ пить всѣмъ на любовь и согласье!

— Пить, да черную думу въ винѣ топить! сказалъ старикъ измѣнившимся голосомъ.—Наливай, Катерина!

— А ты велишь наливать? спросила Катерина, смотря на Ордынова.

Ордыновъ молча подвинулъ свою чарку.

— Стой! У кого какая загадка и думушка, пусть по его-же хотѣнью и сбудется! сказалъ старикъ, поднявъ свою чарку.

Всѣ стукнули чарками и выпили.

— Давай-же мы теперь выпьемъ съ тобой, старина! сказала Катерина, обращаясь къ хозяину: — выпьемъ, коли ласково твое сердце ко мнѣ! Выпьемъ за прожитое счастье, ударимъ поклонъ прожитымъ годамъ, сердцемъ за счастье, да любовью поклонимся! Вели-жь наливать, коли горячо твое сердце ко мнѣ!

— Вишь твое крѣпко, голубица моя, а сама только губки помочишь! сказалъ старикъ, смѣясь и подставляя вновь свою чару.

— Ну, я отхлебну, а ты пей до дна!.. Что жить, старинушка, тяжелую думу за собой волочить: а только сердце поетъ съ думы тяжелой! Думушка съ горя идетъ, думушка горе зоветъ, а при счастьи живется безъ думушки! Пей, старина! Утопи свою думушку!

— Много-жь, знать, горя у тебя накопѣло, коли такъ на него ополчаешься! Знать, разомъ хочешь покончить, бѣлая голубка моя. Пью съ тобой, Катя! А у тебя есть-ли горе, барынь, коль позволишь спросить?

— Что есть, то есть про себя, прошепталъ Ордыновъ, не сводя глазъ съ Катерины.

— Слышалъ, старинушка? Я и сама себя долго не знала, не помнила, а пришло время, все опознала и вспомнила; все, что прошло, ненасытной душой опять прожила.

— Да, горько, коль на бываломъ одномъ пробиваться начнешь, сказалъ старикъ задумчиво. - Что прошло, какъ вино пролито! Что въ прошломъ счастьи? Кафтанъ износилъ, и долой...

— Новый надо! подхватила Катерина, засмѣявшись съ натуги, тогда какъ двѣ крупныя слезинки повисли какъ алмазы на сверкнувшихъ рѣсницахъ.- Знать, вѣку минутой одной не прожить, да и дѣвичье сердце живуче, не утонешься въ ладъ! Опозналъ, старина? Смотри, я въ твоей чарѣ слезинку мою схоронила!

— А за много-ль счастья ты свое горе купила? сказалъ Ордыновъ, и голосъ его задрожалъ отъ волненія.

— Знать, у тебя, баринъ, своего много продажнаго! отвѣчалъ старикъ: — что суешься непрошенный. И онъ злобно и неслышно захохоталъ, нагло смотря на Ордынова.

— А за что продала, то и было, отвѣчала Катерина, какъ будто недовольнымъ, обиженнымъ голосомъ. —Одному кажется много, другому мало. Одинъ все отдать хочетъ, взять нечего, другой ничего не сулитъ, да за нимъ идетъ сердце послушное! А ты не кори человѣка, промолвила она, грустно смотря на Ордынова: — одинъ такой человѣкъ, другой не тотъ человѣкъ, а будто знаешь, зачѣмъ къ кому душа просится! Наливай-же свою чару, старикъ! Выпей за счастье твоей дочки, любезной, радыни твоей тихой, покорной, какъ вервинки была, какъ съ тобой сознавалась. Подымай свою чару!

— Нить быть такъ! Наливай-же свою! сказалъ старикъ, взявъ вино.

— Стой, старина! Подожди пить, дай прежде слово сказать!..

Катерина облокотилась руками на столъ и пристально, разгорѣвшимся, страстными очами смотрѣла въ глаза старику. Какая-то странная рѣшимость сіяла въ глазахъ ея. Но всѣ движенія ея были спокойны, жесты отрывисты, неожиданны, скоры. Она была вся словно въ огнѣ, и чудно дѣлалось это. Но какъ будто красота ея росла вмѣстѣ съ волненіемъ, съ одушевленіемъ ея. Изъ полуоткрытыхъ улыбкою губъ, выказывавшихъ два ряда бѣлыхъ, ровныхъ какъ жемчугъ зубовъ, вылетало порывистое дыханіе, слегка приподымая ея ноздри. Грудь волновалась: коса, три раза обернутая на затылкѣ, небрежно слетка упала на лѣвое ухо и прикрыла часть горячей щеки. Легкій потъ пробивался у нея на вискахъ.

— Загадай, старина! Загадай мнѣ, родимый мой, загадай прежде чѣмъ умъ пропьешь: вотъ тебѣ ладонь моя бѣлая? Вѣдь не даромъ тебя у насъ колдуномъ люди прозвали. Ты-же по книгамъ учился и всякую черную грамоту знаешь! Поглядн-же, старинушка, разскажи мнѣ всю долю мою горемычную; только смотри, не солги! Ну, скажи какъ самъ знаешь—будетъ-ли счастье дочкѣ твоей, или не простишь ты ее и накличешь ей на дорогу одну злую долю-кручинушку? Скажи, теперь-ли будетъ мой уголъ, гдѣ обживусь, или, какъ пташка перелетная, весь вѣкъ сиротинушкой буду межъ добрыхъ людей своего мѣста искать? Скажи, кто мнѣ недругъ, кто любовь мнѣ готовитъ, кто зло про меня замышляетъ? Скажи, въ одиночку-ль моему сердцу, молодому, горячему, вѣкъ прожить и до вѣка заглохнуть, или найдетъ оно ровню себѣ, да въ ладъ съ нимъ

на радость забьется... до новаго горя! Угадай ужь за одинъ разъ, старинушка, въ какомъ синемъ небѣ, за какими морями-лѣсами соколъ мой ясный живетъ, гдѣ, да и зорко-ль себѣ соколицу высматриваетъ, да и любовно-ль онъ ждетъ, крѣпко-ль полюбитъ, скоро-ль разлюбитъ, обманетъ, иль не обманетъ меня? Да ужь заразъ, все одно къ одному, скажи мнѣ въ послѣдній, старинушка, долго-ль намъ съ тобой вѣкъ коротать, въ углу чернетвомъ сидѣть, черныя книги читать: да когда мнѣ тебѣ, старина, низко кланяться, по добру по здорову прощаться; за хлѣбъ-соль благодарить, что поить, кормить, сказки сказывать?.. Да смотри-же, всю правду скажи, не солги; пришло время, постой за себя!

Одушевленіе ея росло все болѣе и болѣе до послѣдняго слова, какъ вдругъ ея голосъ пресѣкся отъ волненія, будто какой-то вихрь увлекалъ ея сердце. Глаза ея сверкнули и верхняя губа слегка задрожала. Слышно было, какъ злая насмѣшка змѣилась и пряталась въ каждомъ словѣ ея, но какъ будто плачъ звенѣлъ въ ея смѣхѣ. Она наклонилась черезъ столъ къ старику и пристально, съ жаднымъ вниманіемъ смотрѣла въ помутившіеся глаза его. Ордыновъ слышалъ, какъ вдругъ застучало ея сердце, когда она кончила: онъ вскрикнулъ отъ восторга, когда взглянулъ на нее, и привсталъ было со скамьи. Но бѣглый, мгновенный взглядъ старика опять приковалъ его къ мѣсту. Какая-то странная смѣсь презрѣнія, насмѣшки, нетерпѣливаго, досаднаго безпокойства и вмѣстѣ съ тѣмъ злаго, лукаваго любопытства свѣтились въ этомъ бѣгломъ, мгновенномъ взглядѣ, отъ котораго каждый разъ вздрагивалъ Ордыновъ и который каждый разъ наполнялъ его сердце желчью, досадой и безсильною злобой.

Задумчиво и съ какимъ-то грустнымъ любопытствомъ смотрѣлъ старикъ на свою Катерину. Сердце его было уязвлено, слова были сказаны. Но даже бровь не шевельнулась въ лицѣ его! Онъ только улыбнулся, когда она кончила.

— Много-жь ты разомъ захотѣла узнать, птенчикъ мой оперившійся, пташка моя встрепенувшаяся! Наливай-же мнѣ скорѣе чару глубокую: выпьемъ сначала на размирье, да на добрую волю: не то чьимъ нибудь глазомъ чернымъ, нечистымъ мое пожеланіе испорчу. Вѣсъ силенъ! Далеко-ль до грѣха!

Онъ поднялъ свою чару и выпилъ. Чѣмъ больше пилъ онъ вина, тѣмъ становился блѣднѣе. Глаза его стали красны, какъ уголь. Видно было, что лихорадочный блескъ ихъ и внезапная, мертвенная синева лица предвѣщала скоро новый припадокъ болѣзни. Вино-жь было крѣпкое, такъ что съ одной выпитой чарки все болѣе и болѣе мутились глаза Ордынова. Лихорадочно воспаленная кровь его

не могла долѣе выдержать: она заливала его сердце, мутила и путала разумъ. Безпокойство его росло все сильнѣе и сильнѣе. Онъ палилъ и отхлебнулъ еще, самъ не зная, что̀ дѣлаетъ, чѣмъ помочь возставшему волненію своему, и кровь еще быстрѣе полетѣла по его жиламъ. Онъ былъ какъ въ бреду и едва могъ слѣдить, напрягая все вниманіе, за тѣмъ, что̀ происходило между странныхъ хозяевъ его.

Старикъ звонко стукнулъ серебряной чаркой объ столъ.

— Наливай, Катерина! вскричалъ онъ: — наливай еще, злая дочка, наливай до упаду! Уложи старика на покой, да и полно съ него! Вотъ такъ, наливай еще, наливай мнѣ, красавица! Выпьемъ съ тобой! Что жь ты мало пилъ? Али я не видалъ...

Катерина что-то отвѣчала ему, но Ордыновъ не разслышалъ, что именно: старикъ не далъ ей кончить: онъ схватилъ ее за руку, какъ-бы не въ силахъ болѣе сдержать всего, что̀ тѣснилось въ груди его. Лицо его было блѣдно: глаза то мутились, то вспыхивали яркимъ огнемъ; побѣлѣвшія губы дрожали, и неровнымъ, смятеннымъ голосомъ, въ которомъ сверкалъ минутами какой-то странный восторгъ, онъ сказалъ ей:

— Давай ручку, красавица! Давай загадаю, всю правду скажу. Я и вирямъ колдунъ: знать, не ошиблась ты, Катерина! Знать, правду сказало сердечко твое золотое, что одинъ я ему колдунъ, и правды не потаю отъ него простаго, нехитраго! Да одного не сознала ты: не мнѣ, колдуну, тебя учить уму-разуму! Разумъ не воля для дѣвицы, и слышитъ всю правду, да словно не знала, не вѣдала! У самой голова—змѣя хитрая, хоть и сердце слезой обливается! Сама путь найдетъ, межъ бѣдой ползкомъ проползетъ, сбережетъ волю хитрую! Гдѣ умомъ возьметъ, а гдѣ умомъ не возьметъ, красотой затуманитъ, черньмъ глазомъ умъ оньянитъ, —краса силу ломитъ: и женьзное сердце, да поломать распадется! Ужь и будетъ-ли у тебя печаль со кручинушкой? Тяжела печаль человѣческая! Да на слабое сердце не бываетъ бѣды. Бѣда съ крѣпкимъ сердцемъ знакомится, въ тихомолку кровавой слезой отливается, да на сладкій позоръ къ добрымъ людямъ не просится: твое-жь горе, дѣвица, словно слѣдъ на пескѣ, дождемъ вымоетъ, солнцемъ высушитъ, буйнымъ вѣтромъ снесетъ, замететъ! — Пусть и еще скажу, поколдую: кто полюбитъ тебя, тому ты въ рабьии пойдешь, сама волюшку свяжешь, въ закладъ отдашь, да ужь и назадъ не возьмешь: въ пору во время разлюбитъ не съумѣешь: положишь зерно, а губитель твой возьметъ назадъ цѣлымъ колосомъ! Дитя мое нѣжное, золотая головушка, схоронила ты въ чаркѣ моей свою слезинку-жемчужинку, да по ней не стерпѣла, тутъ-же сто пролила, словно красное потеряла, да

горемъ-головушкой своей похвалилася! Да по ней, по слезинкѣ, небесной росинкѣ, тебѣ и тужить-горевать не приходится! Отольется она тебѣ съ лихвою, твоя слезинка жемчужная, въ долгую ночь, въ горемычную ночь, когда станетъ грызть тебя злая кручинушка, нечистая думушка—тогда на твое сердце горячее, все за ту-же слезинку канетъ тебѣ чья-то иная слеза, да кровавая, да не теплая, а словно топленый свинецъ: до крови бѣлу грудь разожжетъ, и до утра, тоскливаго, хмураго, что̀ приходитъ въ ненастные дни, ты въ постелькѣ своей прометаешься, алу кровь точа, и не залечишь своей раны свѣжей до другаго утра! Налей еще, Катерина, налей, голубица моя, налей мнѣ за мудрый совѣтъ: а дальше, знать, словъ терять нечего...

Голосъ его ослабѣлъ и задрожалъ: казалось, рыданіе готово было прорваться изъ груди его... Онъ налилъ вина и жадно выпилъ новую чару; потомъ снова стукнулъ чаркой объ столъ. Мутный взглядъ его еще разъ вспыхнулъ пламенемъ.

— А! Живи какъ живется! вскричалъ онъ:—что̀ прошло, то ужъ съ плечъ долой! Наливай мнѣ, еще наливай, все подноси тяжелую чару, чтобы рѣзала головушку буйную съ плечъ, чтобъ вся душа отъ нея замертвѣла! Уложи на долгую ночь, да безъ утра, да чтобы память совсѣмъ отошла. Что̀ пронито, то прожито! Знать, заглохъ у купца товаръ, залежался, даромъ съ рукъ отдастъ! А не продалъ-бы своей волей-вольною его тотъ купецъ ниже своей цѣны: отлилась-бы и кровь неповинная, да въ придачу положилъ-бы тотъ покупщикъ свою погибшую душеньку! Наливай, наливай мнѣ еще, Катерина!

Но рука его, державная чару, какъ будто замерла и не двигалась: онъ дышалъ тяжело и трудно, голова его невольно склонилась. Въ послѣдній разъ онъ вперилъ тусклый взглядъ на Ордынова, но и этотъ взглядъ потухъ, наконецъ, и вѣки его упали, словно свинцовыя. Смертная блѣдность разлилась по лицу его... Еще нѣсколько времени губы его шевелились и вздрагивали, какъ-бы силясь еще что-то промолвить,—и вдругъ слеза, горячая, крупная, нависла съ рѣсницъ его, порвалась и медленно покатилась по блѣдной щекѣ... Ордыновъ былъ не въ силахъ выдержать болѣе. Онъ привсталъ и, пошатнувшись, ступилъ шагъ впередъ, подошелъ къ Катеринѣ и схватилъ ее за руку: но она и не взглянула на него, какъ будто его не примѣтила, какъ будто не признала его...

Она какъ будто тоже теряла сознаніе, какъ будто одна мысль, одна неподвижная идея увлекла ее всю. Она припала къ груди спящаго старика, обвила своей бѣлой рукой его шею и пристально, словно приковалась къ нему, смотрѣла на него огневымъ, воспа-

лѣнивымъ взглядомъ. Она будто не слыхала, какъ Ордыновъ взялъ ее за руку. Наконецъ, она повернула къ нему свою голову и посмотрѣла на него долгимъ, пронзающимъ взглядомъ. Казалось, что она поняла, наконецъ, его, и тяжелая, удивленная улыбка, тягостью какъ будто съ болью выдавилась на губахъ ея...

— Поди, поди прочь, процѣдила она: — ты пьяный и злой! Ты не гость мнѣ!.. Тутъ она снова обратилась къ старику и опять приковалась къ нему своими очами.

Она какъ будто стерегла каждое дыханіе его и взглядомъ своимъ лелѣяла его сонъ. Она какъ будто боялась сама дохнуть, сдерживая вскипѣвшее сердце. И столько изступленнаго любованія было въ сердцѣ ея, что разомъ отчаяніе, бѣшенство и нестоющимая злоба захватили духъ Ордынова...

— Катерина! Катерина! звалъ онъ, сжимая какъ въ тискахъ ея руку.

Чувство боли прошло по лицу ея; она опять подняла свою голову и посмотрѣла на него съ такою насмѣшкой, такъ презрительно-нагло, что онъ едва устоялъ на ногахъ. Потомъ она указала ему на сіящаго старика—и какъ будто вся насмѣшка врага его перешла ей въ глаза—терзающимъ, леденящимъ взглядомъ опять взглянула на Ордынова.

— Что? Зарѣжетъ, небось? проговорилъ Ордыновъ, не помня себя отъ бѣшенства.

Словно демонъ его шепнулъ ему на ухо, что онъ ее понялъ... И все сердце его засмѣялось на неподвижную мысль Катерины...

— Куплю-жь я тебя, красота моя, у купца твоего, коль тебѣ души моей надобно! Небось, не зарѣзать ему!..

Неподвижный смѣхъ, мертвившій все существо Ордынова, не сходилъ съ лица Катерины. Нестоющимая насмѣшка разорвала на части его сердце. Не помня, почти не сознавая себя, онъ оборотился рукою объ стѣну и снялъ съ гвоздя дорогой, старинный ножъ старика. Какъ будто изумленіе отразилось на лицѣ Катерины: но какъ будто въ тоже время злость и презрѣніе вперлые съ такой силой отразились въ глазахъ ея. Ордынову дурно становилось, смотря на нее... Онъ чувствовалъ, что какъ будто кто-то вырывалъ, подмывалъ потерявшуюся руку его на безумство: онъ вынулъ ножъ... Катерина неподвижно, словно не дыша болѣе, слѣдила за нимъ...

Онъ взглянулъ на старика...

Въ эту минуту ему показалось, что одинъ глазъ старика медленно открывался и, смѣясь, смотрѣлъ на него. Глаза ихъ встрѣтились. Нѣсколько минутъ Ордыновъ смотрѣлъ на него неподвижно...

Вдругъ ему показалось, что все лицо старика засмѣялось и что дьявольскій, убивающій, леденящій хохотъ раздался, наконецъ, по комнатѣ безобразная, черная мысль, какъ, змѣя проползла въ головѣ его. Онъ задрожалъ; ножъ выпалъ изъ рукъ его и зазвенѣлъ на полу. Катерина вскрикнула, какъ будто очнувшись отъ забытья, отъ кошмара, отъ тяжелаго, неподвижнаго видѣнья... Старикъ, блѣдный, медленно поднялся съ постели и злобно оттолкнулъ ногой ножъ въ уголъ комнаты. Катерина стояла блѣдная, помертвѣлая, неподвижная; глаза ея закрывались; глухая, невыносимая боль судорожно выдавилась на лицѣ ея; она закрылась руками и съ крикомъ, раздирающимъ душу, почти бездыханная, упала къ ногамъ старика...

— Алена! Алена! вырвалось изъ стѣсненной груди ея...

Старикъ обхватилъ ее могучими руками и почти сдавилъ на груди своей. Но когда она спрятала у сердца его свою голову, такимъ обнаженнымъ, безстыднымъ смѣхомъ засмѣялась каждая черточка на лицѣ старика, что ужасомъ обдало весь составъ Ордынова. Обманъ, разсчетъ, холодное, ревнивое тиранство и ужасъ надъ бѣднымъ, разорваннымъ сердцемъ —вотъ что̀ понялъ онъ въ этомъ безстыдно-нетаившемся болѣе смѣхѣ...

— Сумасшедшая! прошепталъ онъ, задрожавъ какъ листъ, обмирая отъ ужаса, и выбѣжалъ вонъ изъ квартиры.

III.

Когда Ордыновъ, блѣдный, встревоженный, еще не опомнившійся отъ вчерашней тревоги, отворилъ на другой день, часовъ въ восемь утра, дверь къ Ярославу Ильичу, къ которому пришелъ, впрочемъ, самъ не зная зачѣмъ, то отшатнулся отъ изумленія и какъ вкопаный сталъ на порогѣ, увидя въ комнатѣ — Мурина. Старикъ былъ еще блѣднѣе Ордынова и, казалось, едва стоялъ на ногахъ отъ болѣзни; впрочемъ, сѣсть не хотѣлъ, не смотря ни на какія приглашенія вполнѣ счастливаго такимъ посѣщеніемъ Ярослава Ильича. Ярославъ Ильичъ тоже вскрикнулъ, завидѣвъ Ордынова, но почти въ ту-же минуту радость его прошла, и какое-то замѣшательство застигло его вдругъ, совершенно врасплохъ, на полдорогѣ отъ стола къ сосѣднему стулу. Очевидно было, что онъ не зналъ что сказать, что сдѣлать, и вполнѣ сознавалъ всю непріличность — сосать въ такую хлопотливую минуту, оставивъ гостя въ сторонѣ, одного какъ онъ есть, свой чубучокъ, а между тѣмъ

(такъ сильно было смущеніе его) все-таки тянулъ изъ чубучка что было силы и даже почти съ нѣкоторымъ вдохновеніемъ. Ордыновъ вошелъ, наконецъ, въ комнату. Онъ бросилъ бѣглый взглядъ на Мурина. Что-то похожее на вчерашнюю злую улыбку, отъ которой и теперь бросило въ дрожь и въ негодованіе Ордынова, проскользнуло по лицу старика. Впрочемъ, все враждебное тотчасъ-же скрылось и сгладилось, и выраженіе лица его приняло видъ самый непригунный и замкнутый. Онъ отвѣсилъ пренизкій поклонъ жильцу своему... Вся эта сцена воскресила, наконецъ, сознаніе Ордынова. Онъ пристально посмотрѣлъ на Ярослава Ильича, желая вникнуть въ положеніе дѣла. Ярославъ Ильичъ затрепеталъ и замялся.

— Войдите-жъ, войдите, промолвилъ онъ, наконецъ: —войдите. драгоцѣннѣйшій Василій Михайловичъ, осѣните прибытіемъ и положите печать... на всѣ эти обыкновенные предметы...—проговорилъ Ярославъ Ильичъ, показавъ рукой въ одинъ уголъ комнаты, покраснѣвъ какъ махровая роза, сбившись, запутавшись въ сердцахъ на то, что самая благородная фраза завязла и лопнула даромъ, и съ громомъ подвинулъ стулъ на самую средину комнаты.

— Я вамъ не мѣшаю, Ярославъ Ильичъ, я хотѣлъ... на двѣ минуты.

— Помилуйте! Возможно-ли вамъ мнѣ помѣшать-съ... Василій Михайловичъ! Но—позвольте чайку-съ! Эй! Служба!.. Я увѣренъ, что и вы не откажетесь еще одну чашечку!

Муринъ кивнулъ головою, давъ знать такимъ образомъ, что совсѣмъ не откажется.

Ярославъ Ильичъ закричалъ на вошедшую службу и нанастроженнымъ образомъ потребовалъ еще три стакана, затѣмъ сѣлъ возлѣ Ордынова. Нѣсколько времени онъ вертѣлъ свою голову, какъ гипсовый котенокъ, то вправо, то влѣво отъ Мурина къ Ордынову и отъ Ордынова къ Мурину. Положеніе его было весьма непріятное. Ему, очевидно, что-то хотѣлось сказать, но идеямъ его, весьма щекотливое, по крайней мѣрѣ, для одной стороны. Но при всѣхъ усиліяхъ своихъ, онъ рѣшительно не могъ вымолвить слова... Ордыновъ тоже какъ будто находился въ недоумѣніи. Была минута, когда оба они разомъ вдругъ принялись говорить... Молчаливый Муринъ, наблюдавшій ихъ съ любопытствомъ, медленно расправилъ ротъ и показалъ зубы свои всѣ до единаго...

— Я пришелъ объявить вамъ, вдругъ началъ Ордыновъ:—что по самому непріятному случаю принужденъ оставить квартиру, и...

— Представьте себѣ, какой страшный случай! перебилъ вдругъ Ярославъ Ильичъ.—Я, признаюсь, былъ внѣ себя отъ изумленія, когда этотъ почтенный старикъ объявилъ мнѣ сегодня по утру ваше рѣшеніе. Но...

— *Онъ* объявилъ вамъ? спросилъ съ изумленіемъ Ордыновъ, смотря на Мурина.

Муринъ погладилъ свою бороду и засмѣялся въ рукавъ.

— Да-съ, подхватилъ Ярославъ Ильичъ: — впрочемъ, я могу еще ошибаться. Но, смѣло скажу, для васъ — честью моею могу вамъ ручаться, что для васъ въ словахъ этого почтеннаго старика не было ни тѣни обиднаго!..

Тутъ Ярославъ Ильичъ покраснѣлъ и черезъ силу подавилъ свое волненіе. Муринъ, какъ будто натѣшась, наконецъ, вдовсль замѣшательствомъ хозяина и гостя, ступилъ шагъ впередъ.

— Я вотъ про то, ваше благородіе, началъ онъ, съ вѣжливостію поклонившись Ордынову:—ихъ благородіе на вашъ счетъ маленько утрудить посмѣли. Оно того, сударь, выходитъ—сами знаете—я и хозяйка, то есть рады-бы душою и волею, и слова-бы сказать не посмѣли... да житье-то мое какое, сами знаете, сами видите, сударь! А, право, только что животы Господь бережетъ, за то и молимъ святую волю Его: а то сами видите, сударь, взвыть мнѣ что-ли приходится? Тутъ Муринъ опять утеръ рукавомъ свою бороду.

Ордынову почти дѣлалось дурно.

— Да, да, я вамъ самъ про него говорилъ: больной, то есть это malheur... то есть я было хотѣлъ выразиться по французски, но, извините, я по французски не такъ свободно, то есть...

— Да-съ...

— Да-съ, то есть...

Ордыновъ и Ярославъ Ильичъ сдѣлали другъ другу по полупоклону, каждый съ своего стула и нѣсколько на бокъ, и оба прикрыли возникшее недоумѣніе извинительнымъ смѣхомъ. Дѣловой Ярославъ Ильичъ тотчасъ поправился.

— Я, впрочемъ, подробно разспрашивалъ этого честнаго человѣка, началъ онъ:—онъ мнѣ говорилъ, что болѣзнь той женщины...

Тутъ щекотливый Ярославъ Ильичъ, вѣроятно, желая скрыть маленькое недоумѣніе, опять возникшее на лицѣ его, быстро, вопросительнымъ взглядомъ, устремился на Мурина.

— Да, хозяйки-то нашей...

Деликатный Ярославъ Ильичъ не настаивалъ.

— Хозяйки, то есть бывшей хозяйки вашей, я какъ-то, право... ну, да! Она, видите-ли, больная женщина. Онъ говоритъ, что она вамъ мѣшаетъ... въ вашихъ занятіяхъ, да и онъ самъ... вы отъ меня скрыли одно важное обстоятельство, Василій Михайловичъ!

— Какое?

— На счетъ ружья-съ, промолвилъ почти шепотомъ, самымъ

снисходительнымъ голосомъ Ярославъ Ильичъ, съ одной милліонной долей упрека, нѣжно зазвенѣвшаго въ его дружескомъ тенорѣ. — Но, прибавилъ онъ поспѣшно: я все знаю, онъ мнѣ все разсказалъ, и вы благородно сдѣлали, отпустивъ ему его невольную вину передъ вами. Клянусь, я видѣлъ слезы на глазахъ его!

Ярославъ Ильичъ снова покраснѣлъ: глаза его засіяли, и онъ съ чувствомъ повернулся на стулѣ.

— Я, то есть мы, сударь, ваше благородіе, то есть я, примѣромъ сказать, да и хозяйка моя ужь и какъ за васъ Бога молимъ, началъ Муринъ, обращаясь къ Ордынову, покамѣстъ Ярославъ Ильичъ подавлялъ обычное волненіе свое, и пристально смотря на него: - да сами знаете, сударь, она баба хворая, глупая; меня самого еле ноги носятъ...

— Да я готовъ, сказалъ въ нетерпѣніи Ордыновъ: — полноте, пожалуйста; я хоть сейчасъ!..

— Нѣтъ, то есть, сударь, многимъ вашей милости довольны (Муринъ пренизко поклонился). Я, сударь, вамъ не про то: я вотъ хотѣлъ слово вымолвить,—вѣдь она, сударь, мнѣ-то почти изъ родни, то есть изъ дальней, примѣромъ, какъ говорится, седьмая вода, то есть ужь не побрезгайте словомъ нашимъ, сударь, люди мы темные—да съ измалѣтства такая! Головенка больная, задорная, въ лѣсу росла, мужичкой росла все межъ бурлаковъ, да заводчиковъ; а тутъ ихъ домъ сгори; мать, сударь, *сѣная* погори; отецъ свою душу опали—поди-ка-съ, она и невѣсть что̀ разскажетъ вамъ... Я только такъ не мѣшаюсь, а ее хи-хир-рург-гическій совѣтъ на Москвѣ смотрѣлъ... то есть, сударь, совсѣмъ повредилась, вотъ что̀! Я только у ней и остался, со мной и живетъ. Живемъ, Бога молимъ, на всевышнюю силу надѣемся: ужь я ей и не поперечу совсѣмъ...

Ордыновъ измѣнился въ лицѣ. Ярославъ Ильичъ смотрѣлъ то на того, то на другаго.

— Да я не про то, сударь... нѣтъ! поправился Муринъ, важно покачавъ головою:—она, примѣромъ сказать, такой вѣтеръ, вихорь такой, голова такая любовная, буйная, все милаго дружка, — если извинительно будетъ сказать,—да зазнобушку въ сердце ей подавай; на томъ и помѣшана. Я ужь ее сказками улещаю, то есть какъ улещаю. А я вѣдь, сударь, видѣлъ какъ она—ужь простите, сударь, мое глупое слово, продолжалъ Муринъ, кланяясь и утирая рукавомъ бороду:—примѣрно, спознавалась-то съ вами: вы, то есть, примѣромъ сказать, ваше сіятельство, относительно любви къ ней польнуть пожелали...

Ярославъ Ильичъ вспыхнулъ и съ упрекомъ взглянулъ на Мурина. Ордыновъ едва усидѣлъ на стулѣ.

— Нѣтъ... то есть я, сударь, не про то... я, сударь, спроста, мужикъ, я изъ вашей воли... конечно, мы люди темные, мы, сударь, ваши слуги, примолвилъ онъ, низко кланяясь:—а ужь какъ съ женой про вашу милость Бога будемъ молить!.. Что намъ? Были-бы сыты, здоровы, роптать не *роптаемъ*:—да мнѣ-то, сударь, что-жь дѣлать, въ петлю лѣзть, что-ли? Сами знаете, сударь, дѣло житейское, насъ пожалѣйте, а это ужь что-жь, сударь, будетъ, какъ еще съ полюбовникомъ!.. Грубое-то, сударь, вы слово простите... мужикъ, сударь, а вы, баринъ... вы, сударь, ваше сіятельство, человѣкъ молодой, гордый, горячій, а она, сударь, сами знаете, дитя малое, неразумное — долго-ль съ ней до грѣха! Баба она ядреная, румяная, милая, а меня, старика, все немочь беретъ. Ну, что̀? Бѣсъ ужь, знать, вашу милост попуталъ! Я ужь ее сказками все улещаю, право, улещаю. А ужь какъ про вашу милость съ женой стали-бы Бога молить! То есть вотъ какъ молить! Да и что вамъ, ваше сіятельство, хоть она-бы и милая, а все-жь мужичка она, баба немытая, поневница глупая, мнѣ мужику чета! Не вамъ, примѣрно, сударь, батюшка-баринъ, по мужичкамъ якшаться! А ужь какъ съ ней стали-бъ про вашу милость Бога молить, во̀ какъ молить!..

Тутъ Муринъ поклонился низко-низко и долго не разгибалъ спины, безпрерывно утирая рукавомъ бороду. Ярославъ Ильичъ не зналъ гдѣ стоялъ.

— Да-съ, этотъ добрый человѣкъ, замѣтилъ онъ весь замѣшавшись:—говорилъ мнѣ о какихъ-то существовавшихъ между вами безпорядкахъ-съ; я не осмѣливаюсь вѣрить, Василій Михайловичъ... Я слышалъ, вы все еще больны-съ, быстро перебилъ онъ со слезящимися отъ волненія глазами, въ неистощимомъ замѣшательствѣ смотря на Ордынова.

— Да-съ... Сколько я долженъ вамъ? быстро спросилъ Ордыновъ у Мурина.

— Что вы, батюшка-баринъ? Полноте! Мы вѣдь не христопродавцы какіе нибудь. Что вы, сударь, насъ обиждаете! Постыдились-бы, сударь; чѣмъ мы съ супружницей васъ обиждали? Помилуйте-съ!

— Но, однако-жь, это странно, другъ мой: вѣдь они-же у васъ нанимали чувствуете-ли вы, что отказомъ своимъ вы ихъ обижаете? вступился Ярославъ Ильичъ, долгомъ почитая показать Мурину всю странность и щекотливость его поступка.

— Да помилуйте-жь, батюшка! Что вы, сударь, баринъ? Помилуйте-съ! Ужь и чѣмъ мы не угодили про вашу честь? Ужь и такъ старались-старались, животы надорвали, помилуйте-съ! Пол-

ноте, сударь: полноте, свѣтъ-баринъ. Христосъ васъ помилуетъ! Что мы, невѣрные, что-ли, какіе? Пусть-бы жилъ, кушалъ-бы у насъ наше явство мужицкое на здоровье, пусть-бы лежалъ — ничего бъ не сказали, и... слова не молвили-бъ; да нечистый попуталъ, хворый я человѣкъ, да и хозяйка моя хворая — что будешь дѣлать! Услужить-то-бы некому было, а рады-бы, душою-бы рады были. А ужь какъ мы съ хозяйкой будемъ про вашу милость Бога молить, то есть вò какъ молить!

Муринъ поклонился въ поясъ. Слеза выдавилась изъ восторженныхъ глазъ Ярослава Ильича. Съ энтузіазмомъ посмотрѣлъ онъ на Ордынова.

Скажите, какая благородная черта-съ! Какое святое гостепріимство почило-съ на русскомъ народѣ-съ!

Ордыновъ дико взглянулъ на Ярослава Ильича. Онъ почти ужаснулся..., и осматривалъ его съ головы до ногъ.

— А и право, сударь, гостепріимство, именно, чтимъ, то есть вотъ какъ чтимъ, сударь! подхватилъ Муринъ, заслоняя всѣмъ рукавомъ свою бороду: —право, вотъ теперь дума идетъ: погостили-бъ вы у насъ, сударь, ей Богу-бъ, погостили, продолжалъ онъ, подступая къ Ордынову: —да и я, сударь, ничего: денекъ другой, ничего, право-бъ ничего не сказалъ. Да грѣхъ больно попуталъ, хозяйка-то ишь моя нездорова! Ахъ, кабы не хозяйка! Вотъ былъ-бы, примѣрно, одинъ я: ужь и какъ-бы я вашу милость уважилъ, ужь и какъ-бы ходилъ, т. е. вò какъ ходилъ! Кого-жь намъ, коли и не вашу милость уважить? Ужь я-бы васъ вылечилъ, право-бы вылечилъ, я и средствіе знаю... Право-бы погостили, сударь, ей Богу, вотъ великое слово, у насъ погостили-бы!..

— Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ-ли какого средства? замѣтилъ Ярославъ Ильичъ... да и не докончилъ.

Ордыновъ сдѣлалъ напрасную, съ дикимъ изумленіемъ оглядѣвъ не задолго до того съ ногъ до головы Ярослава Ильича. Это былъ, конечно, честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, но онъ теперь понялъ все, и, признаться, положеніе его было весьма затруднительно! Ему хотѣлось, что называется, лопнуть со смѣха! Будь онъ одинъ на одинъ, вмѣстѣ съ Ордыновымъ, — два такіе друга!—конечно, Ярославъ Ильичъ не вытерпѣлъ-бы и неумѣренно предался порыву веселости. Во всякомъ случаѣ, онъ сдѣлалъ-бы это весьма благородно, съ чувствомъ пожалъ-бы послѣ смѣха руку Ордынова, искренно и справедливо увѣрилъ-бы его, что чувствуетъ удвоенное уваженіе къ нему и что извиняетъ во всякомъ случаѣ... да, наконецъ, и глядѣть не будетъ на молодость. Но теперь, при извѣстной съ ея деликатности, онъ былъ въ самомъ затруднительномъ положеніи и почти не зналъ куда скрыть себя...

— Средствія, то есть снадобья, подхватилъ Муринъ, у котораго все лицо шевельнулось отъ неловкаго восклицанія Ярослава Ильича. — Я, то есть, сударь, по глупости моей мужицкой, вотъ что сказать-бы. продолжалъ онъ, ступивъ еще шагъ впередъ: — книжекъ вы, сударь, больно зачитались; скажу, умны больно стали; оно, то есть, какъ по русски говорится у насъ, по мужицкому, умъ за разумъ зашелъ...

— Довольно! строго прервалъ Ярославъ Ильичъ...

— Я иду, сказалъ Ордыновъ: — благодарю васъ, Ярославъ Ильичъ; буду, буду у васъ непремѣнно, говорилъ онъ на удвоенныя вѣжливости Ярослава Ильича, который былъ не въ силахъ долѣе его удерживать.—Прощайте, прощайте...

— Прощайте, ваше благородіе; прощайте, сударь; не забудьте насъ, навѣстите насъ грѣшныхъ.

Ордыновъ не слыхалъ ничего болѣе. Онъ вышелъ какъ полоумный.

Онъ не могъ вынести болѣе: онъ былъ какъ убитый: сознаніе его цѣпенѣло. Онъ глухо чувствовалъ, что его душитъ болѣзнь, но холодное отчаяніе воцарилось въ душѣ его, и только слышалъ онъ, что какая-то глухая боль ломитъ, томитъ, сосетъ ему грудь. Ему хотѣлось умереть въ эту минуту. Ноги подкосились, и онъ присѣлъ у забора, не обращая болѣе вниманія ни на проходившихъ людей, ни на толпу, начинавшую собираться возлѣ него, ни на окошки и разспросы любопытныхъ, его окружившихъ. Но вдругъ изъ множества голосовъ раздался надъ нимъ голосъ Мурина. Ордыновъ поднялъ голову. Старикъ дѣйствительно стоялъ передъ нимъ; бѣдное лицо его было важно и задумчиво. Это уже былъ совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ тотъ, который такъ грубо глумился надъ нимъ у Ярослава Ильича. Ордыновъ привсталъ, Муринъ взялъ его за руку и вывелъ изъ толпы...

— Тебѣ еще нужно свой скарбъ захватить, сказалъ онъ, искоса взглянувъ на Ордынова. —Не горюй, баринъ! вскрикнулъ Муринъ.—Ты молодъ, чего горевать!..

Ордыновъ не отвѣчалъ.

— Обижаешься, баринъ? Знать больно зло теперь взяло... да нечему; всякъ свое добро бережетъ!

— Я не знаю васъ, сказалъ Ордыновъ: — я не хочу знать вашихъ тайнъ. Но она! она!.. проговорилъ онъ, и слезы градомъ, въ три ручья, потекли изъ глазъ его. Вѣтеръ срывалъ ихъ одну за другой съ его щекъ... Ордыновъ утиралъ ихъ рукой. Жесть его, взглядъ, непроизвольныя движенія дрожавшихъ посинѣлыхъ губъ—все предсказывало въ немъ помѣшательство.

— Цвѣты-то вы испортите, проговорилъ и Алеша, а „мамочка“ ждетъ ихъ. Она сидитъ—плачетъ что вы давеча ей не дали цвѣтовъ отъ Илюшечки. Тамъ постелька Илюшина еще лежитъ...

—Да, да, къ мамочкѣ! вспомнилъ вдругъ опять Снѣгиревъ, постельку уберутъ, уберутъ! прибавилъ онъ какъ бы въ испугѣ что и въ самомъ дѣлѣ уберутъ, вскочилъ и опять побѣжалъ домой. Но было уже недалеко и всѣ прибѣжали вмѣстѣ. Снѣгиревъ стремительно отворилъ дверь и завопилъ „мамочкѣ“

— Мамочка, дорогая, Илюшечка цвѣточковъ тебѣ прислалъ, ножки твои больныя! прокричалъ онъ протягивая ей лучекъ цвѣтовъ, ломерзшихъ и поломанныхъ когда онъ бился сейчасъ объ снѣгъ. Но въ это самое мгновеніе увидѣлъ онъ передъ постелькой Илюши, въ уголку, Илюшины сапожки, стоявшіе оба рядышкомъ только что прибранные хозяйкой квартиры,—старенькія, порыжевшія закорузлыя сапожки, съ заплатками. Увидавъ ихъ онъ подпялъ руки и такъ и бросился къ нимъ, палъ на колѣни, схватилъ одинъ сапожокъ и, прильнувъ къ нему губами, началъ жадно цаловать его выкрикивая: „Батюшка, Илюшечка, милый батюшка, ножки-то твои гдѣ?

— Куда ты его унесъ? Куда ты его унесъ? раздирающимъ голосомъ заволила и мамочка. Тутъ ужь зарыдала и Нипочка. Коля выбѣжалъ изъ комнаты, за нимъ стали выходить и мальчики. Вышелъ наконецъ за ними и Алеша: „Пусть переплачутъ, сказалъ онъ Колѣ, тутъ ужь конечно нельзя утѣшать. Переждемъ минутку и воротимся“.

— Да, нельзя, это ужасно, подтвердилъ Коля. Знаете Карамазовъ, понизилъ онъ вдругъ голосъ чтобъ никто не услышалъ: Мнѣ очень грустно и еслибъ только можно было его воскресить, то я бы отдалъ все на свѣтѣ!

— Ахъ и я тоже, сказалъ Алеша.

— Какъ вы думаете, Карамазовъ, приходить намъ сюда сегодня вечеромъ? Вѣдь онъ напьется.

— Можетъ быть и напьется. Придемъ мы съ вами только вдвоемъ, вотъ и довольно, чтобъ посидѣть съ ними часокъ, съ мамочкой и съ Нипочкой, а если всѣ придемъ разомъ, то имъ опять все напомнимъ, посовѣтовалъ Алеша.

— Тамъ у нихъ теперь хозяйка столъ накрываетъ, эта помянки что ли будутъ, поѣ придетъ; возвращаться намъ сейчасъ туда, Карамазовъ, иль нѣтъ?

— Непремѣнно, сказалъ Алеша.

— Странно все это, Карамазовъ, такое горе и вдругъ какіе то блины, какъ это все неестественно по нашей религіи!

— У нихъ тамъ и семга будетъ, громко замѣтилъ вдругъ мальчикъ открывшій Трою.

— Я васъ серіозно прошу, Карташовъ, не вмѣшиваться болѣе съ вашими глупостями, особенно когда съ вами не говорятъ и не хотятъ даже знать есть ли вы на свѣтѣ! раздражительно отрѣзалъ въ его сторону Коля. Мальчикъ такъ и вспыхнулъ, но отвѣтить ничего не осмѣлился. Между тѣмъ всѣ тихонько брели по тропинкѣ и вдругъ Смуровъ воскликнулъ:

— Вотъ Илюшинъ камушекъ, подъ которымъ его хотѣли похоронить!

Всѣ молча остановились у большаго камня. Алеша посмотрѣлъ и цѣлая картина того что Снѣгиревъ разказывалъ тогда объ Илюшечкѣ, какъ тотъ, плача и обнимая отца, восклицалъ: „Папочка, папочка, какъ онъ унизилъ тебя“!—разомъ представилась его воспоминанію. Что-то какъ бы сотрясло въ его душѣ. Онъ серіознымъ и важнымъ видомъ обвелъ глазами всѣ эти милыя свѣтлыя личики школьниковъ, Илюшиныхъ товарищей, и вдругъ сказалъ имъ:

Корректура ром. „Братья Карамазовы“, просмотрѣнная Ѳ. М. Достоевскимъ.

Тип Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ

— Я ужь тебѣ толковалъ, сказалъ Муринъ, стиснувъ брови;— она полоумная! Отчего и какъ помѣшалась... зачѣмъ тебѣ знать? Только мнѣ она и такая — родная! Возлюбилъ я ее больше жизни моей и никому не отдамъ. Понимаешь теперь!

Огонь на мгновеніе сверкнулъ въ глазахъ Ордынова.

— Но зачѣмъ-же я... зачѣмъ я теперь, словно жизнь потерялъ? Зачѣмъ-же болитъ *мое* сердце? Зачѣмъ я сознался Катерину?

— Зачѣмъ? Муринъ усмѣхнулся и задумался.—Зачѣмъ, я и самъ не знаю зачѣмъ, вымолвилъ онъ, наконецъ. — Женскій норовъ не морская пучина, распознать его распознаешь, да хитеръ онъ, стоекъ, живучъ! На, дескать, вынь да положь! Знать и впрямь, баринъ, она съ вами хотѣла уйдти отъ меня, продолжалъ онъ въ раздумьи.—Побрезгала старымъ, изжила съ нимъ все, на сколько можно изжить! Приглянулись вы, знать, ей больно сначала! Аль ужь такъ, вы-ли, другой-ли... Я вѣдь ей не перечу ни въ чемъ; птичья молока пожелаетъ и молока птичья достану; птицу такую самъ сдѣлаю, коли нѣтъ такой птицы! Тщеславна она! За волюшкой гонится, а и сама не знаетъ, о чемъ сердце блажитъ. Аль и вышло, что лучше по старому! Эхъ, баринъ! Молодъ ты больно! Сердце твое еще горячо, словно у дѣвки, что̀ рукавомъ свои слезы утираетъ, покинутая!Ознай, баринъ: слабому человѣку одному не сдержаться! Только дай ему все, онъ самъ-же придетъ, все назадъ отдастъ; дай ему полцарства земнаго въ обладаніе, попробуй — ты думаешь что̀? Онъ тебѣ тутъ-же въ башмакъ тотчасъ спрячется, такъ умалится. Дай ему волюшку, слабому человѣку — самъ ее свяжетъ, назадъ принесетъ. Глупому сердцу и воля не въ прокъ! Не прожить съ такимъ норовомъ! Я тебѣ это все такъ говорю—молоденекъ ты больно! Ты что̀ мнѣ? Ты былъ да пошелъ — ты иль другой, все равно. Я и съ начала зналъ, что будетъ одно. А перечить нельзя! Слова молвить нельзя поперегъ, коли хошь свое счастье сберечь. Оно вѣдь, знаешь, баринъ, продолжалъ философствовать Муринъ:—только все такъ говорится; и чего не бываетъ? За ножъ возьмется въ сердцахъ, не то безоружный, съ голыми руками на тебя какъ баранъ полѣзетъ, да зубами глотку врагу перервет. А пусть-те дадутъ этотъ ножъ-отъ въ руки, да врагъ твой самъ предъ тобою широкую грудь распахнетъ: небось и отступишься!

Они вошли во дворъ. Татаринъ еще издали завидѣлъ Мурина, снялъ передъ нимъ шапку и лукаво, пристально смотрѣлъ на Ордынова.

— Что̀ мать? Дома? закричалъ ему Муринъ.

— Дома.

— Скажи, чтобъ ему скарбъ его перетащить помогли! Да и ты, пошелъ, двигайся!

Они взошли на лѣстницу. Старуха, служившая у Мурина и оказавшаяся дѣйствительно матерью дворника, возилась съ пожитками бывшаго жильца и ворчливо вязала ихъ въ одинъ большой узелъ.

— Подожди; я-те еще изъ твоего принесу, тамъ осталось...

Муринъ вошелъ къ себѣ. Черезъ минуту онъ воротился и подалъ Ордынову богатую подушку, всю вышитую шелками и гарусомъ —ту самую, которую положила ему Катерина, когда онъ сдѣлался боленъ.

— Это она тебѣ шлетъ, сказалъ Муринъ. — А теперь ступай по добру, по здорову. Да смотри-жь, не шатайся, прибавилъ онъ въ полголоса, отеческимъ тономъ:—не то худо будетъ.

Видно было, что ему не хотѣлось обижать жильца. Но когда онъ бросилъ на него послѣдній взглядъ, то невольно видно было, какъ приливъ неистощимой злобы закипѣлъ на лицѣ его. Почти съ отвращеніемъ затворилъ онъ дверь за Ордыновымъ.

Черезъ два часа Ордыновъ переѣхалъ къ нѣмцу Шпису. Тихонь ахнула, взглянувъ на него. Она тотчасъ спросила его о здоровьѣ и, узнавъ въ чемъ дѣло, немедленно расположилась лечить. Старикъ нѣмецъ самодовольно показалъ жильцу своему, что онъ только что хотѣлъ идти къ воротамъ и снова налѣпить ярлычекъ, затѣмъ, что сегодня аккуратно въ конѣцъ вышелъ задатокъ его, высчитывая изъ него каждый день найма. При чемъ старикъ не преминулъ дальновидно похвалить нѣмецкую аккуратность и честность. Въ тотъ-же день Ордыновъ занемогъ и только черезъ три мѣсяца могъ встать съ постели.

Мало по малу онъ выздоровѣлъ и сталъ выходить. Жизнь у нѣмца была однообразна, покойна. Нѣмецъ былъ безъ особаго норова; хорошенькая Тинхенъ, не трогая нравственности, была всѣмъ, чѣмъ угодно—но какъ будто жизнь на вѣки потеряла свой цвѣтъ для Ордынова! Онъ сталъ задумчивъ, раздражителенъ; впечатлительность его приняла направленіе болѣзненное, и онъ непримѣтно впадалъ въ злую, очерствѣлую ипохондрію. Книги не раскрывались иногда по цѣлымъ недѣлямъ. Будущее было для него заперто, деньги его выходили, и онъ опустилъ руки заранѣе; онъ даже не думалъ о будущемъ. Иногда прежняя горячка къ наукѣ, прежній жаръ, прежніе образы, имъ самимъ созданные, ярко возставали предъ нимъ изъ пропаднаго, но они только давили, душили его энергію. Мысль не переходила въ дѣло. Созданіе остановилось. Казалось, всѣ

эти образы нарочно выростали гигантами въ его представленіяхъ, чтобы смѣяться надъ безсиліемъ его, ихъ-же творца. Ему невольно приходило въ грустную минуту сравненіе самого себя съ тѣмъ хвастливымъ ученикомъ колдуна, который, укравъ слово учителя, приказалъ метлѣ носить воду и захлебнулся въ ней, забывъ какъ сказать «перестань». Можетъ быть, въ немъ осуществилась-бы цѣлая, оригинальная, самобытная идея. Можетъ быть, ему суждено было быть художникомъ въ наукѣ. По крайней мѣрѣ, прежде, онъ самъ вѣрилъ въ это. Искренняя вѣра есть уже залогъ будущаго. Но теперь онъ самъ смѣялся въ иныя минуты надъ своимъ слѣпымъ убѣжденіемъ и—не подвигался впередъ.

За полгода передъ тѣмъ, онъ выжилъ, создалъ и набросалъ на бумагу стройный эскизъ созданія, на которомъ (по молодости своей) въ нетворческія минуты строилъ самыя вещественныя надежды. Сочиненіе относилось къ исторіи церкви, и самыя теплыя, горячія убѣжденія легли подъ перомъ его. Теперь онъ перечелъ этотъ планъ, передѣлалъ, думалъ о немъ, читалъ, рылся и, наконецъ, отвергъ идею свою, не построивъ ничего на развалинахъ. Но что-то похожее на мистицизмъ, на предопредѣленіе и таинственность начало проникать въ его душу. Несчастный чувствовалъ страданія свои и просилъ исцѣленія у Бога. Работница нѣмца изъ русскихъ, старуха богомольная, съ наслажденіемъ разсказывала, какъ молится ея смирный жилецъ и какимъ образомъ по цѣлымъ часамъ лежитъ онъ словно бездыханный на церковномъ помостѣ...

Онъ никому не говорилъ ни слова о случившемся съ нимъ. Но порой, особенно въ сумерки, въ тотъ часъ, когда гулъ колоколовъ напоминалъ ему то мгновеніе, когда впервые задрожала, заныла вся грудь его дотолѣ невѣдомымъ чувствомъ, когда онъ сталъ возлѣ нея на колѣняхъ въ Божіемъ храмѣ, забывъ обо всемъ, и только слышалъ, какъ стучало ея робкое сердце, когда слезами восторга и радости омылъ онъ новую, свѣтлую надежду, мелькнувшую ему въ его одинокой жизни—тогда буря вставала изъ уязвленной на вѣки души его. Тогда содрогался его духъ, и мученіе любви жгучимъ огнемъ снова пылало въ груди его. Тогда сердце его грустно и страстно болѣло и, казалось, любовь его возрастала вмѣстѣ съ печалью. Часто по цѣлымъ часамъ, забывъ себя и всю обыденную жизнь свою, забывъ все на свѣтѣ, просиживалъ онъ на одномъ мѣстѣ, одинокій, унылый, безнадежно качалъ головой и, роняя безмолвныя слезы, шепталъ про себя: «Катерина! Голубица мояненаглядная! Сестрица моя одинокая!..»

Какая-то безобразная мысль стала все болѣе и болѣе мучить его. Все сильнѣе и сильнѣе преслѣдовала она его и съ каждымъ

днемъ воплощалась передъ нимъ въ вѣроятность, въ дѣйствительность. Ему казалось,—и онъ, наконецъ, самъ повѣрилъ во все,—ему казалось, что невредимъ былъ разсудокъ Катерины, но что Муринъ былъ по своему правъ, назвавъ ее слабымъ сердцемъ. Ему казалось, что какая-то тайна связывала ее съ старикомъ, но что Катерина, не сознавъ преступленія, какъ голубица чистая, перешла въ его власть. Кто онъ? Онъ не зналъ того. Но ему безпрерывно снилась глубокая, безвыходная тирація надъ бѣднымъ, беззащитнымъ созданіемъ: и сердце смущалось и трепетало безсильнымъ негодованіемъ въ груди его. Ему казалось, что передъ испуганными очами вдругъ презрѣвшей души, коварно выставляли ея-же паденіе, коварно мучили бѣдное, *слабое* сердце, толковали передъ ней вкривь и вкось правду, съ умысломъ поддерживали слѣпоту, гдѣ было нужно, хитро льстили неопытнымъ наклонностямъ порывистаго, смятеннаго сердца ея и мало по малу рѣзали крылья у вольной, свободной души, неспособной, наконецъ, ни къ возстанію, ни къ свободному порыву въ настоящую жизнь...

Мало по малу, Ордыновъ отвыкалъ еще болѣе прежняго, въ чемъ, нужно отдать справедливость, его нѣмцы нисколько ему не мѣшали. Онъ часто любилъ бродить по улицамъ, долго, безъ цѣли. Онъ выбиралъ преимущественно сумеречный часъ, а мѣсто прогулки—мѣста глухія, отдаленныя, рѣдко посѣщаемыя народомъ. Въ одинъ ненастный, нездоровый, весенній вечеръ въ одномъ изъ такихъ закоулковъ встрѣтилъ онъ Ярослава Ильича.

Ярославъ Ильичъ примѣтно похудѣлъ, пріятные глаза его потускнѣли и самъ онъ какъ будто весь разочаровался. Онъ бѣжалъ впопыхахъ за какимъ-то нетерпящимъ отлагательства дѣломъ, промокъ, загрязнился, и дождевая капля, какимъ-то почти фантастическимъ образомъ, уже цѣлый вечеръ не сходила съ весьма приличнаго, но теперь поснѣвшаго носа его. Къ тому-же, онъ отростилъ бакенбарды. Эти бакенбарды, да и то, что Ярославъ Ильичъ взглянулъ такъ, какъ будто избѣгалъ встрѣчи съ старинымъ знакомымъ своимъ, почти поразили Ордынова... Чудное дѣло! даже какъ-то уязвило, разобидѣло его сердце, нуждавшееся досель ни въ чьемъ состраданіи. Ему, наконецъ, пріятнѣе былъ прежній человѣкъ, простой, добродушный, наивный—рѣшимся сказать, наконецъ, откровенно—немножечко глупый, но безъ претензій разочароваться и поумнѣть. А непріятно, когда *глупый* человѣкъ, котораго мы прежде любили, можетъ быть, именно за глупость его, *вдругъ поумнѣетъ*. рѣшительно непріятно. Впрочемъ, недовѣрчивость, съ которою онъ смотрѣлъ на Ордынова, тотчасъ-же сгладилась. При всемъ разочарованіи своемъ, онъ вовсе не оставилъ сво-

его прежняго норова, съ которымъ человѣкъ, какъ извѣстно, и въ могилу идетъ, и съ наслажденіемъ полѣзъ, такъ какъ былъ, въ дружескую душу Ордынова. Прежде всего онъ замѣтилъ, что у него много дѣла, потомъ, что они давно не видались: но вдругъ разговоръ опять принялъ какое-то странное направленіе. Ярославъ Ильичъ заговорилъ о лживости людей вообще, о непрочности благъ міра сего, о суетѣ суеты, мимоходомъ, даже болѣе чѣмъ съ равнодушіемъ, не приминулъ отозваться о Пушкинѣ, съ нѣкоторымъ цинизмомъ о хорошихъ знакомствахъ и, въ заключеніе, даже намекнулъ на лживость и коварство тѣхъ, которые называются въ свѣтѣ друзьями, тогда какъ истинной дружбы на свѣтѣ и сродясь не бывало. Однимъ словомъ, Ярославъ Ильичъ поумнѣлъ. Ордыновъ не противорѣчилъ ни въ чемъ, но несказанно, мучительно грустно стало ему: какъ будто онъ схоронилъ своего лучшаго друга!

— Ахъ! Представьте—я было совсѣмъ позабылъ разсказать, молвилъ вдругъ Ярославъ Ильичъ, какъ будто припомнивъ что-то весьма интересное: — у насъ новость! Я вамъ сказку по секрету. Помните домъ, гдѣ вы жили?

Ордыновъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ.

— Такъ вообразите-же, недавно открыли въ этомъ домѣ цѣлую шайку воровъ, то есть, сударь вы мой, ватагу, притонъ-съ: контрабандисты, мошенники всякіе, кто ихъ знаетъ! Ныньче переловили, за другими еще только гоняются: отданы строжайшія приказанія. И можете себѣ представить: помните хозяина дома, богомольный, почтенный, благородный съ виду...

— Ну!

— Судите послѣ этого о всемъ человѣчествѣ! Это и былъ начальникъ всей шайки ихъ, коноводъ! Не нѣмецъ-ли это-съ?

Ярославъ Ильичъ говорилъ съ чувствомъ и осудилъ за одного все человѣчество, потому что Ярославъ Ильичъ и не можетъ иначе сдѣлать; это въ его характерѣ.

— А тѣ? А Муринъ? проговорилъ Ордыновъ шепотомъ.

— Ахъ, Муринъ, Муринъ! Нѣтъ, это почтенный старикъ, благородный.—Но, позвольте, вы проливаете новый свѣтъ...

— А что? Онъ тоже былъ въ шайкѣ?

Сердце Ордынова готово было пробить грудь отъ нетерпѣнія...

— Впрочемъ, какъ-же вы говорите... прибавилъ Ярославъ Ильичъ, пристально вперивъ оловянныя очи въ Ордынова — признакъ, что онъ соображалъ: — Муринъ не могъ быть между ними. Ровно за три недѣли онъ уѣхалъ съ женой къ себѣ въ свое мѣсто... Я отъ дворника узналъ... Этотъ татарченокъ, помните?

ПОЛЗУНКОВЪ.

РАЗСКАЗЪ.

Я началъ всматриваться въ этого человѣка. Даже въ наружности его было что-то такое особенное, что̀ невольно заставляло вдругъ, какъ-бы вы разсѣяны ни были, пристально приковаться къ нему взглядомъ и тотчасъ-же разразиться самымъ неумолкаемымъ смѣхомъ. Такъ и случилось со мною. Нужно замѣтить, что глазки этого маленькаго господина были такъ подвижны, или, наконецъ, что онъ самъ, весь, до того поддавался магнетизму всякаго взгляда, на него устремленнаго, что почти инстинктомъ угадывалъ, что его наблюдаютъ, тотчасъ-же оборачивался къ своему наблюдателю и съ безпокойствомъ анализировалъ взглядъ его. Отъ вѣчной подвижности, поворотливости онъ рѣшительно походилъ на жируэтку. Странное дѣло! Онъ какъ будто боялся насмѣшки, тогда какъ почти добывалъ тѣмъ хлѣбъ, что былъ всесвѣтнымъ шутомъ и съ покорностію подставлялъ свою голову подъ всѣ щелчки, въ нравственномъ смыслѣ и даже въ физическомъ, смотря по тому, въ какой находился компаніи. Добровольные шуты даже не жалки. Но я тотчасъ замѣтилъ, что это странное созданіе, этотъ смѣшной человѣчекъ вовсе не былъ шутомъ изъ профессіи. Въ немъ оставалось еще кое-что благороднаго. Его безпокойство, его вѣчная болѣзненная боязнь за себя уже свидѣтельствовали въ пользу его. Мнѣ казалось, что все его желаніе услужить происходило скорѣе отъ добраго сердца, чѣмъ отъ матеріальныхъ выгодъ. Онъ съ удовольствіемъ позволялъ засмѣяться надъ собой во все горло и неприличнѣйшимъ образомъ, въ глаза, но въ тоже время—и я даю клятву въ томъ—его сердце ныло и обливалось кровью отъ мысли, что его слушатели такъ неблагородно-жестокосерды, что способны смѣяться не факту, а надъ нимъ, надъ всѣмъ существомъ его, надъ сердцемъ, головой, надъ наружностью, надъ всею его плотью и кровью. Я увѣренъ, что онъ чувствовалъ въ эту минуту всю глупость своего положенія; но протестъ тотчасъ-же умиралъ въ груди его, хотя непремѣнно каждый разъ зарождался великодушнѣйшимъ образомъ. Я увѣренъ, что все это происходило не иначе,

какъ отъ добраго сердца, а вовсе не отъ матеріальной невыгоды быть прогнаннымъ въ толчки и не занять у кого нибудь денегъ: этотъ господинъ вѣчно занималъ деньги, то есть просилъ въ этой формѣ милостыню, когда, погримасничавъ и достаточно насмѣшивъ на свой счетъ, чувствовалъ, что имѣетъ нѣкоторымъ образомъ право занять. Но, Боже мой! Какой это былъ заемъ! И съ какимъ видомъ онъ дѣлалъ этотъ заемъ! Я предположить не могъ, чтобы на такомъ маленькомъ пространствѣ, какъ сморщенное, угловатое лицо этого человѣчка, могло умѣститься въ одно и тоже время столько разнородныхъ гримасъ, столько страшныхъ, разнохарактерныхъ ощущеній, столько самыхъ убійственныхъ впечатлѣній. Чего-чего тутъ не было: —и стыдъ-то, и ложная наглость, и досада съ внезапной краской въ лицѣ, и гнѣвъ, и робость за неудачу, и просьба о прощеніи, что смѣлъ утруждать, и сознаніе собственнаго достоинства, и полнѣйшее сознаніе собственнаго ничтожества, — все это какъ молніи проходили по лицу его. Цѣлыхъ шесть лѣтъ пробивался онъ такимъ образомъ на Божіемъ свѣтѣ и до сихъ поръ не составилъ себѣ фигуры въ интересную минуту займа! Само собою разумѣется, что очерствѣть и закоснѣть въ концѣ онъ не могъ никогда. Сердце его было слишкомъ подвижно, горячо! Я даже скажу болѣе: по моему мнѣнію, это былъ честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ, но съ маленькою слабостью: сдѣлать подлость по первому приказанію, добродушно и безкорыстно, лишь-бы угодить ближнему. Однимъ словомъ, это былъ, что называется, человѣкъ-тряпка вполнѣ. Всего смѣшнѣе было то, что онъ былъ одѣтъ почти такъ-же какъ всѣ, не хуже, не лучше, чисто, даже съ нѣкоторою изысканностію и съ поползновеніемъ на солидность и собственное достоинство. Это равенство наружное и неравенство внутреннее, его безпокойство за себя и въ тоже время безпрерывное самоумаленіе,— все это составляло разительнѣйшій контрастъ и достойно было смѣха и жалости. Если-бъ онъ былъ увѣренъ сердцемъ своимъ (что, не смотря на опытъ, поминутно случалось съ нимъ), что всѣ его слушатели были добрѣйшіе въ мірѣ люди, которые смѣются только факту смѣшному, а не надъ его обреченною личностію, то онъ съ удовольствіемъ снялъ-бы фракъ свой, надѣлъ его какъ нибудь на изнанку и пошелъ-бы въ этомъ нарядѣ, другимъ въ угоду, а себѣ въ наслажденіе, по улицамъ, лишь-бы разсмѣшить своихъ покровителей и доставить имъ всѣмъ удовольствіе. Но до равенства онъ не могъ достигнуть никогда и ничѣмъ. Еще черта: чудакъ былъ самолюбивъ и порывами, если только не предстояло опасности, даже великодушенъ. Нужно было видѣть и слышать, какъ онъ умѣлъ отдѣлать, иногда не щадя себя, слѣдовательно съ рискомъ, почти

съ геройствомъ, кого нибудь изъ своихъ *покровителей*, уже донельзя его разбѣсившаго. Но это было минутами... Однимъ словомъ, онъ былъ мученикъ въ полномъ смыслѣ слова, но самый безполезнѣйшій, и слѣдовательно самый комическій мученикъ.

Между гостями поднялся общій споръ. Вдругъ я увидѣлъ, что чудакъ мой вскакиваетъ на стулъ и кричитъ, что есть мочи, желая, чтобъ ему одному дали исключительно слово.

— Слушайте, шепнулъ мнѣ хозяинъ. — Онъ разсказываетъ иногда прелюбопытныя вещи... Интересуетъ онъ васъ?

Я кивнулъ головою и втѣснился въ толпу.

Дѣйствительно, видъ порядочно одѣтаго господина, вскочившаго на стулъ и кричавшаго всѣмъ голосомъ, возбудилъ общее вниманіе. Многіе, кто не знали чудака, переглядывались съ недоумѣніемъ, другіе хохотали во все горло.

— Я знаю Ѳедосѣя Николанча! Я лучше всѣхъ долженъ знать Ѳедосѣя Николанча! кричалъ чудакъ съ своего возвышенія. — Господа, позвольте разсказать. Я хорошо разскажу про Ѳедосѣя Николанча! Я знаю одну исторію—чудо!..

— Разскажите, Осипъ Михайлычъ, разскажите.

— Разсказывай!!

— Слушайте-же...

— Слушайте, слушайте!!

— Начинаю; но, господа, это исторія особенная...

— Хорошо, хорошо!

— Это исторія комическая.

— Очень хорошо, превосходно, прекрасно,—къ дѣлу!

— Это эпизодъ изъ собственной жизни вашего покорнѣйшаго...

— Ну, зачѣмъ-же вы трудились объявлять, что она комическая!

— И даже немного трагическая!

— А???!

— Словомъ, та исторія, которая вамъ всѣмъ доставляетъ счастіе слушать меня теперь, господа, — та исторія, вслѣдствіе которой я попалъ въ такую *интересную* для меня компанію.

— Безъ каламбуровъ!

— Та исторія...

— Словомъ, та исторія, — ужь доканчивайте поскорѣе апологъ,—та исторія, которая чего нибудь стоитъ, примолвилъ сиплымъ голосомъ одинъ бѣлокурый молодой господинъ съ усами, запустивъ руку въ карманъ своего сюртука и какъ будто нечаянно вытащивъ оттуда кошелекъ вмѣсто платка.

— Та исторія, мои сударики, послѣ которой я-бы желалъ ви-

дѣть многихъ изъ васъ на моемъ мѣстѣ. И, наконецъ, та исторія, вслѣдствіе которой я не женился!

— Женился!.. Жена!.. Ползунковъ хотѣлъ жениться!!

— Признаюсь, я-бы желалъ теперь видѣть m-me Ползункову!

— Позвольте поинтересоваться, какъ звали прошедшую m-me Ползункову, вмѣшался одинъ юнона, пробираясь къ разсказчику.

— Итакъ, первая глава, господа: То было ровно шесть лѣтъ тому, весной, 31-го марта,—замѣтьте число, господа,—наканунѣ...

— Перваго апрѣля! закричалъ юнона въ завиткахъ.

— Вы необыкновенно угадливы-съ. Былъ вечеръ. Надъ уѣзднымъ городомъ N. сгущались сумерки, хотѣла выплыть луна... ну, и все тамъ, какъ слѣдуетъ. Вотъ-съ, въ самыя поздшя сумерки, въ тихомолочку, я выплылъ изъ своей квартирешки, — простившись съ моей замкнутой покойницей бабушкой. Извините, господа, что я употребляю такое модное выраженіе, слышанное мною въ послѣдній разъ у Николая Николаича. Но бабушка моя была вполнѣ *замкнутая*: она была слѣпа, нѣма, глуха, глупа,—все что̀ угодно!.. Признаюсь, я былъ въ трепетѣ, я собирался на великое дѣло; сердчишко во мнѣ билось какъ у котенка, когда его хватаетъ чья нибудь костлявая лапа за шиворотъ.

— Позвольте, m-r Ползупковъ.

— Чего требуете?

— Разсказывайте проще: пожалуйста, не слишкомъ старайтесь!

— Слушаюсь, проговорилъ немного смутившійся Осипъ Михайлычъ.—Я вошелъ въ домикъ Ѳедосѣя Николаича (благопріобрѣтенный-съ). Ѳедосѣй Николаичъ, какъ извѣстно, не то, чтобы сослуживецъ, но цѣлый начальникъ. Обо мнѣ доложили и тотчасъ-же ввели въ кабинетъ. Какъ теперь вижу: совсѣмъ, совсѣмъ почти темная комната, а свѣчей не подаютъ. Смотрю: входитъ Ѳедосѣй Николаичъ. Такъ мы и остаемся съ нимъ въ темнотѣ...

— Что-жь-бы такое произошло между вами? спросилъ одинъ офицеръ.

— А какъ вы полагаете-съ? спросилъ Ползунковъ, немедленно обращаясь, съ судорожно шевельнувшимся лицомъ, къ юнонѣ въ завиткахъ.

— Итакъ, господа, тутъ произошло одно странное обстоятельство. То есть страннаго тутъ не было ничего, а было, что̀ называется дѣло житейское,—я просто за просто вынулъ изъ кармана свертокъ бумагъ, а онъ изъ своего свертокъ бумажекъ, только государственными»...

— Ассигнаціями?

— Ассигнаціями-съ, и мы помѣнялись.

— Бьюсь объ закладъ, что тутъ нахло взятками, проговорилъ одинъ солидно одѣтый и выстриженный молодой господинъ.

— Взятками-съ! подхватилъ Ползунковъ.—Эхъ!

Пусть я буду либераломъ,
Какихъ много видѣлъ я!

Если вы тоже, какъ вамъ попадется служить въ губерніи, не погрѣете руки... на родномъ очагѣ... Зане, сказалъ одинъ литераторъ:

И дымъ отечества вамъ сладокъ, и пріятенъ!

Мать, мать, господа, родная, родина-то наша, мы птенцы, такъ мы ее и сосёмъ!..

Поднялся общій смѣхъ.

— А только, повѣрите-ли, господа, я никогда не бралъ взятокъ, сказалъ Ползунковъ, недовѣрчиво оглядывая все собраніе.

Гомерическій, неумолкаемый смѣхъ всѣхъ заглушилъ своимъ покрылъ слова Ползункова.

— Право такъ, господа...

Но тутъ онъ остановился, продолжая оглядывать всѣхъ съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ лица. Можетъ быть, — кто знаетъ,— можетъ быть, въ эту минуту ему вспало на умъ, что онъ по честнѣе многихъ изъ всей этой честной компаніи... Только серіозное выраженіе лица его не исчезало до самаго окончанія всеобщей веселости.

«— Итакъ, началъ Ползунковъ,—когда всѣ успокоились:—хотя я никогда не бралъ взятокъ, но въ этотъ разъ грѣшенъ: положилъ въ карманъ взятку... съ взяточника... То есть были кое-какія бумажки въ рукахъ моихъ, которыя, если-бъ я захотѣлъ послать кой-кому, такъ худо-бы пришлось Федосѣю Николаичу.

— Такъ, стало быть, онъ ихъ выкупилъ?

— Выкупилъ-съ.

— Много далъ?

— Далъ столько, за сколько иной въ наше время продалъ-бы совѣсть свою, всю, со всѣми варьяціями-съ... если-бы только что нибудь дали-съ. Только меня паромъ обдало, когда я положилъ въ карманъ денежки. Право, я не знаю, какъ это со мной всегда дѣлается, господа,—но вотъ, ни живъ, ни мертвъ, губами шевелю, ноги трясутся: ну, виноватъ, виноватъ, совѣмъ виноватъ, въ духъ засовѣстился, готовъ прощенья просить у Федосѣя Николаича...

— Ну, что-жь онъ, простилъ?

— Да я не просилъ-съ... я только такъ говорю, что такъ оно было тогда: у меня, то есть, сердце горячее. Вижу, смотритъ мнѣ прямо въ глаза:

«— Бога, говоритъ, вы не бойтесь, Осипъ Михайлычъ!».

Ну, что дѣлать! Я этакъ развелъ изъ приличія руки, голову на сторону. — «Чѣмъ-же, я, говорю, Бога не боюсь, Ѳедосѣй Николаичъ?.. Только ужь такъ говорю, изъ приличія... самъ сквозь землю провалиться готовъ.

«— Бывъ такъ долго другомъ семейства нашего, бывъ, могу сказать, сыномъ, — и кто знаетъ, что небо предполагало, Осипъ Михайлычъ! И вдругъ что-же, доносъ, готовитъ доносъ, и вотъ теперь!.. Что послѣ этого думать о людяхъ, Осипъ Михайлычъ?»

Да вѣдь какъ, господа, какъ рацею читалъ! «Нѣтъ, говоритъ, вы мнѣ скажите, что послѣ этого думать о людяхъ, Осипъ Михайлычъ? —Что, думаю, думать! Знаете, и въ горлѣ заскребло, и сосенко дрожитъ, ну, ужь предчувствую свой скверный поровъ и схватился за шляпу...

«— Куда-жь вы, Осипъ Михайлычъ? Неужели наканунѣ такого дня... Неужели вы и теперь злонамятствуете: чѣмъ я противъ васъ согрѣшилъ?..»

«— Ѳедосѣй Николаичъ, говорю, Ѳедосѣй Николаичъ!»

Ну, то есть растаялъ, господа, какъ мокрый сахаръ-медовичъ растаялъ. Куда! И пакетъ, что въ карманѣ лежитъ съ государственными, и тотъ словно тоже кричитъ: неблагодарный ты, разбойникъ, татъ окаянный, — словно пять пудовъ въ немъ, такъ тянетъ... (А если-бъ и взаправду въ немъ пять пудовъ было!..).

«— Вижу, говоритъ Ѳедосѣй Николаичъ:—вижу ваше раскаяніе... вы знаете, завтра»...

«— Маріи Египетскія-съ»...

«— Ну, не плачь, говоритъ Ѳедосѣй Николаичъ: — полно: согрѣшилъ и покаялся! Пойдемъ! Можетъ быть, удастся мнѣ возвратить, говоритъ, васъ опять на путь истинный... Можетъ быть, скромные пенаты мои (именно, помню, пенаты, такъ и выразился, разбойникъ) согрѣютъ, говоритъ, опять ваше очеретъ... не скажу очерствѣлое,—заблудшее сердце»...

Взялъ онъ меня, господа, за руку и повелъ къ домочадцамъ. Мнѣ спину морозомъ прохватываетъ: дрожу! Думаю, съ какими глазами предстану я...—А нужно вамъ знать, господа... какъ-бы сказать, здѣсь выходило одно щекотливое дѣльцо!

— Ужь не госпожа-ли Ползункова?

— Марья Ѳедосѣевна-съ,—только не суждено, знать, ей было быть такой госпожей, какой вы ее называете, не дождалась такой чести. Оно, видите, Ѳедосѣй-то Николаичъ былъ и правъ, говоря, что въ домѣ-то я почти сыномъ считался. Оно и было такъ назадъ тому полгода, когда еще былъ живъ одинъ юнкеръ въ от-

ставкѣ, Михайло Максимычъ Двигайловъ по прозвищу. Только онъ волею Божіею помре, а завѣщаніе-то совершить все въ долгій ящикъ откладывалъ; оно и вышло такъ, что ни въ какомъ ящикѣ его не отыскали потомъ»...

— Ухъ!!!

— Ну, ничего, нечего дѣлать, господа, простите, обмолвился,— каламбурчикъ-то плохъ, да это-бы еще ничего, что онъ плохъ,— штука-то была еще плоше, когда я остался, такъ сказать, съ нулемъ въ перспективѣ, потому что юнкеръ-то въ отставкѣ, хоть меня въ домъ къ нему и не пускали (на больную ногу жилъ, затѣмъ, что были руки длинны!) — а тоже, можетъ быть, не ошибкой, родпымъ сыномъ считалъ.

— Ага!!

— Да-съ, оно вотъ какъ-съ! Ну, и стали мнѣ носы показывать у Ѳедосѣя Николаича. Я замѣчалъ-замѣчалъ, крѣпился-крѣпился, а тутъ, вдругъ, на бѣду мою (а, можетъ, и къ счастію!), какъ снѣгъ на голову ремонтеръ наскакалъ на нашъ городишко. Дѣло-то оно его, правда, подвижное, легкое, кавалерійское,—только такъ плотно утвердился у Ѳедосѣя Николаича,—ну, словно мортира засѣлъ! Я обиходцемъ, да сторопочкой, по подлому попову, такъ и такъ, говорю, Ѳедосѣй Николаичъ, за что-жь обижать! Я въ нѣкоторомъ родѣ ужь сынъ... Отческаго-то, отческаго когда я дождусь»... Началъ онъ мнѣ, сударикъ ты мой, отвѣчать! Ну, то есть, начнетъ говорить, ноэму наговоритъ цѣлую, въ двѣнадцати нѣсняхъ въ стихахъ, только слушаешь, облизываешься, да руки развощишь отъ сладости, а толку нѣтъ ни на грошъ, то есть какого толку, не разберешь: не поймешь, стоишь дуракъ дуракомъ, затуманитъ, словно вьюнъ вьется, вывертывается; ну, талантъ, просто талантъ, даръ такой, что вчужѣ страхъ пробираетъ! Я кидаться понесъ во всѣ стороны: туды да сюды! Ужь и романсы таскаю, и конфектъ привозу, и каламбуры высиживаю, охи да вздохи, болитъ, говорю, мое сердце, отъ амура болитъ, да въ слезы да тайное объясненіе! Вѣдь глупъ человѣкъ! Вѣдь не провѣрить у дьячка, что мнѣ тридцать лѣтъ... куды! Хитритъ выдумалъ! Нѣтъ-же! Не пошло мое дѣло, смѣшки да насмѣшки кругомъ,— ну, и зло меня взяло, за горло совсѣмъ захватило,— я улизнулъ, да въ домъ ни ногой, думалъ-думалъ — да хвать доносъ! Ну, поподличалъ, друга выдать хотѣлъ, сознаюсь, матеріальцу-то было много, и славный такой матеріалъ, капитальное дѣло! Тысячу пятьсотъ серебромъ принесло, когда я его вмѣстѣ съ доносомъ на государственныя вымѣнялъ!

— А! Такъ вотъ она взятка-то!

— Да, сударь, вотъ была взяточка-то-съ, попалился мнѣ

взяточникъ! (И вѣдь не грѣшно, ну, право-же, нѣтъ!) Ну, вотъ-съ теперь продолжать начну: притащилъ онъ меня, если запомнить изволите, въ чайную, ни жива, ни мертва: встрѣчаютъ меня: всѣ какъ будто обиженные, то есть не то что обиженные, — разогорченные такъ, что ужъ просто... Ну, убиты, убиты совсѣмъ, а между тѣмъ и важность такая приличная на лицахъ сіяетъ, солидность во взорахъ, этакъ что-то отеческое, родственное такое... блудный сынъ воротился къ намъ,—вотъ куда пошло! За чай усадили, а чего у меня у самого словно самоваръ въ грудь засѣлъ, кипитъ во мнѣ, а ноги леденѣютъ: умалился, струсилъ! Марья Ѳоминишна, супруга его, совѣтница надворная (а теперь коллежская), мнѣ *ты* съ перваго слова начала говорить: «что ты, батенька, такъ похудѣлъ?» говоритъ. — Да такъ, прихварываю, говорю, Марья Ѳоминишна... голосенко-то дрожитъ у меня! А она мнѣ ни съ того, ни съ сего, знать, выкидала свое вывернуть, ехидна такая: — «что видно, совѣсть, говоритъ, твоей душѣ не по мѣркѣ пришлась, Осипъ Михайлычъ, отецъ родной! Хлѣбъ-соль-то наша, говоритъ, родственная возопіяла къ тебѣ! Отлились, знать, тебѣ мои слезки кровавыя-!» Ей Богу, такъ и сказала, пошла противъ совѣсти! Чего! То-ли за ней, бой-баба! Только такъ сидѣла да чай разливала. А поди-ка, я думаю, на рынкѣ, моя голубушка, всѣхъ бабъ перекричала-бы. Вотъ какая была она, наша совѣтница! А тутъ, на бѣду мою, Марья Ѳедосѣевна, дочка, выходитъ, со всѣми своими невинностями, да блѣденька немножко, глазки раскрасивши, будто отъ слезъ, — я какъ дуракъ и погибъ тутъ на мѣстѣ. А вышло потомъ, что по ремонтерѣ она слезки роняла: тотъ утекъ во свояси, уленетнулъ по добру, по здорову, потому что, знаете, знать (оно пришлось теперь къ слову сказать), пришло ему время уѣхать, срокъ вышелъ, оно не то чтобы и казенный былъ срокъ-то! а такъ... ужъ послѣ родители дражайшіе спохватились, узнали всю подноготную, да что дѣлать, въ тихомолку запили бѣду, — своего дому прибыло!.. Ну, нечего дѣлать, какъ взглянуть я на нее, пропалъ, просто пропалъ, накосился на шляпу, хотѣлъ схватить да уленетнуть поскорѣе: не тутъ-то было: утащили шляпу мою... Я ужъ, признаться, и безъ шляпы хотѣлъ — ну, думаю,— нѣтъ-же, дверь на крючекъ насадили, смѣшки дружескіе начались, подмигиванья да заигрыванья, сконфузился я, что-то соврать, объ амурѣ повесть; она, моя голубушка, за клавикорды сѣла, да гусара, который на саблю опирался, пропѣла на обиженный тонъ, — смерть моя! — «Ну, говоритъ Ѳедосѣй Николаичъ: — все забыто, прощенъ... въ объятія!» —Я какъ былъ, такъ тутъ-же и припалъ къ нему лицомъ на жилетку. «Благодѣтель мой, отецъ ты мой родной,

говорю! Да какъ зальюсь своими горючими! Господи Боѣ мой, какое тутъ поднялось! Онъ плачетъ, баба его плачетъ, Машенька плачетъ... тутъ еще бѣлобрысенькая одна была: и та плачетъ... куда — со всѣхъ угловъ ребятишки повыползли (благословилъ его домкомъ Господь!) и тѣ ревутъ... сколько слезъ, то есть умиленіе, радость такая, блуднаго обрѣли, словно на родину солдатъ воротился!- Тутъ угощеніе подали, фанты пошли: «Охъ, болитъ!»—Что болитъ?—«Сердце».—По комъ? Она краснѣетъ, голубушка! Мы со старикомъ пушшику выпили, — ну, уходили, услаетили меня совершенно...

«Воротился я къ бабушкѣ. У самого голова кругомъ ходитъ; всю дорогу шелъ да подсѣивался, дома два часа битыхъ по каморкѣ ходилъ, старуху разбудилъ, ей все счастье повѣдалъ.—«Да денегъ-то далъ-ли, разбойникъ?»—Далъ, бабушка, далъ, далъ, родная моя, далъ, привалило къ намъ, отворяй ворота!—«Ну, теперь хоть женись, такъ въ ту-жъ пору, женись, говоритъ мнѣ старуха:—знать молитвы мои услышаны!» Софрона разбудилъ. Софронъ, говорю, снимай сапоги. Софронъ потащилъ съ меня сапоги. — «Ну, Софрона! Поздравь ты теперь меня, поцалуй! Женюсь, просто, братецъ, женюсь, напейся пьянъ завтра, гуляй душа, говорю: баринъ твой женится!» —Смѣшки да игрушки на сердцѣ!.. Ужь засыпать было началъ; нѣтъ, подняло меня опять на ноги, сижу да думаю: вдругъ и мелькни у меня въ головѣ: завтра-де 1-е апрѣля, день-то такой свѣтлый, игривый, какъ-бы такъ? — Да и выдумалъ! Что-жъ, сударики, съ постели всталъ, свѣчу зажегъ, въ чемъ былъ за столъ письменный сѣлъ, т. е. ужь расходился совсѣмъ, заигрался,—знаете, господа, когда человѣкъ разыграется! Всей головой, отцы мои, въ грязь полѣзъ! То есть вотъ какой норовъ: они у тебя вотъ что возьмутъ, а ты имъ вотъ и это отдашь: дескать, на-те и это возьмите! Они тебя по лапитъ, а ты имъ на радостяхъ всю спину подставишь. Они тебя потомъ калачемъ какъ собаку манить начнутъ, а ты тутъ всѣмъ сердцемъ и всей душой облапишь ихъ глупыми лапами—и ну лобызаться! Вѣдь вотъ хотьбы теперь, господа! Вы смѣетесь да шепчетесь, я вѣдь вижу! Послѣ, какъ разскажу вамъ всю мою подноготную, меня-же начнете на смѣхъ подымать, меня-же начнете гонять, а я-то вамъ говорю-говорю-говорю! Ну, кто мнѣ велѣлъ! Ну, кто меня гонитъ! Кто у меня за плечами стоитъ да шепчетъ: говори, говори да разсказывай! А вѣдь говорю-же, разсказываю, вамъ въ душу лѣзу, словно вы мнѣ, примѣромъ, всѣ братья родные, друзья закадычные... э-эхъ!..

Хохотъ, начинавшій мало по малу подыматься со всѣхъ сторонъ, покрылъ, наконецъ, совершенно голосъ разскащика, дѣйствi-

тельно приподнятаго въ какой-то восторгъ; онъ остановился, нѣсколько минутъ перебѣгая глазами по собранію, и потомъ вдругъ, словно увлеченный какимъ-то вихремъ, махнулъ рукой, захохоталъ самъ, какъ будто дѣйствительно находя смѣшнымъ свое положеніе, и снова пустился разсказывать:

«— Едва заснулъ я въ ту ночь, господа; всю ночь строчилъ на бумагѣ; видите-ли, штуку я выдумалъ! Эхъ, господа! приомнить только, такъ совѣстно станетъ! И добро-бы ужь ночью: ну, съ пьяныхъ глазъ, заблудился, напуталъ вздору, наврал ъ,—нѣтъ-же! Утромъ проснулся ни свѣтъ, ни заря, всего-то и спалъ часикъ—другой, и за тоже! Одѣлся, умылся, завился, приномадился, фракъ новый напялилъ и прямо на праздникъ къ Ѳедосѣю Николаичу, а бумагу въ шляпѣ держу. Встрѣчаетъ меня самъ, съ отверзтыми, и опять зоветъ на жилетку родительскую! Я и пріосанился, въ головѣ еще вчерашнее бродитъ! На шагъ отступилъ.— Нѣтъ, говорю, Ѳедосѣй Николаичъ, а вотъ, коль угодно, сію бумажку прочтите,— да и подаю ее при рапортѣ; а въ рапортѣ-то знаете что̀ было? А было: Но такимъ-то, да по такимъ-то, такого-то Осипа Михайлыча, уволить въ отставку, да подъ просьбой-то весь чинъ подмахнулъ! Вотъ вѣдь что̀ выдумалъ, Господи! И умнѣе-то ничего придумать не могъ! Дескать, сегодня первое апрѣля, такъ я вотъ и сдѣлаю видъ, ради шуточки, что обида моя не прошла, что одумался за ночь, одумался да нахохлился, да пуще прежняго обидѣлся, да, дескать, вотъ-же вамъ, родные мои благодѣтели, и ни васъ, ни дочки вашей знать не хочу; денежки-то вчера положилъ въ карманъ, обезпеченъ, такъ вотъ, дескать, вамъ рапортъ объ отставкѣ. Не хочу служить подъ такимъ начальствомъ, какъ Ѳедосѣй Николаичъ! Въ другую службу хочу, а тамъ, смотри, и допосъ подамъ. Этакимъ подлецомъ представился, напугать ихъ выдумалъ! И выдумалъ чѣмъ напугать! А? Хорошо, господа? То есть вотъ заласкалось къ нимъ сердце со вчерашняго дня, такъ дай я за это шуточку семейную отпущу, подтрунью надъ родительскимъ сердечкомъ Ѳедосѣя Николаича...

Только взялъ онъ бумагу мою, развернулъ и вижу, шевельнулась у него вся физіономія. — Что̀-жь, Осипъ Михайлычъ? А я, какъ дуракъ:—Первое апрѣля! Съ праздникомъ васъ, Ѳедосѣй Николаичъ! То есть совсѣмъ какъ мальчишка, который за бабушкино кресло спрятался въ тихомолку, да потомъ уфъ! ей на ухо, во все горло,—попугать вздумалъ! Да... да просто даже совѣстно разсказывать, господа! Да нѣтъ-же! Я не буду разсказывать!

— Да нѣтъ, что̀-же дальше?

— Да нѣтъ, да нѣтъ, разскажите! Нѣтъ, ужь разсказывайте, поднялось со всѣхъ сторонъ.

— Поднялись, судари мои, толки да пересуды, охи да ахи! И проказникъ-то я, и забавникъ-то я, и перепугалъ-то я ихъ, ну, такое сладчайшее, что самому стыдно стало, такъ что стоишь да со страхомъ и думаешь: какъ такого грѣшника такое мѣсто святое на себѣ держать можетъ! «Ну, родной ты мой, запищала совѣтница:—напугалъ меня такъ, что о сю пору ноги трясутся, еле на мѣстѣ держать! Выбѣжала я какъ полоумная къ Машѣ: Машенька, говорю, что̀ съ нами будетъ! Смотри, какимъ *твой-то* оказывается! Да сама согрѣшила, родимый, ужь ты прости меня, старуху, опростоволосилась! Ну, думаю: какъ пошелъ онъ отъ насъ вчера, пришелъ домой поздно, началъ думать, да, можетъ, показалось ему, что нарочно мы вчера ходили за нимъ, завлечь хотѣли, такъ и обмерла я! — Полно, Машенька, полно мигать мнѣ, Осипъ Михайлычъ намъ не чужой, я-же твоя мать, дурнаго ничего не скажу! Слава Богу, не двадцать лѣтъ на свѣтѣ живу: цѣлыхъ сорокъ пять!..»

Ну, что̀, господа! Чуть я ей въ ноги не чибурахнулся тутъ! Опять прослезились, опять лобызанія пошли! Шуточки начались! Ѳедосѣй Николаичъ тоже для 1-го апрѣля штучку изволили выдумать! Говоритъ, дескать, жаръ-птица прилетѣла, съ брилліантовымъ клювомъ, а въ клювѣ-то письмо принесла! Тоже надутъ хотѣли,— смѣхъ-то пошелъ какой! Умиленіе-то было какое! — Тьфу! — Даже срамно разсказывать!

Ну, что̀, мои милостивцы, теперь и вся недолга! Пожили мы день, другой, третій, недѣлю живемъ; я ужь совсѣмъ женихъ! Чего! Кольца заказаны, день назначили, только оглашать не хотятъ до времени, ревизора ждутъ. Я-то жду не дождусь ревизора, счастье мое остановилось за нимъ. Спустить-бы его скорѣй съ плечъ долой, думаю. А Ѳедосѣй-то Николаичъ подъ шумокъ и на радостяхъ всѣ дѣла свалилъ на меня: счеты, рапорты писать, книги свѣрять, итоги подводить,—смотрю; безпорядокъ ужаснѣйшій, все въ запустѣніи, вездѣ крючки да ковыки! Ну, думаю, потружусь для тестюшки! А тотъ все прихварываетъ, болѣзнь приключилась, день ото дня ему, видишь, хуже. А чего, я самъ какъ спичка, ночей не сплю, повалиться боюсь! Однако, кончилъ таки дѣло на славу! Выручилъ къ сроку! Вдругъ плютъ за мной гонца. Поскорѣй, говорятъ, худо Ѳедосѣю Николаичу! Бѣгу, сломя-голову, — что такое? Смотрю, сидитъ мой Ѳедосѣй Николаичъ обвязанный, уксусу къ головѣ примочилъ, морщится, кряхтитъ, охаетъ: охъ да охъ! Родной ты мой, милый ты мой, говоритъ, умру, говоритъ, на кого-то

я васъ оставлю, птенцы мои! Жена съ дѣтьми приплелась, Маленька въ слезы,—ну, я и самъ зарюмилъ!—Ну, нѣту-же, говоритъ, Богъ будетъ милостивъ, не взыщетъ-же Онъ съ васъ за всѣ мои прегрѣшенія! Тутъ онъ ихъ всѣхъ отпустилъ, приказалъ за ними дверь запереть, остались мы съ нимъ вдвоемъ, съ глазу на глазъ.—«Просьба есть до тебя!»—«Какая-съ?»—«Такъ и такъ, братецъ, и на смертномъ одрѣ нѣтъ покоя, зануждался совѣмъ!»—«Какъ такъ?»—Меня тутъ и краска прошибла, языкъ отнялся.—«Да такъ, братецъ, изъ своихъ пришлось въ казну прилатиться; я, братецъ, для пользы общей ничего не жалѣю! Жизни своей не жалѣю! Ты не думай чего! Грустно мнѣ, что меня передъ тобой клеветники очернили... Заблуждался ты, горе съ тѣхъ поръ мою голову убѣлило! Ревизоръ на носу, а у Матвѣева въ семи тысячахъ недочетъ, а отвѣчаю я... кто-жъ больше! Съ меня, братецъ, взыщутъ: чего смотрѣлъ! А что съ Матвѣева взять! Ужъ и такъ довольно съ него; что горемыку подъ обухъ подводить!»—Святители, думаю, вотъ праведникъ! Вотъ душа! А онъ: «да, говоритъ, дочернихъ брать не хочу изъ того, что ей понло на приданое; это священная сумма! Есть свои, есть, правда, да въ люди отданы, гдѣ ихъ сейчасъ соберешь!»—Я тутъ какъ былъ, такъ и брякъ передъ нимъ на колѣни.—«Благодѣтель ты мой, кричу, оскорбилъ я тебя, разобидѣлъ, клеветники на тебя бумаги писали, не убей въ конецъ, возьми назадъ свои денежки!»—смотритъ онъ на меня, потекли у него изъ глазъ слезы.—«Этого я и ждалъ отъ тебя, мой сынъ, встань; тогда простилъ ради дочернихъ слезъ! Теперь и мое сердце прощаетъ тебя. Ты залечилъ, говоритъ, мои язвы! Благословляю тебя во вѣки вѣковъ!»—Ну, какъ благословилъ-то онъ меня, господа, я во всѣ лопатки домой, досталъ сумму: вотъ, батюшка, все, только пятьдесятъ цѣлковыхъ извелъ!»—«Ну, ничего, говоритъ, а теперь всякое лыко въ строку; время спѣшное, напиши-ка рапортъ, задннмъ числомъ, что зануждался, да впередъ проснп жалованья 50 руб. Я такъ и покажу по начальству, что тебѣ впередъ выдано... Ну, что-жъ, господа! Какъ вы думаете! Вѣдь я и рапортъ написалъ!.

— Ну, что-же,—ну, чѣмъ-же,—ну, какъ это кончилось?

— Только что написалъ я рапортъ, сударики вы мои, вотъ чѣмъ кончилось. На завтра-же, на другой-же день, ранехонько по утру пакетъ за казенной печатью. Смотрю — и что-жъ обрѣтаю! Отставка! Искать, сдать дѣла, свести счеты, а самому идти на всѣ стороны!.

— Какъ такъ?

— Да ужъ и я тутъ благимъ матомъ кричалъ, какъ такъ,

сударики! Чего, въ ушахъ зазвенѣло! Я думалъ спроста, анъ нѣтъ. ревизоръ въ городъ въѣхалъ. Дрогнуло сердце мое! Ну, думаю, не спроста! Да такъ, какъ былъ, къ Ѳедосѣю Николаичу; «что?» говорю.—«А что-жь?» говоритъ.—«Да вотъ-же отставка!» —«Какая отставка?» — «А это?»—«Ну, что-жь и отставка-съ!» — «Да какъ-же, развѣ я пожелалъ?»—«А какъ-же, вы подали-съ, 1-го апрѣля вы подали» (а бумагу-то я не взялъ назадъ!). «Ѳедосѣй Николаичъ, да васъ-ли слышатъ уши мои, васъ-ли видятъ очи мои!» —«Меня-съ, а что-съ?» — «Господи, Богъ мой!» — «Жаль мнѣ, сударь, жаль, очень жаль, что такъ рано службу оставить задумали! Молодому человѣку нужно служить, а у васъ, сударь, вѣтеръ началъ бродить въ головѣ. А на счетъ аттестата будьте покойны: я позабочусь. Вы-же такъ хорошо себя всегда аттестуете-съ!» — «Да вѣдь я-жь тогда шуточкой, Ѳедосѣй Николаичъ, я-жь не хотѣлъ, я такъ подалъ бумагу, для родительскаго вашего... вотъ.» — «Какъ-съ вотъ! Какое, сударь, шуточкой! Да развѣ такими бумагами шутятъ-съ? Да васъ за такія шуточки когда нибудь въ Сибирь упекутъ-съ. Теперь прощайте, мнѣ некогда-съ: у насъ ревизоръ-съ, обязанности службы прежде всего; вамъ быть баклуши, а намъ тутъ сидѣть за дѣлами-съ. А ужь я васъ тамъ какъ слѣдуетъ аттестую-съ.—Да еще-съ, вотъ я домъ у Матвѣева сторговалъ, переѣдемъ на дняхъ, такъ ужь надѣюсь, что не буду имѣть удовольствія васъ на новосельѣ у себя увидѣть. Счастливый путь!» — Я домой со всѣхъ ногъ: «пропали мы, бабушка!» Взвыла она, сердечная; а тутъ, смотримъ, бѣжитъ казачокъ отъ Ѳедосѣя Николаича, съ запиской и съ клѣткой, а въ клѣткѣ скворецъ сидитъ: это я ей отъ избытка чувствъ скворца подарилъ; а въ запискѣ стоитъ: *1-ое апрѣля*, а больше и нѣтъ ничего. Вотъ, господа, что: какъ вы думаете-съ?!

— Ну, что-же, что-же дальше???

— Чего дальше! Встрѣтилъ я разъ Ѳедосѣя Николаича, хотѣлъ было ему въ глаза подлеца сказать...

— Ну!

— Да какъ-то не выговорилось, господа!.

Оглавленіе.

стр.

Письмо Д. С. Мережковскаго къ издательницѣ Полнаго Собранія Сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго, А. Г. Достоевской. . . . . I.

Біографическій Очеркъ о Ѳ. М. Достоевскомъ: Чрезъ четверть вѣка. (1881—1906), составленный профессоромъ С. Н. Булгаковымъ.. III.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

БѢДНЫЕ ЛЮДИ. Романъ. 1

ДВОЙНИКЪ. Петербургская поэма. 119

ГОСПОДИНЪ ПРОХАРЧИНЪ. Разсказъ. 263

РОМАНЪ ВЪ ДЕВЯТИ ПИСЬМАХЪ. 293

ХОЗЯЙКА Повѣсть. 307

ПОЛЗУНКОВЪ. Разсказъ 377

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Михаилъ Андреевичъ Достоевскій, отецъ Ѳ. М. Достоевскаго.
2. Марія Ѳеодоровна Достоевская, мать Ѳ. М. Достоевскаго.
3. Ѳ. М. Достоевскій и Чоканъ Валихановъ, съ фотографіи, снятой въ Семипалатинскѣ въ 1858 году.
4. Ѳ. М. Достоевскій въ 1860 году.
5. Ѳ. М. Достоевскій въ 1862 году.
6. Ѳ. М. Достоевскій въ 1872 году.
7. Ѳ М. Достоевскій въ 1880 году.
8. Бюстъ Ѳ. М. Достоевскаго, работы скульптора Л. Бернштама.
9. Маска, снятая съ Ѳ. М. Достоевскаго, на другой день его кончины, скульпторомъ Л. Бернштамомъ.
10. Могила Ѳ. М. Достоевскаго до постановки памятника.
11. Домъ Ѳ. М. Достоевскаго въ г. Старой Руссѣ.
12. Кабинетъ Ѳ. М. Достоевскаго въ его Старорусскомъ домѣ.
13. Корректура ром. „Братья Карамазовы“, просмотрѣнная Ѳ. М. Достоевскимъ.

2 февр.

912

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО,

СОСТОЯЩЕЕ ИЗЪ ЧЕТЫРНАДЦАТИ ТОМОВЪ.

Содержаніе ихъ слѣдующее:

ПЕРВЫЙ ТОМЪ: Біографическій очеркъ о Ѳ. М. Достоевскомъ, составленный проф. *С. Н. Булаковымъ*.— Повѣсти и разсказы.— Приложенія (13), заключающія въ себѣ портреты, автографы, виды мѣстностей, зданій и пр., съ которыми соединены воспоминанія о Ѳ. М. Достоевскомъ, и пр.,—приложенія, никогда не появлявшіяся въ продажѣ.

ВТОРОЙ ТОМЪ: Повѣсти и Разсказы.

ТРЕТІЙ ТОМЪ: Повѣсти и Разсказы.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ: «Записки изъ Мертваго Дома».

ПЯТЫЙ ТОМЪ: ром. «Униженные и Оскорбленные».—«Вѣчный Мужъ». Разсказъ.

ШЕСТОЙ ТОМЪ: ром. «Преступленіе и Наказаніе».

СЕДЬМОЙ ТОМЪ: ром. «Идіотъ».

ВОСЬМОЙ ТОМЪ: ром. «Бѣсы».—Матеріалы къ ром. «Бѣсы» (изъ «Записныхъ книжекъ» Ѳ. М. Достоевскаго), доселѣ нигдѣ не напечатанные.

ДЕВЯТЫЙ ТОМЪ: ром. «Подростокъ».

ДЕСЯТЫЙ ТОМЪ: «Дневникъ Писателя» за 1873 г. — Критическія статьи.—Политическія статьи.

ОДИНАДЦАТЫЙ ТОМЪ: «Дневникъ Писателя» за 1876 г.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ТОМЪ: «Дневникъ Писателя» за 1877, 1880—81 гг.

ТРИНАДЦАТЫЙ ТОМЪ: ром. «Братья Карамазовы». Томъ I.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ТОМЪ: ром. «Братья Карамазовы». Томъ II.

Цѣна за всѣ **четырнадцать** томовъ — **двадцать пять рублей**, съ пересылкою **30** рублей.

Въ настоящее время вышло въ свѣтъ всѣ **четырнадцать** томовъ.

Подписка принимается у издательницы, А. Г. Достоевской, Спб., Спасская, д. 1.

Лица, желающія подписаться на это изданіе, могутъ пользоваться разсрочкою и платить при подпискѣ **пять** руб., и по **два** рубля ежемѣсячно до-выплаты всей суммы.

Гг. иногородные, выписывающіе непосредственно отъ издательницы, пользуются **безплатною** пересылкою.

37831/1